

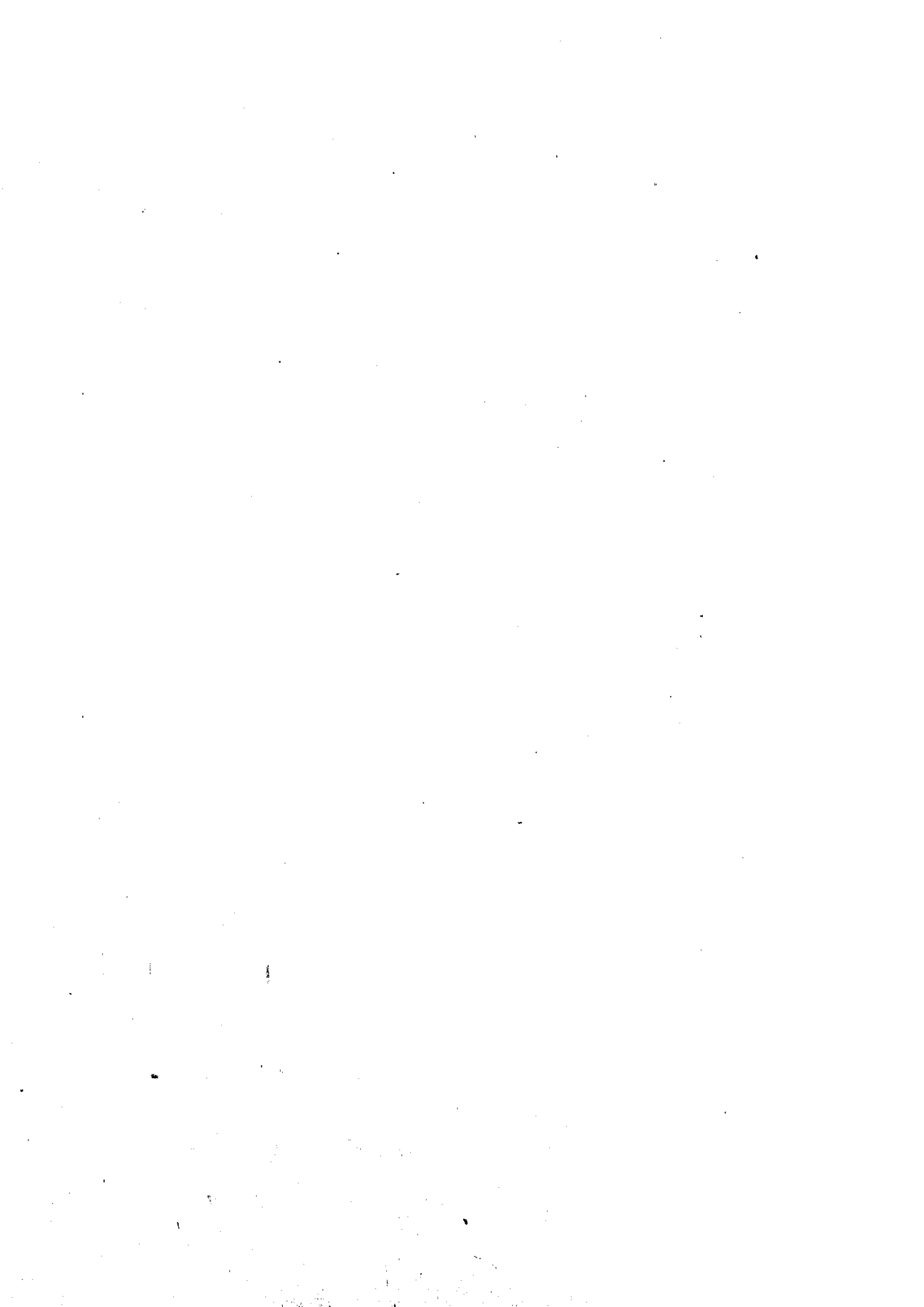
Исторический ЖУРНАЛ

1053

ИЗД
Издательство „Правда“
1941

EP_1941_OFO_248

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

11-й год издания

№ 1

Январь 1941 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Задачи журнала в области пропаганды исторических знаний

Сейчас уже нельзя говорить о советской историографии без учета решающего влияния, которое оказывает на нее сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», его раздел «О диалектическом и историческом материализме». «Краткий курс» является неисчерпаемым источником марксистско-ленинской теории и методологии в области исторических знаний. Эта сталинская энциклопедия марксизма-ленинизма озаряет светом науки тьму прошлого, научно разъясняет настоящее и поднимает завесу над грядущим, которое всесторонне образованный ленинец-сталинец, человек большой советской культуры, должен уметь предвидеть и может предвидеть наверняка.

История как наука создана великими основоположниками марксизма-ленинизма — Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Решающую роль в развитии истории как науки сыграли и играют классические работы Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. Вслед за ними «Краткий курс» явился двигателем марксистско-ленинского, научного изучения истории партии, явился знаменательной вехой в развитии советской исторической науки вообще.

Великие творцы научного коммунизма создали его теоретический фундамент — диалектический и исторический материализм. Они разработали основы диалектического материализма как подхода, как метода изучения и познания явлений природы. Они распространили положения диалектического материализма на изучение общественной жизни, создав исторический материализм, или материалистическое понимание истории, то есть учение о законах развития человеческого общества. Они применили положения материалистической диалектики к отдельным явлениям жизни общества, к изучению общества в целом, к изучению истории общества.

Они распространили положения марксистского философского материализма на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, на историческую науку.

В чем заключаются основные положения марксистского философского материализма в приложении к законам общественной жизни?

Органическая взаимная связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют собой закономерности развития природы. Очевидно, что закономерностями развития общества являются также взаимная связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни.

Эти исторические закономерности делают понятным тот факт, что историю общества нельзя рассматривать как нагромождение «случайностей». Изучение истории общества, учит марксизм-ленинизм, «превращается в науку».

Марксистский философский материализм учит, что мир познаваем, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи еще не познанные, что наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение об'ективной истины.

Какой же следует отсюда вывод в отношении истории человеческого общества? Вывод, очевидно, может быть сделан только единственный: познаваем не только мир природы. Общественная жизнь, развитие общества также познаваемы. Достоверные знания, имеющие значение об'ективных истин, мы можем иметь не только о законах развития природы, но также и о законах развития общества.

Отсюда тот непреложный вывод, что «...наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения».

Благодаря великому учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина становится ясным, что в истории человечества никакого скопления «случайностей», никакой мистики, никакого хаоса, никакого бессмысленного нагромождения фактов нет и быть не может. История есть органическая взаимосвязь, взаимообусловленность явлений общественной жизни, подчиняющихся определенным, познаваемым законам, имеющим значение об'ективных истин.

Как далеки от этих непреложных научных представлений о закономерностях исторического процесса те многочисленные измышления идеалистов, субъективных социологов, которые изображали ход истории человечества как результат добрых пожеланий «выдающихся лиц» или как итог воздействия требований «разума», «всеобщей морали» и т. п.! Народники вроде «социолога» Н. Кареева утверждали, например, что «для исторической науки достаточно законов психологических и социологических и нет надобности прибегать к открытию специально-исторических законов». «Вообще, — писал в «Вопросах философии истории» Кареев, — не может быть исторических законов как таковых».

А между тем без исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие истории как науки. Только подлинно научный, марксистский подход избавляет исследователя от представления об историческом процессе как о хаосе «случайностей» и гряде нелепых ошибок.

Мировоззрение пролетариата — марксизм-ленинизм — находит и определяет несомненно точные, безусловно научные, исторически обусловленные законы развития человеческого общества.

Идеологи буржуазии, ее историки ставили и ставят своей задачей — доказать «извечность» существования капитализма, «неизменность» пребывания строя эксплуатации, «божественность» института частной собственности.

Исторический же материализм учит, что человеческое общество, проходя революционную смену ряда общественно-экономических формаций, развивается от низшей стадии к высшей, а утверждение, будто «золотой век» человечества лежит где-то позади, в отдаленнейшем, доисторическом прошлом, считает глупой побасенкой. В действительности же, учит марксизм-ленинизм, «золотой век» — коммунизм — впереди. Надо знать глубоко и всесторонне прошлое человечества, его историю, чтобы понять закономерность смен общественных формаций, соответствующих определенным типам производительных сил и производственных отношений.

Как в свое время феодализм уступил после ряда революционных взрывов свое место капиталистическому обществу, так капитализм должен уступить свое место социализму. Социализм из мечты о лучшем будущем, из социалистической утопии превратился в науку. Неизбежность социализма научно доказана. Социализм победил на одной шестой части земного шара. Только основательно, научно зная прошлое человечества, можно правильно понимать настоящее. «Мы хорошо знаем, — говорил В. М. Молотов в своем докладе о XXII годовщине Великой Октябрьской социалисти-

ческой революции 6 ноября 1939 года, — что настоящий прогресс, который возможен только на базе социализма, должен опираться на всю историю народов и на все их достижения в прошлых веках...»

Вот почему основоположники марксизма-ленинизма неизменно боролись за подлинную историческую науку. Вот почему Центральный Комитет партии и лично товарищ Сталин систематически и настойчиво раз'ясняют необходимость подлинно научного исторического образования, широкой пропаганды точных исторических знаний, марксистского отношения к исторической науке вообще, к истории большевистской партии, как к одной из важнейших дисциплин исторической науки, в особенности.

На протяжении ряда лет, вплоть до выхода «Краткого курса истории ВКП(б)», Центральный Комитет партии, лично товарищ Сталин раз'ясняли те требования, которые должны быть предъявлены к историческому образованию, к учебникам гражданской истории, к преподаванию истории.

Созданием «Краткого курса истории ВКП(б)» товарищ Сталин обеспечил единство партийных установок по всем вопросам истории большевизма. «Краткий курс» наглядно продемонстрировал, что марксистско-ленинская теория «...есть наука о развитии общества, наука о рабочем движении, наука о пролетарской революции, наука о строительстве коммунистического общества».

Марксистско-ленинская теория раскрывает законы развития общества, учит применять эти законы к руководству революционной деятельностью пролетариата, учит, как отдельные, устаревшие положения и выводы следует в новых исторических условиях заменять новыми выводами и положениями, неизменно базируясь на гранитном фундаменте марксизма-ленинизма и исходя неуклонно из того положения, что великое революционное учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина есть не догма, а руководство к действию.

«Краткий курс истории ВКП(б)» является образцом для всех деятелей исторического фронта и определяет дальнейшие судьбы исторической науки в Советской стране.

Тот, кто занимается вопросами исторической науки, пишет исследования и монографии, prepares курсы или учебники, готовит лекции или пишет статьи по вопросам истории, тот, кто редактирует исторические журналы или сборники исторических работ, должен исходить из идей и методологии «Краткого курса».

Решающее значение для историков имеет характеристика основных типов производственных отношений, которая дана товарищем Сталиным во втором разделе IV главы «Краткого курса». Основные черты марксистского диалектического метода, его особенности учат историков, как надо всесторонне, во всем многообразии, во всей многоцветности уметь видеть исторические явления, учитывая условия, место и время.

Замечательным образцом диалектического анализа исторических явлений и глубокого исторического подхода к ним является сталинское указание в «Кратком курсе» на относительный характер каждого исторического явления: «Рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость. Рабовладельческий строй в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем».

Историк, если он хочет быть подлинным историком, должен, исходя из идей и методологии «Краткого курса», заниматься историей развития общества как историей изменяющихся и развивающихся производительных сил и сменяющих друг друга производственных отношений людей, историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов: «...первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества». Историк должен помнить замечательное по ясности и глубине указание «Краткого курса» о том, что в СССР «...производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства».

В 1890 году Энгельс в одном из писем к Конраду Шмидту об историческом материализме указывал на необходимость «...исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения». Энгельс негодовал на тех, кто не дает себе труда «изучать экономику, экономическую историю, историю торговли, промышленности, земледелия, общественных форм».

Вместе с изучением экономики общества данной эпохи историк, если он не хочет быть вульгаризатором, упрощенцем типа историков «школь» Покровского, должен дать простор в своем исследовании также и изучению истории идей этой эпохи. Историк должен помнить при этом, что новые общественные идеи возникают лишь вследствие развития материальной жизни общества, появления и постановки перед обществом новых задач. А возникают эти общественные идеи только потому, что их организующая, мобилизующая и преобразующая сила нужна для разрешения новых задач — задач свержения отживающих, тормозящих развитие материальной жизни общества сил. Понятно, что задачей историка является изучение не только периода возникновения новых идей, но и периода упадка идей, когда они становятся тормозом дальнейшего развития общества, становятся реакционной силой.

* * *

Глубина мыслей «Краткого курса истории ВКП(б)», неисчерпаемое богатство его идей сказались плодотворнейшим образом на историческом фронте, на пропаганде исторических знаний. Под творческим воздействием сталинской книги по истории большевизма и постановления Центрального Комитета партии «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» широко развернулась и подвинулась вперед работа на историческом фронте.

Работники исторического фронта приняли созданный творческим гением товарища Сталина «Краткий курс» как программу и метод для своей работы. Из него они черпают указания о том, как надо теоретические положения обосновывать, иллюстрировать конкретными историческими фактами, как надо факты демонстрировать в свете идей. Работники исторического фронта под воздействием «Краткого курса» значительно расширили тематику своих работ, обращаясь не только к далеким историческим временам, но и к животрепещущим вопросам послевоенного, послеоктябрьского периода. «Краткий курс» учит историков строгой архитектонике изложения исторического материала и творческому применению марксистско-ленинской теории при изучении конкретных явлений истории.

Громадна работа, проделанная по пропаганде исторических фактов и идей, данных в самом «Кратком курсе». Менее чем за 2 последних года было опубликовано 6 тысяч статей и 425 книг, посвященных вопросам «Краткого курса истории ВКП(б)». Одной только работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» и вопросам, ею вызванным, за этот же период посвящено около 700 статей и 70 книг.

Как известно, до появления «Краткого курса» ни начальная, ни средняя, ни высшая школы никакого другого учебника, кроме «Краткого курса истории СССР» под редакцией проф. А. В. Шестакова, не имели. В этой области, то есть в области преподавания гражданской истории, было еще больше отсебятины, хаоса, упрощенчества и вульгаризации чем в старых учебниках по истории партии.

Для серьезного сдвига в этой области потребовалась предварительная научно-исследовательская работа, был проведен ряд дискуссий по ряду возникших вопросов как всеобщей истории, так и истории СССР.

Прежде всего возникла крайняя необходимость пересмотра принятой до того исторической периодизации как в области всеобщей истории, так и в области истории СССР. Для этой работы исключительно богатый материал дает работа товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

Вопрос о роли идей вообще, о прогрессивности, например, в известной конкретной исторической обстановке христианства, магометанства, буддизма вызвал среди историков оживленные дискуссии. Здесь, как и в ряде дискуссий по другим вопросам, приходилось преодолевать инерцию «школы» Покровского, толковавшей о событиях прошлого с точки зрения сегодняшнего дня, а не тех условий, в обстановке которых происходили эти события.

При разработке вопросов истории СССР возник ряд новых проблем. Как один из актуальных вопросов выдвинулся вопрос о западном и южном славянстве. Славяноведение стало большой, чрезвычайной важности проблемой, для изучения которой создан специальный институт.

В связи с указаниями «Краткого курса» о смене на территории СССР четырех общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной и капиталистической — возникла дискуссия о том, существовала ли рабовладельческая формация по всей территории СССР. В результате этой дискуссии совершенно точно определилось, что рабовладельческого строя как социально-экономической формации на всей территории СССР не было, но что в отдельные периоды в отдельных районах, особенно на юге территории, занимаемой ныне СССР, были рабовладельческие общества. Не было рабовладельческой формации в Киевской Руси и у других славян, населявших нынешнюю территорию СССР.

Много споров возникло по вопросу о характере войны 1813 года, Крымской кампании и других подобных войн. Справедливые они были или несправедливые? Некоторые историки пытались утверждать, что эти войны, диктовавшиеся явно захватническими интересами, были такими же справедливыми, как народная война в XVII веке против поляков, как отечественная война 1812 года, или как, например, войны русских под руководством князя Александра Невского против иноземных завоевателей в 1240 и 1242 годах, или как война русского народа против нашествия татар.

Дискуссию вызвал также и вопрос об отношении к разделам Польши в конце XVIII столетия. Очевидно, что разделы Польши произведены были в интересах господствующих классов Австрии, Пруссии и России, а не народных масс этих стран.

Обсуждение этих и многих других вопросов способствовало выяснению ряда проблем и лучшему, более правильному их разрешению в готовившихся разными коллективами к изданию учебниках.

Прежде всего следует отметить начатую за эти два года Институтом истории Академии наук подготовку многотомных, капитальных изданий: «Всемирной истории» в 26 томах, «Истории СССР» в 12 томах и «Истории общественной мысли» в 5 томах, — нужда в которых давно назрела и создание которых является большим торжеством исторической науки в нашей стране.

Кроме этих капитальных изданий готовится издание III тома новой истории («Новейшая история»), четырехтомной «Истории Москвы», которая будет готова к 1947 году — к 800-летию нашей столицы.

Реальные результаты настойчивой творческой работы ряда видных наших историков сказались в выходе в этом году ряда учебников истории для средней школы и высших учебных заведений.

Эти учебники имеют большое педагогическое и научное значение. Трудно переоценить эти достижения нашего исторического фронта, особенно учитывая, как велики были недочеты в деле постановки исторического образования в средних и высших школах.

Коллективы историков, работающие над учебниками, вооружены надежнейшим образом: в их распоряжении постановления ЦК партии и правительства о преподавании гражданской истории, письмо товарища Сталина в редакцию «Пролетарской революции», письмо товарища Сталина составителям учебника истории партии, постановление Жюри Правительственной комиссии, утвердившей «Краткий курс истории СССР» под редакцией проф. А. В. Шестакова, замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников истории СССР и новой истории. Важней-

шим идейным, научно-историческим ориентиром в их работе, величайшим образцом является сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)».

Учебники, которые получает наша страна, кардинально отличаются от всех тех учебников, которые время от времени появлялись как проекты, но из-за своей непригодности так и не увидели света.

Новыми учебниками для средней школы являются:

Учебник истории древнего мира для 5-го и 6-го классов средней школы, под редакцией проф. А. В. Мишулина;

Учебник истории средних веков, под редакцией проф. Е. А. Косминского, для 6-го и 7-го классов средней школы;

Учебник новой истории, составленный проф. А. В. Ефимовым, для 8-го класса;

Учебник истории СССР для старших классов средних учебных заведений, под редакцией проф. А. М. Панкратовой.

Кроме того готовятся к печати учебник новой истории для 9-го класса и учебник новейшей истории для 10-го класса.

Новыми учебниками для вузов являются:

Учебник новой истории колониальных и зависимых стран для вузов, под редакцией С. Н. Ростовского, И. М. Рейснера, Г. С. Карамурза и др. Это совершенно новый учебник, какого никогда и нигде раньше не бывало;

История СССР для исторических факультетов вузов и педагогических институтов. Том I (размером около 800 страниц), под редакцией проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова и члена-корреспондента Академии наук СССР С. В. Бахрушина, охватывает период с древнейших времен до конца XVIII века; том II (таких же размеров), под редакцией проф. В. М. Нечкиной, трактует о России в XIX веке.

Этот научный труд, как и все другие учебники, представляет собой как бы итог тех значительных достижений, которыми вправе гордиться советская историография, продвинувшаяся за последние годы вперед благодаря преодолению на основе указаний ЦК партии и лично товарища Сталина антимарксистской, ликвидаторской «школы» Покровского.

Кроме этого труда Институт истории Академии наук закончил работу над I томом истории древней Греции, над двумя томами истории средних веков, над двумя томами новой истории.

Все это учебники нового типа. Над ними напряженно работали коллективы историков-марксистов. В этих учебниках много материала по истории культуры. В учебнике древней истории впервые сказано об античной философии вообще, о материалистической в особенности. В учебнике древней истории, как и в учебнике средней истории, рассказывается о таких странах, о которых в старых учебниках ничего не говорилось: в учебнике древней истории — об Индии и Китае, в учебнике средней истории — об Индии, Корее, Японии, Америке и пр. В «Истории СССР» дана не только история великороссов, но и история других народов СССР. Показана взаимосвязь истории народов СССР, влияние событий всеобщей истории на историю народов СССР и наоборот. Все эти учебники имеют огромное политико-воспитательное значение для нашей интеллигенции, расширяя ее кругозор, подымая ее общие исторические знания.

Но эти учебники истории, являясь серьезным свидетельством усиления и активизации исторического фронта, вместе с тем еще не свободны от ряда недостатков. Основным недостатком ряда этих работ является то, что авторы делают изложение исторического процесса развития производительных сил и производственных отношений людей порой не основой всего изложения, а дают его в приложении. Не уделяется до сих пор все необходимое внимание истории и роли общественных идей. История великорусского народа дается все еще в значительной мере оторванно от истории других, особенно малых, народов СССР. История нашей страны все еще не достаточно увязана с всеобщей историей.

Но несмотря на отдельные недостатки успехи на этом важнейшем участке исторического фронта ярко свидетельствуют о том творческом толчке, который наша историческая наука получила для своего дальнейшего развития с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)».

Созданием учебников не ограничивается творческая работа наших историков. Как ни трудоемка работа по составлению учебников, она занимает сравнительно небольшой круг работников исторического фронта. Одновременно и в столицах республик и в других местах Союза идет громадная научно-исследовательская работа в области гражданской истории, истории партии. И в Москве и на местах, особенно там, где имеются исторические учреждения, создаются отдельные исторические монографии, готовятся и защищаются публично диссертации на ученые звания докторов и кандидатов исторических наук. Развернулась подготовка первых марксистских изданий по истории отдельных народов СССР: «Истории армянского народа» (5 томов), «Истории казахского народа», серии «Очерков по истории Украины», «Истории Грузии», «Истории туркмен и Туркмении» и т. д.

Из крупных научно-исследовательских монографических работ особо выделяются работы академика Б. Д. Грекова «Киевская Русь», А. Брюсова «История древней Карелии», академика Е. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год», академика В. Волгина «Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789)», С. Юшкова «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси».

Серьезное значение имеет издание на правах рукописи лекций, прочитанных виднейшими историками в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б): тт. Ярославским — по истории ВКП(б), Базилевичем, Бурджаловым, Минцем — по истории СССР, Мишулиным — по истории древнего мира и т. д.

Идет значительная работа по изданию «Библиотеки внешней политики», в которой будет дан ряд мемуаров русских и иностранных дипломатов и трудов по истории дипломатии. Происходит серьезная перестройка наших исторических музеев на основе сталинской периодизации истории и пополнение их все новыми документами. Создана в Москве богатейшая по своим книжным фондам и по их значению Государственная публичная историческая библиотека.

Зажигают интенсивной жизнью исторические факультеты университетов и институтов. Повышается идейно-научный уровень лекций, готовятся диссертации на исторические темы.

Усиленно работают кафедры марксизма-ленинизма. Тематика диссертаций на степени доктора и кандидата исторических наук одних только преподавателей кафедр марксизма-ленинизма, опубликованная в 1940 году Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР, представляет внушительный список в несколько сот тем по всем разделам «Краткого курса истории ВКП(б)». Темы диссертаций по философии в связи с работой товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» составляют также список в несколько сот названий. Многие диссертанты работают над материалом, связанным с историей местных большевистских организаций.

Однако в этой работе нет еще необходимой планомерности и контроля. Темы диссертаций выбираются нередко без соответствия с научными интересами диссертантов. Это приводит к тому, что на одну и ту же тему пишут многие, тогда как другие темы остаются неизученными.

ЦК партии два года тому назад указал работникам теоретического фронта на их теоретическую слабость, на их боязнь смело ставить актуальные, творческие вопросы, на недостаток теоретического обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства.

Однако, требование ЦК партии быстро выправить это нетерпимое отставание теоретического фронта выполняется все еще медленно и недостаточно. До сих пор не покончено с боязнью смело ставить теоретические вопросы, не покончено с оплошностью и вульгаризацией отдельных положений марксизма-ленинизма. Требование «Краткого курса», чтобы работники теоретического фронта, в том числе и исторического, умели обогащать теорию новыми положениями и выводами, развивая и двигая ее вперед, выполняется далеко не удовлетворительно. Отсутствует еще настоя-

ский, всесторонний, творческий подход к вопросам теории. Мало еще на историческом фронте большевистского новаторства. Особо следует отметить, что тематике послеоктябрьского периода, периода социалистического строительства, отводится до сих пор сравнительно меньше места чем дооктябрьской тематике. Так например из всей указанной выше массы статей и книг, появившихся после выхода «Краткого курса», по IX главе написано всего 98 работ, по X главе — 41 работа, по XI — 55 работ. Из 440 диссертантов по истории ВКП(б) только 153 работника кафедр марксизма-ленинизма пишут на послеоктябрьские темы. Такое положение совершенно нетерпимо.

Одним из крупнейших недостатков теоретической, научно-популярной работы в области истории является отрыв в ряде случаев пропаганды исторических знаний от практики социалистического строительства, от живучих актуальных задач политико-воспитательной работы, стоящих перед Советской страной.

Вместе с тем необходимо отметить слабость исторической критики, которая не помогает своевременно вскрывать ошибки и недостатки вышедших работ по истории. Нет до сих пор строго очерченного плана научной разработки вопросов исторической науки. Чрезвычайно важная работа по публикации архивных материалов недостаточно развернута. Полезная работа, которую делал в свое время Центрархив, почти заглохла (за исключением работы журнала «Красный архив»).

* * *

Общее положение на историческом фронте нашло свое отражение и в работе «Исторического журнала».

Работая после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» и постановления ЦК партии от 14 ноября 1938 года над планом пропаганды исторических знаний в журнале, редакция на первое место выдвинула специальный раздел статей, посвященных работам классиков марксизма-ленинизма и вопросам собственно истории ВКП(б).

Работам классиков марксизма-ленинизма за 2 года было посвящено 16 статей. Статей по истории партии и по связанным с ней вопросам истории СССР за этот период было дано 69, в среднем около 3 статей в каждом номере журнала. Но большинство статей посвящено дооктябрьскому периоду, а из послеоктябрьского периода — преимущественно гражданской войне. Крайне недостаточно число статей по истории социалистического строительства.

Статьи о работах классиков марксизма-ленинизма журнал будет помещать и в 1941 году и при этом будет добиваться неуклонного повышения их качества. Раскрывая содержание того или иного труда наших великих учителей, «Исторический журнал» будет стремиться воспроизвести историческую обстановку и непосредственные обстоятельства возникновения этого труда, показать исторические судьбы его идей, их проверку на богатом опыте последующей истории, а также их воздействие на последующее историческое развитие.

План статей по истории ВКП(б) предусматривает значительное усиление тематике послеоктябрьского периода. Особое внимание будет уделено в этом отделе, как и во всех других отделах, вопросам пропаганды идей советского патриотизма и пролетарского интернационализма, высокой производительности и дисциплины труда.

Серьезным недостатком в прошлой работе журнала было отсутствие специальных статей по вопросам исторического материализма. В текущем году редакция старается осветить на конкретном историческом материале роль производительных сил в развитии общества, роль личности в истории, происхождение государства, первую и вторую фазы развития советского государства и пр.

Вопросам истории СССР «Исторический журнал» посвятил за 2 года свыше 100 статей, в среднем по 4 статьи в каждом номере журнала. Тематика статей и их разработка исходили из отсутствия в тот период учебников. Редакция, чтобы прийти на помощь учителю истории, преподавателю в вузе, пропагандисту, давала статьи, заменявшие в известной мере отсутствовавшие учебники. Одновременно «Исторический журнал» дал ряд оригинальных научно-исследовательских статей, как напри-

мер «Буликово поле» Е. Луцкого, «Когда и как произошло прикрепление крестьян к земле в Московской Руси» Ю. Пажитнова, «Мазепа и Меншиков» профессора Г. Георгиевского, «Легенда и правда о «Гульском инциденте» 1904 года» А. Могиловича и М. Айрапетяна, «Спорные вопросы периодизации древней истории народов СССР» академика Б. Грекова, «Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 году» В. Афанасьева, «Декабристы и крестьянский вопрос» В. Соколова, «Когда в России стали известны Маркс и Энгельс и идеи марксизма» В. Шульгина и ряд статей по истории Западной Украины, Западной Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии.

При составлении плана статей по истории СССР на 1941 год редакция, исходя из необходимости еще больше чем раньше освещать историю СССР в тесной связи с мировой историей, а историю отдельных народов СССР — в тесной связи с историей СССР в целом, решила усилить разработку вопросов внешней политики царской России и СССР, истории дипломатии, истории общественных движений, истории культуры, историографии.

Стремясь к тому, чтобы не дублировать материал новых учебников, а дополнять и углублять их, редакция наряду со статьями по важнейшим, узловым проблемам истории наметила ряд статей по вопросам, которые меньше освещены в нашей исторической литературе и едва задеты в новых учебных пособиях.

Новой истории «Исторический журнал» за истекшие 2 года посвятил 52 статьи, то есть в среднем по 2 статьи в каждом номере. В плане статей по новой истории на 1941 год редакция также предусмотрела обеспечение должного удельного веса послеоктябрьскому периоду, то есть третьему периоду новой истории. Среди них статьи по истории революционного движения, по истории международных отношений, по истории войн, по истории мировой культуры. Ряд статей будет посвящен вопросам историографии.

Вопросам средней и древней истории было посвящено 27 статей, в среднем по одной статье в номере. В плане нынешнего года намечен ряд статей по вопросам возникновения и образования древних и средневековых государств, по истории классовой борьбы в древности и в средние века, по истории международных отношений в эти периоды истории, по истории культуры древних и средневековых народов и пр.

Из вопросов, недостаточно разработанных или совершенно отсутствующих в общих курсах и пособиях, намечены проблемы историографии и источниковедения, а также данные о новейших археологических открытиях и их результатах, история закавказских рабовладельческих государств, среднеазиатских эллинистических образований, а также древняя и средневековая история Индии и Китая.

Одним из важнейших отделов в «Историческом журнале» является «История в школе». Центральной задачей этого отдела на 1941 год является помощь преподавателям истории в их работе с новыми учебниками; тематика статей разработана при участии опытных московских преподавателей истории.

Осуществляя намеченный план пропаганды исторических знаний, редакция будет добиваться устранения тех недостатков, которые имели место в истекшие два года в работе журнала: «Исторический журнал» далеко еще не достаточно перестроил свою работу в сторону систематической постановки актуальных теоретических вопросов, обобщения опыта социалистического строительства, обслуживания теоретических запросов наших кадров, разработки новых теоретических проблем и творческой дискуссии по вопросам истории.

«Исторический журнал», будучи научно-популярным органом пропаганды исторических знаний, обязан быть на уровне достижений исторической науки. «...популярная литература только та хороша, только та и годится, — писал Ленин, — которая служит десятилетия». Чтобы статьи журнала были на высочайшем идейно-теоретическом уровне, редакция будет добиваться того, чтобы исторические факты освещались марксистско-ленинской теорией, чтобы вопросы теории базировались на конкретных исторических фактах. Прямой своей обязанностью журнал считает постановку новых, актуальных вопросов, популяризацию среди своих чита-

телей всех новых достижений исторической науки и показ образцов марксистско-ленинской разработки исторических проблем, пропаганды исторических знаний.

Редакция уделит необходимое внимание ответам на вопросы читателей (консультациям), помещению на страницах журнала стенограмм лучших лекций.

Та работа, которая проделана журналом в области критики и библиографии исторической литературы, является далеко не достаточной. Читатель хочет знать, какая историческая литература выходит из печати, он требует, чтобы ему помогли в выборе наиболее важных сочинений в этой области, он желает знать, что наиболее интересного печатается в других исторических журналах, читатель хочет получить помощь в деле расширения своего кругозора.

Нельзя недооценивать величайшего значения критики и библиографии исторической литературы. Центральный Комитет партии не раз подчеркивал роль критики и библиографии как серьезного орудия пропаганды и коммунистического воспитания, их громадное значение в деле повышения политического и культурно-технического уровня широких масс.

Критико-библиографическая работа журнала должна быть органически связана со всей пропагандой исторических знаний.

«Исторический журнал», выполняя указания нашей партии в этой области, стремится в 1941 году значительно шире ставить свой критико-библиографический отдел, более многосторонне подходить к важнейшему делу критики и библиографии исторической литературы.

Журнал будет давать развернутые статьи и рецензии на наиболее актуальные книги по общим историческим вопросам, сопровождать статьи, публикуемые в журнале, указаниями соответствующей литературы, оказывать помощь читателю рекомендательными списками литературы, систематически сообщать о новинках исторической литературы, а также помещать обзоры отдельных исторических журналов и тематические обзоры литературы по разным вопросам исторических знаний.

Более тесная связь с историческими учреждениями и с работниками исторического фронта даст возможность журналу держать читателей в курсе всех наиболее важных явлений на фронте исторической науки.

* * *

Древнее латинское изречение гласит: «Habent sua fata libelli» («Книжки имеют свою судьбу»). Знаменательна судьба за истекшие два года сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» — этой вершины марксизма-ленинизма. Небывало широко его распространение по всему миру, небывало глубоко его могучее, благотворное влияние на массы трудового человечества.

Изучение сталинского «Краткого курса», овладение историческими знаниями, знаниями законов исторического развития человечества, повышают идейный уровень советского народа, укрепляют его уверенность в окончательной победе великого дела партии Ленина — Сталина.

Сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», постановление ЦК партии о партийной пропаганде, в котором сформулированы сталинские указания, мобилизуют творческие силы работников исторического фронта на поднятие исторической науки и пропаганды исторических знаний в нашей стране на уровень великих задач великой сталинской эпохи.

В. И. Ленин и первая московская марксистская организация 1893—1895 годов

(По личным воспоминаниям)

Первый раз я встретился с В. И. Лениным в августе 1893 года в Нижнем Новгороде (ныне город Горький). Произошло это при следующих обстоятельствах. Я был тогда студентом-медиком 5-го курса Московского университета и работал летом на эпидемии холеры на Сормовском заводе, близ Нижнего Новгорода. Я был уже тогда марксистом и встречался с нижегородскими марксистами П. Н. Скворцовым и М. Г. Григорьевым, участниками первого марксистского кружка в Казани, называвшегося Федосеевским, по имени самого выдающегося его члена Н. Е. Федосеева.

В одну из своих поездок из Сормова в Нижний я зашел к Скворцову и застал у него незнакомого человека, оживленно беседовавшего с ним и с Григорьевым. Познакомившись, я узнал, что это Владимир Ильич Ульянов. В Нижний он заехал по пути из Самары в Петербург, где он решил обосноваться; заехал он сюда, чтобы познакомиться со Скворцовым, которого он знал по его статьям в «Юридическом вестнике», первым русским легальным марксистским статьям по экономике России. Решил он заехать после Нижнего еще во Владимир, чтобы повидаться с Федосеевым, которого, по его сведениям, должны были выпустить из тюрьмы на поруки. Но Владимиру Ильичу тогда не пришлось повидаться с Федосеевым, так как освобождение его из тюрьмы задержалось на некоторое время.

Зашел разговор о Федосееве. Скворцов и Григорьев, которые его хорошо знали, говорили, что это замечательный человек, подающий большие надежды, много работающий. Потом беседа наша с Ильичем перешла на другие вопросы: мы рассказали ему о наших связях среди интеллигентской молодежи, о начинающейся работе среди рабочих в Москве и Нижнем. Помню, что Ильич особенно подчеркивал необходимость создания прочной организации, установления связей между городами.

Владимир Ильич дал мне московский адрес своей сестры Анны Ильиничны, на квартире которой он собирался встречаться, наезжая из Петербурга, с московскими марксистами. Говорили также о перспективах развития капитализма в России, о крестьянстве, о борьбе с народниками, о рабочем движении на Западе.

У нас во время беседы было приподнятое настроение: марксистов было тогда еще мало в России, мы были единицами, но мы сознавали, что великое учение Маркса дает нам ключ к разрешению «проклятых вопросов» и что будущее принадлежит нам.

Так беседовали мы с Ильичем несколько часов, пока не пришло время ему ехать на вокзал.

В молодом Ленине чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина суждений. Интересно отметить, что уже тогда в нем виден был будущий организатор нашей партии: он уделял огромное внимание собранию всех наличных революционно-марксистских сил, установлению связей между марксистами, разбросанными в разных городах.

В начале сентября я приехал в Москву и первым делом пошел по адресу, данному мне Ильичем, — знакомиться с Анной Ильиничной и ее мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым, служившим в управлении Курской железной дороги. Жили они тогда, помнится, в Яковлевском переулке, близ Курского вокзала. У них жили еще брат Владимира Ильича, Дмитрий Ильич, тогда студент 1-го курса медицинского факультета, и младшая сестра, Мария Ильинична, гимназистка 5-го или 6-го класса. Я сразу сблизился с этой милой семьей и с тех пор всю жизнь поддерживал с ней дружеские отношения. Они оказывали мне всяческое содействие во время моей работы в Москве и помогли установить некоторые ценные связи. У них я познакомился с железнодорожным служа-

щим Окуличем, который имел знакомства среди рабочих, а через него — с приехавшим из Вильно Е. И. Спonti, который играл потом видную роль в московской марксистской организации. Анна Ильинична принимала активное участие в работе этой организации, она была средоточием всех связей организации: восстанавливала связи после провалов, связывала вновь приезжающих работников между собой и с рабочими. Анна Ильинична переводила также пропагандистские брошюры с немецкого, перевела драму Гауптмана «Ткачи», которая была напечатана на гектографе, популярно изложила книгу Дементьева «Фабрика» и пр. В 1898 году она вошла в состав первого Московского комитета, образовавшегося после I съезда Российской социал-демократической рабочей партии в Минске.

Д. И. Ульянов, тогда юный марксист, принимал участие в студенческих марксистских кружках, а вскоре стал работать и среди рабочих; в ноябре 1897 года он был арестован по делу Московского рабочего союза.

Вскоре после моего знакомства с Анной Ильиничной в Москве образовалась (в конце сентября 1893 года) первая марксистская группа из шести лиц («шестерка») для систематической пропаганды и агитации среди московских рабочих. Я был в составе этой «шестерки». Наша группа все время своей работы поддерживала связь с Владимиром Ильичем.

В конце декабря 1893 года я поехал на рождественские каникулы в Нижний Новгород и возвратился оттуда в Москву 12 января 1894 года.

Здесь шли разговоры о недавней дискуссии между известным литератором В. В., автором «Судьбы капитализма в России», и петербуржцем-марксистом. От А. И. Елизаровой я узнал, что выступавший с огромным успехом против В. В. петербуржец был Владимир Ильич, который теперь проехал в Нижний. Я, таким образом, с ним разминулся и не был на его выступлениях ни в Москве, ни в Нижнем. Мне было очень досадно. Анна Ильинична подробно рассказала мне об этом выступлении Ильича; этот рассказ она потом изложила в своей статье.

«Помню... дебаты, — пишет Анна Ильинична, — принявшие скоро горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, невысокого роста, плотному с лысиной блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде в «красном углу», стал возражать Владимир Ильич.

Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях

в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов, заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово.

Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало смекаться постепенно если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго в ответ солидному народнику слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смущали брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, ступевался.

Диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которых Владимир Ильич переубедил, убедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах»¹.

М. П. Голубева об этом же выступлении вспоминает: «Впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили, как о новой звезде, появившейся на горизонте, — одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой, — что, мол, из этого будет»².

Это выступление отмечено и в летописях охранки, в сообщении начальника Московского охранного отделения Бердяева от 20 января 1894 года о наблюдениях агентов за И. А. Давыдовым, который приезжал на каникулы из Юрьева в Москву:

«Вследствие отношения от 18 прошлого декабря за № 7271 имею честь уведомить департамент полиции, что студент Юрьевского университета Иосиф Давыдов за время проживания в Москве вращался исключительно среди лиц, политически неблагонадежных. Кроме пассивного его участия на чисто студенческом вечере

¹ См. «Пролетарская революция» № 2(14) за 1923 год, стр. 58—59.

² Там же, стр. 60.

12 сего января, агентуре известно, что он с увлечением дебатировал 9 числа сего месяца на конспиративно устроенной сыном коллежского асессора Николаем Ефимовым Кушениским вечеринке в доме Залесской по Воздвиженке. Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту задачу с полным знанием дела...»¹.

После этого выступления Ильич поехал в Нижний и там сделал доклад. Вот как вспоминает Григорьев об этом докладе:

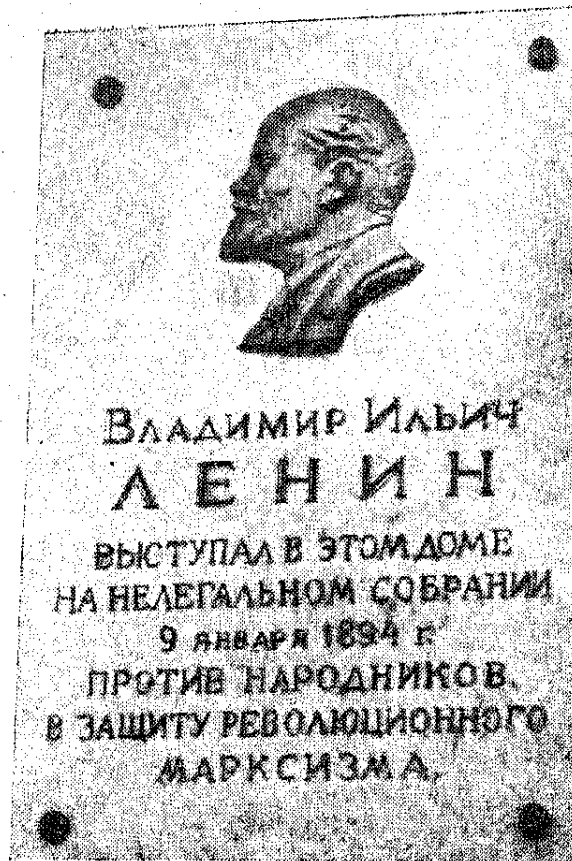
«...местом прочтения В. И. Ульяновым реферата была выбрана небольшая квартира Минодоры Егоровны Якубовской... интерес к реферату В. И. Ульянова был необычайный. Ввиду же тесноты помещения и по конспиративным условиям публики на реферате сравнительно было немного, и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил и П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели громадное впечатление, и никого среди присутствовавших не нашлось смелого для возражений»².

Выступления Ленина в Москве и Нижнем значительно усилили позиции марксистов в этих городах.

По возвращении Ильича из Нижнего в Москву я виделся с ним; мы побывали вместе у А. Н. Винокурова, который тоже входил в руководящую московскую марксистскую группу. Мы рассказали Ильичу о наших московских рабочих кружках, о нашем намерении в ближайшее время перейти к массовой агитации путем выпуска листовок. Он очень внимательно и сочувственно слушал наши сообщения и особенно одобрял наше намерение перейти от кружковой работы к агитации.

Владимир Ильич побыл тогда в Москве недолго. Приезжал он еще раз в эту зиму, помнится, в конце февраля, на маслянице, я виделся с ним, ходили оять к Винокурову, там встретили А. С. Розанова, марксиста, приехавшего из Нижнего.

Летом 1894 года наша организация развила значительную по тому времени работу среди рабочих: были установлены связи на ряде московских фабрик, было выпущено несколько агитационных лист-

Мемориальная доска на стене дома № 13 по улице Коминтерна в Москве.

ков, имевших большой успех среди рабочих, организовано несколько стачек на московских и подмосковных фабриках³.

В период этой напряженной горячей работы я часто встречался с Ильичем. Он проводил лето на даче у Анны Ильиничны, близ станции Люблино, Курской железной дороги, в дачном поселке Кузьминках. Ильич заходил иногда ко мне, бывал и я несколько раз у него на даче у Елизаровых. Мы гуляли с ним по окрестностям, купались в пруду, много беседовали. Он расспрашивал о нашей работе, говорил о вопросах, волновавших тогда русских марксистов. Однажды Владимир Ильич дал мне прочесть свою работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Это была рукопись в толстой тетради, написанная характерным почерком Ильича и представляющая собой исследование о расслоении крестьянства на юге России, о выделении из крестьянской массы, с одной стороны, экономически мощной кулацкой группы, применявшей в своем хозяйстве машины и наемный труд, с другой — разоряющейся маломощной группы крестьян, постепенно пролетаризирующихся. Статью эту Ильич хотел поместить в легальной прессе и передал в редакцию «Русской мысли», экономической частью которой ведал

¹ «Красный архив» № 62 за 1934 год, стр. 76.

² «Пролетарская революция» № 4 (27) за 1924 год, стр. 103.

³ См. об этом подробнее в моей книге «Революционная Москва». Гослитиздат, 1940.

Н. А. Каблуков. Уже после отъезда Ильича из Москвы по его поручению я заходил к Каблукову, чтобы узнать об участи этой статьи. Каблуков вернул ее мне, сказав, что она не будет напечатана, как не подходящая по направлению для их журнала.

Статья осталась у меня и была взята на обыске 3 декабря 1894 года. В 1923 году, т. е. почти через 30 лет, я нашел ее в архиве, в «вещественных доказательствах» по моему делу, и в том же году она была напечатана в сборнике Истпарта «К 25-летию I съезда партии» и вошла в I том Сочинений Ленина¹.

После этой статьи Ильич дал мне для прочтения три части своей большой работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эта работа произвела на меня тогда огромное впечатление.

Надо сказать, что в течение зимы 1893—1894 года в либеральных и либерально-народнических журналах появилось несколько статей против марксизма и русских марксистов. Кампания в печати против марксистов не встречала отповеди со стороны марксистов ни в легальной, ни в нелегальной прессе, да и вообще не было теоретической работы, формулирующей марксистские теоретические взгляды, дающей обоснование основных программных и тактических лозунгов марксистов. Книги Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» были посвящены критике старого народничества (Бакунин, Ткачев, Лавров), идеи которого уже не были тогда актуальны; его эпигоны отказались от идей революционного народничества и распространяли идеи народничества оппортунистически-мещанского. Чувствовалась среди русских марксистов большая нужда в работе, которая дала бы отповедь яростным нападкам критиков-народников, разоблачила бы их мелкобуржуазную сущность, свела бы в единую систему марксистско-философские, экономические и политические идеи применительно к современным российским условиям.

И вот такая работа появилась. Можно сказать, что эта работа была манифестом революционного марксизма в России, первым программным документом большевизма.

По существу, основные программно-теоретические и организационно-тактические вопросы предстоящей в России революции уже поставлены в этой работе Ленина, и здесь же намечено их решение в духе революционного марксизма. В этой книге Ленин завершил разгром народнической идеологии, начатый Плехановым.

И вот в моих руках была рукопись этой

замечательной работы, ответившей в основном на все наиболее важные вопросы того времени. Понятно было мое волнение. Учитывая огромное значение этой работы, я решил, что ее нужно во что бы то ни стало размножить. За это взялись братья А. Н. и В. Н. Масленниковы, студенты Московского высшего технического училища, и их двоюродный брат А. А. Ганшин, студент Петербургского технологического института, с которыми я познакомился через Анну Ильиничну; Ганшина знал и Ильич по петербургской организации. Но работа у них что-то долго не налаживалась. Ильич уехал в конце августа или в начале сентября в Петербург, а у них все еще работа не была окончена. Однажды пришел ко мне Ганшин и сказал, что из Петербурга приезжал от Ильича человек и забрал весь воспроизведенный материал и подлинник статьи Ильича.

Из воспоминаний М. А. Сильвина, принимавшего участие в воспроизведении этой работы в Петербурге, а также и из других источников видно, что первый выпуск был воспроизведен на гектографе не более как в 50 экземплярах в апреле 1894 года; второе издание первого выпуска было повторено той же группой в Петербурге в июне, тоже на гектографе (значит, тоже не более 50 экземпляров). В сентябре группа Сильвина уже оканчивала третье издание первого выпуска. В своих воспоминаниях Сильвин рассказывает, что Владимир Ильич, убедившись в том, что в Москве «то же несовершенство техники, медленность печатания и незначительность выхода... огорченный всем этим... и найдя, что у нас дело подвигается по крайней мере не хуже, сейчас же попросил Малченко отправиться в Москву, взять у Ганшина все, что уже готово, а также и самые рукописи. Ганшин ошибается, говоря, что им были отпечатаны первый и второй выпуски. Им был отпечатан только один первый выпуск»².

Группа Сильвина отпечатала третий выпуск, пометив его сентябрем 1894 года и снабдив для конспирации надписью: «Издан провинциальной группой социал-демократов». Этот выпуск в гектографированном виде в желтой обложке доставил мне Ганшин из Петербурга только в ноябре того же года. Повидимому, дело и было так, как пишет Сильвин, отличающийся точностью своих воспоминаний. Таким образом, первый выпуск был издан в трех изданиях, причем несомненно только два первых, так как они найдены в царских архивах, а третий — в одном издании. Издание в Черниговской губернии, о котором

¹ См. Ленин. Т. I, примечание 1-е.

² «Каторга и ссылка» № 1 за 1934 год, стр. 91

пишет Могилянский («Былое» № 23), вышло в свет (первый выпуск) только в 20 — 25 экземплярах. Издание второго выпуска сомнительно, хотя есть полицейские сведения, что он был выпущен в Москве¹. Во всяком случае, он до сих пор не найден.

Больше достоверных сведений об издании этого сочинения нет. Первое упоминание о нем в литературе сделал я в своей статье в сборнике «Текущий момент» в 1906 году и повторил это упоминание в сборнике «На заре рабочего движения» в Москве в 1919 году. Тогда по моим указаниям начались поиски этой работы, которые увенчались успехом только в 1923 году, когда первый и третий выпуски были найдены в Ленинграде, в Публичной библиотеке, и почти одновременно в Берлине, в социал-демократическом архиве. Тогда же впервые это сочинение вышло в издательстве «Московский рабочий», а затем помещено в I томе Сочинений Ленина².

Так же, как и первая статья Ленина, книга «Что такое «друзья народа»...» задержалась печатанием на 29 лет. Но, во всяком случае, руководящие партийные работники того времени почти все читали это гениальное произведение.

После выхода этой книги Владимир Ильич стал еще более популярным и признанным авторитетом среди марксистов. Молодое русское марксистское направление поняло, что нашло в его лице огромную политическую и теоретическую силу.

Но в памяти людей, которые его знали, Владимир Ильич сохранился не только как великий теоретик и вождь, но и как жизнерадостный, веселый, живой человек. Он умел так внимательно слушать и расспрашивать, что казалось, он хочет до дна исчерпать своего собеседника, а его острые реплики сразу раскрывали по-новому со-

держание беседы. Разговоры с ним доставляли истинное удовольствие и всегда вносили точность и ясность в обсуждаемый вопрос. Когда впоследствии мы встречались с каким-либо новым вопросом теории или практики политической работы, мы всегда живо интересовались, как на это смотрит Ильич, каково его мнение, и всегда оказывалось, что его мысли, его директивы бывали самыми мудрыми, самыми правильными, ведущими партию и пролетариат к неуклонному росту и к конечной победе.

В декабре 1894 г. я был арестован; вместе со мной были арестованы еще два члена нашей «шестерки», А. Н. и П. И. Винокуровы; остались на свободе М. Н. Лядов, Е. И. Спонти и рабочий С. И. Прокофьев. К этому времени в организацию был уже привлечен ряд новых лиц, пропагандистская и агитационная работа продолжала расширяться. На маевке в 1895 году московская организация приняла название «Рабочий союз».

Ильич продолжал поддерживать связь с московской организацией через Спонти и братьев Масленниковых.

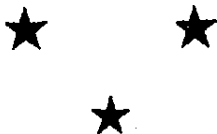
После летних провалов в Москве, когда были арестованы Лядов, братья Масленниковы и многие другие, Ленин старался восстановить свои связи с московской организацией, как это видно из его письма к Аксельроду в Цюрих в ноябре 1895 года: «Был в Москве. Никого не видал, так как об «учителе жизни» (Е. И. Спонти.—Ред.) ни слуху, ни духу. Цел ли он? (он был арестован 12 декабря 1895 г.—С. М.). Если знаете что о нем и имеете адрес, то напишите ему, чтобы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадные погромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал — описание нескольких стачек...»³.

Вскоре после этого письма Ленин был арестован (9 декабря 1895 года).

³ Ленин. Т. XXVIII, стр. 7.

¹ См. донесение петербургского градоначальника от 27 мая 1896 года. «Красный архив» № 62 за 1934 год, стр. 82.

² См. Ленин. Т. I, примечание 3-е.

К 30-летию письма И. В. Сталина В. И. Ленину из сольвычегодской ссылки

1

Письмо И. В. Сталина В. И. Ленину из сольвычегодской ссылки, написанное в конце декабря 1910 года (по новому стилю — в начале января 1911 года), находится в тесной связи с рядом других сталинских документов этого периода и в первую очередь с историческими «Письмами с Кавказа».

Эти важнейшие партийные документы отразили борьбу большевиков с ликвидаторами, троцкистами, отзовистами, примиренцами. Статьи И. В. Сталина отразили многообразную деятельность большевиков по использованию нелегальной партийной организацией легальных возможностей, по разработке и осуществлению большевистской тактики в тяжелые годы столыпинской реакции.

* * *

После поражения первой русской революции восторжествовала временно контр-революция. «Царское правительство, помещики и капиталисты бешено мстили революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»¹.

Карательными экспедициями, виселицами, преследованиями рабочих организаций, каторжными приговорами и ссылками революционных рабочих и крестьян царские палачи надеялись задушить до конца революционное движение и предупредить возможность новой революции. «Но ни как и не, даже самые полные победы реакции, — писал Ленин, — ни как не торжество контр-революции не может уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета, потому что враги эти — миллионы рабочих, которые все более скопляются в городах и на крупных фабриках, заводах, железных дорогах. Враги эти — разоряемое крестьянство, которому еще во много раз тяжелее живется теперь, при соединении земских на-

чальщиков и богатых крестьян для грабежа по закону, для отнятия крестьянской земли с согласия помещичьей Думы, под защитой всех помещичьих и военных властей. Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя»².

Для того чтобы в тяжелых условиях столыпинской реакции быть во главе рабочего класса, требовались революционная выдержка, марксистская принципиальность, глубокая преданность рабочему классу, неиссякаемая вера в торжество революционного дела. Этими качествами обладала единственная партия, подлинный марксистский передовой отряд рабочего класса — партия большевиков.

В то время как меньшевики — эти спутники либерально-монархической буржуазии — ренегатствовали, отказывались от революционной борьбы и приспособлялись к столыпинскому режиму, большевики, руководимые Лениным и Сталиным, не свернули своего революционного знамени, показали образцы руководства массами в новых условиях, в условиях временного поражения революции.

В наступившую после революционных лет (1905—1907) полосу столыпинской реакции большевикам необходимо было наугу о революционном наступлении дополнить наукой о том, как организованно отступить, отступить так, чтобы не только не оторваться от масс, но чтобы, закрепив свои связи с ними, подготовить новое наступление.

Полностью сохраняя старые, неурезанные лозунги 1905 года: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день и конфискация всех помещичьих земель, — большевики изменили формы и методы борьбы. Условия нового периода требовали использования Думы и думской трибуны для социал-демократической пропаганды и агитации, длительной работы по идейному сплочению и воспитанию рабочего класса, требовали сочетания нелегальной работы с использованием всех и всяческих легальных возможностей. Восстанавливая и укрепляя нелегальные ор-

¹ Ленин. Т. XIV, стр. 391.

² Ленин. Т. XIV, стр. 391—392.

ганизации, большевики проникали в уцелевшие легальные и полуполегальные рабочие клубы, кооперативы, профессиональные союзы, просветительные общества и т. п., используя их как прикрытие для своей подпольной работы и как средство связи с массами.

Товарищ Сталин работал в начале периода реакции в крупнейшем центре рабочего движения — Баку, куда он прибыл после V съезда РСДРП. Во времени прибытия товарища Сталина в Баку (летом 1907 года) здесь было засилье меньшевиков. В упорной борьбе с так называемым «Руководящим центром» меньшевиков большевики Баку во главе с И. В. Сталиным постепенно завоевывали рабочие районы. Только к концу 1907 года Бакинская организация была превращена в несокрушимую крепость ленинской партии. Бакинские большевики, руководимые товарищем Сталиным, проводили в жизнь ленинскую тактику использования легальных возможностей. Они участвовали в выборах в III думу, проникали в массовые легальные и полуполегальные организации, наладили издание наряду с нелегальным «Бакинским пролетарием» легальной рабочей газеты «Гудок» — органа союза нефтепромышленных рабочих. Во время блестяще проведенной кампании в связи с совещанием рабочих с нефтепромышленниками и заключением коллективного договора большевики сплотили рабочих Баку вокруг лозунгов партии.

25 марта 1908 года товарищ Сталин был арестован и помещен в бакинскую Байловскую тюрьму. 20 сентября 1908 года он был сослан в Сольвычегодск. 24 июня 1909 года товарищ Сталин бежал из сольвычегодской ссылки и вернулся в Баку. Здесь он укреплял большевистскую организацию, вел упорную борьбу с меньшевиками-ликвидаторами и другими врагами революционного пролетариата.

Товарищ Сталин держал тесную связь с Лениным. В конце 1909 года товарищ Сталин написал знаменитые «Письма с Кавказа», которые он направил Ленину для напечатания в центральном органе партии — газете «Пролетарий».

2

Одно из «Писем с Кавказа» было непосредственно направлено на разоблачение платформы ликвидаторов. Статья товарища Сталина в первую очередь наносила сокрушительный удар кавказским ликвидаторам, наиболее открыто выступавшим против революционной борьбы пролетариата.

Приводя в этом письме высказывания неизвестного Н. Жордания, товарищ Сталин показал, что ликвидаторы пол-

ностью отказываются от социал-демократической программы-минимум. Писания Ноя Жордания о том, что пролетариату необходимо отбросить свою «радикальную конституцию», т. е. лозунги демократической республики и 8-часового рабочего дня, означали полную ревизию программы партии, принятой на II съезде РСДРП. Ликвидаторы хотели подчинить рабочий класс и крестьянство либерально-монархической буржуазии. Ликвидаторы отказались вести подпольную работу и предложили ликвидировать социал-демократическую партию.

Товарищ Сталин, показав буржуазную природу ликвидаторов, закончил свою статью следующими словами: «Разбирать всю эту пошло-либеральную рухлядь, по-нашему, нет необходимости. Необходимо только отметить, что «новая» тактика тифлиссских меньшевиков является ликвидацией подтвержденной революцией партийной тактики, ликвидацией, требующей превращения пролетариата в хвостик умеренной кадетской буржуазии»¹.

На примере тифлиссских ликвидаторов товарищ Сталин метко и крепко бил по всему фронту общероссийского ликвидаторства.

К тому времени, когда была написана эта статья, по решению январского Пленума ЦК 1910 года, был закрыт большевистский «Пролетарий». В это время выходил объединенный печатный орган ЦК РСДРП — «Социал-демократ». Сталинское «Письмо с Кавказа» не было напечатано в «Социал-демократе», в состав редакции которого входили ликвидаторы Мартов и Дан, возражавшие против его опубликования в газете. Тогда Ленин настоял на помещении статьи товарища Сталина в «Дискуссионном листке» № 2.

Вместе со статьей И. В. Сталина, которая была помещена за подписью «К. С.», в «Дискуссионном листке» был помещен ответ Н. Жордания (Ан.), в котором последний всячески старался сгладить впечатление от сталинской статьи, пытаясь неуклюже оправдать явно буржуазную линию ликвидаторов. Но это ему не удалось. Наоборот, он лишь показал правильность обвинений, выдвинутых против него товарищем Сталиным.

Ленин полностью солидаризировался со статьей товарища Сталина. В «Заметках публициста» Ленин писал: «тов. Ан. своей статьей подтверждает самые тяжелые обвинения автора «Писем с Кавказа», т. К. С...»².

¹ Ленин и Сталин «Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. I, стр. 529. Партиздат. 1936.

² Ленин. Т. XIV, стр. 317.

Ленин и Сталин давали одинаковую оценку ликвидаторству как агентуре контрреволюционной буржуазии в рабочем движении. Ленин и Сталин учили, что без борьбы с ликвидаторами невозможно сплотить партию и организовать рабочий класс для новых боев.

Союзники меньшевиков — «ликвидаторы наизнанку»: отзовисты и ультиматисты — все эти противники теории, тактики и организационной политики партии, находившиеся в рядах большевистской фракции, прикрывали свою ликвидаторскую сущность «левой» фразой. На расширенном совещании редакции большевистской газеты «Пролетарий» в июне 1909 года была принята предложенная Лениным резолюция, в которой было сказано, что отзовисты и ультиматисты ничего общего с большевиками не имеют. «Ликвидаторы наизнанку» были изгнаны из рядов большевистской фракции.

Ленин писал: «Борьба на два фланга является поэтому необходимой задачей для отстаивания правильной революционно-социал-демократической тактики и для строительства партии. Эту борьбу и ведет неуклонно большевистская фракция, тем самым выковыывая и сплывавая все действительно партийные, действительно марксистские, социал-демократические элементы»¹.

Товарищ Сталин неуклонно проводил в жизнь ленинскую тактику. Он вел борьбу с ликвидаторами справа и «слева». В № 49 большевистского «Пролетария» от 3 (16) октября 1909 года под заголовком «Бакинские большевики об отзовизме, ультиматизме и богостроительстве» была напечатана резолюция Бакинского комитета, до этого напечатанная в № 7 «Бакинского пролетария» от 27 августа 1909 года.

В этой сталинской резолюции было сказано:

«1) С точки зрения существа дела позиция большинства редакции по вопросам о думской и внедумской работе является единственно правильной. Б. Ж. полагает, что только такая позиция может быть названа действительно большевистской, большевистской по духу, а не по букве только.

2) «Отзовизм», как течение во фракции, является результатом вредной для партии недооценки легальных возможностей, особенно, думской трибуны...»

Дальше в резолюции было сказано, что ультиматизм — проявление худшего вида «отзовизма» и что «богостроительство» как привлечение религиозных элементов в социализм является результатом ненаучного, а потому вредного для

пролетариата толкования основ марксизма.

Так бакинские большевики, руководимые товарищем Сталиным, по-ленински вели борьбу с оппортунистами на два фронта, неуклонно проводили в жизнь ленинскую линию.

3

Борьба на два фронта с ликвидаторами справа и «слева» являлась обязательным условием закалки большевистских кадров и усиления связи большевиков с широкими рабочими массами.

В № 11 «Социал-демократа» от 26(13) февраля 1910 года было опубликовано одно из «Писем с Кавказа» товарища Сталина. В этой статье указывалось на обострение классово-борьбы в Баку и на оживление партийной работы в местной большевистской организации. Товарищ Сталин писал:

«...Слуги царской власти, полиция и жандармерия — целиком к услугам нефтяных королей. Наводнение нефтяных районов Баку шпионами и провокаторами, массовая высылка рабочих за малейшую стычку с нефтепромышленниками, полное разрушение фактических «свобод» — привилегий Баку — и аресты за арестами, — такова картина «конституционной» работы местной администрации... Правда, в недавнем прошлом правительство считало нужным допускать некоторую «свободу» в нефтяных районах, устраивая «совещания» рабочих и нефтепромышленников. Но это было в прошлом, когда шансы контр-революции казались еще менее выясненными, — тогда политика заигрываний с рабочими была наиболее выгодной политикой. Теперь уже положение выяснилось, контр-революция «окончательно» утвердилась — и политика зверских репрессий заняла место политики заигрываний, погромщик Мартынов заменил сладкопевца Джунковского».

Дальше в статье сообщалось, что партийная организация учла улучшение положения в нефтяной промышленности и начала подготовку к общей экономической забастовке.

Нефтепромышленники с разрешения царских властей стали разрабатывать проект «промысловых самоуправлений», в функции которых должно было входить водоснабжение, освещение, проведение дорог, медицинская помощь и т. п. Товарищ Сталин писал: «...поскольку пром. самоуправление объединит в одно целое нефтепромышленную и так сказать «подсобную» буржуазию, постольку же оно должно объединить разрозненных до сих пор нефтепромышленных рабочих и рабочих подсобных предприятий, давая им возможность демонстрировать свои общия требо-

¹ Ленин. Т. XIV, стр. 203.

ваний через четырех своих представителей.

Учитывая все это, Бакинский комитет в своей резолюции о пром. самоуправлении, решил использовать проектируемое самоуправление в смысле участия в нем в целях агитации за общеэкономические нужды рабочих и усиленной организации последних».

Товарищ Сталин указал на некоторые особые условия Баку, где, в отличие от других мест, существовали еще не вполне уничтоженные администрацией промыслово-заводские комиссии. Наличие легальных возможностей в Баку облегчало работу партийных организаций. Большевики, руководимые И. В. Сталиным, максимально использовали эти возможности. В августе 1909 года Бакинский комитет выпустил №№ 6 и 7 «Бакинского пролетария», наладил печатную и устную пропаганду. Но этого было недостаточно, так как партийная работа в Баку в значительной мере была оторвана от партийной работы в других промышленных районах. Товарищ Сталин считал необходимым создание общероссийского партийного центра, с которым имел бы тесную, организационную связь Бакинский комитет большевиков. Интересы всей партийной работы в России, во всех партийных организациях требовали создания такого центра. Товарищ Сталин писал:

«Плохо действует на партийную массу оторванность от партии, полная неосведомленность о делах партийных организаций в России. Общерусский орган, регулярно устраиваемые общепартийные конференции и систематические объезды членов ЦК могли бы помочь делу»¹. Товарищ Сталин писал, что Бакинский комитет считает необходимым созыв Всероссийской общепартийной конференции для того, чтобы покончить с меньшевиками-ликвидаторами и сплотить всех большевиков в единую партию. Бакинский комитет также считал, что ликвидировать разобщенность партийных организаций поможет общерусский печатный орган, который должен быть создан в кратчайший срок.

В № 12 «Социал-демократа» от 23 марта (5 апреля) 1910 года была помещена резолюция Бакинского комитета, в которой было сказано, что необходимо немедленно подготовить созыв Всероссийской конференции, к участию в которой «должны быть привлечены (помимо установленного представительства) представители от действующих и действительно существующих партийных нелегальных орга-

низаций, причем главное внимание должно быть обращено на крупные центры, где сосредоточены громадные массы пролетариата». Бакинские большевики решительно возражали против приглашения на общепартийную конференцию таких организаций и таких представителей, которые не вели нелегальной партийной работы. Бакинский комитет считал, что наущенной необходимостью является создание практического центра в России, который мог бы объединить, возглавить и руководить всеми партийными организациями.

«Б. К. полагает, — сказано в резолюции, — что в ряду необходимых мер главное место должны занять: 1) перемещение практического центра в Россию, 2) организация связанной с местами общерусской руководящей газеты, издающейся в России и редактируемой упомянутым практическим центром, 3) организация в важнейших центрах рабочего движения местных органов (Урал, Донецкий бассейн, Петербург, Москва, Баку и т. п.)».

Ленин приветствовал инициативу бакинских большевиков и их руководителя товарища Сталина, одобрил их принципиальную борьбу за партию и партийность.

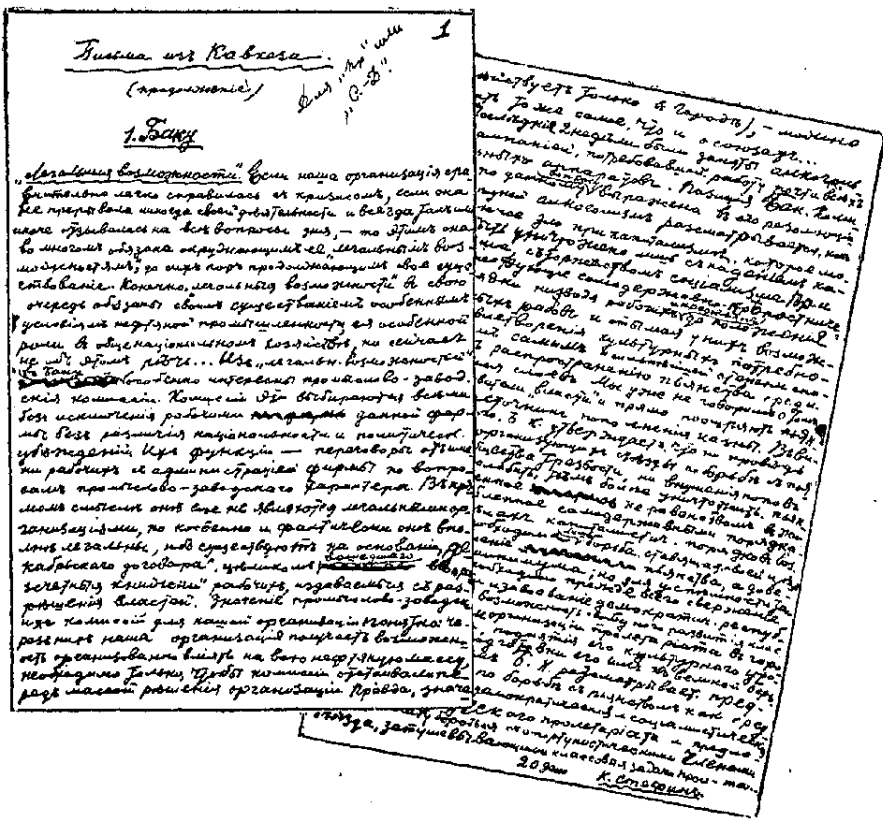
Как раз к этому времени, особенно после январского Пленума ЦК 1910 года, подняла голову беспринципная группа скрытых троцкистов: Каменев, Зиновьев, Рыков, Томский. Эта группа выступила с предложением «объединить», «примирить» большевиков с ликвидаторами, троцкистами, отзовистами и повела борьбу с принципиальной позицией Ленина.

Бакинские большевики во главе с товарищем Сталиным резко выступили против Иудушки-Троцкого и его союзников — так называемых «примиренцев»: Каменева, Зиновьева, Рыкова и др. В № 12 «Социал-демократа» от 5 апреля (23 марта) 1910 года в редакционной статье под названием «К вопросу о партийной конференции» было сказано:

«Бакинский комитет принадлежит бесспорно к самым живым и деятельным организациям партии... В с.-д. среде развелась тьма охотников «мирить» партию с ликвидаторством. Еще больше появилось охотников «мирить» партию с теми, кто в свою очередь «мирят» ее с ликвидаторством. Создается специальная «философия» этого примиренчества... В резолюции Бакинского Комитета замечается реакция против такой полуликвидаторской «философии».

Укрепление партийной организации на принципиальных ленинских позициях позволило бакинским большевикам, руководимым товарищем Сталиным, широко использовать все легальные возможности. Об

¹ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 122. Партиздат. 1938.

Рукопись статьи товарища Сталина «Легальные возможности» (первая и последняя страницы) 20 декабря 1909 года.

Музей революции СССР.

этом товарищ Сталин обстоятельно рассказал в третьем «Письме с Кавказа» за подписью «К. Стефин», датированном 20 декабря 1909 года. Послана эта статья была в центральный орган партии, но перехвачена департаментом полиции.

В статье товарища Сталина было сказано: «Если наша организация сравнительно легко справилась с кризисом, если она не прерывала никогда своей деятельности и всегда так или иначе отзывалась на все вопросы дня, — то этим она во многом обязана окружающим ее «легальным возможностям», до сих пор продолжающим свое существование. Конечно, «легальные возможности» в свою очередь обязаны своим существованием особенным условиям нефтяной промышленности, ее особенной роли в общенациональном хозяйстве, но сейчас не об этом речь...»

Товарищ Сталин писал, что особое значение имеют промыслово-заводские комитеты. Кроме того существуют профсоюзы «нефтепромышленных рабочих» (900 человек) и «механических рабочих» (300 человек). Союз «нефтепромышленных рабочих» находился под влиянием большевиков и был популярен среди промысловых рабочих. «Он построен по принципу производственному и объединяет рабочих всех разрядов нефтяного труда (по добыче, бурению, механические, нефтеперегонные, чернорабочие). Такой тип организации диктуется условиями борьбы, делающими не-

целесообразной забастовку, напр. механических рабочих независимо от рабочих по добыче и т. п. Это поняли рабочие и массами начали покидать союз «механических рабочих».

Далее товарищ Сталин писал об использовании других «легальных возможностей»: рабочих клубов, антиалкогольной кампании и др. В частности об использовании с'езда по борьбе с пьянством было сказано, что делегат-большевик должен бороться с оппортунистическими членами с'езда, затупившими классовые, социалистические задачи пролетариата¹.

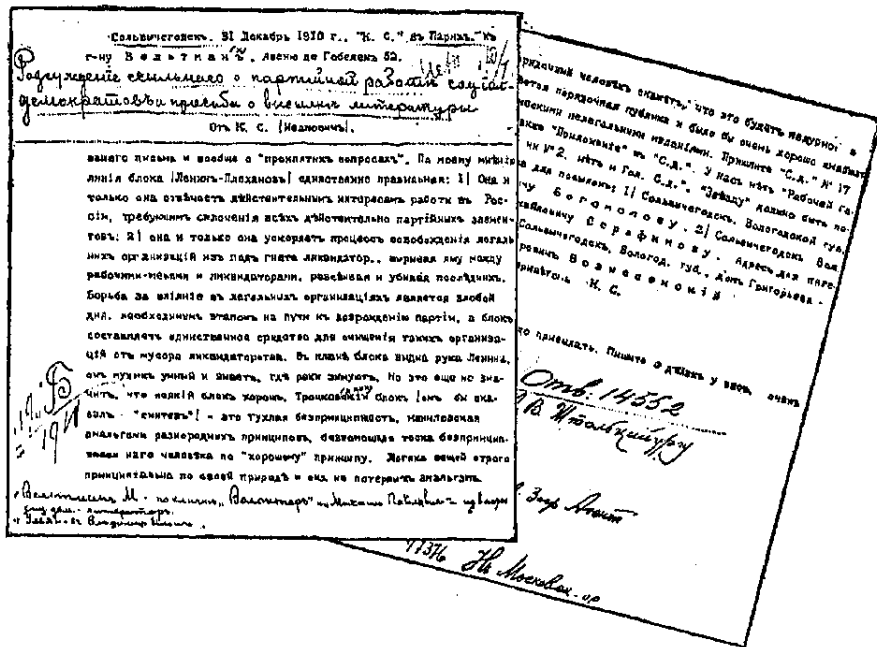
Так в Закавказье, в Баку, товарищ Сталин, укрепляя большевистские организации, вел борьбу с ликвидаторством всех мастей, блестяще осуществлял ленинскую тактику использования подпольной партией всех легальных возможностей.

23 марта 1910 года товарищ Сталин был арестован в Баку и 23 сентября вновь сослан по этапу в Сольвычегодск. Находясь в ссылке, товарищ Сталин пристально следил за партийной жизнью и установил связь с Лениным.

4

Борясь за партию и партийность, разоблачая ликвидаторов справа и «слева»,

¹ «Письмо с Кавказа» (продолжение). Фотокопия в альбоме «Сталин». Госполитиздат. 1939.

Копия письма И. В. Сталина к В. И. Ленину из Сольвычегодска от 31 декабря 1910 года, сделанная охранным отделением. Музей революции СССР.

Ленин считал необходимым собрать воедино все революционные элементы социал-демократии. Среди меньшевиков была группа «партийцев», возглавляемых Плехановым, которые стояли за сохранение нелегальной партийной организации. В основных вопросах тактики — гегемония пролетариата, отношение к крестьянству, к буржуазии — Плеханов стоял на общих меньшевистских позициях, но он разошелся с ликвидаторами по одному очень важному вопросу — о подпольной партии.

Плехановцы выступили за сохранение партийной организации. В ряде местных организаций России, например в Выборгском районе Петербурга, в Екатеринославе, Харькове, Киеве и других местах, рабочие-меньшевики шли вместе с большевиками и выступали против ликвидаторов. Для того чтобы отвоевать меньшевиков-партийцев у меньшевистских лидеров и сплотить их вокруг большевистского знамени, Ленин считал возможным заключить принципиальный блок с меньшевиками-партийцами (плехановцами).

Ленин писал, что сближение с плехановцами должно произойти «на основе борьбы за партию и за партийность против ликвидаторства, без всяких идейных компромиссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий в пределах партийной линии»¹.

И. В. Сталин целиком поддерживал ленинскую тактику — в борьбе с ликвидаторами для их полного разгрома заключить принципиальный блок с меньшевиками-партийцами. Еще до ареста, весной 1910 года, И. В. Сталин начал в Баку кампанию за блок с меньшевиками-партийцами. Этот

блок был осуществлен несколько позднее, в начале 1911 года. Был создан объединенный «Бакинский исполнительный комитет» из 16 членов (из них 9 большевиков). Возглавлял большевиков в этом комитете Степан Шаумян.

В письме к Ленину из сольвычегодской ссылки от 31 декабря 1910 года (13 января 1911 года) товарищ Сталин, ознакомившись с позицией Ленина и используя опыт партийной работы в Закавказье, отмечал важность и принципиальное значение блока большевиков с меньшевиками-партийцами.

«По моему мнению, — писал товарищ Сталин, — линия блока (Ленин—Плеханов) единственно нормальная: 1) она и только она отвечает действительным интересам работы в России, требующим сплочения всех действительно партийных элементов; 2) она и только она ускоряет процесс освобождения легальных организаций из-под гнета ликвидаторов, вырывая яму между рабочими-меками (меньшевиками. — М. М.) и ликвидаторами, рассеивая и убивая последних. Борьба за влияние в легальных организациях является злобой дня, необходимым этапом на пути к возрождению партии, а блок составляет единственное средство для очищения таких организаций от мусора ликвидаторства. В плане блока видна рука Ленина, — он мужик умный и знает, где раки зимуют»².

Приветствуя принципиальный блок большевиков с меньшевиками-партийцами в интересах укрепления партии, товарищ Сталин писал: «Блок Ленин — Плеханов потому и является жизненным, что он глу-

² Ленин и Сталин. Т. I, стр. 529—530.

¹ Ленин. Т. XIV, стр. 208.

блоку принципиален, основан на единстве взглядов по вопросу о путях возрождения партии»¹.

Но это был блок двух разных партийных течений, имевших разные тактические платформы и только объединившихся по вопросу о сохранении подпольной партии для общей борьбы против ликвидаторов. Поэтому нельзя было ни в коем случае слить большевиков с плехановцами в одну организацию. Надо было завоевать на сторону большевиков меньшевиков-партийцев, но не сливать обе фракции.

Товарищ Сталин писал: «Но именно потому, что это блок, а не слияние, — именно потому бекам (большеви́кам. — М. М.) нужна своя фракция. Очень может быть, что в ходе работы беки окончательно приручат плехановцев, но это лишь может быть. Спать и надеяться на такой исход, хотя бы и очень вероятный, нам, во всяком случае, не следует. Чем сплоченнее будут действовать беки, чем организованнее будут выступать, тем больше шансов на возможность приручения. Мы должны поэтому неустанно ковать на всех наковальнях»².

Блок большевиков с плехановцами ничего общего не имел с тем беспринципным блоком, который сколачивал ликвидатор Троцкий при помощи своих подручных — Каменева, Зиновьева и других. «Троцкий блок (он бы сказал — «синтез»), — писал товарищ Сталин, — это тухлая беспринципность, маниловская амальгама разнородных принципов, беспомощная тоска беспринципного человека по «хорошему» принципу. Логика вещей строго принципиальна по своей природе и она не потерпит амальгам»³.

Так товарищ Сталин еще в 1910 году разоблачил беспринципную, антипартийную позицию Иудушки-Троцкого, сколотившего в 1912 году пресловутый троцкистско-ликвидаторский «августовский блок». Этот блок врагов большевизма не имел никаких связей с рабочим классом и под ударами большевиков скоро распался. В противовес этому антипартийному, беспринципному блоку ликвидаторов, отзовистов; богостроителей ленинцы создавали принципиальный, партийный блок сторонников сохранения и укрепления подпольной партии.

Впоследствии, в 1926 году, на XV конференции партии, товарищ Сталин говорил: «Ленин всегда боролся против беспринципных и антипартийных блоков в партии. Кому не известно, что Ленин три года боролся против августовского блока Троцкого, до полной победы над ним, как против антипартийного и беспринципного блока.

Ильич никогда не стоял за всякие блоки. Ильич стоял только за такие блоки в партии, которые являются принципиальными. во-первых, и, во-вторых, которые преследуют цель укрепления партии против ликвидаторов, против меньшевиков, против колеблющихся элементов. История нашей партии знает опыт такого блока ленинцев с плехановцами (это было в 1911—1912 году) против блока ликвидаторов, когда сформировался против партии августовский блок, куда входили Потресов и прочие ликвидаторы, Алексинский и другие отзовисты, и во главе которого стоял Троцкий. Был один блок, блок антипартийный, августовский блок, беспринципный, авантюристский, и был другой блок, блок ленинцев с плехановцами, т.-е. революционными меньшевиками (тогда Плеханов был революционным меньшевиком). Вот такие блоки Ленин признавал, и мы все признаем такие блоки»⁴.

В том же письме к Ленину из сольвыгодской ссылки в конце 1910 года товарищ Сталин писал, что главная задача заключается в создании общепартийного центра в России. «История нашей партии, — писал товарищ Сталин, — показывает, что вопросы разногласий разрешаются не в прениях, а главным образом в ходе работы, в ходе применения принципов»⁵.

Вновь поднимая вопросы, о которых говорилось в резолюции Бакинского комитета, напечатанной в № 12 «Социал-демократа» за 1910 год, товарищ Сталин в письме к Ленину из Сольвыгодска писал: «По моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полуполегалную и легальную работу на первых порах в главных центрах (Петер, Москва, Урал, Юг). Назовите ее как хотите — «русской частью Цека», или «вспомогательной группой при Цека» — это безразлично. Но такая группа нужна как воздух, как хлеб»⁶.

Товарищ Сталин особенно подчеркивал, что возрождение партийности должно начаться с организации партийного руководящего центра в России. «А действовать придется неуклонно и беспощадно, не боясь нареканий со стороны ликвидаторов, троцкистов, впередовцев...»⁷.

О себе товарищ Сталин писал, что ему осталось сидеть в ссылке еще шесть месяцев, но, если Ленин считает нужным, он готов «сняться немедленно».

⁴ «XV конференция ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 425—426. Госиздат. 1927.

⁵ Ленин и Сталин. Т. I. стр. 530.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 531.

¹ Ленин и Сталин. Т. I. стр. 530.

² Там же.

³ Там же.

Через очень короткое время, 24 января 1911 года, товарищ Сталин в письме к В. Бобровскому (участнику партийной работы в Баку в 1904 году) писал:

«Я недавно вернулся в ссылку («обратник»). Кончаю в июле этого года. Ильич и К° зазывают в один из двух центров...

О заграничной «буре в стакане», конечно, слышали... блоки Ленина-Плеханова с одной стороны, и Троцкого-Мартова-Богданова с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное...»¹.

После окончания срока ссылки товарищ Сталин получил проходное свидетельство в Вологду, откуда он бежал в Петербург 6 сентября 1911 года. 9 сентября товарищ Сталин вновь был арестован и 14 декабря сослан в Сольвычегодск. Товарищ Сталин все это время держал связь с партийными организациями, находился в курсе подготовки к всероссийской партийной конференции. Подготовка проводилась учеником Ленина и Сталина Серго Орджоникидзе, поставленным во главе Российской организационной комиссии.

Всероссийский партийный центр, о котором писал И. В. Сталин в «Письмах с Кавказа» и в письме к Ленину из сольвычегодской ссылки, был создан на VI (Праж-

¹ «Заря Востока» от 23 декабря 1925 года.

ской) конференции РСДРП в январе 1912 года.

Пражская конференция изгнала меньшевиков-ликвидаторов из партии и оформила самостоятельное существование большевистской партии, партии нового типа, партии ленинизма.

Фактический разрыв с меньшевиками-ликвидаторами был доведен до формально-организационного разрыва с ними. Был избран большевистский Центральный комитет партии во главе с Лениным. В состав ЦК был заочно избран находившийся в это время в ссылке товарищ Сталин, который решением конференции был поставлен во главе Русского бюро ЦК. Скоро бежавший из ссылки товарищ Сталин возглавил всю партийную работу в России. Под руководством Ленина и Сталина большевики вытеснили ликвидаторов из всех массовых рабочих организаций, завоевали гегемонию в массовом рабочем движении.

* * *

Исторические «Письма с Кавказа», письмо из сольвычегодской ссылки показывают, как в годы реакции вожди большевистской партии Ленин и Сталин разрабатывали революционную тактику и как товарищ Сталин по-ленински неуклонно проводил ее в жизнь.

«Хронологические выписки» К. Маркса по истории России

Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) опубликовал отрывок из «Хронологических выписок» К. Маркса по истории России¹. Полностью эта часть «Хронологических выписок» (четвертая тетрадь) будет напечатана в VIII томе «Архива Маркса и Энгельса». Тем самым Институт закончит публикацию большого труда Маркса по истории — четырех тетрадей его «Хронологических выписок».

Первая тетрадь «Хронологических выписок» дает хронологический обзор политической истории европейских стран от I века до н. э. до начала XIV века н. э.; вторая тетрадь охватывает XIV век и первую половину XV века; третья тетрадь — вторую половину XV века и XVI век до 70-х годов; четвертая тетрадь — конец XVI века и первую половину XVII века.

Все четыре тетради «Хронологических выписок» занимают 544 страницы рукописного текста, исписанные характерным мелким почерком Маркса. Они составляют 4 тома «Архива Маркса и Энгельса», объемом свыше 1600 печатных страниц².

Опубликование «Хронологических выписок» дает советским историкам для их научной и педагогической работы новый, обогащающий историческую науку материал, который поможет им в критическом изучении прошлого, в освещении исторических фактов и событий, в разоблачении всякого рода буржуазных, антинаучных исторических схем.

В «Хронологических выписках» Маркс не ограничивается конспективным изложением изучаемых им исторических трудов: он вносит поправки, выбирает наиболее существенные, главные факты политической истории и в своих кратких, но ярких записях дает часто иное освещение исторических фактов и событий, чем Шлоссер, Карамзин или Сегюр, работы которых он использует. Маркс, подходя к историческим

событиям с точки зрения материалистического понимания истории, делает обобщения на основании тщательного изучения исторических фактов, в том числе таких, которые на первый взгляд кажутся второстепенными, несущественными, а на самом деле оказывают свое влияние на исторические события.

В нашей статье мы используем только отрывок из четвертой тетради «Хронологических выписок» Маркса по истории России, озаглавленной самим Марксом: «Обзор истории Скандинавии и России до начала 30-летней войны».

В 70-х годах XIX века, когда Маркс начал составлять свои «Хронологические выписки» по истории России, он уже владел русским языком и прочитал много книг на русском языке: примечания Чернышевского к «Основаниям политической экономии» Джона Стюарта Милля, Флеровского-Берви «Положение рабочего класса в России», Герцена «Тюрьма и ссылка», «Слово о полку Игореве», 12-томную «Историю государства Российского» Карамзина и др. В библиотеке Маркса, по свидетельству Энгельса, было свыше 200 книг на русском языке.

«Хронологические выписки» не были предназначены для печати. Они составлялись Марксом для личного пользования. Но это, конечно, никак не снижает их ценности.

«Хронологические выписки» Маркса требуют от читателя хорошего знакомства с историей России. Конечно, неправы будут те, кто захочет считать «Хронологические выписки» чем-то вроде учебного пособия. Их значение для подготовленного, вдумчивого исследователя заключается в том, что они освещают по-новому отдельные вопросы прошлого.

Значительные по содержанию, живые и выразительные по манере изложения, «Хронологические выписки» Маркса читаются с неслабым интересом. Они включают в себе чрезвычайно меткие характеристики и остроумные оценки отдельных исторических фактов, событий и лиц, изложенные со свойственным Марксу крепким юмором.

¹ См. журнал «Пролетарская революция» № 3 за 1940 год.

² Тетради первая, вторая и третья опубликованы в «Архиве Маркса и Энгельса». Т. V за 1938 год, т. VI за 1939 год и т. VII за 1940 год.

Маркс выделяет в своих выписках 3 организационно связанных между собою важнейших вопроса истории России: борьбу русского народа за освобождение своей страны от татаро-монгольского ига, процесс образования Русского национального государства и процесс превращения его в многонациональное, централизованное государство.

Обзор истории России, составленный Марксом, охватывает почти 8 столетий: 862—1613 годы. В своем обзоре Маркс устанавливает 4 периода:

1-й — с	862	по	1054	год
2-й — »	1054	»	1236	»
3-й — »	1237	»	1460	»
4-й — »	1462	»	1613	»

Отрывок из «Хронологических выписок», о котором идет речь в нашей статье, охватывает период русской истории от Дмитрия Донского (1362—1389) до смерти Федора I (1598).

В «Хронологических выписках» за предшествующий период (до 1362 года) Маркс отмечает образование Киевского государства, феодальную раздробленность Руси, нашествие монголов и их пагубное влияние на хозяйство и культуру народов России.

Особое внимание Маркс обращает на героическую борьбу народов нашей родины против захватчиков и поработителей.

В «Хронологических выписках» Маркс в ярких красках показывает те бедствия, которые несло Руси татарское завоевание:

«Татарские ханы угнетали издавна, (за исключением сбора дани они не вмешивались во внутренние русские дела), но их послы, откупщики государственных доходов и сборщики податей — баскаки (находились) внутри страны — жгут был введен в России монголами» (стр. 138). Записи Маркса свидетельствуют о большой симпатии к поработенному русскому народу, к его борьбе с врагами.

Для борьбы с внешними врагами и для освобождения русской земли от захватчиков необходимо было преодолеть политическую раздробленность и поднять народ на упорную борьбу против татаро-монгольского ига.

Русский народ для борьбы с татарами объединился вокруг великого княжества Московского.

Маркс отмечает значение сражения на реке Воже, предшествовавшего Куликовской битве и подготовившего победу Дмитрия Донского.

Н. М. Карамзин этому факту отводит несколько страниц. Он пишет: «Дмитрий

Иоаннович, сведав заблаговременно о замыслах неприятеля, имел время собрать полки и встретил татар в области Рязанской, на берегах Вожи. Мурза Бегич предводительствовал ими. Они сами начали битву. Перешли за реку и с воплями поскокали на россиян; видя же их твердость, удержали своих коней; пускали стрелы, ехали вперед легкой рысью... По данному знаку все наше войско устремилось против неприятеля и дружным, быстрым нападением решило дело: монголы обратили тыл; бросая копья, бежали за реку, россияне кололи, рубили и топили их в Воже целыми тысячами»¹.

Никакого вывода из этого события Карамзин не сделал. Маркс, прочитав работы Карамзина, Шлоссера, дал сражению на Воже такую оценку:

«11 августа 1378 Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже (в Рязанской области). Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими» (стр. 135).

Указание Маркса очень важно, ибо большинство историков СССР недооценивают значение этого сражения, как первого правильного сражения против татар, и мало о нем пишут.

После победы на Воже силы московского князя Дмитрия Донского настолько окрепли, что он смог подготовить решающее сражение с татарами и выиграть его. Несмотря на то что на Русь шли враги со всех сторон, и не только внешние, но и внутренние в лице изменников — рязанских князей, — Дмитрий Донской выступил против огромного, разноплеменного войска Мамай и разгромил его:

«В 1380 Мамай с целью отмщения предпринял поход; его войско состояло из монголов, половцев, харазских турок, черкесов, яссов, кавказских евреев, армян, даже крымских генуэзцев. Он заключил союз с Ягелло, литовским князем, и Олегом, рязанским князем. Дмитрий IV собрал 150-тысячное войско, состоявшее из пехоты и конницы.

6 сентября 1380 он приблизился к Дону, где Мамай находится уже три недели; (Дмитрий) перешел Дон.

8 сентября 1380 битва на широком Куликовом поле. Полная победа Дмитрия...» (стр. 136).

Во второй половине XIV века на Востоке и на Западе усиленно развивалась торговля, способствовавшая ликвидации

¹ Н. М. Карамзин «История государства Российского», Т. V, стр. 40—41.

замкнутости отдельных княжеств и экономическому объединению раздробленной до того Руси в единое феодальное государство. Расширялся рынок. Появились серебряные монеты.

Маркс пишет:

«При Дмитрии Донском все еще бывшие до тех пор в ходу кожаные деньги—куны—были заменены маленькими серебряными монетами по образцу татарских. (Раньше на Руси деньгами служили меха ценных пушных зверей. Куна — шкура куницы, сюда относится также мех одного вида белок. Вместо мелкой монеты, считали на уши, лбы и хвосты куниц и белок.)

Монголы раньше пользовались маленькими кусками древесной коры или кожи с оттиснутым на них ханским клеймом; позднее монетами из серебра (танга) и меди (пула), откуда и русские стали называть свои серебряные монеты деньги¹ (данги), а медные пулы (пуло или шул)» (стр. 136).

В XV веке развивалось ремесло, росли города, расширялся рынок, а в связи с этим приобретало большое значение торгово-ремесленное население. Крупную роль в образовании русского национального государства играло землевладельческое дворянство, состоявшее из мелких феодалов, которые были заинтересованы в ослаблении крупных феодалов. Последние всячески сопротивлялись созданию централизованного государства и сильной княжеской власти. В этой борьбе с княжеско-боярской оппозицией Иван III опирался на помещиков и посадских людей.

В период княжения Ивана III (1462—1505) и в последующие затем годы закончилось создание русского национального государства, которое начало складываться еще с княжения Ивана Калиты.

Созданию русского национального государства. Маркс уделит значительное внимание в «Хронологических выписках».

Шаг за шагом прослеживает Маркс рост могущества русского государства. Особое внимание Маркса привлекает княжение Ивана III, этого, по записям Маркса, «великого макиавеллиста». В этих словах Маркса очень метко отражена вся сущность политики Ивана III.

Стремясь создать централизованное государство, вместо мелких, разрозненных феодальных владений, Иван III не считался ни с законами, ни с обычаями своего времени.

Энгельс писал о роли королевской власти в западноевропейских феодальных государствах: «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть... была прогрессивным элементом,—это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»².

Это указание Энгельса помогает нам уяснить себе роль великих князей московских, особенно Ивана III, в создании русского национального государства. «Хронологические выписки» Маркса дают богатый фактический материал о борьбе Ивана III с «бунтующими вассальными государствами», о прогрессивной роли Ивана III в русской истории, о его энергичных мерах по замене феодального беспорядка самодержавным «порядком». Но у Маркса в противоположность Карамзину и другим историкам нет никакой идеализации образа Ивана III. Маркс подчеркивает варварство тех методов, которые Иван III применял для объединения русских земель под своей властью, отмечает его коварство, жестокость, беспощадное искоренение им всех народных вольностей в покоренных им областях:

«1469: Иван предпринял поход против казанского хана, он одерживает верх; с этого времени он назначал и смешал казанских ханов.

1471 он смирил Новгород; город, напрасно рассчитывавший на своего союзника польского короля Казимира, вынужден был подчиниться Ивану; его свобода стала отныне только призраком» (стр. 139).

Присоединение Новгорода к Московскому государству произошло только в 1478 году, но Маркс правильно отметил, что после похода Ивана III на Новгород в 1471 году свобода Новгородской республики стала только призраком. Иван III умело использовал раздиравшие Новгородскую республику социальные распри для ее ослабления и полного подчинения своей власти.

«В Новгороде, который ему (Ивану III.—Г. и А.) был подозрителен своими постоянными сношениями с Польшей и Литвой, он поддерживал несогласия и партийные раздоры; через своих подкупленных сторонников он добился там, чтобы к нему послали двух послов.

В 1477 они называли его уже не Господином, а «Государем Новгородом», он отправил послов в Новгород, чтобы узнать, согласны ли новгородцы присягнуть ему на подданство; это вызва-

¹ Это слово написано Марксом по-русски.

² Маркс и Энгельс. Т. XVI, Ч. 1-я стр. 445.

до всеобщее восстание в Новгороде; все сторонники Ивана были растерзаны. Он с войском пошел на Новгород, окружил его; вследствие голода город должен был сдаться на милость победителя, его старинные вольности были отменены; колокол, созывавший народ на собрания, отвезли в Москву, где он был повешен в Успенском соборе. Новгород стал холопом Ивана» (стр. 140).

«Гроссмейстер немецких рыцарей договорился с ним (с Иваном. — Г. и А.) о мирном разрешении (конфликтов); Псков не смел противиться; Литва оставалась спокойной; с крымским ханом Менгли Гиреем Иван заключил союз, продолжавшийся до самой его смерти. Менгли Гирею он обещал помощь против монголов, тот ему — против литовцев. Иван выказывал внешнюю покорность послам Ахмата, хана Золотой Орды; в орду он не ездил, но присылаемых к нему по этому поводу послов одаривал подарками...» (стр. 139—140).

1480 Иван высмеял послов Ахмата, которые снова явились в Москву с его басмой; он ее разбил, топтал ее ногами, убил всех послов, кроме одного, которого послал с дерзким ответом обратно к хану. Но это, вероятно, только миф. Вероятно, Ахмат вооружился против Ивана, подстрекаемый Казимиром Литовским, который обещал свою помощь. — Когда же Ахмат, рассчитывая на его помощь, выступил в поход, сам Казимир в Литве подвергся нападению Менгли Гирея. Иван III снова с огромным войском двинулся к Оке, но там он покинул свою армию, в то время как на другой стороне Ахмат тоже отступил. В этом (заклучалось) его геройство, которым он избавил Россию от монгольского ига...» (стр. 140).

«Затем Иван воевал с немецкими рыцарями в Ливонии; последняя была жестоко опустошена, наконец было заключено двадцатилетнее перемирие» (стр. 141).

1483 Иван III завязал дружбу с Матвеем, венгерским королем (для защиты от польского короля Казимира), он выписал от него литейщиков, артиллеристов, инженеров, зодчих, золотых дел мастеров и горных мастеров. В то же время он устроил брак своего сына Ивана с Еленой, дочерью храброго молдавского господаря Стефана IV.

1485 он подчиняет себе Тверь, которая еще представляла нечто вроде независимого государства, управляемого собственным князем.

1487 он окончательно подчинил себе Казань, но не решился прямо присоединить к себе этих татар-мусульман, а вместо этого принял титул «князя Болгарского», возведя, однако Магмета Аминя в ханы казанские» (стр. 141).

Иван III не оставлял беззащитными присоединенные земли. Всей своей мощью он обрушивался на врагов. Но на Западе попрежнему мало считались с Московским князем, и когда Иван III потребовал от ливонского правительства выдачи виновных в учинении насилия над новгородскими купцами, ему ответили высокомерным отказом.

Но ливонцам вскоре пришлось расплачиваться за оскорбление жителей Москвы. Швеция тоже получила поучительный урок на территории Финляндии за «непочтение» к Московскому князю.

«1495 Иван III, уничтожив свободу Новгорода, уничтожил также его торговое значение, на этот раз неумышленно. Дело в том, что ревелские горожане учинили насилие над новгородскими купцами; Иван потребовал от ливонского правительства выдачи ему (!) ревелского магистрата. Отказ (Quid non). Тогда он сейчас же велел схватить (в Новгороде) 49 ганзейских купцов из Любека, Гамбурга, Люнебурга и т. д. и конфисковать их товары. Это навсегда покончило с новгородской торговлей, ганзейская торговля перешла в Ригу, Дорпт, Ревель и Нарву. Война со шведами, предпринятая Иваном из-за «оскорбленной гордости», причинила ужасные опустошения в Финляндии; через год она была закончена.

Через своего посланца Плещева — первого русского посла к султану — Иван выхлопотал торговые преимущества для русских торговых людей в Константинополе» (стр. 142).

К началу XVI века Иван III окончательно уничтожил остатки феодальной раздробленности. Москва стала общепризнанным центром русского национального государства, территория которого при Иване III увеличилась в три раза.

Иван III завершил борьбу русского народа против татаро-монгольского ига.

В «Секретной дипломатии» Маркс писал: «Иван освободил Москву от Татарского ига не путем решительного удара, а посредством упорного, почти 20-летнего труда. Он не сломил его, а высвободился из него украдкой. Свержение этого ига — поэтому больше похоже на естественно-исторический процесс, чем на дело рук человеческих. Когда татарское чудовище

испустило дух, Иван появился у его смертного одра скорее в качестве врача, предвидевшего эту смерть и спекулировавшего на ней, чем в качестве воина, причинившего ее»¹.

Международное положение Московского государства укрепилось. Там же в «Секретной дипломатии» Маркс писал:

«Измученная Европа, в начале царствования Ивана III едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвитянина»².

Иван III, этот «великий макиавеллист», вел свою политику умно и расчетливо, уверенно и целеустремленно; хитро и осторожно.

Подытоживая 44-летнее княжение Ивана III, Маркс в «Хронологических выписках» отмечает:

«27 октября 1505 умер этот великий макиавеллист, 67 лет от роду, после 44-летнего княжения.

Иван III придал своему двору «пышность», создал вокруг себя новые должности: государственного казначея, конюшего, постельничьего; среди придворных боярских детей — сыновья князей и вельмож его государства. Этот субъект сам председательствовал на церковных соборах и, таким образом, стал главой в церковных делах. Он ввел определенный придворный церемониал; целование руки было знаком особой милости. При сношениях с иностранцами он употреблял уже прежде небезызвестный титул царя, который впервые узнали из славянского перевода Библии. Свое государство он называл: Белой Русией, т. е. древней или великой (Великий³ — gross erhaben)» (стр. 143).

Сын Ивана III — Василий III (1505—1533) — продолжал объединение Северо-восточной Руси вокруг Москвы.

В «Хронологических выписках» Маркса мы находим чрезвычайно интересное и довольно подробное описание внутренней

«При Василии III торговля процветала. Европейские купцы ввозили серебро в слитках, сученое золото, сукна, медь, зеркала, ножи, иглы и вина; азиатские же купцы — шелковые ткани, жемчуг и драгоценные камни; предметами вывоза были: в Германию — дорогие меха, кожа, воск; в Литву и Турцию — меха и клыки моржей и подобных им животных; в Татарию — седла, сбруя, сукна, холст, одежду и кожи, в обмен на которые они получали лошадей из Азии; железные изделия не вывозились из России; польские и литовские купцы приезжали в Москву; датские, шведские, немецкие — в Новгород; турецкие и азиатские приезжали на Мологу, где была знаменитая меновая торговля...

Каждый серебряник мог чеканить монету и выпускать ее; правительство следило за злоупотреблениями. В России не было проложенных благоустроенных дорог, но по самым проезжим дорогам (существовало) почтовое сообщение на лошадях, сменявшихся на станциях, доставлявших путешественников быстро...

«Русский купец отличался в торговле хитростью и обманом. Отсюда пословица «показать товар лицом» («Die Ware ist gemacht für's Auge»).

Раньше русский земледелец назывался смерд — от смердеть⁴ (stinken); в XVI же веке крестьянин, т. е. христианин (последнее теперь пишется для отличия через «х»), в ругательном смысле, данное им монголами при Батые.

Местничество и дворянская спесь до смешного были развиты среди русских; их жены жили затворницами, не видели ни одного чужого мужчины, кроме близких родственников, изредка бывали в церкви, обычно были заняты шитьем и вязанием, только одно развлечение (считалось позволительным для них) — качель⁵ (die Schaukel).

Богатые (носили) причудливую одежду, дорогие меха и шелковые ткани; красные сафьяновые сапоги с каблуками, подкованные

⁴ Эти слова написаны Марксом по-русски.

¹ К. Маркс «Секретная дипломатия XVIII века».

² К. Маркс «Секретная дипломатия XVIII века». Слово «москвитянин» написано Марксом по-русски.

³ Это слово написано у Маркса по-русски.

железом, высокие шапки или шляпы, по-ярковье белые, или черные. Тем более неуютно выглядели смрадные жилища с их толстыми стенами, вдоль стен были деревянные скамьи для сиденья, а также и для сна, стулья еще не были в общем обиходе; в обширные сени входили через такую низкую дверь, что приходилось нагибать голову...

Иностранные послы, приезжавшие в Россию, должны были подвергаться полицейскому обременительному и докучному церемониалу. С самой границы начинались различные расспросы и т. д. Им позволяли совершить путь в Москву только небольшими дневными перездами в сопровождении русских приставов.

В то время на русский язык перевели некоторых отцов церкви и историю отдельных римских императоров; два образца романа: «О купце киевском» и «О Дракуле, Валацком воеводе», оба по характеру и содержанию «фантастические» (стр. 144—145).

Так красочно изображает Маркс быт и нравы Русского государства XVI века.

Объединение русских земель было в основном завершено.

Образование централизованного государства, сопровождавшееся ликвидацией остатков феодальной раздробленности, завершилось в царствование Ивана IV. О начале царствования малолетнего Ивана IV, когда шла борьба между боярскими группировками за власть, Маркс записал:

«1534—1584 Иван Грозный¹. Любовная связь регентши Елены с князем Оболенским. Михаил Глинский упрекал ее за это; она велела выколоть ему глаза, заточить в монастырь, где он вскоре затем умер.

Ненависть против нее. Князь Семен Бельский бежал к Сигизмунду, польскому королю. [Другие вельможи тоже бежали в Литву и Крым от жестокости этой четы.] Из-за этого началась многолетняя война с Польшей.

1537 Андрей, дядя Ивана IV, взялся за оружие в целях самозащиты, потом вступил в переговоры, кончил жизнь в ужасной темнице, его приверженцы тоже умерли под кнутом и т. д.

В 1538 умерла Елена; она, вероятно, была отравлена» (стр. 145—146).

После смерти Елены Глинской власть захватили Шуйские.

Княжескими неурядицами не замедлили воспользоваться татары: они вторглись в

пределы Московского государства. Это как бы отрезвило бояр, но ненадолго. Вскоре все опять пошло по-старому. Неурядицы продолжались.

В такой обстановке рос будущий царь Иван Грозный.

Маркс отмечает, что воспитание Ивана Грозного шло «по кровавому пути убийств и трагедии».

От правления бояр, конечно, больше всего страдал народ. И вот народные массы поднялись против феодалов и феодальной эксплуатации. «Большой пожар и восстание в Москве — народ растерзал Глинских», — пишет Маркс.

Русское национальное государство начало превращаться в многонациональное путем завоевания и присоединения других народов.

Об этом Маркс делает следующие записи:

«2 октября 1552, после повторявшихся в течение ряда лет походов против казанских татар, город Казань был взят; Иван IV лично в этом участвовал.

3 октября 1552 «Наконец оборонил меня господь бог от вас», — сказал Иван вельможам на другой день после этого события.

В продолжение 6 лет разрозненные отряды татар продолжали еще беспокоить казанский край и границы русского государства до тех пор, пока воевода Иван Шереметьев во главе 30 000 человек окончательно не покорил эту страну и повсюду не напал страх вплоть до башкирских земель (1558).

1556 Астраханское ханство признало русское господство. [80000 турок, которых Селим II послал против Астрахани, погибли в окружающих ее пустынях.]

1556 башкиры были более или менее покорены.

1557 донские казаки присоединились к государству» (стр. 147).

В интересах усилившегося класса дворян необходимо было дальнейшее укрепление царской власти как твердой опоры в их борьбе за укрепление помещичьего землевладения и прикрепление крестьян к земле. Но старое боярство всячески противилось усилению царской власти. Желая сохранить свою независимость и свои земли, бояре стремились к захвату государственной власти.

Иван IV не верил боярам. Измена бояр во время ливонской войны ускорила выступление Ивана IV против боярства.

Маркс подчеркивает, что опричнина была направлена против боярства и что опричники подбирались из низших слоев:

¹ Это слово написано Марксом по-русски.

«...Иван IV заявил, что он устал царствовать и хочет удалиться в частную жизнь; он удалился в построенную им близ Москвы и укрепленную Александровскую слободу (своего рода Капри Тиберия). Для своего содержания он выделил себе много городов вместе с их областями, назвав это Опричниной, и (создал) многочисленную стражу телохранителей, набранную из низших слоев, — опричников, своих «ассасинов». При этом притворном отречении он удержал за собой военную власть, право карать (the power of striking), предоставив в насмешку «управление государством» напуганным боярам, которых он назвал презрительно «земскими боярами» (стр. 147).

С помощью опричнины боярство было разгромлено, самодержавие окрепло, а это способствовало упрочению централизованного феодального государства и укреплению его обороноспособности.

Опричнина имела и отрицательные стороны, так как во время карательных походов на непокорных бояр в первую очередь страдали крестьяне.

«1570 карательный поход Ивана против Новгорода, (Устроил) там кровавую баню. После этого Новгороду пришел конец. В XV веке в нем насчитывалось 400000 жителей, теперь (1826) — 10700. Поход был совершен из за подозрения в соглашении с Польшей. На обратном пути — на том же основании — был razорен Псков и казнено несколько монахов, потом в Твери¹ повторилась новгородская баня, наконец, по возвращении в Москву (произошли) самые невероятные зверские сцены (опричник)²» (стр. 148).

«...Настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью

¹ Разгром Твери предшествовал разгрому Новгорода.

² Это слово написано Марксом по-русски.

было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой. Вот причина, почему Петр так им (Иваном IV.—Г. и А.) восхищался!» (стр. 148).

В конце «Хронологических выписок» по русской истории Маркс останавливается на польско-шведской интервенции и на национально-освободительном движении русского народа, направленном против захватчиков. Маркс упоминает о Минине и Пожарском, под руководством которых народ поднялся на борьбу за независимость Руси.

Маркс упоминает также о Лжедмитрии I и Лжедмитрии II. Он оценивает их как самозванцев и авантюристов, польских ставленников.

«Хронологические выписки» не представляют собой законченной исторической работы. Они отличаются скупостью, краткостью, отрывочностью изложения. Тем не менее они имеют большую ценность для историков СССР.

Замечательны приемы работы Маркса при составлении «Хронологических выписок», метод отбора фактов, событий, сжатость формулировок, оригинальность и меткость отдельных замечаний.

В своих записях, суждениях и обобщениях Маркс очень скуп, но по некоторым вопросам делает выводы, расходящиеся с мнениями авторов, трудами которых он пользовался.

Маркс сосредоточивает свое внимание прежде всего на событиях из политической истории России. Он выбирает факты, рисующие героическую борьбу русского народа против его угнетателей.

Маркс отмечает также характерные черты русского народа: его свободолюбие, трудолюбие, выносливость, героизм.

В «Хронологических выписках» подчеркнуты сочувствие Маркса к России, к русскому народу и ненависть к его врагам и поработителям.

История возникновения стахановского движения

В марте — апреле 1918 года Владимир Ильич Ленин писал в брошюре «Очередные задачи Советской власти»: «Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того, как решается в главном и основном задача: — экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация»¹. В той же работе Ленин с исключительной отчетливостью указал условия решения этой коренной задачи. Первое место среди этих условий занимает создание материальной основы крупной индустрии. Другими условиями повышения производительности труда, как указывал Ленин, являлись: рост материального и культурного уровня населения, укрепление трудовой дисциплины, повышение производственной квалификации трудящихся, лучшая организация труда.

Обеспечение этих условий, необходимых для создания высшей по сравнению с капитализмом производительности труда, было, есть и остается самой насущной заботой большевистской партии и руководимого ею советского общества в его борьбе за коммунизм. На этом пути СССР уже достиг огромных успехов. Ярчайшим доказательством этого является бурно развивающееся в стране всенародное стахановское движение.

1

Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 21—25 декабря 1935 года, определил стахановское движение, как «...результат всего нашего развития на путях к социализму, результат победы социализма в нашей стране»².

Рабочий класс СССР, вырвавший власть

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 453.

² «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 2-я, стр. 628. 6-е изд. Госполитиздат. 1940.

из рук буржуазии и помещиков, получил в «наследство» отсталое хозяйство, разрушенное, вдобавок, ударами империалистической и гражданской войн. Перед партией и рабочим классом встали грандиозные задачи — залечить раны, нанесенные войной, и восстановить хозяйство. Но это хозяйство базировалось на старой технике, которая не могла служить основой быстрого движения вперед. «Наша страна переживала тогда период жесточайшего голода в области техники. Нехватало машин для индустрии. Не было машин для сельского хозяйства. Не было машин для транспорта. Не было той элементарной технической базы, без чего не мыслимо индустриальное преобразование страны»³.

По окончании восстановительного периода партия под руководством товарища Сталина развернула гигантскую работу по осуществлению своей генеральной линии на социалистическую индустриализацию страны. Партия сокрушила все и всяческие попытки троцкистов и правых оппортунистов сорвать или затормозить индустриализацию страны, помешать созданию базы крупной индустрии, способной реорганизовать все народное хозяйство, в том числе и земледелие и транспорт, способной своими собственными силами производить все необходимое для страны оборудование. Партия преодолела пренебрежение к технике со стороны хозяйственных работников и призвала их стать специалистами, знатоками своего дела. Без этого нельзя было и думать о победе социализма.

Идея социалистической индустриализации страны воплотилась в известных всему миру сталинских пятилетних планах развития народного хозяйства, выполнение которых увенчалось грандиозным успехом. По всей стране шло новое строительство, в результате которого фонды социалистического хозяйства выросли с 49,4 миллиарда в 1928 году до 138,2 миллиарда в 1935, причем фонды отраслей промышленности, производящих средства производства, выросли в 6 раз. Заново были созданы та-

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 487. 11-е изд.

кие отрасли промышленности, как автомобильная, тракторная, химическая, станкостроительная и др. Строились новые мощные металлургические заводы, росла добыча металла, угля, руды. Происходило коренное качественное изменение в технике: все новые заводы вооружались по последнему слову техники, старые предприятия реконструировались. В угольной промышленности, например, в 1925 году преобладал ручной труд, врубовых машин насчитывалось всего 90, отбойных молотков не было совершенно. К 1935 году механизированная добыча угля поднялась неизмеримо: тяжелых врубовок уже насчитывалось 1906, легких — 350, отбойных молотков — 13 500. И так во всех отраслях промышленности. Достаточно сказать, что энерговооруженность советского рабочего к 1935 году поднялась по сравнению с 1929 годом в 2 раза, а в такой важнейшей отрасли промышленности, как черная металлургия, — почти в 4 раза. В 1935 году механизированные домы выплавляли 52,9% всего чугуна. Опromные качественные изменения произошли в машиностроении.

Развернувшееся в стране с весны 1929 года социалистическое соревнование показало замечательные образцы трудового героизма, образцы подлинно социалистического отношения к труду. Оно было одним из важнейших условий гигантских успехов вооружения всего нашего народного хозяйства новой, современной техникой.

Быстрыми темпами шло и техническое перевооружение советского сельского хозяйства. Если в 1924 году в сельском хозяйстве насчитывалось всего 2600 тракторов, а комбайнов не было вовсе, то в 1934 году на колхозных и совхозных полях работали уже 281 тысяча тракторов и 32 тысячи комбайнов.

Начавшееся к концу 1929 года массовое колхозное движение создало предпосылки для решения задачи ликвидации кулачества как класса. Своеобразной революцией сверху, проведенной по инициативе государственной власти и поддержанной широчайшими массами крестьян, было ликвидировано кулачество — самый многочисленный эксплуататорский класс в нашей стране.

Массы крестьян-единоличников перешли на путь социалистического хозяйства. Этим была создана социалистическая база и в самой отсталой области народного хозяйства — в сельском хозяйстве.

Колхозы стали прочной, непобедимой силой.

Все это дало возможность товарищу Сталину заявить в своем докладе XVII съезду партии в январе 1934 года:

«СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства»¹.

В результате правильной политики партии, сумевшей вызвать среди широчайших масс трудящихся трудовой подъем, к 1935 году голод в области техники был в основном ликвидирован. Новая техника была создана. Одно из условий возникновения стахановского движения, движением борцов за более высокую по сравнению с капитализмом производительность труда, было создано. «Стахановское движение было бы немыслимо без новой, высшей техники»², — говорил товарищ Сталин на Первом всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года.

И дальше: «...индустриализация нашей страны, реконструкция наших заводов и фабрик, наличие новой техники и нового оборудования послужили одной из причин, породивших стахановское движение»³.

В январе 1933 года товарищ Сталин призвал партию и массы рабочих и служащих дополнить пафос нового строительства пафосом освоения новых заводов и новой техники. Под знаком реализации этого лозунга и шла подготовка кадров, знающих технику.

К этому времени рост кадров, способных оседлать новую технику, еще сильно отставал от роста техники. Серьезным препятствием на этом пути была переоценка техники, превращение ее в фетиш со стороны значительной части хозяйственных работников, полагающих, что техника «сама делает» свое дело. Партия направила внимание своих хозяйственных кадров в сторону усиления работы по выработке кадров, способных выжать из техники максимум эффекта.

Партия проделала колоссальную разъяснительную работу в массах, развернула широкую деятельность по организации технической учебы и повышению квалификации рабочих, по созданию советской технической интеллигенции.

В годы реконструкции наша промышленность поглотила огромное количество новых, опытных рабочих. Число рабочих и служащих в народном хозяйстве увеличилось с 11 559 тысяч в 1928 году до 26 989 тысяч в 1937 году. Эти люди в большинстве своем приходили из среды учащейся молодежи и из деревни, в кото-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 438.

² Там же, стр. 493.

³ Там же, стр. 500.

рой вследствие насыщения сельского хозяйства машинами появился избыток рабочей силы. В рабочем классе большой процент составляла молодежь. Техническая реконструкция промышленности открыла широкие возможности и для применения женского труда. Естественно, что подготовка этих новых для промышленности людей, повышение их квалификации представляли большие трудности, особенно на новых заводах, оборудованных сложнейшей техникой.

Перед партией и советской властью стояла дилемма: либо обучать людей в школах технической грамотности и отложить производство и массовую эксплуатацию новых машин, либо начать обучение кадров немедленно в процессе производства. «Мы выбрали, — говорил товарищ Сталин в своей беседе с металлургами в 1934 году, — второй путь. Мы пошли открыто и сознательно на неизбежные при этом издержки и перерасходы, связанные с недостатком технически подготовленных людей, умеющих обращаться с машинами. Правда, у нас паломали за это время не мало машин. Но зато мы выиграли самое дорогое — время и создали самое ценное в хозяйстве — кадры»¹.

В условиях капиталистического производства человек, прежде чем получить квалификацию, многие годы претерпевает нужду и лишения. Совсем в других условиях идет подготовка квалифицированных кадров у нас. Широкая и бесплатная система рабочего образования, отсутствие каких бы то ни было преград на пути к высшей квалификации, социалистическое соревнование — вся обстановка на социалистическом предприятии не может не содействовать невиданно быстрому росту квалификации рабочих, выдвижению среди них талантов. Примеров такого роста можно привести множество.

Инициатор стахановского движения Алексей Стаханов, человек, известный сейчас всему миру, в 1927 году пришел на шахту из деревни. Бусыгин, зачинатель стахановского движения в автомобильной промышленности, пришел на завод в 1930 году совсем малограмотным и за каких-нибудь три—четыре года стал кузнецом высшей квалификации, шоватором производства.

Вот как росла квалификация рабочих крупнейших предприятий в 1933—1934 годах. На Автозаводе имени Сталина удельный вес рабочих 1-го и 2-го разрядов уменьшился с 45,6% в 1932 году до 28,7% в 1934 году. Напро-

тив, процент рабочих 5-го—7-го разрядов увеличился с 16,3 до 25,4. На «Красном путиловце» удельный вес рабочих 1-го и 2-го разрядов уменьшился с 50,4 до 38,7%, а удельный вес рабочих 5-го—7-го разрядов увеличился с 16,9 до 24,3%. Повышение в разрядах в последующее время пошло еще быстрее.

Подготовка кадров, способных оседлать технику, шла также в школах ФЗУ и путем индивидуального и бригадного ученичества. В школах ФЗУ обучалось: до первой пятилетки — 80 тысяч человек, в течение первой пятилетки — 450 тысяч, в течение второй пятилетки — 1400 тысяч.

В эти же годы в более широких масштабах развернулось обучение рабочих в кружках обязательного технического минимума. Уже в 1935 году только на предприятиях Наркомата тяжелой промышленности государственный технический экзамен сдали 816 тысяч рабочих.

Квалификация рабочих также сильно изменилась в связи с технической реконструкцией народного хозяйства. В каменно-угольной промышленности, например, перед началом первой пятилетки на тысячу рабочих приходилось: забойщиков вручную — 258, саночников — 69, уборщиков породы вручную — 69, откатчиков — 82. Все это были профессии ручного, тяжелого труда. В результате реконструкции произошло резкое уменьшение числа рабочих этих квалификаций. Уже в 1934 году забойщиков вручную осталось 109, количество саночников уменьшилось до 17, уборщиков породы — до 30, чернорабочих — до 28. В то же время выросло количество врубовых машинистов, забойщиков с отбойным молотком, рабочих электровозов. В 1935 году доля механизированной добычи достигла в Донбассе 82,5%.

Исключительную роль в подготовке кадров, способных оседлать новую технику, сыграла речь товарища Сталина, произнесенная им в апреле 1935 года на выпуске академиков Красной Армии.

«Техника без людей, овладевших техникой, — говорил товарищ Сталин, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, на нашем транспорте, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людей, на кадры, на рабочих, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг — «техника решает все», являющийся отражением уже прой-

¹ «Правда» от 29 декабря 1934 года.

денного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное»¹.

Товарищ Сталин призывал выращивать и беречь кадры, ибо «...из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры»².

Эта речь товарища Сталина открывала новый период в социалистическом строительстве и во всей жизни страны, новый этап в росте производительности труда. Она двинула вперед подготовку кадров.

Из всего этого ясно, что к середине 1935 года, то есть ко времени зарождения стахановского движения, партия провела большую работу по ликвидации «голода» в области кадров. В своей речи на совещании стахановцев в ноябре 1935 года товарищ Сталин говорил, что зарождение стахановского движения свидетельствует о том, что кадры, способные овладеть техникой, у нас появились. «Очевидно, — говорил товарищ Сталин, — что за эти два года шло освоение этой новой техники и зарождение новых кадров. Теперь ясно, что такие кадры уже имеются у нас»³.

У коммунистической партии и советской власти нет иных интересов чем интересы народа, нет более кровной заботы чем забота о материальном благосостоянии трудящихся. «Наша революция, — говорил товарищ Сталин, — является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни»⁴. Всемирноисторические успехи социалистической реконструкции нашей страны, рост производительности труда, уничтожение безработицы в городе, победа колхозного строя в деревне немедленно отразились на материальном положении трудящихся.

Улучшение материального благосостояния трудящихся лучше всего можно характеризовать ростом фондов заработной платы. Эти фонды с 34 миллиардов в 1934 году поднялись до 81 миллиарда в 1937 году. По сравнению с 1929 годом среднегодовая заработная плата во всем народном хозяйстве выросла в 1937 году в 3,8 раза, а в промышленности — в 3,14 раза.

Но улучшение материального положения советских рабочих и служащих не огра-

ничивается только ростом заработной платы. Советское государство расходует огромные средства на культурно-бытовое обслуживание трудящихся: детские сады и ясли, курорты, санатории и дома отдыха, жилищное строительство и т. п.

Чтобы представить себе громадные размеры сумм, отпускаемых государством на обслуживание культурно-бытовых нужд рабочих и служащих, достаточно сказать, что фонды государственного социального страхования с 4600 миллионов рублей в 1933 году выросли до 5,6 миллиардов в 1937 году.

Материальное благосостояние трудящихся повысилось не только в городе, но и в деревне. Колхозный строй уничтожил нищету в деревне, колхозы стали выживать зажиточными.

Рост материального благосостояния трудящихся также явился одной из основ стахановского движения.

Таким образом, к моменту зарождения стахановского движения наша страна под руководством партии и товарища Сталина одержала великие победы. В стране была создана первоклассная социалистическая индустрия. В деревне победил колхозный строй, деревня твердо шла к зажиточной жизни. Были уничтожены безработица и нищета, ликвидирована эксплуатация человека человеком, созданы все условия для непрерывного улучшения материального и культурного положения трудящихся.

Советская страна под руководством партии большевиков реорганизовала свое хозяйство на социалистической базе. Вопрос «кто кого» был решен бесповоротно и решительно как в городе, так и в деревне в пользу социализма.

Поднялись политическая активность и классовое самосознание рабочего класса и колхозного крестьянства. Рабочий класс и колхозное крестьянство еще теснее сплотились вокруг партии большевиков, вокруг товарища Сталина. Рабочий класс самоотверженно боролся за производительность труда, укрепляя экономическую и оборонную мощь нашей родины. Свою величайшую преданность делу коммунизма, делу партии Ленина—Сталина он демонстрировал широчайшим развертыванием социалистического соревнования, широчайшим трудовым энтузиазмом. В социалистическом соревновании, которое превратило труд из заторного и тяжелого бремени «в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма» (Сталин), участвовал почти весь рабочий класс. В среде соревнующихся рабочих росло и воспитывалось коммунистическое отношение к труду и производству. Советский человек все больше и больше

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 490.

² Там же, стр. 491.

³ Там же, стр. 501.

⁴ Там же, стр. 499.

проникался сознанием величия социалистического труда на себя, на свой класс, на свое общество в стране, где трудовой человек чувствует себя «своего рода общественным деятелем»¹, где он овеян славой.

Этот рост политического самосознания и политической активности рабочего класса был также одним из источников стахановского движения.

2

6 сентября 1935 года «Правда» под заголовком «Советские богатыри» напечатала следующее сообщение из Донбасса:

«30 августа на шахте «Центральная-Ирмино», Кадиевского района, неожиданно стало настоящим праздником. Произошло событие, поднявшее на ноги весь коллектив. Забойщик Стаханов в этот день вырубил советским отбойным молотком 102 тонны угля...»

Победа Стаханова в самом деле была совершенно исключительной. 102 тонны за 6 часов! Это столько же, сколько в 1933 году давал отбойный молоток за целый месяц! Это почти 7 вагонов угля. Но эта победа не была случайной. Она явилась результатом овладения новой техникой, напряженной борьбы за увеличение производительности труда, она была следствием вдумчивого подхода к работе. Рекорд Стаханова был ответом передовых рабочих на призыв товарища Сталина освоить технику. А. Стаханов пишет:

«Передовых шахтеров всегда беспокоило одно — как бы поднять шахту, как бы вывести ее из прорыва. Призыв товарища Сталина об овладении техникой и его слова о том, что техника во главе с людьми решает все, доходил до сознания каждого рабочего. Народ учился, повышал производительность и старался ликвидировать прорыв.»

О том, что люди, овладевшие техникой, решают все, товарищ Сталин говорил в мае 1935 г. Май, июнь, июль, август — в эти месяцы мы часто повторяли слова товарища Сталина и боролись за их выполнение»².

Старался выполнить это указание вождя и А. Стаханов. Для него, человека, в совершенстве освоившего отбойный молоток, было ясно, что производственные неполадки и неправильная, отсталая организация труда в шахте мешали забойщикам дать высокую производительность труда. Лучшие шахтеры давали только 10—14 тонн угля на отбойный молоток. Как поднять производительность? С этим вопросом чле-

ны партии обращались к шахтерам, собирали предложения. Накануне Международного юношеского дня, 29 августа, на квартиру А. Стаханова пришли парторг шахты К. Петров и начальник участка Н. Машуров. А. Стаханов рассказал им то, о чем он долго думал: нет условий для хорошей работы: уступы в лаве коротки, развернуться нет — один забойщик мешает другому. Работа организована так, что отбойным молотком работаешь всего 3—3½ часа, остальное время уходит на крепление забоя. Стало быть, новая техника используется наполовину и даже того меньше. Вот если бы рубать уголь всю смену без перерыва!..

Путь к высокой производительности был найден. Стаханову предложили идти рубать лаву одному. Со своей стороны, парторг и начальник участка обязались создать все условия для бесперебойной работы.

В ночь на 30 августа А. Стаханов и крепильщики Шиголев и Калинин спустились в шахту. Никто из них не сомневался в успехе. Стаханов рубал; следом за ним шли крепильщики. Уже в первый час работы стало ясно, что на шахте начинается небывалое, что рекорд будет установлен невиданный. За 5 часов 45 минут было выдано 102 тонны угля — 14 норм. И это при старых, коротких уступах в лаве! Новым в работе было только разделение труда между забойщиком и крепильщиком. Иначе говоря, отбойный молоток был использован полностью.

Но рекорд оставался за Стахановым только 4 дня. На шахте началось невиданное соревнование на побитие производственных рекордов. 2 сентября забойщик Поздняков вырубил за смену 61 тонну. Успех был замечательный, но до рекорда Стаханова Позднякову было далеко.

3 сентября спустился в шахту парторг участка, на котором работал Стаханов, мастер отбойного молотка тов. Дюканов. Он взялся перекрыть рекорд Стаханова. Слова большевика Дюканова превратились в новое большое дело. За смену тов. Дюканов вырубил 115 тонн угля.

Весть о победе Стаханова с поразительной быстротой разнеслась по шахтам Донбасса и немедленно вызвала подражание среди лучших забойщиков. Сила передового примера проявилась с необычайной наглядностью.

Рекорты производительности труда повышались с каждым днем. Соревнование разрасталось: Никита Изотов вырубил в шахте «Кочегарка» 210 тонн, а забойщик Артюхов — 310 тонн (19 вагонов) угля. Но эти рекорды не были пределом; в скором времени забойщик М. Павлов на Ан-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 500.

² А. Стаханов «Рассказ о моей жизни», стр. 19—20. Соцэкгиз. 1937.

жоро-Судженских копах дал на отбойном молотке 991 тонну угля.

Могучий порыв стахановского движения в Донбассе был подхвачен передовыми людьми других отраслей промышленности.

2 октября молодой машинист П. Кривонос повысил техническую скорость товарного поезда с 23 до 47,7 километра в час, сэкономив при этом 270 килограммов угля. На ленинградской фабрике «Скороход» Н. Сметанин перетянул 1860 пар обуви за смену, тогда как норма выработки на лучшем капиталистическом предприятии — на фабрике чехословацкого предпринимателя Батя — составляла не более 1125 пар. Е. и М. Виноградовы — работницы Вичугской фабрики имени Ногина — стали работать на 144 станках, далеко опередив Америку. Буровой мастер Майнефти Никитин добился скорости бурения 1243 метра в станкомесяц.

В деревне также нарастала борьба за высокую производительность труда. Десятки комбайнеров уже убирали от 400 до 900 и больше гектаров. Появились стахановцы среди трактористов, в полевых бригадах, среди работников животноводческих ферм.

Огромный толчок развитию стахановского движения в социалистическом сельском хозяйстве дал II съезд колхозников-ударников, на котором были принят Сталинский Устав сельскохозяйственной артели. На этом съезде зачинатель стахановского движения в сельском хозяйстве, звеньевая колхоза «Коминтерн», Киевской области, Мария Демченко дала товарищу Сталину обещание — снять с гектара не менее 500 центнеров свеклы. Мария Демченко свое обещание выполнила, о чем она рапортовала на приеме колхозниц свекловичных полей руководителями партии и правительства. Впрочем, таких же успехов добились многие колхозницы: возникло движение пятисотниц.

Так идея стахановского движения овладела передовыми отрядами трудящихся самых разнообразных отраслей народного хозяйства.

14—17 ноября 1935 года состоялось Первое всесоюзное совещание стахановцев промышленности и транспорта вместе с руководителями партии и правительства.

В конце совещания 17 ноября с большой речью выступил Иосиф Виссарионович Сталин.

Историческая речь товарища Сталина на совещании стахановцев явилась богатейшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма. В ней дан блестящий анализ предпосылок нового общественного движения и предвидение будущего социалистической промышленности и науки в связи со стахановским движением. Речь

товарища Сталина вдохновила массы трудящихся на новые подвиги, вызвала новый взлет творческой инициативы и трудового энтузиазма.

«Стахановское движение, — говорил товарищ Сталин, — нельзя рассматривать, как обычное движение рабочих и работников»¹. Товарищ Сталин увидел в стахановском движении новую, высшую форму социалистического соревнования: «...оно, стахановское движение, выгодно отличается, как выражение социалистического соревнования, от старого этапа социалистического соревнования. В прошлом, года три тому назад, в период первого этапа социалистического соревнования, социалистическое соревнование не обязательно было связано с новой техникой. Да тогда у нас, соответственно, и не было почти новой техники. Нынешний же этап социалистического соревнования — стахановское движение, наоборот, — обязательно связан с новой техникой»².

Стахановцы — это люди, оседлавшие технику и погнавшие ее вперед. «Это — люди новые, особенные»³.

Товарищ Сталин охарактеризовал стахановское движение как движение, которое ставит своей целью преодоление нынешних технических норм, существующих проектных мощностей, производственных планов и балансов. Эти нормы, планы и мощности стали уже старыми для новых людей — стахановцев. «Это движение, — говорил товарищ Сталин, — ломает старые взгляды на технику, ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы и требует создания новых, более высоких технических норм, проектных мощностей, производственных планов»⁴.

Именно потому, что стахановское движение ломает старые представления о нормах, планах, мощностях, оно «...призвано произвести в нашей промышленности революцию»⁵.

Социализм может и должен победить капитализм только на базе более высокой производительности труда чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления. Стахановское движение играет в достижении такой производительности огромную роль. Оно открывает «...практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превра-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 493.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 494.

⁵ Там же.

шения нашей страны в наиболее зажиточную страну»¹.

«Но этим,— сказал товарищ Сталин,— не исчерпывается значение стахановского движения. Его значение состоит еще в том, что оно prepares условия для перехода от социализма к коммунизму»².

Одним из противоречий общества, разделенного на классы, является противоречие между трудом умственным и трудом физическим. Пролетарская революция в нашей стране уничтожила антагонистический характер этого противоречия. При строительстве социализма в нашем обществе уже многое сделано для того, чтобы уничтожить противоречие между трудом умственным и физическим. Но все же при социализме, где господствует принцип «От каждого по способностям, каждому по труду», оно продолжает существовать. Противоположность между умственным и физическим трудом исчезнет при коммунизме, когда культурно-технический уровень рабочего класса поднимется до уровня инженерно-технических работников.

«Стахановское движение знаменательно в этой связи в том отношении, что оно содержит в себе первые начатки, правда, еще слабые, но все же начатки такого именно культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны.

В самом деле, присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это, главным образом,— молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами. Большинство из них прошло так называемый технический минимум и продолжает пополнять свое техническое образование. Они свободны от консерватизма и застойности некоторых инженеров, техников и хозяйственников, они идут смело вперед, ломая устаревшие технические нормы и создавая новые, более высокие, они вносят поправки в проектные мощности и хозяйственные планы, составленные руководителями нашей промышленности, они то и дело дополняют и поправляют инженеров и техников, они нередко учат и толкают их вперед, ибо это — люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать»³.

В своей речи товарищ Сталин выдвигает

перед партией и страной две ближайшие задачи:

1. Помочь стахановцам распространить стахановское движение вширь и вглубь, на все области и районы СССР, «...обуздать все те элементы из хозяйственных и инженерно-технических работников, которые упорно цепляются за старое, не хотят двигаться вперед и систематически тормозят развертывание стахановского движения»⁴.

2. Помочь перестроиться и возглавить стахановское движение «...тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые не хотят мешать стахановскому движению, которые сочувствуют этому движению, но не сумели еще перестроиться, не сумели еще возглавить стахановское движение»⁵.

3

После речи вождя в истории стахановского движения наступил новый этап. Движение стало подлинно массовым, всенародным походом за создание высшей по сравнению с капитализмом производительности труда.

Под углом зрения реализации сталинских заданий и шла борьба за развитие стахановского движения по всей стране. Борьба была суровой. Стахановцам пришлось и приходится еще и сейчас преодолевать сопротивление консерваторов и бешеную злобу скрытых вредителей, замаскированных врагов партии и рабочего класса—троцкистско-бухаринской нечисти. Вредители и шпионы старались развалить стахановское движение, не останавливаясь перед физическим уничтожением стахановцев.

«Вредители не могли не быть злейшими врагами стахановского движения,— говорил тов. Молотов.— И они действительно вели гнусную борьбу против стахановцев, против стахановского движения»⁶.

Необходимо было разбить, как на это указывал товарищ Сталин, «...гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей»⁷.

⁴ Там же, стр. 504.

⁵ Там же, стр. 505.

⁶ Из доклада тов. Молотова на Пленуме ЦК ВКП(б) 26 февраля 1937 года.

⁷ И. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», стр. 26. Партиздат. 1937.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 494—495.

² Там же, стр. 495.

³ Там же, стр. 496.

Стахановскому движению пришлось преодолевать старые навыки труда, привычки и пережитки капитализма в сознании отсталых слоев трудящихся.

Партия, следуя указаниям товарища Сталина, расчистила дорогу для развития стахановского движения. Партия обеспечила стахановцам всемерную поддержку и внимание, она отстояла стахановское движение от всех наскоков врагов социализма, обуздала консерваторов, цепляющихся за старое, помогла и неустанно помогает тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые возглавляют движение стахановцев, и воспитала из них кадры настоящих организаторов стахановского движения.

Сила стахановского движения в его массовости. И об этом в первую очередь заботилась партия большевиков. В эти годы возникли и развернулись поддержанные партией и профсоюзами разнообразные формы передачи стахановского опыта, реализующие указание товарища Сталина о помощи отстающим. По почину стахановца фабрики «Парижская коммуна» тов. Яшина появились школы стахановских методов работы, где стахановцы читали лекции о методах своего труда; в широких размерах распространилось шефство стахановцев над отстающими. Эффективность этих форм можно проследить на примере завода «Красный богатырь», где на протяжении 6—7 месяцев 1938 года путем индивидуального шефства было обучено 1500 рабочих.

Партия заботилась о том, чтобы рекорды стахановцев становились достоянием всех рабочих. Но многие хозяйственники и инженерно-технические работники ограничивались рекордами, не заботясь о том, чтобы опыт стахановца, установившего рекорд, передавался массе рабочих, чтобы рекорд стахановца был отправным пунктом для нового под'ема стахановского движения. Эту ошибку со всей резкостью отметил ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 28 декабря 1937 года «По поводу «Обращения стахановцев фабрик и заводов Москвы и Московской области». В этом постановлении ЦК указал:

«Нельзя считать правильным наименование предполагаемого стахановского месячника «Сталинским месяцем стахановских рекордов», так как всякий недельник или месячник стахановского движения должен касаться всех стахановцев, а не только рекордсменов, работа которых охватывает лишь самую незначительную часть стахановского движения, при этом расширение рядов стахановцев в период

недельника или месячника должно считаться одной из важнейших задач...»¹.

Забота о массовости движения принесла свои плоды. Стахановцы перед всем миром продемонстрировали, что овладевший техникой рабочий класс способен творить чудеса. Если в 1935 году прирост продукции был равен 22%, то в 1936 году он уже составлял 30%. В 1937 году Советская страна достигла еще больших успехов: был досрочно выполнен второй пятилетний план народного хозяйства СССР. Промышленность СССР выросла более чем в 7 раз по сравнению с довоенным уровнем.

Стахановское движение разрешает всемирноисторическую задачу, о которой говорил товарищ Сталин,—задачу создания в нашей стране производительности труда более высокой чем производительность труда в передовых капиталистических странах. Темп прироста производительности труда советских рабочих уже давно несравненно выше чем в передовых капиталистических странах. За первую пятилетку производительность труда в СССР поднялась на 41%, в то время как наибольшее достижение Америки за лучшие 5 лет—25%, Англии—11%, Германии—и того меньше.

В течение второй пятилетки производительность труда у нас вместо 63%, по плану, увеличилась на 82%.

В среднем один год первой пятилетки давал прирост производительности труда на 8,9%, а один год второй пятилетки — 16,4% — увеличение почти в два раза. В капиталистических же государствах, входивших тогда в Лигу наций, повышение производительности труда на одного занятого рабочего с 1929 по 1936 год (включительно) составило менее 0,5% в год.

Рост производительности труда во второй пятилетке явился решающим условием огромного, невиданного в мире прироста валовой продукции промышленности.

Быстрый рост производительности труда происходит и в нашем социалистическом сельском хозяйстве. Этот замечательный рост обусловлен коллективизацией крестьянских хозяйств, внедрением в сельское хозяйство новейшей техники, развертыванием социалистического соревнования и его высшей формы—стахановского движения — среди коллективизированного крестьянства.

Производительность труда в совхозах и колхозах СССР превысила производительность земледельческого труда в США.

¹ См. И. В. Сталин «О социалистическом соревновании и стахановском движении». Статьи и речи, стр. 129. «Молодая гвардия», 1938.

Стахановское движение чрезвычайно сильно активизировало рационализаторскую и изобретательскую мысль рабочих. Количество предложений рабочих, инженеров и техников выросло на каждом заводе, на каждой фабрике. На Коломенском заводе имени Куйбышева, например, в 1937 году поступило 3922 рационализаторских предложения, а за 6 месяцев 1938 года—3021. В связи с общественным смотром оборудования, начатым на этом заводе во второй половине 1938 года, поступило еще 3 тысячи предложений.

Этот пример характеризует непрерывное стремление стахановцев к культурным методам работы, к уплотнению рабочего дня, к изменению и усовершенствованию технологического процесса и к борьбе за знания.

Стахановское движение подняло на новую ступень техническую учебу всех трудящихся. Большинство стахановцев изучило технический минимум и непрерывно продолжает пополнять свое техническое образование. Если в 1935—1936 годах по всем отраслям народного хозяйства без отрыва от производства училось 11,5 миллиона человек, то в одном 1937 году—9,5 миллиона.

Борьба за культуру производства, за повышение технической квалификации рабочих дала блестящие результаты. Характерной особенностью стахановского движения в 1938 году, первом году третьей пятилетки, явился переход передовых заводов, шахт и фабрик к коллективной стахановской работе.

Передовые работники, по-боевому взявшиеся за внедрение на своих предприятиях цикла и графика, изо дня в день дерущиеся за правильное сочетание всех частей процесса производства, добились в 1938 году больших успехов. Замечательным подъемом производительности труда и ростом стахановских рядов они доказали, что цикл, график поднимают культуру производства, обеспечивают переход предприятий на коллективную стахановскую работу, ведут к новому подъему промышленности.

Это наглядно подтверждает опыт одного из инициаторов циклической работы в Донбассе, бывшего начальника участка № 3 шахты № 18 имени Сталина тов. И. Шапацкого. Такие стахановцы находились в каждой отрасли промышленности. Широко стали известны методы Блудмана, резко снижающие время погрузки и разгрузки на водном транспорте. Стахановец-мастер треста Азнефтьразведка А. Грачев в труднейших геологических условиях стал давать больше 1300 метров про-

ходки на станкомесяц при норме в 1089 метров. Бригадир выщечников треста Ворошиловнефть В. Саушкин сэкономил при передвижке нефтяных вышек массу времени и денег. Он доказал, что, пользуясь однажды выстроенной вышкой, можно бурить по 20—22 скважины и резко ускорить цикл бурения. Блестящие образцы стахановской работы показали строитель Вялкин, бригада которого укладывает за смену 50—60 тысяч штук кирпича, инициаторы скоростного строительства инженеры Плаксин и Степанов, построившие цех в 32 дня, и множество других.

* * *

27 января 1939 года было опубликовано решение Пленума ЦК ВКП(б) о созыве XVIII съезда Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Социалистическое соревнование имени XVIII съезда партии развернулось по всей стране. Не было ни одного предприятия, колхоза, учреждения, школы, которые не стремились бы встретить съезд партии Ленина—Сталина новыми производственными победами.

XVIII съезд ВКП(б) войдет в историю как событие мирового значения, как съезд, подведший замечательные итоги строительства социализма и определивший величественный путь постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В своем отчетном докладе XVIII съезду товарищ Сталин убедительно показал, что в историческом соревновании с капитализмом СССР неуклонно идет вперед, в то время как капиталистические страны топчутся на месте. В 1938 году промышленность СССР выросла по сравнению с довоенным уровнем более чем в 9 раз, а промышленность капиталистических стран—лишь на 20—30%. По темпам роста и технике производства наша страна уже догнала и перегнала капиталистические страны.

«Наиболее важным результатом в области развития народного хозяйства за отчетный период нужно признать завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой, современной техники. У нас нет уже больше, или почти нет больше старых заводов с их отсталой техникой и старых крестьянских хозяйств с их допотопным оборудованием. Основу нашей промышленности и земледелия составляет теперь новая, современная техника. Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой дру-

гой страной, где старое оборудование висит на ногах у производства и тормозит дело внедрения новой техники»¹.

Как могучим прожектором товарищ Сталин осветил дальнейший путь великой страны, путь постепенного перехода от социализма к коммунизму, путь построения коммунистического общества. С исчерпывающей конкретностью товарищ Сталин определил методы разрешения основной экономической задачи СССР—в кратчайший срок, в течение 10—15 лет, догнать в экономическом отношении передовые капиталистические страны.

XVIII съезд партии подчеркнул, что третий пятилетний план развития народного хозяйства в условиях окончательного укрепления позиций социалистического государства требует дальнейшего выращивания кадров, освоивших новую технику. Дело решают культурные кадры, могущие возглавить массы в их борьбе за построение коммунистического общества. В связи с этим еще большее значение приобретают социалистическое соревнование и его высшая форма—стахановское движение.

Задача, поставленная товарищем Сталиным перед всем советским народом,—догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении—вызвала новый триумфальный подъем масс. По инициативе рабочих, инженеров и техников Московского инструментального завода по всей стране развернулось соревнование за выполнение заданий третьей пятилетки по производительности труда в 4 года. В процессе этого соревнования стахановское движение непрерывно обогащалось новыми проявлениями народной инициативы. Среди этих форм первое место, несомненно, занимают движение многостаночников и движение за совмещение профессий.

Эти движения означают, что социалистическое соревнование поднялось на качественно новую ступень. Новые формы борьбы масс за рост производительности труда соответствуют переживаемому СССР периоду постепенного перехода от социализма к коммунизму. Они являются блестящими показателями подъема культурно-технического уровня рабочего класса.

Движение многостаночников по существу своему революционно. Оно ломает отсталые нормы организации производства и техники. Оно потребовало коренного усовершенствования технологического процесса, оснащения наших предприятий различными приспособлениями, повышающими производительность труда, лучшей

подготовки рабочего места, автоматизации и механизации производственных процессов.

Многостаночное движение еще выше подняло рационализаторскую и изобретательскую работу на предприятиях СССР: с меньшей затратой сил давать больше продукции более высокого качества—вот задача, которую ставят себе стахановцы-многостаночники. Сверловщик Прожекторного завода тов. Гнатюк изготовил приспособление, с помощью которого производительность труда на сверловке поднялась почти в 7 раз, а на слесарной обработке—в 6 раз. Никелировщица Подольского механического завода тов. Федотова, осуществив свое рационализаторское предложение, перешла на одновременную обработку 30 деталей вместо прежних 3. Остроумное приспособление для закалки плашек, придуманное стахановцем термического цеха завода «Фрезер» тов. Кирильным (так называемая елочка), увеличило производительность труда в 20 раз. Таких фактов множество. Все они свидетельствуют, что борьба за рост производительности труда вступила в новую, качественно более высокую фазу.

Стахановцы—активные участники большой работы по автоматизации производства, которая проводится на наших предприятиях.

Для развития многостаночного движения характерно интенсивное внедрение скоростных методов работы. Развернулось движение за скоростное проектирование и освоение производства новых машин и станков. И в этом уже достигнуты некоторые результаты. Коллективы инженеров, техников и стахановцев некоторых заводов проектируют и осваивают производство новых станков за 2—3 месяца вместо прежних нескольких лет. Все шире внедряются в практику скоростное строительство домов, цехов, скоростные плавки металла, методы скоростного ремонта оборудования. Развернулась борьба за экономию времени, за то, чтобы давать в единицу времени больше продукции.

Знамя соревнования и стахановского движения высоко подняли рабочие, инженеры и техники таких важнейших отраслей социалистической промышленности, как угольная, железорудная, черная металлургия и др. В результате соревнования эти отрасли стали гораздо лучше выполнять свои планы чем раньше.

В деревне также происходил огромный трудовой подъем в борьбе за высокие, стахановские урожаи. Основой большого роста стахановского движения в деревне была Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, которая, поистине, явилась

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 575.

сокровищницей стахановского опыта колхозного и совхозного производства.

Новые благоприятнейшие условия для роста стахановского движения, для борьбы за рост производительности труда создали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года о переходе на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий, из учреждений и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля о борьбе за качество продукции.

Рабочий класс под руководством коммунистической партии и советской власти прошел величайшую школу борьбы за победу социалистического строя. В процессе этой борьбы громадное большинство рабочих превратилось в сознательных и самоотверженных борцов за дело коммунизма. Но среди них все же осталось еще не мало тунеядцев и паразитов, летунов и прогульщиков, наносящих вред социалистическому государству.

Тов. Молотов говорил на XVIII съезде ВКП(б): «И среди рабочих есть передовые и есть отсталые, не говоря уже об уродах... и среди рабочих, не говоря уже о служащих, весьма живучи мелкобуржуазные привычки. Еще не мало таких, которые готовы урвать для себя у государства побольше, а там хоть трава не расти»¹.

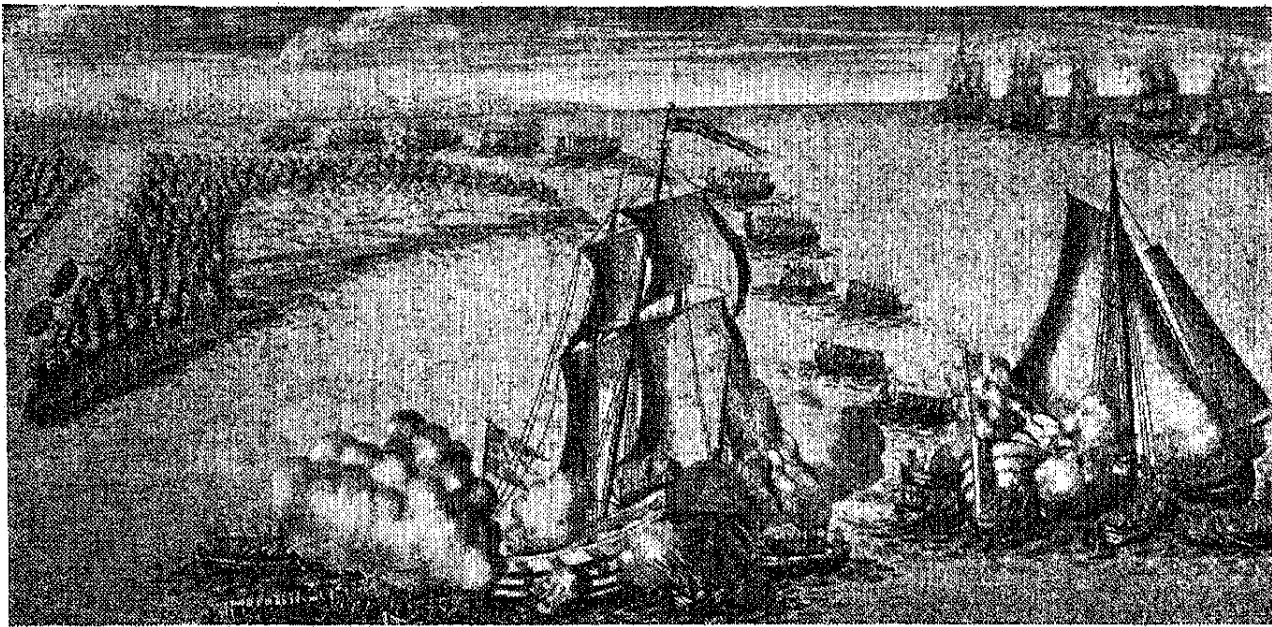
¹ В. М. Молотов «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР», стр. 12. Госполитиздат, 1939.

Против таких людей, приносящих ущерб советскому государству, и направлен гнев рабочего класса СССР. По требованию рабочих и при всеобщем одобрении советского народа государство стало применять к нарушителям дисциплины—летунам и прогульщикам—особенно жесткие меры, ибо социалистическое общество, где господствует принцип «кто не работает, тот не ест», не может терпеть в своей среде паразитов и тунеядцев. Указ от 26 июня целиком и полностью вытекает из учения Ленина—Сталина о социалистическом соревновании, о воспитании железной, подлинно социалистической дисциплины труда.

Наша единственная в мире социалистическая страна живет и борется в капиталистическом окружении. Наш советский народ должен изо дня в день поднимать производительность труда, ибо наша страна должна быть еще сильнее, еще могущественнее и в хозяйственном и в военном отношении. Железная дисциплина труда, социалистическое отношение к труду со стороны каждого рабочего и служащего, полностью загруженный восьмичасовой, самый короткий в мире рабочий день—одно из важнейших, обязательных условий дальнейшего развития стахановского движения и, следовательно, успешного разрешения поставленных перед СССР всемирноисторических задач.

ЛИТЕРАТУРА. ЛЕНИН. Т. XXII, стр. 435—468. «Очередные задачи Советской власти»; И. СТАЛИН «Вопросы ленинизма», стр. 493—506. 11-е изд. «Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев»; «История ВКП(б)», стр. 320—325; И. КУЗЬМИНОВ «Стахановское движение—высший этап социалистического соревнования», стр. 58—93. Соцэкгиз, 1940; Б. МАРКУС «Труд в социалистическом обществе». Госполитиздат, 1939; А. СТАХАНОВ «Рассказ о моей жизни». Соцэкгиз, 1938; И. ГУДОВ «Путь стахановца. Рассказ о моей жизни». Соцэкгиз, 1938.

Б. Тельпуховский,
старший батальонный комиссар,
кандидат исторических наук

Возвращение земель «отчич и дедич» и основание Петербурга

Великая Северная война, которую 21 год вело Русское государство со Швецией за возвращение земель «отчич и дедич», началась для России крайне неудачно. Русская армия вследствие ряда причин потерпела под Нарвой поражение. Однако эта неудача не сломила сил русского народа. Энгельс, оценивая значение нарвской битвы в русской военной истории, писал: «Нарва была первой большой неудачей поднимающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы»¹.

России предстояла суровая и длительная борьба за возвращение земель «отчич и дедич».

Исконные русские земли, прилегающие к берегам Балтики: Ингрия с городами Ямом, Ивангородом, Колорьем, Орешек и область Карела.— были отторгнуты шведами в начале XVII века. О том, что полоса южного побережья Балтики была издавна населена славянами, указывается в нашей летописи. Маркс в своих «Хронологических выписках» также указывает:

«От Вислы до устья Невы (жили): эсты, ливы или латыши, куры, литовцы и пруссы, принадлежавшие, за исключением эстов финской народности, к славянам...»².

Без устья Невы, которое Маркс назвал «естественным выходом для сбыта продукции»³, не могли успешно развиваться производительные силы страны.

Поражение русской армии под Нарвой осложнило внешнеполитическое положение России и значительно повысило международный престиж Швеции и ее короля.

Положение русских послов за границей стало затруднительным. Западноевропейские дипломаты злорадствовали по поводу поражения русских.

В первый период Северной войны Англия и Голландия хлопотали о заключении мира между Россией, польским королем и Швецией, имея в виду вовлечь Швецию и Саксонию в войну против Франции. Но когда были получены изве-

² «Архив Маркса и Энгельса». Т. V, стр. 340.

³ К. Маркс «Секретная дипломатия XVIII века».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 227.

ствия о том, что шведский король сблизился с Францией, Англия и Голландия оказались временно заинтересованными в продолжении войны между Россией и Швецией. Война с Францией за испанское наследство требовала от Англии и Голландии большого напряжения сил, поэтому им было выгодно ослабление возможных союзников Франции.

Военные неудачи России обострили ее отношения с ее давнишними врагами — Турцией и Крымом. Турки стали требовать возвращения Азова и сожжения русского флота в Азовском море. Толстой, русский посол в Турции, ответил султанскому правительству: «Корабли, которые есть в Азовском уезде сожети и новостроенную фортецию чтобы разорити, о сем не токмо мне доноситьи ниже мысли-те о доношении не возможно»¹.

Крымские татары возобновили свои набегии на русские владения. Но твердость русского правительства и мероприятия по укреплению флота на Азовском море предотвратили выступление Турции против России. Турция даже сменила крымского хана, который добивался войны с Россией. Крым и Турция в первые годы войны со Швецией не представляли большой опасности. Толстой писал: «По нынешнему их состоянию вскоре того быти не может (то есть войны.— Б. Т.) понеже суть казна их малоденежная»².

Таково было внешнеполитическое положение Русского государства.

В такой сложной обстановке большое значение приобретал для России вопрос о поддержке дружественных отношений с другими государствами и о союзниках. На долю русской дипломатии выпала очень тяжелая задача. Надо было рассеять то крайне неблагоприятное впечатление, которое создали в Западной Европе неудачи России. Надо было закрепить союз с польским королем Августом II, не допустить его до заключения сепаратного мира с Карлом XII и принять меры к привлечению Польши на свою сторону. Надо было парализовать враждебные происки врагов России, использовать противоречия между великими державами для укрепления внешнеполитического положения Русского государства.

Петр I сумел решить эту задачу.

Еще до нарвского поражения Петр намечал свидание с королем польским для переговоров. Сейчас это особенно было необходимо. В феврале 1701 года в местечке Биржах состоялось свидание Петра I с Августом и польскими вельможами.

На этом совещании обнаружилось крупные противоречия между Россией и польскими магнатами. Паны требовали за свое участие в войне отдать им Украину. Литовский подканцлер Шука заявил: «По последнему договору с Россиею, Польша лишилась своих прежних границ; так не угодно ли будет вашему величеству возвратити ей хотя бы половину уступленного, например Киев с округом»³.

Петр категорически отказался пойти на подобные условия. Тогда Шука ему ответил: «Если это трудно для России, то еще труднее побудити к войне Речь Посполитую»⁴. Переговоры с Польшей ни к чему не привели, но с Августом был заключен новый договор⁵, по которому союзники обязались всеми силами продолжать войну против Швеции и без обоюдного согласия не идти на переговоры. Для помощи Августу Петр обязался прислать в его распоряжение от 15 до 20 тысяч пехоты.

Кроме того в тайной статье договора Петр обязался выдать Августу 20 тысяч рублей, «дабы теми некоторым из сенаторей, которые способны същут сие намеренное дело наилегче исполняти, некоторое награждение и милость показати»⁶. Однако не так легко было Августу склонить польских магнатов на войну со Швецией. Он 25 июня жаловался Петру, что сейм сильно убеждает его примириться со шведами. Но Август уверял Петра, что «сколько будет ему возможности, дружбы и союза с ним, государем, он никогда не расторгнет»⁷. Петру важно было возможно дольше удержать Августа в союзе с Россией, чтобы не остаться в войне со шведами один на один. Было решено дать знать о новом договоре датскому королю и склонить его к восстановлению союза.

Война за испанское наследство в значительной степени отвлекала западноевропейские государства от событий, происходивших на востоке Европы. Это дало возможность Петру I успешно вести войну против Швеции.

³ С. М. Соловьев «История России с древнейших времен». Кн. 3-я, стр. 1253. СПб. Изд. «Общественная польза».

⁴ Там же.

⁵ Август, избранный королем польским в 1697 году, был курфюрстом саксонским. Если бы ему не удалось склонить польских панов на выступление против Карла XII, он мог бы использовать для войны со Швецией саксонские войска.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I, стр. 439. СПб. 1887.

⁷ Н. Бантыш-Каменский «Обзор внешних сношений России по 1900 год». Ч. 3-я, стр. 171.

¹ ГАФКЭ. Сношения России с Турцией, 1793, № 2, л. 287.

² Там же, л. 197—198.

Петр очень внимательно следил за внешнеполитическими отношениями в Западной Европе. Переписка Петра с его ближайшими сподвижниками убедительно свидетельствует об этом. Апраксину Петр писал: «Здесь вестей много. Король Аглинской умре... на его места обрана Анна королева, своячина сво... Смертию бывшего короля zelo великая премена учинилась; война общая началась; дай, боже, чтобы протенулась: хуже не будет нам. Шведы идут дале в Польшу. Изволте проведывать с своей стороны, а здесь весть есть (хотя еще и не подлинная), будто в Венграх начинаютца бунты»¹.

Много внимания русское правительство уделяло созданию благоприятного мнения о России в западноевропейских кругах. Был выпущен специальный манифест, разъяснявший смысл войны со Швецией и призывавший иностранных специалистов вступать на русскую службу. В этом манифесте указывалось, что все мысли правительства обращены на то, «к^оим образом и способом мы как безопасение наших рубежей от всех неприятельских нападений извне содерживати и обороняти, тако наши и наших государств преимущества, правы и справедливости... паки наградити»².

Манифест разъяснял, почему в России создается мощная армия: «И того ради мы войсковое состояние, яко единая из наибольших подпор всех государств и правительств, в государстве нашем учредить трудимся таким образом, дабы наше войско во всех потребных воинских действиях искусно сочинено, под правое и порядочное обучение приведено и к пристойному управлению учреждено быти могло»³.

Укрепляя международное положение и оборону страны, Петр I одновременно стремился заключить мир при условии оставления за Россией искони русских территорий. Но шведский король и слушать об этом не хотел. Это в значительной степени объясняется тем, что шведам покровительствовали другие страны: Англия, Голландия и Франция. Они крайне опасались усиления мощи Русского государства. Эти страны не раз во время Северной войны говорили о посредничестве, но на него надеяться нельзя было.

Упоенный успехами, Карл XII и слышать не хотел о перемирии. Его мысли были заняты только войной.

Считая главным своим противником Августа II, Карл XII простоял до 13 декабря 1700 года под Нарвой, а затем двинул-

ся к Дерпту, где расположил свои войска на зимних квартирах. Он рассчитывал с наступлением весны нанести сокрушительный удар саксонской армии, а потом мимоходом окончательно расправиться с Петром. Однако не суждено было осуществиться мечтам Карла XII.

Русская армия после поражения под Нарвой быстро оправилась, между тем как Карл считал, что нанес ей смертельную рану, от которой ей не выжить. Петра не привела в уныние «сысканная» над его армией победа. Напрягая все силы государства, он готовился к продолжению начатой борьбы против шведов. Особое внимание он обратил на то, чтобы больше «младенческие играция» не повторить.

Регименту было приказано привести в порядок разбитые под Нарвой войска. Шереметеву с дворянской конницей Новгородского разряда и казаками было поручено прикрывать границу государства. Кроме того Петр приказал ему перейти в частичное наступление на шведов. Были приняты меры к укреплению Новгорода, Пскова и Печер.

Формирование новой регулярной армии, начатое еще накануне Северной войны, было в полном разгаре.

Возвратившись из-за границы, Петр уделил особое внимание преобразованию армии. На второй же день после приезда он устроил смотр войскам. И здесь под свежим впечатлением от заграничной поездки он увидел, какая громадная разница между его армией и теми армиями, которые он видел на Западе. Петр решил навсегда покончить с отжившими принципами комплектования, устройства и обучения войск. Считая вредным влиять новое вино в старые мехи, Петр в 1699 году издал указ о роспуске всех московских стрельцов и разрешил им уходить, куда кто хочет, а имущество и дворы их в Москве продавались желающим с торгов. В Москве стрельцам жить строжайше запрещалось. Городовые стрельцы временно были оставлены для несения гарнизонной службы. Были распущены также солдаты Белгородского разряда в количестве 24 тысяч человек, считавшиеся в военном и политическом отношении ненадежными. Петр обратил их в крестьян, обязав их выплачивать ежегодную рублевую подать. Всего выбыло из строя около 40 тысяч человек. Взамен их Петр решил учредить постоянное, регулярное войско, находящееся на содержании государства, в количестве 60 тысяч человек. Для этой цели он изменил систему комплектования армии и к военной службе стал привлекать не одно какое-либо сословие или особую военную касту, а все население, поставлявшее определен-

¹ «Письма и бумаги императора Петра Великого». Т. II, стр. 65. СПб. 1889.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 45.

а на то сие ата на илми иже сие
ония по на де не в ружье и дроби ружье
и на, славоты и востану и дроби с
на преста и то то и то и дроби с
и ружье ружье и дроби с и дроби с

Пункт «Военного устава», написанный рукой Петра I.

Государственный Исторический музей.

ное количество «даточных людей». 8 ноября 1699 года был издан указ о первом наборе «даточных», которые с 1705 года стали называться рекрутами. 1699 год надо считать переломным в истории образования русской регулярной армии. Даточные люди поставлялись с определенного количества дворов (100 сох — 1 рекрут). Для проведения наборов, комплектования и обучения набранных людей в селе Преображенском была учреждена комиссия. Во главе ее стояли Ф. Головин и Вейде. Комиссия приняла к концу 1701 года 10 727 человек даточных и 11 787 человек вольницы. Репнин производил набор и комплектование полков в «низовых» (поволжских) городах. Комплектовались полки и в Новгороде. Рекруты принимались под непосредственным наблюдением Петра. Из принятых было укомплектовано 27 пехотных и 2 драгунских полка. Драгунские полки формировались в Москве. Пехотный полк состоял из 2 батальонов по 5 рот в каждом, причем в некоторых полках одна рота была гренадерская, остальные — фузелерные. Штат полка состоял из 3 штаб-офицеров, 35 оберофицеров и 1200 нижних чинов. Драгунский полк имел около тысячи человек и также делился на 10 рот. Полки нового строя были сведены в высшие тактические соединения — дивизии, или генеральства, как их тогда называли. Во главе дивизий стояли Автамон Головин, Адам Вейде и Аникита Репнин. Командирами частей и рот были главным образом иностранцы.

В декабре был проведен новый набор для пополнения старых полков и для формирования новых. Было сформировано 10 новых драгунских полков. Гвардейские — Преображенский и Семеновский — полки были превращены в офицерские школы.

В основу обучения был положен «Воинский устав», составленный Вейде в 1698 году. Вейде, сын иностранца, поступил в «потешные» отряды Петра и вместе с ним самостоятельно изучил военное дело. Вейде стал одним из ближайших помощников Петра по строительству регулярной армии.

В 1696 году он был направлен за границу для изучения устройства и обучения европейских армий, хотя официально указывалось, что цель поездки Вейде — известить о приезде «великого посольства». Вейде удалось побывать в Австрии, Саксонии и Англии, где он тщательно изучал европейские армии. Возвратившись в Россию, Вейде составил большой отчет, в котором было дано подробное описание европейских армий. Этот отчет был использован для составления «Воинского устава». Устав Вейде был составлен с учетом состояния военного искусства в Западной Европе, но автор устава принял во внимание и особенности русской жизни. В уставе были четко определены должности всех чинов и званий в армии и даны правила («артикулы») для строевого и тактического обучения войск. В составлении устава активно участвовал Головин, редактировал «Воинский устав» сам Петр. Посылая устав Петру в Воронеж на утверждение, Головин писал: «Посылаю статьи о чинах пехотного строя, что кому надлежит знать, изволь посмотреть и где не так исправить»¹. В 1702 году Головин значительно дополнил и исправил устав Вейде и назвал его «Кратким обыкновенным ученьем в строении пехотных полков». Положения этого устава около 1707 — 1708 годов были несколько изменены. Уставы Вейде и Головина были крупным шагом вперед в истории развития русского военного искусства. По ним обучалась первая русская регулярная армия.

На вооружении русская пехота имела «фузею» (ружье с багинетом, т. е. штыком) и шпагу. Дальность стрельбы из «фузей» была 300 шагов, меткость — крайне незначительна. Часть пехоты была вооружена пиками.

Вооружение драгун составляла «фузея» 12-фунтового веса без штыка, для конного боя — палаш и 2 пистолета.

¹ П. О. Бобровский «Военное право в России при Петре Великом». Ч. 2-я, стр. 163. СПб. 1886.

Обмундирование и снаряжение пехоты и конницы были иностранного образца: пехота имела зеленые кафтаны, а драгуны — синие мундиры. Материальное положение солдат было значительно улучшено по сравнению с тем, что было в XVII веке. Вновь сформированные полки обучались ежедневно, кроме праздничных дней. Основным строем пехоты был развернутый строй в 6 шеренг, а с 1704 года — в 4 шеренги. Производились перестроения, вздваивание рядов и шеренг. Ружейные приемы были очень просты: зарядание для стрельбы, отдаче чести, ношение «фузси» на походе и прием «положи мушкет». Конница первоначально особого устава не имела, а обучалась по пехотному уставу. Основным строем драгун был развернутый строй в 3 шеренги. Отдельные всадники в шеренге размещались на интервалах в 3 шага. Повороты производил каждый всадник отдельно. Заезд производился всей шеренгой — фронтом. Построения в петровской армии были крайне просты. Это давало возможность в кратчайший срок подготовить войска к боевым действиям. К июлю 1700 года вновь созданные полки были обучены оружейным приемам и перестроениям и с внешней стороны производили хорошее впечатление. Саксонский генерал Ланген, наблюдавший русскую армию еще до Нарвы, удивлялся ее выучке. По его описанию, люди были все рослые, молодые, хорошо обмундированные и так хорошо обученные стрельбе, что не уступали немецким полкам. Лангену, очевидно, пришлось видеть гвардейские и старые солдатские полки. Что касается новых полков, то вряд ли они могли достигнуть скоро такого совершенства, о котором писал Ланген. Главным препятствием, тормозившим обучение войск, являлось отсутствие командных кадров. Многие из иностранцев, принятых на русскую службу, были очень слабо подготовлены, а некоторые из них недобросовестно относились к порученному им делу. По словам генерала Головина, многие из них были «гуляки великие», а некоторые просто не знали своего дела, «за мушкет взяться не умели». Головин предпочитал лучше готовить офицеров из русских дворян, чем пользоваться услугами таких иностранцев.

В исключительно трудных условиях, на полях битвы, при штурмах крепостей, пришлось накапливать боевой опыт молодой русской регулярной армии. Но эта тяжелая обстановка плодотворно влияла на дальнейшее строительство русской армии. Все изменения в ее организации, боевом устройстве, в применении способов борьбы являлись не продуктом хитрых измышлений кабинетных педантов, а результатом боевого опыта.

Особое внимание обратил Петр на приве-

дение управления и комплектования армии в стройную систему. Общее военно-административное руководство было возложено на Т. Стрешнева, который имел право распоряжаться дьяками Разрядного приказа. Формированием драгун руководил Б. Голицын. Старику Виниусу было поручено производство пушек, так как после Нарвы Петр лишился почти всей артиллерии. Виниус блестяще справился с этой задачей. Заводу Бутенапта в Олонце было заказано 100 пушек и тысяча ядер. Для изготовления пушек были использованы «с знатных городов от церквей и монастырей снятые колокола»¹. Виниус за год успел изготовить 300 новых пушек. Качество нового оружия вызвало восхищение и похвалу даже иностранцев (например саксонского генерала Штейнау и дипломата Паткуля). Расширялись старые и строились новые крепостные мануфактуры, работавшие на нужды армии.

В Петербурге и Москве строили пушечные заводы. В Сестрорецке был построен завод, изготавливавший оружие и другие предметы, необходимые для армии. Особое внимание Петр обращал на развитие уральской промышленности. В 1702 году Певьяновский завод был передан Петром тульскому мастеру Демидову, который вскоре построил новый, Тагильский завод. К уральским заводам Петр прикрепил до 25 тысяч крепостных крестьян. Крестьянское население в округности до 100 верст должно было обслуживать заводы: возить железо, лес, изготовленную продукцию к рекам и т. д. Большое внимание Петр уделял развитию суконной и шерстяной промышленности. Для снабжения армии при Петре было построено 15 шерстяных и суконных фабрик, 15 полотняных фабрик, 15 шолковых мануфактур, 11 кожевенных заводов и 5 бумажных фабрик. Оценивая успехи развития промышленности при Петре, Фокеродт писал: «Петр I еще при жизни довел разные фабрики до того, что они в изобилии доставляли, сколько было нужно для России, таких товаров, как, например, иглы, оружие и разные льняные ткани и в особенности парусину, которою могли не только снабжать флот, но ссужать другие народы»².

По свидетельству современника — секретаря Сената Ивана Кирилова, — к концу царствования Петра в России было 233 промышленных предприятия.

Петр большое внимание уделял также

¹ ГАФКЭ. Журнал действий и походов Петра I, ф. 14, д. № 44/63.

² Фокеродт «Россия при Петре Великом». «Чтения в Обществе истории и древностей российских» Кн. 2-я. 1874.

развитию мелких ремесел. Ремесленников он обязывал работать на нужды армии.

Всеми этими мерами Петр старался преодолеть техническую и экономическую отсталость страны, ослаблявшую ее военную мощь.

Товарищ Сталин писал об этом: «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»¹.

Петр сумел в кратчайший срок создать необходимые условия для вооружения и снабжения армии. Он обратил особое внимание на усовершенствование боевой техники и разработку новых тактических способов ее применения. Соединение штыка с ружьем увеличило наступательную силу пехоты. Были уточнены функции артиллерии: ее разделили на полковую и осадную. Драгунские полки получили артиллерию. Они были организованы так, что могли действовать и в конном и в пешем строю.

Петр реорганизовал снабжение армии боевыми припасами и продовольствием. Он учредил систему магазинов в тылу и по оперативным линиям предполагаемых действий армии. Петр вникал во все детали быта армии: следил за выполнением отданных приказаний, за своевременным снабжением и вооружением частей, за перевозкой войск. При его непосредственном участии разрабатывались планы важнейших операций. Петру принадлежит идея, план «малой» войны со шведами, которая должна была продолжаться до тех пор, пока русская армия не будет обучена искусству побеждать. По этому плану начались боевые операции русской армии после Нарвы.

Петр, вникая во все мелочи и непосредственно руководя боевыми действиями, в то же время всячески старался развивать инициативу у командного состава.

В своих приказах Петр I часто напоминал, что в уставах «порядки писаны, а времена и случаи нет, того ради ему надлежит рассуждение имет»², что «все зависит от осторожности, и искусства и храбрости генерала, которому положение земли силу неприятеля и обыкновение оного знать и потому свое дело управлять надлежит»³.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 359. 9-е изд.

² Д. Ф. Масловский «Северная война. Документы 1705—1708 гг.», стр. XXXI—XXXII. СПб. 1892.

³ А. Байов «Курс истории русского военного искусства». Вып. II, стр. 116, СПб. 1909.

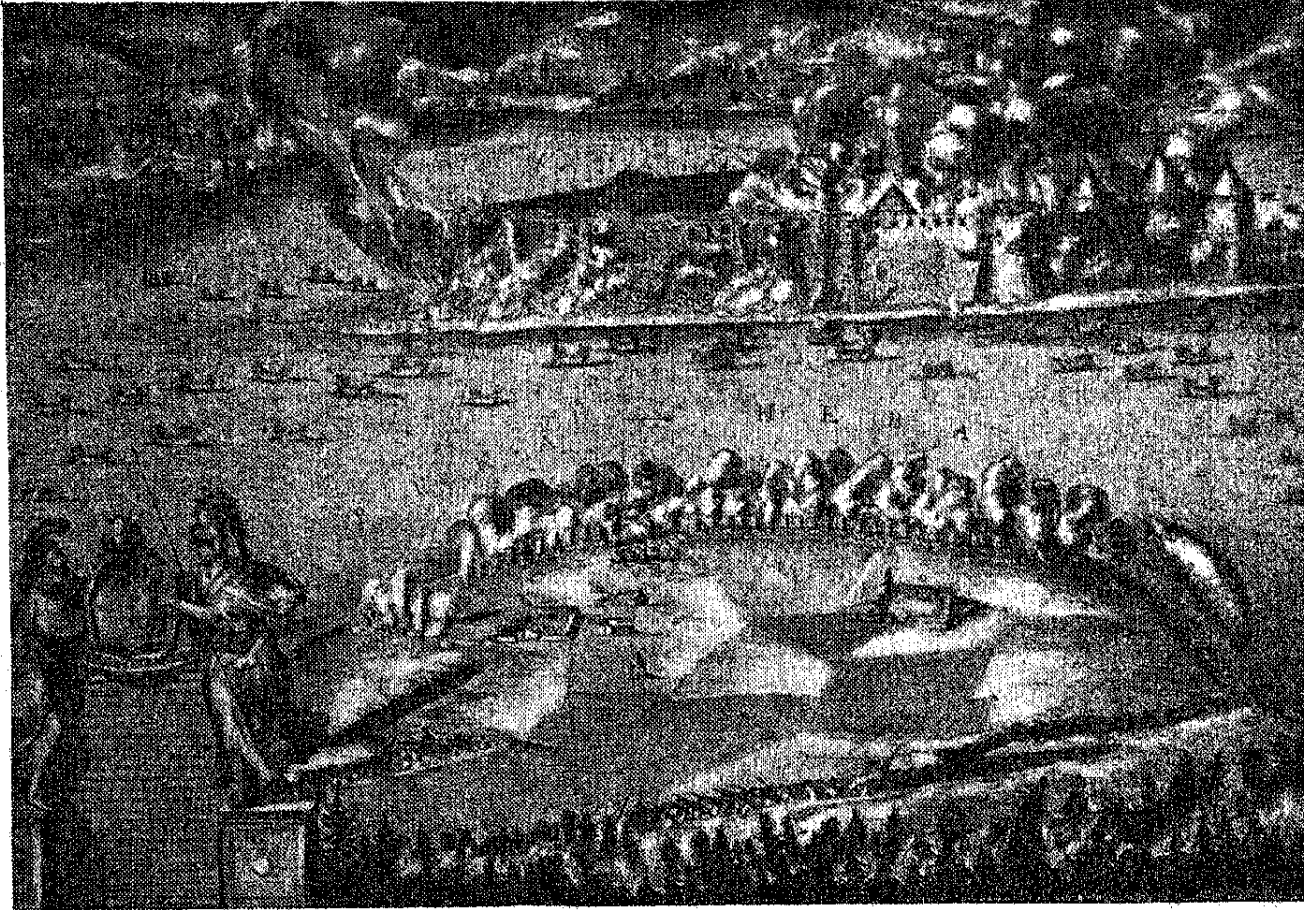
С наступлением весны Карл XII двинул свою армию против Августа, который после заключения договора с Петром получил от него вспомогательный корпус в 20 тысяч человек и вторично осадил Ригу. Но действия союзников были неудачны. Карл XII неожиданно напал на саксонцев под Ригой: 9 июля 1701 года он переправился через реку Двину почти на виду неприятельского войска. В двухчасовой битве шведы разбили саксонского генерала Штейнау, который потерял всю артиллерию и 2 тысячи человек, в то время как из шведской армии выбыло только 500 человек (надо заметить, что у Штейнау было только 4 тысячи русских, остальные же находились с Репниным в 8 милях от поля сражения). После победы над саксонцами перед Карлом XII встал вопрос о том, куда идти дальше.

После некоторого размышления он решил идти против Августа, которого он считал более опасным врагом, чем Петра. Некоторые из сторонников Карла XII советовали ему заключить мир с Августом и всеми силами обрушиться на Петра. Но Карл опасался, что даже после заключения мира Август сможет напасть на него с тыла во время военных действий против Петра. Поэтому Карл XII стремился свергнуть с польского престола Августа и во что бы то ни стало посадить на его место своего человека, Станислава Лещинского, а потом уже расправиться с Петром.

Борьба Карла XII с Августом приняла затяжной характер. Шведский король, по выражению Петра, надолго «увяз» в Польше. Это обстоятельство было крайне благоприятно для русского правительства. Август был для России драгоценным союзником не столько благодаря своим вооруженным силам, сколько потому, что он отвлек шведов от русских границ. Этим самым он дал возможность Петру «выиграть» время для укрепления обороны страны.

Чтобы защитить Швецию от вторжения русских, Карл XII оставил 15 тысяч полевых войск: из них 8-тысячный отряд Шлитпенбаха в окрестностях Дерпта, а остальные 7 тысяч под командованием Кронгиорта занимали Ингрию. Главные силы шведов были брошены против Августа. Петр расположил свою армию в следующем порядке: 30 тысяч Шереметева—у Пскова, 10 тысяч Апраксина—у Новгорода и Ладоги. Возвратившийся из Курляндии отряд Репнина был расположен в Пскове. Итак, против 15 тысяч шведов была сосредоточена русская армия, численностью в 40 тысяч человек. Через год она была доведена до 60 тысяч человек.

Петр ясно сознавал, что «шведы могут еще раз—другой побить нас, но у них же

Взятие Нотебурга. XVIII век. Со старинной гравюры.

Государственный Исторический музей.

мы научимся побеждать их»¹. Для этой цели нужно было постепенно приучать армию к военным действиям, приучать ее побеждать вначале хотя бы при значительном перевесе сил над противником. Поэтому Петр настоятельно требовал от Шереметева, чтобы он посылал отдельные отряды в пределы Лифляндии для уничтожения мелких отрядов Шлиппенбаха. В этих набегах прошел весь 1701 год. Только в январе 1702 года Шереметев во главе 18-тысячного отряда решил нанести удар главным силам Шлиппенбаха у селения Эрестфера (в 50 верстах от Дерпта). В этом бою отряд Шлиппенбаха потерял почти половину своих людей, 6 орудий и еле успел отступить в Сагницу.

Первая победа над шведами чрезвычайно обрадовала Петра. Узнав о ней, царь сказал: «Мы дошли до того, что шведов побеждать можем, пока сражаясь двое против одного, но скоро начнем побеждать их равным числом»².

После победы у Эрестфера русские отряды смелее стали действовать против шведов. В 1702 году, в июле, русские войска разбили шведские флотилии на Чудском и Ладожском озерах. В этом же

месяце Шереметев вторично разгромил Шлиппенбаха при мызе Гуммельсгоф; почти вся пехота шведов была уничтожена: из 6 тысяч осталось 500 человек. Потеряв кроме того всю артиллерию и знамена, Шлиппенбах с небольшим количеством кавалерии ушел в Пернов. Русские войска после разгрома шведов опустошили всю восточную Лифляндию, лишив противника материальной базы, и вернулись к своим границам.

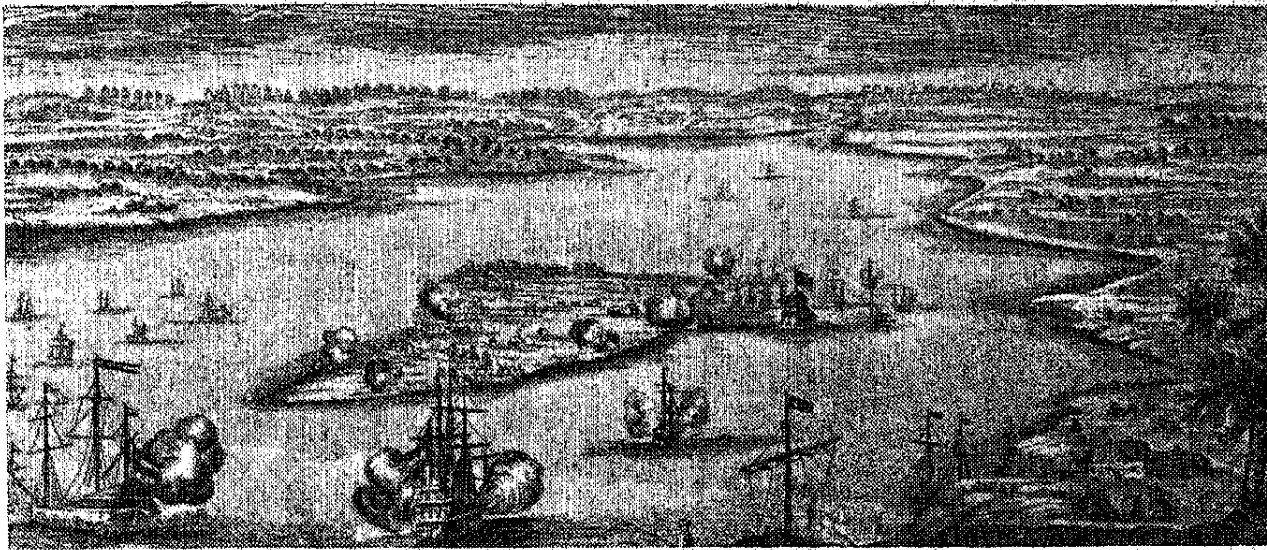
Одновременно с этим отряд Апраксина успешно действовал против Кронгорта, которому он нанес поражение у реки Ижоры 13 августа 1702 года.

Эти победы убедили русскую армию, что шведов можно разбить. Русские войска мало-помалу приобретали боевой опыт. Но частичные победы еще далеко не решали основной стратегической задачи на балтийском театре военных действий — овладеть операционной линией, которая обеспечивала бы русской армии выход к берегам Балтики и раз'единяла бы силы шведов в Лифляндии и Карелии. Для решения этой задачи нужно было по крайней мере овладеть устьем Невы.

После ряда побед в Лифляндии Петр решил осуществить свою заветную мечту — овладеть берегами Финского залива и выйти на судах в открытое море. Но для этого надо было овладеть двумя крепостями,

¹ «История русской армии и флота». Т. I, стр. 183. 1911.

² Там же, стр. 103.

Вид устья Невы в начале XVIII века. Со старинной гравюры.

Государственный Исторический музей.

находившимися в руках шведов: Нотебургом (по-русски — Орешек), у истока Невы из Ладожского озера, и Ниеншанцем (на Охте). Всю зиму и лето велась тщательная подготовка к осаде: заготавливались нужные материалы и пр.

Большую роль в подготовке операций по овладению выходом в Финский залив сыграла помощь местного населения русским. Оно дружелюбно встречало русскую армию и сообщало русскому командованию ценные данные о шведах. Еще в марте 1700 года Петр писал Головину, чтобы он послал в разведку стольника Корчмина, обучавшегося за границей инженерному и артиллерийскому искусству: «Накажи ему, чтоб присмотрел города и места кругом: также, если возможно ему дела сыскать, чтоб побывал и в Орешек: а буде в него нельзя, хоть возле его. А место тут zelo нужно: проток из Ладоского озера в море (посмотри в картах), и zelo нужно ради задержания выручки»¹. Эти указания Петра Корчмин выполнил. Он через местное население получил ряд разведывательных данных. Это дало возможность Петру весной 1702 года выслать разведывательный отряд под командой И. Татищева для более полной рекогносцировки местности. Татищеву удалось промерить путь по Ладожскому озеру от реки Свири до реки Ладоги. Об остальной части пути от реки Ладоги и о пути по реке Неве сведения были получены от местных жителей, которые охотно отвечали на все вопросы Татищева и приветливо встречали русских солдат.

Показания местных жителей и их дружелюбное отношение к русским были очень ценны для Петра. В письме адмиралу Ф. Головину от 5 сентября 1702

года Петр писал: «Все работники знают (иные еще лучше), которые по берегу живут, до самых младенцов»². (Речь идет о местности и о шведских гарнизонах.) Для разведки окрестностей Нотебурга Петр послал генерала Чамберса с «прочими», которому удалось получить ряд ценных сведений от местных жителей о противнике. Итак, к началу операций Петр имел необходимые данные о театре военных действий и о силе противника.

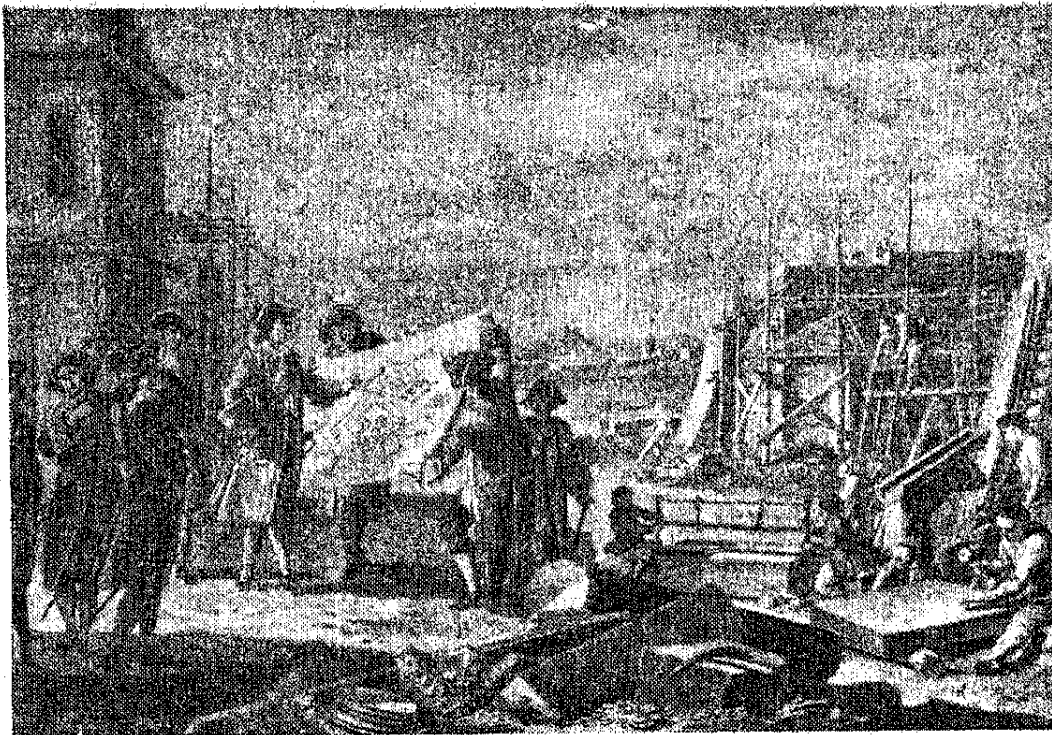
В конце сентября Петр сосредоточил войска Шереметева и Решнина у Нотебурга и сам прибыл сюда из Архангельска во главе гвардейских полков. Для окружения Нотебурга войска были расположены по обоим берегам Невы. Кроме того царь сосредоточил на Ладожском озере, у истока Невы, флотилию, а 50 больших лодок переволокли в Неву. Около двух недель продолжалась осада. 11 октября 1702 года состоялся штурм. Первое нападение было отбито, но храбрый князь Голицын, чтобы не дать войскам отступить, приказал оттолкнуть от берега лодки, на которых подехали нападавшие, и возобновил штурм. Настойчивость русских поколебала силы гарнизона. Как только начался новый штурм, шведы прекратили огонь. По приказанию коменданта крепости барабаны забили «сдачу». Радостные крики победителей затрели по берегам Невы.

«Таким образом... отечественная сия крепость возвращена, которая была неправдивых неприятельских руках 90 лет»³. Крепость Нотебург Петр переименовал в Шлиссельбург, т. е. ключ к морю, «ибо сим ключем отворились врата» в За-

¹ «Письма и бумаги императора Петра Великого». Т. I, стр. 338.

² Там же. Т. II, стр. 88.

³ ЦВИА, фонд ВУА, д. № 1519, л. I.

Начало строительства Петербурга на Неве. XVIII век.
Государственный Исторический музей.

падную Европу¹. Петр писал: «Правда, что зело жесток сей орех был, однакож, слава богу, счастливо разгрызен»². Первым комендантом крепости был назначен бомбардир-поручик Преображенского полка А. Д. Меншиков.

В Москве участникам штурма была устроена торжественная встреча.

В следующем году, весной, Петр решил овладеть всем течением реки Невы. Но для этого надо было взять другую крепость, находившуюся на правом берегу реки Невы, вблизи устья речки Охты, — Ниеншанц. В конце апреля 1703 года русская армия сосредоточилась у Шлиссельбурга, а 1 мая осадил Ниеншанц и открыла сильную бомбардировку. Шведский гарнизон через 12 часов после начала канонады сдался на капитуляцию.

Быстрое падение крепости было очень важно для русских войск: 2 мая в устье Невы на выручку гарнизона вошла шведская эскадра, но она опоздала. Не зная о том, что крепость уже пала, 2 шведских суда, вооруженные пушками, вошли 5 мая в устье Невы и бросили якорь. Петр и Меншиков с двумя гвардейскими полками напали на эти суда и вынудили их сдаться. Эта первая морская победа над шведами чрезвычайно ободрила русскую армию. Стало очевидно, что шведов можно побеждать не только на суше, но и на море. С взятием Ниеншанца в руки России

переходила важнейшая оборонительная линия реки Невы и окончательно была разорвана связь между шведскими войсками, находившимися в Лифляндии и Карелии. В руках Русского государства оказался открытый выход к морю. Петр мог «в Европу прорубить окно, ногою твердой стать при море» (Пушкин).

После тщательной рекогносцировки 16 мая на острове Люст-Эланд, т. е. «веселом острове», «его царское величество, по взятии Шлотбурга, в одной миле оттуда, ближе к восточному морю, на острове новую и зело удобную крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подконщиков, и тою крепость на свое государство именованье прозванием Питербургом обновити указал»³.

Так был основан Петербург, ставший потом столицей Русского государства. «Петр воздвиг новую столицу, — писал Маркс, — на первом завоеванном им куске Балтийского побережья, почти на расстоянии одного пушечного выстрела от границы, умышленно дав, таким образом, своим владениям эксцентричный центр... Петербург, эксцентричный центр империи, сразу указывал на периферию, которую еще надо было завоевать»⁴.

Строительство Петербурга вызывало особые заботы Петра. Надо было превратить в неприступную крепость этот «эксцен-

¹ ГАФКЭ. «Журнал действий и походов Петра I», ф. IX, д. 15, л. 18.

² С. М. Соловьев «История России с древнейших времен». Кн. 3-я, стр. 1268.

³ «Первые русские ведомости», стр. 202. СПб. 1835.

⁴ К. Маркс «Секретная дипломатия XVIII века».

тричный центр». По постановлению военного совета, на острове Яни-Сари была заложена Петропавловская крепость. Для защиты подступов к Петербургу в 1703 году на острове Котлине построили крепость, назвав ее Кроншлотом. Новую крепость вооружили 14 орудиями. Кроме того на острове Котлине построили батарею в 60 орудий. Коменданту Кроншлота была дана строжайшая инструкция о мерах предосторожности при встрече проходящих с моря кораблей. Первый пункт инструкции гласил: «Содержать сию цитадель, ... аще случится, хотя до последнего человека»¹.

Война и строительство Петербурга потребовали исключительного напряжения всех материальных ресурсов страны и колоссальных человеческих жертв. Все издержки, вызванные войной, ложились тяжелым бременем на плечи народных масс. Постоянные рекрутские наборы отрывали крестьян от хозяйства. Крестьянство, помимо барщины и оброка, вынуждено было нести всевозможные тяжелые повинности и платить косвенные налоги. Крестьяне должны были нести обременительную гужевую повинность, строить укрепления, города, каналы, где они сотнями гибли вследствие тяжелых условий труда. Только при строительстве Петербурга погибло больше 60 тысяч человек. Недаром сложилась народная поговорка, что «царская столица построена на костях».

С начала Великой Северной войны Петр I был занят мыслью о создании сильного Балтийского флота. Только с таким флотом Россия могла получить выход к берегам Балтики и стать морской державой. Петр не покладая рук работал со своими сподвижниками над тем, чтобы построить на Балтике мощный флот. И эта задача была блестяще решена. К концу царствования Петра русский флот состоял из 48 линейных кораблей и 800 галер и мелких судов с экипажем численностью до 28 тысяч человек.

Овладеть выходом в Балтийское море было заветной мечтой Петра. «Господь бог посредством оружия возвратил большую часть дедовского наследства, неправильно похищенного. Умножение флота имеет единственную целию обеспечение торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россией, во-первых, потому, что оне изначала ей принадлежали; во-вторых, потому, что пристани необходимы для государства, «ибо через сих артерий может здравее и прибыльнее сердце государственное быть»², — говорил Петр. Он начал строить флот для

Балтийского моря еще тогда, когда Россия не имела гаваней на Балтике, так как он был убежден, что «флот сам себе сыщет гавань»³.

Один из приближенных Петра писал, что еще в 1694 году царь намеревался построить флот на реках Волхове и Луге «для свейской службы», а потом передвинуть его в Балтийское море.

К осуществлению этого замысла Петр приступил с самого начала Северной войны.

В январе 1701 года Новгородскому приказу было предписано «на реках Волхов и Луге, для нынешней свейской службы, под всякие полковые припасы и на дачу ратным людям, сделать 600 стругов»⁴. С наступлением весны начали собирать от тамошних жителей сведения о путях от устья Волхова к Орешку и далее по Неве, до выхода в море. На Ладожском озере, в устье реки Сяси, была основана кораблестроительная верфь, на которой Петр с 1702 по 1705 год выстроил 4 фрегата. Продолжалось строительство кораблей в Архангельске. Зная об этом, шведы решили в 1701 году напасть на Архангельск, уничтожить русские корабли, разрушить судостроительную верфь и прекратить всякие сношения России с Европой через Архангельск. Нападение готовилось в строжайшем секрете. Но русское правительство приняло меры предосторожности. Еще в 1700 году архангельскому воеводе было предписано построить крепость в устье Двины и «иметь великое опасение и осторожность от неприятеля»⁵.

24 июня 1701 года шведы «воровским обычаем», на 7 судах под английским и голландским флагами, «якобы купецкие люди», подошли в устье Двины. У острова Сосновец Николаевского карельского монастыря они захватили в плен монастырского «служника» Ивана Рябова, а у Мульжского острова — переводчика Дмитрия Борисова. Их заставили быть проводниками. Эти два патриота решили погибнуть, но шведов не допустить в гавань. Они намеревались шведские шняву и галиот, как только подойдут к новой крепости на выстрел береговых батарей, посадить на мель. Сохранившееся известие об этих героях гласит: «Тогда они, неприятельские люди, абие их вожей, Борисова и Рябова, в каюте бывши, единокупно из фузей стреляли»⁶. Рябов притворился мертвым, а потом сплыв в плавь, Борисов был убит. Перестрелка между шведскими судами и береговыми укреплениями продолжалась 13 часов. Шня-

³ К. Г. Житков «История русского флота», стр. 68. СПб. 1912.

⁴ Ф. Ф. Веселаго «Очерк русской морской истории». Ч. 1-я, стр. 147. СПб. 1875.

⁵ Там же, стр. 148.

⁶ Там же, стр. 148—149.

¹ Н. Устрялов «История царствования Петра Великого». Т. IV. Ч. 1-я, стр. 250. СПб. 1863.

² С. М. Соловьев «История России с древнейших времен». Кн. 3-я, стр. 1295.

ва и галиот были взяты. Остатки разбитого шведского отряда вынуждены были убраться восвояси. Это поражение отбило у шведов охоту пускаться в подобные рискованные предприятия.

В 1702 году Петр посетил Архангельск и принял ряд мер по укреплению порта.

Успешные действия армии Шереметева в Ингрии в 1702 году были завершены очищением Ладожского и Чудского озер от шведского флота. На Ладожском озере полковник Островский с небольшим отрядом на соймах и карбасах обратил в бегство шведскую флотилию из 6 судов под командой адмирала Нумерса. Когда Нумерс вновь появился на Ладоге, полковник Тыртов снова обратил его в бегство, причем на этот раз Нумерс, потеряв несколько судов и 300 человек, вынужден был уйти в Выборг.

На Чудском озере полковник Толбухин посадил солдат на большие лодки и взял на abordаж 3 яхты и все мелкие суда. Одну яхту шведы успели сами взорвать.

Взяв Нотебург и Ниеншанц, Петр возвратил России древний путь «из варяг в греки». В феврале 1703 года в Лодейном Поле, на реке Свири, была учреждена новая верфь, названная Олоонецкой. На ней были сразу же заложены 1 фрегат и 7 грузовых судов. Петр сильно торопил с созданием флота. В 1703 году он сам работал в течение 6 недель на Олоонецкой верфи и заложил за это время 7 фрегат, 5 шняв, 7 галер, 13 полугалер, 1 галиот и 13 бригантин. Один из новопостроенных фрегат (штандарт) Петр сам привел в Петербург.

Отдаление Олоонецкой верфи от моря представляло ряд неудобств для строительства флота. Поэтому на военном совете было решено, не прекращая постройки судов на Олоонецкой и других верфях, приступить к сооружению в Петербурге обширного адмиралтейства. В 1704 году Петр указал построить 34 бригантин. Теперь Балтийский флот стал расти значительно быстрее, чем раньше. Уже в 1708 году он состоял из 12 фрегат (2 тридцатидвухпушечных и 10 двадцативосьмипушечных), 8 галер, вооруженных каждая 1 тридцатипятифунтовым орудием и 7 шестифунтовыми пушками, 6 брандеров, 2 бомбардирских судов, 10 шняв, 20 бригантин и нескольких мелких судов.

После того как Россия добилась выхода к Финскому заливу, предстояла задача окончательно закрепиться в устье Невы. Для этой цели нужно было отбросить шведов из Карелии и Эстляндии, так как безопасность Петербурга не могла быть обеспечена, пока побережье Балтийского моря и земли к северу от новой русской столицы были в чужих руках.

В 1703 году были отняты у шведов крепости Ям, Конорье и Мариенбург. В 1704

году русские войска были двинуты к Дерпту и Нарве. «Где перед четырьмя лета господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость через лестницы шпатою в три четверти часа получили»¹.

За Нарвой на капитуляцию сдался Ивангород.

Взятие Нарвы было крупным политическим событием. Только 4 года тому назад под этой крепостью нестройные толпы русских рекрутов были рассеяны, а теперь они снова появились под Нарвой. Но теперь они уже представляли стройную, обученную, грозную военную силу, научившуюся побеждать шведов. На озере Шейпусе была уничтожена шведская флотилия, на Финском заливе вновь созданный русский флот прикрывал Петербург и успешно оборонялся от шведского флота. В Лифляндии и Эстляндии войска Шлитценбаха были рассеяны и отброшены к Ревелю, Пернову и Риге. России были возвращены искони русские земли, несправедливо захваченные шведами.

Во время Ингерманландской операции русский флот успешно отражал неоднократные нападения шведов на Котлин и Петербург.

В 1704 году шведы решили напасть на Котлин и Петербург, чтобы этим отвлечь русских от осады Нарвы и Дерпта.

К Котлину была двинута эскадра вице-адмирала Депру, а с суши на Петербург — корпус войск под командованием генерала Майделя. Оба нападения были успешно отражены. Депру ограничился бомбардировкой крепости, не причинившей ей никакого вреда.

Между тем русские войска взяли у шведов Дерпт и Нарву. В этих операциях большую роль сыграл молодой Балтийский флот. Он подвозил подкрепления, продовольствие и боеприпасы войскам, оперировавшим в районе Нарвы.

Событиями 1704 года закончился первый период Северной войны. Успехи так называемой Ингерманландской операции привели Россию к берегам Балтики. Молодая петровская армия в боях со шведами получила основательную боевую выучку.

На 1705 год Петр I намечал план дальнейших операций в Прибалтике, имея в виду овладеть Выборгом и Кексгольмом, для того чтобы создать прочную оборонительную линию к северу от Невы. Но в конце 1704 года и в начале 1705 года осложнилось положение в Польше и Петр I вынужден был передвинуть значительные силы в Литву, в район Вильно, чтобы оттянуть Карла XII от Саксонии и получить возмож-

¹ С. М. Соловьев «История России с древнейших времен». Кн. 3-я, стр. 1277.

ность вмешаться в борьбу между сторонниками Августа II и шведского короля, происходившую в Польше. Воспользовавшись этим, шведы решили возобновить нападение на Петербург.

С суши действовал с усиленным корпусом тот же генерал Майдель. Ему удалось дойти до берегов Малой Невы, но здесь он был отбит комендантом Петропавловской крепости Брюсом и с большим уроном отступил.

С моря шведы двинули к Котлину значительные силы (до 24 вымпелов) под командованием адмирала Анкерштерна. Шведы неоднократно пытались взять крепость. Вице-адмирал Крюйс, руководивший обороной Котлина, отбил нападение более сильного шведского флота. Двукратная попытка шведов высадить десант была героически отбита отрядом полковника Толбухина.

По мере роста и укрепления Балтийского флота русские сами начали переходить в наступление на шведский флот. В 1706 году русские войска предприняли осаду Выборга. Осада оказалась неудачной вследствие того, что на помощь осажденному гарнизону пришел в Биорке-зунд сильный шведский флот. Русское командование, зная превосходство шведского флота, не рисковало вступать с ним в решительное сражение. В русском лагере было решено предпринять разведку противника в Биорке-зунде и по возможности захватить хотя бы купеческое судно. 12 октября в Выборгскую губу был послан отряд из 45 солдат в 5 лодках. Отрядом командовали сержант Преображенского полка М. Щепотьев, бомбардир А. Дубасов и флотские унтер-офицеры Наум Синявин и Скворцов. Темной осенней ночью, миновав купеческие суда, они наткнулись на четырехпушечный военный бот «Эспери», охранявший торговые

суда. Бот имел вооруженную команду в 100 человек. Смелчаки, заметив свою ошибку, решили не отступать, а решительно бросились на abordаж и овладели ботом. На гул выстрелов поспешил второй неприятельский бот, который открыл стрельбу из пушек. Храбрецы обрубали канат и, отбиваясь при помощи шведских пушек, отошли к русскому лагерю.

Итак, во время Ингерманландской операции и после того, как главные силы русской армии были передвинуты в Литву, русский флот играл уже довольно значительную роль. Он успешно отражал нападения шведского флота на Котлин и оказывал значительную помощь сухопутной армии, в особенности при осаде Нарвы. К этому времени у Петра появилась идея о комбинированных действиях сухопутной армии и флота против шведов. После Полтавы эта идея широко была применена Петром на финляндском театре войны. Ингерманландский период Северной войны дал очень многое в деле боевой выучки русской армии. Она в это время переживала период организационного становления. Разрабатывая стратегические и тактические приемы войны, русская армия постепенно научилась побеждать первоклассную шведскую армию.

Петр I успешно овладел операционной линией рек Невы — Наровы и передовым пунктом — Дерптом для дальнейшего наступления в Прибалтике. Этим самым Петр решил важнейшую стратегическую задачу — разрыва операционной линии противника. Шведы лишились сухопутной связи между армиями, действовавшими на Карельском перешейке и в Ливонии. Благодаря этому была обеспечена безопасность Петербурга. Все попытки шведов вернуть себе линию Невы — Нарова потерпели неудачу.

ЛИТЕРАТУРА. К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 8—12.

«Внешняя политика русского царизма»; К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Соч. Т. X, стр. 227. «Дезорганизация английского военного управления»; ЛЕНИН. Т. XXII, стр. 517. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»; И. СТАЛИН «Вопросы ленинизма», стр. 328. 11-е изд. «О задачах хозяйственников»; И. СТАЛИН. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 6—8. Партиздат. 1938; «Журнал или поденная записка Петра Великого». Ч. 1-я, стр. 25—100. СПб. 1770; Д. БУТУРЛИН «Военная история походов россиян». Т. I, стр. 69—161. СПб. 1819; Н. УСТРЯЛОВ «История царствования Петра Великого». Т. IV. Ч. 1-я, стр. 219—319. СПб. 1863; ТО ЖЕ. Т. IV. Ч. 2-я, стр. 12—138, 145—378; «Письма и бумаги Петра Великого». Т. I, стр. 408—409, 849—850. СПб. 1887; ТО ЖЕ. Т. II, стр. 3—5, 22, 44—50, 74—75. СПб. 1889; С. М. СОЛОВЬЕВ «История России с древнейших времен». Кн. 3-я, стр. 1247—1270, 1273—1334. Изд. «Общественная польза»; Ф. ВЕСЕЛАГО «Очерк русской морской истории». Ч. 1-я, стр. 145—167. СПб. 1875; «История русской армии и флота». Т. I, стр. 102—109. 1911; А. КРОТКОВ «Взятие шведской крепости Нотебург», стр. 1—153. СПб. 1896; Д. Ф. МАСЛОВСКИЙ «Записки по истории военного искусства в России». Вып. 1-й, стр. 57—96. СПб. 1891.

Н. Певзнер

Огюст Бланки

Огюст Бланки, великий революционер, является одним из самых выдающихся представителей замечательных революционных традиций французского народа.

Этот страстный борец за коммунизм вызывал страх и ненависть у палачей трех революций и возбуждал в сердцах трудящихся жажду революционной борьбы. Трагедия его замечательной жизни заключалась в том, что боевая практика Бланки не сочеталась с передовой, революционной теорией, и это приводило Бланки ко многим ошибкам. Но самоотверженный и неутомимый революционер, он умом и сердцем был всегда с народом, отдавая все свои силы одной великой цели. Поэтому имя Огюста Бланки навеки украшает Пантеон революции.

12 плювиоза 13 года революции, иначе 1 февраля 1805 года, в супрефектуре Шюже-Тенье, в семье супрефекта Доминика Бланки появился восьмой ребенок, названный Луи-Огюстом.

Во Франции 1805 года еще действовал революционный календарь, но консульское правительство Бонапарта уже давно заявило, что революция окончена. «Буржуазное правительство... задумало французскую революцию и сохранило только те

результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»¹.

Огюст рос в период разгула реакции Бурбонов. Двенадцатилетним мальчиком он попал в Париж, где старший брат, Адольф, поместил его в «Lycée Charlemagne». Братья жили в нужде, но Огюст продолжал образование. «Перед его успехами в лицее, — писал Адольф отцу, — бледнеют те, которые я когда-то имел в Ницце. На генеральном конкурсе всех лицейстов Парижа его имя произносится с восхищением»². Юный Бланки страстно увлекался историей, латинскими авторами. Образы Сцеволы и Трахвов наполняли юношеское сердце жаждой борьбы.

Только что покинув лицейскую скамью, Огюст примкнул к одной из карбонарских венг³. Здесь он прошел школу заговора. Вскоре Бланки был замечен парижской полицией. В ее записях сказано, что юноша «придерживается неблагоприятного образа мыслей...» В 1827 году 22-летний Бланки получил первые раны в уличной борьбе.

¹ И. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», стр. 10. Партиздат. 1937.

² Г. Жеффруа «Заключенный», стр. 23. Госиздат. 1925.

³ Ячейка заговорщической организации карбонариев.

В августе 1829 года король Карл X создал ультрареакционное министерство князя Полиньяка. Палаты потребовали его отставки. В ответ на это король распустил их. Но новые выборы, в июле 1830 года, принесли поражение правительственным кандидатам, и 26 июля Карл X, решаясь на крайнее средство, опубликовал 6 ордонансов, которыми разогналась неудобная палата, ограничивалось избирательное право, вводилась диктатура цензуры и т. д.

Бланки встретил ордонансы короля словами: «До конца недели все разрешится ружейными залпами»¹. Революционный инстинкт подсказывал ему близость взрыва. Стремясь организовать эту борьбу, Бланки на собрании редакции «Глобуса» (газета умеренной либеральной оппозиции) тицетно призывал к созданию комитета по подготовке восстания. В конце концов он решительно заявил: «Оружие решит дело, я иду взять ружье и надеть трехцветную кокарду»².

Три дня длилась борьба на улицах Парижа. Бланки был все время на баррикадах. 29 июля над Тюильри появился трехцветный флаг. Революция победила, но победивший народ был обманут. Правительство Лафайета и Лафитта привело к июльской монархии Луи-Филиппа, при которой ито финансовой буржуазии еще более ухудшило положение народных масс. В эти дни промышленник-министр Казимир Перье цинично заявил в палате: «Нужно, чтобы рабочие знали, что для исцеления их недугов нет другого средства, кроме терпения и покорности»³.

Однако республиканское движение все ширилось. В 1830 году видный республиканский деятель Годфруа Кавеньяк соединил силы карбонариев в «Обществе друзей народа» («Société des amis du peuple»), членом которого стал и Огюст Бланки.

В январе 1831 года Бланки от имени организации студентов опубликовал в «Трибуне»⁴ декларацию, в которой разоблачал обман июльских дней. Декларация вызвала бурные демонстрации студентов, в которых участвовал и сам Бланки.

Яркие революционные выступления создавали ему все большую популярность в «Обществе друзей народа». Гейне рассказывает о своем посещении собрания этого Общества: «Гражданин Бланки, сын бывшего члена Конвента, произнес длинную речь, полную сарказма, против буржуазии, этих лавочников, которые выбрали себе

Огюст Бланки.

Из фондов Музея Маркса—Энгельса—Ленина.

в короли Луи-Филиппа... Эта речь была полна огня, резкости и злобы»⁵.

В июле 1831 года Бланки арестовали вместе с республиканцем Распайлем⁶ и обвинили в организации антиправительственного заговора. Основанием обвинения было перлюстрированное частное письмо Бланки, в котором он предлагал прекратить теоретические споры и отдать все силы делу организации восстания.

На «процессе 15-ти» в январе 1832 года Бланки произнес блестящую речь, в которой беспощадно критиковал общественный порядок Франции и требовал демократических прав. Свою речь он заключил пророчеством: «Вы конфисковали ружья, но пули вылетели. Они облетят весь мир, они бьют и будут бить, пока не добьются народного счастья»⁷.

Бланки был оправдан за недостаточностью улики, но за речь на суде его оштрафовали и заключили на год в тюрьму.

Незадолго перед заключением он сделал доклад в «Обществе друзей народа». «Граждане! — обратился Бланки к собравшимся. — Два принципа оспаривают друг друга во Франции: принцип легитимности

⁵ Корреспонденция Гейне во «Всеобщую Аугсбургскую газету». См. Жеффрау. Цит. соч., стр. 42.

⁶ Распайль, Франсуа-Венсан (1794—1878), — по профессии химик, политический деятель, социалист-утопист.

⁷ Н. Слепцова «Вечный узник», стр. 7. Изд. ЦК МОПР. 1931.

¹ Жеффрау. Цит. соч., стр. 34.

² Там же.

³ «Новая история». Ч. 1-я, стр. 245. М. 1939.

⁴ Орган республиканской оппозиции.

Le 22 juin 1835.

J'ai eu par la petite poste une lettre d'Henri. Il est probable qu'elle me vient de la maison avec au-dessous de moi des nouvelles j'ai fouillé à un moment de moi. Je comprendrais beaucoup mieux, moins longuement entre Henri et moi. L'ordre est beaucoup plus en communication avec Paris — après qu'après de Paris à France. entre les bâtiments qui doivent se partir à de certains esprits.

Письмо Огюста Бланки от 22 июня 1835 года.

Из фондов Музея Маркса—Энгельса—Ленина.

и принцип народовластия... Третьего знамени нет. Золотая середина — нелепость... Революция идет, и ничто не может ее остановить»¹.

После заключения Бланки совместно с Барбесом, также членом «Общества друзей народа», возглавил тайное революционное «Общество семей». Бланки считал, что для свержения монархии нужна лишь маленькая армия революционеров в непроницаемой броне конспирации, повинующаяся без рассуждений, действующая без страха. Восстание надо подготовить путем заговора, начать его неожиданно, а народ поддержит.

В марте 1836 года Бланки выследили и приговорили к двум годам тюрьмы. По амнистии 1837 года, заключение было прервано, однако в Париж его не пустили. Под надзором полиции Бланки жил в местечке Жанси вместе с женой и сыном. Здесь, в тиши, он работал над планом тайной организации «Общества времен года» («Société des saisons»), которое должно было, по его замыслу, произвести социальный переворот.

Наконец Бланки снова в Париже. «Общество времен года» создано. К маю 1839 года в нем было свыше 1200 человек, главным образом рабочих.

Общество делилось на «недели», «месяцы» и четыре «времена года». «Неделя» — это семь человек во главе со своим начальником — «воскресеньем». Только Бланки, Барбесу и Бернару, руководителям общества («года»), известны были все члены.

Выступление бланкистов было назначено на 12 мая 1839 года. Оно началось за-

хватом оружейного магазина Лепажя. После распределения оружия часть заговорщиков потребовала раскрытия плана и создания общего руководства, но ничего не добились. Недовольные ушли (их было немного), а оставшиеся — около 1200 человек — разбились на 3 группы и под руководством Бланки, Барбеса и Бернара направились к центру. Захватив ратушу, они выпустили указы об уничтожении монархии. «Да погибнет наконец эксплуатация, — сказано в воззвании к парижанам, — и да воцарится торжествующее равенство на обломках сверженной королевской власти и аристократии... Восстань, народ! И твои враги исчезнут, как пыль перед ураганом»².

Но народ не восстал. Все случилось слишком неожиданно. Правительственные войска взяли баррикады заговорщиков, и восстание было быстро задушено.

В конце июня перед судом предстали первые 19 заговорщиков. 14 октября схватили и Бланки. Его приговорили к смерти, которая была заменена пожизненной каторгой.

В тюрьме св. Михаила, в башнях которой в годы реставрации сидел сын Барбеса, томился теперь Бланки вместе с Барбесом и Бернаром. Каменные мешки, в которых человек может лишь лежать или сидеть полусогнувшись, ножные кандалы, прикованные цепью к стене, — все здесь устроено для мучительного сокращения жизни.

Бланки сделал отчаянную попытку вырваться на свободу. В один из январских вечеров 1842 года, после длительной подготовки, семеро заключенных во главе с

¹ «Историк-марксист». Т. XX, стр. 92—93. 1930.

² «Affaires des 12 et 13 mai 1839».

Бланки, подпилив решотки, убежали из камер. Их схватили у тюремной стены...

Здоровье Бланки резко ухудшалось. Его привезли в Турскую тюрьму и вскоре перевели в тюремную больницу. 9 декабря 1844 года к постели тяжело больного Бланки принесли помилование, но узник, еще сохранивший душевные силы, решительно отказался от лицемерной милости врага.

Заключенный выдержал все тяжкие лишения и долгую жестокую болезнь. Только через 20 месяцев, в октябре 1845 года, он ступил на пол. Двери тюрьмы раскрылись для «помилованного» лишь в феврале 1848 года, при первых ударах революции.

3

В эти дни Париж был покрыт баррикадами. Борьба за избирательную реформу кончилась боями за республику.

Временное правительство — буржуа Ламартин, Кремье, Мари и другие — провозгласило 24 февраля: «На этот раз великодушный народ не будет обманут»¹.

Но только под давлением народного ультиматума, переданного Распайлем, это правительство провозгласило, наконец, республику. Трехцветное знамя республики решено было украсить красной розеткой «в знак признательной памяти о заключительном акте революции...»².

Негодующий Бланки писал по этому поводу в прокламации: «Красное знамя на баррикадах 1848 г. водрузил народ. Пусть не попытаются обесцветить это знамя. Оно красно лишь от благородной крови, пролитой народом... Победивший народ не опустит своего знамени»³.

Вечером 25 февраля Бланки, восторженно встреченный народом, выступил на собрании в Прадо. Он удерживал собравшихся от похода на ратушу. Не надо доверяться Национальной гвардии, говорил он, ибо она «состоит из напуганных лавочников, которые завтра будут разрушать то, что они сделали вчера...»⁴.

Сторонники Бланки организовали «Центральное республиканское общество», называемое также клубом Бланки. Здесь, рассказывает прудонист Менар, Бланки «...с пророческой мудростью разоблачал реакционное перерождение революции»⁵.

Буржуазное правительство демагогическими декретами, жалкими подачками пы-

талось обмануть народ, натравливая на революцию крестьянство. В таких условиях были назначены на 9 апреля выборы в Национальное собрание.

12 марта Бланки выступил с требованием отсрочить выборы: «Необходимо, чтоб свет проник в последнюю деревушку республики. Если выборы состоятся до того, как массы осознают свои интересы, победа реакции несомненна».

15 марта «Центральное республиканское общество» выпустило еще одну такую прокламацию. 17 марта под руководством Бланки состоялась двухсоттысячная демонстрация. Ламартин обещал отсрочить выборы на две недели.

4 мая Учредительное собрание «...напрямик провозгласило буржуазную республику»⁶.

Массы откликнулись стихийной демонстрацией 15 мая. «Против реакционной политики!», «В защиту Польши!» — таковы были лозунги народа. Во дворце палаты, куда ворвался народ, Распайль прочитал петицию в защиту Польши. Затем выступил Бланки. Сказав несколько слов о Польше, он подчеркнул, что нужно прежде всего обратить внимание на своих тиранов. Он напомнил апрельскую бойню в Руане и указал, что виновники ее до сих пор не привлечены к суду. Три месяца республики, но бедствия парижан продолжаются.

Демонстранты оставались в помещении палаты несколько часов. При обсуждении списков нового правительства чаще всего слышались имена Кабе, Распайля, Бланки, Прудона. В пять часов «подвижная гвардия» правительства заставила народ покинуть зал дворца.

Буржуазия приступила к расправе. Были арестованы Барбес, Распайль, Альбер. 25 мая был схвачен и Бланки. «День 15 мая, как известно, привел лишь к устранению с общественной арены на все время борьбы Бланки и его единомышленников, т. е. истинных вождей пролетарской партии (революционных коммунистов)»⁷.

4

Десять месяцев Бланки провел в Венсенском тюремном замке, оторванный от движения в решительный период июньских боев. В марте 1849 года состоялся суд. Бланки приговорили к 10 годам тюремного заключения. В тюрьме Дуллана на Сомме Бланки писал воспоминания и антирелигиозные философские этюды. Отсюда на втором году заключения его пе-

¹ «Mursailles révolutionnaires». V. I, p. 23.

² Ibidem, p. 85.

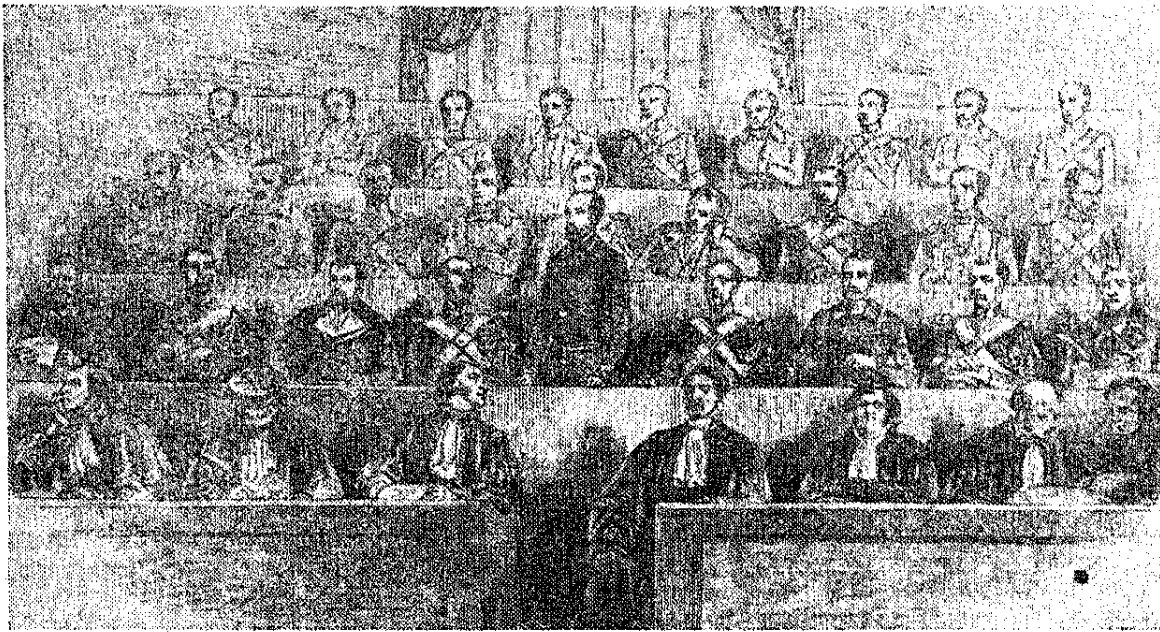
³ Ibidem, p. 672.

⁴ Lucas «Les clubs et les clubistes», p. 214.

⁵ «Революция 1848 года во Франции в воспоминаниях участников и современников», стр. 179. «Academia». 1934.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 22.

⁷ Там же, стр. 329.

Суд над участниками восстания 15 мая 1848 года.
Из фондов Музея Маркса—Энгельса—Ленина.

ревели на «Прекрасный остров» (форт Фуке на острове у берегов Бретани).

В ночь на 6 апреля 1853 года Бланки и его сосед по камере, Казаван, бежали. С помощью веревок и железных крюков им удалось преодолеть тюремную стену. Но только одну ночь они пробыли на свободе: утром беглецов поймали и бросили в сырое подземелье замка.

Вскоре Бланки перевели в Корсиканскую тюрьму, которую можно назвать климатической каторгой.

В апреле 1859 года истек срок заключения, однако узник остался жив. Тогда Наполеон III решил сослать его в Кайенну¹. Маркс пишет 22 апреля Энгельсу, что в Париже рабочие взбешены подлостью ссылки Бланки в Кайенну². Но правительство, испугавшись, что эта ссылка вызовет слишком сильное негодование в народе, отказалось от своего первоначального решения, и измученного Бланки повезли в Африку. Его освободила только всеобщая амнистия в августе 1859 года.

5

Многое изменилось во Франции к возвращению Бланки. Огонь революции тлел

¹ Кайенна — столица Французской Гвианы (в Южной Америке) — служила местом ссылки для политических заключенных. За свой вреднейший климат, вызывавший усиленную смертность среди сосланных, Кайенна получила название «сухой гильотины».

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 401.

теперь глубоко в недрах. Господствовала реакция. Бездарный Наполеон III тщетно стремился подражать своему великому дяде.

Сын Бланки предложил отцу угол и кусок хлеба под условием его решительного ухода от политической деятельности. Изможденный, больной Бланки отказался и порвал с сыном. Ничем нельзя было сломить дух великого революционера.

В Париже чувствовалась какая-то подавленность. Бомбы Ореини напугали Наполеона III, но еще более усилился страх умеренных республиканцев и других попутчиков революции перед полицейским кулаком. Для них политика стала игрой слишком рискованной. Остатки же старой революционной гвардии находились в подполье.

И Бланки при встрече с историком Мишле сказал, что ему жутко на свободе. Его зовут почетно, но чуть-чуть грустно: «Старик». Однако он попрежнему страстно борется за революцию, отдавая ей все свои силы.

В глубоком подполье Бланки писал листовки и брошюры. Но его предали, и в июне 1861 года он снова попал в тюрьму Сен-Пелажи, в этот раз на 4 года. Здесь он нашел новых сторонников: Прото, Жаклара, Лонге, Влемансо, Тридона... Бланки воодушевлен идеей создания более широкой организации.

В мае 1865 года в Париже вышел первый номер журнала «Кандид». Находясь в тюрьме, «Старик» был его вдохновителем, организатором и автором под псевдонимом «Сюзамель». С вольтеровским остроумием он клеймил иезуитов и клерикалов,

которые «в продолжение 16-ти веков... продавали небо за благо земли»¹.

Журнал прекратил свое существование на 8-м номере. Тридон и Вилльнев были арестованы за оскорбление культов и за статьи о социальной экономии. Другие сотрудники были подвергнуты штрафам. Срок заключения Бланки подходил к концу, но узнику снова грозила ссылка в Кайенну, и в конце августа 1865 года он бежал за границу, в Брюссель.

6

60-е годы ознаменовались под'емом рабочего движения и укреплением в пролетариате великого чувства международной классовой солидарности. В 1864 году Маркс и Энгельс основали Интернационал.

Бланки проявил к Интернационалу живейший интерес. Он предполагал участвовать в работе Женевского конгресса 1866 года, но в последний момент предложил парижским бланкистам не ехать в Женеву, так как не хотел иметь никакого дела с прудонистами.

Маркс и Энгельс стремились собрать под знаменем Интернационала широчайшие массы трудящихся. Они говорили о процессе отвоевания рабочего класса у мелкобуржуазных и буржуазных руководителей. Эти перспективы не были поняты Бланки, который с ошибочной, сектантской прямолинейностью заговорщика проводил по отношению к прудонистам и тредюнионистам чисто негативную политику. Поэтому мудрые слова Маркса: «Необходимо быть сильнее на деле и умереннее в форме»² — казались Бланки смертным грехом.

Кроме того Бланки не верил в силы «космополитического собрания». Хотя в 1848 году у него были попытки изменить практику узкого заговорничества 30-х годов, но он и в этот момент недооценил силы, значения и необходимости широкой пролетарской партии. Он не понял важности экономической борьбы, которую иронически называл «практическим интересом». В итоге вся революционная практика Бланки противоречила указаниям Интернационала о создании массовых рабочих партий, тормозила объединение пролетариата.

Несмотря на указания Бланки три бланкиста — Гумбер, Прото и Жантон — поехали в Женеву. На конгрессе заговорщическая тактика бланкистов была осуждена. Тогда правый прудонист Толен, один из лидеров парижской секции, выступил

¹ См. Жеффрауа. Цит. соч., стр. 160.

² Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 481. Госполитиздат. 1940.

против бланкистов, назвав их «самыми обыкновенными политиками»³. Издавна затаившие ненависть к страстному революционеру Бланки, прудонисты пытались исказить правильную критику конгресса, свести счеты с бланкистами. Им это не удалось, но бланкисты все же были исключены из состава конгресса. Бланки болезненно переживал эти события.

С этого времени вражда бланкистов и «гравильеров»⁴ становится особенно непримиримой; она отдаляет Бланки от вступления в Интернационал. Однако ожесточенная борьба внутри Интернационала между марксистами и прудонистами не проходила мимо внимания Бланки. В письме от 25 сентября 1868 года Маркс сообщил Энгельсу, что «Бланки все время присутствовал на Брюссельском конгрессе»⁵. Как известно, на этом конгрессе были окончательно разбиты прудонисты. В следующем, 1869 году в Интернационале появились первые бланкисты.

Несмотря на то что их число в Ассоциации росло, а после Коммуны бланкисты Ранвье, Вайян, Арно, Курне, Констан Мартин вошли и в Генеральный совет Интернационала, несмотря на их союз с марксистами против бакунистов и федералистов на Гаагском конгрессе 1872 года, бланкисты в истории Интернационала все же не сыграли заметной роли. Таков был естественный результат теоретической слабости и тактических ошибок бланкистов и их вождя.

7

Теоретические взгляды Бланки начали формироваться в 20-х годах XIX века, когда французский рабочий класс был еще слаб. Против клерикализма и роялизма второй реставрации Бурбонов боролись отдельные группы мелкой буржуазии, интеллигенции, реже — пролетарии.

В этих условиях началась боевая жизнь Бланки. Он изучал «Трактат о государе» Макиавелли, познакомился с Буонаротти, который находился во власти идей Бабефа. Но о мировоззрении Бланки 20-х годов еще трудно говорить. Переломным пунктом для него была июльская революция 1830 года. Борьба на баррикадах и предательство либерального охвостья, господство «денежных мешков» и бесправие масс, роскошь буржуа и нищета народа — все эти контрасты июльской монархии словно сорвали пелену с глаз Бланки. Его

³ См. Зеваэс «Огюст Бланки», стр. 171. Госиздат. 1922.

⁴ Парижская секция Интернационала, в большинстве состоявшая из прудонистов.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 104.

мировоззрение начинает складываться прежде всего под знаком критики буржуазного общества. Учителями Бланки были французские утопические социалисты, особенно Шарль Фурье.

Уже в начале 1832 года, на «процессе 15-ти», Бланки назвал государство машиной «для эксплуатации бедняка богатым»¹. Спустя два года Бланки пишет, что «...рабство состоит не только в том, что человек является собственностью другого человека или прикреплен к земле; не свободен и тот, кто, будучи лишен орудий труда, остается во власти привилегированного владельца этих необходимых орудий. Это-то присвоение, а не та или иная политическая конституция, превращает массы в рабов... рабочий не раб, которому надо дорожить, как капиталом. Его смерть не потеря, — всегда существует конкуренция, чтобы заменить его; заработная плата, эта небольшая частица, хотя еле хватящая для поддержания жизни, способствует тем не менее быстрейшему размножению этого мяса для эксплуатации... Так как капиталы сами по себе бесплодны и приносят пользу только при посредстве рабочей силы, а с другой стороны, они составляют необходимое сырье, пущенное в дело социальными силами, большинство, не владеющее ими, приговорено к каторжным работам в пользу класса собственников»².

Никто из великих предшественников Маркса не понимал так ясно, как Бланки, структуру буржуазного общества и не подошел столь близко к раскрытию тайны капиталистического производства. Его современники, гениальные социалисты-утописты, приходили к порочному выводу о возможности мирного сотрудничества классов. Бланки пошел дальше своих учителей: он отрицает все попытки «помирить Каина с Авелем», ибо «факты имеют свое красноречие; они указывают на борьбу, борьбу на смерть между прибылью и заработной платой»³.

Допуская участие пролетариата в потребительской кооперации, Бланки решительно отвергал подобное сотрудничество в кредитной и производственной кооперации, которая, по его словам, является для рабочих гибельной ловушкой. И если эта ловушка будет захлопнута, образуется меньшинство рабочего класса, занимающееся «только своими частными интересами и навсегда отделившееся от своих несчастных братьев»⁴.

Рабочие должны кооперироваться в

«общества взаимопомощи для охраны прав труда и борьбы с капиталом». Здесь трудящиеся перестают быть пресмыкающимися, их борьба в профсоюзах «чревата гражданской войной».

Бланки отвергает экономические завоевания путем стачечной борьбы. Стачка, по его мнению, важна лишь как средство подготовки к политической борьбе и революции. Только после революционной победы наступит время социального переворота. А так как «невежество» рабочего класса, непреодолимое в условиях капиталистического общества, лишает его возможности полностью осознать свои классовые интересы, то решающую роль должно сыграть выступление ударной группы, пример которой увлечет за собой весь пролетариат. Таково обоснование бланкистской тактики.

Выступление бланкистского «Общества времен года» 12 мая 1839 года показало полную несостоятельность этой тактики. Начатое без всякого внешнего повода, в обстановке политической депрессии, восстание сразу же было подавлено.

В условиях полицейского террора монархии Луи-Филиппа революционная организация действительно могла существовать только в форме тайного общества. Но роковая ошибка Бланки заключалась в том, что эта организация призывала к немедленному боевому действию, что она не пошла в гущу пролетариата, чтобы сплотить и объединить его, сделать своей опорой, а рассчитывала нанести первый революционный удар группой заговорщиков.

Вспомним ленинское указание: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половичатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма»⁵.

Во время революции 1848 года Бланки пришел к выводу, что ее успех невозможен без «восставшего пригорода». После революции он говорил и о необходимости диктатуры революционного Парижа. События 1848 года рассеяли иллюзии всеобщего избирательного права, которое стало

⁵ Ленин. Т. XXI, стр. 195.

¹ См. М. Доманже «Бланки», стр. 49. Л. 1925.

² Там же, стр. 51, 52.

³ Там же, стр. 55.

⁴ Там же, стр. 60.

PARISIENS!

Devant l'urne électorale, ouvrez les yeux, s'il en est temps encore, au peccé qui vous menace. Paris est condamné et sa sentence s'exécute par les mains de la réaction qui a sa recruter partout des complices et des instruments à ses vengeances.

Chaque jour, sous prétexte de désencumberment, d'ordre public, d'humanité même, on vide la capitale d'ouvriers; mesure fatale! mesure de mort!

À l'exception d'une poignée de riches oisifs, la cité entière ne vit que par les travailleurs sans Ouvriers, plus de consommation, partant plus d'affaires! La masse des détaillants tombe en faillite, le haut commerce, l'industrie la suivent dans le gouffre, et la faction du passé triomphante bat des mains à la ruine de ce Paris qu'elle abhorre, parce qu'il a changé la face du monde!

Commerçants, propriétaires, ne secouez pas ces noirs calculs, faites-les reculer, vos préventions! Que demande le peuple? de vivre heureux par son travail, et l'intérêt vous commande d'appuyer cette juste exigence, car vos profits viennent du Peuple; ce qu'il gagne, vous le gagnez après lui par sa consommation. Que l'apparence ne vous trompe pas! Dans l'océan des affaires, les dépenses de luxe ne sont qu'une goutte d'eau pour un qui vit de l'or du riche, neuf vivent des centimes du pauvre. Entre vous et les Ouvriers, il y a solidarité d'existence.

Mais soyez justes! le Peuple a trop longtemps souffert! Il ne peut ou ne veut plus subir les dures conditions du travail que lui a faites la rapacité des hommes d'appât. Il ne réclame de plus équitable, et c'est cette demande qu'on repousse avec violence, avec fureur. On s'abat, on prétend l'amener à merci, on le chasse par la famine... Eh bien! il ne cèdera pas! il s'en ira... en secouant la poussière de ses pieds. Ses propriétés ne l'embarrassent pas lui. Déjà il s'éloigne, et Paris, sans Peuple, va tomber en agonie.

Trop tard alors, quand verdissent l'herbe entre les pierres des rues, marchands sans aratoires, propriétaires sans loyers, vous pleurez votre erreur debout au seuil de

vos magasins fermés et de vos maisons désertes! Vous suez l'ordre comme à Milan, comme à Varsovie, et vous trouvez peut-être que le roulement des canons sur le pavé ne vaut pas celui des catins et des charrettes!

Il reste une chance de salut vous joindre franchement au Peuple pour lui assurer gain de cause; c'est-à-dire du travail *à ses rétribus*, et tout d'abord choisir des Représentants qui veulent *sans retard et à tout prix* accomplir cette tâche.

Elle n'est pas énorme, il suffit de ne pas rester « plat ventre devant les capitains, et de leur rendre cette bonne volonté qu'ils avaient montrée un instant le lendemain de Février; surtout, n'oubliez pas que votre mortel ennemi, c'est la réaction provinciale. Vous savez où la prendre; elle ne se cache guère.

C'est le sabre haut qu'elle mène la charge à fond sur Paris. Rappelez-vous ce ministère d'un Représentant de clocher, Inard. — Si Paris attende à la souveraineté nationale, le voyageur cherchera bientôt sur les rives de la Seine l'endroit où Paris a existé.

Ce mot est la clé de la situation: Inard et ses pareils veulent, eux aussi, étouffer la grande Cité dans les serres d'une armée, et l'histoire est la ussime pour dire que leur triomphe eût abouti au partage de la France. Ils ont échoué, et la ville sainte nous a faits le premier peuple du monde.

C'est que Paris, capitale de l'intelligence et du travail, est la véritable représentation nationale, le congrès gigantesque et majestueux de la patrie entière, par l'élite de ses enfants réunis, écrivains, artistes, ouvriers, savants, industriels, s'occupant incessamment à lier l'œuvre de sa grandeur et de sa prospérité.

La réaction va paralyser le pays en lui comprimant le cerveau. Parisiens! c'est à vous, riches et pauvres, de ne pas laisser décapiter la France, et de retener la main que des parricides portent sur leur mère!

Pensez à cela devant l'urne du Scrutin

Donjon de Vincennes.

AUGUSTE BLANQUI.

15 Septembre 1848.

PARIS.—107. SCORLAIU KOB NE PETIT-CALAIS, 82.

Воззвание Огюста Бланки к парижанам. 15 сентября 1848 года.

Из фондов Музея Маркса—Энгельса—Ленина.

после февраля орудием реакции. Победившему классу нужна диктатура. Не следует, однако, ставить знак равенства между этим выводом Бланки и марксистским учением о диктатуре пролетариата. Маркс и Энгельс научно установили неизбежность диктатуры передового класса, Бланки же, «социалист только по чувству», признает диктатуру некоторого революционного меньшинства, «не всего... пролетариата, а небольшого числа лиц, которые произвели переворот...»¹.

Диктатура, считает Бланки, решит главнейшие задачи революции, и прежде всего она порвет с либеральной буржуазией, разоружит буржуазию, вооружит народ. Беспощадная борьба должна быть объявлена церкви. Ее имущество необходимо национализировать, а служителей культа — изгнать из страны. «Пусть революционное правительство раздавит религию»², — говорил Бланки.

Революция уничтожит также буржуазную прессу, клерикальную школу, упразднит судейское сословие, установив для гражданских дел третейский суд, а для уголовных преступлений — суд присяжных.

С осторожностью предполагал Бланки действовать в экономической области. Он не говорит об экспроприации буржуазии. Государство пролетариата может заключать договоры с отдельными капиталистами, смещать одних, подвергать беспощадному надзору других. Съезд рабочих дол-

жен объявить о создании производственных ассоциаций.

Нужно сказать, что экономические мероприятия Бланки отличаются особой неясностью.

Большая осмотрительность необходима, как он считал, в отношении крестьянства, ибо «невежество и недоверие гораздо сильнее в хижине, нежели в мастерской... кроме того, здесь не существует могущественных побуждений — необходимости и выгоды, которые тянули бы крестьянина к ассоциации»³. Надо воздействовать на крестьянское сознание, предоставить свободу выбора между ассоциацией и самостоятельным ведением хозяйства, не применять, как предлагал Бабеф, принудительного ассоциирования.

Таковы, по мнению Бланки, первоочередные действия революционной диктатуры. Она должна действовать десятки лет, пока общество будет двигаться к коммунизму.

Интересны мысли Бланки о коммунизме. Бланки высмеивает Кабе, «кустаря-новатора», пытавшегося искусственно создать коммунизм. Критикует он и Фаланстеры Фурье: «Это одно из наших самых смешных сомнений: нас — варваров, нас — невежд представлять себя законодателями будущих поколений»⁴. Еще в 30-х годах Бланки пишет статью об ассоциациях будущего, в которой устанавливает принципы социалистического общества, не касаясь отдельных его черт. Ведь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 225.

² См. Доманже. Цит. соч., стр. 75.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 86.

«коммунизм может быть лишь общей равнодействующей длинного ряда явлений и фактов, а не яйцом, которое снесла и высидела где-нибудь в углу человеческого рода двуногая птица без перьев и крыльев»¹. Гораздо важнее то, что коммунизм является «последним пределом ассоциации». Он неизбежен, ибо каждый шаг человечества, даже раздел земли, приближает общество к коммунизму. Коммунизм есть историческая закономерность.

Только при коммунистическом строе возможен расцвет личности, ибо «коммунизм есть охрана индивидуальности, индивидуализм — ее гибель». Отвечая клеветникам, Бланки доказывает, что первобытный коммунизм несравним с коммунизмом будущего.

Но ошибочна была мысль Бланки о том, что после революционного переворота коммунизм будет построен лишь благодаря распространению просвещения: «Коммунизм... идет нога в ногу с просвещением, его другом и руководителем; он никогда не опережает его и никогда от него не отстаёт... Он воцарится во всей своей силе в тот день, когда, благодаря широко разлившемуся по всему миру свету знания, ни один человек не сумеет обмануть другого»². Бланки недооценивает роли экономических факторов в общественном развитии, не видит классовой борьбы после победы революции. Он увлечен взглядами французских просветителей XVIII века, идеалистически объяснявших общественный прогресс.

Энгельс очень метко называет Бланки «революционером прошлого поколения». Корни его мировоззрения восходят к просветительской философии, бабувизму и утопическому социализму. Но Бланки пошел дальше своих учителей. Он признал всемирноисторическую роль пролетариата, указал на тесную связь между борьбой рабочего класса и коммунизмом, установил взаимозависимость политической борьбы и освобождения трудящихся. Бланки в этой части пошел дальше Бабефа, у которого он заимствовал тактику революционной борьбы.

Он отвергает теорию естественного права, выдвинутую просветителями, и признает вместо нее историческую обусловленность совершающегося. Но отрицательное влияние французского просветительства сказывалось у Бланки в том, что он идеалистически представлял себе построение коммунизма.

Утопический социализм помог ему критически оценить буржуазное общество.

Однако до конца своей жизни Бланки

не дошел до марксистского понимания классовой борьбы. Ленин в своем «Плане чтения о Коммуне» подчеркивает, что еще в ноябре 1880 года (т. е. за год до смерти) Бланки в своей работе «Ni Dieu ni maître» «лоричает теорию классовой борьбы»³.

Мировоззрение великого революционера складывалось эклектически, не представляло собой стройной теории, базирующейся на научных достижениях современности. В этом главная слабость Бланки, и поэтому он известен нам прежде всего как политический революционер. «Социалист он только по чувству, из сочувствия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства»⁴.

Влияние Маркса и Энгельса на Бланки, осуществлявшееся через Лафарга, бланкиста Вайяна и с помощью личной связи, привело к тому, что Бланки стал союзником Маркса и Энгельса в борьбе с прудонизмом. Под влиянием Маркса и Энгельса Бланки пытался расширить свою организацию. В 1850 году был заключен формальный договор коммунистов с бланкистами. Влияние Маркса и Энгельса наложило отпечаток и на мировоззрение Бланки: отсюда его глубокая вера в победу коммунизма, непримиримость в борьбе с врагами пролетариата.

Однако марксизма Бланки не понял. Отрицая науку политической экономии, рассматривая ее как апологию буржуазного строя, умаляя значение экономической борьбы рабочего класса, оторванный от опыта пролетарского движения тюремным заключением, Бланки в своих теоретических высказываниях не пошел дальше отдельных блестящих мыслей. В этом отношении замечательна характеристика, данная Бланки товарищем Сталиным: «История знает пролетарских вождей, вождей бурного времени, вождей-практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории. Массы не скоро забывают имена таких вождей. Таковы, например, Лассаль в Германии, Бланки во Франции. Но движение в целом, — продолжает товарищ Сталин, — не может жить одними лишь воспоминаниями: ему нужны ясная цель (программа), твердая линия (тактика)... Чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения»⁵.

Таким вождем Бланки стать не мог.

³ Ленин. Т. XXX, стр. 111

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 225.

⁵ И. Сталин «О Ленине», стр. 9. Изд. 1940.

¹ «Социалистическая критика». Т. I, стр. 199 (цит. по Зеваеву, стр. 108).

² Там же, стр. 183 (Зеваев, стр. 114).

Ошибочные взгляды Бланки были перенесены на русскую почву народником Петром Ткачевым, который в 1873 году бежал за границу, где сблизился с бланкистами.

Однако он был не учеником, а скорее эпигоном Бланки. Ткачев утверждал, что русский народ можно в любое время поднять на революционный протест и революционер всегда вправе призывать народ к восстанию. «Ждать! Учиться, перевоспитываться! Да имеем ли мы право ждать?.. Знания — необходимое условие мирного прогресса, но они совсем не необходимое условие революции»¹. И Ткачев призывал всех совершать революцию «как кто может и умеет...»

После завершения социальной революции «мужичок заживет под звуки песен веселой жизнью... не медными грошами, а золотыми червонцами будет наполнен его карман... Он будет есть и пить сколько влезет, а работать он будет ровно столько, сколько ему захочется», — писал Ткачев в своей программной брошюре 1874 года «Задачи революционной пропаганды в России».

Энгельс высмеял безграмотную концепцию Ткачева, сказав, что «он сам выдает себе свидетельство в незрелости»². Ткачев воспринял заговорщический метод Бланки, но считал, что опираться следует на мелкобуржуазную интеллигенцию. Не обладая революционным инстинктом Бланки, Ткачев ухудшил революционную тактику бланкизма, ибо Бланки не раз повторял, что «терпение необходимо всегда; не создают движения, а только направляют его».

8

Маркс и Энгельс ценили в лице Бланки прежде всего «человека дела». Энгельс подчеркивал, что не всякому даны «революционный инстинкт Бланки, его быстрая решительность...»³. Критикуя доктринерский социализм, Маркс отмечает, что если этот социализм становится оружием мелкой буржуазии, то «... пролетариат все более группируется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем Бланки»⁴.

Маркс считает Бланки и его соратников революционными коммунистами, истинны-

ми вождями пролетарской партии⁵ в революции 1848 года. Именно поэтому Маркс и Энгельс заключают в апреле 1850 года договор коммунистов с бланкистами о совместной борьбе за установление диктатуры пролетариата. Личному сближению вождей пролетариата с Бланки мешали годы его тюремного заключения.

В письме от 22 января 1852 года Энгельс говорит, описывая напряженную обстановку во Франции: «Если б хоть, наконец, слетел господин де-Морни⁶, который все еще пытается разыгрывать добродетельного героя, и если б наш благородный друг конфисковал имущество Орлеанов! Нельзя лучше готовить почву для правительства Бланки, чем это делает этот осел»⁷.

Маркс и Энгельс глубоко интересовались судьбой своего друга. В 1861 году Маркс помогал Денонвилю напечатать памфлет, разоблачающий гнусный процесс против Бланки. Маркс писал Энгельсу 9 июня 1861 года: «Сам Бланки очень тепло благодарил, через Денонвиля, и меня, и *parti prolétaire allemand (in partibus)*⁸ за наше участие. Я очень доволен, что мы вновь завязали прямые сношения с решительно революционной партией во Франции»⁹.

Лафарг, бланкист в начале своей политической деятельности, был в довольно близких личных отношениях с Бланки. В то же время Лафарг поддерживал переписку с Марксом. 1 марта 1869 года Маркс сообщил Энгельсу: «Насчет моей книги против Прудона¹⁰ Лафарг пишет: «У Бланки есть один экземпляр, и он дает его читать всем своим друзьям. Тридон также читал его и очень радовался тому, как Мавр расправился с Прудоном. Бланки питает к вам величайшее уважение...»¹¹.

С Бланки Маркса и Энгельса сближали великая революционная страстность и самоотверженность в борьбе за дело пролетариата. Они одинаково ненавидели буржуазный строй и глубоко верили в победу коммунизма, в то, что пролетариат завоеует счастье для всего человечества.

⁵ См. там же, стр. 329.

⁶ Председатель Законодательного корпуса. — Н. П.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 321—322 (подчеркнуто мною. — Н. П.).

⁸ Немецкую пролетарскую партию (зарубежную).

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 25—26.

¹⁰ Речь идет о «Нищете философии». — Н. П.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 165—166.

Но все же пропасть лежала между Марксом, Энгельсом и Бланки. У Бланки не было научной теории, он придерживался неверных методов борьбы. Бланкизм уже не мог быть оправдан в 60-х годах, когда его заговорщичество переросло в сектантство, путчизм. Критикуя за это бланкизм, Маркс и Энгельс, однако, очень ценили, любили мужественного Бланки-борца.

9

В 60-х годах, в условиях нараставшего кризиса Второй империи, Бланки организовал в Париже три ударных группы под руководством рабочих Жантона, Дювала и медика Жаклара. Число заговорщиков достигало в 1868 году 800 человек. Под именем Бадуэля Бланки тайно появился в Париже, где готовилось восстание. В специальной инструкции он распределил людей, разработал технику восстания, вплоть до подробностей строительства баррикад и организации взрывных мероприятий.

К инструкции приложены воззвания: «Солдаты! Парижский народ берет за оружие. Пойдете ли вы против него? Освобождая Францию, он освобождает прежде всего вас... Солдаты! Руку! Да здравствует свобода! Да здравствует мировая республика!»; «Парижане!.. Голод раздирает чрево народа. Бонапарт обещал славу и благоденствие. Благоденствие! Да, он один похоронил 400 миллионов...»¹. 12 января 1870 года на похоронах Виктора Нуара, в решающий момент, бланкисты воздержались от выступления.

Начало франко-прусской войны застало Бланки в Брюсселе. Он поспешил в Париж. Народные массы Франции болезненно переживали первые военные поражения.

14 августа, днем, бланкисты направились в казарму пожарной команды на бульваре Виллетт, чтобы поднять солдат, но военная тревога помешала Бланки говорить. Между ним и солдатами встал офицер, призывая солдат к порядку. После некоторого колебания солдаты остались в казарме. В кругу своих соратников Бланки признался: «Мы оказались бессильными вызвать народное восстание». Бланкистская тактика потерпела еще одно поражение.

Бланки казалось, что в осажденном Париже повторяются славные дни революционной защиты отечества в конце XVIII века. 7 сентября он выпустил первый номер газеты «Отечество в опасности», где предлагал всем соединить свои силы и отдать их в распоряжение временного пра-

вительства под условием сохранения республики и целостности Франции.

Это был именно тот момент, о котором Маркс писал во втором воззвании Генерального совета Интернационала от 9 сентября: «Французские рабочие должны исполнить свой долг граждан, но они не должны позволить себя увлечь национальными традициями 1792 года...»².

«Старик» был избран командиром 169-го батальона и проводил целые дни на укреплениях.

Воодушевленный патриотической идеей, Бланки ошибся, призвав к поддержке буржуазного правительства. Но уже в середине сентября он замечает корни измены: «Положение невыносимо, и катастрофа неизбежна. Как жить среди этого мучительного противоречия: под властью правительства национальной обороны, которое не хочет защищаться?»³. В конце сентября Бланки заявил, что «пруссакон культивируют, как средство против «демагогии», а 6 октября в статье «Подготовка измены» он неустрашимо разоблачил тайные переговоры Фавра с Бисмарком.

«Правительство национальной измены» начало поход против Бланки. Закрыт был клуб «Отечество в опасности»; чтобы лишить Бланки командования, Трошю распустил всех офицеров 169-го батальона.

31 октября стихийно выступили парижские массы. По улицам столицы маршировали батальоны Национальной гвардии, требуя отставки правительства и создания Коммуны; «...правительство, захваченное в ратуше, торжественно обещало Бланки, Флурансу и другим представителям рабочих передать захваченную им власть в руки свободно избранной Парижской коммуны»⁴. Наспех было создано шестрое по составу временное правительство, где рядом с Бланки значились имена Гюго, Распайля, Луи Блана, Феликса Пиа... Правительство просуществовало несколько часов. Коммуна не была учреждена лишь потому, что «Бланки, Флуранс и другие тогдашние лидеры движения поверили людям слова, давшим честное слово отказаться от власти...»⁵.

После этого Бланки, преследуемый как участник движения 31 октября, скрылся, но парижане читали «Отечество в опасности», где он продолжал разоблачать правительство. 8 декабря 1870 года в 89-м номере газеты было напечатано: «Отечество в опасности» не может больше выхо-

² К. Маркс «Гражданская война во Франции», стр. 40. Госполитиздат. 1939.

³ См. Жеффруа. Цит. соч., стр. 192.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс «Парижская коммуна», стр. 29—30. Огиз. 1938.

⁵ Там же, стр. 70.

¹ См. «Историк-марксист». Т. III, стр. 37—38. 1927.

дять. Мы откровенно скажем почему: у редакции нет средств...»

Бланки написал свое «Последнее слово» («Un dernier mot»), в котором неопровержимо обличил предательство правительства.

В Бордо, куда он уехал из оккупированного Парижа, пришла весть об осуждении Бланки на смертную казнь за участие в событиях 31 октября. Банда Фавра мстила за «Последнее слово». 17 марта 1871 года палачи потащили больного старика с постели в тюремную больницу. «Наконец-то нам попался самый отъявленный разбойник», — заявил Тьер.

10

Народное восстание 18 марта вспыхнуло стихийно. Только в разгар восстания, когда победа была ясна, центральный комитет Национальной гвардии, состоявший в своем большинстве из бланкистов, возглавил борьбу.

И сразу же после победы центральный комитет допустил роковую ошибку: «...надо было немедленно пойти на Версаль — Версаль не имел тогда средств к обороне — и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его помещичьей палаты»¹. Но центральный комитет воздерживался от немедленного развертывания гражданской войны.

28 марта была провозглашена Коммуна, в которой большинство составляли бланкисты: Флуранс, Ранвье, Тридон, Вайян и др., сыгравшие в ее истории выдающуюся роль.

Бланкисты преобладали в военной комиссии, исполнительной, в комиссии по общей безопасности. Но они относились пренебрежительно к экономической работе Коммуны, целиком передоверив прудонистам комиссию труда и обмена, финансовую... «Отсюда становится понятным, почему Коммуна в экономической области упустила кое-что такое, что, по нашим нынешним представлениям, сделать ей было необходимо»².

Лишенные передовой революционной теории, бланкисты совершили серьезные политические ошибки, допустили многие тактические промахи. Они полагали, что Коммуна должна повторить якобинские методы 1793 года. Поэтому бланкисты действовали вместе с неоякобинцами. Они представляли себе диктатуру пролетариата отнюдь не в виде строжайшей централизации власти в руках революционного правительства, а в форме объединения всех провинциальных

Коммун, вместе с Парижской, в одну свободную национальную федерацию.

Бланкисты, несмотря на специальные указания Маркса, не организовали связи с провинциями, часто доверяя это дело ненадежным лицам; они отказались послать комиссара в Лимож, ответив тамошним рабочим, что «в настоящий момент это невозможно, после видно будет...» Между тем в Лиможе происходили братания рабочих с солдатами, и на время рабочие даже захватили город.

По всей Франции: в Марселе и Тулузе, в Сент-Этьенне и Нарбонне — поднялись трудящиеся. Делегация Парижа была послана только в Марсель.

Первая пролетарская диктатура создавалась чуть ем пролетариата. «Революционный инстинкт рабочего класса прорывается вопреки ошибочным теориям»³. Бланкистская теория в Коммуне потерпела крах, но забываемая заслуга бланкистов была в том, что в великие дни Коммуны они во многом преодолели свои ошибочные взгляды, возглавили творчество масс, а при защите диктатуры пролетариата показали чудеса героизма и самоотверженности. В этом бланкисты-коммунары были достойными учениками Бланки.

Бланки хотели избрать почетным председателем Коммуны, но Тридон посоветовал позаботиться прежде всего о спасении заключенного. До середины мая тянулись переговоры Коммуны с Версалем. Коммунары предлагали обменять Бланки на парижского архиепископа, главного vicария и сенатора Бонжана, обещали, наконец, заплатить за его свободу выдачей всех 74 заложников. Но Тьер отказался. «Он знал, что в лице Бланки он даст Коммуне голову...»⁴, и открыто говорил, что освобождение его было бы действием, равносильным посылке Коммуне армейского корпуса.

В ноябре 1871 года Бланки был осужден версальским судом. На долгие годы его бросили в Клервосскую тюрьму. Здоровье его ухудшалось все более. «Вот уже пять ночей, — записывает узник в июле 1877 года, — я не могу сомкнуть глаз. Дыхание затруднено... «Petite Presse» уже объявила о моей смерти, а затем — о воскрешении. Эта двойная ложь напечатана в сегодняшнем номере».

* * *

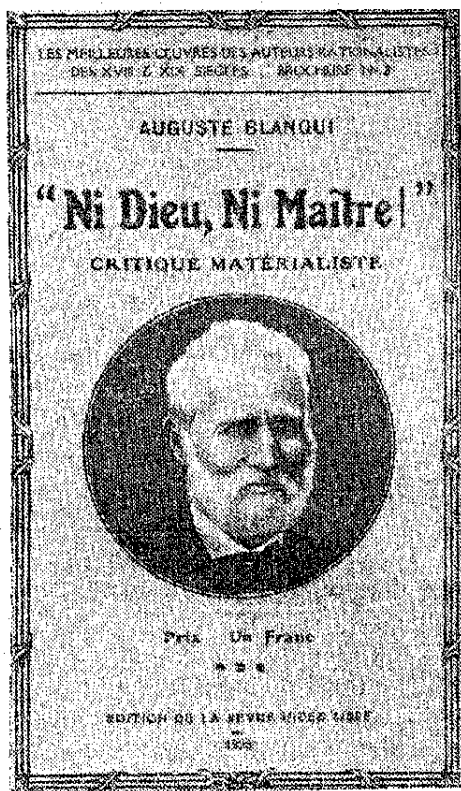
Конец 70-х годов ознаменовался во Франции оживлением рабочего движения. В 1876 году в Париже собрался I конгресс рабочих организаций. В эти же годы Лафарг и Гед начали развертывать социали-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «Парижская коммуна», стр. 32. Огиз. 1938.

² Там же, стр. 122.

³ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 111.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс «Парижская коммуна», стр. 60. 1938.

Обложка журнала Огюста Бланки «Ни бога, ни властелина!»
Из фондов Музея Маркса—Энгельса—Ленина.

стическую пропаганду. Впервые после Коммуны снова поднимался французский народ, и прежде всего он потребовал освобождения борца за революцию Бланки.

В марте 1878 года марсельцы выставили его кандидатуру на парламентских выборах. Ее поддержали рабочие и студенты Парижа. 14 июля Бланки был избран почетным председателем на банкете в честь взятия Бастилии.

Из Ниццы, Парижа, Тулузы, Марселя летели протесты, требующие его освобождения. Республиканцы Рошфор и Валле писали воззвания. Выступил и Гарибальди в защиту «героического страдальца за человеческую свободу». 20 апреля 1879 года Бланки избрали членом парламента, и 10 июня перед ним открылась тюремная дверь. На свободу вышел 74-летний революционер, у которого тюрьма отняла 37 лет, большую часть сознательной жизни.

В Ницце, Тулоне, Лионе — всюду ему оказывали восторженные встречи. И эта народная любовь, подобно чудодейственному эликсиру, наполняла Бланки новыми силами. Он выступал на собраниях, издавал журнал «Ни бога, ни властелина!», работал над книгой «Порабощенная армия»...

Но силы «Старика» были уже подорваны. 1 января 1881 года Бланки умер...

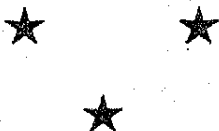
Его хоронила вся передовая Франция. В 100-тысячной процессии за гробом шли представители более 30 городов. На деньги пролетариев скульптор Далу в бронзе надгробного памятника запечатлел облик Бланки: умирающий герой лежит в саване и костенеющей рукой страдальчески сжимает перо. Автор «Интернационала» коммунар Эжен Потье написал эпитафию:

«Борясь против класса, лишенного
совести,
За народ, хлеба лишенный,
Он при жизни имел четыре стены,
Мертвый — четыре сосновых доски».

* * *

Ленин и Сталин, разоблачая теоретическую незрелость бланкизма и вред заговорщической тактики, призывали большевистскую партию организовывать массы, руководить ими, учиться у них. Обобщая опыт вооруженных восстаний прошлого, в том числе и опыт бланкизма, великие вожди пролетариата обогатили марксизм учением о вооруженном восстании, как высшей форме классовой борьбы и как искусстве.

Рабочий класс Франции и всего мира любит революционера и пламенного борца Бланки и критически использует опыт бланкизма. Большевистская партия научила массы не только героизму и самоотверженности в борьбе, незабываемые примеры которых были показаны Бланки, но и искусству побеждать и обеспечила всемирноисторические победы делу, которому Бланки отдал свою жизнь, — делу коммунизма.

Китай в эпоху расцвета феодализма (VII—VIII века)

1

В то время когда Европа была еще погружена в сумрак раннего средневековья, когда в ней почти не было городов, когда крестьянин на полях сгибался над примитивным плугом и иногда мотыгой, а промышленность и торговля, подорванные уже в эпоху римского упадка, «...германским нашествием... были почти совершенно уничтожены»¹, Китай переживал свой расцвет.

Даже высшая феодальная аристократия Европы была тогда глубоко невежественна, и нравы ее отличались крайней грубостью и простотой; выше всего ставились физическая сила и воинская жестокость. Безграмотным было в большинстве своем и духовенство.

В этот же период Китай достиг высокой ступени развития. Там известно было искусное ремесло и велась обширная торговля. Китайский крестьянин с необыкновенным мастерством обрабатывал свое поле, выращивая разнообразные и сложные культуры. Китайская аристократия была весьма образованной по тому времени, а китайское искусство и литература находились на очень высоком уровне.

После веков, отмеченных кризисом рабовладельческого хозяйства, разрушением китайской культуры, завоеванием Китая варварами, в конце VI века «Срединная империя» стала снова единым, мощным государством.

В начале VII века в Китае произошли очередные потрясения и смена династии. Яньди, второй и последний император династии Суй, был убит в Нанкине, куда он бежал от народного возмущения, а внуки его и наследники свергнуты. Самовластному режиму его жестокого деспотизма был положен конец, но одновременно под угрозу попали все его полезные начинания, направленные на укрепление и централизацию страны (постройки больших каналов, реставрация великой стены, улучшение орошения, дорог и пр.). Длительный корейский поход, который он под-

готовлял и проводил с невероятным упорством, истощил страну, а трудности и военные неудачи подняли волну возмущения. Среди солдат северной армии, массами погибших в боях от холодов и необеспеченности продовольствием, нарастало недовольство и начали вспыхивать бунты. Среди крестьян, собранных на постройку дорог и укреплений или пригоняемых из северных и центральных провинций с телегами, груженными продовольствием и фуражом для армии, начались эпидемии. В 610 году отдельные вспышки солдатских и крестьянских восстаний разрослись в целое восстание, охватившее Ляодун, а потом и соседние провинции.

Политика Яньди, его стремление ограничить власть знатных родов и усилить мощь и богатство двора вызвали сильное недовольство среди господствующего класса. Ослабление правительства было использовано феодалами для борьбы за захват власти. Борьба эта вылилась в открытую междоусобную войну, угрожавшую недавно созданному единству страны.

Во всеобщей междоусобице вскоре выдвинулся один военачальник пограничных северозападных войск, Ли Юань, который, заключив союз с соседними тюркскими племенами, начал наносить поражение за поражением своим соперникам и противникам. Борьба затянулась, так как во всех частях страны уже создалось множество мелких государств. Ли Юаню все же удалось завладеть значительной территорией, и в 618 году он объявил себя императором, назвав свою династию Тан. Окончательное подчинение и объединение страны были закончены только через 10 лет.

Видную роль в политической жизни Китая играл сын Ли Юаня Шиминь. Это был талантливый полководец и дальновидный политик, не брезгавший для достижения целей никакими средствами. После смерти отца Шиминю угрожала потеря власти, так как он не был старшим сыном и наследником. Но, опираясь на войско, среди которого он пользовался широкой популярностью, он совершил переворот и, убив своих братьев, сделался законным наследником. Переворот был произведен в 626

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 392.

Ли Шиминь — император Тайцзун.
Музей восточных культур.

году. Шиминь, ставший императором, известен под именем Тайцзуна.

С периодом его царствования связаны быстрый рост и развитие китайского государства. Мероприятия Ли Шиминя были направлены на собирание страны, на укрепление и усиление центральной власти и ликвидацию самостоятельности феодалов.

В своей борьбе против мятежных феодалов Ли Шиминь и его отец искали поддержки у крестьянства и предприняли ряд мер для укрепления сельского хозяйства, жестоко подавляя наряду с этим крестьянские восстания.

Во второй год правления Гаоцзу, то есть Ли Юаня, было издано, как свидетельствует Синь Тан-шу (новый вариант истории Танской династии), запрещение феодалам присуждать крестьян к смертной казни и были отменены различные добавочные налоги и повинности. Особый эдикт устанавливал законность трех видов налога и регламентировал подать в определенных размерах с правом откупа от барщины. Для наблюдения за порядком и для борьбы с злоупотреблениями назначались в села особые старшины-наставники. Во многих местах, где у крестьян было особо тяжелое положение, отменялся сбор налогов на различные сроки и прощались старые долги и недоимки. Шиминь и его отец практиковали также разные виды помощи населению, выдавая пособия нуждающимся или переселяя их в менее заселенные местности.

В первый год своего правления (627 год) Ли Шиминь издал указ о женитьбе всех мужчин от 20 лет и женщин от 15 лет, обязав деревенские общины и прави-

тельство учреждения выдавать вспоможение беднякам. В 628 году были разосланы чиновники с поручением выдавать деньги и продукты крестьянам в районах, охваченных неурожаем, и выкупать детей, проданных голодающими родителями в рабство, возвращая их в семью. Таны также обещали амнистию всем восставшим крестьянам и выполнили свое обещание. Покоряя территорию какого-нибудь феодала, Ли Шиминь всякий раз издавал эдикт о том, что народ был введен в заблуждение и потому подлежит полному помилованию, а сам феодал должен быть казнен.

При Ли Шимине были также отменены различные ограничения в торговле, сняты заставы на дорогах и реках, ликвидированы монополии на соль и железо.

Еще при Ли Юане был проведен ряд ограничений расходов государственного аппарата и императорского двора. Сам он в «простом» платье появлялся среди народа, контролируя деятельность своих чиновников и «проверяя нравы и обычаи» (Синь Тан-шу).

Борясь с укреплением знати и образованием крупных землевладений, первые Таны нанесли удар и такому крупному политическому противнику, как буддийская церковь. В предыдущие столетия буддийские монастыри, весьма многочисленные, завладели большими пространствами земли и, будучи значительной силой, влияли на императоров и правительственную политику. Поэтому одним из первых мероприятий Танов было закрытие подавляющего числа буддийских монастырей и конфискация их земель с последующей передачей этих земель государственным крестьянам.

Все это создало авторитет первым Танам и подготовило расцвет экономики Китая.

Вместе с объединением и укреплением страны произошло значительное территориальное расширение. Окончив внутреннюю борьбу с феодалами, Ли Шиминь бросил свои войска против внешних врагов.

Бывшие союзники Ли Юаня, племена тюркского происхождения, стремились воспользоваться междоусобной войной в Китае. В 624—626 годах они совершили два глубоких рейда в страну и достигли южной части провинции Шаньси. Но вскоре Ли Шиминю удалось обезопасить свою северную границу. Вмешавшись в междоусобную войну вождей, он привлек на свою сторону племена Тугуй и Уйгур, использовал их военную силу против других кочевников и подчинил себе своих соседей. Покоренные племена были

разделены на 6 округов, во главе которых стояли китайские резиденты.

Сам Ли Шиминь принял титул великого кагана и породнился с наиболее сильными вождями кочевых племен, отдавая за них замуж китайских принцесс.

В 635 году он начал наступление на запад, у озера Кукунор, и далее, по долине реки Тарим. В 640—648 годы китайцы вели войны и в Восточном Туркестане. Здесь они столкнулись с киргизами, которые принуждены были себя признать вассалами Китая.

Влияние Китая в Средней Азии сделалось настолько значительным, что Сасаниды в 638 году искали помощи и поддержки у Танов. В пятидесятых годах VII века китайцы пытались распространить свой протекторат на Иран. Однако они не смогли защитить его от арабского вторжения; дружественный китайцам правитель Ирана был разбит и бежал к танскому двору в Чанань.

Между арабами и китайцами завязалась длительная борьба за овладение Ираном и Средней Азией. Китайские армии боролись с арабами с переменным успехом на территории современного Узбекистана, Киргизии и у границ Ирана. В VIII веке арабы начали теснить китайцев, шаг за шагом отнимая у них территории Средней Азии и, наконец, нанесли им решительное поражение у реки Талас, после чего китайская граница установилась по Тянь-Шаню.

С 629 года начались столкновения Китая с тибетцами, или, как их называли китайцы, туфань. Последние были разбиты и оказались вынужденными помогать китайскому вторжению в Непал. В 648 году Непал стал вассалом Китая, и китайское влияние распространилось до самого Ганга.

Немало сил было потрачено Тайцзуном и его преемниками на продолжение дела Яньди — завоевание Кореи.

Хотя борьба в Корее оказывалась более трудной чем война в Средней Азии и поход за Гималаи, однако к концу 60-х годов VII века вся Корея и Манчжурия подпали под власть Китая.

В этой войне был разбит японский флот, пришедший на помощь Корее.

Вновь приобретенная территория была разделена на административные единицы, и было установлено управление по китайскому образцу.

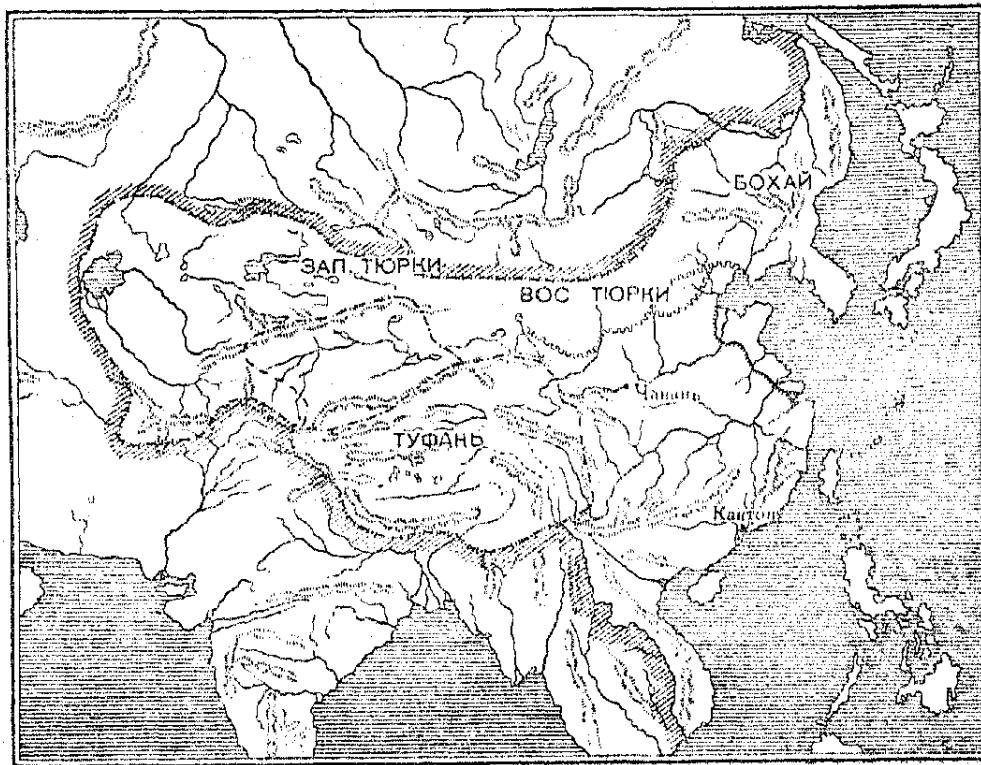
К концу VII века территория китайской империи, включая и вассальные земли, распространилась от берегов японского моря до песков, лежащих между Аральским и Каспийским морями, от Иртыша до Гиндукуша и Ганга, от Хингана до реки Меконг и города Сайгона.

В процессе борьбы за объединение Китая первые Тань объявили земли, отнятые у феодалов, конфискованными и принадлежащими государству. Государство выступало юридическим и верховным собственником земли, объединенной в национальном масштабе. Вся государственная земля подразделялась на земли собственно казенные, которые были закреплены за различными государственными учреждениями, и надельные земли, розданные на определенные сроки в пользование частным лицам. Размеры владения землей отражали сложную систему феодальной иерархии. На верху этой иерархической лестницы стояли царский род и высшая титулованная аристократия, подразделявшаяся на 9 рангов. Царские родственники и принцы крови, принадлежавшие к двум первым рангам, получали участки земли от 10 тысяч му до 5 тысяч му (му = $\frac{1}{16}$ гектара); князья, составлявшие 3-й ранг, получали до 4 тысяч му и т. д. 9-й ранг — бароны — имели наделы в 500 му. Далее следовала придворная аристократия, также разделенная на ранги, получавшая от 1500 му и ниже, и, наконец, особо заслуженные военные и гражданские чины, получавшие земли от 600 до 300 му, соответственно чину. Все эти земли были Танями закреплены за их владельцами как наследственная собственность и могли быть заложены или сданы в аренду, но не проданы.

Бюрократический аппарат империи был разделен на 4 больших группы, каждая из которых в свою очередь подразделялась на ранги. Надельные земли чиновники получали временно, «на кормление», и ни под каким видом не могли ее продавать, завладевать, сдавать в аренду.

Определенные наделы различного размера получали и другие представители господствующего класса, а также духовенство. Купцы и ремесленники получали участок в половинном размере крестьянского надела. Кроме купеческих и ремесленных участков наделы всех остальных могли быть увеличены определенными добавками.

На всех этих землях работали крестьяне, но крестьяне получали и непосредственно от государства наделы земли. По официальным источникам, крестьянский надел складывался из земли пахотной (до 80 му), садово-огородной (до 20 му) и усадебной (до 1 му на 3 членов семьи). Эти цифры значительно колебались в сторону уменьшения. Землей мог пользоваться каждый крестьянин в возрасте от 16 до 60 лет. Женщины или несовершенно-

Карта Китайской империи VII—VIII веков.

шолетние получали надел в уменьшенном размере, если они оказывались во главе семьи. Землю крестьяне не могли ни продавать, ни закладывать, ни отдавать в аренду, кроме тех случаев, когда владелец уходил в поход и в семье некому было ее обрабатывать. Государственные рабы различных категорий могли получать часть надела на несколько человек. Так называемый низкий народ: некоторые несвободные, актеры, оружейники и др. — землей не пользовались.

Крестьяне, за которыми были закреплены соответствующие участки земли, выплачивали государству подати и налоги. В Китае известна система тройных податей, отражавшая соединение сельского хозяйства с домашней промышленностью в деревне. Податная система складывалась из ренты продуктами (цзу, юн) — налога, собираемого зерном (рис, пшеница, просо и пр.) и продуктами домашней промышленности (конопля, шёлк-сырец, пряжа, холст, шёлковые ткани), — и отработочной ренты (дяо). Определенное количество дней в году крестьянин, запасшись пропитанием, должен был работать на строительстве оросительных каналов, дорог, домов, на государственных полях и пр. По сведениям официальной истории, эти отработочки составляли 30—50 дней в году. Налогом облагались все члены семьи, получившие землю.

Особым было положение крестьян на землях, заселяемых впервые, так называемых новых землях, преимущественно в пограничных районах. Часть этих зе-

мель переходила в частную собственность или освобождалась от налогов. В пограничных землях кроме того были расположены военные поселения, где сборщиками налогов выступали военные власти.

Получая в держание землю от феодала или феодального государства, крестьянин располагал и единоличной собственностью на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанное на личном труде. Но он был прикреплен к земле и к своему участку, принужден выполнять многочисленные повинности и выплачивать огромные налоги. Все крестьянские дворы были поделены на небольшие общины, связанные круговой порукой. Мельчайшая община состояла из 5 дворов; 5 соседских общин составляли деревенскую общину, и 4 деревенских общины — общедеревенскую. Во главе каждой из этих мелких единиц стоял старшина, а во главе большой деревенской общины — 3 старосты, следившие за порядком и своевременным выполнением повинностей.

Крестьянин был в полном подчинении у феодала, на земле которого он работал, или у государства, если он от него получал свой надел.

В кодексе законов, выработанном при Тайцзуне, говорится о наказании беглых крестьян и рабов, а также о наказании чиновников, не воспрепятствовавших побегу казенных крестьян и рабов. Если раба можно было купить и продать, то крестьянин был прикреплен на вечные времена к земле и переходил от одного хозяина к другому только вместе с землей.

Китайский крестьянин и его семья из поколения в поколение обрабатывали свой небольшой участок земли, разводя на нем рис, шпеницу, много видов различного проса, овощи, хлопок, коноплю, чай, тутовые деревья, листьями которых питаются шелкоочинные черви. Крестьяне работали под палящим солнцем, на залитых водою полях, руками пересаживая каждый росток риса. Сложная система каналов и мелких плузов обеспечивала искусственное орошение полей. Но часто воду для поливов приходилось приносить издалека ведрами. С опром-ным трудолюбием и терпением работал китайский крестьянин на своем поле, добываясь высокого урожая.

Зимой и в свободные вечера в крестьянской избе изготовляли нехитрый инвентарь, необходимый для хозяйства, и производили прядильные и ткацкие работы. В разное время приходили чиновники, управляющие и надзиратели и забирали значительную часть урожая, пряжи и материи или требовали выплаты долгов и выполнения различных повинностей. За отказ или неплату ренты полагались различные наказания, вплоть до разорения хозяйства и продажи в рабство.

Крестьяне на государственных землях и те, которые имели постоянных хозяев, не были в одинаковом положении, и степень их зависимости и эксплуатации колебалась. Рабы и полуробы по своему положению также делились на группы: одни из них работали в усадьбах и при дворе феодалов, другие имели наделы земли.

Мероприятия первых Танов, облегчивших положение крестьянства, привели к значительному укреплению сельского хозяйства страны.

Китайская аристократия эпохи феодализма, получив землю в постоянное или временное пользование, не стремилась заводить крупноместное хозяйство и обременять себя всеми трудностями и заботами деревенской жизни. Свои земли они делили на мелкие участки, которые сдавали в держание крестьянам, обрабатывавшим их из поколения в поколение. Сами же землевладельцы проводили свое время в городах, занимаясь административной и военной деятельностью и предаваясь разнообразным удовольствиям и развлечениям.

С ростом потребностей и запросов получаемый с крестьян доход все менее удовлетворял господствующий класс. Стремясь к хозяйственной и политической независимости, феодалы хотели превратить свои земли вместе с крестьянами в полную свою собственность, ничем не регламентированную и не ограниченную.

И хотя концентрация земли в одних

руках и покупка земли, как и продажа, преследовались законом, это не могло остановить стремления к захвату земель и превращению их в полную частную собственность.

3

Высшая знать добивалась дарений и пожалований, чтобы таким образом закрепить за собой полностью свои владения и увеличить их размеры. На окраинах Китая стала складываться крупная феодальная земельная собственность, давшая позднее основу для усиления власти военных наместников, противопоставивших себя центральной власти. Под видом пустошорожных земель царские родственники, вельможи, князья и жрецы приобретали участок за участком, а мелкие чиновники помогали им подлогами.

В первой половине VIII века было издано несколько императорских указов, наминавших о запрете продажи и передачи земли. Однако современники пишут, что «закон ослабел и это присвоения земель превысило даже то, что наблюдалось при Чэн и Ай» (императоры Чэнди и Айли в I веке до нашей эры). Во всей стране на землях, принадлежавших государству, стали постепенно возникать частновладельческие усадьбы.

Тенденция к ликвидации системы государственной собственности на землю сказалась довольно ясно уже в середине VIII века и привела к борьбе крупных феодалов и военных наместников против централизованного государства. Независимая оппозиция правительства, феодалам удалось присвоить большие земельные угодья, следствием чего было значительное падение числа податных крестьянских дворов, так как большая часть их перешла в собственность отдельных феодалов, захвативших землю.

Если в конце VII — начале VIII века насчитывалось 6 356 141 семейств, облагаемых податью, то к 780 году эта цифра упала до 3800 тысяч семей, а в 845 году осталось 2½ миллиона государственных крестьянских семей.

Чтобы выйти из финансового кризиса, не вступая в резкий конфликт с феодалами, правительству Танской империи пришлось согласиться на уступки. Эти уступки были сделаны в весьма завуалированной форме, под видом реформ 780 года. Инициатором этих реформ считается Ян Янь, который внес проект изменения налоговой системы, сведя его к уступкам частновладельческим стремлениям феодалов. Вместо взимания налогов зерном, продуктами домашней промышленности и барщины вводились общие поборы, которые

устанавливались произвольно самими феодалами и собирались два раза в год (отсюда их название «ляншуй»).

Налогом, по новому закону, облагались не тягловые души, как раньше, а земля, в чьей бы собственности она ни находилась, так как государство не должно было страдать от перехода земли в частные руки.

Таким образом, был узаконен институт частного владения землей. Никакого ограничения размеров землевладения новое законодательство не предусматривало.

Этой уступкой государство могло временно поправить свое финансовое положение и спасти казну, страдавшую от ухода земли в руки индивидуальных собственников. Но при этом оно ликвидировало в принципе суверенитет государства, основанный на верховной собственности на землю всей страны. Это не могло не привести к новым резким колебаниям и социальным потрясениям. Следствием реформы было ослабление центральной власти и усиление местных военных феодалов. Крестьяне быстро почувствовали себя во власти личного произвола.

Результаты хищного хозяйничанья феодалов сказались в оскудении земли, разрушении системы водоснабжения, захирении сельского хозяйства. Население деревень оставляло свои истощенные поля и чахлые огороды и, спасаясь от произвола феодалов, бежало в города, а еще чаще — в горы.

Постоянный рост налогов углублял недовольство крестьян, которое привело в конце IX века к большой крестьянской войне. Повстанцы под руководством Хуан Чао завладели значительными территориями, заняли столицу, отбирали землю у богатей и отменяли налоги и долги. Это значительно облегчило положение крестьянства и остановило на время безмерный рост аппетитов господствующего класса, принужденного под угрозой дальнейшего распространения восстания сделать крестьянам ряд уступок.

4

Помимо домашней промышленности, которой занимались крестьянин и его семья, в Китае в VII—VIII веках существовало ремесло. Ремесленники обрабатывали шолк-сырец или шолковую пряжу и производили великолепные цветные, затканые узорами иногда очень тонкие шелка. В небольших фарфоровых мастерских вырабатывались фарфоровая и фаянсовая посуда, вазы, статуэтки, искусно раскрашенные и глазированные. Ремесленники делали сложные предметы и украшения из слоновой кости, нефрита, из ценных сортов дерева

и металла, покрывая их рисунками, инкрустациями из перламутра, коралла и т. д. Они шили и вышивали платье, обувь, опахала, ковры; выдвельвали бумагу, порох, кисть и тушь для письма, различные предметы из меди, серебра и золота. Специальные оружейные мастерские, кузницы и литейные ковали оружие.

Ремесленники жили в городах и, как сообщается в некоторых источниках, были объединены в цехи, охватывающие население отдельных кварталов или улиц, очень часто родственников и земляков, занимавшихся одной профессией. Ремесленники состояли под бдительным надзором государственного аппарата империи, платили установленные налоги. В некоторых крупных городах насчитывалось до сотни цехов.

В стране шел оживленный обмен изделиями ремесла и сельского хозяйства. По дорогам «Поднебесной империи», по рекам и морю, по каналам, связывавшим главные водные магистрали Китая — реки Янцзы и Хуан, — везли купцы в лодках и повозках различный товар. Мелкие торговцы переносили на плечах предметы своей несложной торговли. Из центральных и южных провинций везли для обмена на север рис, пшеницу, чай, фарфор, шелковые ткани, медные изделия, бамбук, сахар, сушеную рыбу, моллюсков, импортные товары. С севера шли соль, золото, металлы, уголь, скот, шкуры. Снятие Тайцзуном таможен способствовало этому движению товаров. Кроме торговли, связывавшей различные части Китая, процветала местная торговля на городских площадях, куда стекались товары ремесленников и крестьян из окрестных деревень.

Развились и различные промыслы. Добывали железную руду, свинец, олово, медь, серебро.

В период завоеваний и под'ема экономики Китая VII—VIII веков в больших размерах развивалась внешняя торговля. В материалах официальной истории династии Тан имеется сообщение одного сановника, сделанное в конце VIII века, о том, что из Китая идет семь торговых путей в чужеземные страны.

Особенно оживленной была торговля на юге. Арабы и персы, достигшие берегов Индии, а потом и Китая, приплывали на судах, груженых южными товарами. Иностранцы привозили драгоценные товары, жемчуг, слоновую кость, хлопок. Из Зап-зибара привозили негров-рабов, которых покупали в богатые дома для большего великоления. По некоторым, однако, не подтвержденным данным, привозили опиум. Из Китая вывозили

шелковые ткани, фарфоровые изделия, бумагу, чай и, наконец, рабов и рабынь, пополнявших гаремы феодальных владетелей Индии, Ирана и Средней Азии. Иностранцы: арабы, персы, евреи, греки — свободно селились в торговых китайских городах, образуя здесь свои колонии. В IX веке фактория в Кантоне насчитывала 1200 человек. В этих колониях иностранцы строили свои дома и храмы, имели свое самоуправление. Они поддерживали сношения с китайским населением, и даже браки с китайками не были запрещены.

Китайские власти сносились с колониями через особых лиц — уполномоченных или старейшин. В кодексе уголовных законов был пункт о взысканиях при нарушении одними иностранцами прав других.

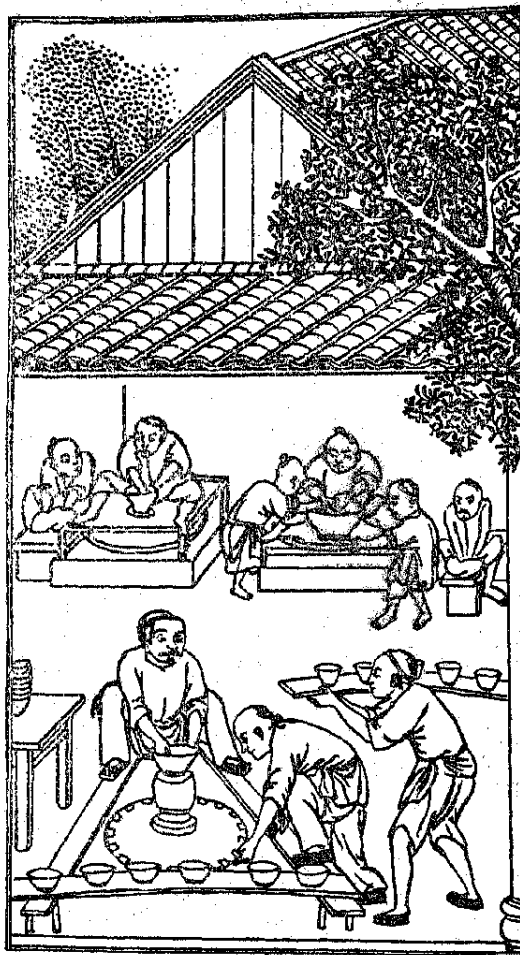
Специальные чиновники следили за торговлей и взимали пошлины. На степень развития этой торговли указывает хотя бы то, что в одном Кантоне было 700 таможенных чиновников. Многие иностранные купцы, жившие в китайских портах, располагали огромным по тому времени богатством. До сих пор точно неизвестно, вели ли китайцы сами морскую торговлю в больших масштабах, так как только в X веке есть достоверные сведения о плавании китайских судов в чужие страны. Наиболее вероятно, что экспорт осуществляли преимущественно арабские и персидские купцы. Однако путешествие монаха Ицина, отплывшего в 671 году из Кантона и посетившего далекие страны, указывает на то, что и китайцы уже тогда совершали далекие плавания. Монах Сюань Цзав совершил сухопутное путешествие на запад в 645 году.

Через юговосточные порты шла торговля с Японией.

Другим большим торговым путем, хотя и пострадавшим несколько в результате развития морской торговли, был «великий шелковый путь». Из столицы Китая Чанань, через пески пустынь, оазисы, по долине реки Тарим, через снежные цепи «небесных гор» (Тянь-Шань) и Памир шел этот путь, связывавший Китай с Персией и Европой.

В Средней Азии тонкая, но прочная китайская бумага покупалась даже тогда, когда она была написана с одной стороны. От северных соседей китайские купцы везли скот, шкуры, меха, дорогие шубы.

В Чанани, связанном реками и каналами с югом, но главным образом являвшемся центром северозападной торговли, была колония иностранцев, состоявшая из 4 тысяч семей. Несторианцы-христиане выстроили здесь свою церковь, мусульма-

Изготовление фарфора. С китайского рисунка. Музей восточных культур.

не — мечеть. Из Чанани шло 13 дорог в различных направлениях. Здесь всегда находились иностранные посольства.

Торговля иностранцев и китайских купцов была облегчена устройством караван-сараяв, расположенных на определенном расстоянии, и хорошим состоянием путей. Первые Таны, как и их предшественники из династии Суй, приложили немало усилий для приведения дорог в полный порядок. На этих дорогах, изрезавших страну и уходивших далеко на запад и север, были расположены знаменитые почтовые станции на расстоянии 15 километров одна от другой. Они служили административным целям, а также значительно облегчали торговлю. При станциях состоял штат конных курьеров, всегда готовых доставить сообщение в кратчайший срок. Кроме того купцы имели возможность упростить свое передвижение и торговлю, пользуясь государственной кредитной системой.

В связи с тем, что передвижение по горным районам Китая было не всегда безопасным, а перевозка денег, больших литых монет, создавала добавочный груз, купцы могли сдать определенную сумму денег в казначейство и получить бумажную ассигнацию фэйцзянь — «летающую монету». Позже выдачей векселей занима-

Портрет императора с двумя приближенными.
Китайская живопись VII века.
Музей восточных культур.

лись частные лица; развивалось ростовщичество.

Первые Таны упорядочили финансовую систему выпуском однородной медной монеты (621 год). Монетные дворы были установлены в нескольких провинциях.

С развитием ремесла и торговли развился целый ряд городов, концентрировавших большие богатства. Кроме таких старых городов, как Чанань, Лоян, выросли города Нинбо и особенно Янчжоу, стоявшие при впадении великого канала в Янцзы, на пути большой водной магистрали, по которой шли товары и шалоги с юга в столицу.

5

Таны, объединив Китай, не внесли ничего принципиально нового в систему государственного управления, хотя и упорядочили деятельность государственной машины и усилили значение и централизацию власти.

Во главе китайского государства стоял император, Тяньцзы — сын неба — восточный деспот, располагавший неотраченными правами, светскими и духовными. Власть императора опиралась на сложный бюрократический аппарат.

Вся страна была разделена Тайцзуном на 10 административных единиц, которые не совпадали с владениями прежних претендентов на императорский престол.

Во вновь завоеванных землях установлена была особая, полувойенная власть военных наместников, пользовавшихся сравнительно большой самостоятельностью и слабо подчинявшихся даже инспектирующей власти.

Вскоре после восшествия на престол Тайцзун занялся приведением в порядок законодательства. Комиссия, составлявшая уголовный кодекс, в 654 году окончила свой труд, состоявший из 12 глав. Кодекс охватывал все области пражданской жизни и быта и предусматривал самые запутанные и сложные казусы.

Одновременно Тайцзун провел ряд военных реформ, которые должны были обеспечить Танам хорошую армию. Солдат в Китае набирали из крестьян, и число вербуемых было твердо установлено для каждой из 10 провинций (дао). Тайцзун разделил всю армию на отдельные части по родам войск и даже создал военную школу. Однако военная система эта оказалась непрочной, так как наместники, стремясь усилить свою власть, вербовали крестьян в количестве, превышавшем установленные нормы, оставляя хозяйства без мужских работников. Это усиливало опустошение и упадок сельского хозяйства.

В начале VIII века была сделана попытка замены такой крестьянской милиции постоянной императорской армией. В 792 году шаншу военного ведомства попытался провести призыв в постоянную армию. Но приток военного пополнения все более затруднялся, и центральная власть сталкивалась с серьезными осложнениями в связи с этим.

Для чиновничьего аппарата — от придворных вельмож до уездных должностных лиц — были установлены особые экзамены. Чтобы занять какой-либо государственный пост, нужно было овладеть сложной иероглифической грамотностью, иметь хороший почерк, знать наизусть конфуцианские канонические книги и некоторых поэтов, уметь быстро импровизировать стихи на заданные темы и писать сочинения хорошим слогом. Открытых социальных ограничений формально не было, но в действительности только сыновья богатых могли учиться и сдавать экзамены, только выходцы из господствующего класса могли иметь время на преодоление всей премудрости и средства на учителей, а иногда и на подкуп экзаминаторов.

Экзаменационная система как определенный социальный фильтр просуществовала в Китае много веков, хотя требуемые знания все более отрывались от жизни.

В 649 году Ли Шиминь, заболевший еще во время корейского похода, умер на 51-м году своей жизни. Ему наследовал его сын Гаоцзун, а потом власть захватила в свои руки императрица Ухоу. В период ее царствования империя продолжала еще расширяться территориально и укрепляться экономически. Императрица Ухоу отразила нападение кочевников киданей и вела успешную борьбу с децентрализаторскими стремлениями знати.

Противоречие, назревшее внутри страны, и признаки экономических затруднений выявились во второй половине VIII века, когда уже со всей силой сказались последствия превращения большого числа земель в частную собственность.

Наступившее ослабление императорской власти было использовано феодалами. Особенно возросло самовластие военных наместников, которые стали почти полноправными хозяевами окраин империи. Дворцовые интриги, борьба за власть, мятежи наместников, стремившихся к расчленению Китая, все больше ослабляли центральную власть.

Поэтому одному из наместников, Ань Лупаню, поднявшему мятеж в 755 году, удалось захватить столицу и Северный Китай. Только с помощью иноземцев Таны вернули себе власть.

Внутренними неурядицами воспользовались соседи. В 763 году 100-тысячное войско тибетцев вторглось в Китай и заняло столицу Чанань. Император бежал. В следующем году императорским полководцам удалось отеснить тибетцев, прибегнув к помощи уйгур. Власть императоров Тан в Чанани была восстановлена, но северозападные земли были разорены войной, уйгуры хозяйничали повсюду. Лишь в 773 году правительству удалось договориться с ними об уходе за пределы собственно-Китая. За это они получили огромный выкуп, но, не удовлетворившись им, страшно разграбили Чанань и другие города и селения, через которые проходили.

Борьба с наместниками, превратившимися в удельных князей, становилась не под силу ослабевшей центральной власти, и она принуждена было вновь и вновь обращаться за военной помощью к соседям, в том числе и к тибетцам.

К концу века тибетцы заняли часть Восточного Туркестана и долину реки Тарим, перерезав «великий шелковый путь» и приостановив торговлю с Западом.

В 782 году в Шаньдуне князья, бывшие наместники, создали союз, боровшийся против императора.

На югозападе Китая возникло самостоятельное царство Наньчжао. На северо-

западных границах, у Ганьсу, осело племя тюркского происхождения шато, выплачивавшее ранее дань тибетцам. В борьбе с восставшими крестьянами в середине IX века китайские правители призвали вождя этого племени Ли Кэюна на помощь. Ли Кэюн со страшной жестокостью истреблял повстанцев.

Так ослабление власти внутри страны, междоусобная борьба и бесконечные войны с соседями подорвали могущество Поднебесной империи эпохи блестящего царствования Тан.

6

Время, когда Китайская империя переживала подъем своей экономики, было периодом яркого расцвета китайской культуры, искусства и просвещения.

При Тайцзуне была создана целая сеть школ, где изучались все предметы — от грамоты и каллиграфии до права, поэзии и даже математических наук (в том виде, как их знали китайцы). В столице было открыто нечто вроде высших школ для сыновей различных привилегированных лиц. В этих высших школах учились также дети князей — данников из Тибета, Восточного Туркестана, Японии. Общее число учащихся достигало цифры 6307 человек. При Тайцзуне также были значительно увеличены существовавшие в Чанани библиотеки и создана новая библиотека, вмещавшая до 200 тысяч томов.

В VIII веке была основана академия Ханьлинь. Начала издаваться первая придворная газета. Китайской науке были известны тогда такие отрасли знания, как астрономия, которая была, правда, близка к астрологии. Китайцы очень рано научились следить за небесными явлениями и представляли себе землю как круг. Они знали, что светила имеют свои собственные сферы, следили за затмениями солнца и луны и за движением светил. Они определили годовое движение солнца и луны и его аномалии, движение Юпитера и Сатурна. С помощью арабских ученых китайские астрономы стали определять весеннее равноденствие. Китайский лунный календарь, состоящий из 12 месяцев и одного «вставочного» месяца, появлявшегося периодически, часто исправлялся и пересматривался. Слабые знания китайцев в области математики помешали развитию астрономии, как и других наук.

История сохранила имена наиболее известных ученых того времени. Среди них особенно выделяется своими трудами И Хан, живший в VIII веке.

Китайские книги по естествознанию содержали подробное описание всех видов растений в стране, их названий, их ка-

честв. При этом указаны были врачебные их свойства и приложены списки болезней, при которых то или другое растение могло быть употреблено. Китайская медицина возникла рано и располагала разнообразными способами лечения. Лекарства делались весьма искусно. Уже тогда существовали обширные исторические и географические труды с описанием своей и соседних стран, а также труды по сельскому хозяйству и военному искусству. В Китае в это время было известно свойство магнитной стрелки, хотя нет сведений о том, что компас употреблялся в мореплавании. Изобретенный в Китае порох применяли для ракет, зажигаемых на празднествах и во время религиозных церемоний. Вероятно, к этому времени относится рождение книги. Хотя обычно появление книгопечатания датируется X веком, так как в это время впервые были отпечатаны конфуцианские каноны, но в действительности сами конфуцианцы гораздо раньше начали печатать с каменных плит, а даосы¹ и буддийские монахи употребляли оттиски с деревянных печатей и досок. В VIII—IX веках применялось печатанье с торцовых досок, на которых были вырезаны и покрыты черной тушью иероглифические знаки. Но обычно искусные каллиграфы переписывали труды на бумажные или шелковые полосы, употребляя кисточки и черную и красную тушь.

Первая китайская газета, «Дичао», которую начали издавать при императоре Сюаньцзуне, писалась от руки. Огромная художественная литература, созданная в период расцвета китайской культуры при Тан, также выходила в свет, написанная от руки и переписанная искусными писцами.

Китайская литература этой эпохи не только велика по количеству произведений, но считается классической по своей форме и содержанию.

Наиболее знаменитые стихотворные произведения созданы в VII—IX веках. Количество поэтов и написанных ими стихов в течение этих веков огромно. Сборник танской поэзии включает до 50 тысяч произведений. В настоящее время способ чтения этих стихов, как и язык танской эпохи, неизвестен. На современных диалектах китайского языка они уже не звучат мелодично, и в них часто отсутствует рифма. В действительности это рифмованные стихи с правильным чередованием тонов, что легко проверить по специальным

справочникам рифм. Нечетные строфы часто не имеют рифм. Стихи в большинстве своем 5- или 7-стопные со строго установленным чередованием 4 тонов, свойственных китайскому языку, ровных (высокий и низкий) и неровных (повышающийся и понижающийся) и с разделенной цезурой строкой. Эти чередования создают правильный ритм. Симметрия и параллелизм — основной принцип танского стихосложения. Среди танских стихов немало палиндромов — стихов, которые можно читать справа налево и слева направо.

Богатство синонимов в китайском языке и большое число иероглифов (до 60 тысяч) дают возможность составлять стихи-рисунков, соответствующий содержанию (например, говоря о воде, подбирать иероглифы с ключевым знаком воды и пр.), или употреблять намеки. Большую роль в стихах играл символ. Свои чувства и настроения поэт передавал символически, через описание природы. Употреблялись также и твердо установленные символы: луна, как символ древности; хризантема, как символ дружбы, которая остается в цвету, когда уже опцвела вся природа, и другие.

Танские стихи весьма разнообразны по тематике и по форме: среди них есть большие поэмы, оды и коротенькие стихи из 2 строф.

Из большого числа поэтов танской эпохи наиболее известны имена Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй, Ван Вей и др. Ли Бо жил между 699—762 годами, имел ученую степень и занимал соответствующий пост. Его стихи высоко лиричны и проникнуты большим чувством любви к природе, к жизни и ее удовольствиям. Однако нередко в них звучит печаль, переходящая в глубокий пессимизм. Некоторые стихотворения Ли Бо, переведенные на европейские языки, создали ему не совсем правильно славу певца вина и веселья. Тематика Ли Бо поражает обширностью своих сюжетов, а стихи — тонкостью переживаний и высокой художественной формой.

То же можно сказать и о другом широко известном поэте, Ду Фу, жившем между 712 и 770 годами. Ду Фу — такой же мастер стиха, но отличающийся еще большим разнообразием тематики и настроений. Он очень искусно связывает описание природы с выражением своих взглядов буддиста и своими личными переживаниями. Очень характерно в этом отношении стихотворение «Бесконечный напев»: «Над мелью Цзяна кружатся чайки. Мост взял у ивы резьбу теней, река стремится навстречу солнцу; трава так манит

¹ Даосизм, конфуцианство и буддизм — три официальные религии Китая.

Дворец в Лояне. Китайская живопись по шелку начала VIII века.
Музей восточных культур.

ступать по ней. Уже оторнул я узы плоти, огнем очистил пучины «я». Слатаю рифмы, и крепнут строфы, и льется песня... ей нет конца».

Но наиболее замечательны в произведениях Ду Фу, человека, занимавшего большую должность в государственном аппарате танской империи, мотивы народной лирики и народной скорби. Дальнейшее изучение стихов Ду Фу и многих других поэтов времени расцвета китайской культуры откроет те народные источники, откуда черпали великие поэты основу для своего творчества.

Тонкой лирикой своих мастерских стихов известны поэт Бо Цзюи и его друг Юань Чэнь, жившие в IX веке. Среди своих великих собратьев Бо Цзюи выделяется простотой и изяществом стиля. Коротеньким и ярким стихам Бо Цзюи свойственны мотивы грусти. Ярким примером могут служить стихи «Снежная ночь». «Ночь... Один сижу у южного окна... Вьется ветер, и, кружа, взлетает снег... Там, в деревне, спят... и всюду тишина... только здесь не спит печальный человек. За спиной трещит оплывшая свеча, я — один... и в сердце вновь закралась грусть. В хлопьях снега стонет, жалобно крича, заблудившийся, отсталый дикий гусь». Теми же настроениями проникнуты стихи

«Белые цапли»: «Люди, сорок лет прожив на свете, не совсем стареют, увядают. У меня же от грусти многолетней волосы, белея, выпадают. Почему же у шары цапель белых, что на берегу реки стоят, с головы, хоть сердце не скорбело, тоже нити белые висят». Бо Цзюи писал также и большие произведения.

Для поэзии танского времени характерен реализм, правдивость восприятия и передачи картин природы и жизни людей, разнообразность тематики: от настроений глубокой тоски до застольных песен, от красочного и тонкого описания богатств природы до народных мотивов и печали о судьбе угнетенного крестьянина. Сложности содержания соответствует и рафинированная форма стиха.

Несколько отстает в это время от поэзии проза. Распространенным тогда литературным жанром было эссе¹. Наиболее видными создателями эссеистической литературы были Хань Юй, ярый конфуциец, выступивший с нападками на буд-

¹ Эссе — литературное произведение, состоящее из разнообразных по тематике записей, не объединенных определенным сюжетом. Основное содержание эссе — размышления на философские, политические, литературные темы.

дизм, и Бо Синцзянь, брат Бо Цюи, известный также своими новеллами. Зародившиеся в это время новеллы затрагивали политические, исторические темы, а иногда психологические переживания.

Из больших произведений того времени известны анналы. Еще раньше была составлена первая энциклопедия. Китайская философия не оставила значительных памятников, хотя и известны труды даосских и конфуцианских ученых.

Большого расцвета в эпоху Тан достигла живопись. Хотя на нее, вероятно, оказали свое влияние художники Ближнего Востока, она сохранила всю свою самобытность. Картины по дереву, шелку и бумаге, стенная живопись изображали природу, людей, события из истории и религиозные сцены. Картины китайских живописцев обнаруживают большое мастерство, тонкость и сложность рисунка. В них заметны некоторые элементы реализма. Отличительной чертой китайской живописи является полное неумение передать игру светотени.

В танский период известны 2 направления в живописи: северное и южное. Представители первого направления: Ли Сысюнь, его сын У Даосюнь и др.—ввели в китайскую живопись яркость, сочность, даже некоторую пестроту красок. Южная школа: Ван Вей и его ученики — предпочитала черные и белые тона, тонкость и некоторую вычурность линий. Великий поэт Су Дунпо (1036—1101) сравнивал изящные, легкие картины Ван Вей со стихами.

Большого расцвета достигли в этот период скульптура и архитектура. До нас дошли сравнительно немногочисленные памятники этих видов искусства. Преимущественно это буддийские пагоды, высокие, во много этажей (до 15), с загнутыми вверх крышами. Сохранились колоссальные статуи Будды, высеченные иногда прямо в скале. Сохранились и другие статуи: божественных охранителей севера, одиннадцатиголовых божеств и пр. Найдены плиты с очень тонким и сложным орнаментом и надгробные статуи на могилах императоров и принцев в виде сторожевых львов, лошадей и пр. Пышные дворцы Чанани и других городов и большие монастыри сохранились лишь в описаниях.

Большой высоты достигла керамика. Кроме глазированных и ярко расписанных ваз, блюд и чаш выделялись фарфоровые и фаянсовые статуэтки людей, божеств и животных. Изделия из бронзы, бронзовые зеркала, орнаментированные виноградом и морскими животными, сделан-

ные с большим мастерством, употреблялись не только в Китае, но и служили предметом вывоза.

Большое развитие получили именно в это время музыка, танцы и театральные представления. Эти отрасли искусства были известны с очень давних времен и служили не только способом развлечения на праздниках и пирушках, но имели и ритуальное значение (священная музыка, религиозные танцы).

В период войн на западе — в Индии и Иране — полководцы Тайцзуня привозили отсюда музыкальные инструменты и танцовщиц. Это оказало сильное влияние на развитие китайской музыки и мимического танца. При дворе танских императоров, особенно при Сюальцзуне, была довольно большая труппа и ставились пантомимы. Среди балетных номеров особым успехом пользовался «вертящийся танец», исполнявшийся танцовщицами, привезенными из Самарканда. Танцовщицы, стоя на парах, вертелись «как ветер, как жужжащее тележное колесо» («История Танской династии»).

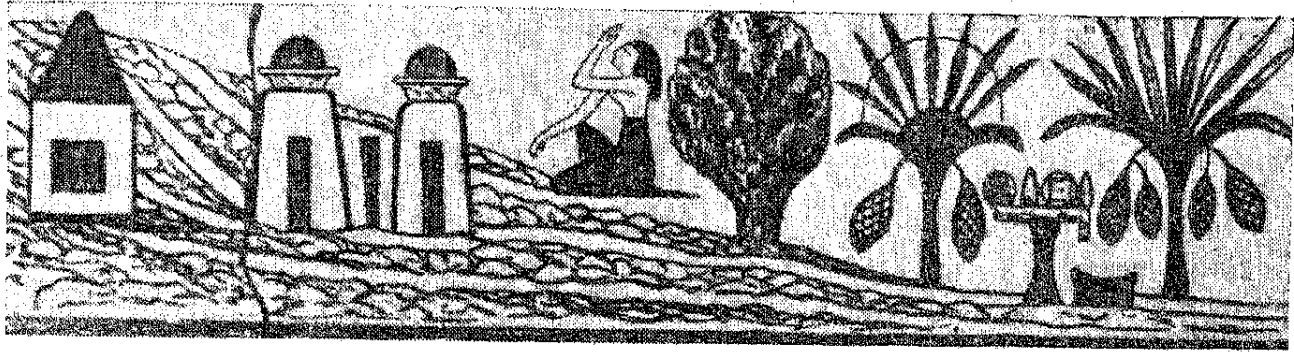
Эти танцы, музыка и театральные представления были ступенью к развитию в дальнейшем китайского театра и знаменитых китайских драм.

Центром культурной жизни Китая был город Чанань, где были школы, библиотеки, где проводились экзамены, куда съезжались поэты и художники, где давал свои представления «придворный театр». Сюда стекались товары со всех концов страны; сюда приезжали посольства и купцы из Индии, Ирана, Тибета, Кореи, Японии, Индо-Китая, Византии, от уйгур, тюркских и тунгусских племен. Здесь обитывали представители самых разнообразных религий и всевозможные маги и шаманы.

Из Чанани шло много сухопутных и водных дорог. Это был город, стоявший в ряду первых городов мира по своему богатству, культуре, блеску, славе, по своим размерам и международным связям.

Но в начале IX века китайская империя стала клониться к упадку. Слабость и продажность центральной власти и государственного аппарата, жадность феодалов и высокая норма эксплуатации крестьян, все усиливающаяся с расширением частного владельческого сектора, вызвали разрушение сельского хозяйства, ремесла и торговли, падение блестящей культуры.

Общее ослабление и разорение Китая открыло в дальнейшем возможность новых вторжений и завоеваний соседями-кочевниками, опустошавшими страну и задерживавшими ее развитие.

М. Нацнельсон

Гробница Тутанхамона

(История открытия)

«Египетское сокровище», «Важное открытие в Фивах», «Длительные поиски лорда Карнарвона» — такими заголовками начиналась небольшая заметка, помещенная в «Таймсе» 30 ноября 1922 года. Далее «собственный корреспондент» сообщал из «Долины царей», что «сегодня, после полудня, лорд Карнарвон и мистер Говард Картер показали собравшимся то, что обещает быть наиболее сенсационным открытием века в области египтологии. находка состоит, кроме других предметов, из погребальных принадлежностей египетского царя Тутанхамона — одного из царей-еретиков XVIII династии, восстановившего культ Амона. Немного известно о поздних царях, включая Тутанхамона, и это открытие неопределимо увеличивает наши знания об этом периоде...» Затем следовало краткое описание находки, основанное на первых, беглых, не совсем точных впечатлениях.

С этого дня имя Тутанхамона, которое было ранее известно лишь ограниченному кругу специалистов, многие годы не сходило со страниц газет и журналов всего мира. Армия журналистов, фоторепортеров и туристов, устремившихся в тихий египетский городок Луксор, наводнила печать отчетами, заметками, очерками, статьями и фотографиями, где под самыми заманчивыми, невероятными заголовками сообщали о сказочных сокровищах, найденных английскими археологами. Скоро популярность Тутанхамона достигла апогея (в Париже даже появились предметы дамского туалета «à la Тутанхамон»). Такая популярность отнюдь не соответствовала историческому значению этого болезненного, безвольного юноши, умершего в воз-

расте 18 лет и находившегося при жизни полностью в руках могущественных жрецов Амона.

Несколько надписей, незначительное число скарабеев¹ с его именем, разбросанных по музеям всего мира, — вот все, что осталось от девятилетнего его царствования, которому даже в самых подробных трудах по истории Египта уделяли обычно не более нескольких строк. Только счастливому стечению обстоятельств, сохранившему почти в полной неприкосновенности его гробницу, обязан Тутанхамон своей посмертной славой. Гробница Тутанхамона — единственное дошедшее до наших дней в целости погребение древнеегипетского царя, на основании которого можно сделать ряд ценных выводов о погребальном ритуале и культуре мертвых.

Огромное количество уникальных памятников материальной культуры и искусства, обнаруженных в гробнице Тутанхамона и известных ранее лишь на основании изображений или незначительных фрагментов, вписывает немало новых и притом весьма значительных страниц в историю не только египетского искусства, но и искусства всего древнего восточного Средиземноморья. Эти обстоятельства действительно заставляют отнести открытие гробницы Тутанхамона к наиболее замечательным достижениям археологии ряда последних десятилетий.

К сожалению, подробное научное описание гробницы и всех обнаруженных в ней вещей еще не появилось, и появле-

¹ Скарабей — изображения овященного жука, посвященного богу солнца, служившие для печатей и медалей.

ние его осложнилось смертью Г. Картера, последовавшей в марте 1939 года. Считаясь с огромным интересом, вызванным его работами, Картер в популярном трехтомном издании изложил историю своих раскопок и привел описание наиболее интересных предметов, обнаруженных им¹.

Книга эта неоднократно переиздавалась и переводилась. В 1927 году на русском языке вышли перевод первого тома и краткое изложение второго, сделанное проф. Н. Д. Флиттнер². Но дальнейшие работы Картера, составившие содержание третьего тома его труда, советскому читателю остались неизвестными. Краткая история и обзорение всего открытия Картера — задача настоящей статьи.

1

На западном берегу Нила, напротив того места, где высились в древности «столбчатые Фивы» — столица Египта эпохи Среднего и Нового царств, — среди диких и бесплодных скал Ливийского хребта, вьется лабиринт мрачных ущелий. «Бибан эль-Мулук» — «Врата царей» — называют это место арабы. Европейцам оно известно как «Долина царских гробниц», или «Долина царей». Действительно, здесь некогда были погребены все фараоны XVIII и XIX династий и их бесславные преемники, образовавшие последующие две династии. Бесчисленные сокровища, которыми щедро снабжали почивших владык для их загробного существования, уже в древности привлекали внимание полунцих обитателей города мертвых — некрополя. И папирусы и данные археологии свидетельствуют о неоднократных, более или менее успешных попытках ограбления царских гробниц. Не исключена возможность, что и сама стража участвовала в кражах. Вот почему даже могущественные фараоны начала Нового царства, не надеясь на верность и бескорыстие охраны, вынуждены были прибегать к самым энергичным мерам, чтобы скрыть место своего последнего успокоения. Архитектор Инени, строивший гробницу для Тутмоса I, рассказывает в своей биографии, что он «наблюдал за тем, как высекалась гробница его величества, причем я был один; никто другой не видал этого и не

слыхал»³. Возможно, люди, занятые при сооружении этой гробницы, были по окончании работ убиты; во всяком случае, работы велись строго секретно. Если цари XVIII и XIX династий должны были поступать столь решительно для обеспечения своих «домов вечности», то о их наследниках и говорить нечего. А XX династия Рамессидов и XXI, так называемая жреческая, оказались просто не в состоянии снабдить достаточной охраной царский некрополь.

И Диодор и Страбон, посетившие Египет почти одновременно в I веке до нашей эры, нашли гробницы совершенно заброшенными и опустошенными. «В Фивах можно видеть гробницы древних царей, — писал Диодор... — Жрецы на основании своих летописей утверждали, что всего было 47 царских гробниц, но в правление Птолемея, сына Лага, их было только 17, из которых большинство оказалось разрушенным во время 180 Олимпиады (60—58 годы до нашей эры), когда мы посетили эти места...»⁴. Страбон насчитывал «около 40 царских гробниц, высеченных в каменных пещерах, замечательно отделанных и заслуживающих осмотра»⁵.

Многочисленные надписи, оставленные на их стенах древними туристами, в числе которых были, между прочим, и обитатели далекого северного побережья Черноморья — Скифии и Танаиса, — неоспоримо свидетельствуют об интересе, который возбуждали эти места даже в отдаленных уголках античного мира⁶. В эпоху раннего христианства склепы языческих владык стали приютом первых аскетов и монахов. Европейские путешественники XVIII в.: Покок, Брюс, Норден и другие — застали в «Долине царей» разбойничьи шайки, весьма недружелюбно встречавшие посторонних гостей и делавшие невозможным сколько-нибудь подробное изучение ее.

По существу, научное исследование царского некрополя начато было лишь Шамполлионом во время его путешествия по Египту в 1828—1829 годах, ибо работы археолога-любителя и авантюриста итальянца Бельцони (весьма, правда, интересные), производившиеся в 1815—1820 годах, трудно определить иначе, как бес-

³ В. А. Тураев «Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных биографий». М. 1915. Культурно-исторические памятники древнего Востока. Выпуск 3-й, стр. 57.

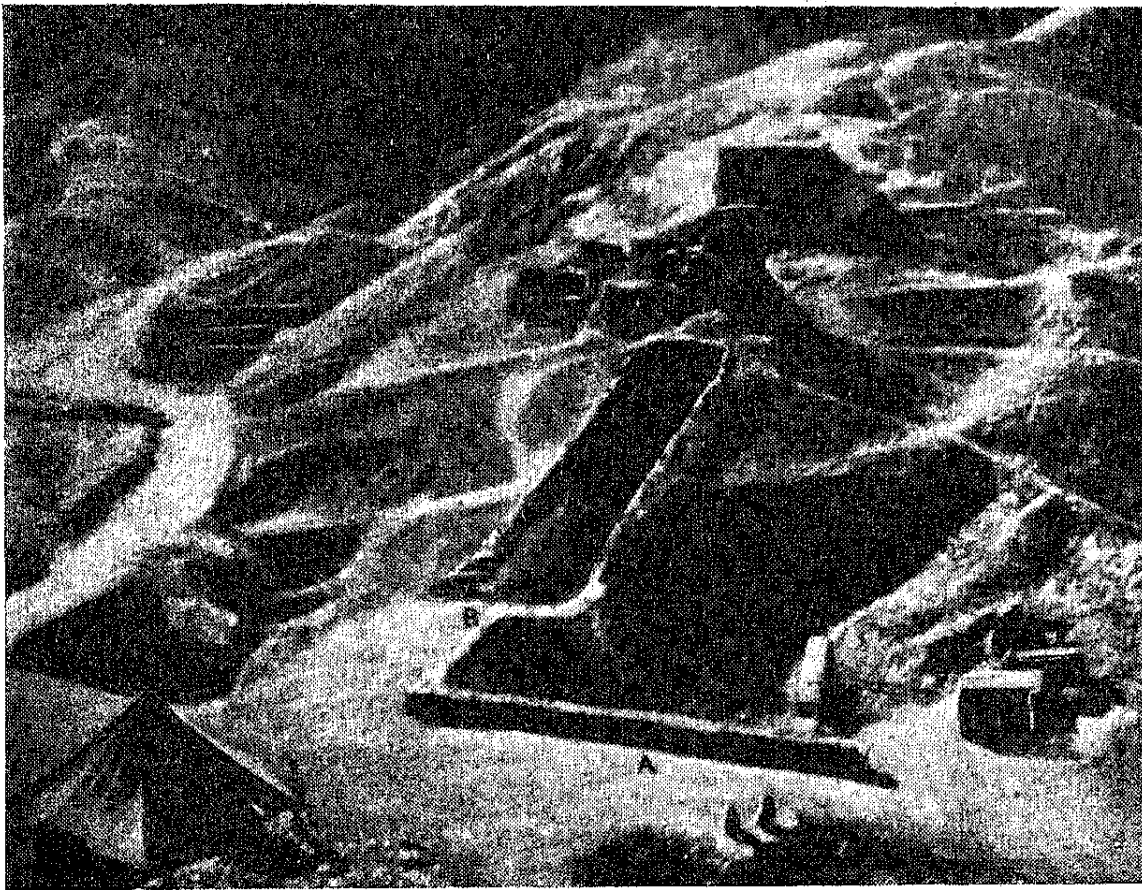
⁴ Диодор. Кн. I, § 46.

⁵ Страбон. Кн. XVII. Гл. I, § 46.

⁶ I. Baillet «Inscriptions grecques et latines des tombeaux des rois». Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'archéologie Orientale du Caire. Vol. 42, p. XXX. 1920—1926.

¹ H. Carter and A. Mace «The Tomb of Tut-Ankh-Amen». London. Vol. I—1923; vol. II—1927; vol. III—1933.

² Г. Картер и А. Мейс «Тутанхамон». Госиздат. 1927. (Эта книга, изданная тиражом в 3 тысячи экземпляров, стала библиографической редкостью.)

Вид «Долины царей». А. Вход в гробницу Тутанхамона. В. Гробница Рамсеса VI.

порядочный грабеж. Последнему посчастливилось отыскать несколько новых гробниц и в их числе обширную гробницу Сети I—настоящий подземный дворец, стены которого покрыты изумительными фресками превосходной сохранности. Последующее столетие поколения египтологов тщательно обследовали «Долину». Самым крупным событием в этот период, бесспорно, было открытие в 1881 году знаменитого тайника с царскими мумиями, сделанное арабами в Дейр эль-Бахари. В небольшом склепе площадью около 30 квадратных метров, к которому вел длинный и весьма узкий коридор, высеченный в живой скале, в небрежно сложенных штабелях покоились мумии наиболее знаменитых фараонов Египта и членов их семейств. Всего числом около 40. Многие из них были лишены даже своих саркофагов. О прочих вещах не было, конечно, и помину. Набросанные наспех на некоторых гробах чиновниками при мерцающем свете факелов беглые строчки иератического письма указывали, что около 930 года до нашей эры при фараоне XXI династии Псебханене II в неиспользованную и заброшенную гробницу Аменхотепа I (XVIII династия) были доставлены тела его предшественников и преемников. Кто-то из них уже неоднократно совершал подобное переселение в поисках последне-

го покоя. Тщательно замаскированная и расположенная в трудно доступных скалах гробница Аменхотепа I оказалась надежным убежищем, давшим приют своим мертвым обитателям почти на 3 тысячи лет.

Спустя 17 лет, в 1898 году, в гробнице Аменхотепа II, также ограбленной еще в древности, было обнаружено еще 13 мумий царей. Американиец Т. Девис, производивший здесь раскопки с 1902 по 1914 год, отыскал несколько интересных гробниц и тайников, как например Тутмоса IV, царицы Хатшепсут, Эхнатона, но все они были давно разорены и заброшены. После Девиса дальнейшие работы полагали бесполезными. Казалось, «Долина царей» дала все, что могла. Но Говард Картер был иного мнения.

Он начал работать в Египте с 18 лет под руководством «патриарха» английских археологов—Флиндерса Петри, здравствующего и поныне. Проявив с самого начала упорство и энергию в сочетании с достаточной научной подготовкой и большим практическим опытом, Картер в 900-х годах получил место генерального инспектора «Службы древностей» области Верхнего Египта. Уже со времени своего первого путешествия в Египет в 1890 году Картер заинтересовался «Долиной царей», но

самостоятельно заняться исследованием здесь он не мог. Во-первых, монополия на раскопки в этой местности принадлежала богатому американцу-любителю Теодору Девису, откупившему ее у «Службы древностей» (так называемые концессии на право производства раскопок продаются в Египте не только научным учреждениям и обществам, но и частным лицам, достаточно состоятельным, разумеется, чтобы внести за это довольно солидную сумму). Во-вторых, не было денег. Все же, будучи инспектором, Картер активно помогал Девису и даже открыл для него две гробницы. В 1907 году по рекомендации Гастона Масперо — известного французского историка и археолога, который в ту пору занимал пост директора «Службы древностей», — Картер взялся руководить раскопками для лорда Карнарвона.

Потомок богатой аристократической семьи, лорд Карнарвон заинтересовался египтологией совершенно случайно. Страстный спортсмен, один из первых любителей автомобильного спорта, он едва уцелел во время автомобильной катастрофы. О спорте нечего было более и думать. Скучающий лорд, по совету директора египетского отдела Британского музея, решил развлечься египтологией. Первые самостоятельные попытки раскопок оказались бесплодными. Пришлось обратиться за помощью к специалисту. Так был заключен союз между этими двумя людьми. У Картера были знание и опыт, у Карнарвона — деньги.

Надо признать, что упорством в достижении цели и верой в успех обладали оба.

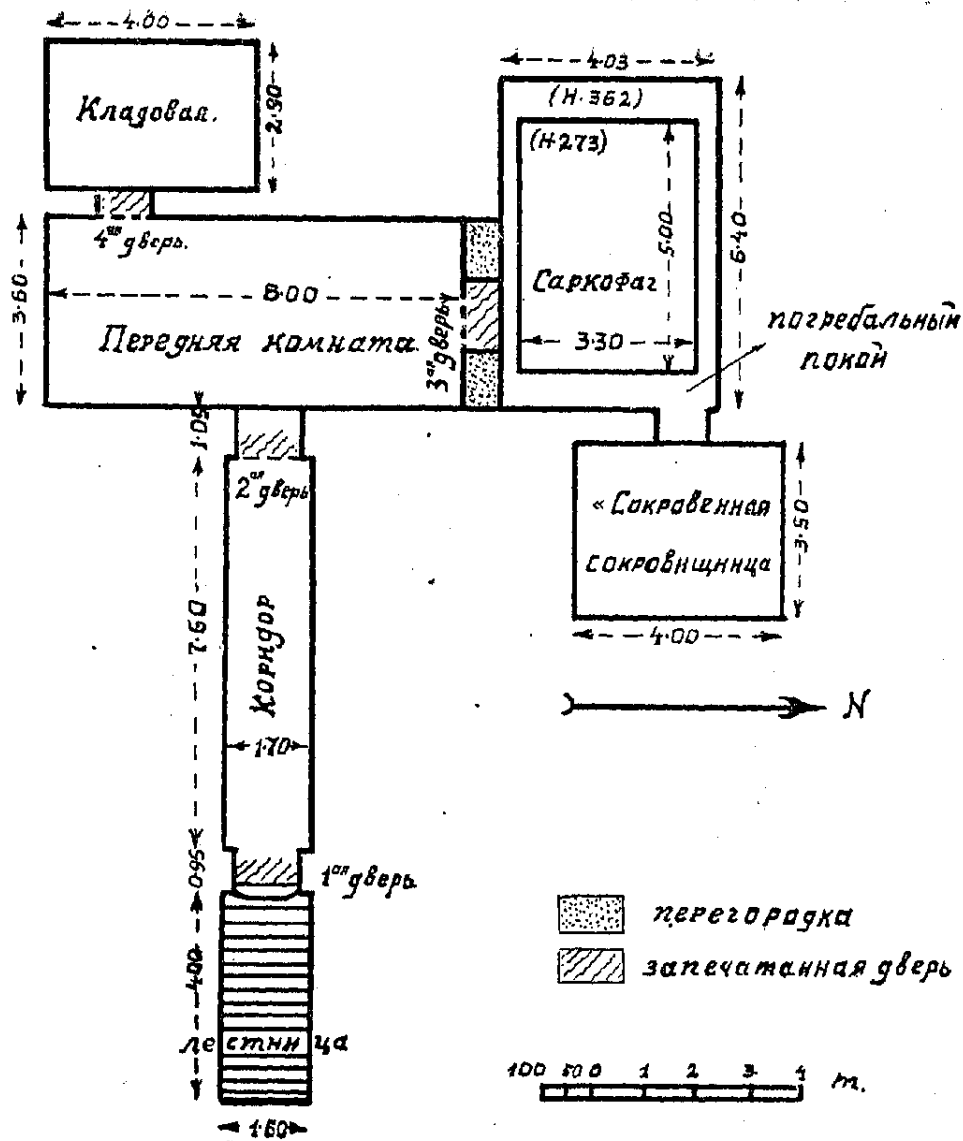
Уверенность Картера в том, что гробница Тутанхамона находится здесь, имела известные основания. Действительно, после находок гробниц и мумий почти всех фараонов Нового царства можно было полагать, что Тутанхамон погребен где-либо в «Долине царей». Кроме того Девис во время своих раскопок обнаружил разнообразные предметы, на которых стояло имя Тутанхамона. Особенно интересным оказалось содержимое больших глиняных сосудов, найденных в 1907—1908 году. «Здесь были глиняные печати, некоторые из коих носили имена Тутанхамона, а другие с оттисками печатей царского некрополя; черепки великоценных раскрашенных глиняных ваз, полотняные головные платки, из коих один с самой поздней известной нам датой царствования Тутанхамона, и множество иных различных предметов. Все в целом, очевидно, представляло собою материал, служивший при погребении Тутанхамона, а затем со-

бранный и уложенный в эти сосуды»¹.

В 1914 году кончился, наконец, срок концессии Девиса, и она тотчас была откуплена Карнарвоном, несмотря на то что и Масперо и Девис крайне скептически отнеслись к целесообразности продолжения раскопок. Годы войны заставили отложить мысль о планомерных работах, хотя в 1915 и 1916 годах Картер сделал довольно ценные открытия. Лишь в 1917 году английские археологи смогли приступить к осуществлению своих намерений. А это было не так просто: дно «Долины царей» было погребено под толстым слоем щебня и мусора, оставленным поколениями археологов. Немало нанесли с гор хотя и редкие, но чрезвычайно сильные тропические грозы. Картер предложил расчистить всю «Долину». Риск немалый, так как гарантий на успех, конечно, не имелось. Начать решили с треугольного участка, расположенного между гробницами Рамсеса II, Мернепта и Рамсеса VI. После того как в течение зимы были убраны массы щебня, у подножия последней гробницы обнажились фундаменты древних жилищ рабочих некрополя. Их оставили в неприкосновенности. Жаль было разрушать памятники, да и вход в гробницу Рамсеса VI, часто посещавшуюся туристами, пришлось бы закрыть. Последующие годы с переменным успехом работы продолжались в других частях «Долины». Затраты далеко не соответствовали значению находок. Раскопочный сезон зимы 1922—1923 года должен был быть последним: Картера не оставляла мысль о неисследованных фундаментах жилищ и гудах щебня у гробницы Рамсеса VI.

1 ноября 1922 года Картер приступил к работе. Остатки домиков рабочих, строивших гробницу Рамсеса VI, стояли на слое щебня толщиной примерно в метр. Их следовало убрать, чтобы очистить дно «Долины». И утром 4 ноября под фундаментом первой же хижины лопаты натолкнулись на высеченную в скале ступеньку. Но радоваться было еще преждевременно: ведь лестница могла вести в неоконченный и разграбленный тайник, с какими уже неоднократно приходилось сталкиваться Картеру. Однако, поддаваясь волнению, столь знакомому каждому археологу, он с нетерпением ожидал конца расчистки лестницы. Через два дня показалась верхняя часть входа. Вход был замурован и запечатан обычными печатями царского некрополя с изображением шакала и девяти связанных пленников. Просверлив отверстие и просунув в него элек-

¹ Г. Картер и А. Мейс «Тутанхамон», стр. 43.

План гробницы Тутанхамона.

трический фонарь, Картер убедился, что и дальше проход засыпан мусором и щебнем. Итак, гробница, возможно, не тронута. Хижины рабочих защитили ее от грабителей на протяжении 3 тысяч лет. Не подлежало никакому сомнению, что найденный тайник принадлежал весьма высокопоставленной особе эпохи XVIII династии. И печати и общее расположение самого тайника свидетельствовали об этом.

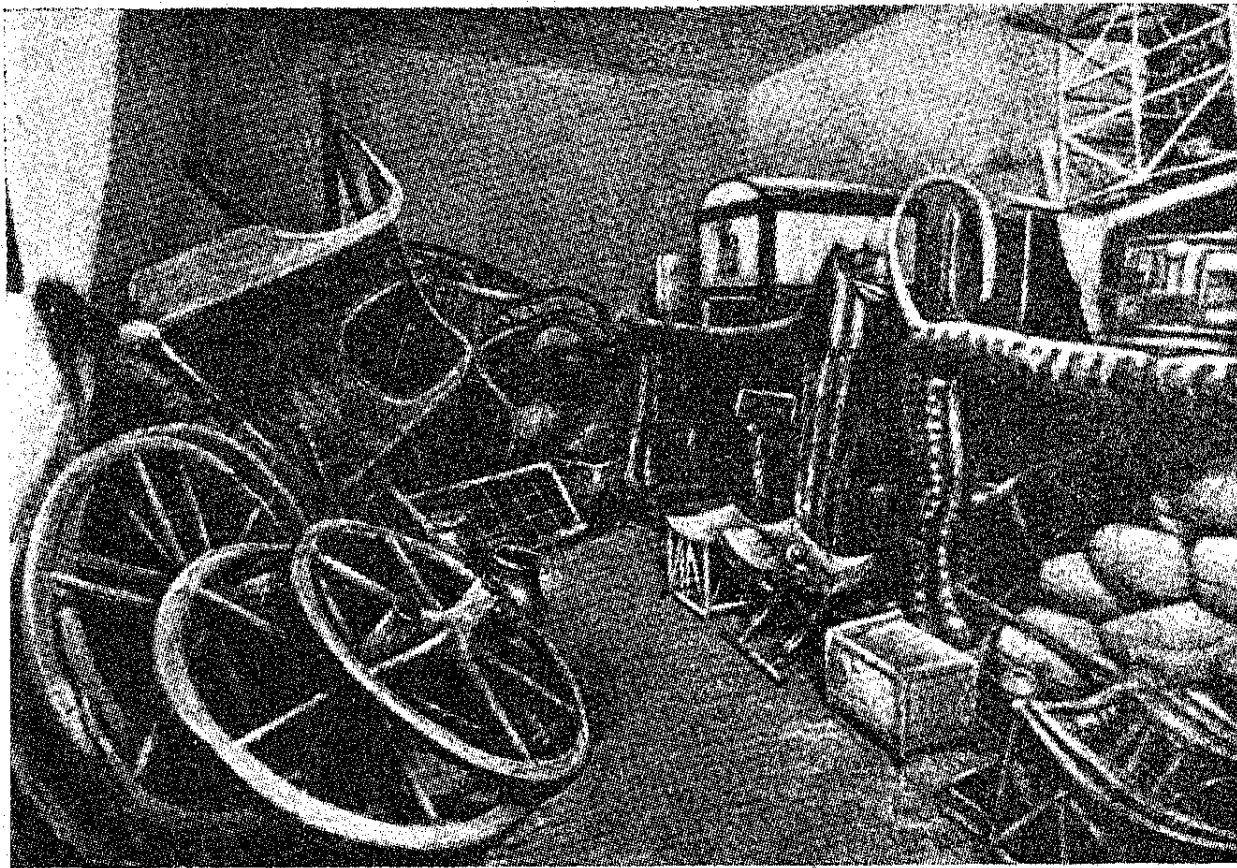
Когда было сделано это открытие, Карнарвон находился в Англии. Дождавшись его возвращения, Картер приступил к настоящему вскрытию гробницы.

2

24 ноября была очищена вся лестница, состоящая из 16 ступеней, и лишь тогда глазам присутствующих предстал весь вход. В нижней части его явственно виднелись отиски печатей с именем Тутанхамона. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в древности кто-то уже проникнул во внутрь, так как печати царского

некрополя были приложены к местам вскрытым, а затем вновь замурованным. Следы вторжения в гробницу стали еще более отчетливыми после удаления дверей. В наклонном проходе, заваленном щебнем и камнями, был «пробит неровный туннель, соответствовавший по своему положению дыре, проделанной в двери»¹. В щебне находились остатки сосудов из алебаstra, черепки, отиски печатей и мех для воды, которой смачивали дверь. 26 ноября узкий, десятиметровый коридор был пройден. Он упирался в другую замурованную дверь, весьма сходную с первой. И здесь виднелись следы взлома. В верхнем углу Картер проделал небольшое отверстие и просунул туда свечу. Когда «глаза привыкли к свету, из тумана в глубине комнаты не замедлили выплыть подробности: странные звери, статуи и золото—повсюду блестящее, сверкающее зо-

¹ Г. Картер и А. Мейс. Цит. соч., стр. 54.

Общий вид передней комнаты. Южная сторона. Слева — разобранные колесницы, справа — ложа с паваленными на них вещами.

лото!.. Когда лорд Карнарвон, не выдерживая дольше неизвестности, робко спросил меня: «Видите вы там что-нибудь?»,—все, что я мог произнести, было: «Да, необыкновенные вещи»¹.

И дальше Картер пишет:

«Пусть читатель представит себе, какую она (т. е. комната.— И. К.) предстала пред нами, когда мы смотрели на нее сквозь нашу дыру в замурованной двери, переся луч нашей лампы—первый свет, проникший во тьму подземелья за 3000 лет,—от одной группы к другой в тщетном усилии разобраться в сокровищах, лежавших пред нами. Действие было умопомрачительное, потрясающее. Я уверен, мы никогда и не задумывались над тем, что мы надеемся увидеть; во всяком случае, мы никогда не могли и мечтать ни о чем подобном: пред нами была комната—нам казалось, целый музей,—заваленная предметами, отчасти известными, отчасти совершенно неизвестными, казалось, в бесчисленном количестве.

Понемногу картина стала яснее, и мы смогли различить отдельные предметы. На первом плане прямо перед нами три больших позолоченных ложа, бока которых были вырезаны в виде чудовищных зверей со своеобразно приплюснутыми телами, как

этого требовало их назначение, но с головами паразитично естественными. Это были звери, которые всегда могли показаться человеку страшными, но они произвели почти ужасающее впечатление, когда наша электрическая лампа, подобно блеску молнии, волшебю вызвала из тьмы их блестящую золотую поверхность, а головы их бросали на стену позади чудовищные тени. Затем наше внимание привлекли... стоявшие справа два изваяния: стоявшие друг против друга, как часовые, две черные статуи царя в натуральную величину, в золотых передниках, в золотых сандалиях, с палицей и жезлом в руке и со священным змеем на лбу..

Таковы были главные предметы, прежде всего бросившиеся нам в глаза. Между ними, вокруг них, на них были нагромождены в бесчисленном количестве другие: необыкновенно красиво разрезанные и выложенные инкрустацией ларцы, алебастровые вазы, некоторые из них с прекрасными сквозными узорами; необычайные черные лари; из одного из них выглядывала по направлению к открытой двери большая золотая змея; букеты из цветов и листьев; кровати; кресла с прекрасной резьбой; трон с золотыми украшениями; куча странных белых яйцеобразных коробок; жезлы всех форм и рисунков. Ближе всего к нам на самом пороге комнаты — прекрасный ку-

¹ Г. Картер и А. Мейс. Цит. соч., стр. 56.

бок из прозрачного алебастра в форме лотоса. Слева — куча нагроможденных колесниц, сверкавших золотом и инкрустациями, и за ними, глядя вверх их, другая статуя фараона»¹.

Проникнув в комнату и оглядевшись, археологи заметили еще третью замурованную дверь, находившуюся между двумя упомянутыми выше статуями царя. Куда она вела? Обычно в гробницах вереница переходов и залов ведет к последнему покою с саркофагом. Здесь была только одна комната. Ответ на эту загадку удалось получить нескоро. Хаотически нагроможденные, втиснутые в относительно небольшое помещение вещи могли пострадать и уж, во всяком случае, сдвинувшись бы со своих мест при малейшей попытке даже подойти к двери. Необходимо было прежде очистить переднюю комнату, предварительно все тщательно сфотографировав, обмерив и описав. До этого ни один предмет не должен был быть сдвинут с первоначального места.

В гробницу провели электричество. При ярком его свете выяснилось, что и третья дверь повреждена: внизу виднелось замазанное и вновь замечатанное небольшое отверстие. Под одним из позолоченных лож в стене также была пробита дыра, которую, видимо, не заметили или не успели заделать. Осторожное исследование показало, что она ведет в третью (боковую) комнату, также сплошь наполненную вещами, в которых разобратся казалось просто невозможным. Если чиновники, пришедшие в порядок гробницу после вторжения грабителей, придали передней комнате какое-то подобие первоначального благообразия, то в боковом помещении все сохранилось в том состоянии, в каком его оставили грабители. В поисках драгоценностей последние разбросали все вещи «с основательностью землетрясения». «Один из них — для многих, вероятно, места не было — пробрался в комнату, а затем поспешно, но систематически перерыл все ее содержимое, выпорожил ящики, все-что отбросил в сторону, нагромодил одно на другое, а кое-что, может быть, передал своим спутникам через дыру в переднюю комнату для более внимательного рассмотрения»².

Предстояла гигантская работа по реставрации, описанию и сохранению найденных сокровищ. Картер и Карнарвон спешно занялись подбором штата квалифицированных сотрудников: археологов, фотографов и химиков, — а также закупками всего необходимого, в первую очередь фотопринадлежностей и упаковочного материала. Лишь

Спинка тронного кресла с изображением Тутанхамона и его жены, царицы Анхес-эн-Амон.

к новому году началось детальное изучение гробницы.

Сжатые размеры журнальной статьи не дают возможности сколько-нибудь подробно проследить ход работ и не разрешают привести полный список найденных вещей. Ведь в одной только передней комнате их было обнаружено не менее 600—700. Поэтому придется ограничиться изложением основных этапов исследований, их важнейшими результатами и кратким описанием наиболее достопримечательных предметов.

Приведенные выше слова Картера достаточно живо рисуют состояние, в котором находилась передняя комната. Требовались необычайная тщательность и обдуманность каждого движения, чтобы не повредить найденные сокровища. Необходим был строго индивидуальный подход к каждой вещи. Порядок производства работ в общих чертах установился следующий.

Прежде всего, общий вид помещения в его первоначальном состоянии подвергся неоднократному фотографированию. Затем, к каждому предмету прикреплялся печатный номер, после чего данный предмет вновь фотографировался с окружающей его группой других предметов. Эти снимки позволяли в дальнейшем установить точное местоположение каждой вещи в момент ее нахождения. Но основная трудность заключалась не в этом. Многие, чрезвычайно ценные объекты грозили при малейшем прикосновении рассыпаться в прах или превратиться в бесформенную груду. И немалую изобретательность приходилось проявлять, чтобы тут же, на месте, законсервировать наиболее хрупкие вещи. Так, были залиты расплавленным парафином сандали, украшенные бусами, нитки которых истлели.

¹ Г. Картер и А. Мейс. Цит. соч., стр. 58—59.

² Там же, стр. 62.

Много времени отнимали обмеры и зарисовки, особенно ларцов и сундуков, так как представлялось весьма желательным показать все этапы разбора последних и зафиксировать расположение вещей, их наполнявших. Только после этого найденные предметы переносились в гробницу Сети II, приспособленную под лабораторию, где они подвергались дальнейшей обработке: более тщательной реставрации в случае необходимости, инвентаризации, описанию и окончательной упаковке для отправки в Каирский музей.

Этот этап работы также изобилует трудностями. Египетские чиновники, поспешно и беспорядочно затиснувшие в ларцы и укладки самые различные предметы, выброшенные грабителями в поисках золота, отнюдь не считались с их первоначальным содержанием, обозначенным порой в специальных списках на крышках. Парадные одеяния фараона, его обувь, украшения, оружие и т. д., хаотически перемешанные, неоднократно при разборе испытывали терпение археологов. Особенно много труда отнимали сложные художественные вышивки из бус. Пришлось затратить значительные усилия и для восстановления колесниц, отдельные части которых были разобраны и нагромождены друг на друга. Кожа упряжи превратилась в клейкую массу, залившую смежные предметы. Лишь 15 мая первый транспорт вещей погрузили на пароход для отправки в Каир.

Очистка передней комнаты продолжалась 7 недель. Только после этого появилась возможность проникнуть без опасений в другие помещения гробницы.

Но прежде ознакомимся с наиболее интересными находками, некоторые из которых уже упоминались. По тонкости и художественности росписи, по необыкновенной жизненности изображенных батальных и охотничьих сцен, бесспорно, одно из первых мест принадлежит продолговатому ларцу с выпуклой крышкой, стоявшему в глубине комнаты. Ювелирная отделка деталей рисунков и тщательность последних напоминают по технике лучшие образцы персидской миниатюры. В нем находились главным образом парадные одеяния фараона. На одном из них было нашито более 3 тысяч золотых розеток. Весьма внушительны позолоченные парадные ложа, бока которых сделаны в виде фигур зверей. О них можно было прежде составить представление лишь на основании изображений. На ложах в беспорядке лежали кровать черного дерева, украшенная изображением домашних богов, парадные жезлы и луки. Из последних весьма характерен один, сделанный так, что шея пленников — азиата и негра — служили нарезками для тетивы,

что имело явно символический смысл. Далее стояли золотые и бронзовые светильники необычной формы, инкрустированный ларец, в котором помещались золотые украшения и знаки царской власти. Здесь же, завернутые в платок, находились и золотые кольца. Грабители не успели или позабыли захватить их. Поч ложа были завинуты сундуки черного дерева с чрезвычайно разнообразным содержимым, среди которого особенно замечательны жезлы, поражающие филигранностью отделки. Один из них также украшен фигурами двух связанных пленников; их лица вырезаны из черного дерева (негра) и слоновой кости (азиата). В другом ларце лежал парадный панцирь, составленный из многих тысяч золотых пластинок, эмали и фаянса. Тут же были нагромождены белые, сделанные из дерева, яйцеобразные коробки, в которых находились жареные утки и другие жертвенные яства, довольно хорошо сохранившиеся. Ими должен был питаться фараон в царстве мертвых.

На третьем ложе был найден трон Тутанхамона — бесспорный шедевр не только египетского, но и вообще мирового искусства. Его спинка «является прекраснейшим из всего, что до сих пор найдено в Египте»¹. Трон весь покрыт золотом и отделан стеклом, фаянсом и цветными камнями. Все детали необыкновенно искусно вырезаны в форме животных: ножки — в виде львиных лап, подлокотники представляют крылатых змей. Но лучше всего спинка, на которой изображены царь и царица. Свобода и непринужденность в передаче движений, реалистическая трактовка сюжета, поразительная живость и гармония красок превосходят даже лучшие образцы египетского искусства эпохи Тель-Амарны. Вместе с тем трон является весьма поучительным и характерным историческим памятником, превосходно иллюстрирующим религиозные смуты этого периода истории Египта. Реставрация культа Амона, как известно, имела место в годы правления Тутанхамона, соответственно изменившего свое первоначальное имя — Тутанхатон. На троне значатся оба царских имени. Оставлено и самое изображение бога Атона — солнечный диск с лучами, окаймляющимися человеческими ладонями. То ли трон казался слишком ценным предметом, чтобы подвергать его коренной переделке, то ли возврат к старой вере совершен был помимо желания царя, — сказать, конечно, трудно.

Позолоченная статуя царя, балдахин, еще сундуки, колесницы, между которыми

¹ Г. Картер и А. Мейс. Цит. соч., стр. 72.

находились разнообразные мелкие предметы: сосуды, жезлы, луки, опахала и т. д., — занимали остальное пространство комнаты.

3

17 февраля 1923 года Картер в присутствии нескольких видных ученых, представителей египетского правительства и прессы взломал перегородку, преграждающую доступ в остальные помещения гробницы. Когда удалили слой штукатурки и первые камни, в образовавшемся отверстии тускло замерцало золото. Казалось, за перегородкой находится еще одна золотая стена. Только после сноса перегородки стало ясно, что золотая стена — не что иное, как бок огромного саркофага, заполнявшего почти весь погребальный покой. Пол последнего был вырублен примерно на метр ниже пола передней комнаты. Между саркофагом и стенами погребального покоя оставался проход шириною лишь немного более полуметра. Сам саркофаг, впоследствии измеренный, оказался длиной в 5 метров, шириной — в 3,30 и высотой — в 2,73 метра и был весь покрыт золотом и инкрустациями из синего фаянса. Они имели форму различных магических символов и должны были придать саркофагу прочность и безопасность. В проходах между саркофагом и стенами гробницы лежали и стояли всевозможные предметы, также имеющие магическое значение. Например 11 весел, с помощью которых покойник должен был переправиться через воды загробного мира.

Картера мучил вопрос, смогли ли проникнуть воры в гроб фараона. Ведь перегородка носила явные следы взлома. Однако первое наблюдение уже дало вполне благоприятные результаты. Нетронутые печати на засовах двери второго саркофага, находившегося внутри первого, показали, что воры не смогли или не решились посягнуть на тело царя.

Тут же выяснилось, что в восточной части погребального покоя имеется открытый проход в еще одно помещение — четвертое и последнее. Исследовать его подробно оказалось возможным лишь спустя 4 года, так как сейчас на очереди были другие работы. Эта комната была также наполнена вещами. Печати, оставшиеся не тронутыми почти на всех сундуках, доказывали, что и здесь грабители не так бесчинствовали, как в передних помещениях.

В апреле 1923 года от заражения крови в результате укуса москита скончался лорд Карнарвон.

В связи с этим появились финансовые затруднения, которые были, правда, довольно быстро ликвидированы, так как наследники покойного взяли издержки на свой счет. Но главные трудности были не

в этом. Огромный, непрекращающийся интерес, вызванный в Европе и Америке гробницей Тутанхамона, создал весьма тяжелую, даже склочную обстановку вокруг Картера и его открытия. Толпы «высокопоставленных» и «влиятельных» посетителей, вооруженных рекомендательными письмами и записками, полчища репортеров буквально осаждали гробницу, требуя разрешения на осмотр ее. Это чрезвычайно затрудняло работу, замедляло ее темпы, и Картер порой в весьма резкой и категорической форме отказывал, чем возбуждал, разумеется, недовольство и обиды. Монополия на первые публикации отчетов была предоставлена «Таймс», что раздражало другие газеты, которые рассматривали гробницу как источник доходов. Само египетское правительство также было склонно превратить ее в средство пополнения казны. Но Картер служил всему помехой. В результате возникших весьма резких трений его отстранили от производства дальнейших работ, а на дверях гробницы повесили замок. Дело перешло в суд. После довольно скандального процесса, подробности которого доставили немало удовольствия любителям «шкандального», было достигнуто соглашение. Любопытно отметить, что в нем об авторе открытия — Картере — даже не упоминалось. Права признавались только за собственниками концессии — наследниками Карнарвона. На все эти дразги, столь характерные для отношения к науке в мире капитализма, ушло довольно много времени. В результате вторая половина зимы 1923—1924 года и первая — 1924 — 1925 года были полностью потеряны.

«Пожар международной алчности и жадности»¹, вспыхнувший над гробницей Тутанхамона, сократил второй раскопный сезон (1923 — 1924 год) до неполных 4 месяцев, из которых один целиком ушел на всевозможные подготовительные и технические мероприятия. Лишь в последней декаде ноября Картер и его помощники смогли приступить к осуществлению намеченного плана — заняться исследованием саркофага, или, точнее саркофагов, ибо последних было 4, заключенных один в другой. 80 дней упорного, изнурительного труда потребовалось на их разборку. Работать приходилось в невероятной тесноте, так как ширина прохода между наружным саркофагом и стенами гробницы не превышала 65 сантиметров, а каждое неосторожное движение грозило нанести непоправимый ущерб или живописи гробницы или позолоченной поверхности саркофага. От трехтысячелетнего пребывания

¹ В. Викентьев «Мумия перед лицом Фемиды». «Новый Восток» № 6, стр. 444.

Золотой (последний) гроб Тутанхамона.

в сухом и горячем воздухе дубовые доски его усохли, и между ними и слоем позолоты образовались значительные промежутки. Вес же некоторых деталей доходил до тонны. Всего в 4 саркофагах подобных деталей оказалось 74¹.

После снятия двухстворчатой двери и крышки, сложенной из 3 частей, и удаления стенок наружного саркофага, предстал второй саркофаг, весь покрытый полотняным покровом с нашитыми на нем бронзовыми розетками, от тяжести которых истлевшая ткань, кое-где уже разорванная, грозила окончательно оборваться. Укрепленный химическими средствами и острожно накатанный на палку, покров был вынесен в лабораторию.

Только теперь оказалось возможным открыть запечатанные двери второго саркофага. За ними виднелись столь же тщательно запечатанные двери еще 2 саркофагов. И только за последними, четвертыми, по общему счету, дверьми появился каменный саркофаг из золотистого песчаника, покрытый гранитной крышкой весом в 1½ тонны. Если второй саркофаг во

¹ Мастера, изготовлявшие саркофаги, снабдили все части специальными номерами и значками во избежание путаницы при сборке. Однако в тесноте и темноте гробницы эта мера предосторожности не помогла. Рабочие, составлявшие саркофаги, кое-что сделали неверно.

многом по форме напоминал первый, то третий и четвертый были несколько иного вида: их крышки были выпуклыми, а не плоскими, как у наружных; позолота горела еще ярче.

В погребальном покое и между стенками саркофагов находились многочисленные предметы. Из них большинство связано с культом мертвых: весла, эмблемы бога Анубиса, сосуды для вина и благовоний, алебастровые лампы тончайшей работы (одна производит поразительное впечатление: когда она зажжена, на стенках ее выступают прозрачные изображения царя и царицы), золотые опахала, посохи (в числе последних один, увенчанный миниатюрной золотой статуэткой Тутанхамона), серебряная босвая труба и т. д. Некоторые из найденных здесь предметов уникальны, и поэтому не всегда понятно их назначение.

В начале февраля 1924 года последняя деталь четвертого саркофага была вынесена. Теперь предстояло заняться каменным саркофагом, открытие которого ожидалось всеми с нарастающим нетерпением. Он весьма напоминал саркофаги других представителей эпохи Тель-Амарны, например возможного соправителя и преемника Тутанхамона — Эхе. По углам саркофага стояли широко распростертые крылья и руки богини-покровительницы: Исида, Нефтида, Нейт и Селкет, — как бы оберегая покой почившего фараона. Длина саркофага — 2,75 метра, ширина и высота — по 1,50 метра.

Наконец 12 февраля в присутствии целого синклита ученых медленно поднялась тяжелая, гранитная крышка и жадно устремленным взорам предстало нечто бесформенное, обернутое пеленами. Но когда их сняли, ослепительно засияла позолота, самоцветы, фаянс и стекло, покрывавшие деревянный антропидный гроб царя. Рельефное изображение на крышке гроба лица и кистей рук было сделано из массивного золота. В скрещенные руки вложены эмблемы Осириса: бич и скипетр «хека». На лбу знаки царского достоинства: голова коршуна и змея-урей; на них надет крошечный венок, возможно, последний дар супруги покойного — царицы Анхес-эн-Амон.

Фрески погребального покоя написаны после сооружения перегородки, отделявшей его от передней комнаты. Иначе трудно объяснить наличие перегородки, так как части саркофага могли быть вписаны только до того, как она была сооружена. Роспись же всех 4 стен одинакова по манере. Выполнение ее заставляет желать лучшего. Это несовершенство росписи следует, быть может, объяснить темнотой помещения, а главное, теснотой его. По своему стилю фрески весьма близки

к искусству Тель-Амарны и в силу этого отличны от фресок других гробниц «Долины царей», хронологически даже близких, например Харамхеба и Сети I. На восточной стене представлена погребальная процессия. Саркофаг на полах тащат придворные. Они возглашают: «О царь, гряди в мире! О бог! Ты защитник страны!» На другой стене — северной — Эие совершает над своим покойным предшественником магическую церемонию «отверзания уст», подобно тому как, согласно преданию, это делал Гор над своим отцом — Осирисом, которому уподоблен Тутанхамон. Западная стена покрыта изображениями из книги «Амдуат» — «То, что в преисподней». На стенах второго саркофага также имеются сцены из этой книги, знание которой должно было помочь покойнику справиться с чудовищами, населяющими загробное царство.

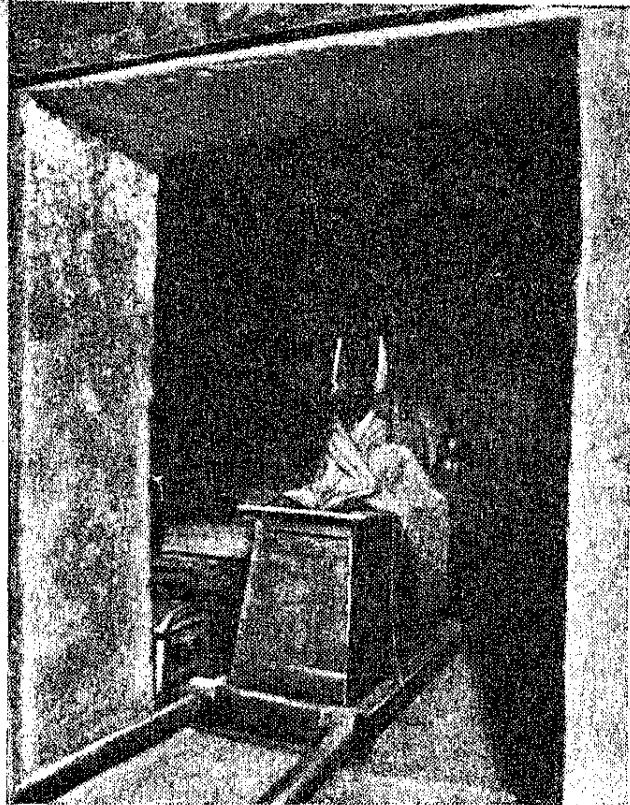
Еще более кратким оказался третий сезон — 1925 год, посвященный лабораторным работам. Таким образом, открытие гроба Тутанхамона последовало почти через 2 года после первого с ним ознакомления — в четвертый сезон работ, длившийся с октября 1925 года по май 1926 года. И здесь встретились неожиданные трудности, замедлившие ход работ. В первом, антропоморфном деревянном гробу находился второй, почти такой же и также покрытый пеленой. Оба гроба были так точно подогнаны друг к другу, что отделить их стоило огромных усилий, а теснота погребального покоя заставила проявить при этом немалую изобретательность. На блоках осторожно была поднята крышка второго гроба, удалены третий покров и великолепное нашейное украшение из бисера и цветов, и вновь засверкало золото, из которого целиком сделан весь третий гроб. Его длина — 1,85 метра, толщина золотых листов — 2,5—3,5 миллиметра, вес — 4,5 центнера. Стоимость одного только металла составляет 500 тысяч рублей, что же касается настоящей цены, то она не поддается определению, так как этот шедевр ювелирного искусства является уникальным. Он инкрустирован бирюзой, сердоликом и ляпис-лазулью. Тутанхамон изображен в образе Осириса. Портретная маска ковального золота покрывала лицо и плечи покойника. Она также инкрустирована ляпис-лазулью, сердоликом, алебастром и т. д. Необыкновенный реализм, с которым переданы черты Тутанхамона, позволили установить, что между ним и Эхнатоном существовало гораздо более близкое родство, чем предполагалось до сих пор. Это обстоятельство разрешает пересмотреть припятый до сих пор в науке взгляд на историю последних отпрысков XVIII династии.

Портретная золотая маска Тутанхамона, покрывавшая голову и плечи мумии.

Теперь на очереди было исследование самой мумии, что оказалось наиболее сложным. По меньшей мере 4 ведра всевозможных благовоний вылили при погребении на золотой гроб и примерно столько же на самую мумию. И тот и другая буквально плавали в черной вязкой, смолистой массе, которая в тех местах, где ее было меньше, затвердела и превратилась в твердое вещество. Помимо того что эти благовония склеили в подлинном смысле этого слова оба последних гроба, золотую маску и мумию в единое целое, смолистые вещества, окисляясь, обуглили не только бинты и повязки, в которые была завернута мумия, но и повредили даже кости трупа. Чтобы отделить гробы, маску и мумию, пришлось при помощи парафиновых ламп поднять температуру до 500°.

11 ноября 1925 года Картер и специально приглашенные врачи сделали первые надрезы на пеленах, скрывавших тело Тутанхамона. Их снимали целыми кусками, предварительно покрыв парафином, до такой степени они обуглились. В общей сложности на мумии и в повязках оказалось 143 различных предмета. Часть из них имела магическое значение, часть же являлась собственностью фараона: кинжалы, браслеты, кольца, символы царской власти, всевозможные подвески, амулеты. Многие из них сделаны из чистого золота и богато украшены цветными камнями, стеклом и фаянсом. Голову венчала золо-

Вход в «Сокровенную сокровищницу». Впереди носилки со статуей бога Анубиса, изображенного в образе шакала. Позади виден ковчег с внутренностями царя.

тая диадема. Были обнаружены также предметы из железа—едва ли не древнейшее и поэтому драгоценное свидетельство применения этого металла в Египте. На ногах были надеты золотые сандалии, а пальцы рук и ног всунуты в золотые футляры ювелирной работы.

Отчет проф. Дерри — анатома Каирского университета — дает исчерпывающие сведения о наружности Тутанхамона. Уродливо вытянутый череп, столь характерный для Эхнатона и его семьи, доказывает несомненное кровное родство с ними. На основании этого сходства Картер строит догадку, что Тутанхамон был сыном царя-еретика от одной из второстепенных жен.

Васильки, из которых состояли венки, позволили точно установить время погребения Тутанхамона. Они цветут в Египте между серединой марта и началом апреля.

4

Заключив исследование саркофагов, Картер и его помощники вновь вернулись к сокровищнице и боковой комнате. Это заняло время следующих раскопочных сезонов.

Прямо против входа в сокровищницу из темноты выглядывала закутанная полотном статуя бога Анубиса, изображенного в виде шакала. Инкрустированные золотом и обсидианом глаза животного глядят необыкновенно живо. Статуя покоится на позолоченном ковчеге, который в свою очередь

стоит на носилках с длинными ручками. За ней, посреди «Сокровенной сокровищницы», как назвал кладовую Картер по аналогии с другими гробницами, возвышался ковчег, содержащий внутренности царя. 4 каноны (сосуды), по числу 4 сыновей бога Гора, заключали в себе миниатюрные антропоморфные золотые саркофаги, в которых лежали вынутые при бальзамировании мозг и внутренности царя.

После погребального покоя «Сокровенная сокровищница» — самое важное помещение гробницы. Ее содержимым являются главным образом всевозможные мистические символы, предметы погребального ритуала или явно выраженного религиозного характера. Многочисленные черные ковчегообразные ящики, сундуки, наосы (шкафообразные ларцы), все почти запечатанные и запечатанные, заключали 27 статуэток богов и 7 статуэток царя. На пьедесталах статуэток богов выписаны их имена. Некоторые из них входят в коллегия 9 богов-судей царства мертвых. На крышках сундуков и ларцов без всякого порядка были навалены модели судов разных типов — от простой лодки до оснащенных кораблей с каютами. Тут же находилась деревянная модель житницы, наполненная зерном. У противоположной стены стояли ларцы, инкрустированные слоновой костью и эбеновым деревом. На изготовление одного из них пошло не менее 45 тысяч деталей. Другие ларцы, из гладкого дерева с изогнутой крышкой, были выкрашены белой краской. В них лежали драгоценности и всевозможные украшения, но многих не доставало. Грабители успели проникнуть и сюда. И хотя бесчинствовали они здесь меньше чем в передней или боковой комнатах, все же сорванные печати, открытые крышки ларцов, рассыпанные на полу бусинки и фрагменты ювелирных изделий, то здесь, то там перевернутые предметы ясно свидетельствовали об их хищных и торопливых поисках.

Вдоль той же северной стены находились еще другие вещи: вновь модели судов, богато орнаментированный ящик для луков, 2 охотничьи колесницы — их разобранные части лежали одна на другой наподобие разобранных колесниц в передней комнате. Далее — десять черных деревянных шкафчиков-«книсков» с так называемыми фигурками «ушебти» — «ответчиками»¹.

По сравнению с относительным порядком в «Сокровенной сокровищнице» в боковой кладовой царя полный хаос: предметы погребального ритуала, кровати, кре-

¹ Сделанные обычно из фаянса, глины или дерева статуэтки, которые должны были в загробном мире выполнять для своего хозяина сельскохозяйственные работы.

сла, табуреты, скамейки для ног, алебастровые вазы, глиняная посуда, кувшины от вина, игрушки, щиты, луки и стрелы и многие другие вещи лежали в беспорядочной и причудливой куче. Сундуки были опрокинуты и их содержимое разбросано. Грабители вели здесь себя крайне бесцеремонно. На одном из больших сундуков ясно виднелся отпечаток босой пятки вора. Дверь этого помещения была заделана кирпичами, заштукатурена, запечатана, но нижняя часть ее, взломанная ворами и заваленная снаружи ложами, осталась незаделанной. Всего в кладовой находилось около 300 различных предметов.

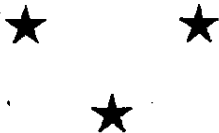
Уже предварительное обследование всей гробницы позволило вывести ряд существенных заключений, связанных как с историей самого Тутанхамона и его погребения, так и вообще с культом мертвых. Несомненно, значительная часть инвентаря гробницы изготовлена после смерти юного фараона. И статуи, и саркофаги, и золотая маска несмотря на художественность работы несут следы спешки. Да и портретное сходство маски указывает на то, что она была сделана после смерти фараона, а не заранее, как это полагали раньше. Трудно допустить также, чтобы бесчисленные сокровища гробницы, из которых многие нетрудно было украсть ввиду их скромных размеров, были внесены в нее во время производства работ по сборке сар-

кофагов или же по росписи стен погребального покоя. Драгоценности, видимо, доставили позже, перед окончательным закрытием гробницы.

Таковы в общих чертах содержимое гробницы Тутанхамона и история ее открытия. Этот памятник чрезвычайно характерен для древнего Египта. Найденные в нем сокровища невольно заставляют задуматься над тем, какого труда стоило каменщикам, плотникам, столярам, художникам, скульпторам, ювелирам, оружейным мастерам создать своими примитивными инструментами все это великолепие! Подобную роскошь могло позволить себе только деспотическое государство с весьма жестокими нормами эксплуатации и сильным аппаратом принуждения, да и то в расцвете своих сил.

Если гробница Тутанхамона, власть и могущество которого значительно уступали власти и могуществу таких фараонов, как Тутмес III, Аменхотеп III или Рамсес II, содержала подобные богатства, то какие неисчислимы сокровища заключали гробницы последних! С трудом можно это себе представить.

Ценность сделанного Картером открытия значительно возрастет после издания полного и научного описания всех памятников, им обнаруженных, так как о многом пока приходится только догадываться.

М. Зиновьев

23-я школа ФОНО. Москва

Работа с учебником истории средних веков в 6—7-х классах средней школы

1

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» о работе учителя сказано следующее: «Преподаватель обязан систематически, последовательно излагать преподаваемую им дисциплину, всемерно приучая детей к работе над учебником и книгой, к различного рода самостоятельным письменным работам, к работе в кабинете, в лаборатории, учебной мастерской и широко применяя, наряду с этими основными методами, различного рода демонстрации опытов и приборов, экскурсии (на завод, в музей, в поле, в лес и т. п.)...»¹

Учебник по средней истории под редакцией проф. Косминского дает в доступной для учащихся форме последовательное изложение событий и их обобщение. Большое количество иллюстраций, хронологическая таблица, историко-географические карты и схемы — все это делает учебник ценным пособием в занятиях историей. Опираясь на учебник и используя вспомогательный материал в виде исторических документов, художественной литературы, картин и пр., учитель может сделать свой рассказ увлекательным и интересным для учащихся.

Рассказ учителя на уроке строится по плану соответствующего параграфа учебника — иначе ученикам трудно будет дома подготовиться к уроку. Но учитель ни в коем случае не может ограничиваться одним лишь повторением материала учебника. Если учитель только передаст содержание учебника, то учащиеся будут неинтересно слушать рассказ. Сохраняя план учебника и излагая те же факты, которые приведены в учебнике, учитель дает новые подробности, используя на-

глядный материал, он воссоздает художественные образы прошлого.

Рассмотрим урок «Цехи и гильдии» (первый параграф из главы IX) и покажем на этом примере, в каком соотношении находится рассказ и материал учебника.

В учебнике параграф этот построен по такому плану:

1. Рост городов. 2. Внешний вид города. 3. Герол внутри городских стен. 4. Ремесленник-мастер. 5. Оборудование мастерской. 6. Ремесленные цехи. 7. Подмастерья и ученики. 8. Купеческие гильдии.

Учебник дает описательный, красочный материал, который может быть широко использован учителем.

По первому пункту учитель ограничивается изложением материала учебника, не делая никаких дополнений. Перейдя ко второму пункту («Внешний вид города»), учитель предлагает раскрыть учебники, найти картину «Вид средневекового города» (стр. 83) и рассмотреть ее. Учащиеся, направляемые вопросами учителя, сами приходят к выводу, что город имел вид крепости (высокие каменные стены, башни, бойницы). Учитель, далее, обращает внимание учеников на передний план картины, где ясно обозначены участки возделанных огородов. Путем дополнительных вопросов учителя учащиеся устанавливают, что эти огороды возделывались жителями города и что, таким образом, горожане занимались не только ремеслом и торговлей, но и сельским хозяйством.

Описание города внутри городских стен может быть передано учителем по учебнику, но при этом зачитываются отрывки из литературно-художественных произведений (например «Пертская красавица» Вальтера Скотта), воссоздающие картины жизни средневекового города.

Переходя к четвертому пункту своего рассказа («Ремесленник-мастер»), учитель указывает на мелкий, ручной характер

¹ Постановления партии и правительства о школе, стр. 23—24. Учпедгиз. 1939.

производства того времени. Разбирая с учениками картины, помещенные в учебнике, — «Кузнецы», «Каменщики», «Красильщики», — учитель подчеркивает небольшие размеры производства и низкий уровень техники. Это очень важно для того, чтобы ученики не путали средневекового понятия «цех» с современным пониманием этого слова, как отделения крупного завода (например сборочный цех автомобильного завода и др.).

Для большей яркости изложения учитель может использовать документальный материал и процитировать небольшие отрывки из цеховых статуты (например из «Статута парижских ткачей шерсти XIII века» §§ 26 и 27, из «Статута парижских сукновалов» § 2 и др. См. Хрестоматию под ред. Грацианского и Сказкина. Т. I, стр. 337 и 339). Этот документальный материал, небольшой по своим размерам — в общей сложности 10—12 строк, — не задержит изложения учителя и придаст его рассказу большую живость и красочность. В результате такого рассказа ученики получают четкое представление о средневековом цехе.

Подобным образом излагаются и последующие пункты плана.

Используя добавочную вспомогательную литературу и иллюстративный материал учебника, учитель строит свой рассказ с таким расчетом, чтобы дополнить конкретным фактическим материалом краткие формулировки учебника, дать образное представление об изучаемом периоде.

После такого рассказа и беседы учителя с учениками по содержанию соответствующего раздела учебника ученику будет легче приготовить урок дома. Не следует только давать особенно большого по объему дополнительного материала, чтобы он не заслонял основного содержания учебника.

Для повышения интереса учащихся к изучаемой эпохе полезно рекомендовать учащимся художественную литературу. К разобранному уроку отличной иллюстрацией является рассказ Гофмана «Мастер Мартин-бочар и его подмастерья» (Детиздат. 1937).

2

Наиболее ценным видом самостоятельной работы учащихся является составление рассказа о каком-либо историческом явлении. Этот вид работы выполняется в виде повторения после того, как закончен какой-нибудь раздел учебника, так как повторение целого раздела дает возможность охарактеризовать явление в целом. По заданию учителя ученики выписывают дома наиболее характерные места из проработанного текста, определяющие основную

линию развития явления. Например учитель дает учащимся 6-го класса в конце года задание: проследить историю развития феодального государства с V по XI век. Для этого ученики внимательно читают и выписывают из учебника характеристику правления короля франков Хлодвига, затем характеристику правления Карла Великого, считавшего, что власть дана ему богом и требовавшего присяги от подданных, и, наконец, ученики определяют характер власти французского короля в IX—XI веках (период феодальной раздробленности). Этапы развития феодального государства учащиеся легко устанавливают по учебнику. Оценку же этой эволюции и раскрытие причинной связи событий ученики смогут дать лишь с помощью учителя в классе. В 7-м классе учащиеся добавляют еще два звена этого развития («сословную монархию» и «абсолютную монархию»).

Таким же образом могут быть рассмотрены и явления хозяйственной, военной и научной жизни за какой-нибудь отрезок времени.

В некоторых случаях ученики путем самостоятельной работы объединяют события какого-нибудь этапа истории, изложенного в учебнике частями, в одно целое и дают этому этапу соответствующую характеристику. Так например можно предложить ученикам 7-го класса, чтобы они повторили и объединили разбросанные по разным местам сведения о гуманизме и возрождении. Это можно сделать в форме синхронистической таблицы: ученики выписывают имена, главные произведения и годы рождения и смерти представителей гуманизма трех стран: Италии, Германии и Франции.

Синхронистические таблицы можно также составлять по отдельным периодам, для того чтобы ученики восстановили в своей памяти главные события какого-либо определенного периода истории, например периода от открытия Америки до конца Нидерландской революции. При составлении такой таблицы картина общего развития выясняется для учеников гораздо нагляднее.

По такому же принципу может быть построено задание — изложить ход Столетней войны в истории Англии, для которой эта война имела гораздо меньшее значение чем для Франции. Такая работа поможет ученику не только повторить Столетнюю войну, но и лучше понять историю Англии.

Этим, понятно, не исчерпываются все виды самостоятельной работы учеников 6—7-го классов над учебником истории средних веков. Но нужно отметить, что подобные виды работы, к сожалению, доволь-

но редко встречаются в практике преподавания.

3

Учебник очень богато иллюстрирован картинками, чертежами и географическими картами. Весь наглядный материал может быть систематизирован по таким примерно разделам:

1. Картины, рисующие состояние производства («Кузнецы», «Каменщики», «Красильщики», «Печатный станок», «Крестьяне на барщине» и т. д.).

2. Картины, рисующие классовую борьбу или классовые отношения («Смерть Уота Тайлера», «Ауто-да-фе», «Нападение крестьян на рыцаря» и т. д.).

3. Произведения искусства («Китайская фарфоровая ваза», «Моисей», «Карикатура», картина Мурильо и др.).

4. Картины, рисующие военную историю («Франкский воин», «Норманнский воин», «Воин-кочевник», «Рыцарь XII века», «Битва при Гастингсе», «Греческий огонь», «Взятие в плен Жанны д'Арк», «Кавалерист из армии Карла VII» и многие другие).

5. Городские здания, замки, монастыри, города («Здание времен Карла Великого», «Храм св. Софии в Константинополе», «Замок на реке», «Вид Венеции» и др.).

6. Портреты исторических деятелей.

7. Исторические карты и схемы-планы. Все наиболее важные разделы учебника снабжены картами (их около 25).

Основной метод работы с картинками во время урока показан выше, когда шел вопрос об отношении рассказа учителя к учебнику. Но этим ни в коем случае нельзя ограничиваться. Наглядный материал учебника настолько богат и разнообразен, что позволяет организовать работу с наглядными пособиями очень широко. Рассмотрим несколько видов такой работы:

1. Сопоставление ряда картин, которое дает возможность проследить процесс исторического развития.

Учащимся, например, предлагается сопоставить следующие картины: «Франкский воин VI века», «Франкские воины IX века», «Рыцарь XII века». Это сопоставление показывает, как совершенствовалась военная техника: франкский воин VI века был пеший, грудь и спина его защищены особой курткой без рукавов, спитой из кожи, мехом наружу; франкские же воины IX века были конными, они одеты в кольчуги, прикрывавшие тело, руки до локтей и верхнюю часть ног. В XII веке рыцарь был уже целиком одет в кольчугу и даже его голова была прикрыта кольчугой.

Такое сопоставление позволяет ученику точно представить себе оружие, технику,

одежду того времени и изменения, которым они подвергались на разных этапах развития.

Удобнее всего подобного рода сопоставление исторических картин производить путем специального домашнего задания, которое затем проверяется в классе. Можно предлагать учащимся и письменные задания такого рода. Это повышает чувство ответственности у учащихся, заставляет их, зорко всматриваться во все детали картины и приучает формулировать свои наблюдения.

2. Второй вид использования иллюстративного материала учебника состоит в сопоставлении картин разнообразного содержания, но рисующих одну эпоху или одно какое-либо явление. Так например ученики должны просмотреть все картины учебника, относящиеся к гуманизму и возрождению: портреты, здания и пр. Полезно при этом привлечь еще настенные картины, не воспроизведенные в учебнике. От такого сопоставления ученик получает достаточно яркое представление об эпохе, об ее культуре, производительных силах и пр.

3. Отдельные картины, которые учитель разбирает во время своего рассказа, требуют некоторых специальных указаний, в особенности это относится к картинам, рисующим произведения искусства. Так, ученикам необходимо дать понятия о романском, готическом и мавританском стилях. В учебнике дается довольно обстоятельное описание романского и готического стилей, но мавританский стиль (рисунок «Мечеть в Кордове») учитель должен сам охарактеризовать (подковообразные арки, огромное количество колонн, отсутствие изображений животных и людей, замысловатые узоры орнаментов—арабески и пр.).

Портреты исторических деятелей даются в учебнике двух видов: 1) стилизованные и 2) реалистические.

Первые требуют специальных разъяснений для учащихся, например портрет византийского императора Юстиниана под названием «Юстиниан и придворные» (стр. 39). Ученики на этом портрете не увидят индивидуальных черт императора, но зато они увидят стремление художника к обожествлению личности императора. Расположенный в центре группы, Юстиниан изображен в торжественных одеждах священнического типа, с сиянием вокруг головы, точно, это списанный с иконы святой. При показе стилизованных портретов задача учителя — раскрыть ученикам смысл этих символических изображений.

Реалистические же портреты (например французского короля Генриха IV) дают учащимся отчетливое представление о том

или иным историческом лице с его характерными особенностями.

Большое число карт позволяет использовать их так же, как использовался обыкновенно исторический атлас. Показывая какой-либо пункт на карте, учитель требует, чтобы ученики находили эти пункты на карте учебника. Это дает возможность потребовать от учеников максимально четкого знания карты. Наличие же мелких карт, дающих географический материал по одной теме, позволяет преподавателю организовать занятия с контурными картами. Учащиеся сравнительно легко могут дома обозначить некоторые географические объекты, помещенные на тематической карте, вследствие чего можно наиболее важные разделы истории со сложным географическим материалом пройти по контурным картам.

Очень важно также использовать как иллюстративный материал исторические документы, расширяющие и уточняющие исторические представления учащихся. Чаще всего документы зачитываются во время урока, но этим их использование не исчерпывается. Хорошие преподаватели

переносят частично работу с документами на дом, предлагая самостоятельно подготовить по ним какое-либо сообщение. Для этого преподаватель дает учащемуся отрывок из документов описательного характера, например описание восстания «Ника», историю борьбы жителей Лана за коммуны и др. Излагая содержание документа в классе, ученик может отрывки его процитировать. Учитель предлагает определить классовую точку зрения автора документа. Если учащиеся затрудняются это сделать, то учитель прочитывает одно—два места из документа, особенно ярко выражающие классовую ориентацию автора.

Следующим видом работы с документами является совместный разбор документа учащимися с преподавателем в классе, в результате чего у учащихся воссоздается в полном объеме картина прошлой жизни.

Правильное использование учебника истории средних веков дает полную возможность научить учащихся самостоятельно работать с книгой и в то же время позволяет прочно закрепить исторический материал в памяти учащихся.

О. Чеглакова,

научный сотрудник Азербайджанского государственного научно-исследовательского института школ

Творческие сочинения на уроках истории в 5-м классе

(На основе опыта 132-й школы Ворошиловского района города Баку)

Домашние задания надо строить так, чтобы они возбуждали творческую деятельность учащихся. Одним из видов таких домашних заданий является творческое сочинение. Педагогическое значение творческих сочинений очень велико: они воспитывают художественный вкус, прививают литературные навыки, развивают мышление и фантазию, активизируют работу памяти. Творческие сочинения по истории расширяют исторические представления учащихся, развивают на основе этих представлений творческое воображение, побуждают учащихся самостоятельно ставить вопросы и находить на них ответы.

Автором этой статьи был проделан следующий опыт. При прохождении в 5-м

классе темы «Олимпийские игры» учащимся было дано задание — написать на эту тему рассказ. Это вызвало большой интерес и оживление. Ребята стремились расширить и уточнить свои знания по теме сочинения.

Прежде чем перейти к рассмотрению творческих сочинений, необходимо коснуться того, что такое воображение и какое оно имеет значение в педагогическом процессе. Воображение — это форма отражения реальной действительности, выражающаяся в видоизменении представлений, воспринятых ранее, в создании и комбинировании новых представлений, иными словами, воображение — это процесс создания новых образов на основе уже имеющих представлений. Из этого определе-

ния ясно, какое большое значение для развития воображения имеет запас представлений, то есть сумма точных знаний.

Воображение имеет существенное значение в процессе обучения. Оно является предпосылкой для усвоения тех знаний, которые ребенок не может получить из собственного опыта. И действительно, только наличие воображения позволяет детям мысленно перенестись в другие места и условия, представить себе невиданные страны, далекое прошлое, создать художественные образы.

Ленин придавал большое значение творческому воображению, фантазии: «Эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это главный предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...»¹.

Обычно в психологии различают два вида воображения: воображение воспроизводящее — воспроизведение мало видоизмененных представлений объектов реальной действительности — и воображение преобразующее — преобразование этих представлений и их своеобразное комбинирование. Преобразующее воображение проявляется в различных формах: во-первых, в соединении представлений, которые в действительности не соединялись или соединялись иначе; во-вторых, в отделении составных частей одной группы представлений и перенесении их в другие группы представлений; в-третьих, в способности уменьшать или увеличивать представления. Посмотрим, как эти формы проявляются в сочинениях учащихся.

а) Воспроизводящее воображение

«На рассвете, как только показалось солнце, к месту состязаний стали стекаться люди. Здесь были юноши, девушки и даже старики. Вскоре заняли свои места и судьи. Они сидели за столом, на котором лежало несколько венков. Начало состязаний — это бег. 40 юношей по сигналу судьи стали бежать. Старт был большой. Среди юношей выделялся Геракл. Он старался как можно быстрее бежать, и его старания не пропали даром. Он прибежал первым к месту окончания бега. Когда это увидела публика, то стала кричать приветствия победителю. Геракл получил желанный венок от бога Зевса. Еще много лет Геракл был победителем и держал первое место в беге».

Возьмем другое сочинение этого же типа: «Но вот наступил день начала игр. Рапо собираются зрители, юноши, пожилые

воины. Вот на поле появились судьи, идут на площадь наблюдать за ходом состязаний. Под звуки марша выходят бегуны. Начинается бег. Победителя встречают громкими восторженными криками. Судьи вручают победителю награду. Это смуглый, загорелый юноша, у него мускулистое тело, крепкая грудь и сильные ноги. Он рад, что завоевал славу родному городу».

В этих рассказах правильно обрисована обстановка олимпийских игр, дан тип победителя. Имеющиеся представления здесь мало изменены. Основной материал — рассказ учителя и описание тех наглядных пособий-картин, которые были показаны на уроке.

б) Преобразующее воображение

«Юноши подошли к статуе, помолились, каждый просил Зевса, чтобы он ему помог стать победителем. Они отошли от статуи к месту, где стояли все играющие. И вот показали судьи. Среди них шли рабы, неся венки и ветви для победителей. Венки положили на стол. Судьи расселись. Первый день был предназначен для бега. Построились в ряд юноши. Среди них был Тезей. Соперник Тезея был впереди, и вот близок финиш. Тезей напряг все свои силы, чтобы перегнать соперника. Тезей перегнал его и достиг финиша. Он вышел победителем в беге. Ему вручили венок. Тезей взял венок и подошел к статуе Зевса, оторвал один листок и положил около статуи. Это значило, что он благодарит бога Зевса. Второй день был предназначен для борьбы. Юноши построились попарно, и вот первая пара вышла на середину площадки. Это были Антей и какой-то высокий широкоплечий юноша. Судья махнул рукой. Завязался бой, никто не знал, кто победит: то Антей валил юношу, то юноша — Антея. Но вот Антей повалил юношу и не дал ему больше встать. Антею дали венок. Он тоже подошел к статуе Зевса, сорвал листок и положил около статуи бога Зевса.

Третий день был предназначен для метания диска. Десять юношей построились в ряд на одинаковом расстоянии. Среди них был и Одиссей. Вот судья махнул рукой. Только Одиссей поднял руку, чтобы метнуть диск, как что-то тяжелое ударило его по руке, диск упал. Одиссей оглянулся: около статуи стоял давнишний его соперник, который кинул камень и попал в руку Одиссея. Судьи приказали связать его, но он побежал и скрылся в роще».

В этом сочинении уже чувствуется творческое мышление, дана уже известная сюжетная завязка, хорошо показаны формы религиозных верований греков.

Некоторые сочинения дают возможность установить формы проявления фантазии,

¹ Ленин п. Т. XXVII, стр. 266.

заключающиеся в отелении составных частей одной группы представлений и перенесении их в другие комплексы. В приведенном ниже сочинении этот момент проскальзывает, хотя и в зачаточной форме. Группа представлений, связанных с мифом о Тезее, комбинируется в новых сочетаниях.

«Олимпийские игры начались. Судьи сидели. Перед ними лежали лавровые венки и оливковые ветви. Телемак и Эвбей приготовились к состязанию в беге. Был подан сигнал, и они оба помчались к указанному месту. От напряжения они покраснели. Наконец первым прибежал Телемак. Телемак подошел к судьям. Ему вручили награду. С гордостью смотрел он кругом, глаза его блеснули. Эвбей с завистью смотрел на Телемака. Телемак и Эвбей поехали домой. Телемак ехал веселый и бодрый, а Эвбей — грустный и задумчивый. Остров Самос и все население встречало Телемака. Семья его торжествовала. Эвбей не выдержал поражения и бросился в волны Эгейского моря. Так погиб один из участников олимпийских игр».

Более ясно указанная форма фантазии проявляется в другом сочинении:

«Два друга, Геракл и Тезей, приезжают на олимпийские игры. Геракл надевает шапку-невидимку, помогает Тезею, и он выходит победителем. Злые полубоги решили отомстить Тезею и посылают на него припадок безумия, во время которого он убивает Геракла. Придя в себя, Тезей не может простить себе убийства Геракла и сам себя наказывает. Он забирается на самую высокую скалу и там умирает от голода и жажды».

Здесь уже более отчетливо видно, как представления, связанные с мифом о Геракле, переносятся в другой миф.

Интересно описание начала олимпийских игр:

«День начинался. Солнце всходило, бросая косые лучи на землю. Эгейское море слегка колебалось. Начинался день олимпийских игр. По дороге к горе Олимпу шли люди: старики, молодые люди, девушки и женщины. К берегу подошел корабль «Демос» с острова Самос. Люди слезали с корабля. Их было очень много. Среди них выделялись два широкоплечих высоких человека».

В заключение надо коснуться двух сочинений: одного — на тему об олимпийских играх, другого — на тему о приключениях Одиссея.

Вот фабула сочинения об олимпийских играх.

Отец одного семейства в Греции собирается ехать на олимпийские игры. Сын просит его взять с собой. Отец не согла-

шается и уезжает. Сын бежит ночью вслед за ним, присутствует незамеченным на олимпийских играх и является свидетелем гибели отца во время состязаний на колесницах.

В этом сочинении есть сюжет, дано динамичное и яркое описание олимпийских игр, удачно вплетено описание храма Зевса, хорошо показаны религиозные представления греков. Имеющиеся знания и представления переработаны в интересный рассказ.

В другом сочинении чрезвычайно отчетливо проявилась одна из форм фантазии — создание нового представления путем присоединения части одного представления к другому. Приведу несколько выдержек:

«Однажды Одиссей решил поехать в одно царство и завоевать там золотого коня, который мог бы говорить. По дороге он под'ехал к острову, чтобы пополнить свои запасы провизии. Но остров этот был заколдован колдуньей, на нем ничего не росло. А когда корабли уезжали за хлебом, она их топила. Одиссей решил покорить колдунью. Он уничтожил главную силу ее колдовства — лучинку — и отрубил ей голову».

Вот описание того, что произошло после смерти колдуньи:

«На земле в это время все расцвело, и островитяне пошли в поля и сады, всюду закипела жизнь».

Здесь чувствуется, с одной стороны, перенос представлений из русских сказок (лучинка, колдунья), с другой — влияние мифов древнего Востока.

В другом сочинении написано:

«Одиссей поплыл на всех парусах, как вдруг перед ним рифы, он повернул корабль, но рифы его окружили. Одиссей понял, что это голова колдуньи хочет ему отомстить. Вот он видит на самом высоком рифе голову колдуньи. Одиссей стал читать молитвы. Их услышал Зевс. Зевс собрал совет богов на горе Олимпе. Надо было решить, кто должен победить. Некоторые стояли за Одиссея, так как Одиссей был во всем прав, потому что он казнил колдунью и ее сына, разрушил замок колдуньи. Тогда Зевс взял жердь Одиссея и колдуньи и положил на весы. И что оказалось? Оказалось, что победил Одиссей».

Анализ сочинений показывает, какую творческую работу проделывают учащиеся, когда пишут сочинения. Они облачают свои представления, запас имеющихся знаний в образную форму, самостоятельно приходят к новым выводам и обобщениям.

Но развитие воображения предполагает прежде всего накопление известного запаса представлений, на основе которых могло

бы развиваться творчество учащихся. Поэтому преподавание истории должно быть так поставлено, чтобы оно давало богатейший конкретно-исторический материал для деятельности воображения. Применение наглядных пособий, увлекательный рассказ учителя, занимательные домашние задания (творческие сочинения, лепка, рисование) — все это должно вызывать интерес к предмету и возбуждать творческую деятельность.

Очень большое значение имеет также разработка методики сочинений. Необходимо разработать тематику сочинений, использование их в работе учителя, вопрос о помощи учителя учащимся, о целях и формах применения творческих сочинений.

Опыт работы показывает, что применение творческих сочинений возможно уже с 5-х классов. Но при выборе темы и в подготовительной работе над сочинением нужно учесть возраст и развитие учащихся. Творческие сочинения могут быть использованы: 1) для домашних заданий, 2) для повторения какого-нибудь раздела истории, 3) для внеклассной работы (кружки, выпуск исторических журналов). В младших классах творческие сочинения лучше всего использовать для домашних заданий и внеклассной работы. Намечая тематику для творческих сочинений, преподаватель может дать одну и ту же тему всему классу или несколько различных тем с учетом индивидуальных особенностей тех учащихся, которым они даются. Естественно, что темы, предлагаемые учащимся 5-х классов, будут более конкретны и касаться отдельных вопросов, а в 6-х классах их можно расширить и углубить, то есть дать более обобщающие вопросы.

Приведем примерные темы для творческих сочинений в 5-х классах:

Египет

1. Нил во время разливов.
2. Строительство пирамид.
3. Писец в канцелярии.
4. Описание египетского храма.

Греция

1. Победитель олимпийских состязаний.
2. Жизнь спартанского мальчика.
3. Легенда о Ликурге.
4. Восстание илотов.
5. Рынок рабов в Афинах.
6. В рудниках Лавриона.
7. Описание Акрополя.

После того как тема сочинения установлена, учитель помогает учащимся в начальном этапе работы: дает соответствующие установки, указывает литературу, обсуждает с учениками план работы.

Лучшие сочинения оформляются затем в виде альбомов по отдельным темам, с рисунками самих авторов, или в виде специальных выпусков исторических журналов. В таком журнале интересно завести «Отдел критики», где нужно помещать критические замечания и дополнения к напечатанным творческим сочинениям.

Наиболее интересные сочинения полезно читать перед учащимися не только того класса, где учится автор, но и в других классах. Это вызывает большой интерес и стимулирует такого вида работы.

Какие требования может предъявить сам учитель к этим сочинениям? Несомненно, он должен обращать внимание как на содержание, так и на форму изложения, приучая учащихся к правильному отражению исторической действительности и к культуре письменной речи. В творческих сочинениях учащихся замечается часто перенос современных нам представлений в далекую древность, т. е. модернизация прошлого. Так, они пишут: «пароход шел по реке Алфей», «мать плакала, уткнувшись в передник», «одного мальчика послали к помещику и велели украсть яису» и т. д.

На все подобные неточности и искажения необходимо указывать детям, систематически работая над созданием у них правильной исторической перспективы.

Фантазия наших учащихся должна развиваться на базе точных знаний.

Великий пролетарский писатель Максим Горький писал: «Дети должны учиться не только считать, измерять, но и воображать и предвидеть».

Не надобно забывать, что безоружная фантазия древних людей предвидела возможность для человека летать в воздухе, жить под водой, безгранично усиливать движение на земле, превращать материю и т. п. В наши дни фантазия и воображение могут опираться на реальные данные научного опыта и этим безгранично усилить творческую мощь разума. Мы видим среди изобретателей наших — людей, которые, слабо зная механику, создают правильные идеи новых станков, машин, аппаратов. Мы должны призвать науку в помощь фантазии детей, должны научить детей думать о будущем»¹.

Вот почему преподаватели должны помнить, что в деле развития творческого воображения, творческие сочинения по истории имеют очень большое значение.

¹ М. Горький «О литературе», стр. 194—195. «Советский писатель». М. 1937

Рисунки на доске на уроках истории

Практика показала, что мел и доска приносят большую пользу на уроках истории. Когда учитель приближается с мелом в руках к доске, это уже привлекает внимание учащихся всего класса. «Что появится из-под руки учителя?» — с интересом ожидают дети.

И вот на доске возникают планы сражений, схемы зданий, образцы письменности древних народов.

Рисунки мелом ценны еще и потому, что с их помощью некоторые исторические события можно показать не в застывшем виде, а в движении, в процессе их возникновения и развития. Например по курсу истории древней, средней, новой и истории народов СССР мы изучаем величайшие сражения, имевшие огромное значение для своего времени: битву на Куликовом поле, Бородино, Саламинский бой, бой Ганнибала с римлянами под Каннами, разгром Деникина по плану товарища Сталина, разгром Юденича и т. д.

Рассказывая о Куликовской битве, я рисую на доске план расположения русских полков и полков Мамай, показываю, где стоял головной полк Дмитрия, где находился засадный отряд Боброка и Серпуховского в лесу. Из плана учащиеся становятся ясно, что Дмитрий выбрал Куликово поле, окаймленное рекой и лесом, не случайно: условия местности не позволили татарам использовать их главное боевое средство — конницу.

Затем я описываю ход боя. Бой начался; полки пришли в движение, вошли в соприкосновение с врагами, и головной полк принял на себя первый страшный удар татар (тут я соответствующим образом рисую знаки и стрелки). Дрогнув левый фланг русских, ряды их начали отодвигаться вдоль реки. Татары, преждевременно ликуя, погнались за русскими и, не видя засадного отряда, обнажили правый фланг, и тут (вздых облегчения и радости прокатывается по классу) широкой стрелой я показал, как из лесу вырвалась засада Боброка. Татары бегут в панике. Враг разбит.

Дальше рисовать не надо: разыгравшееся воображение учащихся дорисовывает остальное. Они ясно представляют себе бы-

стро удирающего на коне жирного Мамай и бережно уносимого русскими воинами раненого князя Дмитрия Донского, который вместе с тысячами безыменных героев защищал родину-мать.

Этот план учащиеся в конце урока перерисовывают к себе в тетрадь, и можно с уверенностью сказать, что они прочно запомнят это крупнейшее историческое событие.

Рассказывая о Бородине, я рисую знаменитые семеновские флешы, у которых полегло много французских солдат.

На плане можно хорошо показать умелое использование Ганнибалом условий местности под Каннами; передвижения его конницы и пращников, когда он нанес страшное поражение римлянам.

Трафальгарский морской бой я иллюстрировал планом, с помощью которого показал основной замысел Нельсона — рассечение франко-испанского флота с левого фланга. Из плана видно было, на какой риск шел Нельсон, ставя свой флот под продольный огонь противника; но расчет Нельсона оказался верен.

При изучении буржуазной революции 1789 года во Франции и описании борьбы революционной Франции против контрреволюционной коалиции феодальных стран очень важно как можно наглядней проиллюстрировать слова Ленина о том, что «революционный народ... проявил... гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны»¹.

Феодальные армии применяли «линейную» тактику. На доске рисуется строй феодального войска — громоздкий и малоподвижный — и попутно объясняются причины его слабой маневренности, медлительности, ограниченности действия, и тут же показывается рожденный революцией новый строй — цепи стрелков с идущими позади колоннами.

Рисую план товарища Сталина по разгрому Деникина, я наглядно показал стра-

¹ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 334.

тегические преимущества этого плана: удар через промышленный рабочий Донбасс, наличие там транспорта, рассеяние армии Деникина пополам и т. д.

Практика показала, что учащиеся значительно лучше усваивают материал, когда учитель умело сочетает рассказ с использованием исторической настенной карты и с показом хода событий по плану.

Иногда возникает потребность в «живой», хотя бы схематической карте, которая могла бы изменяться соответственно событиям на глазах учащихся. У нас имеются исторические карты по векам, но нет такой карты, которая наглядно показала бы всю цепь событий. Поэтому, когда это нужно, я до урока рисую на доске схематическую карту и ладошку на нее лишь те названия, которые потребуются в начале урока, а потом по ходу рассказа последовательно заполняю схему новыми названиями и указаниями границ. Так я делал при изучении второй Пунической войны, крестовых походов, нидерландской революции, обороны Царицына и т. д. При этом я использовал и настенную карту. При закреплении урока учащиеся с большой охотой выходят к доске и вновь заполняют эти карты.

Мел и доска используются с успехом и в других случаях.

Известно, например, что учащиеся быстрее всего забывают имена исторических

деятелей, историческую терминологию. Часто бывает так: ученик довольно связно излагает урок, а как дело доходит до названия или имени, он смущенно умолкает или называет это имя в очень искаженном виде. Поэтому каждое непонятное слово я выписываю на доске, фиксирую на нем внимание класса, показываю его правильное написание, произношение и вскрываю смысловое значение, чем одновременно воздействую на зрительный, слуховой и моторный виды памяти.

Очень большой интерес вызывают зарисовки схемы устройства египетской пирамиды (в разрезе). Учащиеся совершают увлекательное путешествие: шагают по плану вход в пирамиду, спускаются по длинному коридору, обходят опасные колодцы и, наконец, открывают саркофаг... Такое путешествие увлекает учащихся, у них возникает масса вопросов, интенсивно работает мысль, ибо они наглядно представляют себе этот неведомый мир.

При прохождении соответствующих тем даются схематические рисунки орудий труда, оружия, зарисовки кораблей (Фемистокла и персов), египетские идеограммы, образцы клинописи и т. д.

Государственное устройство разных стран иллюстрируется простыми и понятными схемами. Например по конституции 1795 года государственное устройство Франции изображается так:

Исполнительная власть

Директория
из 5 директоров.

Законодательная власть

Верхняя палата
(Совет старейшин)
Нижняя палата
(Совет 500)

Функции

Утверждает законы
Выдвигает и обсуждает законопроекты

Торговые взаимоотношения можно отобразить простым графиком. Возьмем, к примеру, Ганзу. Рисуются стрелки, идущие с запада на восток и с востока и севера на запад, а на стрелках надписываются названия товаров.

Север — сельдь, треска,
Восток — хлеб, воск, мед, тожки, лес, лен и т. д.

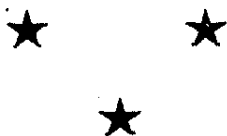
Запад — вино, металлические изделия, сукно, оружие.

Тут же мы выясняем, что на запад шло сырье, а на восток — промышленные товары.

В старших классах иногда рисуются несложные диаграммы, выписываются сравнительные таблицы.

Рисунки на доске в сочетании с прочими наглядными пособиями и с хорошо построенным рассказом — очень ценное пособие, хотя, конечно, и не главное.

Необходимо, однако, помнить, что, рисуя планы сражений, схемы карт, надо избегать излишних подробностей и передавать только основное. Рисунки должны быть простыми, легкими и понятными.

Г. Глезерман

Значение производительных сил в развитии общества

В 40-х годах прошлого века Маркс и Энгельс впервые сформулировали основные положения материалистического понимания истории. Они распространили положения диалектического материализма на изучение истории общества, создав теорию исторического материализма — величайшее завоевание человеческой мысли.

Прежние историки, излагая события, обычно обращали внимание лишь на идейные мотивы людских поступков, на изменение политических учреждений, законодательства и т. п. И даже излагая историю политических учреждений, они нередко ограничивались внешним описанием действий «выдающихся лиц»: завоевателей, королей, полководцев и пр. При этом оставалось в тени главное содержание истории — развитие материального производства, борьба классов.

Не отрицая огромного значения идей, политических учреждений в жизни общества, исторический материализм показал, что история общества есть прежде всего история развития производства, следовательно, история самих трудящихся масс, осуществляющих производство материальных благ.

Тем самым исторический материализм дал ключ к пониманию истории как закономерного процесса развития общества.

неизменным условием существования общества, то способы, какими осуществляется производство, подвержены постоянному изменению. На протяжении человеческой истории неоднократно менялись способы производства материальных благ, и этим обуславливались коренные изменения всего уклада жизни общества, его классовой структуры, его политического строя, его идей.

В процессе производства люди вступают в определенные взаимоотношения как с окружающей их природой, так и друг с другом.

Добывая средства к жизни, люди воздействуют на природу, используют предметы и силы природы в своих целях. Воздействуя на природу, человек в отличие от животных пользуется не только своими естественными органами, но и искусственными органами — орудиями труда. Применяя дубинку или каменный топор, человек как бы усиливает, удлиняет свои естественные органы. «Таким путем, — говорит Маркс, — предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего»².

Маркс добавляет к этому, что хотя употребление и создание орудий труда и свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных, но в развитой форме они составляют характерную черту человеческого труда. В этом смысле Франклин определял человека как животное, делающее орудия. В каждом обществе орудия труда представляют собой материальный костяк всей системы общественного производства. Подобно тому как естествоиспытатель по останкам костей вымершего животного может восстановить весь его скелет, так и историк, обнаружив остатки доисторических орудий труда, может сказать, на ка-

1
Основой общественной жизни является, по Марксу и Энгельсу, Ленину и Сталину, производство материальных благ. Производство — основное условие материальной жизни общества, ибо без производства общество вообще не могло бы существовать. «Всякий ребенок знает, — заметил Маркс, — что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель»¹. Но если производство является

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 524.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 199.

кой ступени культуры, на каком уровне общественного развития, находились люди, пользовавшиеся этими орудиями.

Эта мысль Маркса полностью подтверждена позднейшими историческими исследованиями. Так например во многих местностях по Оке, Нижней и Верхней Волге историки нашли остатки огороженных тыном славянских жилищ — землянок с очагом, костяными орудиями, тиглями для плавки металла, орудиями мотыжного земледелия и пр. Сопоставив все эти находки, историки пришли к выводу, что обитатели этих жилищ занимались уже не только охотой и звероловством, но преимущественно земледелием и скотоводством, что в это время (значительно ранее VII—VIII веков) существовали еще остатки родового строя, но уже появилось первобытное рабство и т. д. При раскопке курганов на территории Приладожья (относящихся к X—XI векам) были найдены прекрасные железные наконечники стрел и копий, силки и капканы, железные топоры и пр. Характер этих орудий, распределение инвентаря по отдельным курганам и многие другие данные свидетельствуют о том, что в обществе Приладожья уже существовало классовое расслоение.

Характеризуя значение орудий труда, Маркс указывал: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда». Средства труда (под которыми Маркс понимает главным образом орудия производства) он рассматривает как «...показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹.

Но какую бы важную роль в общественном производстве ни играли орудия труда, сами по себе они не действуют. Их приводит в движение человек. Без живого человеческого труда самые совершенные орудия мертвы. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна, — говорит Маркс. — Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых»². Вот почему важнейшей производительной силой общества являются сами люди, участвующие в производстве материальных благ. Основоположники марксизма-ленинизма всегда возражали против сведения производительных сил к одной только технике, к орудиям труда. Маркс указывал, что «...наибольшую производительную

силу представляет сам революционный класс»³. «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»⁴, — подчеркивал Ленин.

Люди не только приводят в движение весь материальный аппарат общественного производства: они создают самые орудия труда, совершенствуют и улучшают их. При этом, развивая и совершенствуя орудия труда, люди сами оказываются вынужденными приспособиться к ним. Вслед за изменением орудий производства изменяются и производственная квалификация людей, их трудовые навыки.

«Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, — все эти элементы вместе составляют производительные силы общества»⁵, — говорит товарищ Сталин.

В числе других элементов производительных сил товарищ Сталин указывает также на производственный опыт и навыки людей к труду. До появления работы товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» не обращалось должного внимания на значение этого элемента производительных сил. Между тем опыт социалистического строительства в СССР, как и история труда во всем мире, показывает всю важность производственного опыта и навыков людей к труду. Когда в годы первой и второй пятилеток была создана новая техника в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, мы, как известно, столкнулись с трудностями ее освоения, с недостатком производственного опыта у наших кадров. Усовершенствование орудий производства, как одного из элементов производительных сил, потребовало от наших рабочих и новых навыков труда. В связи с этим и был выдвинут партией знаменитый лозунг освоения новой техники. «Можно иметь первоклассную технику, первоклассные заводы и фабрики, — говорил тогда товарищ Сталин, — но если нет людей, способных оседлать эту технику, техника так и останется у вас голой техникой. Чтобы новая техника могла дать свои результаты, надо иметь еще людей, кадры рабочих и работников, способные стать во главе техники и двигать ее вперед»⁶.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 415.

⁴ Ленин. Т. XXIV, стр. 298.

⁵ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 550. 11-е изд.

⁶ Там же, стр. 500.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 200.

² Там же, стр. 203.

Исходя из этого указания товарища Сталина, советское государство приняло ряд мер к созданию кадров рабочих, владеющих новой техникой. К этому направлен и Указ Верховного Совета СССР о создании государственных трудовых резервов.

Производительные силы выражают отношение людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ. Поэтому высотой развития производительных сил определяется степень власти человека над природой.

Так например в эпоху первобытно-общинного строя, когда производительные силы были развиты очень слабо, у человека был один источник энергии—его собственная мускульная сила. Но по мере роста производительных сил люди научились использовать для производства сначала силу домашних животных, затем силу ветра и воды, потом силу пара, электричества, энергию химических процессов. Немецкий физик О. Винер подсчитал, что для поддержания работы всех машин, находящихся в настоящее время на земле, потребовалась бы сила приблизительно вдесятеро большего числа людей чем все население земного шара¹. Да и этот расчет надо теперь считать значительно устаревшим.

Чем выше развиты производительные силы общества, тем больше овладевает человек стихийными силами природы, заставляя их служить своим целям.

Если производительные силы выражают отношение людей к окружающей их природе, то производственные отношения выражают связи, складывающиеся между самими людьми в процессе производства. Что бы производить, люди должны вступить в определенные взаимоотношения друг с другом. «...только через посредство этих общественных связей и отношений,—говорит Маркс,—существует их отношение к природе, имеет место производство»².

Производство одинокого, изолированного человека, стоящего вне общества, Маркс считал явной бессмыслицей. Он говорил, что это редкий случай, который может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность. Но было бы нелепо изображать развитие общества как результат объединения подобных одиноких Робинзонов. Человек развился и выделился из мира животных лишь в обществе, в общении с себе подобными. Вне общества он вообще не мог существовать, так как неизбежно оказался бы жертвой го-

лодной смерти или хищных животных. Поэтому и производство средств существования с самого начала являлось общественным производством.

В зависимости от уровня развития общества характер производственных отношений может быть различен. В одних условиях между людьми устанавливаются отношения господства и подчинения, отношения эксплуатации (как например в обществе капиталистическом), в других условиях—отношения сотрудничества и взаимной помощи (как например в обществе социалистическом).

Чтобы судить о характере производственных отношений, нужно знать, кому принадлежат средства производства, в чьем распоряжении они находятся:

«Если состояние производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые для них материальные блага, то состояние производственных отношений отвечает уже на другой вопрос: в чьем владении находятся средства производства (земля, леса, воды, недра, сырые материалы, орудия производства, производственные здания, средства сообщения и связи и т. п.), в чьем распоряжении находятся средства производства, в распоряжении всего общества, или в распоряжении отдельных лиц, групп, классов, использующих их для эксплуатации других лиц, групп, классов»³.

Но может возникнуть вопрос: почему производственные отношения—отношения между людьми—характеризуются прежде всего собственностью на средства производства? Ведь, казалось бы, собственность—отношение человека к вещи, которая ему принадлежит, а не к другому человеку.

Однако на самом деле собственность есть общественное отношение. «Изолированный индивид,—указывает Маркс,—так же мало мог бы иметь собственность на землю, как и говорить. Он мог бы, правда, поддерживать на ней свое существование, подобно животным»⁴, но он не был бы по отношению к ней собственником.

Собственность Маркс рассматривает как отношение между людьми, складывающееся в общественном производстве. В основе ее лежит то или иное распределение средств производства между членами общества. В собственности (например в собственности на земельный участок) всегда выражается отношение владельца средств труда к другим людям. Поэтому отношение собственности на средства производства яв-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 554.

² К. Маркс «Формы, предшествующие капиталистическому производству», стр. 17. Госполитиздат. 1940.

¹ См. О. Винер «Физика и развитие культуры», стр. 54. Гиз. 1924.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 429.

ляется только юридическим выражением производственных отношений.

«Каковы бы ни были общественные формы производства,— говорит Маркс,— рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться»¹. Это соединение работников со средствами производства осуществляется в разные эпохи различным образом, в зависимости от того, кому принадлежат средства производства: всему обществу или определенному классу, группе лиц и т. д. В соответствии с этим между людьми, участвующими в процессе производства, устанавливаются те или иные производственные отношения.

Производительные силы и производственные отношения, взятые в их неразрывном единстве, и образуют способ производства.

Если производительные силы характеризуют материальное содержание способа производства, то производственные отношения выражают его общественную форму.

2

Каким же образом происходят изменения в способе производства, смена одного способа производства другим?

На этот вопрос дан ответ в гениальной работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Характеризуя особенности производства, товарищ Сталин указывает, что «...его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства»². И далее товарищ Сталин поясняет, что сначала изменяются производительные силы, а затем, в зависимости от этих изменений и соответственно с ними, — производственные отношения. В связи с этим товарищ Сталин и говорит, что производительные силы являются наиболее подвижным и революционным элементом производства.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, рассмотрим условия перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу.

Как известно, в первобытном обществе основой производственных отношений была общественная, коллективная собственность на средства производства. Это в основном соответствовало состоянию производитель-

ных сил того времени. Примитивность первобытных орудий исключала возможность борьбы человека с природой в одиночку. Люди должны были добывать средства существования сообща, чтобы не погибнуть от голода и хищников. Когда же появились более совершенные орудия труда, то, прежде, коллективное производство начало разлагаться.

Так например первым орудием земледельческого труда была заостренная палка, служившая для разрыхления почвы. Затем появилась мотыга, простейшим образом которой была палка с заостренным суком. В ту эпоху обработка земли требовала огромной затраты труда и по необходимости должна была осуществляться коллективно. У дикарей на побережье Миклухи-Макая (Новая Гвинея) обработка пашни производилась следующим образом: несколько мужчин становились рядом, одновременно втыкали в землю длинные палки, заостренные на конце, и поднимали глыбы земли; за ними следовали женщины, которые разбивали эту землю маленькими лопаточками, а затем шли дети, крошившие землю руками.

Многие тысячелетия должны были пройти, пока от простейшей палки и мотыги люди не перешли к пользованию сохой. «Деревянную мотыгу начали делать тяжелее, и люди стали волочить ее по земле, пропахивая таким образом борозду. Затем орудия стали составлять из двух кусков, с рукояткой для пахаря и шестом, или дышлом, для людей, тащивших этот первобытный плуг. Потом сошник стали оковывать железным наконечником, и, наконец, в плуг вместо людей стали запрягать пару волов или лошадей»³. Применение сохи с железным лемехом сделало земледельческий труд гораздо более производительным. Теперь коллективная обработка земли уже не была необходимостью, появилась возможность обрабатывать большую площадь земли с меньшей затратой труда, силами отдельной семьи.

Появление новых, более совершенных орудий труда привело к разделению труда в первобытной общине. Если первоначально в ней существовало только возрастнополовое разделение труда (так, у многих племен мужчина занимался охотой и рыболовством, а женщина — домохозяйством), то в дальнейшем появилось общественное разделение труда, сначала между общинами, а затем и внутри общины. Вместе с тем начал развиваться и обмен, появилась частная собственность на средства производства.

¹ К. Маркс «Капитал». Т. II, стр. 33. Госполитиздат. 1938.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма». стр. 552.

³ Э. Тэйлор «Первобытная культура», стр. 114. Соцэкгиз. 1939.

Пока все члены общины, указывал Ленин, «...вырабатывали сообща все необходимые для них продукты,—невозможна была и частная собственность. Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности»¹.

Таким образом, с развитием производительных сил происходил переворот в условиях производства. На развалинах первобытно-общинного строя начало складываться общество, разделенное на классы. Этот общественный переворот совершился в связи с изменением производительных сил и прежде всего в связи с переходом от каменных орудий к более совершенным железным орудиям.

И в позднейшие эпохи изменение производства начиналось всегда с изменения и развития производительных сил, с усовершенствования орудий производства. Об этом, например, с полной убедительностью свидетельствует история промышленного переворота в Англии, совершившегося во второй половине XVIII века.

Исходным пунктом промышленного переворота было усовершенствование орудий труда, появление машины. В 1764 году английский ткач Джеймс Харгривс изобрел механическую прялку, названную им «Дженни». Эта прялка приводилась в движение рукой, но вместо одного веретена имела 16—18 веретен. Благодаря изобретению «Дженни» изготовление пряжи ускорилось, а ткани удешевились. Понадобилось больше ткачей, заработная плата их выросла. Вследствие этого ткачи, которые раньше, кроме ремесла, обычно занимались земледелием, стали забрасывать землю. Постепенно ткачи-земледельцы лишались своей собственности и становились пролетариями, жившими только своей заработной платой. Раньше прядением и ткачеством занималась обычно одна и та же семья; теперь ткачество отделилось от прядения.

В течение нескольких лет «Дженни» получила широкое распространение, и число этих прялок в Англии вскоре превысило 20 тысяч. Но «Дженни» имела серьезный недостаток: она приготавливала непрочную нитку. Этот недостаток был устранен изобретением ватер-машины, введенной в 1767 году Ричардом Аркрайтом. В отличие от «Дженни» ватер-машина приводилась в движение не мускульной силой, а силой воды. Вследствие своих больших размеров и дороговизны она была уже недоступна отдельному ремесленнику, ее мог применять

только крупный предприниматель-капиталист. Распространение ватер-машины повлекло за собой разорение мелких ремесленников, на смену которым появилась капиталистическая фабрика.

Усовершенствования в прядильном деле вызвали усиленный спрос на ткачей. Ткачи, работавшие вручную, не поспевали за новыми прядильными машинами. Возникла потребность в усовершенствовании ткацкого производства. И такое усовершенствование было сделано Картрайтом, изобретшим около 1804 года механический ткацкий станок.

«Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает такой же переворот в других сферах»², — говорит Маркс. Вслед за хлопчатобумажной промышленностью машинное производство проникло в белильную, ситцепечатную, красильную и другие отрасли промышленности.

Появление крупных фабрик вызвало необходимость и в новом источнике двигательной силы. Вначале машины приводились в движение главным образом силой воды, и фабрики строились преимущественно по берегам рек. Но этим пользовались землевладельцы, чтобы поднимать цены на прибрежные участки земли. Поэтому предприниматели были крайне заинтересованы в создании такого двигателя, который позволил бы строить фабрики там, где это удобнее. Таким универсальным двигателем явилась паровая машина, изобретенная в 1784 году Джеймсом Уаттом. Этот двигатель дал возможность, по словам Маркса, концентрировать производство в городах, вместо того чтобы рассеивать его в деревне.

Применение паровой машины, производство прядильных машин и ткацких станков породили большой спрос на металл, что способствовало развитию металлургии и добыче каменного угля. И в металлургической промышленности были сделаны во второй половине XVIII века важные изобретения, изменившие условия производства.

«...революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта»³, — указывает Маркс. Началось усиленное строительство каналов, шоссейных дорог, а в начале XIX века появились первые пароходы и железные дороги.

Все это повлекло за собой изменения и в распределении населения. Быстро росли города, появились такие гигантские фабричные центры, как Ливерпуль, Манчестер, Глазго и другие. В 1786 году над город-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 422.

³ Там же.

¹ Ленин. Т. I, стр. 72.

скими домами Манчестера возвышалась только одна фабричная труба — прядильни Аркрайта; спустя пятнадцать лет в городе было уже около 50 прядилен, большинство которых имело паровые машины¹. Население Манчестера за короткий срок утроилось.

За какие-нибудь 60 или 80 лет Англия из страны с небольшими городами, незначительной промышленностью и с редким, преимущественно замедельческим населением превратилась в передовую промышленную страну, снабжавшую своими изделиями весь мир.

Но самым важным результатом промышленной революции было появление новых общественных классов — промышленной буржуазии и пролетариата. Крупное машинное производство окончательно подорвало устои ремесла, вытеснило массу мелких производителей и разделило все население на два противоположных лагеря — рабочих и капиталистов. Вот почему Энгельс писал: «История рабочего класса в Англии начинается во второй половине XVIII столетия с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка. Эти изобретения дали, как известно, толчок промышленной революции, — революции, которая произвела полный переворот в буржуазном обществе»².

И в других странах переход от мануфактурного производства к фабричному означал собой полный технический переворот, за которым неизбежно следовала решительная ломка старых общественных отношений производства. Как совершался этот переворот в России, показал Ленин в своей замечательной работе «Развитие капитализма в России».

Исходя из положений, сформулированных Марксом в «Капитале», Ленин всесторонне изучил русскую действительность и установил, что развитие капитализма в русской промышленности прошло три стадии: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия). Две первых стадии в развитии капиталистической промышленности еще не преобразуют коренным образом уклада техники, унаследованного от прошлых времен. Первоначально капитал «подчиняет себе производство таким, каким он его находит, и лишь впоследствии преобразует его технически»³. Мелкое товарное производство характеризуется крайне примитивной, руч-

ной техникой; мануфактура вводит разделение труда, означающее существенное преобразование техники, но базисом мануфактуры еще остается ручное производство. Напротив, крупная машинная индустрия производит коренной переворот в технике производства, замещая ручное производство системой машин. С победой крупного машинного производства капитализм создает себе соответствующий технический базис, на основе которого только и могут получить полное развитие капиталистические отношения.

В России промышленный переворот происходил значительно позже чем в передовых странах Западной Европы. Крепостнические отношения, господствовавшие в хозяйстве России, стесняли развитие промышленности. Многие технические усовершенствования и изобретения, сделанные русскими людьми, не находили себе применения в производстве. Еще в 1763 году, за двадцать лет до Уатта, русский изобретатель-самоучка Ползунов построил паровую машину. Но машина Ползунова была заброшена. Такая же судьба постигла многие другие изобретения, в том числе первый русский паровоз, сконструированный в 1833 году Черепановым в Нижнем Тагиле.

Но несмотря на все преграды экономическое развитие России шло вперед. Раньше всего, уже с 30—40-х годов XIX века, машинная техника начала применяться в текстильной промышленности, причем оборудование для текстильных фабрик ввозилось главным образом из Англии. Переход к машинной технике потребовал изменения и общественной формы труда. Начало отходить в прошлое то самобытное, по выражению Ленина, явление в русской истории, которое состояло в применении крепостного труда в промышленности. К 40-м годам хлопчатобумажная промышленность уже полностью основывалась на вольнонаемном труде⁴. Несколько позднее чем в текстильной промышленности совершился технический переворот в другом деле, металлургии и других отраслях тяжелой промышленности. В пореформенную эпоху «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»⁵. Вместе с тем появление в России крупной фабричной индустрии произвело переворот во всех общественных отношениях производства. Оно подорвало старые, патриархальные устои русской жизни, которые так прославляли народники,

¹ См. П. Манту «Промышленная революция XVIII столетия в Англии», стр. 305. Соцэкгиз. 1937.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 301.

³ Ленин. Т. I, стр. 306.

⁴ См. П. Лященко «История народного хозяйства СССР», стр. 284. Соцэкгиз. 1939.

⁵ Ленин. Т. III, стр. 466.

окончательно отделило промышленность от земледелия, создало современный пролетариат и довело до крайности противоречия между классами.

Таким образом, изменение производительных сил, начинающееся с изменения орудий производства, приводит в конечном счете к коренному преобразованию производственных отношений.

Производительные силы являются наиболее революционным элементом производства, потому что в них лежит в конечном счете первоисточник всех общественных переворотов. Именно поэтому Маркс и Энгельс так внимательно следили за техническим развитием, так тщательно знакомились с крупнейшими научными открытиями своего времени, стремясь всегда оценить их общественные последствия. Известно, например, с каким интересом относился Маркс к опытам Деппе, впервые осуществившего передачу электрической энергии на расстояние. Маркс гениально предвидел величайшее революционизирующее влияние, которое окажет на развитие общества промышленное использование электроэнергии. В. Либкнехт рассказывает в своих воспоминаниях, что, беседуя с ним в 1850 году, «Маркс стал издеваться над победоносной реакцией в Европе, воображающей, что она сумела задушить революцию, и не подозревающей, что естественное развитие подготовляет новую революцию. Царствование его величества пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, кончилось; на его место станет неизмеримо более революционная сила — электрическая искра...»¹. В одной из своих речей Маркс выразил эту мысль в шутливой форме, заявив, что «пар, электричество и автоматические станки были несравненно более опасными революционерами, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки»².

Производительные силы — это не только наиболее подвижной и революционный, но и определяющий элемент производства. В зависимости от состояния производительных сил складываются и производственные отношения между людьми.

«Каковы производительные силы, — таковыми должны быть и производственные отношения»³, — указывает товарищ Сталин.

Было бы, однако, неправильно представлять себе, что изменение производительных сил сразу и автоматически влечет за собой изменение производственных отношений. Нет, преобразование производственных

отношений — это очень сложный процесс, который совершается в жестокой борьбе. В классовом обществе носителем производственных отношений является господствующий класс, который всеми силами старается закрепить их, чтобы удержать экономическую основу своего господства. Поэтому ломка отживших порядков и утверждение новых порядков в области производственных отношений всегда происходит революционным путем, путем насильственных действий новых классов.

3

Мы видели, что производительные силы являются наиболее подвижным элементом производства. Но чем же объясняется развитие самих производительных сил?

В буржуазной литературе можно найти самые разнообразные ответы на вопрос об основной причине развития общества. Одни из буржуазных социологов утверждают, что развитие общества вообще и, в частности, общественного производства, объясняется влиянием географической среды. Другие заявляют, что побудительной причиной общественного развития является рост народонаселения, который заставляет людей искать новых источников пропитания. Третьи усматривают причину развития производства в росте научных знаний, в увеличении потребностей и т. д.

Однако все эти объяснения не выдерживают критики. В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин блестяще показал, что географическая среда, так же как и рост народонаселения, хотя и оказывает влияние на развитие общества, но не является определяющей причиной общественного развития.

Столь же несостоятельны и попытки объяснить развитие производства ростом научных знаний. Сторонники этой точки зрения обычно заявляют: всякое крупное изобретение вызывает переворот в условиях производства, но само является результатом творчества гениальных ученых. Стало быть, заключают они, в основе роста производства лежит развитие изобретательского гения.

Развитие науки, технических знаний, конечно, оказывает сильное влияние на рост производительных сил, но отнюдь не является его первопричиной. Наоборот, самое развитие науки определяется в конечном счете потребностями производства, экономического развития общества. «Если, как вы утверждаете, — писал Энгельс Г. Штаркенбургу, — техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то обратно — наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей тех-

¹ Карл Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 106. 1940.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 5.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 553.

ники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы науки «свалились с неба»¹.

В развитии научных знаний и появлении изобретений есть своя логика. Случаен ли, например, тот факт, что именно в XVIII веке были сделаны великие изобретения—пряделных и ткацких машин, а затем паровой машины, — вызвавшие промышленный переворот?

Нет, этот факт не является случайным. Если техническая идея появляется раньше, чем возникла реальная общественная потребность в ней, то эта идея останется неосуществленной. Еще в древности Герон Александрийский (около 120 года до нашей эры) изобрел машину, которая приводилась во вращательное движение выходящим из нее паром. Но тогда не было еще необходимости в таком источнике движущей силы, не было технической возможности построить паровую машину, и героновое колесо осталось простой игрушкой. Почти две тысячи лет спустя, в конце XVII века, Денис Папин, профессор математики в Магдебурге, пытался создать пригодную для промышленных целей паровую машину. Основную идею этой машины — применение цилиндра и поршня — подсказал ему Лейбниц. Папин построил паровую лодку и совершил на ней путешествие вниз по Фульде. Но в Миндене власти запретили ему дальнейший путь, а рыбаки разбили его лодку. После этого над созданием паровой машины трудились англичане — Севери и Ньюкомен. Созданная ими паровая, или, как ее тогда называли, «огневая» машина, широко применялась в качестве насоса в конях и рудниках, на шлюзах и т. д. Но «...паровая машина в том виде, как она была изобретена в конце XVII века, в мануфактурный период, и просуществовала до начала 80-х годов XVIII века, не вызвала никакой промышленной революции»². Только тогда, когда появилась фабричная промышленность, потребовавшая универсального двигателя, паровая машина была усовершенствована Уаттом. И лишь тогда ее при-

менение произвело огромные изменения в производстве и во всей общественной жизни.

Таким образом, изобретение Уатта не было случайностью и не может быть объяснено только его творческим гением. Если бы в силу каких-либо причин жизнь Уатта преждевременно оборвалась, паровая машина, раньше или позже, все-таки была бы создана. Как и многие другие великие изобретения, она была результатом труда не одного гениального ума, а многих людей, и притом в разных странах. А это доказывает, что развитие науки подчинено общей исторической закономерности, что объяснять развитие производительных сил появлением отдельных гениальных изобретений, прогрессом научных знаний вторично неправильно.

Коренная методологическая ошибка всех упомянутых выше антимарксистских теорий состоит в том, что они ищут причины общественного развития вне сферы производства, в каких-либо внешних по отношению к нему условиях.

Между тем производительные силы изменяются и развиваются в самом ходе общественного производства. Люди постоянно вынуждены добывать себе средства к существованию, воздействуя на окружающую природу. А действуя на внешнюю природу и изменяя ее, люди, как указывает Маркс, в то же время изменяют свою собственную природу. Они развивают свои способности, в том числе и способность к усовершенствованию орудий труда. Таким образом, в самом процессе материального производства заложена побудительная причина к дальнейшему развитию производительных сил.

Из этого и исходит товарищ Сталин, когда он указывает, что одна из важнейших особенностей производства состоит в том, что «оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития»³.

Производство всегда изменяется, но темпы его развития могут быть различными.

На протяжении многих тысячелетий развитие производительных сил совершалось крайне медленно. Так например десятки тысяч лет должны были пройти раньше, чем люди смогли перейти от пользования грубыми каменными орудиями к применению шлифованных орудий. Несколько быстрее развивались производительные силы в течение так называемой писанной истории человечества, охватывающей примерно последние пять тысяч лет. Но и на протяжении большей части этого отрезка истории — в странах древнего Востока, в античном мире, в эпоху феодального сред-

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 551.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 406—407. Соцэкгиз, 1931.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 412—413

невековья в Европе — производительные силы развивались, если судить по современным масштабам, сравнительно медленно. Только с наступлением капитализма началось то необычайно быстрое развитие производства, которое наблюдается в течение последних веков. Маркс и Энгельс указывали в «Манифесте коммунистической партии» (1848 год), что буржуазия менее чем за сто лет своего господства создала более производительные силы чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Еще более быстрое развитие производительных сил несет с собой эпоха социализма, как об этом можно судить на примере Советского Союза.

Таким образом, чем дальше идет история, тем более ускоряется — и притом в возрастающей степени — развитие производительных сил.

Каждая новая ступень в развитии производительных сил, вызывая изменение производственных отношений, создает и новые стимулы, новые побудительные мотивы к дальнейшему развитию производства. Так например, оценивая результаты промышленного переворота в Англии, Энгельс писал: «Это революционизирование английской промышленности есть базис всех современных английских отношений, движущая сила всего социального движения. Его первым следствием было... установление господства интереса над человеком. Интерес овладел новосозданными промышленными силами и использовал их для своих целей; эти принадлежащие по праву человечеству силы стали, под воздействием частной собственности, монополией немногих богатых капиталистов и средством порабощения массы. Торговля вобрала в себя промышленность и стала благодаря этому всемогущей, стала связующим началом человечества; все личные и национальные сообщения превратились в торговые сделки или, иными словами, собственность, вещь, стала властителем мира»¹.

Совершенно иные стимулы к развитию производительных сил создает социалистический строй. Он устраняет господство вещи над человеком, уничтожает капиталистическую конкуренцию, ненасытную жажду к извлечению прибыли, представляющую основной двигатель капиталистического хозяйства. Побудительной силой, стимулом к развитию производства при социализме является, «прежде всего, то обстоятельство, что фабрики и заводы принадлежат у нас всему народу, а не капиталистам, что фабриками и заводами управляют не ставленники капиталистов, а

представители рабочего класса»². Это создает у нас новое отношение работников к своему труду, к своему предприятию. Далее, стимулом к развитию социалистического производства является «то обстоятельство, что доходы от промышленности идут у нас не на обогащение отдельных лиц, а на дальнейшее расширение промышленности... на улучшение материального положения трудящихся масс»³.

Как видно из этого примера, стимулы к развитию производительных сил определяются характером производственных отношений.

Поэтому, чтобы понять законы, которым подчиняется развитие производительных сил, необходимо ознакомиться с тем, какое влияние оказывает на это развитие другая сторона способа производства — производственные отношения.

4

Производственные отношения складываются на основе развития производительных сил. Но это отнюдь не означает, что производственные отношения являются пассивным следствием производительных сил. Нет, развиваясь в зависимости от роста производительных сил, производственные отношения в свою очередь оказывают на него серьезнейшее воздействие.

Влияние производственных отношений на рост производительных сил может быть различным: они могут либо замедлять, либо ускорять его.

«Поскольку процесс труда, — говорит Маркс, — есть только процесс между человеком и природой, его простые элементы общи всем формам общественного развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее его материальные основы и его общественные формы. Достигнув известной степени зрелости, данная историческая форма овладевает и уступает место более высокой. Момент наступления такого кризиса обнаруживается в том, что приобретают особенную широту и глубину противоречия и противоположность между распределительными отношениями, — а следовательно, и исторически определенной формой соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой»⁴.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 185. 10-е изд.

³ Там же.

⁴ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 779. Госполитиздат. 1938.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 364.

Примером такого конфликта являются экономические кризисы в капиталистических странах, где частная собственность на средства производства находится в резком противоречии с общественным характером процесса производства.

Несоответствие капиталистических производственных отношений характеру производительных сил, конфликт между ними, замедляет развитие производительных сил. Подсчитано, что за время одного лишь экономического кризиса, с 1929 по 1935 год, в капиталистических странах выплавлено чугуна меньше на 250 миллионов тонн и стали — меньше на 276 миллионов тонн по сравнению с тем, что могло бы быть выплавлено, если бы производство сохранилось на уровне 1929 года. Это значит, что общество потеряло такое количество металла, которого было бы достаточно для постройки 800 тысяч километров железных дорог, то есть более половины всей современной железнодорожной сети земного шара. Еще более разрушительно отзываются капиталистические кризисы на важнейшей производительной силе общества — рабочем. Миллионы рабочих оказываются выброшенными из производственного процесса, подвергаются ужасам безработицы, частично вымирают, теряют квалификацию и т. д.

Капиталистические отношения собственности, которые раньше способствовали развитию производительных сил, теперь тормозят его, стесняют технический прогресс. Наряду с быстрым прогрессом техники все явственнее выступает тенденция к застою и загниванию.

Совершенно иное влияние на развитие производительных сил оказывают производственные отношения в том случае, когда они соответствуют характеру производительных сил. В этом случае они способствуют развитию производительных сил, ускоряют его.

В Советском Союзе производственные отношения полностью соответствуют состоянию производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется здесь общественной собственностью на средства производства. Благодаря этому в социалистическом обществе открыт безграничный простор развитию производительных сил.

Уничтожение частной собственности на средства производства открывает возможность единого, планового руководства всем народным хозяйством. Хозяйство страны становится одним целым, а это дает неопределимые преимущества, позволяя наиболее целесообразно размещать производительные силы, осуществлять правильное экономическое районирование и т. д.

Отсутствие кризисов, безработицы, нищеты масс, эксплуатации человека человеком ведет к ускоренным темпам развития производительных сил. Среднегодовой темп роста промышленной продукции СССР за 1929—1937 годы составил 20,1%. Даже в лучшую пору своего существования капитализм не знал таких темпов роста промышленности. Самый большой прирост промышленной продукции, какой бывал в США, составляет 5—7%.

При социализме в отличие от всех предшествующих формаций нет и не может быть конфликта между материальным содержанием процесса производства и его общественной формой. Правда, соответствие между производительными силами и производственными отношениями существовало и в прежних общественно-экономических формациях, и без этого соответствия производство вообще не могло бы развиваться. Но соответствие это было там временным, относительным. При социализме же устанавливается полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил. В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин впервые в марксистской литературе открыл эту особенность социалистического способа производства, показал характерную для него форму связи между производственными отношениями и производительными силами.

Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала главные устойчивые капиталистического общества, уничтожила частную собственность на землю, фабрики, заводы, банки и пр., положила начало планоному ведению народного хозяйства. Тем самым было ликвидировано то противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, которое характерно для капитализма.

Но социалистическая революция победила в стране, техника которой была крайне отсталой. Перед советской властью поэтому с самого начала встала задача — «перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства»¹. Эта задача, однако, не могла решаться одинаковыми путями в промышленности и сельском хозяйстве. Хозяйство нашей страны в первой фазе развития советского общества еще отличалось многоукладностью. Наряду с социалистическим укладом хозяйства, опиравшимся на крупную национализированную промышленность, существовало мелкое товарное производство, охватывавшее большинство крестьянских хозяйств и

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 46.

стихийно порождавшие капиталистические элементы.

В промышленности, где господствовали социалистические производственные отношения, техническая реконструкция имела уже в основном готовую социально-экономическую базу. Иначе обстояло дело в сельском хозяйстве.

Уже к 1927—1928 году обнаружилось, что отсталость мелкокрестьянского хозяйства ставит преграды дальнейшему развитию производительных сил нашего народного хозяйства. Чтобы обеспечить беспрепятственное развитие производительных сил, чтобы добиться победы социализма, нужно было подтянуть деревню к городу, перевести крестьянское хозяйство на социалистический путь. Но изменение производственных отношений в деревне требовало соответствующей материальной базы. И партия настойчиво создавала эту базу. Она развивала социалистическую промышленность, способную снабдить деревню машинами и тракторами, накаплила средства для финансирования строительства совхозов и колхозов, организовывала машинно-тракторные станции. На протяжении ряда лет в деревне создавались новые производительные силы: появились новые орудия производства — тракторы, комбайны и т. д., — готовились кадры социалистического земледелия. Этим и был подготовлен коренной перелом в развитии советской деревни, начавшийся летом 1929 года и приведший к победе коллективного хозяйства. «Новые производительные силы, созданные в деревне, неизбежно привели к новым, социалистическим отношениям между людьми»². Это изменение производственных отношений в деревне соверши-

² «Иосиф Виссарионович Сталин». Краткая биография, стр. 61. Госполитиздат. 1939.

лось в порядке революционного переворота, осуществленного всей мощью социалистического государства и поддержанного массовой борьбой крестьян против кулачества.

С изменением производственных отношений начали по-новому развиваться и производительные силы советской деревни. В 1926—1929 годах, когда в нашей деревне преобладало мелкое, единоличное крестьянское хозяйство, среднегодовой прирост валовой продукции сельского хозяйства составлял всего 0,9%. Это объяснялось тем, что мелкокрестьянское хозяйство не было способно к расширенному воспроизводству, оно даже не всегда имело возможность осуществлять простое воспроизводство. С победой колхозного строя, с переходом к крупному, коллективному хозяйству в деревне были устранены все преграды, стеснявшие развитие производительных сил. Наше сельское хозяйство получило все возможности для того, чтобы развиваться по принципу расширенного воспроизводства. В 1932—1937 годах среднегодовой прирост валовой продукции сельского хозяйства достиг уже 8,6%.

Завершив реконструкцию промышленности и сельского хозяйства, партия и советская власть обеспечили победу социализма в СССР. Таким образом было создано то полное соответствие производственных отношений состоянию производительных сил, которое является отличительной чертой социалистического строя, где общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства.

На этой материальной основе социализма и развернулись такие могучие идейные движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм.

ЛИТЕРАТУРА. К. МАРКС «Капитал». Т. I. Гл. V, § I. Партиздат. 1937; К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Соч. Т. XXV, стр. 21—31. Письмо к П. В. Анненкову; К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Соч. Т. V, стр. 364, 379—392, 409—416. «Нищета философии»; Ф. ЭНГЕЛЬС «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Госполитиздат. 1939; Ф. ЭНГЕЛЬС «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Гл. IX. Партиздат. 1937; ЛЕНИН. Т. I, стр. 55—66. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»; ЛЕНИН. Т. III. «Развитие капитализма в России». Гл. VI, VII; ЛЕНИН. Т. XIX. «Империализм, как высшая стадия капитализма». Гл. I, VII, VIII; И. СТАЛИН «Вопросы ленинизма», стр. 493—506. 11-е изд.; Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев; там же, стр. 535—563; «О диалектическом и историческом материализме»; Г. ПЛЕХАНОВ «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Гл. V. Госполитиздат. 1938.

Учебник новой истории для 8-х классов средней школы*

Учебник новой истории для 8-х классов средней школы охватывает период 1789—1870 годов — «период», — как его охарактеризовали товарищи Сталин, Киров и Жданов, — победы и утверждения капитализма в передовых странах¹.

Трудная и сложная задача составления этого учебника, как и других учебников истории для средней школы, была облегчена тем огромным вниманием, которое партия и правительство уделяли и уделяют этому делу, а также большим участием в нем наших научных учреждений и педагогической общественности.

Многое сделали Институт истории и отделение истории и философии Академии наук СССР, поручив рецензирование учебника наиболее квалифицированным историкам. Ценные замечания по всему учебнику и по его разделам дали академик Е. В. Тарле, профессор Р. А. Авербух, А. И. Молок, Ф. А. Хейфец, С. Б. Кап, Арк. А.—н, А. М. Васютинский, Е. М. Жуков, И. М. Рейснер, Г. С. Кара-Мурза, член-корреспондент Академии наук СССР Х. С. Коптяян, научные сотрудники С. И. Лившиц, О. А. Старосельская и др.

Большое значение имело содействие кабинета истории Государственного научно-исследовательского института школ (руководитель — доцент А. В. Фохт). Много ценных замечаний дали старший научный сотрудник Института школ В. А. Орлов и научный корреспондент А. П. Аверьянов. В рецензировании и обсуждении учебника участвовали М. А. Зиновьев и И. Е. Мерзон. Огромную помощь оказали автору лучшие учителя и методисты Москвы и Ленинграда, особенно А. Н. Хмелев, ценные замечания дали также Е. А. Костюкевич и М. В. Паташова в Москве, В. Н. Бернадский и Н. В. Андриевская в Ленинграде. Большая работа по подготовке учебника к печати была проделана Учпедгизом, в особенности редактором издательства Л. З. Поляковой и сотрудником редакции Б. М. Граевской.

* Проф. А. В. Ефимов «Новая история. 1789—1870». Учебник для 8-х классов средней школы. Учпедгиз. М. 1940. 239 стр. 550 000 экз., 4 р. 15 к.

¹ «К изучению истории», стр. 26. Госполитиздат. 1938.

Наконец, следует особенно подчеркнуть, что большое внимание учебнику уделил Наркомпрос, оперативно и по существу руководивший подготовкой его к изданию.

Задачей составителя учебника являлось раскрыть содержание периода победы и утверждения капитализма в передовых странах — этого, столь богатого событиями периода истории человечества. В основу принципиальных установок учебника положены работы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Использованы в пределах необходимого источники и множество общих работ и специальных монографий.

Период 1789—1870 годов характеризуется бурным внедрением машинного способа производства сначала в Англии, а затем, с 40-х годов XIX века, во Франции, Пруссии и других странах. Механические станки, паровые стационарные двигатели, пароходы, паровозы, электрический телеграф впервые вошли в технический обиход именно в этот период.

Это было также временем наибольшего развития домонополистического капитализма, достигшего расцвета к середине XIX века. Средневековая цеховая система и стеснительная регламентация производства были подорваны еще в период мануфактуры. Машинный способ производства был уже совершенно несовместим с прежними запретами и ограничениями в области промышленности и торговли.

Период победы и утверждения капитализма открыла французская буржуазная революция XVIII века. Это была революция «европейского масштаба». Она сломала феодальные перегородки, уничтожила крепостнические отношения в ряде государств Западной Европы и ускорила завершение промышленного переворота в Англии, которая стала «мастерской мира». Но на материке Европы крупная промышленность развивалась медленней чем в Англии, так как в большинстве стран Европы дольше сохранились феодальные пережитки и феодальная раздробленность. Реставрация дореволюционных династий во Франции, Испании и итальянских государствах и реакция начала XIX века тормозили развитие фабричной промышленности, проникновение капитализма в сель-

ское хозяйство и демократизацию политического строя. Развитие капиталистических отношений в странах Европы в условиях феодальных пережитков в экономике и политике вело к буржуазным и буржуазно-демократическим революциям.

В период поднимающегося капитализма в Европе продолжался процесс формирования наций и образования новых государств. Из множества раздробленных, мелких государств образовались Итальянское королевство (1861 год) и Германская империя (1871 год). С другой стороны, в процессе распада Турецкой империи выделились два новых самостоятельных государства — Румыния и Сербия.

В двух великих странах — России и Соединенных Штатах Америки — произошли огромные перемены под влиянием развивавшегося капитализма.

В России в 60-х годах была революционная ситуация, разрешившаяся рядом половинчатых буржуазных реформ. В Северной Америке четыре года бушевало пламя гражданской войны, в результате которой рабство было уничтожено и победил американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

В период победы и утверждения капитализма, когда буржуазия была еще прогрессивным классом, осуществляла общедемократические задачи и брала на себя представительство интересов угнетенных классов, ее мыслители, писатели, поэты, музыканты, художники двигали вперед науку, создавали величайшие ценности в области искусства. Период победы и утверждения капитализма в передовых странах дал миру таких величайших писателей, как Гете, Бальзак, Диккенс, Пушкин, Лев Толстой, крупнейших экономистов, представителей классической политической экономии — Смита, Рикардо.

В этот период идеалистическая философия была еще в известном смысле прогрессивной. С нею связаны имена Канта и Гегеля. Величие эпохи отразилось в классических музыкальных произведениях Бетховена, Листа, Вагнера, в картинах Давида, Делакруа, Курбэ. Бурное развитие техники было связано с успехами точных наук. Ценнейший вклад в сокровищницу мировой науки сделали Майер и Джоуль (открывшие закон сохранения энергии), Шванн, Шлейден (им принадлежит заслуга открытия клетки), Дарвин, Лавуазье, Кювье, Лобачевский, Менделеев. В это время жили и работали два великих светоча человечества, гениальные мыслители, ученые и революционеры — Маркс и Энгельс. Их открытия в области науки, созданное ими учение научного социализма, их беззаветная революцион-

ная борьба показали человечеству путь к революционному переустройству общества, к освобождению всех угнетенных классов, к уничтожению самих классов, к уничтожению корней эксплуатации. Маркс и Энгельс выдвинули те идеи, триумфом которых является СССР.

Если в период 1789—1870 годов основным содержанием истории передовых стран была борьба капитализма против феодально-крепостнических отношений, то в этот же период наметилась и другая линия классовых противоречий — противоречий между молодым, формирующимся пролетариатом и буржуазией.

Еще в период французской буржуазной революции появились люди, которые стали думать о коренном улучшении положения широких трудящихся масс. «Социальный кружок», а затем «бешеные» (Ру, Варлэ) выдвинули идеи, которые в дальнейшем были собраны, систематизированы и развиты утопическим революционером-коммунистом Бабефом.

Но Бабеф еще не понимал законов исторического развития общества, не понимал исторической миссии пролетариата, он еще не пришел к идее диктатуры пролетариата. Это было сделано Марксом и Энгельсом. «Манифест Коммунистической партии», «Капитал» и вся деятельность Маркса и Энгельса сыграли решающую роль в пробуждении сознательности пролетариата, не имевшего до того ясно поставленных целей и сознания своего исторического назначения. От движения разрушителей машин, от лионских восстаний 1831—1834 годов, от чартизма и восстания силезских ткачей передовые рабочие пришли к «Союзу коммунистов» 1847—1848 годов, затем под руководством Маркса и Энгельса передовые пролетарии важнейших капиталистических стран мира создали «Международное товарищество рабочих» — I Интернационал, славнейшим делом которого была Парижская коммуна.

Чем больше развивалось рабочее движение, чем сознательнее и организованнее становился пролетариат, тем больше убывала революционность буржуазии, тем чаще капиталисты шли на компромиссы с феодальными классами.

В 1789—1870 годах капитализм побеждал и утверждался в передовых странах, главным образом в Европе и Северной Америке. Но на огромнейших территориях земного шара, составляющих большую его часть, в этот период капиталистический способ производства играл еще ничтожную роль. Однако к 40—60-м годам XIX века почти весь мир ощущал на себе влияние развивавшегося в передовых странах капитализма. В 40-х годах XIX века пушки

англичан открыли для внешнего мира Китай. С этого времени Китай стал на путь постепенного превращения в полуколонию капиталистических государств Европы и Америки. Уже в 50—60-х годах, в связи с вторжением европейцев, Китай был об'ят пламенем крестьянской тайпинской войны. Другая огромная часть Азии — Индия — также была затронута капиталистическими отношениями. Хозяиничалье англичан в Индии, их проникновение в ее внутренние районы вызвали грозное сипайское восстание 1857—1859 годов. В эти же десятилетия американцы и вслед за ними русские, англичане, французы, голландцы являлись в Японию и пытались превратить ее в свою колонию. Япония избежала этой участи, но, став самостоятельным буржуазным государством, сама начала угнетать и грабить соседние народы Дальнего Востока. Таким образом, к 40—60-м годам все части света и страны или уже стали капиталистическими или оказались в той или иной мере в сфере воздействия капитализма. Теперь земной шар опоясывала цепь стран, или уже капиталистических или уже испытавших в различной степени влияние промышленного капитализма. Эта цепь, в которой еще недавно недоставало многих звеньев, теперь замкнулась.

Изучение периода победы и утверждения капитализма дает богатый материал, характеризующий коренную противоположность между всеми буржуазными революциями и Великой Октябрьской социалистической революцией. Возьмем французскую буржуазную революцию до конца XVIII века. Это был период побед буржуазии, период ее прихода к власти. Буржуазная собственность побеждала, уничтожая феодальную. Феодальные классы были свергнуты. Это было большим историческим прогрессом. Рухнул феодальный гнет над крестьянством, рушились феодальные перегородки между государствами, уничтожалась феодальная разобщенность отдельных частей государств. Исчезли многие помехи, тормозившие развитие промышленности, торговли, сельского хозяйства. Однако, говоря о прогрессивности всех этих явлений, не следует забывать, что французская революция, уничтожив феодальный гнет, принесла с собой новые цепи — цепи буржуазной эксплуатации. Она привела к смене одной формы эксплуатации другой. Эксплуатация феодальная заменилась другой эксплуатацией, более прогрессивной, капиталистической. Лишь социалистическая революция уничтожает все и всякие виды эксплуатации.

Товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом сказал: «Октябрьская революция не является ни про-

должением, ни завершением Великой Французской Революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма»¹.

Эта идея противоположности между всеми буржуазными революциями и Великой Октябрьской социалистической революцией иллюстрируется в учебнике фактическим материалом не только в тех главах, где говорится о буржуазных революциях, но и в ряде других мест. Например эта идея проводится при анализе буржуазных конституций, при показе коренных отличий индустриализации капиталистической от индустриализации социалистической.

В учебнике уделено довольно значительное место взаимной связи истории зарубежных стран и истории СССР. В частности особое внимание обращено на освещение роли царизма как «жандарма Европы» начиная от Екатерины II и особенно до окончания Восточной войны и парижского мира 1856 года. С другой стороны, показано, как революционное движение Запада и корифеи западноевропейской революционной мысли влияли на передовых людей России: Радищева, петрашевцев, Шевченко, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Период, содержание которого должно было быть раскрыто в учебнике, чрезвычайно богат событиями. Это создавало значительные трудности при отборе материала. В этой области автор использовал опыт лучших учебников как Западной Европы и Америки, так и дореволюционной России.

В то время как французские, английские и американские учебники страдают чрезмерной перегрузкой материалом и рассчитаны главным образом на механическое заучивание (особенно этим грешат французские учебники Малле и американский — Бирда и Робинсона), в дореволюционной России имелись учебники, в методическом отношении стоявшие на значительной высоте. В частности можно назвать учебники профессора Вишпера и преподавателя одной из петербургских гимназий Иванова. Однако недостатком учебника крупного историка Р. Ю. Вишпера является то, что этот учебник написан для читателя, уже знающего историю. Он дает очень интересную схему и содержательный анализ материала, но первоначальное знакомство с основными историческими фак-

¹ И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 16. Госполитиздат, 1938.

тами по этому учебнику чрезвычайно затруднительно. Общеизвестно, что учебник проф. Винпера с большим успехом использовался не в средней, а в высшей школе. Иного типа учебник преподавателя Иванова. Составитель этого учебника прибег к чрезвычайно интересному и глубоко правильному приему: он крайне ограничил тематику своей книги, отказываясь от освещения мировых, хотя и весьма важных вопросов. Но те факты, которые попали в учебник, изложены с большой полнотой, с подробностями, в живой, занимательной форме. Этот методический прием старался по мере сил применять пишущий эти строки.

Опыт изучения новой истории в средней школе в прошлые годы показал, что программы по новой истории были перегружены материалом и содержали некоторые трудные для усвоения понятия. По указаниям народного комиссара просвещения учебник был пересмотрен и освобожден от сложных, трудных для учащихся понятий и от части материала. Благодаря этому учебник будет более доступен для учащихся.

Вопрос о сокращениях в учебнике подвергся тщательному и всестороннему изучению при участии исторической секции Государственного учебно-методического совета при Наркомпросе. Если при нормальном выполнении учебного плана материал из учебника новой истории может быть пройден в другом курсе, то этот материал печатается в учебнике петитом и проходить его по курсу новой истории необязательно (например материал о восстаниях сипаев и тайпинов, который должен быть пройден в курсе истории зависимых и колониальных стран). Опущен материал, слишком сложный и трудный для школьников, например о теории перманентной революции, и др. Эти сокращения позволили увеличить больше чем вдвое количество часов, отводимых на изучение темы «Маркс и Энгельс и возникновение научного социализма», и увеличить время для прохождения некоторых других тем. Задача — сделать учебник доступным всем учащимся — настолько важна, что ради нее пришлось поступиться некоторыми важными темами.

Особенностью настоящего учебника является то, что он в отличие от других учебников истории для средней школы написан не бригадой, а одним автором. Это создавало значительные удобства, позволяя строго планировать весь материал. Четкий общий план особенно важен потому, что целый ряд методологических

и методических проблем касается не какой-либо одной главы, а учебника в целом. Возьмем, например, трудную и сложную проблему буржуазных и буржуазно-демократических революций. Нужно ли в учебнике для средней школы анализировать каждую из буржуазных революций для того, чтобы отнести ее к буржуазным или буржуазно-демократическим революциям? Став на этот путь, пришлось бы для изложения этой проблемы отвести чрезвычайно много места, причем материал мог бы оказаться непонятным части учащихся. Выход был найден следующий: различие между буржуазной и буржуазно-демократической революциями показано там, где оно проявляется наиболее отчетливо. Народной революции конца XVIII века во Франции противопоставлены испанская и итальянская революции 20-х годов XIX века. В остальных случаях материал подбирался так, чтобы показать учащимся, какое участие принимали массы в той или иной революции, и подвести их к выводу о том, какое влияние это участие оказало на ее ход и результаты.

Аналогичным образом поступил автор при изложении вопроса о «прусском» и «американском» путях развития капитализма в сельском хозяйстве. В учебнике дан материал, необходимый для понимания общих и особых черт развития капитализма в различных странах; но сложные и трудные для учащихся 8-го класса теоретические понятия «американского» и «прусского» путей в учебник не введены, тем более что победа и того и другого пути относится к 60—70-м годам XIX века, и эта проблема может быть освещена на более наглядном материале в курсе 9-го класса.

Учебник снабжен картами — текстовыми и цветными. Автор стремился не перегружать карт слишком большим количеством названий. В тех случаях, когда одна карта могла оказаться перегруженной, давались две или даже три карты, на которые последовательно наносились изменившиеся данные. Так поступлено с картами гражданской войны в США, роста железнодорожной сети с 1840 по 1870 год, воссоединения Италии. Такой метод позволяет подчеркнуть динамичность исторического процесса.

Учебник был подготовлен к печати при широком участии учительства и нашей научной общественности. Автор с величайшей благодарностью примет и учтет замечания, которые помогут улучшить учебник при его переиздании.

Проф. А. ЕФИМОВ

«Новая история колонизальных и зависимых стран»*

Выход в свет вузовского учебника по-вой истории колонизальных и зависимых стран — значительное явление в культурной жизни нашей страны.

Характеризуя первую мировую империалистическую войну, Ленин писал: «Своеобразие положения заключается в том, что в этой войне судьбы колоний решаются войной на континенте»¹. Это положение остается правильным и сегодня, когда вторая империалистическая война превращается в мировую. Поэтому история колоний представляет сейчас особый интерес, и знание ее необходимо советским читателям для того, чтобы правильно ориентироваться в ряде сложных вопросов международной политики.

Авторы учебника не имели готовых образцов. Они взялись за составление первого марксистско-ленинского учебника по-вой истории колонизальных и зависимых стран.

Авторский коллектив собрал и систематизировал большой интересный фактический материал. В учебнике даны в хронологической последовательности важнейшие исторические события, факты и характеристики исторических деятелей; содержание книги изложено живо и интересно.

Первый том учебника охватывает два периода: период победы и утверждения капитализма в передовых странах (1789—1870) и период империализма до окончания первой мировой империалистической войны (1870—1918). В учебнике изложена новая история Китая, Кореи, Индонезии, Индо-Китая, Индии, Афганистана, Ирана, Турции, Египта, Северной, Тропической и Южной Африки, Латинской Америки и др., т. е. стран, занимающих около 69 процентов территории земного шара и насчитывающих до 58 процентов всего населения земли.

В учебнике наглядно показана система колонизальной политики капиталистических держав, основанная на подкупах, грабеже, насилии, вероломстве. Довольно подробно изложена история национально-освободительной борьбы колонизальных народов про-

тив инопоземных угнетателей, показан ряд героев этой борьбы.

Такой учебник не мог бы появиться в империалистических странах, ибо империалистическая буржуазия третирует шафоды колоний как «низшие», «культурные» и т. п., а буржуазная наука пытается замаскировать политику колониального грабежа рассказками о «культурной миссии» империалистов среди отсталых народов.

Только в стране победившего социализма возможно было создать подлинно научный курс новой истории зависимых и колонизальных стран, курс, в котором разоблачается грабительская политика империалистов и освещаются различные этапы борьбы угнетенных народов за независимость. Таким курсом, бесспорно, является рецензируемый учебник.

Нужно, однако, отметить, что учебник, к сожалению, страдает некоторыми существенными недостатками.

Прежде всего несколько слов о периодизации, принятой учебником.

Учебник придерживается тех хронологических принципов, которые приняты в наших вузах для курса новой истории колонизальных и зависимых стран. Но, назвав введение (с конца XV века) частью первой, первый период (1789—1870) — частью второй, а второй период (1870—1918) — частью третьей, авторы внесли в периодизацию некоторую путаницу.

Неудачно составлены вводные теоретические главы. В них мы не находим тех сведений, которые абсолютно необходимы для учебника по истории колоний. Так например авторы не характеризуют задачи, особенности и политическое значение курса новой истории колонизальных и зависимых стран.

Непонятно также, почему во вводных статьях нет развернутых марксистско-ленинских определений таких понятий, как «колония», «зависимая страна», хотя беглые замечания по этому вопросу и рассыпаны в разных местах учебника.

На наш взгляд, следовало бы во вводной главе отчетливо разъяснить сущность и основные признаки этих понятий применительно к различным историческим эпохам.

Не получив в начале учебника этих основных определений, точно так же как я

* Институт истории Академии наук СССР. Сектор истории колонизальных и зависимых стран. «Новая история колонизальных и зависимых стран». Т. I. Под ред. С. Н. Ростовского, И. М. Рейснера, Г. С. Кара-Мурза, В. К. Рубцова. Соцэкгиз. 1940. Стр. 784. 50 тыс. экз. 14 руб.

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 196.

объяснения того, какие страны и по каким соображениям включаются в курс истории колониальных и зависимых стран, читатель может прийти к ошибочному заключению, что, скажем, такие страны, как Афганистан, Иран и Турция, и в настоящее время являются полуколониями.

Серьезным и досадным пробелом во вводящей статье к части 3-й является то, что в ней ничего не сказано о ленинско-сталинском учении о нации, о процессе складывания людей в нации, о природе буржуазно-национальных движений.

Товарищ Сталин в своих работах по национально-колониальному вопросу дал исчерпывающий анализ сущности национально-освободительных движений в колониях и зависимых странах и ценнейшие теоретические указания по вопросу об образовании национальных государств, о складывании и развитии наций. В учебнике даже не упоминается классическое сталинское определение нации: «Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹.

Нет в учебнике и сталинского положения о том, что складывание и развитие наций, рост национальных движений характерны для эпохи развития капитализма и происходят в борьбе с феодальным строем и с иноземными угнетателями. А между тем, не усвоив этого положения, нельзя правильно понять сущность буржуазных революций на Востоке в период 1905—1912 годов.

Во вводящих главах не упоминается статья Ленина «Отсталая Европа и передовая Азия», в которой имеются очень важные высказывания об исторической роли буржуазии колоний и зависимых стран, о разделении этой буржуазии на радикально-демократическую и либеральную, о политических особенностях той и другой группы.

Необходимо также отметить, что в учебнике не нашло должного отражения марксистско-ленинское учение о двух исторических тенденциях в национальном вопросе — учение, в свете которого только и может быть понято национально-освободительное движение в колониях.

В статье «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 год) Ленин писал: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в националь-

ном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»².

На 158 странице во вводящей статье эта статья цитируется, но авторы недостаточно обобщают исторические факты с точки зрения открытых Лениным закономерностей.

Нельзя не упрекнуть авторов в некоторой тенденции к прикрашиванию иных общественно-политических движений в странах Востока в XIX веке, к затуманиванию отрицательных сторон этих движений. О конкретных примерах такого прикрашивания (движение Кан Ю-вей, восстание Араби-паши) мы скажем ниже.

Необходимо сделать некоторые замечания по истории отдельных стран.

1. Китай. В общем история Китая в учебнике изложена хорошо. Благодаря знанию предмета, большому материалу, которым располагает автор, и сжатой и яркой форме изложения эти главы учебника читаются с интересом.

К достоинствам глав, посвященных истории Китая, надо отнести в первую очередь то, что затуманный в исторической литературе вопрос о китайских джэнтри (шэньпи) освещен в учебнике четко и правильно. Объясняя социальную природу шэньпи, автор исходит из характеристики существовавшего в Китае сословного строя. И это совершенно верно. Нельзя понять, кто такие шэньпи в Китае, если рассматривать их вне связи с сословным строем. Шэньпи — это привилегированное сословие. Автор указывает, что принципиально китайские шэньпи не отличались от личных дворян в других странах. Из среды шэньпи в Китае назначалось служилое дворянство, знаменитый китайский маньчаринат.

Однако с некоторыми положениями автора мы не можем согласиться.

Мы считаем, что китайские реформаторы (Кан Ю-вей и др.), пришедшие в 1898 году к власти на «сто дней», в учебнике идеализированы. «Реформаторы пошли на смерть гордо, как подлинные герои» (стр.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 11. Госполитиздат. 1939.

² Ленин. Т. XVII, стр. 139—140.

623). Благодаря крови, пролитой реформаторами, «борьба за обновление Китая поднялась на новую ступень» (стр. 624), — говорится в учебнике. У читателя может создаться впечатление, что деятели либерально-реформаторского движения 1898 года являлись борцами за подлинное (а не поверхностное) обновление Китая. На самом деле движение Кан Ю-вей, являвшееся для того времени прогрессивным, представляло собой верхушечную попытку некоторыми мирными реформами, которые исходили бы от трона, обновить, модернизировать Китай. Не надо также забывать, что Кан Ю-вей и его сторонники преследовали еще и другую цель — предотвратить движение снизу, предотвратить народную революцию. Народных масс они боялись больше чем реакции. Достаточно сослаться на книгу «Учись», составленную Чжан Чжи-дуном, одним из сторонников Кан Ю-вей, книгу, ставшую, по словам самого учебника, «символом веры» для реформаторов, чтобы стали ясны их политические воззрения.

В этой книге — программном документе реформаторов — описываются «ужасы» республики: «В случае уничтожения монархии... ученый все время сидел бы да купал, крестьянин не стал бы платить податей, купец собрал бы неизмеримое богатство, рабочий стал бы бастовать, добиваясь более высокой заработной платы, пролетариат стал бы грабить, сын не слушался бы отца, ученик — учителя, жена — мужа; закон был бы ничем для высокопоставленного, сильный обижал бы слабого, и человечество было бы уничтожено!»

«Небо имеет только одно солнце, так и народ не может иметь двух государей», — повторяли реформаторы изречение древнего китайского философа Мэнцзы.

Идеализируя реформаторов, автор, к сожалению, не показал сущности реформаторского движения. Ленин в 1912 году писал: «...либералы заинтересованы в том, чтобы, не подрывая власти помещика, сесть рядом с ним... либералы заинтересованы в таком разделе власти с помещиком, чтобы ни рабочему, ни демократии ровнехонько ничего не досталось...»¹.

Разумеется, мы далеки от того, чтобы считать китайских реформаторов конца XIX столетия чистыми представителями либеральной буржуазии. Но Кан Ю-вей и его сторонники были заинтересованы в том, чтобы, сохранив Манчжурскую монархию, разделить с нею власть. Они были заинтересованы в таком разделе власти с Манчжурской монархией, чтобы ки-

тайским народным массам ничего не досталось.

Движение Кан Ю-вей и его сторонников было попыткой буржуазившейся части феодалов и малочисленной еще в то время туземной буржуазии оградить Китай реформами сверху от угрозы полного иностранного порабощения. Эти реформы были верхушечными, они не затрагивали основ крепостнического государства. Впервые на почве Китая в своеобразном, специфическом преломлении нашла отражение тенденция развития капитализма по «прусскому пути».

Прикрашивая реформаторов, автор, видимо, забыл, что революционно-демократическое учение великого китайского революционера Сунь Ят-сена в значительной мере складывалось в идеологической борьбе против идей и политики реформаторов, что революционные взгляды Сунь Ят-сена оттачивались в этой борьбе.

Автор не раскрыл сущности реформаторского движения, ни словом не обмолвился о причинах его поражения, не попытался выяснить уроков этого движения. В учебнике надо было показать, что попытки спасти Китай мирным путем, реформами сверху, без масс, без народа, без революции неизбежно должны были окончиться провалом.

Несколько слов о китайской революции 1911—1912 годов.

Мы не можем согласиться с категорическим утверждением, что эта революция «не была народной революцией» (стр. 643).

Это утверждение явно противоречит высказыванию Ленина, которое автор цитирует тремя строками ниже: «Китайская свобода завоевана союзом крестьянской демократии и либеральной буржуазии»². Противоречит оно и тому, что сказано несколькими страницами выше в самом учебнике: «Народ принимал активное участие в революции. Халыанские металлисты, пекин-ханькоуские железнодорожники, шапхайские текстильщики, лодочники, кули вынесли на себе всю тяжесть революционных боев. Они вливались добровольцами в революционную армию, составив ее первые полки. Они создавали боевые дружины, шикеты» (стр. 639).

Далее следует утверждение, что народные массы «шли за буржуазией, за студентами, за войсками, не выдвигая своих классовых требований» (там же). Трудно понять, как можно согласовать это место с тем, что говорится на той же странице: «Вспыхнули первые стачки. Рабочие выдвигали свои профессиональные требования». «Крестьянские интересы находили

¹ Ленин. Т. XV, стр. 403.

² Ленин. Т. XVI, стр. 189.

некоторое отражение в революционной программе Сунь Ят-сена...»

Чтобы свести концы с концами, автор тут же делает оговорки, что крестьянство «выступало стихийно, не как сплоченная организованная сила», и что Сунь Ят-сен «не пришел к осознанию необходимости поднять крестьянство, организовать его, опереться на него в своей дальнейшей борьбе» (там же). Подобная оценка китайской революции и ее вождя Сунь Ят-сена противоречит высказываниям Ленина по этим вопросам.

Если в турецкой и португальской революциях XX века, которые не являлись народными, «...масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями... заметно не выступают»¹, то в китайской революции дело обстоит иначе.

Ленин еще в 1908 году указывал, что после русско-японской войны в Китае неизбежен «...переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение»². В других работах, уже непосредственно посвященных китайской революции, Ленин писал: «В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там еще идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе сотни миллионов людей»³.

«Давно ли Китай слыл образцом стран векового полного застоя? А теперь в Китае кипит политическая жизнь, ключом бьет общественное движение и демократический подъем. Вслед за русским движением 1905 года демократическая революция охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай»⁴.

Таким образом, участие широких народных масс в китайской революции бесспорно. Неспорно и то, что народные массы играли в революции активную роль, благодаря которой китайская демократия одержала временную победу. Ленин писал, что в Китае «власть никогда бы не перешла даже временно, даже условно, к либералу Юаньшикаю, если бы не победила китайская демократия вопреки Юаньшикаю»⁵.

Если бы не было этой временной победы, Ленин не мог бы поставить основной вопрос, от разрешения которого зависела судьба китайской революции: «Сумеют ли крестьяне, не руководимые партией пролетариата, удержать свою демократическую позицию против либералов, которые только ждут удобного момента, чтобы пере-

кинуться направо, — это покажет недалекое будущее»⁶.

Поэтому неточно утверждение автора: «Буржуазная революция закончилась, так и не развернувшись» (стр. 643). Хотя автор и привел указанную выше цитату из Ленина, но не сумел сделать из нее правильный вывод.

О Сунь Ят-сене и о значении его деятельности для развития китайской революции Ленин писал в 1910 году в статье «Демократия и народничество в Китае»: «Платформа великой китайской демократии — ...именно такой платформой является статья Сун-Ят-Сена»⁷. По Ленину, идеи Сунь Ят-сена порождены «...глубоким революционным движением сотен и сотен миллионов людей, которые теперь окончательно втягиваются в поток всемирной капиталистической цивилизации»⁸. «Перед нами, — писал Ленин, — действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая»⁹.

В главе об участии Китая в мировой войне 1914—1918 годов не совсем правильно изложена позиция Японии в этом вопросе. Фраза «Английские и японские дипломаты уговаривали вступить в войну как северное, так и южное правительства» (стр. 647) не точна. Надо различать два периода в позиции Японии по вопросу о присоединении Китая к Антанте: до 1917 года и в 1917 году. Известно, что Япония в первый период была против вовлечения Китая в войну. «Участие последнего (Китай.—Д. и Э.) в войне и будущей мирной конференции возбуждает японские опасения не менее, чем вопрос о компенсациях Китаю, от которых могли бы пострадать интересы Японии»¹⁰ — писал русский посол в Токио министру иностранных дел 1 декабря 1915 года.

Япония согласилась на вступление Китая в войну лишь после того, как в феврале—марте 1917 года ею было заключено тайное соглашение с Россией, Францией, Англией и Италией о поддержании этими державами японских притязаний на бывшие германские колонии в Китае.

2. Корея. Недоумение вызывает следующее описание событий 1895 года в Корею:

⁶ Ленин. Т. XVI, стр. 189.

⁷ Там же, стр. 26.

⁸ Там же, стр. 27.

⁹ Там же.

¹⁰ «Международные отношения в эпоху империализма», серия III. Т. IX, стр. 411. Соцэкгиз. 1937.

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 396.

² Ленин. Т. XII, стр. 306.

³ Ленин. Т. XVI, стр. 395.

⁴ Там же, стр. 383.

⁵ Ленин. Т. XV, стр. 403.

«Темной осенней ночью 8 октября 1895 г. королевский дворец был окружен японскими солдатами. ...убийцы ворвались во внутренние покои. Когда перед ними появился испуганный шумом король И Хый, они схватили его... Король плакал и умолял пощадить королеву. Тогда убийцы отбросили короля в сторону и ворвались в комнаты его дочери... Министр стал с распростертыми руками перед дверью, чтобы защитить королеву. Ему отрубили обе руки. Между тем королева Минь, переодетшись служанкой, пыталась скрыться из дворца, но была настигнута японскими убийцами и смертельно ранена. Она упала, но собравшись с последними силами, спросила, жив ли ее сын. В ответ один из японцев ступил ей на грудь ногой и вонзил в живот саблю...убийцы оттащили еще трепещущее тело королевы в сад...» (стр. 657, 658, 659).

Таким «художественным» стилем, более подходящим для приключенческого романа чем для учебника истории, описывает автор расправу японской военщины с королевой Минь. К счастью, это единственный пример подобного стиля. Но дело тут не только в стиле.

История Кореи вообще не повезло в учебнике. Это весьма досадно, ибо на историю Кореи можно было бы показать специфические особенности японского колониального режима. Сделать это было тем более необходимо, что японские империалисты переносят в оккупированные ими районы Китая методы порабощения, применяемые ими в колониях.

Кровавая система японского господства в Корее весьма сложна и разнообразна. Помимо открытого террора эта система включает в себя подкуп корейской верхушки, разветвленный шпионаж, демагогическую пропаганду и т. п.

Японцы не ограничиваются запрещением корейцам печатать газеты и книги на корейском языке и сожжением корейской литературы (стр. 664): они издают в Корее свои газеты и книги на корейском языке, проводя таким образом через созданную ими корейскую печать свое влияние на корейское население.

При помощи всех этих приемов японской агентуре удалось добиться известных успехов в деле закрепления японского господства в Корее. В учебнике же вся эта сложная система японского колониального режима в Корее упрощена.

Не свободен от ошибок и небольшой раздел о религии в Корее.

Нельзя сказать, что «наиболее распространенной религией Кореи является шаманизм» (стр. 650). Неверно, что буддизм, появившийся в Корее еще в IV веке, «не оставил сколько-нибудь заметных следов

в верованиях народных масс» (стр. 651). Памятники материальной культуры свидетельствуют как раз о широком распространении буддизма среди корейского населения.

Автор ни слова не сказал о синтоизме, проникшем в Корею еще в начале XIX века и вскоре после оккупации Кореи Японией ставшем государственной религией. Не упомянул автор и о христианстве, проникшем в Корею еще в конце XVIII века. Известно, что христианство в середине XIX века получило официальное признание корейского короля.

Глава о Корее написана слабее других глав учебника. Редакции следовало бы при втором издании книги эту главу основательно переработать.

3. Иран. Главы учебника, посвященные Ирану и, в частности, иранской революции 1905—1911 годов, содержат большой и интересный материал. В книге отчетливо показано огромное влияние русской революции 1905 года на революцию в Иране. Но наряду с ценным материалом здесь, к сожалению, можно встретить и неправильные определения и существенные пробелы.

Так например, говоря о формах земельной собственности в Иране (стр. 110—111), авторы почему-то прошли мимо очень важных высказываний Маркса и Энгельса о своеобразной форме феодализма в Азии. Не учтены эти высказывания и в параграфе об аграрных отношениях в Индии (стр. 38—39).

Своеобразие исторического развития стран Азии в значительной мере объясняется существованием в этих странах государственной собственности на землю. Основоположники научного коммунизма считали это обстоятельство очень важным для понимания истории Востока. «Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»¹.

Авторы недостаточно отчетливо охарактеризовали истари установившуюся и сохранившуюся до наших дней в Иране издольную систему распределения урожая: «Крестьяне должны были отдавать своим господам от одной до двух третей, а в некоторых районах и до трех четвертей всего урожая в зависимости от того, какими сельскохозяйственными орудиями, семенами, рабочим скотом пользовался крестьянин, —

¹ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 696. Госполитиздат. 1938.

помещичьими или своими...» (стр. 112). На самом деле распределение урожая между помещиком и крестьянином в Иране зависит от пяти средств производства: земли, воды, семян, рабочего скота и труда человека. Количество долей урожая, которое крестьянин обязан отдать помещику, зависит от того, какие из этих средств помещик ему предоставил.

Так как в большинстве случаев крестьянин Ирана, арендующий землю у помещика, может дать только свой труд, он вынужден отдавать помещику $\frac{4}{5}$ урожая.

На стр. 537, касаясь особенностей иранской буржуазной революции 1905—1911 годов, которую вначале возглавило духовенство, авторы проходят мимо одной из важных причин, побудивших духовенство к борьбе с шахским правительством. Иранское духовенство считало династию Каджаров узурпаторской. Еще со времен Фатх-Али-шаха (1797—1834), а особенно в царствование Насер-эд-дин-шаха (1848—1896) антагонизм между шиитским духовенством и шахской властью был очень силен. Каджарские шахи претендовали на верховный авторитет в религиозных делах, ибо религия в Иране всегда была могучим фактором политического господства. Со своей стороны шиитские моджетехеды¹ не признавали за Каджарами этого права и стремились подчинить шахскую власть контролю духовенства.

Не показана связь младотурецкой революции с революционными событиями в Иране. Не рассказано, как вели себя во время иранской революции (кроме бахтияр) племена и народности Ирана: шахсевены, туркмены, курды, армяне и др.

4. **О с м а н с к а я и м п е р и я.** Следует обратить особое внимание авторов на недочеты XX главы учебника, посвященной истории Турции с 1870 по 1918 год. Здесь исторические факты излагаются отрывочно, без необходимого анализа событий. Так, мы не находим в этой главе ясного, научного объяснения процесса превращения Турции в полуколонию европейских держав. Совершенно не показаны эволюция и изменение политического лица младотурок за период от революции 1908 года до империалистической войны 1914—1918 годов. Нет анализа тех процессов, которые происходили в экономике и общественной жизни Турции в период мировой войны, т. е. в тот период, когда создавались предпосылки кемалистской революции.

Общим недостатком глав о Турции является то, что совершенно опущены пробле-

мы культурных движений и вопросы религии. Нет в учебнике и освещения панисламизма — движения, которое играло столь значительную роль на всем мусульманском Востоке.

То немногое, что сказано о культуре Турции, вызывает возражения. На стр. 31 читаем: «Такие страны древней и высокой культуры, как Китай, Иран, Османская империя, к этому времени успели обнаружить свою отсталость и слабость». Турцию нельзя в области культуры ставить в один ряд с Китаем и Ираном. О «древней и высокой культуре» Османской империи говорить не приходится.

5. **Е г и п е т.** Главы, посвященные Египту, написаны живо и читаются с интересом. Но и здесь имеются недостатки. Известно, например, что о деятеле национально-освободительной борьбы египетского народа Араби-паше Энгельс писал Бернштейну 9 августа 1882 года: «Об Араби мы знаем немного, но можно поставить десять очков против одного, что это обыкновенный паша, который не хочет уступить финансовым воротилам сбор налогов, потому что он, по доброму восточному обычаю, предпочитает загрэбать их в собственный карман»².

Авторы, излагая историю национально-освободительного движения в Египте, предпочли оставить без надлежащей характеристики вождя движения Араби и уклонились от обобщений и итоговой оценки движения. Несмотря на эту недоговоренность, из всего изложения явствует, что авторы преувеличивают революционность Араби-паши.

На стр. 464 мы читаем, что ватанисты, во главе которых был Араби-паша, впервые выдвинули лозунг «Египет для египтян». «Они провозгласили, что египтяне являются нацией, имеющей право на самостоятельное государственное существование. Они стремились отстаивать независимость Египта, создать национальное правительство, установить конституционный строй, увеличить армию». Если авторы считают высказывание Энгельса об Араби-паше устарелым, так как Энгельс мог не располагать в то время достоверной информацией, то им следовало на основании новейших научных исследований надлежащим образом квалифицировать и оценить роль и личность Араби. Для читателей остается неясным, почему в учебнике оценка восстания Араби-паши находится в противоречии с высказываниями Энгельса.

6. **С т р а н ы Л а т и н с к о й А м е р и к и и А ф р и к и.** Главы о Латинской Америке заслуживают в общем одобрения. Однако и здесь надо отметить некоторые не-

¹ Моджетехеды — ученые-богословы, представители высшего мусульманского духовенства.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 234.

дочеты. На стр. 734 говорится об обезземелении крестьянства в Латинской Америке. Вряд ли можно, как это сделано в учебнике, рассматривать это явление, как аналогичное для различных латиноамериканских стран. В Мексике, например, обезземеление являлось результатом правительственной политики, а в Аргентине оно было следствием социального расслоения и т. д.

На наш взгляд было бы неправильно называть мексиканскую революцию 1910—1911 годов только буржуазной, как это сделано в заглавии параграфа на стр. 748. В эти годы революция только начиналась. Продолжалась она до 1917 года, и, если рассматривать ее в целом, она носила скорее буржуазно-демократический характер, так как народные массы выдвигали в ней свои лозунги, свои требования. Так например лозунг «Земля безземельным» и другие требования народных масс нашли отражение и в мексиканской конституции 1917 года. В учебнике недостаточно показана вооруженная борьба индейских общин, участие в революции пролетариата, роль «красных батальонов» и др. Поэтому правильное положение, что конституция 1917 года «была результатом мощного подъема народного движения и прежде всего результатом революционной борьбы крестьянства и пролетариата» (стр. 754), недостаточно подкреплено фактами. Здесь, как и в параграфах о китайской революции, нечеткость изложения привела к путанице.

Почти вся глава XVII, озаглавленная «Тропическая и Южная Африка», посвящена не столько внутренней истории африканских народов, сколько колониальной поли-

тике европейцев в Африке (борьба с работорговлей, исследование и завоевание Африки и др.). Вместе с тем, в этой главе, как и в других главах об Африке, впервые в нашей исторической литературе сделана попытка дать историю колониального закабаления народов «черного континента», причем автор собрал ценный и мало известный материал.

В заключение несколько замечаний о мелких недочетах.

Необходимо отметить чрезмерную детализацию и дробление заголовков, идущие в ущерб полноте изложения. Так например заголовки «Негры» (стр. 75) и «Немецкое проникновение в Южную Африку» (стр. 356) состоят каждый из нескольких строк. На стр. 426 в коротком параграфе под заголовком «Стамбульская конференция держав» даже не сказано, о каких державах идет речь. Таких примеров можно было бы привести немало.

В учебнике часто приводятся цитаты без указания источников, что затрудняет студентам использование дополнительной литературы.

Существенным пробелом в учебнике для вузов является то, что в нем нет ни общего списка литературы, ни списков литературы по отдельным главам.

Несмотря на отмеченные недочеты учебник, несомненно, послужит полезным пособием для исторических факультетов наших вузов и для всех, кто самостоятельно изучает историю колониальных и зависимых стран. Авторы учебника сделали большое, нужное дело.

**Ф. ДЕГТЯРИК,
Г. ЗРЕНБУРГ**

«ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» №№ 1 и 2. Огиз. Государственное издательство политической литературы. 1940.

Первые номера «Пролетарской революции» за 1940 год содержат впервые публикуемые документы и статьи классиков марксизма, представляющие большой научный интерес, и материалы, характеризующие их творческую научную деятельность. В этих номерах напечатаны также статьи-монографии, освещающие отдельные периоды истории ВКП(б) и истории борьбы за Великую пролетарскую социалистическую революцию в СССР.

Среди материалов, помещенных в первом номере журнала, необходимо прежде всего отметить впервые опубликованную на русском языке статью К. Маркса «Палата лордов и памятник герцогу Йоркскому», которая была напечатана в 1856 году в чартистской газете «The Peoples Paper». Статья эта, представляющая собой

блестящий памфлет на английскую правящую олигархию, звучит и сейчас чрезвычайно актуально. Полная яда, метких, остроумных характеристик, она бичует основанный на продажности и подкупе режим английской «демократии».

Поводом к написанию этого памфлета послужило обсуждение в палате лордов предложения палаты общин о снятии с площади Ватерлоо в целях упорядочения уличного движения памятника герцогу Йоркскому. Палата лордов решительно отвергла это предложение, заявляя, что памятник герцогу Йоркскому, этому «знаменитому и всеми уважаемому человеку», оказавшему «большие услуги короле и отечеству», является «в некотором роде святыней». Маркс в своем памфлете раскрывает подлинные «заслуги» этого канонизированного палатой лордов «августейшего герцога», его ничтожество, трусость и подлость; он показывает, как все проделки и нечистоплотные дела герцога, второго

сына короля Георга III, не только покрывались английскими правителями, но и щедро вознаграждались.

Подражая в памфлете «мапере старика Коббета»—современника герцога Йоркского, выдающегося радикала, одного из самых блестящих памфлетистов Англии, — Маркс следующими, полными сарказма словами начинает биографию герцога: «Наиболее знаменательное событие в жизни герцога Йоркского—его появление на свет—пришлось на 1763 г. Двадцать шесть лет спустя он привлек к своей особе внимание всего мира тем, что, отказавшись от утех холостой жизни, стал жемантым человеком» (стр. 143).

Далее следует описание военных «подвигов» герцога: «Анти-якобинская война предоставила возможность сему августейшему принцу стать августейшим полководцем. Английские войска, терпевшие одно поражение за другим во время фландрского похода, навеки его прославившего, и не менее славного гелдерского похода, несомненно черпали утешение в том, что их августейший командир всякий раз возвращается домой цел и невредим. Всем известно, как ловко он удрал от Ушара под Гюндшотеном и как его осада Дюнкирхена в некотором роде превзошла осаду Трои. Слава, завоеванная им в его фландрском походе, была так велика, что Питт, из зависти к его лаврам, заставил военного министра Дундаса послать его королевскому высочеству письмо с настоятельным предложением вернуться домой, приберечь свое личное мужество до более подходящего случая и вспоминать изречение древнего Фабия «*famae etiam iactura facienda est pro patria*» (ради отечества следует жертвовать даже и доброй славой)» (там же).

После своих славных военных походов герцог Йоркский «...благоразумно согласился на время отойти в тень и занять скромную должность главнокомандующего в лондонском штабе» (стр. 144). Здесь он занимался бесстыдной продажей чинов, взяточничеством и разного рода мошенническими операциями. «Его королевское высочество,—пишет Маркс,—не упустил случая присвоить себе изрядную долю благодарности общества за свои просвещенные приказы» (там же). Этот мошенник и казнокрад использовал свое положение для того, чтобы свести счеты с полковником Джонстоном, человеком, некогда доставившим ему неприятные минуты (привез приказ Питта об его отзыве из действующей армии). Путем целого ряда грязных махинаций герцогу «...удалось одолеть

полковника Джонстона и тем доказать свои стратегические способности» (стр. 145).

Мошеннические проделки этого отпрыска Брауншвейгского дома были предметом разбора палаты общин. Герцог вынужден был уйти в отставку. Однако новый регент, принц Уэльский—впоследствии Георг IV—через 2 года восстановил герцога в должности главнокомандующего.

Маркс заканчивает свою статью следующими клеймящими английские правящие круги словами: «И вот этого-то герцога Йоркского, чей памятник был бы достойным украшением навозной кучи, маркиз Кланрикард называет «выдающимся главнокомандующим», лорд Лэнсдаун—«знаменитым, всеми уважаемым человеком», эта-то личность увековечена, согласно выражению графа Эбердина, «памятником-святыней», словом, вот какой человек является ангелом-хранителем палаты лордов. Поистине почитатели достойны своего святого» (стр. 149).

В рецензируемом номере опубликованы ленинские документы, относящиеся к периоду второго похода Антанты на Советскую республику (лето 1919 г.), к тому времени, когда Ленин выдвинул свой лозунг «Все на борьбу с Деникиным!» Документы, приведенные в журнале,— постановление и телеграммы Совета обороны и Совнаркома за подписью Ленина—показывают этот ленинский лозунг в действии и являются прекрасной иллюстрацией того, как наша партия, ее вожди поднимали всех трудящихся на борьбу против интервентов, как они превращали страну «...в военный лагерь, снабжавший фронт вооружением, боеприпасами, обмундированием, продовольствием, пополнениями» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 234). В этих документах, свидетельствующих о конкретности и оперативности ленинского руководства, даны ясные и четкие указания о мерах по мобилизации населения на фронтовые строительные работы, на погрузку продовольствия, на восстановление разрушенных мостов и т. п. Вот постановление Совета обороны от 28 мая об обеспечении рабочей силой и подводами военных строителей Реввоенсовета южного фронта. В нем содержатся детально разработанные требования к отдельным уездам прифронтового района. «Теперь же безотлагательно для нужд строителей, работающих в районе Валук и Евстратовки,—читаем мы в постановлении,—местным уездным исполкомам за их ответственность нарядить:

От Валуйского уезда	500 рабочих и 50 подвод
„ Острогожского,	2 500 „ 350 „
„ Павловского „	1 000 „ 100 „

Точные указания о месте назначения рабочих получить от одиннадцатого строительства.

Об исполнении исполкомам донести по телеграфу Революционному Военному Совету Республики. № 594.

13 июня 1919 г. Предсовоборонны ЛЕНИН» (стр. 151).

Этим требованием проверки исполнения, требованием точного и ясного ответа заканчивается каждая ленинская директива. «Срочно под военной ответственностью телеграфируйте об исполнении. Назовите имена всех ответственных членов исполкомов. Губисполкомы отвечают за немедленное исполнение» (там же)—таковы заключительные слова телеграммы предсовоборонны Ленина Воронежскому, Тамбовскому и Саратовскому губисполкомам и 5 исполкомам о мерах по мобилизации всего работоспособного населения и подвод на работу по укреплению позиций. В другой телеграмме Ленин требует «Извещать чаще и кратко о фактически сделанном» (стр. 154). В записке по прямому проводу приказывает: «О принятых мерах и назначенных руководителях сообщить мне не позже 20 октября» (стр. 153).

Чрезвычайно интересны и поучительны документы Кавказского Союза РСДРП — извещение и резолюции IV конференции Союза, состоявшейся в ноябре 1905 года, — опубликованные в том же номере «Пролетарской революции». Этой конференцией руководил товарищ Сталин. Решения конференции, написанные со сталинской глубиной и ясностью, имели большое общепартийное значение: в повестке дня конференции стояли почти все важнейшие вопросы большевистской тактики в революции 1905—1907 годов. Конференция обсуждала вопросы об объединении партии, о работе среди крестьян, национальный вопрос, о Совете рабочих депутатов, об издательской деятельности и некоторые другие. По всем этим вопросам конференция приняла последовательно революционные, ленинские решения. «Извещение» конференции, написанное 30 ноября 1905 года, в то время, когда революция приближалась к моменту своего наивысшего подъема, разъясняло массам суть происшедших событий и с революционной силой и страстью призывало их к сплочению вокруг революционной социал-демократии. «Товарищи рабочие! Приближается момент «уличной схватки»! Углубляющийся кризис в городах, усиливающаяся голодовка в деревнях, «измена» во флоте, «измена» в армии — все это ведет к неизбежности такой именно «схватки»... Бодрствуйте, товарищи, и проникайтесь безграничным недоверием к вашим врагам! Только поло-

жившись на себя самих и сплотившись вокруг ваших передовых товарищей — социал-демократов, сумеете вы осуществить вашу святую миссию — освобождение человечества. Да здравствует Пролетариат! Да здравствует Социал-демократия!» (стр. 158—159). Этими словами заканчивается «Извещение». Эти сталинские документы являются ценнейшим материалом для всякого изучающего историю большевистской партии.

В статье Н. Гладкова «Как работал В. И. Ленин над книгой «Развитие капитализма в России» содержатся интересные данные, характеризующие ленинский стиль научной работы, гигантский труд, сделанный им по подготовке книги: исключительную тщательность, с которой он отбирал фактический материал, на основе которого он строил свои программные выводы и заключения, величайшую добросовестность в проверке каждого отдельного, казалось бы, незначительного факта. Своей работой «Развитие капитализма в России» Ленин завершил идейный разгром народничества и создал основу для выработки программы и тактики социал-демократической партии в России. Работу над этой книгой Ленин, как известно, начал в 1896 году в тюрьме и продолжил и закончил ее в ссылке. Книга появилась в свет в апреле 1899 года.

Несмотря на трудные условия, в которых Ленин работал, он добился того, чтобы ему были пересланы все новинки, все книги и источники, характеризующие экономическое развитие России. Уже в тюрьме он изучил огромный материал, сделав громадное количество выписок из многочисленных источников. Ленин изучил, и не только изучил, а критически переработал всю имеющуюся литературу по экономике России. В самой работе «Развитие капитализма в России» упоминается и цитируется более 400 различных книг, причем ясно, что использовано Лениным было гораздо больше.

В рецензируемой статье дается подробная характеристика ленинских черновых набросков, раскрывающих лабораторию ленинского творчества. Ленин делает резкие критические пометки на книгах народников, тщательно проверяет обширные материалы земской статистики. В архиве ИМЭЛ хранится свыше 100 книг из прочитанных Лениным в процессе работы над «Развитием капитализма в России», испещренных его пометками.

Ленин высмеивает бессодержательную, антинаучную болтовню народников, их идеализацию общины. Так например в том месте брошюры Капустина «Что

такое поземельная община», где автор глубокомысленно возмущает, что «община — это все, что есть в мыслях и действиях сельского люда», Ленин иронически замечает: «Прелестное определение!» (стр. 22).

Изобличая народников в тенденциозном подборе материала, в извращении фактов, Ленин то и дело делает на полях негодующие пометки: «вранье», «дикое сравнение», «фальшь», «надутое пустозвонство», «экая ахиня» и т. д.

«Ткач все-таки капиталист,— пишет народник, автор книжки «Промыслы Владимирской губернии»,— из основного капитала ему принадлежат челноки, щипцы, щетка, посад и лампочка или вихтарь. Из оборотного капитала на него падают затраты на свет и деревянное масло для смазки челнока и гонок батана» (стр. 33). Против этих «теоретических» выкладок народника Ленин делает краткую, но выразительную пометку: «?! ха-ха-ха!»

Очень характерны пометки Ленина на земских статистических сборниках. Он эти сборники не только изучает: он проверяет весь цифровой материал. Так, анализируя таблицу распределения наделной земли из книги статистика В. Пругавина «Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии», Ленин пишет: «В. Пругавин привел эту табличку, чтобы доказать «громадное значение коренных переделов» (стр. 5), уравнивающих распределение земли. Легко видеть, что цифры его совсем не подтверждают этого вывода» (стр. 30). Далее, Ленин, оперируя цифрами Пругавина, опровергает его вывод.

Тщательно проверяя статистические таблицы, Ленин обнаруживает в них ошибки, противоречия. Так, в «Обзоре Пермского края» в связи с утверждением автора обзора о том, что кустари готовят свои изделия «...из материалов, приобретаемых, главным образом, на месте же», Ленин пишет: «Ложь» (стр. 35)— и указывает на другие страницы той же книги, где приведены данные, свидетельствующие об обратном.

Ленин проделал большую и сложную работу над статистическими указателями, поскольку переписи и обследования в разных губерниях производились разными методами, в разном объеме. Работая над «Указателем фабрик и заводов», составленным П. Орловым, считая его самым ценным источником за 1870-е годы, Ленин тем не менее тщательно проверяет каждую цифру, обращает внимание на изменение названия предприятия и т. п. В «Указателе», например, даны сведения

о крупных фабриках и заводах лишь за 1879 год, а Ленин, для того чтобы проследить динамику развития промышленности, записывает на полях сведения об этих же предприятиях за 1890 год. В тех случаях, когда предприятие в 1890 году закрылось, Ленин отмечает: «90 — нет». В «Указателе» за 1879 год упоминается завод общества русского рельсового производства в Рязанской губернии. Ленин сравнивает с соответствующей таблицей 1890 год и устанавливает: «Видимо в 1879 считал весь завод, а в 1890 г.— лишь одно маленькое отделение» (стр. 39). Вот еще пример: на стр. 2 уже упомянувшегося нами «Указателя» Ленин обнаружил, что в список шерстопрядильных предприятий были ошибочно включены некоторые предприятия Курляндской губернии. Ленин на полях тут же отмечает: «Это шерсточесальни: см. с. 683» (стр. 39).

На стр. 7 «Указателя» ленинская пометка: «!! Ср[авни] итоги с. 690» (там же). При сравнении видно, что на стр. 690 в итогах указано число предприятий 14, а не 2, как на стр. 7. Таких примеров много.

Автор статьи, разумеется, мог привести лишь незначительную часть материалов, характеризующих ленинскую работу по созданию книги. Но даже и то, что имеется в статье, дает представление о поистине гигантской работе Ленина.

В статье Н. Мурашвера «Почин социалистического строительства» приводятся интересные, до сих пор мало известные факты из деятельности тов. В. М. Молотова в Петрограде в 1918—1919 годах. Начало этой деятельности относится к тому времени, когда перед партией во весь рост встала поставленная Лениным задача — «организовать управление Россией» (Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 441). Ленин говорил тогда: «Беритесь сами за учет и контроль производства и распределения продуктов, — в этом и только в этом путь к победе социализма...» (Соч. Т. XXII, стр. 164). Партия выдвинула В. М. Молотова на работу по реализации этих ленинских указаний в Петрограде. В этом крупнейшем промышленном центре страны тов. Молотов работал над организацией аппарата совнархоза Северного края и его местных органов, вел борьбу за создание новой дисциплины труда, за социалистическое планирование. Под руководством тов. Молотова в Петрограде создается план, который был первым в истории социалистическим производственным планом. Это была программа на сентябрь—декабрь, разработанная секцией по металлу и принятая петроград-

ским совнархозом 7 сентября. Тов. Молотов говорил: «...Эта программа—первый крупный шаг в области воссоздания нашей промышленности. Мы с гордостью можем отметить, что постепенно освобождаемся от той слепоты, которой наградил нас капиталистический строй. Мы, порывая с прошлым и прозревая в настоящем, создаем и приближаем светлое будущее. Программа имеет и агитационное значение, так как покажет широким массам, что социалисты не только говорят, но и делают; она также сделает многих членов коммунистической партии более уверенными, более революционными» (стр. 132).

Приятие этой программы имело общереспубликанское значение. Руководство ВСНХ возглавлялось тогда оппортунистом — впоследствии разоблаченным как агент иностранной разведки — Рыковым, который всячески саботировал работу по созданию общероссийского производственного плана. Говоря о работе по планированию, проделанной петроградским совнархозом, тов. Молотов указывал: «...Эта практическая работа заставит и Высший Совет Народного Хозяйства, если там имеются уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, голова, чтобы понимать... — взяться решительнее за выработку общероссийского производственного плана...» (стр. 132—133).

Опираясь на передовиков-рабочих, на славный Путиловский завод, тов. Молотов добился в борьбе против оппортунистов всех толков решающих успехов по организации советской промышленности, советского народного хозяйства в первый период социалистического строительства в нашей стране.

Небольшая статья М. Волина «Echos de Russie» рассказывает об истории бюллетеней «Искры» на французском языке, до сих пор еще совершенно не изученной. Издание этих бюллетеней — одна из интереснейших страниц деятельности большевиков на международной арене. Материал, приводимый в статье, ярко иллюстрирует ту непримиримую борьбу против международного оппортунизма и против центризма, которую большевики вели с первых дней возникновения большевизма.

Известно, что оппортунисты из II интернационала стремились отградить иностранных рабочих от проникновения в их среду большевистского влияния, от большевистских идей и всячески клеветали на большевиков. К периоду издания ленинской «Искры» борьба между революционными и оппортунистическими элементами во Франции приняла особенно острые формы и привела к созданию двух партий. Гэdisty (Французская рабочая партия) и

бланкисты, отколовшиеся от милльеранистов (первые — в 1900 году, вторые — в 1901 году), основали Социалистическую партию Франции. Оппортунисты организовались во Французскую социалистическую партию. Оппортунистическую партию поддерживали лидеры II интернационала, орган германской социал-демократии «Vorwärts» обливал грязью гэdistов. Ленин, старая «Искра» выступили на защиту гэdistов, критикуя в то же время их ошибки и слабости.

В «Искре» был помещен ряд статей, в которых разоблачались французские милльеранисты. Надо было эти статьи довести до сведения французских рабочих. Между «Искрой» и Французской рабочей партией установились тесные отношения. При помощи гэdistов парижская группа Лиги русской революционной социал-демократии приступила к изданию бюллетеней «Искры» на французском языке. Эти бюллетени печатались в Лионе в «Рабочей типографии» северной федерации Французской рабочей партии. Всего вышло 4 номера бюллетеней. Каждый номер имел 4 страницы большого формата с подзаголовком «Бюллетень революционного движения в России». Бюллетени составлялись за небольшим исключением из статей «Искры». Первый бюллетень вышел 1 мая 1902 года, последний — 1 ноября 1902 года.

Из остальных материалов первого номера журнала отметим еще статью о новом, 4-м издании сочинений В. И. Ленина. В ней содержится исключительно красочный цифровой материал о тиражах произведений Ленина в СССР. Общий их тираж с 1917 по 1939 год составил 123,1 миллиона экземпляров. Из них 105,6 миллиона на русском языке, 17,5 миллиона экземпляров на языках других народов Советского Союза. Произведения Ленина изданы на 53 языках народов СССР. Кроме того они изданы еще на 39 иностранных языках. Всего они изданы на 92 языках.

4-е издание сочинений Ленина по общему будет значительно шире предыдущих, ибо оно охватит все основное из великого литературного наследия Ленина, в том числе многие произведения, не вошедшие во 2-е и 3-е издания; некоторые из них были опубликованы лишь в Ленинских сборниках или в нашей периодической печати. К этим работам относятся, например, переписка Ленина и Сталина, ленинская работа «По поводу так называемого вопроса о рынках», проект резолюции III съезда РСДРП о событиях на Кавказе, в котором Ленин характеризует большевистские организации Закавказья как

наиболее боевые организации нашей партии.

Кроме указанных материалов в рецензируемом номере журнала содержится еще большая развернутая работа Б. Верховень «Ленинский план приступа к социалистическому строительству (1918 г.)» и окончание статьи Бурджалова «Из истории великой пролетарской революции в Азербайджане» (начало было напечатано в № 3 за 1939 год).

* * *

В № 2 «Пролетарской революции» помещены две статьи К. Маркса об Индии, впервые опубликованные на русском языке. В свое время они были напечатаны в американской газете «New-York Daily Tribune»: одна — в августе 1857 года, другая — в июле 1858 года.

Первая из них — «Восстание в Индии» — посвящена знаменитому восстанию сипаев, о котором Маркс в названной выше газете опубликовал ряд статей (см. Сочинения. Том XI. Часть 1-я).

Статья относится к тому этапу борьбы, когда английские войска осаждали город Дели, древнюю столицу Индии, захваченный повстанцами, более месяца державшими его в своих руках. Этот город, как известно, был впоследствии взят английскими войсками лишь в результате 7-дневного штурма. Маркс внимательно следит за всеми перипетиями этой борьбы в Индии, разбирает шансы восставших на победу. При этом он сравнивает их борьбу со знаменитой севастопольской обороной, но сомневается в том, что от сипайской армии, не имеющей командиров, не имеющей сильного руководства, можно ждать «...чего-либо подобного тому упорству и выносливости, какое проявили русские в Севастополе» (стр. 179).

Характеризуя отношение буржуазной печати к сипайскому восстанию — этой героической, национально-освободительной борьбе индусского народа против британского владычества в Индии, — Маркс пишет: «Почтенные английские газеты печатают на эту тему статьи, правда, более литературные и изящные по языку, чем большинство передовиц в орегонских газетах во время войны с индейцами на этой территории, но пронизанные той же лютой ненавистью, словно с каждой их фразы каплет кровь» (стр. 180). Маркс гневно клеймит английских «цивилизаторов», которые стреляют повстанцами из пушек, разносят сипаев в клочья. Маркс указывает, что «после этого восстания вся система английского управления в Индии не может не подвергнуться серьезным, может быть коренным, изменениям» (там же).

Эта система действительно подверглась изменениям. Правда, английское правительство все силы приложило к тому, чтобы как можно меньше нарушить интересы Ост-Индской компании. В следующей, помещенной в журнале, статье — «Билль об Индии в палате общин» — Маркс дает меткую характеристику Ост-Индской компании, накопившей огромные богатства на ограблении индусского народа, и краткую историческую справку об отдельных этапах ее хищнической «деятельности». Маркс показывает, что новый билль об Индии, предусматривающий некоторые ограничения политических прав Ост-Индской компании в Индии, полностью сохраняет режим грабежа и угнетения индусских народных масс.

Из ленинских документов в этом номере журнала опубликован написанный Лениным в октябре 1904 года проект извещения об образовании бюро комитетов большинства. В этом извещении Ленин клеймит дезорганизаторскую деятельность меньшевистских лидеров после II съезда РСДРП и примиренцев из числа бывших большевиков, перешедших на сторону меньшевистского большинства ЦК.

Третьей публикацией являются 3 статьи С. М. Кирова о революционной борьбе осетинского народа против Деникина. Они были напечатаны в 1919 году в бакинской газете «Молот», органе бакинских большевиков. В них содержится материал о борьбе осетинской бедноты под руководством партии «Кермен» против Деникина. Партия «Кермен» возникла при ближайшем участии С. М. Кирова летом 1917 года как крестьянская революционно-демократическая партия и впоследствии, в марте — апреле 1918 года, она волилась во Владикавказскую организацию РКП(б) под названием «Осетинская организация РКП(б) «Кермен».

Опубликованные в журнале статьи освещают события (июля — августа 1919 г.), когда добровольческие армии Деникина подступали к Владикавказу, а затем, после взятия его, начали дикую расправу над горской беднотой. В статьях описывается героическая борьба горцев, в частности бой под Христиановским, который был важнейшим форпостом на подступах к Владикавказу. Все три статьи напечатаны за подписью Арцу Тохов, что значит по-осетински: «Вернись, победа!»

Кстати, отметим здесь некоторую неточность в редакционной заметке, предположенной статьям тов. Кирова: в ней утверждается, что эти статьи со времени 1919 года нигде не перепечатывались, кроме «Правды» от 9 сентября 1919 года, в которой было напечатано окончание

статья «Революционная борьба Осетии с Деникиным». Между тем это окончание было перепечатано и в № 4 журнала «Борьба классов» за 1935 год.

Статья Леонтьева «О черновом наброске «Капитала» К. Маркса» посвящена изданной ИМЭЛ на немецком языке рукописи К. Маркса «Основы критики политической экономии», которая является по поставленным и разработанным в ней вопросам, по существу, первым вариантом, черновым наброском «Капитала». В рецензируемой статье дается краткая характеристика этой рукописи, составляющей в издании 764 страницы большого формата. Написана рукопись в чрезвычайно короткий срок — с конца августа 1857 года до начала июня 1858 года, т. е. в 10 месяцев. Маркс работал над ней с исключительной интенсивностью. «Я работаю, как бешеный, ночи напролет над систематизацией своих экономических исследований, — писал он Энгельсу в конце 1857 г., — чтобы успеть еще до погона закончить работу в общем виде» (стр. 137).

Изумительное богатство содержания рукописи поражает даже в кратком описании. В ней подробно освещены следующие вопросы: товар и деньги, простое обращение и обращение капитала, прибавочная стоимость, накопление капитала, производительный и непроизводительный труд, кредит и процент, мировой рынок, норма прибыли и ряд других. Из рукописи видно, что Маркс предполагал развернуть значительно более широкий круг вопросов, чем это было им фактически сделано в «Капитале». Эта рукопись представляет исключительную ценность для глубокого изучения экономических проблем.

Следует особо остановиться на глубоких мыслях Маркса, высказанных им по вопросу о труде. Маркс критикует взгляды Адама Смита, который рассматривает труд как проклятие и отождествляет покой, отсутствие труда, со «счастьем» и «свободой». Маркс указывает, что труд «в нормальной порции», «прекращение покоя», представляет собой одну из потребностей человека и что такой труд является проявлением реальной свободы, ибо он предполагает преодоление препятствий для достижения поставленной самим индивидом цели. Маркс указывает, что не-труд, покой является «свободой» и «счастьем» лишь по отношению к труду по внешнему принуждению (рабский, барщинный, наемный труд), ибо это труд, который не создал еще себе условий, как субъективных, так и объективных, для того, чтобы быть привлекательным трудом, «самоосуществлением индивида». При этом Маркс подчеркивает, что труд, представ-

ляющий такое «самоосуществление», другими словами, труд социалистический, — отнюдь не «простая забава, простое удовольствие, как это крайне наивно применительно к понятиям парижской призраки понимает Фурье. Действительно, свободный труд, например, труд композитора, есть вместе с тем дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение» (стр. 176).

Гениальные слова Маркса о социалистическом труде, сказанные им более 80 лет тому назад, блестяще подтверждены современной действительностью в нашей стране. Труд в стране социализма из жертвы «покоем, свободой и счастьем» стал источником радости, роста и развития. Но вместе с тем он связан с интенсивнейшим напряжением, величайшей самоотверженностью, трудовым героизмом создателей социалистического общества.

Статья тов. Ем. Ярославского «Советы рабочих депутатов в 1905 г.» излагает историю этих боевых органов, созданных творчеством масс в процессе революционной борьбы 1905—1907 годов в Ивандово-Вознесенске, Петербурге, Москве и других городах. Автор извлек интересный материал из уральских архивов о Советах на Нижне-Тагильском, на Мотовилихинском, Надеждинском заводах, на рудниках Нейво-Алапаевского завода и др. Эти Советы были созданы еще весной и летом 1905 года, т. е. за несколько месяцев до Октябрьских дней. Это были Советы еще в зачаточной форме, тем не менее их деятельность, как и деятельность Советов, возникших уже в октябре — ноябре 1905 года, прекрасно иллюстрирует ленинскую оценку Советов как зародышей органов революционной власти, как зародышей временного революционного правительства.

Выборные организации, организации депутатов создавались на ряде заводов Урала весной и летом 1905 года в связи с борьбой за экономические требования. Они не сразу вылились в форму Советов рабочих депутатов. Лишь в процессе борьбы их деятельность и их роль стали выходить за рамки обычных стачечных органов. Приведем характерный документ. Полицейский пристав в своем рапорте верховному уездному исправнику следующим образом описывает деятельность Совета на Надеждинском заводе: «Будучи сперва избираемы как депутаты от рабочих, [стали] ходатайствовать перед заводоуправлением о принятии мер к скорейшей выдаче денег, они отчасти достигли просимого, чем приобрели в глазах своих доверителей некоторый авторитет, затем, явившись ходатаями по другим вопросам экономического быта рабочих, также достигли многого... Ви-

дя, что взятый на себя труд легко дается, депутаты, недовольные взятой на себя добровольно миссией, начали брать на себя другие функции, приписывая к ним дела уже чисто политического характера» (стр. 14).

Далее пристав сообщает о том, как по требованию этих депутатов были удалены со службы некоторые городовые и, наконец, под давлением рабочих депутатов с завода были убраны товарищ прокурора и

помощник начальника жандармского управления.

В № 2 «Пролетарской революции» напечатаны еще статьи И. Разгона «Разгром каледнинщины», Н. Яковлева «Большевистское подполье в тылу у Колчака» и М. Шацнева «Партия большевиков в период передышки 1920 г. (январь — апрель)» и некоторые другие.

О. ВЕЙЛАНД

«ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ». №№ 1 и 2 за 1940 год. Институт истории Академии наук СССР.

В 1940 году «Вестник древней истории» значительно повысил политический и научный уровень помещенных в нем материалов, отразив в своей области общий подъем советской исторической науки в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)».

На страницах двух первых номеров «Вестника древней истории», вышедших из печати в 1940 году, опубликованы: рукопись Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» (№ 1), интереснейшее исследование одного из крупнейших современных мировых буржуазных историков и филологов Б. Грозного о расшифровке протоиндийских писем (№ 2), ряд статей советских историков и археологов на актуальные темы, обстоятельные рецензии и библиографические обзоры новейшей советской и иностранной литературы по вопросам древней истории и древнейшего периода истории народов СССР, отчеты о важнейших археологических раскопках и открытиях, сообщения о работе исторических научных учреждений, съездов и конференций как за 1939, так и за начало 1940 года. Кроме того по примеру прошлых лет оба вышедшие номера «Вестника древней истории» содержат ценные приложения — переводы произведений античных авторов (в № 1 — Вегеция, в № 2 — Арриана и Псевдоарриана).

Обращаясь к разбору содержания обоих вышедших номеров, необходимо прежде всего остановиться на ценнейшей рукописи Маркса. Это замечательное произведение, впервые опубликованное в № 3 журнала «Пролетарская революция» за 1939 год и частично перепечатанное «Вестником древней истории» в № 1 за 1940 год, имеет исключительное значение не только для историков, но и для каждого квалифицированного советского читателя.

Эта рукопись раскрывает всю глубину и

сложность подготовительной работы Маркса над своими произведениями, вводит читателя в лабораторию научной мысли гениального ученого-революционера, является блестящим образцом тщательнейшего изучения Марксом конкретного исторического материала.

Рукопись Маркса была написана зимой 1857—1858 года и является подготовительным материалом для работы над «Капиталом». Она содержит анализ докапиталистических общественных отношений.

Работа Маркса имеет крупнейшее значение для историков, изучающих общественные отношения древнего мира.

Она вносит полную ясность в понятия восточной и античной общин, определяет их специфику и различия между ними и тем самым кладет конец затянувшимся дискуссиям по этим вопросам.

После опубликования рукописи Маркса очевидно, что попытки некоторых историков установить наличие в древности какой-то особой, «азиатской» общественно-экономической формации оказались несостоятельными.

Несомненно, что эта публикация является стимулом для дальнейшего углубленного изучения советскими учеными различных типов рабовладельческих и феодальных обществ.

Из других материалов, помещенных в № 1 «Вестника древней истории», следует отметить содержательные статьи, углубляющие трактовку отдельных проблем древней истории.

Ряд этих статей открывается работой акад. С. А. Жебелева «О «тирании Тридцати» в Афинах». Эта работа уточняет подробности истории олигархического режима, господствовавшего в Афинах в 404—403 годах до нашей эры, и основана на анализе седьмого письма Платона, подлинность которого долго возбуждала сомнения, но в настоящее время окончательно установлена.

По данным Платона и упоминаниям Ксенофонта и Аристотеля, С. А. Жебелев устанавливает, что, кроме коллегии «Три-

дцати», существовали еще тесно связанная с ней группа из одиннадцати человек, управлявшая городом Афинами, и другая группа — в десять человек, правившая в Пирее. Таким образом, правильное было бы говорить об афинском олигархическом правительстве не «Тридцати», а «Пятидесяти одного». «Все три коллегии — «Тридцать», одиннадцать, десять — были так тесно спаяны в своей деятельности, что Платон имел полное основание говорить о правительстве 51, ставшем во главе переворота 404 года. И замечательно: когда гражданская война в Афинах прекратилась и когда была провозглашена амнистия, под нее все подошли, кроме Тридцати, одиннадцати и десяти... Аристотель..., сообщая об этом, делает оговорку: если одиннадцать и десять представляют отчет в своих действиях, амнистия может быть распространена и на них» (стр. 29). Кроме того С. А. Жебелев устанавливает, что «Тридцать» созвали «народное собрание» из двух тысяч, и выясняет фальсифицированный, антинародный характер этого собрания. Этим самым устраняется неточность в толковании соответствующих мест у афинского оратора Лисия и Аристотеля: «Итак, народное собрание происходило в дикастерии¹, что было необычным явлением и что поэтому отмечено Лисием, взявшим это из псефизмы².

Оно было в составе 2000... что также было необычно и что также отмечено и в псефизме и у Лисия... Я представляю себе дело так: когда составлен был список 3000, в него вошла первая тысяча — 500 членов совета и 500 должностных лиц. Остальные 2000 должны были представлять собою... народное собрание. Не стоит говорить, что это «народное собрание» было послушной игрушкой в руках Тридцати...» (стр. 31—32).

Наконец С. А. Жебелев опровергает мнение В. П. Бузескула о том, когда появилось название «Тирания Тридцати». Если В. П. Бузескул считал, что это название унаследовано от Цицерона, то С. А. Жебелев устанавливает, что оно встречается уже у греческих историков IV века до нашей эры, в частности у Эфора, и было создано народом.

«Название «Тридцать тиранов», «тирания Тридцати», ведет свое происхождение из житейского обихода и является олицетворением образа действия Тридцати» (стр. 33).

Много ценных материалов содержит переводная статья французского ориенталиста

Ж. Доссена «Хозяйственные архивы дворца Мари». Не останавливаясь на общем историческом значении археологических открытий в Мари³, статья Доссена дает ряд интереснейших сведений о торговых и культурных сношениях переднеазиатских стран с островом Критом. Эти сведения доказывают экономическое и культурное единство средиземноморского и переднеазиатского мира уже в конце III тысячелетия до нашей эры: «Сношения между Средиземноморским побережьем и долиной Евфрата были также очень активны. О них уже догадывались на основании археологических свидетельств, которые были умножены в последние годы благодаря главным образом раскопкам в Мари и Рас-Шамра. Хозяйственные архивы дворца Мари дают отныне неоспоримые доказательства существования тесных отношений, в эпоху около 2000 г. до н. э. между Сирией и долиной Евфрата... Кипрская медь... употреблялась в литейных мастерских дворца Мари, как об этом свидетельствуют четыре упоминания в счетах.

Название города Библоса⁴ появляется целых восемь раз в наших документах... Ткани Библоса очень ценились в Мари, и некто Ia-du-gi-im принес в дар дворцу кусок ткани, «когда он вернулся из Библоса...».

Наконец, произведения Кафтора, несомненно, страны Keftiu (Крита, позднее — более широкой области Эгейского моря), известны в Мари и обращаются в Месопотамии» (стр. 43—45).

Материал статьи Ж. Доссена в значительной степени изменяет научные представления об экономических и культурных взаимоотношениях стран восточного Средиземноморья. Дальнейшие публикации документов, найденных в Мари, обогатят наши знания в области истории древнего Востока.

Оригинальна статья Ю. Францова «К эволюции древнеегипетских представлений о земле». В ней анализируется Лейденский демотический папирус, который «содержит различные версии текстов, читавшихся на празднике прихода солнечной богини в Египет» (стр. 47). Наряду с основным текстом в папирусе имеются «различные богословские приписки, глоссы, комментарии к отдельным частям обряда» (там же). Один из этих комментариев и анализируется Ю. Францовым. Автор приходит на основе этого анализа к выводу о правильности античной традиции, называвшей египетских жрецов учителями древнегреческих натурфилософов:

¹ Дикастерий — помещение для суда присяжных.

² Псефизма — постановление афинского народного собрания.

³ Х. Пеклер «Древнее государство Мари», «Исторический журнал» № 9 за 1940 год.

⁴ Библос — город в Финикии.

«Приобретает значение античная традиция, согласно которой греки во многом считали себя учениками египетских мудрецов и высоко ценили египетскую науку. Посещение Египта и годы обучения у египетских жрецов античная традиция приписывала и Фалесу, и Пифагору, и Демокриту, и другим» (стр. 50).

Подтверждая своим исследованием данные античной историографии, Ю. Францов вносит ценный вклад в изучение культурной истории древности.

Положительное впечатление оставляет и статья проф. Ю. А. Иванова, обстоятельно освещающая вопрос о социальной базе заговора Сергия Катилины. Тщательно проанализировав данные античных авторов о целях, характере и социальном составе участников антиреспубликанского заговора 63—62 годов до нашей эры, возглавлявшегося Сергием Катиллиной, проф. Иванов показывает антидемократический, авантюристический облик как самого Сергия Катилины, так и ближайших к нему лиц, бывших лишь орудиями в руках других знатных честолюбцев: «Катиллину во всяком случае выпустили на авансцену. Именно он руководил террористической группой; подлинные вожди оценили его организаторские способности» (стр. 73).

Автор приходит к выводу, что заговор Катилины — «симптом полнейшего распада старой системы римского господства. Он явился прологом к событиям 50-х годов, из которых родилась потом диктатура Цезаря. Но последний был умнее, талантливее и последовательнее Катилины. Там, где Катиллина погиб, Цезарь добился победы» (стр. 81).

Особый интерес представляет статья Л. И. Думана «Реформы Ван Мана», подробно освещающая один из драматичнейших эпизодов истории древнего Китая — политическую деятельность древнекитайского реформатора Ван Мана. Советские научные работники, преподаватели и студенты особенно нуждаются в книгах и статьях по вопросам древнейшей истории дальневосточных стран. Работа Думана частично восполняет отсутствие научной литературы по этим вопросам. Она дает читателю представление об экономике и социальном строе древнекитайского общества I века до нашей эры — I века нашей эры, о реформах Ван Мана, о личности и биографии этого дальновидного политика, пытавшегося рядом законодательных мер (ограничение торговли рабами, восстановление общинного землепользования и т. д.) предотвратить восстание рабов и закабаленного сельского населения Китая, о провале этих мероприятий из-за саботажа знати и чиновников и, наконец, о взрыве народного

возмущения, известном в истории под именем «Восстания красных бровей».

Все основные положения своей статьи Л. И. Думан иллюстрирует отрывками из переводов китайских исторических хроник.

Нельзя признать вполне удачной напечатанную в № 1 «Вестника древней истории» статью проф. Н. П. Грацианского «Система полей у римлян по трактатам землемеров».

Проф. Грацианский изложил материал в сугубо «академическом» стиле. Текст статьи перегружен непомерно большим количеством латинских научных терминов и цитат, оставленных без перевода. Между тем помещать статью, написанную на столь узко специальную тему, имело смысл как раз ради перевода и объяснения специальной терминологии, употреблявшейся древнеримскими агрономами.

Во втором номере напечатана статья одного из крупнейших современных буржуазных лингвистов и историков, пражского профессора Б. Грозного, содержащая попытку дешифровки протоиндийских надписей. Проф. Б. Грозный делает интереснейшую и, на первый взгляд, весьма убедительную попытку расшифровать иероглифические надписи на древних индийских камнях-печатах, найденных в северозападной Индии, в развалинах древнего городища Мохенджо-Даро, и относимых археологами к III тысячелетию до нашей эры.

Опираясь на аналогичные изображения древнеегипетских иероглифических надписей, проф. Б. Грозный расшифровывает протоиндийские иероглифы и устанавливает смешанный этнический состав населения бассейна реки Инда.

Неприемлемы общие положения статьи проф. Б. Грозного о том, что прародина большинства известных в настоящее время древних племен будто бы находилась в районах, прилегающих к Каспийскому морю. Отдельные филологические догадки Б. Грозного крайне рискованны, но советские ученые не могут не признать большой вероятности предложенного Б. Грозным чтения протоиндийских иероглифов.

Весьма содержательны и интересны и другие статьи второго номера. Статья Н. А. Шолпо «К вопросу о древнеегипетских заупокойных статуэтках, именуемых «ушебти» содержит ряд интереснейших подробностей, помогающих читателю уяснить классовую сущность древнеегипетских представлений о загробном мире.

Исследуя культ мертвых в Древнем Египте в свете данных последних археологических раскопок, Н. А. Шолпо останавливается на ритуальном значении многочисленных небольших деревянных, глиняных и каменных статуэток, являвшихся в

могилы знатных египтян. Согласно древнеегипетским верованиям, эти статуэтки должны были заменять умершему господину в загробном мире живых работников: «Как слуги покойного, как его рабы, направлявшиеся вместе со своим господином в загробный мир, ушебти помещались в специальные ящики, иногда в большом количестве. В этом отношении ушебти напоминают нам о существовавших когда-то человеческих жертвоприношениях. И действительно, последние раскопки в Саккара¹ подтверждают наличие их во времена I династии². Гробница визиря Хемака была окружена девятнадцатью могилами, где были найдены человеческие кости, десятью могилами, где были потребены птицы и собаки и вместе с ними их надсмотрщик. Погребение Хемака показывает, что знатный покойный при погребении брал с собою в загробный мир своих слуг и любимых животных» (стр. 41).

Статья проф. Н. И. Новосадского «Художественное воспитание в древней Греции» содержит много ценного исторического материала и представляет большой интерес для читателей, изучающих античную культуру.

Подробно останавливаясь на самых разнообразных формах художественного воспитания в древней Греции, главным образом в Афинах, Н. И. Новосадский сообщает интересные данные о музыке, пении, танцах, которые были особенно распространены среди эллинов в античную эпоху: «Музыка, как и песня, была украшением греческих праздников и постоянной спутницей их пиров. На пиру лира передавалась из рук в руки участникам беседы, которые исполняли под ее звуки застольные песни. Этот обычай был сильным побуждающим мотивом для обучения музыки. Детей обучали музыке также и для того, чтобы они могли принимать участие в торжественных процессиях во время праздников. Упоминания о музыкальных состязаниях детей и взрослых граждан во время праздников встречаются нередко в эпиграфических памятниках» (стр. 58).

«Танцы древних греков были так разнообразны, что у древних авторов и лексикографов сохранилось около двухсот названий различных видов танца» (стр. 61).

Античное художественное воспитание не ограничивалось обучением музыке, пению, танцам, рисованию и т. д. Культурной красотой были пропитаны все области частной и общественной жизни древних греков. Чему бы ни учили детей: гимнастике, чтению, письму, умению носить одеж-

ду, — учителя добивались от своих учеников красоты и изящества.

Все эти факты убеждают читателя в том, что художественное воспитание занимало в древней Греции значительное место. В то же время автор указывает, что оно было доступно только привилегированной верхушке населения:

«Художественное воспитание достигнуто в древней Греции высокого развития, но оно было уделом немногих, привилегированного меньшинства. Только праздникам античных городов был открыт доступ к участию в публичных состязаниях и общественных играх, рабы и иностранцы были лишены этого права. Но фактически, конечно, художественное воспитание было по средствам лишь богатым гражданам. Оно было в значительной степени результатом активности античного общества, покоящегося на рабстве, и культивировалось в ущерб и за счет развития производительного труда» (стр. 64).

В статье Д. П. Калистова «Политика Августа в Северном Причерноморье» детально разобраны данные античных авторов по вопросу истории древнего Рима, представляющему особый интерес для советских читателей. Д. П. Калистов дает критический разбор работ буржуазных исследователей по разбираемой им проблеме, характеризует захватнические стремления римского правительства, пытавшегося с помощью поставленных им марионеточных правителей подчинить себе Боспорское царство. План этот потерпел крах, так как местное население выдвинуло из своей среды энергичного политического деятеля Аспурга, сумевшего решительно пресечь захватнические посылки римлян.

«Надо полагать, что Аспург и его политические наследники, — пишет Д. П. Калистов, — сумели сохранить независимость своей страны, только опираясь на значительные слои туземного варварского населения. Именно эта часть населения боспорской территории при столкновении с сильнейшим рабовладельческим государством древности оказалась способной не только сопротивляться, но и одерживать победы» (стр. 77). Сравнивая положение на Боспоре с положением в Западной Европе, автор приходит к выводу, что «сложившаяся на Боспоре обстановка во многих отношениях напоминает то, что происходило в это время и позже в западной части Европы» (там же).

Вековая борьба боспорского населения против римского владычества свидетельствует о том, что известное положение товарища Сталина о роли варваров в крушении Римской империи следует применять

¹ Местность в Среднем Египте.

² Середина IV тысячелетия до нашей эры.

не только к Западной, но и к Восточной Европе.

Весьма интересна помещенная в том же номере статья Е. М. Штаерман «Гонения на христиан в III веке». Исходя из положений, выдвинутых Ф. Энгельсом в работе «К истории первоначального христианства», Е. М. Штаерман критически разбирает работы буржуазных исследователей о раннем христианстве. Отбрасывая гиперкритические положения буржуазных историков, отрицавших наличие христианских общин в I веке нашей эры и систематических гонений на христиан во II веке нашей эры, Е. М. Штаерман убедительно доказывает достоверность сведений античных авторов о христианских гонениях. Автор разбирает причины, ход и результаты гонений и приходит к выводу, что гонения были теснейшим образом связаны с общим кризисом всего общественного и политического строя Римской империи III века нашей эры. «Одним из важных моментов кризиса III века было обострение отношений Рима с провинциями, намечавшееся уже в конце II века, но в полной мере выпавшее на поверхность только в середине III века. Начинается борьба центральной власти с различными узурпаторами и провинциальными волнениями, и, конечно, она не могла больше игнорировать христианство, ставившееся наиболее жизнеспособной и преуспевающей формой провинциальной оппозиции. Это неизбежно должно было привести и привело к усилению борьбы государства с христианскими общинами. Намеки на связь между гонениями на христиан и конфликтами в провинциях мы видели уже при Марке Аврелии и Септимиане Севере, более явственно эта связь выступает при Деции¹» (стр. 102).

Гонения не ослабили христианских общин, они лишь способствовали их централизации, сплочению, усилению авторитета клира и ускорили процесс консолидации христианской церкви. Это сделало неизбежным впоследствии для центрального правительства империи заключение мира и союза с христианским духовенством.

Статья Е. М. Штаерман иллюстрирует конкретными фактами указания Энгельса о том, что вопреки всем преследованиям, а часто даже при их помощи, христианство неустранимо прокладывало себе путь вперед².

Статья проф. В. С. Сергеева «Принципат Тиберия» уточняет взгляд автора на ранний период истории Римской империи, из-

ложенный в соответствующих главах второй части его «Очерков по истории древнего Рима», выпущенной в 1938 году. Проф. Сергеев подчеркивает крайний субъективизм античных и современных буржуазных историков при оценке личности и политической деятельности преемника Августа.

Статья проф. С. Я. Лурье «Клисфен и Птоломахиды» содержит разбор древнеафинской надписи, перечисляющей имена архонтов. На основании этих имен проф. С. Я. Лурье уточняет вопрос о взаимоотношениях Птоломахидов с Клисфеном, вождем афинской демократической революции 509—508 годов нашей эры.

Кроме статей оба рецензируемых номера содержат ряд библиографических обзоров и рецензий, весьма обстоятельно знакомящих советских читателей с новейшей советской и зарубежной литературой по вопросам древней истории.

Среди многочисленных рецензий наиболее интересны помещенные в № 1 детальные разборы новинок англо-американской и французской исторической литературы, написанные проф. К. Зельиным, проф. Н. Машкиным и Т. Шелуновой.

Проф. К. Зельин критически разбирает американский сборник «Мичиганские папирусы», содержащий публикацию разнообразных по содержанию древнегреческих папирусов эллинистической и римской эпох, найденных в Египте. Как указывает рецензент, «III том Мичиганских папирусов... не имея в своем составе каких-нибудь исключительных по значению документов, бросающих совершенно новый свет на историю греко-римского Египта... включает обширный и ценный исторический материал. Этот материал относится главным образом к первым трем векам н. э.» (стр. 123).

Среди документов сборника выделяются 4 удостоверения на латинском языке о рождении детей у римских граждан, живших в Египте, несколько заявлений, регистрирующих ученичество, и сообщения о многочисленных столкновениях из-за жилищ. Особое внимание историка привлекают частные письма некоего Паниска, относящиеся к концу III века нашей эры и содержащие интереснейшие сведения о политической борьбе в Египте в 296 году нашей эры. В частности они уточняют данные исторической науки о Фирме и Ахилле, пытавшихся объединить Египет под своею властью и свергнуть римское господство.

Т. Шелунова рецензирует XII том «Кембриджской древней истории». Рецензент указывает, что с выходом XII тома закончилось издание «Кембриджской древней

¹ Император Деций правил в 249—251 годах нашей эры.

² См. Маркс и Энгельс. Т. XXI, стр. 409.

истории», начатое Кембриджским университетом еще в 1923 году: «Двенадцать объемистых томов, составляющих в общей сложности около 10 тысяч страниц, с приложением карт, хронологических и генеалогических таблиц, планов, библиографии, указателей и выпускаемых отдельно иллюстраций, являются необходимым справочным пособием для каждого, занимающегося древней историей» (стр. 131). Признавая научную ценность этого издания, Т. Шепунова в то же время дает детальный критический разбор построения и содержания отдельных частей рецензируемого издания. Являясь плодом коллективного труда лучших представителей современной буржуазной науки, «Кембриджская древняя история» «как нельзя лучше демонстрирует слабые стороны буржуазного исторического мышления: при большом накоплении материала — полную беспомощность в области синтеза и методологии» (стр. 132).

В рецензии критикуется хронологическое построение книги и следующей за ней «Кембриджской средней истории», по которому античная история заканчивается на середине правления Константина (324 год н. э.), а средняя история начинается с Никейского собора христианской церкви в 325 году. «Граница между античностью и средневековьем определяется с точки зрения редакции «Кембриджской истории» не социальными, экономическими и даже не политическими, а религиозными признаками» (стр. 133).

Вторым недостатком XII тома «Кембриджской древней истории» является отсутствие цельности. По мнению Т. Шепуновой, этот том при чтении воспринимается, как «простая сумма глав, написанных разными авторами» (стр. 133).

Характерной чертой этого труда является исключительное внимание авторов к вопросам церковной истории. Само собою разумеется, что «Кембриджской древней истории» присущи все минусы буржуазной историографии — модернизация древней истории, полное непонимание роли рабства и колониата, причем последний рассматривается как репрессивное явление. Заканчивая свой критический разбор, Т. Шепунова отмечает, что «последний том «Кембриджской древней истории» мобилизовал большой исторический материал. Но этот материал ждет еще своих исследователей, вооруженных единственно научной методологией — марксистско-ленинской материалистической диалектикой» (стр. 135).

Аналогичные недостатки отмечает проф. Н. Машкин в работе французского историка М. Белье «Римская империя от воцаре-

ния Северов до Никейского собора»¹. Однако рецензент указывает наряду с недостатками, присущими работам всех буржуазных историков, и ряд положительных сторон труда Белье:

«В смысле привлечения источников и литературы работа Белье оставляет благоприятное впечатление. В начале каждой главы и в последующем изложении приводятся ссылки на различные издания источников и даются довольно подробные (хотя и не исчерпывающие) указания на литературу по отдельным темам. По отдельным вопросам, дебатировавшимся в историографии в последние годы, дается обзор различных теорий и взглядов» (стр. 137).

Положительной стороной труда Белье, с точки зрения рецензента, является взгляд на реформаторскую деятельность Диоклетиана и Константина: «Мысль о том, что политические реформы Диоклетиана и его преемников были подготовлены в предшествующий период, неоднократно высказывавшаяся в частных исследованиях (Платнауера, Омо, Шульца и других), впервые, систематически проведена в работе общего характера» (стр. 135).

Из других библиографических обзоров и рецензий следует отметить отзыв С. Киселева о «Введении в археологию» проф. А. В. Арциховского, помещенный в № 2 журнала.

С. Киселев подчеркивает как большое достижение советской науки тот факт, что в работе Арциховского «впервые в истории археологического образования в одном курсе оказались объединенными памятники первобытные, античные и средневековые (обычно вообще не изучавшиеся). Это делает лекции А. В. Арциховского, помимо их индивидуальных положительных особенностей, существенным дополнением к соответствующим общим историческим курсам» (стр. 132).

Подчеркивая ряд мелких недочетов курса А. В. Арциховского, С. Киселев признает высокое качество рецензируемой им работы и приходит к заключению, что она совершенно по-новому поставила преподавание археологии среди других исторических дисциплин.

Отмечая успехи «Вестника древней истории» в области критической постановки актуальных проблем исторической науки и разбора как советских, так и междупародных исторических изданий, следует сделать несколько частных замечаний.

Некоторые из книг рецензируются с большим опозданием (в 1940 году рецен-

¹ Maurice Besnier «L'Empire Romain de l'avènement des Sévères au concile de Nicée». Paris. 1937.

зируются книги, выпущенные в 1937 году).

Несколько односторонне подбирается рецензируемая международная литература, среди которой полностью отсутствуют немецкие и итальянские исторические работы. Эти минусы должны быть устранены редакцией в работе над последующими номерами.

Весьма разнообразен материал хроники. Особое внимание привлекает сообщение И. Снегирева в № 2 о новейших раскопках в северозападной Индии, где начиная с 1921—1922 по 1937 год индусские и английские археологи открыли в местности Мохенджо-Даро («Холмы смерти») развалины древнего города, относящиеся к III тысячелетию до нашей эры. На большой площади в 240 акров обнаружены остатки двухэтажных зданий с собственными колодцами, водопроводами и ванными. Здесь же найдена масса мелких глиняных, металлических и каменных изделий и высокохудожественные произведения искусства. Наконец, тут обнаружены образцы древнеиндийских надписей, расшифровка которых уже сделана Б. Грозным. Статья тов. Снегирева снабжена рядом хорошо подобранных иллюстраций.

Не меньший интерес представляет собой и сообщение О. Бадера (в том же номере) о раскопках, проведенных Институтом антропологии Московского университета в 1939 году в Крыму, у Волчьего Грога, где впервые в СССР были обнаружены остатки

палеолитической стоянки с орудиями типа Мустье.

Находка мустьерских палеолитических орудий на территории СССР представляет исключительный научный интерес, так как она резко изменяет современные научные представления о распространении стоянок первобытного человека в эпоху палеолита.

Из других материалов хроники следует отметить справку о работах археологических экспедиций в СССР за 1939 год, описание материалов выставки китайского искусства в московском Музее восточных культур, обзор археологических работ в Киргизии в 1939 году, сообщение о вновь найденной древнеперсидской надписи царя Ксеркса, повествующей о походе персов на Грецию в 480 году, и материалы к 50-летию научно-исследовательской деятельности акад. С. А. Жебелева, исполнившемуся в 1940 году.

В 1940 году журнал продолжал опубликование работ античных авторов, начатое в 1939 году. В № 1 за 1940 год помещено «Краткое изложение военного дела» Вегеция, в № 2 — «Индия» Арриана и «Плавание вокруг Эритрейского моря» Псевдоарриана.

Заканчивая обзор журнала, следует еще раз указать на высокий научный уровень и актуальность подавляющего большинства материалов, помещенных в №№ 1 и 2 «Вестника древней истории».

А. БОКЩАНИН

В. ПИЧЕТА. «Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии». М. Соцэкгиз. 1940. 136 стр. 10 000 экз. Ц. 1 р. 55 к., перепл. 1 р. 25 к. ♦

Сжатый очерк истории Западной Украины и Западной Белоруссии, написанный В. Пичетой, охватывает целое тысячелетие. На стр. 4-й В. Пичета приводит свидетельство арабского писателя Аль-Масуди о славянском племени дулебов, то есть бужан, или волынян, датируемое сороковыми годами X столетия. Заканчивается же книга рассказом об историческом воссоединении Западной Украины и Западной Белоруссии с Советскими Украинской и Белорусской Республиками в 1939 году.

Автору удалось достаточно отчетливо показать основные вехи этой тысячелетней истории.

В книге рассказывается о том, как росли и расцветали в экономическом и в культурном отношении Галицкое и Влади-

миро-Волыньское княжества до половины XIV века; как затем эти территории в результате княжеских междоусобиц, нашествия татаро-монголов и иных причин попали под власть Литвы и Польши. Рассказав о том, как местное население, нередко предаваемое боярами, оказывало упорное вооруженное сопротивление чужеземным завоевателям, В. Пичета делает глубоко обоснованный вывод: «Отбивая нападение своих соседей (венгров, поляков и литовцев.—И. Б.), Романовичи (галицко-волыньские князья Даниил и Василько.—И. Б.) облегчали положение Руси, находившейся под властью татар. Они закрыли дорогу для польских интервентов на Русь.

В этом заключалась основная историческая заслуга населения Галицко-Волыньской земли, поддерживавшей Романовичей в их борьбе с западными соседями за политическую независимость своего княжества» (стр. 16). Уже одного этого указания достаточно для того, чтобы понять, как тесно связаны исторические судьбы

братских народов: русского, украинского и белорусского. Дальнейшее изложение также дает этому немало доказательств. Отсюда ясно, что изучение истории Украины и Белоруссии имеет важнейшее значение для всякого изучающего историю СССР.

Автор достаточно широко показал экономическое положение народа и развитие феодальных отношений на Украине и в Белоруссии на протяжении нескольких веков господства польско-литовских панов. Это позволило автору найти правильный ответ на ряд важных вопросов. Так, он указывает время и причины возникновения украинской и белорусской народностей:

«Развитие экономических связей между Галицкой Русью и другими землями Юго-Западной Руси, содействуя слиянию всех земель в одно экономическое и социально-политическое целое, было основной причиной образования украинской народности и украинского языка на общерусской, славянской основе и основе местных говоров. Население называло себя «русским», или «руським», тем самым противопоставляя себя нерусским народностям — польской, литовской и немецкой. С конца XV в. земли так называемой Юго-Западной Руси следует называть Украиной, так как сам народ называл в своих песнях этим именем свою родину» (стр. 28).

«В половине XVI в. Восточная Белоруссия втягивалась в товарно-денежные отношения, связываясь экономически с Западной Белоруссией. Вместе с тем происходил процесс формирования белорусской народности и белорусского языка на основе местных северо-западных говоров. Активный язык по своим фонетическим и морфологическим признакам вполне может быть признан белорусским языком» (стр. 29).

В. Пичета показывает, как упорно и беспрерывно (хотя, разумеется, различными средствами в разное время) боролся трудовой народ Западной Украины и Западной Белоруссии против двойного, классового и национального, гнета. Перед читателем проходит целая галерея предводителей крестьянских восстаний: Наливайко в конце XVI века (стр. 47), Богдан Хмельницкий, Головацкий, Небаба, Кривошапка, Гаркуша в середине XVII века (стр. 48—49), Палий, Самусь, Искра в самом начале XVIII века (стр. 78—79), Железняк, Гонга во второй половине XVIII века (стр. 90—93), Кармелюк, Яков Шель в XIX веке (стр. 113—114). В главе V показано, как после раздела Польши паны быстро столкнулись с царским правительством и при его поддержке еще усилили эксплуатацию польских, украинских и белорусских крестьян. И в этот период крестья-

нство восставало против своих угнетателей. В последней главе рассказано о невыносимом положении крестьянства Западной Белоруссии и Западной Украины в созданной империалистами панской Польше. Доведенные до отчаяния, белорусские и украинские крестьяне не раз за время недолговечного существования «независимой» Польши восставали против панов.

Узколобая, недальновидная политика польских помещиков, установивших слышанный классовый и национальный гнет, явилась одной из главных причин крушения Польского государства в конце XVIII века.

Только в результате проносов империалистов могло снова возникнуть буржуазно-помещичье Польское государство. Но господствующий класс польских панов так ничему и не научился. Он повторил все глупости и ошибки своих предков и за два десятилетия привел Польшу к окончательному бесславному краху.

Народы же, угнетавшиеся панами, пронесли сквозь века кровавых насилий и кошмарных преследований свою волю к жизни, к свободе, свою преданность родине и любовь к братьям по крови, свое стремление к воссоединению с русским народом для свободной и счастливой жизни — и они достигли с помощью великой Страны советов осуществления всех своих чаяний и надежд.

История многострадальных украинского и белорусского народов учит тому, как надо любить свою свободу и родину, как надо бороться за нее и побеждать. Книжка В. Пичеты напоминает об этом замечательном историческом уроке, и в этом ее ценность.

Отметим удачное сочетание в этой работе популярности изложения с научно-исследовательской глубиной. По поводу интересной и ценной книги В. Пичеты можно сделать только несколько критических замечаний.

Автор говорит, не указывая даты, но, судя по тексту, применительно к XVI веку: «В условиях разрыва с культурой Северо-Восточной Руси и культурных связей с Византией украинская и белорусская культура продолжала развиваться, испытывая на себе влияние Запада, главным образом чешской письменности» (стр. 31). Однако с утверждением автора, что в XVI веке (или ранее) порвалась культурная связь Белоруссии с Московским государством, нельзя согласиться. Наоборот, чрезвычайно поучительным является то, что несмотря на все трудности связь эта существовала. Она стала особенно крепнуть тогда, когда Московское государство стало превращаться в сильное цен-

трализовальное Русское государство. Это вполне естественно. Угнетаемое чужеземными завоевателями, украинское и белорусское население обращало свои взоры к братскому русскому народу, сумевшему именно в это время сбросить с себя иго завоевателей и создать собственное сильное государство. Свидетельств такого внимания, интереса к Москве немало. Так, подсудок Федор Евлашевский из местечка Ляховичи (теперешней Барановичской области БССР) в своем дневнике неоднократно упоминает об Иване Грозном. Особенно интересно отметить, как, по словам Евлашевского, Иван IV отнесся к Люблинской унии. Польские послы в 1570 году «князю великому московскому Ивану Васильевичу о докопченью унее наше ознакомили и примере на три лета принесли. Смеялся московский на ознакомиене уней, мовечи: «давном я то видал, же Ляхи и Литва королевские»¹.

Как видим, в Югозападной Руси знали об ироническом отношении Московского царя к Люблинской унии. Это не могло не ободрять борцов против унии 1569 года. Характерно также, что первопечатник Иван Федоров, попав в Югозападную Русь, на всех своих книгах, печатавшихся в Заблудове, Львове и Остроге, указывал: «Из Москвы» или «Москвитин». Ходкевич в предисловии к изданной им книге писал в 1569 году, что он воспользовался услугами печатника, прибывшего из Москвы. В изданной в Остроге в 1581 году Библия не только снова упоминается о московском происхождении Ивана Федорова, но и специально подчеркнуто, что за оригиналом для издания посылались гонцы в Москву, к царю Ивану IV. Есть и другой документ того же времени, свидетельствующий о том, как из Львова ездили к Ивану IV за книгами. В. Тяпинский, издавший около 1580 года евангелие на белорусском языке, также неоднократно ссылается в тексте издания на московские книги; ссылается он на Москву и в своем предисловии к евангелию. Всех этих многочисленных ссылок на Москву не могло бы, разумеется, быть при отсутствии интереса к Москве и связей с нею. Они свидетельствуют, наоборот, о большом и сочувственном внимании к Москве. Можно смело говорить об авторитете и влиянии Москвы на Югозападную Русь уже в XVI веке. Но нужно кроме того сказать и о влиянии Югозападной Руси на Москву, влиянии, возникшем, очевидно, не позднее начала или первой трети XVI века. Исследователи установили зависимость отдельных мест послесловия московского печатного «Апо-

стола» 1564 года от послесловий славянских книг, печатавшихся на Западной Украине и в Западной Белоруссии или распространявшихся там (Франциска Скорины и др.). А эти книги были одним из средств борьбы против полонизации, одним из отражений просветительного движения в Европе. Таким образом, можно констатировать и такой своеобразный путь европейского влияния на Московское государство XVI века через Западную Украину и Западную Белоруссию. К сожалению, В. Пичета прошел мимо этих фактов, между тем как они имеют исключительное значение: они свидетельствуют о том, что связи и взаимное влияние братских народов—русского, украинского, белорусского—были еще в XVI веке, когда украинский и белорусский народы с надеждой смотрели на свободное от иноземных завоевателей Русское государство. Эти связи сохранились и в дальнейшем, как видно из книги. Судьбы украинского и белорусского народов оставались тесно связанными с судьбой России. Не случайно после изгнания польских интервентов из России в начале XVII века польский сейм в ряде постановлений первой половины XVII века вынужден был подтвердить некоторые свободы для «православного» (т. е. украинского и белорусского) населения (стр. 56). Недаром польское правительство в XVIII веке, да и всегда, когда могло это сделать, старалось не допускать никаких культурных связей с Россией (стр. 55).

В. Пичета правильно рассматривает книгопечатание как метод борьбы против полонизации. Началом этой борьбы он считает деятельность Скорины (с 1517 года). Мы считаем возможным передвинуть дату начала этой борьбы на четверть столетия назад. Известно, что с конца XV века стали выходить книги «славянской печати», то есть напечатанные так называемой кириллицей. Швайгольт Фиоль в 1491 году издал несколько книг. Они распространялись на Украине и в Белоруссии, а возможно, даже и в Москве. Язык их послесловий, как заметил Ив. Опиешко в «Истории украинского друку», украинский. В 1494 году вышла книга славянской печати в Черпугории. Затем до начала деятельности Скорины было издано не менее четырех книг. Издатели этих книг преследовались. Фиоль, например, в том же, 1494 году был схвачен краковской духовной инквизицией. Сама идея, лежавшая в основе этих изданий—дать народу книги на понятном ему языке,—была по политиче окатоличения и ополячения и давала оружие украинскому и белорусскому народам для защиты своей национальности. Таким образом, уже с конца XV века имеются документальные данные о

¹ «Киевская старина». Т. XIV, стр. 132. Январь 1886 года.

борьбе против угнетения русских народностей в Литве и Польше — угнетения, которое испытала на себе еще дочь Ивана III — Елена¹.

Сказанное выше заставляет признать односторонней и ту характеристику литературного движения в Югозападной Руси в XVI веке, которую находим на стр. 34: «Вся эта литературная деятельность должна была показать способность «русских» к спорам на схоластическо-церковные темы, что отрицалось незуитами». На самом деле значение этой литературной деятельности было значительно шире: она оказалась острым оружием не только национальной, но и социальной борьбы. Можно назвать хотя бы украинского писателя конца XVI — начала XVII века Иоанна Вышневского, стоявшего за народ и беспощадно обличавшего не только католическое, но и православное духовенство, а также «богачей» вообще. Подаром этим писателем так много занимался Иван Франко. Белорусский писатель Василий Тяпинский в своем предисловии к евангелию выступает как пламенный патриот и просветитель. Сатирическая «Речь Ивана Мелешки» является замечательным памятником светской полемической и сатирической литературы. Все это, конечно, выходило далеко за пределы церковно-схоластических споров и было средством политической борьбы. Заметим, кстати, что на стр. 31 типография Тяпинского названа переносной. Такое представление основано на неправильно понятом месте из предисловия Тяпинского. Как выяснил М. В. Довнар-Запольский в книге «В. И. Тяпинский», типография была обыкновенная, не переносная и не кочевая.

Экономический анализ феодальных отношений дан в рецензируемой книге очень

¹ Дочь Ивана III — Елена — была выдана замуж за великого князя литовского Александра. По брачному договору, Александр обязался не принуждать Елену к переходу в католичество. Это обещание не было выполнено. Александр отказался построить для Елены домовую православную церковь, удалил от жены православных бояр и боярынь и заменил их католиками, заставлял Елену носить польское платье. В 1499 году Иван III получил от своих людей «известительное письмо» из Литвы о том, что «Великий Князь Литовской принуждает свою супругу, Великую Княгиню Елену, так как и всех, при ней находящихся служителей, к Римскому Закону». См. Н. Н. Бантыш-Каменский «Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год». Ч. 1-я. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 4-я. Октябрь — декабрь 1860. Отд. II, стр. 33.

четко и строго научно. Однако в книге, рассчитанной на широкий круг читателей, хотелось бы встретить хотя бы несколько ярких фактов, рисующих бесправное положение крестьянства, издевательства польских и ополячившихся магнатов над крепостными. Угнетение крепостных в Польше достигло таких размеров, до каких оно никогда не доходило даже в России. Достаточно вспомнить, как ополяченная магнатка Анна Ходкевич казнила большую группу людей только за то, что народ во время какого-то праздника недостаточно быстро расступился перед ее лошадьми. Надо было привести также примеры гнусной деятельности незуитов и поднавших под их влияние магнатов. Говоря о «просветительных» мероприятиях незуитов и их «школах», необходимо было указать в то же время на их поразительное невежество, на их полное незнание с тогдашними достижениями науки в области естествознания и т. д.

В. Пичета мельком упоминает (на стр. 88) об обращении в 1768 году восставшего украинского народа ко всему крестьянству Речи Посполитой с призывом прийти на помощь. Это очень важный факт. Он свидетельствует о том, что украинские крестьяне, борясь против польских панов, обращались за помощью к братьям по классу — крестьянам-полякам, — видели в польском крестьянине не врага, а союзника. Нет сомнения, что польский крестьянин, также угнетенный феодалами, сочувствовал борьбе украинских и белорусских крестьян против панов. К сожалению, автор обошел молчанием этот, очень интересный и важный момент и не привел в этой связи почти ни одного факта. Думается, что примеры «единого фронта» польских, украинских и белорусских крестьян найти в некоторых документах можно было.

Достаточно полно перечислив важнейшие факты крестьянского движения, автор, переходя к новому времени, ни одним словом не обмолвился о возникновении и развитии капитализма на Западной Украине и в Западной Белоруссии, о возникновении и революционном движении рабочего класса в этом крае, о роли коммунистической партии в революционной борьбе. Все эти вопросы обязательно должны были быть освещены в специальной главе. Отсутствие такой главы — ощутительный пробел в книге.

Все отмеченные выше недостатки легко могут быть устранены в следующем издании работы В. Пичеты.

В приложениях к книге следует отметить мало известные широкому кругу читателей замечательные воззвания тов. С. К. Тимошенко, командовавшего осенью

1939 года украинским фронтом, к трудящимся Западной Украины (стр. 128—129).

К техническим недостаткам издания надо отнести отсутствие географических карт.

К сожалению, очень скромный переплет стоит почти столько же, сколько и сама книга.

И. БАС

ЗИН. ДАВЫДОВ. «Из Гоши гость». Детиздат. М. и Л. 1940. 380 стр. 25 000. Ц. 9 р. 50 к.

В 1936 году в журнале «Красная новь» был напечатан роман Зин. Давыдова «Дикий камень», изображавший поход на Московское государство Лжедмитрия I, ставленника польских панов, и кратковременное его царствование, закончившееся убийством самозванца. Вся наша критика единодушно расценила этот роман как произведение ошибочное и вредное, извращавшее историческую правду, представлявшее в совершенно неверном свете прошлое русского народа.

Устами главного своего героя, князя Ивана Андреевича Хворостинина, Зин. Давыдов назвал «диким камнем» Московскую Русь начала XVII века. По мнению автора романа, ничего, кроме варварства и невежества, нельзя было в тогдашней России найти. Для того же, чтобы сдвинуть с места этот «дикий камень», который «только землю давит», и понадобилось вмешательство Лжедмитрия и поляков, сыгравшее, следовательно (такой чудовищный вывод с необходимостью вытекал из всего романа Давыдова), положительную, исторически прогрессивную роль.

Лжедмитрий, указывала критика, в действительности был авантюристом, орудием в руках польской шляхты и польского правительства, стремившихся поживиться за счет Московского государства. Таким и должен был бы показать его автор советского исторического романа. В «Диком камне», однако, Лжедмитрий выведен как исторический деятель широкого размаха, мечтающий об укреплении и расширении Руси, о ее преобразовании и европеизации.

Поляки, прибывшие в Москву вместе с Лжедмитрием, указывала критика, в действительности были грабителями и насильниками; в Москве они вели себя чрезвычайно нагло и вызывающе, точно в столице завоеванной страны, где стесняться не приходится. Такими их и следовало бы показывать в романе. Но в «Диком камне» они выступали в качестве людей высшей культуры, у которых учился, которым подражал и завидовал герой романа князь Хворостинин, тянувшийся к просвещению и с презрением относившийся к отечественным «стародумам и пустосвятам».

Роман «Дикий камень» целиком построен на противопоставлении «культурной» Польши и отсталой России. Но это — не марксистское, вконец порочное, противоречащее данным науки противопоставление.

Отсталость Московской Руси конца XVI и начала XVII века есть непреложный исторический факт. Но отсюда, разумеется, никак не следует, что дозволительно, в противовес отсталой России, возвеличивать шляхетскую Польшу, выдавая ее за носительницу западноевропейской культуры и представительницу исторического прогресса. Никогда такой передовой страной Польша не была.

Энгельс высказывается по этому поводу в исключительно категорической форме в известном письме Марксу от 23 мая 1851 года. «Нельзя, — пишет он, — указать ни одного момента, когда Польша, даже по сравнению с Россией, играла бы прогрессивную роль или вообще совершила что-либо, имеющее историческое значение. Напротив, Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»¹.

Резкая критика «Дикого камня» не прошла для автора этого романа бесследно: Зин. Давыдов переработал свой роман, сделал попытку взглянуть на описываемые им события с иной точки зрения.

В новом своем виде роман Зин. Давыдова называется «Из Гоши гость». Этот роман вышел в «Библиотеке исторических романов», выпускаемой Детиздатом. По своему сюжету, по образной и словесной ткани «Дикий камень» и «Из Гоши гость» почти во всем совпадают, но в детиздатском варианте произведен ряд купюр и вставок. Назначение их заключается прежде всего в том, чтобы изменить характеристики основных действующих лиц и добиться в результате иного осмысления темы.

Что же, спрашивается, дала переработка романа? Каковы те принципиальные изменения, которые должны, согласно замыслу автора, превратить произведение, искажающее историческую действительность, в произведение, правильно воспроизводящее эту действительность, показывающее прошлое народа таким, каким оно было на самом деле?

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXI, стр. 211.

Отметим в первую очередь, что наибольшее количество добавлений в новой редакции романа посвящено обрисовке типов польских шляхтичей и польского духовенства, которое, как известно, в 1605—1606 годах действовало в России особенно настойчиво и энергично.

Вновь введены в роман целых пять глав, семнадцать страниц, в которых рассказывается о шпионской деятельности в пользу католической церкви близкого к Лжедмитрию иезуита, «смирненного отца Анджея». Наряду с ним в этих главах изображен и верный родные думный дьяк Афанасий Власев, способный и опытный дипломат, которого старается обойти паптер Анджей, что, впрочем, удается ему только отчасти и то лишь при помощи другого шпиона, переводчика Посольской избы¹ итальянца Бенуты.

В нескольких новых эпизодах романа речь идет о бесчинствах, творившихся в Москве запоздавшими польскими панами, и об отпоре, который давало им возмущенное русское население. Так как одновременно из романа вытравлены многочисленные рассуждения действующих лиц (не только поляков, но и русских) о существовавшем тогда якобы неизмеримом превосходстве Польши над Россией, то мы вправе констатировать, что польские интервенты показаны в «Из Гоши госте» в ином свете чем в «Диком камне».

Имеет ли, однако, это обстоятельство решающее значение для романа Зин. Давыдова? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам придется рассмотреть более подробно образы Феликса Заблоцкого, Лжедмитрия и князя Хворостинина.

Пан Феликс Заблоцкий и в первой и во второй редакциях романа занимает видное место как старший друг и руководитель главного героя книги — молодого князя Ивана Андреевича Хворостинина. Через Заблоцкого князь Иван приобщается к западной культуре, через Заблоцкого же он попадает к Лжедмитрию, одним из приближенных которого он быстро становится.

В «Диком камне» пан Феликс, — в сущности, такой же шляхтич, как все остальные. Русских он иначе, как варварами, и не называет; никакого сравнения между русскими и поляками, по его мнению, и быть не может.

В новой редакции романа все рассуждения Заблоцкого на эту тему выброшены. Зато прибавлена глава, объясняющая, каким образом пан Феликс попал в Москву. Оказывается, он вынужден был бежать из Речи Посполитой из-за иезуитов, которые преследовали

его за принадлежность к еретической социанинцовой секте, отрицавшей троицу и предвечность Иисуса. Такая, не совсем обычная для польского шляхтича биография меняет во многом отношение к нему читателей. То, что пан Феликс является рольнодумцем, ядовито высмеивающим «поповские басни», делает более понятным для нас его участие и роль в умышленном развитии князя Ивана Хворостинина — персонажа, которому отданы все симпатии автора.

Но вскоре читатель разочаровывается в достоинствах пана Феликса. Выясняется, что хотя пан Феликс и бежал из Польши, он все же действует в Московском государстве как польский агент, обслуживающий совместно с различными «странными людьми» Лжедмитрия (правда, по «идейным соображениям»). Еще до того, как Лжедмитрий начал свой поход, князь Иван находит случайно письмо Заблоцкого, в котором говорится о будущем выступлении «царевича». «Бояре и народ, — извенчал кого-то пан Феликс, — встретят его с ликованием. Все только того и ждут, когда же наконец воплотится эта страшная для Годунова тень. И нет сомнения, что царевич, сам просвещенный науками отнюдь не у иезуитов, а в Гоше, в знаменитой академии гошских социанц, будет на московском престоле покровителем нашего дела»².

В «Диком камне» последняя фраза отсутствует, и отсутствие ее вполне обосновано: Лжедмитрий был тайным католиком; он был тесно связан с папским престолом и иезуитским орденом, что, кстати сказать, показано и самим Давыдовым в обоих вариантах романа.

Так как князь Иван, во времена Лжедмитрия еще юноша, искренно убежден в том, что «гость из Гоши» — это действительно спасшийся чудом царевич Дмитрий, то он охотно принимает предложение Заблоцкого и едет вместе с ним к самозванцу, перешедшему русские рубежи. Он тем охотней принимает предложение своего учителя, что тот в чрезвычайно радужных красках рисует ему программу Дмитрия. «Княже-друзе! В Самборе, на банкете у сандомирского воеводы Мнишка, царевич говорил перед всем многолюдством. «Как добылось моего царства, — сказал он, — так заведу в Москве новые порядки, по обычаям европейским: дарую вольности, издам законы, открою московским людям академию для науки, пошлю их учиться в чужие страны, в Цесарскую землю либо в Венецию, в Падую, в Болонью...» Воп как, княже-друзе!

² Зин. Давыдов «Из Гоши госте», стр. 56 (в дальнейшем в ссылках на эту книгу указываются только страницы).

¹ Посольская изба ведала в Московском государстве внешними сношениями.

Для чего по-латински читать втай да шлепать четыре версты к моему замку? (Хворостинину приходилось заниматься у Заблоцкого тайком, чтобы не прослыть в глазах своих соотечественников изменником или еретиком.— Г. Л.)... Ха! Пусть тебе седлают хоть какого коня, езжай себе в академию хоть с музыкой да читай себе на здоровье по-латински, да по-польски, да по-гишпаньски, хоть Мюнстера, хоть Коперника, хоть какие хочешь книжки» (стр. 60—61).

Сторонником Лжедмитрия пан Феликс Заблоцкий проходит через весь роман «Из Гоши гость» (не говоря уж о «Диком камне»). Что же у Зин. Давыдова в конце концов получилось? Стремясь как можно убедительнее оправдать выбор пана Феликса в менторы своему герою, Зин. Давыдов фактически занялся прикрашиванием заведомого польского разведчика.

Переходим к тому, как дан Зин. Давыдовым образ Лжедмитрия. Начнем с вопроса о происхождении самозванца, вопроса, который имеет немаловажное значение для читательского восприятия.

В «Диком камне» автор рассыпал множество намеков, которые должны были навести читателя на мысль: а может быть, назвавший себя Димитрием и в самом деле сын Ивана Грозного? Этой именно цели служили в романе неясные воспоминания Лжедмитрия о своем детстве: «Вот оно, смутно, как сквозь сон: городок у большой реки, похожий на разноцветный ларец; нет числа жестяным туполкам, о которые в красную погоду вдребезги разбивается солнце... Что же еще? Ночное небо, где колко бьются бледные звезды, свист, храп, погонь злая... Лошадиная грива хлещет в детский затылок; Димитриево лицо трется о медные бляхи на чьей-то груди; о смертельной опасности, задыхаясь как в бреду, бормочет говорливая листва вдоль дороги»¹.

А чтобы окончательно скомпрометировать традиционное утверждение о тождестве Лжедмитрия с пресловутым Гришкой Отрепьевым, автор «Дикого камня» вводит в свое повествование дьякона Чулова монастыря Григория Отрепьева, которого он делает вдобавок спутником и воспитателем Лжедмитрия в отроческие годы последнего, еще до того, как тот пред'явил свои «права» на «прародительский» престол².

В переработанном романе Зин. Давыдов показывает, что Лжедмитрий не мог иметь ничего общего с убитым в Угличе царевичем.

Однако спутником и отчасти хотя бы и воспитателем Лжедмитрия Отрепьева остается и в новой редакции романа. «По лицу Димитрия,— читаем мы в ней,— пробежала тень: много было дней — бездольных, как осенний дождь... Месяцы, годы скитаний из монастыря в монастырь, в дремучих лесах, в медвежьей глуши... И всюду с ним этот дьякон Григорий — книгописец, обжора и бражник» (стр. 73).

Ясно, что если первоначально такое, несомненно, оригинальное изображение Отрепьева имело определенный смысл, то теперь, после переделки романа, смысл этот отпал и связь дьякона с Лжедмитрием перестает быть мотивированной.

Мы указывали уже, что один из коренных недостатков «Дикого камня» критика справедливо усматривала в неправильном, антиисторическом показе Лжедмитрия не как авантюриста, а как деятеля широкого размаха, понимающего нужды Руси и мечтающего о ее преобразовании. Ряд эпизодов в «Диком камне» свидетельствует о величественных замыслах самозванца. Но почти все эти эпизоды, лишь с незначительными поправками, Зин. Давыдов считал возможным перенести и во второй вариант романа.

Мы привели выше (в передаче Заблоцкого) речь Лжедмитрия на банкете в Самборе с изложением программы европеизации Московского государства. Далее, мы находим в романе рассуждения Лжедмитрия о планах торговли с Индией (стр. 99—100), об установлении сношений с Францией (стр. 230—232) и т. д. и т. п.

Во Францию, к королю Генриху IV, Лжедмитрий, занявший московский престол, собирается послать князя Хворостинина, — и вот как он объясняет князю, почему именно его он намерен сделать послом:

«— Иван Андреевич! В крайчих ходить — невелика задача... Авось я один управлюсь с чаркой и тарелкой... А коли понадобится, то меня и боярин бородастый разует либо питье на пиру подаст... Метиславский либо Шуйский... Только на то и гожи пузатыя — есть да пить... Авось не сплосаю и мне поднести. Так... Ну, это приказка, а дело слушай. Иван Андреевич! Ты учен, умеешь по-латыни, как говорится, знаешь, где рак зимовал. Знаешь, я думаю, Францию, город Парижский знаешь, есть о том в книгах. В прежнее время почитай что и вовсе не бывало у нас сношения с королями французских земель, а земли, сам ведаешь, истинно райские, первых статей.

Димитрий встал, шагнув через лавку и заходя по палате из угла в угол...

— Вот никогда не видывал Генрика короля..., а пуще брата родного Генрик мне люб. Ну, да уж и повидаю... Дайте сроку,

¹ «Красная новь» № 10 за 1936 год, стр. 41.

² Зин. Давыдов, повидимому, использовал при этом легенду, рассказанную Мажеретом в его записках, опубликованных впервые в 1607 году.

милые... Я чай, не год туда итти кораблю. А ты, Иван Андреевич, будешь послом от меня. Летом этим снарядишься в дорогу, известишь Генрика, что и сам к нему быть хочу, послами б нам обменяться, как пригоже, торг деять обоюдный, вместе султана воевать...» (стр. 230—231).

На вопрос князя Ивана, не молод ли он такое посольство править, следует возражение Лжедмитрия: «А я не молод?»

«— Не постарше буду и я,— продолжал Дмитрий.— «Молод!» Не один ты поедешь. Великий секретарь мой Афанасий Иванович Власьев с тобою в посольстве будет. Ему, сам знаешь, дела такие за обычай. А постарше тебя, то так—у меня довольно сенаторов: Голицыны, Шуйские—дураки, пьяницы... Да и, кроме русской речи, не умеют они никакой. А ты вон-де и по Квинтилиану начитан, на многоразличные науки простираешься. Много ль на Москве таких?» (стр. 231).

Эта выписка из романа наглядно показывает, что Лжедмитрий и в «Из Гоци госте» попрежнему загримирован автором под деятеля чуть ли не типа Петра I, ставящего себе большие государственные задачи и умеющего подбирать достойных помощников, не считаясь с устарелыми и нелепыми обычаями.

А так как композиция романа у Зин. Давыдова такова, что Лжедмитрию противостоит прежде всего такая во всех отношениях непривлекательная личность, как Василий Шуйский, то читатель поневоле должен прийти к заключению, что в лице самозванца Россия потеряла человека, который, если бы не его польское окружение, мог бы стать совсем неплохим правителем земли русской.

К тому же Лжедмитрий в описании Зин. Давыдова является чуть ли не жертвой польских панов. «Закружили его паны в Гоце, в Кракове, в Самборе; вымучили для адовой своей корысти и то и сё. Уж и насулил же он им! Да платить придется чем?» — думает он мучительно (стр. 73).

Весьма заметное место уделено в романе взаимоотношениям Лжедмитрия и полнившегося против помещиков крестьянства, представителем которого выведен у Зин. Давыдова старик Акилла.

«В Путивль,— пишет Давыдов,— к Дмитрию без всякого его зова, сам собою, стал сбегаться из соседних волостей голодный народ, ошестившийся бердышами, рогатинами, косами, а то и просто дрекольем» (стр. 77). Пробирающегося «к Москве многожеланной» самозванца окружают с жалобами и челобитными мужики, которые к восторгу своему слышат от «царевича»: «Дадим мужику выход!.. Монастырские грамоты кабальные повелим в

огонь метать!» (стр. 79). И Давыдов рассказывает затем, как Лжедмитрий с Акиллой бьют по рукам, чтобы было «покрепче».

Акилла становится после этого верным слугою «государя нашего Дмитрия Ивановича»; он даже едет с его подметными письмами в Москву, где сидит на престоле Борис Годунов. В Москве же некоторое время спустя старик снова встречается с Лжедмитрием, который уже стал московским царем.

Глава об их встрече названа автором «Невыполненные обещания». Акилла в шей осыпает Лжедмитрия горькими попреками. «Как и прежде,— кричит он,— весь род христианский отягчают данью двойною, тройною и больше!» (стр. 174). Однако несмотря на это Акилла, повидимому, не теряет все же надежды на то, что «великий государь» придет крестьянам на помощь; обманщика, сознательно использовавшего в своих интересах народное движение, он в нем не видит¹. Да и сам автор не дает читателю достаточно материала для того, чтобы судить, был ли Лжедмитрий только демагогом или же он всерьез сочувствовал страданиям крестьян и по-настоящему хотел улучшить их положение.

Все это, разумеется, ведет к тому, что образ Лжедмитрия (как образ пана Заблоцкого, в чем мы раньше убедились) оказывается в романе «Из Гоци госте» тенденциозно приукрашенным.

В центре внимания Зин. Давыдова в обоих вариантах его романа находится, как мы уже отмечали, образ князя Ивана Андреевича Хворостинина.

В «Диком камне» князь Иван — безусловный, восторженный поклонник всего польского и ревностный, фанатичный последователь «Дмитрия Ивановича». Такую характеристику Хворостинина, естественно, при переработке романа пришлось изменить.

И в этом случае автор прибегает к излюбленному своему методу выбросок и вставок.

Так, в «Диком камне» думы князя Ивана переданы в следующих выражениях: «Жити-то теперь с кем же?.. — думал он. — Чего-ста ради?... На Москве народ скаредной, глупой, людей нету вовсе... Только и отрады, что словом коли переживнешься с паном тем замотайским, да и того пынь не доставешь»². После

¹ Только после гибели Лжедмитрия, Акилла меняет отношение к нему на явно отрицательное (об этом см. ниже).

² «Красная новь» № 10 за 1936 год, стр. 37.

переделки это место приняло таковой вид: «Жить-то теперь с кем же мне? — думал он. — Людей подле нету вовсе... Только и отрады, что словом коли перекинешься с паном тем замотайским, да и того ныне не достанешь» (стр. 65).

Другой пример.

В «Диком камне» описывался Хворостинин в царских хоромах:

«Идя переходом, остановился он перед большим зеркалом и увидел себя во весь рост. Не ладно и не складно сидело на князе Иване гусарское платье: руки торчали из рукавов, да и вся куртка — она словно с чужих плеч, япанёчка ж малиновая длинновата, и криво поновлен русский волос на подбородке. Вот так дурак Иван!.. Разве сможет таковский бежать вверх по лестнице за той, золотистой, легкой, как перышко чайное?.. Барбарень ты, дурак Иван! Тебе бы за Матренкой в подклети гоняться, не то что...

— Барбарень, — произнес князь Иван вслух и оглянулся»¹.

В переработанном виде это место выглядит так:

«Идя переходом, остановился он перед большим зеркалом и увидел себя во весь рост. Неладно и нескладно сидело на князе Иване гусарское платье, в которое он облачился, отправляясь вечером во дворец. Руки у князя Ивана торчали из рукавов, да и вся куртка — она словно с чужих плеч, япанёчка ж малиновая длинновата, и криво подстрижен русский волос на подбородке. Не отвык еще русский человек от своих старозаветных ферязей и шуб, и не по себе ему было в платье иноземном.

— Вот так, — произнес князь Иван вслух и вздохнул.

Что, если бы увидела его в этом наряде мать родная! Или покойный батюшка князь Андрей Иванович Хворостинин-Старко, славный воевода, промивший и турок дагестанских, и татар ордынских, и поляков под Псковом! И почудился тут князю Ивану из темной глубины зеркала голос матери, княгини Алены Васильевны; ее слова, как будто уже оказанные ею однажды сыну, услышал и теперь князь Иван: «Помни, сынок... Отца своего помни... Авось русский ты человек — не иноземец поганый...» (стр. 267—268).

Толку, однако, от всех этих — в сущности, мелочных — подчисток немного, так как основная линия действия в «Из Гоши госте» та же, что и в «Диком камне».

И тут и там князь Хворостинин одним из первых присоединяется к самозванцу; и тут и там князь Хворостинин необычай-

но быстро возвышается при дворе Лжедмитрия; и тут и там князь Хворостинин на пиру у Шуйского яростно защищает «Димитрия Ивановича»; и тут и там он как катастрофу воспринимает смерть «непобедимого цесаря».

Когда в день убийства Лжедмитрия у князя Ивана на мгновение возникает мысль о том, что погиб не Димитрий, а кто-то другой, какой-то голос кричит внутри его: «Не сгинело!.. Не сгинело!.. Жив Димитрий Иванович, цесарь непобедимый! И вольность золотая... и наука... Бвинтилан... риторы и философы... А шубника (Шуйского.—Г. Л.) кипем в котел с варом, свиньям на поило!..»².

Это место, полное страстной взволнованности, процитировано нами по «Дикому камню». В «Из Гоши госте» оно значительно ослаблено. Слова о вольности золотой и науке, как и следовало ожидать, автором вычеркнуты. Вместо них появились другие (с довольно-таки неожиданным карьеристским душком): «Еще этим летом поедет князь Иван Хворостинин во Французскую землю послом от великого государя...» (стр. 283).

«Дикий камень» заканчивался гибелью самозванца, обнаженный труп которого с ужасом и душевной болью рассматривал князь Иван. Если бы тем же кончался и «Из Гоши госте», то вывод наш был бы краток: он сводился бы к тому лишь, что образ Хворостинина стал в результате переработки романа менее четким, менее ясным чем раньше, — и только. Но «Из Гоши госте» на продолжении без малого ста страниц повествует о судьбе Хворостинина в царствование Василия Шуйского.

В заключительной части романа князь Иван посылает своего холопа — конюха Кузёмку — в Литву, к пану Заблоцкому, бежавшему из Москвы после падения Лжедмитрия. Пан Заблоцкий для князя Ивана — попрежнему первый друг и советчик. Хворостинин поручает Кузёмке расспросить Заблоцкого, «жив ли де царь Димитрий, объявится ль, коли жив, скоро ль де будет в Русь из Литвы. И еще — как быть мне, пусть скажет: а то не пожалует меня Шуйский, не пожалует...» (стр. 302).

На обратном пути из Литвы в Москву Кузёмку ловят и отнимают у него письмо Заблоцкого к Хворостинину. Только счастливая случайность спасает конюха от верной смерти; он бежит из тюрьмы и, добравшись до Москвы, узнает, что князь Иван сослан в Иосифов монастырь, в заточение под строгий начал. Оттуда ему устраивают побег тот же Кузёмка и Акилла, которого Кузёмка после возвращения

¹ «Красная новь» № 10 за 1936 год, стр. 144.

² Там же, стр. 153.

из Литвы находит скрывающимся в хворостининском дому.

Так разворачивается действие в последней части романа. Как же повлияли на князя Хворостинина происшедшие с ним несчастья? Автор заставляет его очень во многом, почти во всем сойтись во взглядах с Акиллой. А у Акиллы к этому времени взгляд на Лжедмитрия определяется окончательно: «Царь твой был, да спшил. На кривой не проехал, едино только, что в уши бабамуши надул. Охти мне! И я полынь-траву сажил, не без меня, окаяшная, уродилась» (стр. 356).

В предпоследней главе романа Акилла и князь Хворостинин ведут длинный разговор. Акилла вспоминает, что при Грозном была холопья кабала, да был из кабалы выход в Юрьев день. «Да схитили бояре у народа велик его день, и стала холопья супубая кабала. А ноне станет и кабала трегубая. «Не держи, — говорит царь Василий, — холопа без кабалыной грамоты ни единого дня». Садись, дескать, на коня, боярин, езжай в приказ Холопий, пиши на послужильца кабалу до окончания его века, на детей его и потомков пиши, будут тебе крепки крестьянские души. Будут бояре на боярстве, дьяки на дьячестве, мужики на боярском павозе... По породе тебе сесть, по породе тебе честь, и бесчестье по породе» (стр. 373).

Когда Хворостинин прерывает старика словами, что не по породе надобно жаловаться, Акилла отвечает, что ему ведомо, как надобно: «Ведома и дума твоя, Иван Андреевич. Одна у нас дума, так одна бы и дорога. Всем путь один, коль и тебе со мной по пути» (стр. 374).

В последней же главе князь Иван горестно вздыхает: «У колелых я пчел да меду захотел. Не в Литве-ста было искать мне пути. Один мне путь лежат: не в сторону на Литву, не к Шуйскому — назад... Один мне путь, прямой: к рязанцам, к тулякам да на Коломенское село» (другими словами, в ополчения Ивана Болотникова, Ляпунова и Пашкова. — Г. Л.) (стр. 379).

Таким образом, Зин. Давыдов превращает своего героя после долгих блужданий в истинного русского патриота и едва ли даже не в «попутчика» восставшего против бояр и помещиков крестьянства. Но заставлять князя Хворостинина разделять «думу» Акиллы — значит до крайности модернизировать его образ и, стало быть, снова уклониться от исторической правды.

Князь И. А. Хворостинин — не вымышленный персонаж. Он на самом деле занимал при Лжедмитрии должность кравчего и был затем сослан при Василии Шуйском в Иосифов монастырь; при Михаиле Федоровиче его сослали вторично — в Кириллов монастырь, где, однако, он пробыл недолго. Умер Хворостинин в 1625 году. Интересно сравнить данные о нем, сохранившиеся в исторических документах, с тем, что о нем говорится в романе Давыдова.

До конца своей жизни князь Хворостинин продолжал относиться отрицательно ко всему отечественному; в своих сочинениях, как и в разговорах, он жаловался, «будто в Москве людей нет, все люд тлупый, жить не с кем, сеют землю рожью, а едят все ложью»¹. Следует отметить, далее, что вольнодумство совмещалось в нем с чисто крепостническими понятиями. Перестав ходить в церковь, он принялся «бить и мучить» своих людей, чтобы и они перестали туда ходить. А когда дворовые заявили об этом властям, то князь Хворостинин в темпераментных «выршах» излил свое негодование на непокорных своих «рабов», назвав их «изменниками», которые «не боятся небесного бога» и хотят «отбешути господския шеволы»².

Как видно, в единомышленники старцу Акилле исторический князь И. А. Хворостинин не годится. Да и патристичность его настроений, судя по всему, должна быть признана по меньшей мере спорной...

Что итоги нашего разбора не в пользу Зин. Давыдова, после сказанного, конечно, ясно. Лишь некоторые ошибки «Дикого камня» автор сумел в новой редакции своего романа исправить; большинство же ошибок «Дикого камня» «Из Гоци гость» воспроизводит, хотя и в несколько смягченном виде. И это не удивительно: не могут одни и те же сюжетные ситуации, одни и те же образы служить для выражения двух различных, противоположных друг другу исторических концепций.

Г. ЛЕНОБЛЬ

¹ Проф. В. Ключевский в «Курсе русской истории». Ч. 3-я, стр. 260. Спб. 1937.

² «Летопись занятий Императорской археографической комиссии за 1905 год». Вып. 18-й. «Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков», стр. 80. СПб. 1907.

АРХИВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА. Под ред. М. Б. Митина. Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). Том VII. М. Госполитиздат. 1940. 402 стр. 30 000 экз. 8 руб.

Данный том содержит 3-ю тетрадь «Хронологических выписок» Маркса, охватывающую период приблизительно от 1470 до 1580 года. «Периоду, рассматриваемому в третьей тетради, Маркс уделяет еще больше внимания, чем предшествующим, он еще более углубляется в подробности, еще обстоятельнее регистрирует факты и в то же время делает на основе этого фактического материала свои выводы и обобщения» (стр. III. предисловие).

Большое внимание уделяет Маркс процессу образования и роста европейских национальных государств. Особенно много места отведено реформации и связанным с нею многочисленным войнам между различными коалициями государств и гражданским войнам в Германии, в Италии и во Франции, происходившим в течение всего XVI века.

ЛЕНИН В. И. Маркс. Энгельс. Марксизм. 5-е изд. М. Госполитиздат. 1940. 456 стр. 200 000 экз. 5 р. 50 к.

В настоящий сборник вошло около 50 произведений Ленина (статьи и отрывки из различных работ). 5-е издание сборника дополнено рядом новых статей, не вошедших в предыдущие издания. В конце книги дан предметный указатель.

ЛЕНИН В. И. К годовщинам Великой Октябрьской революции. М. Госполитиздат. 1940. 96 стр. 100 000 экз. 2 руб.

В книге помещены в хронологическом порядке 17 статей и речей (некоторые из извлечений) В. И. Ленина, посвященных годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции, начиная с речи на торжественном заседании Всероссийского и Московского советов профессиональных союзов в ноябре 1918 года и кончая речью на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 года.

ЛЕНИН В. И. Третий съезд РСДРП. 1905—1940. М. Госполитиздат. 1940. 388 стр. и 5 вкл. л. портр. и факсим. 50 000 экз. 8 руб.

В книгу вошли все произведения, заметки и письма В. И. Ленина, связанные с III партийным съездом (Лондон. 25 апреля—10 мая 1905 года), 35-летие которого исполнилось в 1940 году. Материал, собранный в книге, распределен по 4 отделам: I. Борьба за съезд. II. Предсъездовские статьи. III. Выступления на съезде (32 документа) и IV. Послесъездовские статьи.

К отдельным статьям даны комментарии редакции.

Кроме того в начале книги помещена краткая редакционная статья о III съезде.

СТАЛИН И. В. Лондонский съезд РСДРП (Записки делегата). М. Госполитиздат. 1940. 40 стр. с плл., диагр. и факсим. 100 000 экз. 1 руб.

Книга воспроизводит статью товарища Сталина, помещенную в 1907 году в двух первых номерах газеты «Бакинский пролетарий» (20 июня и 10 июля).

Статья дает классический анализ состава V съезда РСДРП (гл. I) и его работ по вопросам: порядок дня съезда, отчеты ЦК партии и думской фракции (гл. II), о непролетарских партиях (гл. III) и о рабочем съезде (гл. IV).

В конце книги помещены два заявления, написанные товарищем Сталиным в президиум съезда от закавказской делегации большевиков.

ГРАНСКИЙ С. В. Маркс и Энгельс о России и русских революционерах. Ответ. ред. Г. Г. Крыгин. Воронеж. 1940. 104 стр. 500 экз. 4 руб. (Воронежский институт народнохозяйственного учета ЦУНХУ Госплана СССР. Научные записки. Вып. 1-й).

Маркс и Энгельс уделяли России очень большое внимание. Энгельс писал о Марксе: «...Я не знаю никого, кто бы так хорошо, как он, знал Россию, ее внутренние и внешние отношения...»¹.

В книге С. В. Гранского дан систематизированный (в хронологическом порядке) обзор проникновения марксистских идей в Россию и высказываний Маркса и Энгельса о России, об отдельных русских революционерах и общественных деятелях. Книга говорит о знакомстве с марксизмом В. Г. Белинского и петрашевцев, о личном знакомстве с Марксом либерала П. В. Анненкова и А. И. Герцена, об отношении Маркса к Крымской войне и реформе 1861 года, об оценке Марксом работ Н. Г. Чернышевского. В. В. Берви-Флеровского («Положение рабочего класса в России») и Н. И. Зибера, о борьбе Маркса в I Интернационале против Бакунина. Сообщаются также сведения о 1-м издании «Капитала» на русском языке, об «интересе» царских жандармов к работам Маркса, об отношении Маркса и Энгельса к русским народникам, о высказываниях основоположников марксизма по вопросу о перспективах русской пролетарской революции, об откликах в России на смерть Маркса и Энгельса и, наконец, о так называемой русской библиотеке Маркса.

ИЛЬЧЕВ Л. Ф., проф. О книге И. В. Сталина «Вопросы ленинизма». Стенограмма лекций, прочитанных 27—28 февраля и 14 марта 1940 года (Высшая школа

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 586—587.

парторганизаторов при ЦК ВКП(б). Курс истории ВКП(б). М. 1940. 72 стр. 750 экз. (На правах рукописи.)

Книга посвящена 15-летию со дня выхода в свет лекций товарища Сталина «Об основах ленинизма», прочитанных в апреле 1924 года в Свердловском университете и открывающих собой книгу «Вопросы ленинизма». В книге тов. Ильичева говорится прежде всего об историческом значении «Вопросов ленинизма» и затем излагается ленинско-сталинское учение о диктатуре пролетариата, о победе социализма в одной стране, об индустриализации страны и о социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Последние разделы книги тов. Ильичева посвящены высказываниям товарища Сталина о победе коммунизма в нашей стране, работе товарища Сталина в области философии марксизма-ленинизма и развитию стратегии и тактики большевистской партии.

Курс диалектического и исторического материализма. Стенограммы лекций. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). М. 1940. 3500 экз. (На правах рукописи.)

Лекции читались в 1939—1940 учебном году и изданы отдельными брошюрами. Всего вышло 23 брошюры, охватывающие (с некоторыми пропусками) 35 тем курса. Заглавия отдельных брошюр: Борьба материализма и идеализма в античной философии. Борьба материализма и идеализма в эпоху Возрождения. Материализм XVII века. Французский материализм XVIII века. Немецкая классическая философия. Формирование философских взглядов Маркса и Энгельса. Развитие материалистической философии в России в XVIII—XIX веках. О произведениях Энгельса «Л. Фейербах и конец классической немецкой философии», «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» (3 отдельные брошюры). О произведении Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Всеобщая связь и взаимозависимость явлений в природе и обществе (лекция М. Розенталя, переизданная затем Госполитиздатом тиражом 100 000 экз.). Учение о движении, изменении и развитии. Развитие, как переход количественных изменений в коренные, качественные изменения. Закон единства и борьбы противоположностей. Закон отрицания отрицания. Категории материалистической диалектики и др.

Лекции читали Г. Ф. Александров, Н. И. Кондаков, Т. В. Иовчук, Л. Ф. Ильичев, А. Максимов, М. Розенталь, К. С. Кузаков и др.

Курс является пособием для преподавателей средних школ и учащихся вузов.

Курс истории ВКП(б). Стенограммы лекций. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б).) М. 1940. 3500 экз. (На правах рукописи.)

Курс 1939—1940 учебного года (не закончен). К ноябрю 1940 года вышли в свет отдельными брошюрами 15 лекций, охватывающих I, II и III главы «Краткого курса истории ВКП(б)». Каждая лекция

соответствует одному из разделов глав «Краткого курса».

Большая часть лекций прочитана тов. Ем. Ярославским; отдельные лекции прочитаны гг. М. Б. Митиным (о «Манифесте коммунистической партии» Маркса и Энгельса), А. С. Багдасаровым и Н. Д. Казьминным.

Указатель основных произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина к главам «Краткого курса истории ВКП(б)». Л. Лениздат. 1940. 52 стр. 5000 экз. 1 руб.

Портативная книжка, указывающая важнейшие работы классиков марксизма-ленинизма к отдельным главам и разделам «Краткого курса истории ВКП(б)».

Перепечатка материалов, опубликованных первоначально в журнале «В помощь марксистско-ленинскому образованию», №№ 2—4 за 1940 год.

ПАВЛОВ М. Изменения в уставе ВКП(б). (Историческое развитие устава партии.) Л. Лениздат. 1940. 72 стр. 10 000 экз. 1 р. 25 к.

Обработанная стенограмма двух лекций, прочитанных секретарям бюро первичных парторганизаций Кировского района Ленинграда.

Книга прослеживает развитие устава партии в период борьбы за создание большевистской партии (уставные вопросы на II—V с'ездах партии), в период борьбы партии за диктатуру пролетариата (устав партии на VI с'езде) и в период советской власти (вопросы устава на VIII и XII партконференциях в 1919 и 1922 годах и на XIV и XVII партс'ездах в 1925 и 1934 годах).

Курс всеобщей истории. Новейшая история. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году. М. 1940. 3500 экз. (На правах рукописи.)

Вышли в свет (в 2 брошюрах) 3 первые лекции курса, прочитанные профессором Л. И. Зубоком: лекция 1-я—«Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции» (28 стр.) и лекции 2-я и 3-я—«Германия в 1918—1923 годах» (48 стр.).

Курс всеобщей истории. Новая история. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году. М. 1940. Тираж отдельных лекций—3500—7000 экз. (На правах рукописи.)

Из печати вышли 7 лекций (в 6 брошюрах): Европа и Северная Америка в 70—80-х годах XVIII века (лекция 1-я и 2-я). Революция 1848 года во Франции (лекция 11-я). Англия в 50—60-х годах XIX века (лекция 15-я). Революция и реформы Мэйдзи в Японии (лекция 17-я). Интернационал (лекция 22-я) и Коммунистический Интернационал в 1919—1923 годах (материалы 29-й лекции). Все лекции прочитаны проф. А. В. Ефимовым, за исключением последней, прочитанной проф. Л. И. Зубоком.

МЕРИНГ Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. (С предисловием проф. полковника Е. Разина.) 4-е, исправленное

издание. М. Воениздат. 1940. 240 стр. 7 р. 50 к.

В книге собрано 7 работ Меринга (1846—1919), написанных в разные годы и охватывающих в основных чертах всю историю военного искусства, начиная с древности до начала XIX века включительно.

Первая статья сборника, «История военного искусства» (1908 год), представляет собой развернутую рецензию (до 100 стр.) на первые три тома труда известного буржуазного военного историка Ганса Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории».

Центральное место занимают в сборнике 4 статьи (последние), посвященные войнам французской революции 1789—1794 годов и наполеоновским походам, написанные в 1913 году.

После классических военных работ Энгельса, недавно выпущенных Воениздатом в новом издании, военные статьи Меринга занимают первое место в военно-исторической марксистской литературе.

Н. САФИРОВ, В. КОНДРАТЕНКО, А. ГОНЧАРОВ, А. РИЗЕНКО. От Збруча до Львова. М. Воениздат. 1940. 64 стр. с илл. (Библиотека красноармейца.) 40 коп.

В книжке помещено 8 очерков об освободительном походе Красной Армии в пределы Западной Украины, написанных участниками похода.

МИКУЛЬШИН С. В боях за родину. Очерки о героях — воспитанниках Северокавказского военного округа. Р/Д. Ростиздат. 1940. 48 стр. с илл. 1 р. 25 к. 8000 экз.

Книжка содержит 10 очерков о героических действиях отдельных красноармейцев, командиров и политработников — военнослужащих Северокавказского военного округа — в боях у озера Хасан и в Финляндии.

БОРИСОВ С. М. В. Фрунзе. Краткий биографический очерк. 2-е, переработанное издание. М. Воениздат. 1940. 120 стр. с илл. и карт. 1 р. 50 к.

«...в лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени», — сказал товарищ Сталин в своей прощальной речи на могиле Фрунзе.

В книге С. Борисова перед нами последовательно проходят детство и юность Фрунзе (родился 2 февраля 1885 года), его участие в революции 1905 года, тюрьма (с двумя смертными приговорами), бегство из нее и работа по подготовке и проведению Октябрьской социалистической революции в Белоруссии, жизнь в родном Иваново, участие в гражданской войне (восточный фронт, Средняя Азия, разгром Врангеля), руководство строительством Красной Армии и преждевременная смерть (31 октября 1925 года) выдающегося пролетарского полководца.

ЗЕГЖДА Н. Южная группа Днепровской военной флотилии. М. и Л. Воениздат. 1940. 64 стр. с илл. 90 коп.

Южная группа Днепровской военной флотилии (организована в 1919 году)

несла на себе всю тяжесть почти ежедневных боев с белополяками с 16 мая по 12 июня 1920 года. Моряки Южной группы совершили смелый трипольский прорыв (9 июня 1920 года) и первыми из частей Красной Армии вошли в оставленный белополяками Киев.

Книжка тов. Зегжды дает белый очерк истории Южной группы Днепровской военной флотилии за 1919—1920 годы.

КАНДИДОВ Б. Церковь и шпионаж. О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций. М. Воениздат. 1940. 144 стр. 1 р. 50 к.

Первый раздел книги говорит о контрреволюционной и шпионской работе церковников в царской России. Два следующие раздела описывают контрреволюционную и шпионскую деятельность попов всех церквей в период гражданской войны и в годы социалистического строительства.

Последний раздел книги освещает участие церковников в шпионско-диверсионной деятельности троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок.

ВЕТОШНИКОВ Л. В., полковник. Брусилловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М. Воениздат. 1940. 184 стр. со схем. и 5 отд. листов карт и схем. 5 р. 50 к.

«Брусилловская операция на Юго-Западном фронте в мае—июле 1916 г., — говорится в книге, — характерна как опыт прорыва укрепленной позиции в наиболее типичных для русского театра условиях». Она закончилась полным разгромом русскими войсками 4-й и 7-й австрийских армий и значительно облегчила напряженное положение на западном фронте англо-французов, в интересах которых была произведена эта операция.

Книга тов. Ветошникова описывает организацию, ход и следствия Брусилловской операции на основе архивных и литературных источников.

Книга выпущена как учебное пособие для военных академий и как материал для командирских занятий начальствующего состава РККА, но ее с интересом прочтет и подготовленный гражданский читатель.

Бакинская стачка 1904 года. Сборник документов. (Состав. и подготов. к печати О. Н. Чаадаева.) М. Госполитиздат. 1940. 128 стр. и 4 вкл. л. портр. и факсим. 15 000 экз. 3 р. 35 к. (Центральный гос. архив революции).

Публикуемый в сборнике материал состоит из 21 историко-партийного документа (прокламации Бакинского и других комитетов РСДРП и корреспонденции в газету «Вперед») и из 40 официальных документов царского правительства, данных в приложении. Сборник освещает героическую борьбу бакинского пролетариата в декабре 1904 года под непосредственным руководством товарища Сталина. Эта борьба завершилась завоеванием первого в истории рабочего класса России коллективного договора

рабочих с предпринимателями и послужила сигналом для славных январско-февральских выступлений 1905 года по всей России.

СИМОНОВ Н. Д. Первые маевки в Туркестане. Ташкент. Изд. УзФАН. 1940. 32 стр. 3000 экз. 1 руб. (Институт истории, языка и литературы Узбекского филиала Академии наук СССР).

Брошюра составлена из воспоминаний рабочих, участников революционного движения 1904—1907 годов в Туркестане, и архивных и газетных материалов того же периода, публикуемых впервые. Автор рассказывает, как трудящиеся Туркестана под руководством большевистской партии праздновали маевку 1904 года, как они откликнулись на события 9 января в Петербурге. Далее в книге говорится о февральских забастовках 1905 года, о маевках 1905 и 1906 годов и, наконец, о тех репрессиях, которыми ответили царское правительство и предприниматели (в частности администрация Ташкентских главных железнодорожных мастерских) на подъем рабочего движения в Туркестане.

БЕККЕР И. И., БРОДСКИЙ И. И. и ИСАКОВ С. К. Академия художеств. Исторический очерк. Под ред. проф. С. К. Исакова. Л. и М. «Искусство». 1940. 158 стр. с илл. 3000 экз. 10 р. 50 к.

Книга выпущена к 175-летию юбилею Академии художеств, исполнившемуся в 1939 году. Она посвящена «школе великих мастеров русского искусства», как называл Академию художеств во вводной (по-смертной) статье акад. И. И. Бродский.

В книге 17 глав, хорошо проиллюстрированных (102 рис.) и в живой форме излагающих историю Академии художеств с момента ее основания до наших дней. В книге уделено большое внимание жизни Академии в советское время; этот период освещен в пяти последних главах.

Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Пехновицера. М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 488 стр. с илл. и 5 вкл. л. портр. 3000 экз. 36 руб. (Институт литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР).

Сборник содержит 27 отдельных публикаций неизвестных до сего времени статей и писем крупнейших русских критиков, публицистов и писателей 60—70-х годов XIX века и 12 пояснительных статей. В частности приведены три статьи Н. Г. Чернышевского, одна статья Н. А. Добролюбова, письма Д. И. Писарева, П. Л. Лаврова, Н. С. Лескова, письма к Н. Г. Чернышевскому, статьи Н. В. Шелгунова и П. Н. Ткачева, письма Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому.

Из пояснительных статей заслуживают внимания статья К. Григорьяна «Чернышевский — редактор и биограф Добролюбова», статья А. С. Долинина «Достоевский и Страхов», статья «Чернышевский

и царская цензура» (с публикацией материалов) и статья «Добролюбов и царская цензура».

БИСМАРК О. Мысли и воспоминания. Перевод с немецкого под ред. и со вступительной статьей А. С. Ерусалимского. Том I. М. Соцэкиз. 1940. XLVIII и 334 стр. 50 000 экз. 6 руб. (Библиотека внешней политики.)

Воспоминания Бисмарка, объединителя Германии, написанные в 90-х годах XIX столетия, после вынужденной отставки, дают подробное, конечно апологетическое, освещение его внешней и отчасти внутренней политики на протяжении полувека и вместе с тем являются как бы политическим завещанием основателя Германской империи.

В числе лейтмотивов бисмарковской политики обращает на себя внимание положение Бисмарка о том, что Германия никогда не сможет стать крупной европейской державой, если не добьется благоприятного к себе отношения со стороны своей великой восточной соседки — России.

Данный том воспоминаний охватывает период примерно с 1830 по 1865 год.

Вступительная статья А. С. Ерусалимского («Бисмарк как дипломат») дает краткую биографию Бисмарка, марксистскую оценку его деятельности и предлагаемых вниманию советского читателя мемуаров.

В начале книги дан общий план серии «Библиотека внешней политики».

ТАРЛЕ Е. Наполеон. М. и Л. Детиздат. 1940. 400 стр. с илл. 10 000 экз. 11 руб.

Подробная биография Наполеона, изданная для детей старшего возраста. Представляет интерес для тех взрослых читателей, для которых в силу их неподготовленности несколько затруднительно чтение более полной биографии Наполеона, выпущенной Е. Тарле в 1939 году (в изданиях Соцэкиза и Воениздата).

ШАСКОЛЬСКИЙ И. Борьба русского народа за невские берега. М. Воениздат. 1940. 48 стр. с илл. и карт. 65 коп.

В книжке Шаскольского дан очерк тысячелетней борьбы русского народа за выход к Балтийскому морю.

НАСОНОВ А. Н. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси.) М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 178 стр. 2000 экз. 6 р. 50 к. (Институт истории Академии наук СССР).

Исследование Насонова дает историю татаро-монгольской политики на Руси, основной целью которой было раздробление Руси в целях укрепления своего господства. Эта политика привела к обратному результату: она вызвала объединение Руси для отпора иноземному врагу.

В конце книги даны указатель цитированных источников и литературы (стр. 154—159), основные тезисы исследования (стр. 160—161) и указатели личных имен, географических названий и предметный.

ГРЕКОВ Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М. и Л. Соцэкгиз. 1940. 116 стр. 50 000 экз. 1 р. 75 к.

Автор рассматривает главные этапы развития крепостного права в России, начиная с его возникновения (IX—X века) и кончая моментом его окончательного оформления (XVII век).

В приложениях даны 32 важнейших документа из истории крепостного права за 1391—1649 годы.

Книга рассчитана на специалистов-историков, на преподавателей истории в средней школе, на учащихся вузов, а также на широкие круги советской интеллигенции.

«Правда Русская». Учебное пособие. Утверждено ВКВШ в качестве учебного пособия для исторических факультетов университетов и педагогических институтов. (Текст «Правды Русской» подготовил к изданию Н. Ф. Лавров. Ответ. ред. — акад. Б. Д. Греков.) М. Изд. Академии наук СССР. 1940. 112 стр. 7500 экз. 7 р. 50 к. (Институт истории Академии наук СССР.)

Учебное издание важнейшего памятника социально-экономической жизни и права древней Руси выпущено на основе недавно вышедшего академического издания.

Книга содержит: 1) предисловие с важнейшими сведениями о текстах памятника; 2) академический 1-й список «Правды Русской» (так называемая «Краткая Правда», открытая В. Н. Татищевым в 1738 году) и Троицкий 1-й список («Пространная Правда») — с указаниями разночтений из 12 других списков «Правды» (из общего числа 112 существующих списков); 3) комментарии к обоим спискам «Правды»; 4) указатели литературы (стр. 93—96) и терминов и речений «Правды» и 5) таблицы нумерации постатейного деления текста «Правды» в настоящем издании и в предшествующих изданиях Калачова и Сергеевича.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Под ред. Института истории Академии наук СССР. (Ответ. ред. — акад. Б. Д. Греков и В. И. Лебедев.) Том III. Часть 1-я. Саранск. Мордовское государственное издательство. 1940. 346 стр. 3000 экз. 6 руб. (Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СНК МАССР.)

Книга является хронологическим продолжением двух первых томов, доведших изложение до 1750 года. Она состоит из трех разделов: 1) 72 законодательных и актовых документа 1751—1800 годов (в них, в частности, нашла отражение крестьянская война 1773—1775 годов под предводительством Пугачева); 2) литературные описания мордвы за период 1810—1885 годов (16 документов) и 3) песни, предания и сказания мордовского народа (8 документов), сохранившие много бытовых данных и воспоминаний о его борьбе против Московского государства, за национальную самобытность.

В конце книги приведены указатели

личных имен, географических названий и предметный.

МАГОМЕДОВ Р. Далекое прошлое Дагестана. (Что можно узнать о Дагестане у писателей древнего мира). Махач-Кала. Даггиз. 1940. 15 000 экз. (Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при СНК ДАССР. Научно-популярная историческая серия. Вып. I).

В той же серии вышли другие брошюры Р. Магомедова по истории Дагестана:

Вып. II. Древний Дербент — свидетель далекого прошлого Дагестана (III—X века). 24 стр. 40 коп.

Вып. III. Завоевание арабами Дагестана в VII—IX веках. 20 стр. 40 коп.

Вып. IV. Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига. 20 стр. 35 коп.

Вып. V. Битва близ аула Чох. (Разгром войск персидского завоевателя Надир-шаха в горах Дагестана в декабре 1742 года). 28 стр. 40 коп.

Вып. VI. Дагестан в период царского завоевания. (Начало XIX века). 24 стр. 35 коп.

Популярная серия очерков из истории Дагестана, рассчитанная на массового читателя (хорошо иллюстрирована). Серия посвящена 20-летию объявления великим Сталиным автономии ДАССР (13 ноября 1920 года на с'езде народов Дагестана товарищ Сталин прочитал декларацию о советской автономии Дагестана). Вся серия намечена в 12 выпусках: отсутствующие пока выпуски предполагается посвятить характеристике Дагестана как колонии царской России и отдельным борцам за освобождение Дагестана, начиная с Шамиля. Последний (XII) выпуск серии будет посвящен Чрезвычайному с'езду народов Дагестана с участием товарища Сталина в ноябре 1920 года.

КАРПОВ Г. И. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа. Ашхабад. Туркменгосиздат. 1940. 60 стр. 5000 экз. 45 коп.

Краткий популярный обзор основных этапов истории Туркменистана с древнейших времен до наших дней. Первоначально очерки печатались в октябре—ноябре 1939 года на страницах газеты «Комсомолец Туркменистана» в связи с 15-летием Туркменской ССР. В настоящем издании газетные статьи даются с небольшими сокращениями.

ШЕФЕР А. Город Куйбышев. Очерки истории Самары—Куйбышева. Куйбышев. Обл. изд-во. 1940. 220 стр. с илл. 5000 экз. 5 р. 40 к.

Первая попытка осветить историю города Куйбышева (бывшей Самары) с момента основания (1586 год) до наших дней. Книга написана на основании литературных и архивных источников. Для глав о жизни и деятельности в Самаре Ленина, Горького и Куйбышева привлечены кроме того воспоминания современников.

ВАЛУКИНСКИЙ Н. По следам древних предков. Воронеж. обл. кн-во. 1940. 56 стр. с илл. и карт. 3000 экз. 70 коп.

Прошлое территории города Воронежа и окрестностей и ее населения, главным образом по материалам археологических раскопок. Показаны доисторические времена (от периода дикости) и древнерусская история до XIV века. Книжка рассчитана на массового читателя.

АРЕМБОВСКИЙ И. В. На заре истории Прибайкалья. Иркутск. Обл. изд-во. 1940. 60 стр. с илл. 5000 экз. 80 коп.

Книга написана для массового читателя на основе материалов Иркутского краеведческого музея и новейших археологических раскопок (в частности Антарской археологической экспедиции 1932—1939 годов).

ЧЕРНОВ А. В. История и организация архивного дела в СССР. (Краткий очерк.) Под ред. доц. Д. С. Бабурин. (Рекомендовано Главным архивным управлением НКВД СССР в качестве учебного пособия для историко-архивных техникумов и курсов архивных работников.) М. Изд. Главного архивного управления НКВД СССР. 1940. 268 стр. 4500 экз. 7 руб.

Книга состоит из 2 частей: часть 1-я — Архивы в дореволюционной России (с IX века по февральскую революцию 1917 года включительно) — 5 глав, и часть 2-я — Архивное строительство и архивы в СССР — 7 глав.

Историческая периодизация 2-й части книги дана по «Краткому курсу истории ВКП(б)», материал которого использован и в общеисторических введениях к отдельным главам.

Последняя глава книги освещает архивное строительство в отдельных союзных республиках.

В приложении даны хронологические таблицы по архивному строительству в СССР.

ПИГУЛЕВСКАЯ Н. Месопотамия на рубеже V—VI веков нашей эры. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. (Труды Института востоковедения. Том XXXI.) М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 176 стр. 800 экз. 11 р. 50 к.

По словам проф. В. В. Струве, автора предисловия к книге, она «представляет

исключительный интерес для советской исторической науки». В книге анализируются сложные явления разложения рабовладельческого общества и развития феодальных отношений в Междуречье в мало еще разработанный историками период V—VI веков нашей эры. В книге даются анализ хроники Иешу Стилита, написанной между 507—518 годами нашей эры, сведения об ее авторе, разбор источников хроники и исторический очерк Месопотамии V и VI веков (общественно-экономические отношения; борьба между Ираном и Византией на рубеже V—VI столетий).

Во 2-й части книги дан перевод хроники Иешу Стилита, появляющийся на русском языке впервые, с необходимыми примечаниями.

РЕЗНИКОВ И. Александр Македонский. М. Воениздат. 1940. 144 стр. с илл. и схем. 1 р. 90 к.

В сжатом популярном очерке автор описывает жизнь и деятельность одного из великих полководцев древнего мира. Попутно даются сведения по общей истории и о состоянии военного дела в тех государствах, которые были сторонниками или противниками македонского завоевателя.

АВДИЕВ В. И., проф. История древнего Востока. Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году. М. 1940. 206 стр. и 4 вкл. л. карт. 7000 экз. (На правах рукописи.) (Курс всеобщей истории. Древняя история. Лекции 1—7-я).

В книге даны основные сведения по истории древней Месопотамии (древне-го Вавилона), Египта, древних государств Малой Азии и Сирии (Хетты, Сирия, Израиль и Иудея), Ассирии, древнего Ирана, а также по истории древней Индии и древнего Китая.

Книга является переизданием (предварительно лекции были выпущены отдельными брошюрами).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Библиографический бюллетень книг и статей. (Государственная публичная историческая библиотека. Фундаментальная библиотека по общественным наукам Академии наук СССР). М. Соцэкгиз. 1940. № 1—2. 127 стр. 2170 экз. 10 руб. № 9. 111 стр. 2130 экз. 5 р.

Основные задачи бюллетеня, как сообщается в № 1—2, — «самая широкая и своевременная информация о всей вновь выходящей в СССР исторической литературе (как книжной, так и журнальной); информация о всей важнейшей иностранной исторической литературе на основе поступлений в крупнейшие библиотеки Союза и с учетом сведений, сообщаемых

в важных текущих библиографических изданиях разных стран».

Бюллетень рассчитан на научных работников, преподавателей высшей и средней школы, студентов и аспирантов исторических факультетов и лиц, занимающихся самообразованием. Он будет выходить раз в два месяца.

В № 1—2 бюллетеня помещена обширная подборка «Литература, вышедшая в связи с шестидесятилетием И. В. Сталина». В подборку включены материалы о товарище Сталине, вышедшие в отдельных изданиях и появившиеся в периодической печати с декабря 1939 года по март 1940 года.

В отделе «Текущая литература» помещены списки новых книг, газетных и

журнальных статей по разделам: «Марксизм-ленинизм. История ВКП(б)», «История СССР», «Всеобщая история», «Иностранная историческая литература 1938 г.», «История науки. История техники», «Историческая наука. Преподавание истории», «Справочно-библиографическая литература», «Эпос. Фольклор. Историческая беллетристика».

Большинство названий книг, помещенных в этих разделах, сопровождается краткими аннотациями.

Раздел «Список рецензий из советских журналов» дает читателям сведения об отзывах на важнейшие произведения исторической литературы. К сожалению, в этот раздел не включены рецензии из газет.

Отдел «Обзоры и тематические указатели» содержит две статьи: «Советская историческая библиография 1939 г. (Указатели на русском языке)» и «Важнейшие иностранные библиографии 1938—1939 гг.».

В отделе «Хроника» сообщается о плане выпуска Соцэглизом книг по истории в 1940 году и о работе Государственной публичной исторической библиотеки.

№ 3 составлен по тому же плану, что и предыдущий. В разделе «В помощь изучению марксизма-ленинизма и истории ВКП(б)», кроме советских работ, аннотирована статья S. Bernstein «Marx in Paris. 1848» («Маркс в Париже. 1848»), напечатанная в американском марксистском журнале «Science and Society» («Наука и общество») № 3 за 1939 год. Статья написана на основании немецких и английских изданий Маркса и Энгельса, парижских газет и работы А. Lucas «Les clubs et les clubistes» («Клубы и клубисты»), вышедшей в 1851 году. Современные марксистские работы на иностранных языках очень мало известны широким кругам советских читателей, и сообщение о них в библиографическом указателе представляет большой интерес.

Отдел «История СССР» в обоих номерах представлен большим количеством назва-

ний, распределенных по историческим периодам. Периодизация проведена в этом отделе недостаточно четко. Неясны хронологические границы между разделами «XI—XV вв.», «XV—XVII вв.», «XVII—XVIII вв.». Судя по аннотированным работам, границей между вторым и третьим перечисленными разделами служит начало царствования Петра I. Целесообразнее было бы дать этим разделам заглавия, точно определяющие их содержание.

В отделе «Всеобщая история» приведены попеременно советские и иностранные работы. Для того чтобы облегчить пользование указателем, следовало бы работы иностранных авторов помещать отдельно.

В 3-м номере, в отличие от предыдущего, для указателя рецензий использованы не только журналы, но и газеты. В отделе «Обзоры и тематические указатели» помещена библиография о Суворове. В отделе «Хроника» помещена заметка «Библиографическая работа Фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии наук СССР». Следует отметить, что в обоих вышедших номерах отдел хроники очень скуден. Желательно его расширить и давать в нем сведения о работе всех советских исторических учреждений.

Язык аннотаций нуждается в улучшении. Короткие заметки о книгах составлены из длинных, запутанных фраз. Встречаются и стилистические ляпы, вроде «работа по борьбе» и т. п.

Бюллетень окажет большую помощь всем занимающимся историей при условии, если он будет выходить своевременно. К сожалению №№ 1—2 и 3 за 1940 год вышли с большим опозданием. К читателям они попали в конце 1940 года, а помещенные в них сведения относятся главным образом к концу 1939 — началу 1940 года. Поэтому часть материалов номеров уже устарела.

Следует пожелать, чтобы в 1941 году бюллетень вовремя извещал читателей о новинках исторической литературы.

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Работа по переизданию I тома учебника истории СССР для вузов

По поручению Комитета по делам высшей школы, коллектив авторов I тома учебника истории СССР для вузов в составе проф. В. И. Лебедева (бригадир), акад. Б. Д. Грекова, акад. Ю. В. Готье, члена-корреспондента Академии наук СССР С. В. Бахрушина, члена-корреспон-

дента Академии наук СССР В. И. Пичеты, проф. К. В. Базилевича и проф. Н. Л. Рубинштейна подготавливает второе издание I тома учебника.

Учебник заново перерабатывается и дополняется в соответствии с многочисленными замечаниями и пожеланиями,

которые были сделаны при обсуждении первого издания в научных учреждениях, вузах и на страницах советской печати. Авторский коллектив на своих совещаниях тщательно обсудил эти предложения и выделил из них те, которые должны быть учтены для второго издания. В частности будут учтены те замечания, которые были сделаны по поводу карт: во втором издании карты будут исправлены и уточнены.

В центре внимания авторского коллектива стоят вопросы периодизации истории СССР. Обсуждению этих вопросов было посвящено совещание авторского коллектива совместно с коллективом авторов учебника истории СССР для неисторических вузов (I том этого учебника будет охватывать историю СССР до 1861 года). В совещании участвовали, кроме перечисленных выше лиц, проф. М. Н. Тихомиров и член-корреспондент Академии наук СССР А. В. Шестаков.

В результате обсуждения на авторских совещаниях схема учебника во втором издании принята в следующем виде:

I. Рабовладельческие государства и племенные союзы на территории СССР (конец II тысячелетия до нашей эры — III век нашей эры).

II. Эпоха феодализма (от IV века нашей эры до середины XIX века).

A. Ранние феодальные государства в Закавказье, Средней Азии и Восточной Европе (IV век — середина IX века).

Б. Киевское государство (IX век — середина XI века).

В. Феодальная раздробленность в Восточной Европе. Феодальные государства в Средней Азии и Закавказье (середина I века — середина V века): 1. Распад Киевского государства (середина XI века — середина XIII века). 2. Феодальные княжества (середина XI века — середина XIII века). 3. Борьба русского народа с немецкой и шведской агрессией в XII—XIII веках. 4. Монгольское завоевание и образование на территории СССР улусов Чингизидов. 5. Кавказ (XI век — первая половина XV века). 6. Средняя Азия (XI век — первая половина XV века). 7. Феодальные русские княжества (середина XIII века — середина XV века). 8. Великое княжество Литовское. 9. Татарские государства в Восточной Европе и Сибири.

Г. Феодальная монархия XV—XVI веков: 1. Образование русского национального государства при Иване III и Василии III. 2. Начало превращения русского государства в многонациональное централизованное государство при Иване IV. 3. Русское государство в конце XVI — начале XVII века. Крестьянская война и польско-шведская интервенция. 4. Народы СССР в XV—XVI веках.

Д. Развитие абсолютизма в России в XVII веке. Народы СССР в XVII веке.

Е. Феодально-абсолютистская монархия XVIII века (1689—1801): 1. Образование Российской империи. Петр I (1689—1725). 2. Дворянская империя в 1725—1762 годах. 3. Дворянская империя Екатерины II и Павла I. 4. Царизм в борьбе с буржуазной революцией на Западе. 5. Народы СССР в XVIII веке.

В новом издании учебника ряд разделов получит историографические введения. Такие введения будут даны к разделам учебника, посвященным истории СССР в XVII и XVIII веках.

Особое внимание решено обратить во втором издании на разделы учебника, посвященные истории народов Средней Азии и Закавказья. Эти разделы, написанные в первом издании по материалам, присланным специалистами по истории национальных республик для многотомника истории СССР, решено еще раз обсудить с авторами материалов. Кроме того после внесения ряда изменений эти разделы будут посланы в Грузию и Армению, в филиалы Академии наук СССР, к видным специалистам по истории этих республик, для консультации и обсуждения. По сравнению с первым изданием, истории Средней Азии и Закавказья будет отведено значительно больше места.

Статья проф. С. Джамалашва «История СССР и история народов Кавказа» (см. «Известия Советов депутатов трудящихся» от 11 июля 1940 года), подынявшая вопрос о недостаточно полном и неправильном освещении отдельных вопросов истории народов Кавказа в первом и втором томах учебника, была поставлена на обсуждение сектора истории СССР до XIX века Института истории Академии наук СССР. Часть замечаний проф. Джамалашва была признана справедливой и будет учтена при переиздании учебника. В частности учтены замечания о том, что недостаточно освещены вопросы культуры народов Кавказа: черкесов, чеченцев и др.

Второе издание учебника будет содержать разделы, посвященные истории народов Прибалтики. Несмотря на указанное выше расширение отдельных разделов и добавление новых разделов, отсутствовавших в первом издании, общий объем учебника будет сокращен примерно на 5 печатных листов. Часть текста учебника, излагающая вопросы второстепенного значения, будет дана в новом издании петитом.

Авторский коллектив предполагает сдать учебник в издательство не позднее 1 января 1941 года. Текст учебника будет выставлен для ознакомления в кабинете истории СССР Института истории Академии наук СССР.

Материалы о преподавании истории на украинской республиканской педагогической выставке 1940 г.

В конце августа 1940 года в Киеве была организована педагогическая республиканская выставка. Присланные на выставку материалы по истории свидетельствуют о большой творческой работе лучших преподавателей истории Украины и о больших достижениях в области преподавания истории. Экспонаты выставки показывают примеры ценного педагогического творчества лучших учителей истории, знакомят с новыми педагогическими приемами, с работой самих учащихся под руководством педагогов и т. д.

* * *

Среди присланных на выставку экспонатов большое место занимают иллюстративные работы, сделанные учениками. Эти работы играют роль наглядных пособий на уроках и дают учащимся возможность глубже ознакомиться с рядом интересных подробностей исторических событий, с бытовыми деталями, с индивидуальными чертами отдельных исторических деятелей и т. д. Такие работы открывают широкий простор для творческой инициативы ребят.

Из иллюстративных работ учащихся, представленных на выставке, особенно внимания заслуживают работы учащихся 47-й школы Киева, сделанные под руководством П. И. Новобранцева. Тов. Новобранцев уже несколько лет ведет систематическую работу со своими учениками по созданию наглядных пособий. На выставке были показаны следующие работы учащихся: форум, коллизия, портреты Сократа и Платона, Данте, Гутенберга и др. и целый ряд интересных исторических карт.

Тов. Р. В. Гройс (13-я школа Киева) представила на выставку ряд иллюстраций, сделанных ее учениками, к отдельным темам истории древнего мира и истории средних веков. Очень интересны работы учащихся 51-й школы Киева (преподавательница Е. А. Пелехова) по истории древнего мира — иллюстрации к теме «Греческая мифология» — и работы учащихся гурьевской школы Одесской области (преподаватель-орденоносец Секретарюк) к теме «Греко-персидские войны».

Безусловный интерес представляет картина работы одного ученика школы Черниговской области, выполненная масляными красками и изображающая эпизод борьбы русской армии против французских завоевателей в Отечественной войне 1812 года.

Хорошие карты по истории гражданской войны прислала большезнаменная школа № 1 Каменского района, Запорожской области.

Кроме отдельных иллюстративных работ выставлены очень тщательно составленные альбомы к отдельным разделам школьного курса истории (альбомы 51-й школы Киева и 130-й школы Харькова).

Альбом ученических карт по истории представил Харьковский областной институт усовершенствования учителей. Институт показал работу некоторых учителей Харьковской области (близюковской школы и др.), которые дают учащимся специальные домашние задания по составлению исторических карт и оценивают эти работы отдельной отметкой, что стимулирует своевременное и тщательное выполнение задания. Самое задание, проводимое систематически по наиболее важным темам, приучает учеников к карте и помогает им запомнить места, где происходили основные исторические события.

Отсутствовали, к сожалению, на выставке модели и макеты, бюсты и другие объемные наглядные пособия по истории.

Другой вид работ, представленных на выставке, — это письменные работы учащихся по истории. Следует отметить, что это полезное начинание лучших учителей уже распространяется в практике массовой школы.

Интересные домашние письменные работы своих учащихся представила на выставку тов. Пелехова (51-я школа Киева): три реферата учащихся на тему «Из героического прошлого русского народа»: 1) Ледовое побоище, 2) Минин и Пожарский, 3) Суворов.

Рефераты прекрасно оформлены «авторами» в виде книжек. В этих работах чувствуется большая любовь к нашему героическому прошлому и понимание исторических событий.

Преподаватель М. И. Хаимский (124-я школа) выставил лучшие письменные работы своих учащихся на темы о французской буржуазной революции, оформленные в виде исторического журнала.

Письменные работы учащихся, представленные на выставке тов. Либерс (109-я школа Киева), посвящены обобщению знаний учащихся после изучения темы «Империалистическая война» (в 9-м классе).

Работы учащихся тщательно проверены и не только оценены, но и снабжены мотивировками оценок и указаниями каждому ученику, что ему нужно доработать по этой теме.

Применение таких же методов преподавания демонстрируется на работах о «Коммунистическом манифесте» учащихся 8-го класса харьковской 100-й школы (учительница тов. Линькова) и работах учеников запорожской 24-й школы (учитель тов. Кац).

Интересны конспекты отдельных произведений Ленина, сделанные учениками 10-го класса запорожской школы № 50 (учитель тов. Мохов) и школы № 24 (учитель тов. Кац).

На выставке представлены также работы исторических школьных кружков.

Исторический кружок с. Жовнино, Градизького района, Полтавской области (руководимый тов. Василенко), ведет большую краеведческую работу. В представленных на выставке стенных газетах этого кружка помещены статьи кружковцев по истории гражданской войны в с. Жовнино и в окрестных районах Полтавской области. Здесь дана интересная и подробная биография руководителя борьбы красных партизан в этом районе — Т. М. Терещенко; опубликованы сообщения кружковцев о раскопанных учащимися в местных курганах наконечниках стрел, о найденных ими старых монетах XVIII века (времен Екатерины I, Анны Ивановны и Екатерины II). Очень интересна запись воспоминаний стариков о проведении реформы 1861 года в с. Жовнино.

Все эти материалы свидетельствуют о разнообразной работе кружковцев по изучению истории своего села в органической связи с изучением истории нашей родины.

Интересны работы исторического кружка учащихся 51-й школы Киева (руководитель тов. Пелехова). В журнале этого кружка и в его стенгазетах отражены интересные и разнообразные формы работы кружка. Тут и сообщения о работе кружковцев в Историческом музее, о проведенных экскурсиях, и краткие изложения основных докладов, прочитанных на кружке, викторины на исторические темы, и разнообразные и богатые иллюстрации к отдельным темам.

Очень содержательный журнал исторического кружка под названием «Патриот» прислала 50-я школа Запорожья (руководит кружком учитель истории тов. Мохов).

К сожалению, на выставке не отражена большая краеведческая работа, которую ведут другие исторические кружки. Среди них необходимо отметить в первую очередь кружок тов. Жорняка (Карловский район, Полтавской области) и кружок, руководимый тов. Салухиным (с. Большая Писаревка, Сумской области). На основе большой работы своего кружка тов. Салухин приготовил монографию об истории села Большая Писаревка. Кружок переяславской школы Киевской области, руководимый тов. Заец, собрал большой местный материал по истории Переяславского соглашения.

Все названные товарищи подробно рассказали о сделанной ими работе в сво-

их выступлениях на республиканской научно-методической конференции, которая состоялась в марте 1940 года. Необходимо, чтобы в отделе истории будущего Всеукраинского педагогического музея работа этих товарищей заняла подобающее им место.

* * *

На выставке представлены также интересные методические работы учителей истории, конспекты открытых уроков, методические доклады по вопросам преподавания истории.

Из этих работ следует отметить в первую очередь работу тов. Ф. Е. Пивенштейн, в которой она рассказывает, как она дала учащимся 5-го класса (80-я школа Киева) урок в Музее на тему «Греческая колонизация» на материале выставки «Скифы и греческие города Северного Причерноморья» Киевского исторического музея. Урок был очень хорошо продуман и вызвал большой интерес.

Тов. Либберс (109-я школа Киева) прислала подробную разработку темы «Империалистическая война» (в 9-м классе), где стремится показать, как она активизирует учащихся в процессе преподавания, как развивает их самостоятельное мышление на уроках и в последующей самостоятельной работе. Эта разработка (стенограммы уроков) сопровождается методической статьей тов. Либберс на тему «Активизация преподавания истории».

Интересен доклад тов. Горева (преславская школа Приморского района, Запорожской области) на тему «Как я добился 100% успеваемости по истории».

Следует также отметить работу тов. Спектора (Сталинский областной институт усовершенствования учителей) на тему «Изучение местного материала на уроках истории в школах Донбасса». Тов. Спектор подобрал необходимый материал из истории Донбасса, который следует включить в программу школ Сталинской области при изучении курса истории СССР. Это можно делать частично на самих уроках, но главным образом во время внеклассной работы.

* * *

Республиканская педагогическая выставка дает широкую возможность для обмена педагогическим опытом, для показа достижений лучших учителей — учителей, которые нужно внедрять в практику массовой школы. Основным недостатком выставки является ее эпизодический характер. Необходимо ее превратить в постоянно действующую выставку, в республиканский Всеукраинский педагогический музей.

М. КРУГЛЯК

А. М. ГОРЬКИЙ В РИГЕ В 1905 ГОДУ
(По документам архива Эстонской ССР)

В архиве Эстонской ССР недавно обнаружены документы об Алексее Максимовиче Горьком.

В 1905 году «Лифляндским губернским жандармским управлением по части наблюдательной» было заведено дело «о состоящем под залогом в размере 10 тысяч рублей Алексее Максимовиче Пешкове (Горький)». Начато оно было 15 февраля 1905 года, окончено 16 мая 1905 года.

Дело открывается сообщением сыскного отделения Рижской городской полиции с надписью «Экстренно — секретно».

Начальник Лифляндского губернского жандармского управления извещается о том, что 15 февраля 1905 года, «в 6 часов вечера, прибыл в г. Ригу Алексей Пешков (Максим Горький) и остановился в Коммерческой гостинице, в номере 2».

За Горьким сразу же было установлено негласное наблюдение. Лифляндское губернское жандармское управление запросило петербургского градоначальника о том, каким образом А. М. Горький, о котором было известно, что он арестован, оказался на свободе.

Как известно, Алексей Максимович 10 января 1905 года составил прокламацию о событиях 9 января. В прокламации Горький обвинял Николая Кровавого «в убийстве мирных людей» и, обращаясь ко всем гражданам, заявлял о необходимости приступить «к немедленной упорной борьбе с самодержавием».

Петербургский градоначальник писал 17 февраля 1905 года начальнику Лифляндского губернского жандармского управления: «Привлеченный С.-Петербургским губернским жандармским управлением к дознанию по обвинению в государственном преступлении, сын Нижегородского цехового Алексей Максимов Пешков, согласно постановления названного жандармского управления, отдан под денежный залог в сумме 10 тысяч рублей с воспрещением жительства в пределах С.-Петербургского генерал-губернаторства и выбыл из С.-Петербурга 14 сего февраля в Ригу».

Рижская полиция была поставлена на ноги. Были посланы в несколько адресов предписания о том, чтобы донести, «где поселился на Рижском взморье Пешков», и «учредить за Пешковым наблюдение». Руководство этим делом было поручено помощнику начальника лифляндской жандармерии.

22 февраля 1905 года начальник Петербургского губернского жандармского управления сообщил «для сведения, что привлеченный к производимому при вверенном мне управлению дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 126 и 136 ст. уголовного уложе-

ния и освобожденный впредь до разрешения дознания из-под стражи под залог в сумме 10 тысяч рублей, литератор Алексей Пешков (Горький), выбыл на жительство в Ригу. Присовокупляю, что названный Пешков обвиняется в принадлежности к образовавшемуся в г. С.-Петербурге в конце 1904 г. комитету, имевшему целью изменение существующего в государстве общественного строя и в составлении воззвания, заключающего в себе призыв к борьбе с самодержавием».

Очевидно, начальник Петербургского губернского жандармского управления имел в виду связь А. М. Горького с революционными организациями и прокламацию, составленную Горьким по поводу событий 9 января.

28 февраля 1905 года «полицеймейстер купальных мест близ Риги м. Майоренгоф» донес, что «сын нижегородского цехового Алексей Максимович Пешков (Максим Горький) 17 сего февраля прибыл на Рижское взморье, проживает в пансионе Кевич в местечке Эдинбурге, по Ермоловскому проспекту, № 39», и что за Горьким установлено негласное наблюдение.

Однако полиция так и не уследила за Горьким. Помощник начальника Лифляндского губернского жандармского управления донес, что «состоящий под негласным наблюдением Алексей Максимович Пешков без всякого разрешения выехал 20 сего марта в Москву, откуда намерен поехать в Крым». В заключение жандарм написал: «По полученным мною сегодня сведениям Пешков предполагал возвратиться на-днях по случаю похорон его умершего секретаря».

Вскоре Лифляндское губернское жандармское управление получило сообщение из Москвы о том, что «упоминаемый в записке Вашей от 26 сего марта за № 2271 Алексей Максимов Пешков (литературный псевдоним Максим Горький) 27 текущего марта выбыл из Москвы, отметившись в г. Ялту».

1 апреля 1905 года начальник Таврического губернского жандармского управления известил своего лифляндского «коллегу», что «литератор Алексей Максимович Пешков 29 минувшего марта прибыл из г. Риги в Ялту, где за ним и учреждено негласное наблюдение».

7 мая 1905 года «литератор Алексей Максимович Пешков (Горький)», как сообщало Таврическое губернское жандармское управление, «выехал из Ялты в С.-Петербург».

Осенью 1905 года Алексей Максимович участвовал в выходявшем в Петербурге большевистском органе «Новая жизнь» и работал под руководством Владимира Ильича Ленина, прибывшего из эмиграции в Россию.

Военный юрист 1-го ранга
А. ГРОНСКИЙ

В Институте истории Академии наук СССР образована группа византиноведения. Сдан в набор первый «Византийский сборник». В сборник включены работы: профессора А. П. Дьяконова — о политических партиях и группировках в Восточноримской империи V—VII веков; профессора В. Е. Вальденберг — о философских идеях византийского писателя XI века Михаила Пселла; старшего научного сотрудника Е. Э. Липшиц — о земельном законе, изданном в связи со славянской колонизацией Византии. Сборник содержит ряд впервые публикуемых документов. Готовится к печати второй «Византийский сборник».

Библиотека Академии наук СССР передала Государственной публичной исторической библиотеке 3 тысячи годовых комплектов газет за 200 лет. Библиотека Академии наук была основана при Петре I и с тех пор получала почти все петербургские, московские и провинциальные газеты. В ближайшее время комплекты газет станут доступными для посетителей Исторической библиотеки.

В Москве реорганизуется Музей Красной Пресни. В Музее выставлены ценные материалы о положении рабочих в конце XIX — начале XX века, о первых шагах рабочего движения в районе, о героической борьбе пресненских рабочих в декабре 1905 года, о хозяйственном и культурном развитии района за годы советской власти.

В городе Лиде (Барановичская область, БССР) открывается Историко-краеведческий музей. В нем будут собраны материалы об историческом прошлом города и области, в частности о революционной борьбе трудящихся в годы господства польских панов. Интересен альбом малоизвестных снимков, относящихся к революционным событиям 1917 года.

Интересные документы о массовых крестьянских волнениях на Дону в период отмены крепостного права обнаружил научный работник кафедры истории СССР Ростовского педагогического института В. К. Вилор. До сих пор об этих волнениях ничего не было известно.

В слободе Большинской волнения продолжались с 1861 по 1868 год. Несколько лет продолжались волнения в слободе Садки, Донецкого округа. Царские власти устраивали массовые порки непокорных крестьян, посылали в бунтующие станицы экзекуционные команды, которые годами жили на полном содержании крестьян и доводили их до разорения.

В. К. Вилор пишет на основании найденных им документов научно-исследовательскую работу.

Дело «О выставке сельских произведений в С.-Петербурге, учреждаемой в 1850 году», найдено в Харьковском военно-историческом архиве. Выставка была организована Вольным экономическим обществом. К участию в ней были привлечены военные поселения, в частности поселения Чугуевского округа. Кроме продуктов сельского хозяйства на выставке были представлены ремесленные изделия и сельскохозяйственные орудия и машины, в том числе машина для разматывания шелковичных коконов.

Некоторые экспонаты были отобраны для отправки на Всемирную выставку в Лондон. Среди них были дамская и мужская соломенные шляпы, соломенный ридикюль, банка семян гималайского ячменя и два дубленых смушка для полупубков. Рядовой военный поселенник Амвросий Мартинюк за сделанные им соломенные шляпы получил в награду 5 рублей серебром.

В бывшем архивном управлении Кавминвод найдены документы о посещениях Минеральных вод Лермонтовым, Белинским, Пушкиным, декабристами Одоевским, Назимовым, Лорером и др.

Предсмертное письмо Рылеева его жене Наталье Михайловне от 13 мая 1826 года найдено в Ярославском областном архиве Октябрьской революции среди бумаг профессора-слависта О. М. Бодянского (1808—1870). Письмо было написано Рылеевым перед самой казнью и заканчивалось словами: «Прощай, велят одеваться».

При исполнительном комитете Винницкого областного совета депутатов трудящихся создан Комитет по охране историко-культурных, архитектурных и археологических памятников. Комитет изучает ряд интересных памятников Винницкой области: крепость близ Винницы, где сподвижник Богдана Хмельницкого полковник Иван Богун защищал город от поляков; место сражения у села Четвертиловки, где Богдан Хмельницкий в 1652 году разгромил польское войско; каменную тюрьму в городе Литине, куда несколько раз заключали Устина Кармелюка, и др.

В 1903 году в Таганроге был открыт памятник Петру I, сооруженный скульптором М. М. Антокольским. Об этом памятнике дал восторженный отзыв А. П. Чехов в письме от 16 апреля 1898 года: «Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всесветный конкурс... Статуя изображает настоящего Петра и притом Великого, гениального, полного великих дум, сильного». Сейчас памятник реставрирован и установлен на берегу моря, на месте, рекомендованном в свое время А. П. Чеховым, который как

уроженец Таланрога принимал большое участие в сооружении этого памятника.

В конце 90-х годов прошлого века на горе Митридат близ Керчи были начаты раскопки древнего города Пантикапея — столицы Боспорского царства. Вскоре раскопки были прекращены и возобновились только в 1940 году под руководством Керченского археологического музея. Открыто огромное здание (крепость или дворец), сложенное из тщательно обработанного камня, с кладовыми, цистернами и т. д. Оно относится к IV—III векам до нашей эры. В ряде зданий II века до нашей эры найдена на внутренней облицовке замечательная декоративная живопись, отличающаяся поразительным богатством красок и разнообразием узоров.

Раскопки на горе Митридат имеют большое значение для изучения истории народов, населявших в античную эпоху территорию Советского Причерноморья.

Больше года в Ленинграде исследовалось содержание кувшина, найденного при раскопках возле Керчи. Кувшин, пролежавший в земле полторы тысячи лет, оказался наполненным нефтью. В нефти были найдены прекрасно сохранившиеся зер-

на проса, ячменя, чечевицы и насекомые 15 видов: бабочки, блохи, долгоносики, сколопендра и др.

В древнем мавзолее Ура-Тюбе (Таджикская ССР) обнаружена археологом В. Р. Чейлытко женская мумия, пролежавшая в гробнице 400 лет и довольно хорошо сохранившаяся. Мумия доставлена в Таджикскую базу Академии наук СССР.

Рабочий ленинградского завода «Большевик» Б. Н. Левитский собрал ценную библиотеку по истории Военно-Морского Флота, насчитывающую более 1500 томов. Сбирать книги тов. Левитский начал с 1924 года. Он автор многочисленных статей по истории русского флота, помещенных в заводской газете «Большевик». В библиотеке тов. Левитского имеется все, что издано в нашей стране по истории флота за последние 15—20 лет. В ней хранится также ряд уникальных изданий: воинский устав Петра I, выпущенный в 1719 году, морской атлас 1737 года, «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море от 1805—1810 гг.» В. Л. Броневского, лекции по истории военно-морского искусства, изданные в 1908 году тиражом в 100 экземпляров.

И С Т О Р И Ч Е С К И Е Д А Т Ы

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАБУШКИН

(Январь 1906 года)

35 лет назад, в ночь на 1 января 1906 года, карательная экспедиция царского генерала Ранненкампа захватила и тут же расстреляла у наспех вырытой могилы выдающегося рабочего-большевика, ученика и ближайшего соратника В. И. Ленина, Ивана Васильевича Бабушкина. Вместе с ним были расстреляны у общей могилы пятеро других героев-революционеров, имена которых остались неизвестными.

Иван Васильевич Бабушкин и его товарищи пали на боевом посту, когда переправляли из Читы в Иркутск большой транспорт оружия для революционеров.

Бабушкин родился в Вологодской губернии, в семье бедного крестьянина. Десяти лет его отдали «мальчиком» в мучную лавку, где он с утра до поздней ночи таскал тяжести.

К четырнадцати годам Бабушкин уже работал в торпедной мастерской, зарабатывая 20 копеек в день, а в восемнадцать лет стал рабочим Семянниковского завода в Петербурге.

Молодой рабочий связался на заводе с группой сознательных пролетариев, которые общались с революционной интеллигенцией.

Тогда же Бабушкин попал в подпольный кружок, которым руководил В. И. Ленин.

В декабре 1895 года Владимир Ильич был арестован, а недели через две Бабушкина также арестовали, после того как он отнес на Обуховский завод прокламации.

Он находился в одиночном заключении больше года, но тюрьма не сломила его, и он с еще большей энергией взялся за революционную работу в Екатеринославе (нынешний Днепрпетровск), куда был выслан царским правительством.

Листовки Бабушкина пробудили у тысяч екатеринославских рабочих стремление бороться против произвола царизма, против капиталистического гнета и бесправия.

В начале 1900 года Бабушкин скрылся из Екатеринослава, так как охранка стала проявлять к нему усиленное внимание. Он принял участие в созданных Лениным совещаниях о создании заграничной большевистской газеты «Искра».

После этого по заданию Ленина он выехал в крупнейший рабочий центр — Иваново-Вознесенск — для организации там партийной работы. Вскоре Бабушкин стал активным сотрудником ленинской «Искры» и организатором ценнейших рабочих корреспонденций в большевистскую газету.

В декабре 1901 года Бабушкин был арестован вместе с другими активными деятелями местной организации и препровожден на юг, в Александровскую тюрьму; здесь он просидел до июля 1902 года. Отважный революционер перепил решетки и бежал из тюрьмы. Он благополучно перебрался через границу и приехал в Лондон, к Ленину.

В 1902 году Бабушкин выехал в качестве агента «Искры» в Петербург, где развернул большую работу.

В конце января 1903 года охранка арестовала Бабушкина. Он пробыл в одиночке полтора года, после чего был выслан в Якутскую область.

После амнистии 1905 года Иван Васильевич возглавил революционную борьбу в Иркутске, а затем, в Чите, которая была в руках восставших.

После подавления московского восстания в декабре 1905 года кровавые репрессии прокатились по всей России. Одной из многих жертв царских палачей оказался Иван Васильевич Бабушкин. «...умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи-рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...».

ЛИТЕРАТУРА. Ленин, т. XIV, стр. 396—399. «Иван Васильевич Бабушкин». Зеликсон-Бобровская. «Иван Васильевич Бабушкин». Л. 1938. Ершов. «Иван Васильевич Бабушкин». Госполитиздат. 1939.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ПАРХОМЕНКО (Январь 1921 года)

Двадцать лет назад, 3 января 1921 года, погиб смертью героя легендарный начальник Рабоче-Крестьянской Красной Армии Александр Яковлевич Пархоменко.

Пархоменко знали и ценили Ленин и Сталин. Чрезвычайно высокую оценку Пархоменко дал Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов в телеграмме, посланной луганским рабочим, которые речили в 1935 году установить памятник этому выдающемуся герою гражданской войны:

«Приветствую и полностью поддерживаю решение луганских пролетариев почтить память лучшего луганчанина, большевика, умнейшего человека, прекрасного товарища, Александра Яковлевича Пархоменко. Не я один, тысячи трудящихся Луганска знали и любили Пархоменко; наверное и сейчас помнят этого подлинного пролетарского героя. Гибель его была тяжелой потерей».

Замечателен путь этого героя пролетарской революции.

Он родился в семье безземельного крестьянина, в деревне Макаров Яр, что на

берегу реки Северного Донца. С малых лет пришлось ему испытать голодную, горемычную жизнь.

В 1900 году старший брат устроил Александра на завод Гартмана, в Луганске. Через три года Пархоменко стал квалифицированным слесарем.

Когда в 1903 году на завод Гартмана поступил на должность браковщика литейного цеха К. Е. Ворошилов, Пархоменко приобщился к революционной деятельности и в 1904 году, в возрасте 18 лет, вступил в большевистскую партию.

Под руководством тов. К. Е. Ворошилова он работал в годы подполья по организации стачек, печатал и распространял прокламации, снабжал оружием боевиков-дружинников.

Когда на первомайской демонстрации 1905 года черносотенцы вырвали у знамени Пархоменко прорвался к знамению, сбил своим здоровенным кулаком с ног нескольких бандитов, отнял знамя и пошел вперед, ведя за собой демонстрантов.

В 1905 году Пархоменко был уволен с завода Гартмана и поехал в село Макаров Яр, где по заданию партии организовал восстание крестьян.

Он служил рядовым солдатом экскаваторной команды в Москве, когда началась февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года. Руководимые им солдаты взломали ворота казармы, запертые начальством, и присоединились к рабочим.

Через некоторое время Пархоменко уехал в Луганск, где помогал К. Е. Ворошилову организовывать отряды Красной Гвардии, которые впоследствии Пархоменко возглавил.

Вместе с Ворошиловым Пархоменко прошел героический путь от Луганска до Царицына, вместе с Ворошиловым сражался во главе красных полков против войск германского кайзера, против белоказаков.

Во время обороны Царицына Пархоменко, выполняя поручение Ленина и Сталина, успешно организовал снабжение Красной Армии.

Весной 1919 года Пархоменко руководил в Екатеринославе разгромом пригорьевских банд, а летом оборонял Харьков от Деникина.

Апрель 1920 года. Пархоменко — начальник 14-й дивизии Первой Конной армии. В июле 1920 года его дивизия прорвала фронт белополяков, беспощадно громила польских панов под Новоград-Вольнском, Ровно, форсировала реки, заняла крепость Дубно. В этом победоносном наступлении в труднейших условиях Пархоменко показал себя как блестящий командир крупного кавалерийского соединения. Он не оставил своего поста, даже когда заболел тифом. Не имея сил сидеть на коне, он руководил операциями, сидя в тачанке.

Дивизия Пархоменко совместно с другими частями Первой Конной армии в октябре 1920 года проникла в глубокий тыл армии барона Брандта, находившейся в

Северной Таврии. 14 ноября 1920 года дивизия Пархоменко заняла Симферополь.

Сбросив Врангеля в Черное море, Пархоменко громил кулацкие банды Махно.

3 января у деревни Бузовки, в районе Юстин-городка, Александр Яковлевич Пархоменко погиб смертью героя в одном из боев против заклятых врагов трудового народа.

ЛИТЕРАТУРА. «Герои гражданской войны в СССР», стр. 99—118. Воениздат, 1938. Всеволод Иванов «Пархоменко». Роман, Гослитиздат, 1939.

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА

(Декабрь 1825 года)

29 декабря 1825 года в селе Трилеса началось восстание Черниговского полка на Украине. Возглавлял его декабрист Сергей Муравьев-Апостол. В этом восстании были допущены те же ошибки, что и в петербургском восстании 14 декабря 1825 года, которое было жестоко подавлено: восставшие вели себя нерешительно, выжидали, не переходя к наступательным действиям. Муравьев-Апостол допустил роковую ошибку, отказавшись наступать на Киев и направив войска к второстепенным городам в расчете на присоединение новых частей, руководимых декабристами.

3 января он столкнулся у деревни Ковалевки с превосходящими силами правительственных войск и был разгромлен.

13 июля главари декабристов: Пестель, Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин — были подвергнуты казни через повешение. Многих солдат — участников восстания — подвергли жестокому истязанию (прогнали сквозь строй), сослали на каторгу, а менее активных отправили в Кавказскую действующую армию.

В. И. Ленин так оценил это время в истории России и восстание декабристов: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли **разбудить** народ». Восстание Черниговского полка оказало большое влияние на крепостное крестьянство Украины, которое волновалось в 1826—1827 годах.

ЛИТЕРАТУРА. Ленин. Т. XV, стр. 464—469. «Памяти Герцена»; Ленин. Т. XIX, стр. 348—351. «Доклад о революции 1905 года». Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Лидвигом, стр. 7. Госполитиздат, 1938; «Декабристы». Централхив. Сборник отрывков из источников. Госиздат, 1926. Нечкина «Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского». В книге «Против исторической концепции Покровского». М. 1939.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ К РОССИИ

(Январь 1801 года)

Закавказье в конце XVIII столетия состояло из мелких феодальных государств, постоянно враждовавших между собой. Турция и Персия разоряли народы Кавка-

за и Закавказья, расчленяя их территории. Грызня и раздоры между грузинскими феодалами способствовали порабощению Грузии чужеземными завоевателями — персами и турками.

Персидский шах Надир, захвативший Грузию во второй четверти XVIII века, опустошил страну, обложил непосильным налогом население, которое неоднократно восставало против деспота. Эти восстания были беспощадно подавлены. После смерти Надир-шаха грузинский царь Ираклий II создал независимое Восточно-Грузинское царство. Стремясь укрепить свое государство, он подавлял феодалов, организовывал народное образование, поощрял ремесла, торговлю и промышленность. В то же время он заставлял крестьян уплачивать огромные подати, которые шли на военные нужды.

Положение Грузии, разоренной вековыми войнами, оставалось крайне тяжелым. Угроза персидских и турецких нашествий продолжала висеть над ней, и Ираклий вынужден был искать поддержки у России. В 1783 году он подписал с царским правительством договор о протекторате, которым устанавливалась вассальная зависимость царя Грузии от русского императора.

После смерти Ираклия II междоусобицы в Грузии достигли невиданных размеров, феодальная раздробленность увеличилась, государство распадалось. Сын Ираклия Георгий XII, вступивший на царский престол, обратился в Петербург с просьбой присоединить Грузию к России. Он передавал русскому императору свою власть и доходы и выражал только желание сохранить за собой и своим потомством титул царя и жалованье от русского правительства.

18 января 1801 года Павел I подписал манифест о присоединении Грузии к России. В рескрипте на имя командующего войсками Кавказской линии Павел писал:

«Я хочу, чтобы Грузия была губерния... Губернатором пусть будет кто-либо из царской крови, но под вами...».

Манифест от 18 января не был опубликован из-за смерти Павла. Вступивший на престол Александр I 12 сентября того же года издал манифест о присоединении Грузии к России, причем грузинская царская династия устранялась от управления Грузией. Восточная Грузия превратилась вскоре в Тифлисскую губернию. К гнету местных феодалов, тяготевшему над грузинским крестьянством, присоединился гнет царского самодержавия. Однако для Грузии присоединение к России, вступившей к тому времени на путь капиталистического развития, было наименьшим из зол, так как предотвратило подчинение Грузии отсталым восточным деспотиям.

ЛИТЕРАТУРА. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10—11. М. 1939. Кокиев «Присоединение Грузии к России». «Исторические записки». Вып. 4-й, стр. 165—176. 1938.

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи журнала в области пропаганды исторических знаний	1
С. МИЦКЕВИЧ — В. И. Ленин и первая московская марксистская организация 1893—1895 годов	11
М. МОСКАЛЕВ — К 30-летию письма И. В. Сталина В. И. Ленину из сольвычегодской ссылки	16
И. ГОХБЕРГ, Ю. АКСЕНОВ — „Хронологические выписки“ К. Маркса по истории России	24
Н. НЕФЕДЬЕВ — История возникновения стахановского движения	31
Б. ТЕЛЬПУХОВСКИЙ — Возвращение земель „отчич и дедич“ и основание Петербурга	42
Н. ПЕВЗNER — Огюст Бланки	54
Л. СИМОНОВСНАЯ — Китай в эпоху расцвета феодализма (VII—VIII века)	67
И. КАЦНЕЛЬСОН — Гробница Тутанхамона	79

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

М. ЗИНОВЬЕВ — Работа с учебником истории средних веков в 6—7-х классах средней школы	92
О. ЧЕГЛАКОВА — Творческие сочинения на уроках истории в 5-м классе	95
Е. БАСТИАНИ — Рисунки на доске на уроках истории	99

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Г. ГЛЕЗЕРМАН — Значение производительных сил в развитии общества	101
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. ЕФИМОВ — Учебник новой истории для 8-х классов средней школы	112
Ф. ДЕГТЯРИК, Г. ЭРЕНБУРГ — „Новая история колониальных и зависимых стран“	116
О. ВЕЙЛАНД — „Пролетарская революция“ №№ 1 и 2 за 1940 год	122
А. БОКЩАНИН — „Вестник древней истории“ №№ 1 и 2 за 1940 год	129
И. БАС — В. Пичета „Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии“	135
Г. ЛЕНОБЛЬ — Зин. Давыдов „Из Гоши гость“	139

НОВИНКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. ВОЛИН**

Зам. редактора — **С. И. Голнер**

Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

А 35252

Изд. № 2

Зак. 4128

Тираж 50 000

Подписано к печ. 9/1 1941 г.

10 печ. л. 70 800 зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ведет пропаганду исторических знаний: освещает вопросы истории СССР, всемирной истории (древней, средней, новой и новейшей), уделяет особое внимание истории ВКП(б), освещает историю международного революционного движения, вопросы истории мировой культуры и исторической науки, отводит видное место вопросам критики и библиографии исторической литературы, ведет работу по обобщению опыта преподавания истории в школе, информирует о работе исторических учреждений и дает на страницах журнала консультацию по вопросам, поставленным читателями.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

освещает все эти вопросы на основе учения марксизма-ленинизма — диалектического и исторического материализма, на основе положений «Краткого курса истории ВКП(б)», директив товарища Сталина, ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам изучения и преподавания истории.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

рассчитан на советскую интеллигенцию, особенно на преподавателей истории, пропагандистов, партантив и советское студенчество.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Исторический ЖУРНАЛ

ИЗД
Издательство „Правда“
1941

Исторический ЖУРНАЛ

11-й год издания

№ 2

Февраль 1941 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Товарищу Клименту Ефремовичу Ворошилову

Центральный Комитет большевистской партии и Совет Народных Комиссаров Союза ССР горячо приветствуют тебя, верного соратника Ленина и Сталина, одного из активнейших строителей коммунистической партии, виднейшего организатора вооруженных сил Советского государства и выдающегося полководца Красной Армии — в день твоего шестидесятилетия.

Всю свою жизнь с юношеских лет ты посвятил революционной борьбе за дело рабочего класса, за коммунизм. В годы первой русской революции 1905 — 1907 г.г. ты боролся в передовых рядах революционных донецких рабочих и вместе с Лениным и Сталиным строил нашу большевистскую партию. Ты был одним из активнейших участников Великой Октябрьской социалистической революции и большевистским руководителем ее в Донбассе, одним из первых организаторов рабоче-крестьянской Красной Армии. Под твоим командованием V-я Украинская армия в 1918 году совершила героический поход к Царицыну, прорвав кольцо белоказачьей контрреволюции. При твоём руководящем участии была создана Первая Конная армия, покрывшая себя неувядаемой славой. Ты прошел с ней славный победоносный путь, сокрушая деникинскую контрреволюцию, громя белополяков, ликвидируя белые банды Врангеля.

Твоей неустанной многолетней работе по руководству Красной Армией — она во многом обязана тем, что выросла в могучую и грозную силу.

На всех этапах твоей славной революционной деятельности партия знает тебя как мужественного и последовательного борца против врагов партии и советского народа. Своей неутомимой и плодотворной работой в качестве партийного руководителя, государственного деятеля, строителя Красной Армии ты заслужил любовь и уважение нашей партии и советского народа.

От всего сердца желаем тебе, наш дорогой друг и боевой товарищ, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей партии и Советского государства.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР.

И. Беркин

Юношеские годы К. Е. Ворошилова

Начало революционной деятельности Климента Ефремовича Ворошилова неразрывно связано с рабочим движением Донбасса, где он родился, вырос, приобщился к трудовой жизни, получил первые уроки классовой борьбы.

Донбасс в конце прошлого столетия стал одним из ведущих промышленных районов страны. С постройкой Екатеринославской железной дороги (1880—1884), соединившей Донбасс с Криворожьем, здесь начинают быстро расти металлургические заводы, шахты и рудники, металлообрабатывающие и машиностроительные заводы. Здесь выросла крупная капиталистическая промышленность, не знавшая «...ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения»¹.

Сюда ненасытной толпой устремились русские и в особенности иностранные капиталисты в погоне за сверхприбылью. Последние «...жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее объединенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать

громоздкие, неслыханные у себя на родине, барыши»².

Лиценциозно эксплуатируя местных рабочих, русские и иностранные капиталисты выкачивали из промышленности колоссальные доходы. Например Юз наживал почти 100% на вложенный капитал; Южноднепровское металлургическое общество выплачивало своим акционерам 40% дивиденда.

Пользуясь покровительством царизма, являвшегося агентурой западного империализма, капиталисты Донбасса (как и других районов) жесточайшим образом эксплуатировали рабочих, непрерывно притекавших сюда из голодных губерний. Рабочий день в 12—13 часов, даже после закона 2 июня 1897 года, ограничившего продолжительность рабочего дня 11½ часами; ничтожная заработная плата, сокращаемая бесчисленными штрафами; ужасные бытовые, жилищные условия, особенно у горняков; скотское, издевательское отношение к рабочим со стороны начальников цехов и мастеров; полное бесправие и беззащитность—таково было положение рабочих Донбасса.

Понятно поэтому, что Донбасс становится одним из крупнейших очагов революционного рабочего движения, в которое

¹ Ленин. Т. III, стр. 379.

² Ленин. Т. I, стр. 436.

вовлекались все более широкие массы рабочих.

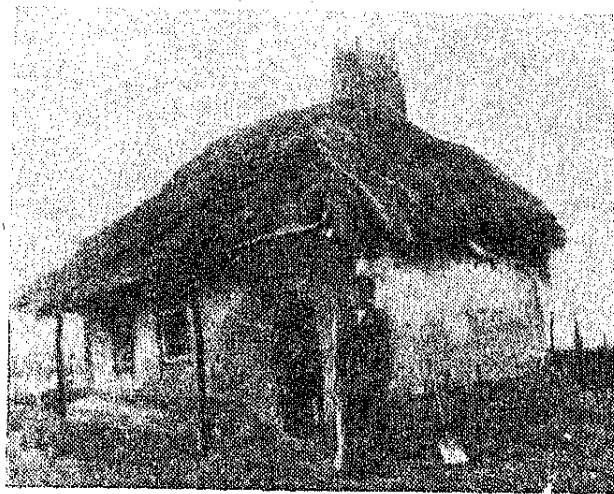
Вот в этой обстановке прошли годы тяжелого и голодного детства и юности Климента Ефремовича Ворошилова. Здесь началась его революционная деятельность.

1

Климент Ефремович Ворошилов родился 23 января (4 февраля) 1881 года в селе Верхнем, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии. Отец его, Ефрем Андреевич, солдат николаевской службы, не имея определенной профессии, выполнял самые различные черные работы, очень тяжелые и очень плохо оплачиваемые. Будучи человеком вольнодумным, свободолюбивым и некорыстным, с большой силой воли и чувством собственного достоинства, он подолгу не задерживался на одном месте, так как его либо выгоняли хозяева за «некорытность и своеволие», либо он сам уходил в знак протеста против бесчеловечного отношения со стороны хозяев. Ефрем Андреевич побывал на многих рудниках Донбасса, служил сторожем на железной дороге, батрачил в помещичьих имениях, а еще чаще бывал безработным. Мать, Мария Васильевна, работала поделщицей, занимаясь буквально за гроши на любую работу: стирала белье, мыла полы, копала картофель и т. д.

Жили Ворошиловы в отчаянной нужде, даже когда отцу удавалось найти работу, а в моменты безработицы отца семья буквально голодала, нередко спасаясь подаянием. «...с раннего детства, — вспоминает тов. Ворошилов, — пришлось познакомиться с самой горькой нуждой. В один из периодов безработицы отца ходил с сестрой «по миру», просить хлеба»¹. Сверстник юного Климента тов. Плутотаренко пишет: «...жили Ворошиловы страшно бедно. Нуждались во всем. В землянке Ворошилова очень темно, пол был глиняный. Обстановка самая бедная. Вместо кровати были нары. Вместо стульев — сбитая из досок скамейка... Питание в семье Ворошиловых было плохое. Ели борщ, ржаные галушки, замешанные на воде...»².

Вместе с нуждой Клим рано познал и тяжелый, изнурительный труд. Шести—семи лет спустился он в шахту, где за целый день работы по выборке колчедана получал 10 копейек. Десятилетним паршивкой Клим батрачил в имение Алчевского, вместе с отцом пас помещичий скот, батрачил и у своего дяди-кулака. «В тот же

Хата, где провел свое детство тов. Ворошилов. Центральный музей Красной Армии.

период, — пишет тов. Ворошилов, — познакомился на практике с кулаком-эксплуататором. В одну из очередных голодов нашей семьи (отец исчез в поисках работы) меня взял к себе «в гости» дядя, брат отца, живший в деревне очень богато. Вместо гостя меня обратили в батрака и подвергали в течение года дикой эксплуатации»³.

Клим вскоре сбежал от «гостеприимного» дяди. «Затем я снова на рудниках, уже мальчишкой, в мастерских. В этот период меня зверски избивали работавшие поделно крестьяне соседнего села, придравшись к какой-то глупости, а по сути за то, что меня приняли в мастерские, отказав одному из крестьян. Случай избивания меня — ребенка, целой артелью взрослых парней остался большим воспоминанием на всю жизнь»⁴.

Но несмотря на эту страшную обстановку жизнь была в Климе горячим ключом. После изнурительного трудового дня, поев наскоро похлебку с ржаными галушками, он мчался на улицу и затевал со сверстниками игры, отдаваясь им со всем пылом своей жизнерадостной натуры. В своей фуражке с широкими полями, в черной или голубой сапеновой рубашке, босиком он носился по улице, с непосылаемой выдумкой затевая разные игры. Ночь загоняла его в хату с глиняным полом, а на завтра, с зарей, он снова принимался за свой непомерно тяжелый для ребенка труд.

До 12 лет Клим рос неграмотным. Неграмотными были и отец и мать его. Но эти придавленные суровой жизнью люди тянулись к знаниям, их заветной мечтой было научить своего сына грамоте. «Он у меня один сын... Все думало я, как бы его выучить»⁵, — говорил его отец.

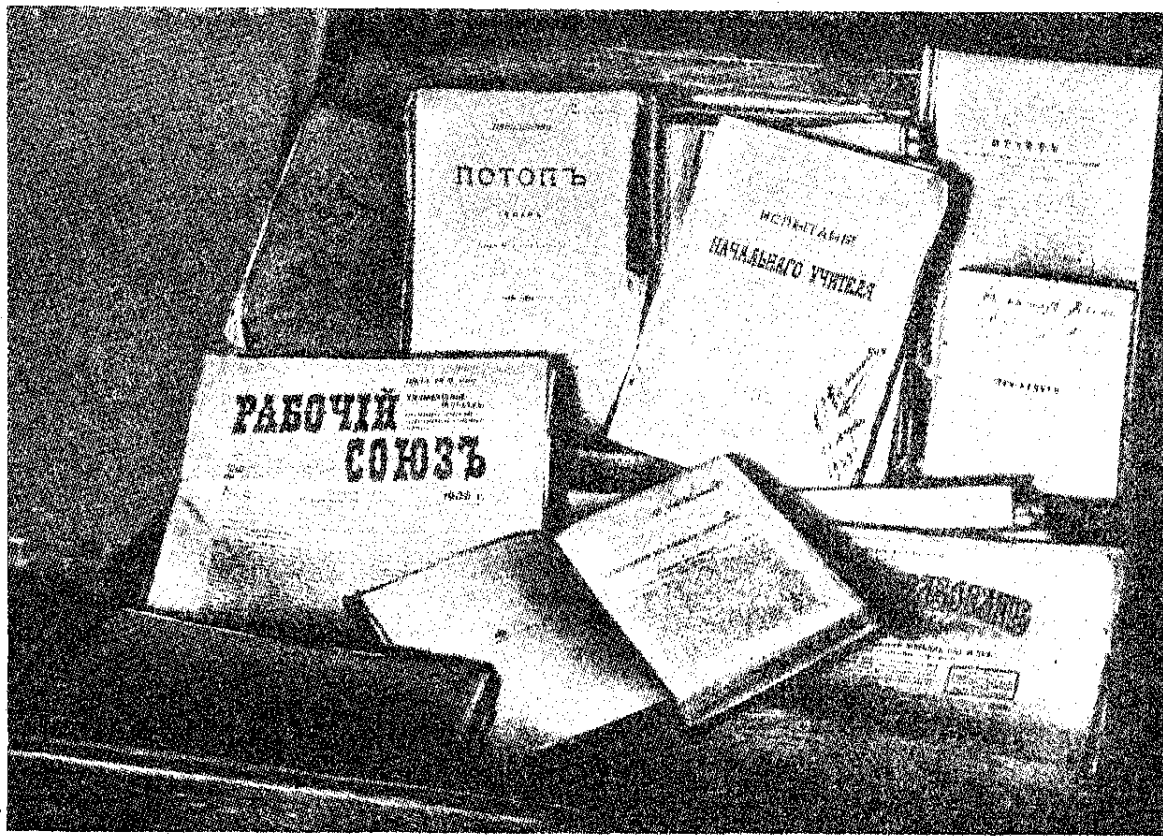
¹ Энциклопедический словарь изд. Гранат. Т. 41. Ч. 1-я, приложение, стр. 93.

² «К. В. Ворошилов и луганский пролетариат в 1900—1918 гг.», стр. 65, 66. Луганск. 1931.

³ Энциклопедический словарь изд. Гранат. Т. 41. Ч. 1-я, приложение, стр. 93.

⁴ Там же.

⁵ «К. В. Ворошилов и луганский пролетариат», стр. 64.

Сундучок с библиотекой товарища Ворошилова.
Центральный музей Красной Армии.

Страстно хотела этого и мать Клим. «Рос я непрамотным, и это весьма сокрушало мою мать, поставившую целью своей жизни сделать меня настолько «образованным», чтобы я мог также читать псалтырь и часослов, как и ее отец (мой дед). Дальше ее мечты не шли»¹. Но школ поблизости не было, а далеко ехать не было средств; так и уходили годы в мечтах о грамоте. Лишь в 1893 году в селе Васильевке, Славяно-Сербского уезда, открылась земская школа, и Ворошиловы немедленно определили туда своего сына.

Клим учился с огромным рвением, как бы стараясь компенсировать себя за упущенное время. По отзывам учителей и сверстников по школе, Клим Ворошилов учился прекрасно. Обладая ясным умом, прекрасной памятью и способностями, он легко усваивал самые трудные вещи. Клим был первым учеником в классе. Многие родители ставили Клим в пример своим детям. «Учись, как Ворошилов», «Читай столько, сколько Ворошилов читает», — поворачивали отцы своим детям, вспоминает тов. Плуготаренко.

Клима очень любили учителя, и он платил им тем же. Особенно теплые отношения установились между Климом и Семеном Мартыновичем Рыжковым, учителем васильевской школы. Рыжков горячо

и искренно полюбил своего талантливоего ученика: он приглашал Клима к себе домой, снабжал его книгами, вел с ним душевные беседы. Эта связь продолжалась долгие годы и после окончания «курса наук» в земской школе, где тов. Ворошилов учился только две зимы.

Грамота открыла Климу дорогу к чтению, и благодаря Рыжкову, снабжавшему его книгами, Ворошилов много читал. Любимыми его книгами были произведения классиков: Л. Толстого, Пушкина, Гоголя, Гончарова, Лермонтова, Шевченко, позже — Чехова и Горького. С большим интересом читал он книжки по естественно-научным вопросам. В сундучке Клима, находящемся сейчас в Музее имени Ворошилова в Ворошиловграде, хранятся и поныне книги, которые читал тогда Климент Ефремович. Среди многих других здесь есть: «Популярная астрономия» Фламариона, «Научное обоснование психологии» Джемса, «Звери, птицы и население Средней Европы» проф. Гаака, «Вулканы и землетрясения» проф. Неймайера и др. Чтение этих книг заставило юного задуматься над вопросами религии и привело к тому, что в 16 лет он стал убежденным атеистом.

Первое знакомство Ворошилова с произведениями Маркса относится к 1898—1899 годам, и произошло оно при посредстве учителя П. М. Седанова, друга Рыжкова. С того времени социально-политические книги занимают основное место в

¹ Энциклопедический словарь изд. Гранат. Т. 41. Ч. 1-я, приложение, стр. 94.

библиотечке Ворошилова. В упоминавшемся сундучке хранятся книги Энгельса, Лафарга, Плеханова, Ленина, прочитанные тов. Ворошиловым в годы до его ссылки (1907).

Вскоре Климент Ефремович сделал такие успехи, что Рыжков назначил его своим помощником и нередко посылал заниматься с первым классом. «Рыжков очень ценил Ворошилова, — вспоминает учитель Содашов, — и ездил к учителям и учительницам вместе с Ворошиловым. Они были как бы нераздельной двойкой. Нам, учителям, Рыжков говорил про Ворошилова, что это «юноша с будущим».

Но этот период длился недолго. Нужно было работать, помогать семье, влечившей полуголодное существование, и Климент в пятнадцать лет пошел на большой металлургический завод Донецко-Юрьевского металлургического общества (ДЮМО) в Алчевске, в 40 верстах от Луганска (города, ныне носящего славное имя тов. Ворошилова).

2

Службу на заводе ДЮМО Климент Ефремович начал в должности рассыльного мальчишка. На серой лошади, с сумкой через плечо развозил он с заводской почтой. Работа эта была нетрудной, но удовлетворить Клима она не могла, и он попросился в цех, к станку. Его зачислили в механическую мастерскую подручным слесаря, а спустя некоторое время перевели в чугунолитейный цех в качестве помощника машиниста на кране. Обычно в крановщики переводили после 2—3 лет работы помощником машиниста, а Климент Ефремович настолько быстро овладел техникой дела, что уже через 6—7 месяцев был переведен в машинисты крана.

Клим Ворошилов оказался в родной и близкой ему рабочей среде. Он с жадностью впитывал в себя новые впечатления от заводской жизни, уже сознательно оценивая все происходящее вокруг. Все с большей силой нарастало в нем чувство протеста, которое он выражал иногда со всем задором юности.

Одно происшествие, случившееся с горячим, тордым юношей, повлекло за собой весьма неприятные для него последствия.

В 1897 году на завод ДЮМО полицейским приставом был назначен Греков. Это был тупой и жестокий человек, крайне запосыливый и глупый, которого рабочие ненавидели и боялись.

Однажды Греков приехал в гости к почтмейстеру. Они сидели с важным видом, в окружении «дам» на скамейке перед домом. Мимо них прошла группа молодых рабочих завода, среди которых был

и Клима Ворошилов. Клима, глубоко и откровенно презиравший пристава, нарочно не поклонился ему, зная, что тот сочтет это оскорблением своего высокого достоинства. Возмущенный этой дерзостью, пристав кинулся на Ворошилова, с помощью подоспевших городских швобил Клима и бросил его в «каталажку».

Это событие оказало большое влияние на дальнейшую судьбу молодого Ворошилова. Хотя он вскоре был освобожден, но с того времени его начали систематически и настойчиво преследовать сыщики. «Сначала за мной следили «тайно», а затем стали ходить по пятам агенты пристава, — пишет Ворошилов. — Преследования сделали свое дело: я не только открыто повел разговоры с учителем на политические темы, но уже завел знакомства и на заводе и среди учительства»¹. С этого времени, отмечает тов. Ворошилов, «начиналась моя политическая работа».

На Донецко-Юрьевском заводе уже в 1893—1894 годах существовал рабочий кружок, организованный административно высланными из Петербурга рабочими Семеном Бакановым и Александром Никольским. Кружок получал литературу из Петербурга, где Баканов имел связи. С отъездом Баканова в 1894 году кружок перестал существовать.

В 1898 году на заводе ДЮМО возник новый кружок. Это был первый социал-демократический кружок в Донбассе. Одним из организаторов его был тов. Галушко, незадолго до этого освобожденный из ростовской политической тюрьмы. По душой и подлинным руководителем этого кружка был молодой крановщик литейного цеха Клима Ворошилов. Участник этого кружка тов. Д. К. Параныч вспоминает:

«В 1898 г. в Алчевске создалась почва для создания революционного кружка. Молодой поэт Клима Ворошилов группировал вокруг себя наиболее развитых и свободомыслящих рабочих. Ворошилов уже тогда был по развитию на голову выше своих товарищей. Он систематически читал, хорошо разбирался в литературе, был горячим, вспыльчивым и горел в споре.

К нам в Алчевск приехал только что освобожденный из ростовской тюрьмы рабочий-литейщик Галушко. Он привез нам кое-какую политическую литературу.

Клима Ворошилов набросился на литературу, как голодный на хлеб.

Вскоре у нас сложился революционный подпольный кружок. Нашим организатором и вдохновителем был Климент Ефремович.

¹ Энциклопедический словарь изд. Гранат. Т. 41. Ч. 1-я, приложение, стр. 94.

Учредителями кружка были Ворошилов, Пузалов и я.

Конечно помогал и Галушко, но он был семейный, и потом он только что отбыл наказание; ему надо было осторожничать. И организатором, а затем и руководителем был Ворошилов».

Кружок начал с самообразования; читали Чернышевского, Добролюбова и др., а затем перешли к изучению социал-демократической литературы.

С отъездом Галушко руководство кружком целиком перешло в руки тов. Ворошилова. Деятельность кружка значительно расширилась, он стал больше заниматься вопросами заводской жизни, поднимать рабочих на борьбу. В Орловской, Васильевской и Лозово-Павловской банках организовывались массовки, на которых очень часто с речами выступал Клиим Ворошилов. На этих массовках обсуждалось тяжелое положение беспощадно эксплуатирувавшихся рабочих и намечались пути активной выступления. Кружок решил провести забастовку на заводе, начав ее с краповщиков чугуноплавильного цеха, где работал тов. Ворошилов.

В 1899 году, после тщательной подготовки, вспыхнула забастовка под руководством тов. Ворошилова. Рабочие предъявили экономические требования. Забастовка встретила живейшее сочувствие на заводе. К ней примкнула группа литейщиков. Администрация, боясь, что забастовка перекинется в другие цеха, поспешила удовлетворить некоторые требования краповщиков. Но руководитель забастовки тов. Ворошилов вскоре подвергся кратковременному аресту. Обыску подвергся и С. М. Рыжков, которого затем вызвали в Петербург, в министерство просвещения, и потребовали прекращения связи с Ворошиловым.

Ворошилова уволили с завода и занесли в черные списки. Настали тяжелые дни поисков работы по всему Донбассу, длившиеся почти три года.

«Целых три года, — вспоминает тов. Ворошилов, — пришлось скитаться без работы. Все сколько-нибудь крупные заводы, рудники, мастерские, куда приходилось обращаться с просьбой о работе, отказывали мне под предлогом неимения работы. Но часто на ушко сообщали о боязни полиции».

В Таганроге, уже в 1901 г., я поступил на котельный завод Нельфиль и К^о. Проработав три дня, я был уволен с завода вследствие вмешательства полиции. Мастер — бельгиец — по фамилии, которую почему-то запомнил до сих пор, Стог, на ломаном русском языке, когда я остался с ним наедине, выдавая мне записку и заработанные гроши, сказал: «Не карошо

русский правительств поступает с рабочих, не давай возможность им защищать самих себе». На прощанье Стог пожал мне руку и посоветовал устроиться где-нибудь так, чтобы полиция не знала, где я работало.

После этого мне удалось поступить на аттракционные койки элиторциком. Но через два месяца полиция обнаружила меня и потребовала немедленного увольнения. Как и на заводе в Таганроге, и здесь инженер Фрезе, расставаясь, желал всяческого успеха и выразил сожаление, что не имеет возможности дальше держать меня на руднике. В это время я получил обещание быть принятым не то личным секретарем, не то лакеем к одному инженеру на ст. Алмазово, но инженер, прежде чем принять меня к себе, навел обо мне справки и когда я явился, то заявил, что «что независимым от него принципам» принять меня не может»¹.

Вынужденный переезжать с места на место, тов. Ворошилов исколесил почти весь Донбасс, побывал и работал на рудниках Лозовки, Павловки, Жилловки, на заводах Таганрога, Алчевска, Луганска. При этом тов. Ворошилов искал не только работу, но и революционно настроенных рабочих, устанавливал с ними связи, объединял и организовывал их, распространял среди них нелегальную литературу и пр. «Весь этот период, — рассказывает тов. Ворошилов, — я не прерывал сношений с целым рядом отдельных товарищей и с небольшими группами. Эти лица и группы, не будучи связаны ни с какой партией, представляли из себя уже подготовленный революционный материал. На заводе ДЮМО, на рудниках Лозовки, Павловки, Жилловки и в Луганске у меня имелись прочные связи с такими группами и отдельными товарищами»². Эта деятельность тов. Ворошилова оказала значительное влияние на рост социал-демократического движения в Донбассе.

3

Полиция неустанно следила за каждым шагом Ворошилова, добываясь изгнания его с каждого предприятия, куда ему удавалось поступить, а однажды Климент Ефремович был даже тяжело избит шпионами. «Во время митингов в этот период за мной бродили по пятам бродили специально приставленные шпионы, при чем надо отдать им справедливость, эти шпионы не были похожи на тех, с которыми мне, как партийному работнику, пришлось

¹ «К. Е. Ворошилов и луганский пролетариат», стр. 16.

² Там же.

К. Е. Ворошилов (второй справа в первом ряду) в группе рабочих завода ДЮМО 1896 год.

Центральный музей Красной Армии.

позже познакомиться. Эти господа, получив инструкцию от своего начальства, выполняли ее не за страх, а за совесть. Я в любой момент чувствовал, что комната, в которой я сижу, оберегается моими телохранителями и что дорога, по которой я иду, изучена этими субъектами. Однажды, засидевшись у одного товарища до поздней ночи, я вышел, и как всегда, увидел в тени забора двух огромного роста шпииков, которые выскочили из-под забора, стали поджидать моего подхода. Поровнявшись с ними, я не успел сделать ни одного шага, как получил сильный удар по голове палкой. Я свалился в канаву, прикрыв голову руками. Удары сыпались на меня градом. Шпииков разогнала проходившая мимо группа молодежи. Мне пришлось пролежать несколько дней в постели»¹.

Это были «университеты», которые закалили и воспитали Ворошилова в духе непримиримой классовой борьбы.

В 1902 году Клименту Ефремовичу удалось снова поступить на завод ДЮМО в качестве электротехника на кране в литейном цехе. Он быстро наладил связи с товарищами, организуя их на борьбу против предпринимателей.

На заводе работали французские и русские рабочие, причем французы получали в пять раз больше русских. Рабочие стали добиваться, чтобы им платили так же, как платят французам. Клим Ворошилов был агитатором и руководителем этого движения. Машинист на кране М. Грелов

пишет: «Было это в 1902 г. Нас заставляли работать вечера, приходилось оставаться на производстве после 6 час. вечера. Но писать сверхурочные часы начальство отказывалось. Благодаря настойчивым уговорам т. Ворошилова—я и Поляков бросили работу в 6 час. вечера. На следующий день нас не пустили на работу. Через 2 дня нам работу дали, а Ворошилова послали к доменным печам на глиномялку мотористом. Тов. Ворошилова начала преследовать полиция, а через несколько дней совсем выдворили с завода и запретили являться в Алчевск. Он все-таки продолжал работать с нами. В памяти у меня крепко засела первая прокламация, полученная от него, «Паук и Муха», «Поп и Черт»².

Об этом же рассказывают и другие рабочие. Например тов. Строкотенко говорит, что Ворошилов поручал ему разбрасывать прокламации по цехам завода. Тов. Белоусов рассказывает: «Я работал молотобойцем на Брянском, Жилровке и др. рудниках. Ворошилов бывал там, выступал, раздавал листовки... Там я с Ворошиловым и познакомился. Часто я встречал Ворошилова на Павловском руднике и на Жилровке, в Алчевском заводе «ДЮМО», где работал и Ворошилов»³.

Далее тов. Белоусов говорит, что Ворошилов приносил нелегальные издания, которые ночью расклеивали по заводу и подкладывали в рабочие ящики по цехам. «Я и Аналий (Берещанский.— И. Б.) в ночную смену распространяли литературу.

¹ «К. Е. Ворошилов и луганский пролетариат», стр. 16—17.

² Там же, стр. 68.

³ Там же, стр. 69.

Что бывало Ворошилов скажет, то и точка. Выступал он на митингах часто. Говорил он, конечно, не так, как сейчас говорит, но слушали его крепко, со вниманием и задания все его выполняли»¹.

В период своего вторичного пребывания на Донецко-Юрьевском заводе тов. Ворошилов возобновил связи с Рыжковым, который снабжал его литературой.

Из нескольких местных интеллигентов и передовых рабочих организовалась группа, которая под видом любительского кружка вела пропагандистскую работу.

Деятельность Ворошилова вскоре стала предметом переписки между департаментом полиции, губернским жандармским управлением и уездными полицейскими органами. Произошло это следующим образом.

Никита Ануфриев, бывший рабочий Юрьевского завода, знавший Ворошилова, оказался предателем. Приехав на родину, в Курскую губернию, он в июне 1902 года донес начальнику Курского жандармского управления, что рабочий завода ДЮМО Ворошилов К. Е. распространяет нелегальные листовки и брошюры. Начальник жандармского управления немедленно сообщил об этом в департамент полиции и начальнику Екатеринославского губернского жандармского управления. За Ворошиловым, а также за лицами, с которыми он был связан, был немедленно установлен негласный надзор. В январе 1903 года был даже организован обыск у Ворошилова, но благодаря его конспиративному таланту обыск не дал никаких результатов.

Хотя обыск сошел благополучно, однако оставаться на заводе ДЮМО было невозможно. Климент Ефремович решил поступить на Луганский паровозостроительный завод Гартмана при помощи С. М. Рыжкова, который с сентября 1902 года заведывал здесь заводской школой. Но через три месяца полиция, выследив Ворошилова, удалила его из Луганска. Климент Ефремович уехал в Ростов к Галушко и жил здесь некоторое время. Осенью 1903 года он возвратился в Луганск и при помощи Рыжкова снова поступил на гартмановский завод, в электроотдел, машинистом крана.

Мастер этого отдела М. М. Вейдерович рассказывает: «Года не помню. Вероятно, это было в 1903-м году. Я работал мастером электро-отдела Гартманского завода. У меня был знакомый Рыжков, которого я уважал. Однажды Рыжков привел ко мне молодого человека, очень молодого на вид, прямо мальчишка.

«Примите его, Моисей Моисеевич, на

работу»,—попросил Рыжков. А кто он такой?—спросил я.—«Вы меня знаете?»,—знаю.—«Ну вот, так он мой воспитанник».

Больше я не стал разговаривать и принял юношу на работу. Этот молодой человек был Климентий Ефремович Ворошилов. Он оказался толковым, смекалистым рабочим. Недели 2 или 3 он работал, как-бы учеником, под присмотром старого опытного машиниста, а потом я вижу, что Ворошилов работник хороший, поставил его машинистом крана. Ворошилов все время, пока он у меня работал, был очень исполнительным и знающим машинистом.

Чугунное литье—это ажурная работа, а он справлялся с ней превосходно. По несколько он был исполнительным в цехе, настолько неукротим в политике. Он сразу же стал в центре революционных сил завода.

Толковый, смекалистый, понимающий с первого слова, Ворошилов был моим любимцем»².

4

Луганск к началу XX века превратился в один из ведущих промышленных центров Донбасса с рядом крупных предприятий: патронным заводом (1900 рабочих), железнодорожными мастерскими (700 рабочих), эмальровочным, костыльным, сукольным, спиртоочистительными заводами, двумя типографиями, множеством мелких мастерских и т. д. Наиболее мощным предприятием Луганска являлся паровозостроительный завод Гартмана, на котором работало в тот период около 4 тысяч рабочих. В отличие от других предприятий Луганска, где преобладали местные рабочие, не порвавшие еще полностью связей с деревней, с сельским хозяйством, на гартмановском заводе преобладали пришлые рабочие. Здесь было много рабочих из промышленных центров страны: путиловцы, сормовичи, брянцы и т. д.,—которые принесли с собой дух настоящих пролетариев, их организованность, их опыт классовой борьбы. Среди гартмановских рабочих было немало высланных из центральных пород империи за политическую «неблагонадежность».

В 1900 году в Луганске организовался первый социал-демократический кружок, созданный Норинским и Шелгуновым, участниками питерского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Деятельность кружка непрерывно расширялась, и в конце 1902 года в Луганске оформился комитет РСДРП, во главе которого стоял

¹ «К. Е. Ворошилов и луганский пролетариат», стр. 69.

² Там же, стр. 70.

Яков Моргенштейн¹, один из виднейших деятелей партийной организации.

Луганский комитет один из первых в Донбассе, даже ранее Союза горнозаводских рабочих, организовал выпуск листовок и прокламаций на общеполитические и местные темы. За период с декабря 1902 года по апрель 1903 года Луганский комитет выпустил 7 тектографированных прокламаций.

Первая тектографированная листовка Луганского комитета, выпущенная в начале декабря 1902 года, была посвящена ростовской стачке—«Биоллетень о ходе забастовки в ростовских мастерских Влад. ж. д.». Это была перепечатка издания Донского комитета. Листовка была встречена рабочими с большим интересом. В феврале 1903 года Луганский комитет написал и отпечатал на тектографе свою вторую листовку, также посвященную ростовской стачке: «Во всем луганским рабочим и работницам».

В феврале 1903 года была выпущена тектографированная листовка «К рабочим механического отдела завода Гартмана», появление которой было немедленно отмечено начальником Екатеринбургского губернского жандармского управления специальным донесением департаменту полиции². Листовка эта разоблачала начальника паровозо-механического и сборного отделов завода Гартмана инженера Тауссона, который резко усилил режим эксплуатации. Он удлинил рабочий день на 15 минут, отменив предобеденное время, которое рабочие употребляли на мытье рук, рассчитал беспричинно 12 человек и с помощью полиции засадил их в тюрьму. Тауссон завел в цеху шпионов и доносчиков, которые следили за каждым словом рабочих. Когда на заводе стало известно о готовящемся снижении расценок, введении новой системы штрафов, предстоящем увольнении 87 рабочих, негодных Тауссону, рабочие заволновались.

Луганский комитет в связи с этим обратился со специальной прокламацией к рабочим механического отдела, в которой разоблачалось поведение Тауссона, рассказывалось о его приемах эксплуатации рабочих и разъяснялось, что Тауссон не один, что за его спиной полиция и правительство. «...нас грабят открыто, нас насилюют, а полиция, усердная помощни-

ца всяких насилий, сажает в тюрьмы рабочих, решающих бороться против этого грабежа и насилия... Где же нам искать защиты? Не у правительства же, которое потакает всем капиталистам и чиновникам, устраивает кровавые бои, как это было недавно в Ростове. Понятно, что нам самим нужно бороться с врагами—капиталистами и правительством...»³.

В прокламации, выпущенной Луганским комитетом в 1903 году, проводилась та же мысль о необходимости борьбы не только с капиталистами, но и с правительством, стоящим за спиной капиталиста.

«Но пусть рабочий не думает, что враг у него один хозяин. Когда рабочие открыто высказывают свое недовольство и когда рабочие соберутся поговорить о своем несчастном житье-бытье, то на выручку хозяев появляется тут как тут начальство. Рабочих разгоняют, зачинщиков сажает в тюрьмы, а если рабочие оказывают сопротивление, то царь и министры присылают войска стрелять в народ; кроме хозяев у нас значит другой есть враг, еще посильнее — это царское правительство. Оно помогает хозяевам грабить нас»⁴.

В течение марта—апреля 1903 года Луганский комитет выпустил четыре номера «Легучего листка» на разные заводские темы. Листовки эти пользовались большой популярностью среди рабочих.

Луганский комитет провел несколько массовок и сходок. Луганская организация широко распространяла в городе и на ближайших шахтах ленинскую «Искру», нелегальные брошюры, листовки, как свои, так и других организаций РСДРП.

Деятельность Луганского комитета вызвала переполох в стане врагов. По распоряжению департамента полиции в Луганск были направлены опытные сыщики, которым удалось выследить деятелей луганской организации, и 22 марта 1903 года Луганский комитет во главе с Я. Моргенштейном был разгромлен. В мае 1903 года последовали новые аресты среди социал-демократов гартмановского завода. Социал-демократическое движение в Луганске было сильно ослаблено.

В это время в Луганске, на заводе Гартмана, начал свою деятельность тов. Ворошилов. Значительный опыт революционной борьбы и высокий уровень политического сознания дали ему возможность развернуть среди 4-тысячного коллектива рабочих гартмановского завода свое недюжинное дарование революционера-организатора и -пропагандиста. Здесь Климент Ефремович оформил свое вступле-

³ ЦАР, дело Д. П. О. О. № 5, ч. 8, л. 25.

⁴ «Летопись революции» № 4 за 1923 год, стр. 54.

¹ Яков Моргенштейн, замечательный большевик, был сослан в Сибирь. Оттуда он в 1905 году бежал и вернулся в Луганск, где вел огромную партийную работу. В начале 1906 года был арестован и снова сослан. В 1908 году ему удалось бежать. Он поселился в Балакове и был там убит полицейскими агентами.

² ЦАР, дело Д. П. О. О. № 5, ч. 8, л. 24.

ние в РСДРП (фактически же он принадлежал к партии с 1898 года).

К моменту вступления тов. Ворошилова в ряды луганской организации РСДРП она еще не оправилась от ударов, полученных в марте и мае 1903 года. К этому времени существовало лишь 2 кружка, в которых насчитывалось 25 человек. Организация входила в состав меньшевистского Донецкого союза и находилась под его влиянием. Это задерживало оформление ее как большевистской.

Тов. Ворошилов, включившись в работу одного из кружков, сразу обратил на себя внимание своей подготовленностью и принципиальностью. Вскоре Ворошилов самостоятельно уже руководил кружком, объединив вокруг себя группу передовых рабочих, которые составили костяк гартмановской партийной организации и пользовались большим влиянием на заводе. С их помощью тов. Ворошилов связал партийную организацию с рабочими завода.

Стоя на большевистских позициях, тов. Ворошилов принимал активное участие в дискуссиях с меньшевиками по вопросам II съезда РСДРП и внутрипартийной борьбы.

Приезд в Луганск некоторых профессионалов-большевиков помог луганской организации преодолеть меньшевистское влияние Донецкого союза. Луганский комитет порвал с Донецким союзом, с меньшевистским Ростовским комитетом и наладил связи с большевистским комитетом Екатеринослава. Луганская организация твердо стала на большевистские позиции. Более того, Луганский комитет взял на себя инициативу в создании нового общедонецкого объединения.

В апреле 1904 года в Луганске был создан Горный комитет РСДРП, который ставил своей задачей охватить и руководить социал-демократическим движением на заводах и шахтах Славяно-Сербского уезда, куда входил и Луганск. Луганская организация повела борьбу с меньшевистским Донецким союзом, стремясь парализовать его влияние на пролетарский Донбасс. Луганская организация стала крупнейшей цитаделью большевизма в Донбассе, в которой борьбой рабочих масс безраздельно руководили большевики.

Победа большевизма в Луганске не случайна. «...тактика большевиков, — говорит товарищ Сталин, — является тактикой крупно-промышленных пролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм — это тактика настоящих пролетариев»¹.

¹ И. Сталин «Лондонский съезд Российской Социал-демократической рабочей партии», стр. 9. Госполитиздат. 1940.

Луганск и являлся таким крупнопромышленным пролетарским центром. Здесь имелась уже в 1904 году сильная большевистская группа социал-демократов, в первых рядах которой шел рабочий гартмановского завода Климент Ефремович Ворошилов.

В 1904 году тов. Ворошилов был членом комитета луганской организации, виднейшим организатором луганских большевиков, их вождем. Старый большевик-гартмановец тов. Кариков пишет: «Я помню Ворошилова с 1903-го года, когда он поступил на Гартманский завод крановщиком. Он был хорошим организатором. Он умел внушать, а мы ему подчинялись и делали, что надо. Отличался он еще самоотверженностью, решительным характером, смелостью. Но смелость у него была зрелая, большевистская... Был смелым только там, где надо... Ему верили беззаветно. И потому что верили — подчинялись... Клим был душой наших массовок. Уже тогда выковывался из него вождь... Можно сказать без преувеличения, что тов. Ворошилов сколотил Луганскую большевистскую организацию. Были у нас пропагандисты, были агитаторы, были подпольные работники, но организатором нашим был Клим. В этом его огромная заслуга. На массовках, в заводе и в степи — Клим был первым. Все явки проходили через него. Пользовался он тогда уже огромной любовью и доверием»². В таком же духе отзываются о тов. Ворошилове все его соратники этого периода. Вокруг тов. Ворошилова сложилась луганская большевистская организация, он был ее организатором и руководителем.

5

При непосредственном руководящем участии тов. Ворошилова луганские большевики в 1904 году развернули большую работу по организации и политическому воспитанию рабочих масс. 1904 год — канун приближавшейся революции, год начавшейся империалистической русско-японской войны, год страшных лишений и страданий масс, год острой внутрипартийной борьбы между большевиками и меньшевиками. Все это не могло не вызвать повышения активности масс, роста их интереса к происходящим событиям.

В балках вблизи Луганска часто организовывались массовки, на которых большевики выступали с разоблачениями грабительского характера русско-японской войны и пропагандировали лозунги поразжения царизма в этой войне. Но вопросу

² «К. Е. Ворошилов и луганский пролетариат», стр. 70—71.

о войне Ворошилов сразу же занял ясно выраженную ленинскую позицию.

В листовках, изданных Луганским комитетом в 1904—1905 годах, русско-японская война осуждалась как контрреволюционная, грабительская.

В листовке «К рабочим», выпущенной в марте 1905 года, писалось: «...Убивают нас сотнями тысяч в войне с Японией. Уже текут реки крови наших братьев и все для паживы царя и его министров... У царя, министров и капиталистов есть земли в Корее и Манчжурии. Япония стала оснаживать их. Для удержания этих земель царь шлет российский народ сотнями тысяч на верную смерть. Столько же сотен тысяч он оставляет сиротами. Казна пустеет...»¹.

В листовке «К обществу», посвященной ужасному положению политических заключенных в луганской тюрьме, разоблачалась общая политика царского правительства, которое «с циничной наглостью затеяло войну с Японией, чтобы отвлечь внимание и силы народа от внутренней борьбы и этим продолжать свое ненавистное существование; жертвует для этой цели миллионы народных денег и сотнями тысяч человеческих жизней»².

И неизменно каждая листовка кончалась острыми политическими лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой шайку правителей с царем во главе!», «Да здравствует политическая свобода!»

Накануне 1 мая 1904 года Луганский комитет издал листовку «Первое мая. К рабочим г. Луганска», в которой призывал рабочих бастовать в день 1 Мая. Однако полиция помешала этому, удалось провести однодневную забастовку рабочих лишь чурунолитейного цеха, где работал тов. Ворошилов.

Горный комитет РСДРП выпустил в этот период листовку, в которой разоблачал весь режим царского правительства. «Русское правительство, — говорилось в листовке, — является палачом для всех истинно русских людей, желающих и добывающихся лучшего устройства. И однако все эти ужасы, — на которые решается идти самодержавие, — есть только предсмертные судороги российского деспотизма... Товарищи! Ведь мы рабочие и крестьяне, только мы можем сбросить самодержавие с своего пути к свободе, равенству и братству. Вперед, товарищи! Теперь каждая минута дорога. Самодержавие напрягает все свои силы. Сомкнемся же и мы в тесные ряды под общим знаменем РСДРП. Настал великий час распла-

ты с вековым поработителем народа. И мы присоединимся к грозному и могучему кличу, который раздается из рядов социал-демократии.

Долой самодержавие! Да здравствует Республика! И пусть этот клич народный будет похоронным гимном современному самодержавию»³.

Вся кипучая деятельность Комитета в этот период неразрывно связана с именем тов. Ворошилова. В то же время тов. Ворошилов не переставал работать на заводе. День его распределялся в это время так: вставал он в 5—5½ часов. С 6 часов утра и до 6 часов вечера работал на заводе (с перерывом на обед), а вечером — кружок, или массовка, или Комитет, и так до поздней ночи.

Огромная и трудная работа, которой руководил тов. Ворошилов, давала богатые плоды: росло политическое сознание рабочих Луганска, росла их организованность, крепла большевистская организация Луганска. Во главе с Климентом Ефремовичем Ворошиловым луганские рабочие смело шли навстречу бурям и потрясениям первой русской революции 1905—1907 годов.

Климент Ефремович Ворошилов уже в тот ранний период своей революционной борьбы обнаружил яркие черты профессионального революционера. Товарищ Ворошилов вступил в период первой русской революции молодым, но уже закаленным в боях вожаком революционных масс, непоколебимым большевиком. С первых шагов его жизни, как пролетария-революционера, партия знает его, как одного из виднейших своих строителей, одного из достойнейших соратников Ленина и Сталина. Имя товарища Ворошилова, застрельщика рабочих стачек и революционных восстаний в царской России, активного участника трех революций, виднейшего организатора вооруженных сил советского государства, овеяно неувыдаемой славой побед Красной Армии, исторических побед советской власти.

В плуще рабочих масс и во главе революционных партизан, на партийных съездах и на поле битвы товарищ Ворошилов — неизменно верный ученик Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, пламенный знаменосец коммунистической революции. Вся наша партия, весь советский народ знают, высоко ценят и горячо любят К. Е. Ворошилова, как великого советского патриота, одного из лучших представителей старой большевистской гвардии, беззаветного борца за дело Ленина — Сталина, за счастье своего народа.

¹ Архив ИМЭЛ. Листовка № Ц 20946.

² Там же, листовка № Ц 20943.

³ Там же, листовка № Ц 20941.

Борьба Ленина и Сталина за единство партии в период X съезда РКП(б)

Советская власть вступила в четвертый год своего существования, когда победа Красной Армии над империалистической интервенцией открыла в истории диктатуры пролетариата новую страницу. Переход от войны к мирному строительству, от политики военного коммунизма к нэпу, а в области внешней политики переход от вооруженной схватки между советским государством и капиталистическим миром к установлению экономических и дипломатических связей ставил перед партией Ленина—Сталина новые задачи.

Этот поворот во внутренней и внешней политике требовал от партии громадного напряжения сил и прежде всего единства воли и действия. Этот поворот требовал серьезной теоретической и политической подготовки, а также широкой воспитательной работы в массах.

Партия готовилась к этому повороту. Центральный Комитет партии, его ленинско-сталинское большинство понимало, что навязанная интервенцией политика военного коммунизма, обеспечив победу Красной Армии, уже сыграла свою положительную историческую роль, но в изменившейся обстановке превратилась в тормоз дальнейшего развития. Ленин и Сталин, подводя итоги пройденному пути и предугадывая дальнейшее развитие, намечали ближайшие задачи партии: новые формы союза рабочего класса и крестьянства, план под'ема сельского хозяйства и промышленности, план электрификации страны, план культурной революции.

В этот ответственный момент в итоге дезорганизаторской, провокационной работы троцкистско-бухаринских и других антипартийных групп возникла серьезная угроза раскола партии, раскола рабочего класса, разрыва союза рабочего класса и крестьянства и, в конечном итоге, неизбежного крушения диктатуры пролетариата.

Несокрушимое ленинско-сталинское единство большевистской партии — единство идейно-политическое и организационное на гранитной основе марксизма-ленинизма, на

основе непримиримой борьбы против оппортунизма — было на всем протяжении истории партии решающей предпосылкой ее неуклонного продвижения вперед, ее всемирноисторических побед.

Учение Ленина и Сталина о единстве партии складывалось исторически, вытекало из всей борьбы за создание партии нового типа, как «высшей формы классового объединения пролетариев» (Ленин). В вопросе о единстве, как и в других, для большевиков путеводной звездой является идейное наследство Маркса и Энгельса, первых гениальных создателей единства и сплочения рабочего класса. Единство революционной партии пролетариата, этой высшей формы его организации, есть наиболее полное выражение и важнейшая предпосылка единства самого рабочего класса. Оппортунизм в России, как и в странах Запада, не только разлагал рабочих идейно своей теорией и практикой классового сотрудничества с буржуазией, не только убивал у рабочих веру в свои силы и лишал революционной перспективы, но и раскалывал рабочий класс в прямом смысле слова. Русские меньшевики и среди них злейший враг рабочего класса Троцкий пытались расколоть рабочий класс, сорвав единство его организаций, держали в угоду буржуазии курс на раскол партии.

Исходя из того, что единство с оппортунистами есть союз с буржуазией и раскол рабочего класса, большевики никогда не забывали, что подлинное, не формальное единство партии возможно лишь на основе единства целей, единства взглядов на средства борьбы. После II съезда партии товарищ Сталин, защищая и развивая организационные принципы большевизма, обоснованные Лениным в книге «Шаг вперед, два шага назад», писал в статье «Класс пролетариев и партия пролетариев»: «Единство программных, тактических и организационных взглядов является той почвой, на которой строится шаг партии. Лишь единство этих взглядов может

объединить членов партии в одну централизованную партию. Рушится единство взглядов — рушится и партия»¹.

Вот почему, борясь против дезорганизаторов, за единство партии, большевики неустанно отстаивали его революционную сущность как величайшее оружие пролетариата в его борьбе за свои исторические цели. Теперь исторически доказано, что к моменту Великой Октябрьской социалистической революции большевики впервые в истории рабочего движения осуществили единство и сплочение подавляющего большинства рабочего класса России вокруг знамени социалистической революции, что и решило ее победу.

Весной 1921 года задача сохранения и укрепления единства партии стала вопросом жизни и смерти революции.

В этот ответственный момент, когда обострение внутрипартийного положения привело к кризису партии, борьба Ленина и Сталина за единство ее рядов обеспечила ей победу. Уроки этой победоносной борьбы вооружают мировое коммунистическое движение неоценимым опытом большевизма.

1

1921 год был во всех отношениях переломным в истории как Советской России, так и капиталистических стран.

Для капиталистического лагеря после вступления в силу версальского договора не было более важной задачи чем преодоление начавшейся пролетарской революции и прежде всего уничтожение ее главного оплота — советской власти в России. А между тем империалисты стояли перед неминуемым фактом всемирноисторического значения — перед фактом поражения анти-советской интервенции.

Начало интервенции в Советскую Россию временно отодвинуло борьбу империалистов между собой на второй план. Конец интервенции с новой силой обострил противоречия в лагере империалистов. Невослабно развивался антагонизм между победителями и побежденными, обострялась борьба между империалистами и колониями. Наряду с этим уже обозначились зловещие признаки первого послевоенного экономического кризиса.

Таким образом уже проявили себя все противоречия Версаля, с новой силой обнажилась вся глубина общего кризиса капиталистической системы.

Но, с другой стороны, буржуазия начала оправляться от страха перед револю-

ционным штурмом 1918—1920 годов. Революционный кризис, возникший в странах Центральной Европы под непосредственным влиянием Октября, заметно пошел на убыль. Правда, рабочий класс еще оружия не сложил. Об этом говорили такие события, как захват фабрик и заводов в Италии (конец 1920 года) и мартовские (1921 год) вооруженные бои в Германии. Но разгром советской власти в Венгрии и Баварии и поражение рабочих и крестьян в Италии в результате предательства партий II интернационала ускорили переход буржуазии в наступление на рабочий класс — как экономическое, так и политическое.

Окончание интервенции не означало отказа империалистов от борьбы против РСФСР. Но победа Красной Армии над интервентами создала в международном положении Советской России изменение к лучшему и обеспечила возможность более длительной передышки. Ни одного солдата вражеских армий на советской земле не было. Победа Красной Армии вызвала перелом в отношениях к Советской России со стороны ближайших к ней капиталистических стран. Установление дипломатических и экономических связей РСФСР с капиталистическими странами началось с заключения в январе 1921 года договоров РСФСР с соседними государствами: Финляндией, Эстонией, Латвией. В январе же начались переговоры о торговом соглашении с Италией. Германия проявила инициативу, прислав в Москву торговую делегацию для переговоров об экономическом соглашении с РСФСР.

В феврале были подписаны договоры с Персией и Афганистаном, а в Москве начала работу русско-турецкая конференция по установлению тесных экономических и дружественных отношений между обеими странами. В то время как наиболее воинственные империалистические руководители Антанты перешли к организации внутри Советской России контрреволюционных восстаний, другая часть империалистов стремилась к возобновлению экономических связей с Советской Россией.

Еще в ноябре 1920 года, подводя итоги первым трем годам жизни советской власти, товарищ Сталин в своей статье «Три года пролетарской диктатуры» указал на три основных периода в развитии международного положения Советской России со времени октября 1917 года: период полного одиночества Советской России — со дня завоевания власти до разгрома германского империализма и ноябрьской революции в Германии, период открытой войны англо-франко-американской коалиции против Советской России и период

¹ «Большевик» № 23—24 за декабрь 1939 года, стр. 69.

после провала интервенции в Советской России, когда капиталистические страны стали ее не только юридически признавать, но и прощаваться.

Все это открыло для советской власти возможность перехода от войны к мирному строительству, к восстановлению разрушенного хозяйства на социалистической основе. Открылась возможность осуществления того грандиозного плана социалистического строительства, который в 1918 году был развит Лениным в его работе «Очередные задачи Советской власти», плана, который на время был сорван интервенцией и который в новой обстановке был конкретизирован в марте—апреле 1920 года на IX съезде партии.

Этот переход, ставший возможным в итоге побед, представлял, однако, громадные трудности.

«Несомненно, что наш путь не из легких, но несомненно также, что трудности нас не пугают»¹—писал товарищ Сталин.

Ленин еще в разгар гражданской войны, предвосхищая этот переход, отдавал себе отчет в трудностях и видел главную из них в неизбежном изменении в отношениях рабочего класса и крестьянства в новой обстановке. В своем выступлении 30 декабря 1920 года на фракции РКП(б) VIII съезда советов Ленин говорил:

«Анализируя текущий политический момент, мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде. Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов. Демобилизация армии, конец войны, возможность гораздо более длительной мирной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. От одного этого, только от этого,—подчеркивает Ленин,—уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства»².

Трудности этого перехода были колоссальны прежде всего ввиду невиданной хозяйственной разрухи, обнищания, голода, холода.

Тяжелое положение сельского хозяйства было решающим тормозом к восстановлению промышленности, а положение последней было еще катастрофичнее чем положение сельского хозяйства. Продукция промышленности уменьшилась почти в семь раз по сравнению с довоенной.

Голод был усилен неурожаем, повлекшим за собой бескормицу и бескормицу, падение скота, еще большее разрушение кре-

стьянского хозяйства. Все бедствия сказались особенно при демобилизации, ибо в течение ряда лет весь уклад жизни был приспособлен только к военным нуждам. Демобилизация Красной Армии в условиях полного разрушения транспорта, при отсутствии хлеба и топлива представляла громадные трудности.

Рабочие и крестьяне шли на героические жертвы в годы интервенции и гражданской войны. Ни голод, ни холод, ни страх перед смертью не ослабили героизма масс в борьбе за советскую власть, за свою социалистическую родину. Но измученные и усталые, рабочие и крестьянские массы связывали с моментом победы все свои надежды на немедленное улучшение своего положения. Об этом убедительно говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «Пока шла война, люди мирно жили с этими недостатками и нехватками, а иногда даже переставали их замечать. Но теперь, когда войны не стало, люди вдруг почувствовали нестерпимость этих недостатков и нехваток и стали требовать немедленного их устранения»³.

В массах, не только крестьянских, но и рабочих, возникло недовольство, которое пытался использовать классовый враг, организуя в ряде мест кулацкие мятежи.

Тот факт, что недовольство появилось прежде всего среди крестьянства, легко объясняется неустойчивостью мелкой буржуазии, свойственными ей колебаниями. Недовольство среди части рабочих возникло не только в силу жестокого голода, но и в силу других, привходящих обстоятельств, в особенности ввиду изменений, происшедших в составе рабочего класса. Заводы и фабрики лишились части лучшего своего пролетарского состава за счет ушедших на фронт. Из оставшихся лучшие передовики героически боролись с разрухой, показывая чудеса самоотверженности на коммунистических субботниках и всеми мерами борясь против окончательного разрушения остатков промышленных предприятий. Но в условиях, когда промышленность не работала, заводские трубы не дымились, машины ржавели — десятки тысяч старых кадровых рабочих дезактивировались, уходили в поисках хлеба для себя и для семьи, занимались торговлей, кустарной работой, деклассировались. На национализированных заводах оказалось немалое количество антисоветских элементов, меньшевиков и эсеров. На заводах также оказалось немало буржуазных сынков, выпущенных в качестве рабочих на крупные предприятия как по причине утраты ими своих богатств, так и с целью наилучшим образом обезо-

¹ Ленин и Сталин. Т. II, стр. 332.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 73.

³ «История ВКП(б)», стр. 238.

пасить себя политический путем чудодейственного превращения из ненавистного народу эксплуататора в «трудящегося», в «пролетария».

Все это имело своим последствием снижение общего политического уровня части рабочих, уровня их сознательности и организованности. Братья советской власти, подкарауливавшие момент для нового нападения на Советскую Россию, попытались использовать эти изменения.

Хотя революционная война против интервентов была окончена и окончена победоносно, но трудно было еще говорить о прочном мире. С Польшей было заключено пока еще только перемирие. А вынужденная отозвать свои войска Антанты активно поддерживала и организовывала контрреволюционные восстания и мятежи внутри страны. В феврале дашнакские банды при поддержке грузинских меньшевиков и Антанты захватили Эривань, а через несколько дней в Тифлисе меньшевистское правительство арестовало советскую миссию. В эти же первые месяцы 1921 года неслыханно усилилась антисоветская агитация эсеров, меньшевиков и всех белогвардейских организаций, уже подготавливавших кронштадтский мятеж.

Ленин видел главную политическую задачу в этот переходный период в установлении более устойчивых взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством. Насколько острой Ленин считал задачу упрочения союза рабочих и крестьян, говорят следующие его слова: «Отношения эти требуют от пролетариата неизмеримо большей сплоченности и сосредоточения сил, и отношения эти представляют при диктатуре пролетариата опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе»¹.

Отсюда первостепенная задача — внести изменения во взаимоотношения рабочего класса и крестьянства, создать новую экономическую основу их союза, перейти к замене продрозверстки продналогом.

Кронштадтский мятеж, вспыхнувший за неделю до X съезда, особенно подчеркнул трещину в союзе рабочего класса и крестьянства, разгул мелкобуржуазной стихии, опасность раскола рабочего класса, опасность раскола партии.

Таким образом, диалектика мирового развития и классовые противоречия внутри страны ярко выразились в том, что момент решающей исторической победы социалистической революции над империалистическим миром оказывался вместе с тем моментом чрезвычайно критическим для советской власти, моментом громадных

осложнений, обострений внутреннего положения советской власти, моментом, черватым большими опасностями.

Вот почему резолюция X съезда подчеркнула, что «необходимы более, чем когда бы то ни было, абсолютная сплоченность и абсолютное единство партии, не только формальное и механическое, но и идейно-боевое»².

Внутри Советской страны и на мировой арене для социалистической революции единственно непоколебимым оплотом была в тот момент великая партия Ленина — Сталина, авангард пролетариата, вожьд и организатор социалистической революции. Залогом дальнейших побед было железное единство этой партии.

По существу, в этих условиях достаточно было нанести непоправимый удар РКП(б), а именно удар по ее единству, чтобы поставить на край гибели советскую власть — великий итог борьбы многих поколений и залог грядущего и окончательного торжества коммунизма.

Не удивительно, что агентура империализма, проникшая в РКП(б), попыталась нанести ей такой удар.

2

События накануне X съезда РКП(б) связаны с так называемой дискуссией о профсоюзах. Эта дискуссия, навязанная партией Троцким, Бухариным и другими вражескими элементами, не только была несвоевременной, но и опасной в тот момент роскошью. События конца 1920 и начала 1921 года на деле далеко выходят за пределы этой дискуссии и, как указывал на X съезде Ленин, имели объективно совершенно иное содержание и иной смысл.

Дискуссия началась с того, что в ноябре 1920 года проникший в партию с целью ее дезорганизации Троцкий выступил по вопросу о задачах профсоюзов с антибольшевистских позиций, выдвинув лозунг «перетряхивания» профсоюзов и немедленного их «огосударствления».

К моменту X съезда РКП(б) советские профсоюзы объединяли около 7 миллионов рабочих (6970 тысяч), т. е. почти полностью охватывали рабочий класс. Из этого общего числа лишь полмиллиона, т. е. не более 7%, были коммунистами. Почти 6½ миллионов беспартийных при этом имели в своей среде немало элементов полупролетарских, мелкобуржуазных, деклассированных, а также и враждебных. Ясно, какая громадная политико-воспитательная и организационная работа лежала на профсоюзах.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 210.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 580.

В годы гражданской войны роль профсоюзов в мобилизации рабочих для фронта и тыла, их роль как ближайшего помощника советского государства колоссально возросла, тем более что в эти годы аппарат советского государства еще не был полностью создан и его в значительной части заменяли профсоюзы. Эта слабость государственных органов в первые годы советской власти не только объясняла, но и вполне оправдывала активное участие профсоюзов в делах государственного управления. Но отсюда вовсе не вытекал лозунг «огосударствления» профсоюзов, который был выдвинут Троцким для провокационного открытия дискуссии в партии.

Вопрос о профсоюзах в тот момент не был главным вопросом для партии и, по существу, не мог и не должен был вызывать серьезных осложнений в партии. Меньше чем за год до дискуссии IX съезд партии, уделивший много внимания специальному обсуждению вопроса о роли и задачах профсоюзов, подчеркнул: «Задачи профсоюзов лежат, главным образом, в области организационно-хозяйственной и воспитательной».

В ноябре 1920 года, на V всероссийской конференции профсоюзов, была принята резолюция, уточнившая вопрос о месте профсоюзов в системе диктатуры пролетариата и об их роли как школы управления и хозяйничания, как школы коммунизма.

Позиция Троцкого в вопросе о профсоюзах целиком противоречила всем установкам партии. Лозунг «перетряхивания» профсоюзов означал перенесение методов военного времени на период мирного строительства, а также навязывание партии специфически троцкистского, чуждого большевизму метода голого командования.

Политика «перетряхивания» профсоюзов, как и троцкистский лозунг «завинчивания гаек» военного коммунизма, была провокационной политикой деганиа и раздражения масс, попыткой восстановить их против партии, что ясно показала раскольническая практика троцкистов в союзе транспортных рабочих.

На Пленуме ЦК РКП(б) 9 ноября 1920 года тезисы Троцкого были осуждены и отвергнуты как «вырождение централизма и милитаризованных форм работы», как «бюрократизм, самодурство, казенщина». Пленум ЦК РКП(б) избрал профсоюзную комиссию, но Троцкий отказался работать в этой комиссии, чтобы развязать себе руки для открытой фракционной борьбы против партии. Троцкий провокационно использовал для своей преступной борьбы против Ленина и партии VIII всероссийский съезд советов, напечатал и распро-

странил среди делегатов съезда брошюру-платформу, всю проникнутую духом «перетряхивания», и развернул дискуссию. Ленин считал это «созданием фракции на ошибочной платформе»¹.

Дезорганизаторская инициатива Троцкого воодушевила на выступления другие оппозиционные группы, выросшие как грибы после дождя в специфической обстановке переходного момента, когда новые трудности вызывают колебания неустойчивых элементов и особенно властно требуют сплоченности партии.

Активизация групп «рабочей оппозиции» и «демократического централизма», как и возобновление атак на партию со стороны давно идейно разбитых «левых коммунистов», неслучайна. Она совпадает с бесславной политической либеллю мелкобуржуазных партий—меньшевиков, эсеров, анархистов—и с проникновением значительного числа выходцев из этих партий в ряды РКП(б). Ожившие оппозиционные группы отражали активность всех антибольшевистских, антисоветских элементов, оказывавших сопротивление диктатуре пролетариата. Мелкобуржуазная анархическая стихия, которая потеряла своих вожаков в лице эсеров, меньшевиков и анархистов, теперь вновь их обретала в лице оппозиционных групп внутри РКП(б). Об этом лучше всего свидетельствуют платформы и лозунги этих оппозиционных групп.

Троцкистские лозунги «завинчивания гаек», «перетряхивания» и немедленного «огосударствления» профсоюзов как нельзя лучше выражали чаяния старых военных и гражданских специалистов, наиболее реакционная часть которых отвечала на утрату своих привилегий лютой ненавистью к советской, пролетарской демократии.

Лозунг «рабочей оппозиции» о передаче управления всем народным хозяйством «Всероссийскому съезду производителей» сводил на нет роль партии, оттеснял советскую власть от хозяйственного строительства, противопоставлял профсоюзы советскому государству и коммунистической партии. Все это было шаруку врагам советской власти. Теоретически этот лозунг воспроизводил меньшевистский принцип «независимости» профсоюзов и настолько грубо копировал западноевропейских анархо-синдикалистов, что Ленин, прочитав только этот пункт тезисов, решил, по его признанию, всего остального уже не читать. «Рабочую оппозицию» Ленин квалифицировал как анархо-синдикалистский уклон от партийной линии.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 89.

Беспринципная и крикливая группа «демократического централизма», требуя свободы фракций и группировок, выдвинула платформу, по существу, меньшевистско-эсеровскую, ярко отражавшую ненависть мелкой буржуазии к пролетарской диктатуре и революционной дисциплине.

Коллекция всех антипартийных платформ этих групп была дополнена платформой Бухарина, которая стала известна под именем «буферной». Выступление Бухарина было немаловажным подкреплением провокатору Троцкому. Преступный блок Бухарина и Троцкого против Ленина, осуществленный еще в период Бреста («идейное» родство Бухарина и Троцкого ясно определилось уже накануне Циммервальда), таким образом, воскрес. «Буферная» платформа Бухарина оказалась лишь первым шагом к полному объединению платформ Троцкого и Бухарина накануне X съезда, когда они выступили уже с общей платформой.

Все эти антипартийные группы своей критикой политического курса партии, внутрипартийного режима, своей клеветой на Ленина вкладывали в руки разношерстной международной и внутренней контрреволюции оружие против партии и советской власти.

Борьбу партии против предательских покушений на ее единство возглавили Ленин и Сталин.

3

30 декабря 1920 года Ленин, выступая на фракции РКП(б) VIII всероссийского съезда советов, говорил по поводу брошюры Троцкого: «...удивляюсь, какое количество теоретических ошибок и вопиющих неправильностей сконцентрировано в ней».

Роль профсоюзов Ленин определял так: «С одной стороны, поголовно охватывая, включая в ряды организации индустриальных рабочих, профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничанья, школа коммунизма» (там же, стр. 63—64). «Профсоюзы можно назвать поголовной организацией господствующего у нас ра-

бочего класса. Они являются школой коммунизма»², — писал товарищ Сталин.

Ленин, указав, что Троцкий тащит партию назад, признал тезисы Троцкого и Бухарина политически вредными, а политику Троцкого политикой бюрократического дергания профсоюзов.

18 января 1921 года в «Правде» был опубликован проект постановления X съезда РКП(б), излагающий позицию партии по вопросу о профсоюзах, подписанный рядом членов ЦК во главе с Лениным и Сталиным («платформа десяти»).

19 января в «Правде» выступил товарищ Сталин со статьей «Наши разногласия», в которой разоблачал антибольшевистский характер платформы Троцкого, его беспринципность и фракционный характер его поведения. Товарищ Сталин отметил троцкистскую клевету на партию, которая, не соглашаясь с лозунгами «завинчивания гаек» и «перетряхивания» профсоюзов, будто отказывается бороться за трудовую дисциплину. «Разговоры о том, что одна часть нашей партии «выпускает из рук вожжи» и предоставляет массы игре стихийных сил — являются результатом недомыслия. Руководящая роль партийных элементов внутри профсоюзов и профсоюзов внутри рабочего класса остается неоспоримой истиной»³.

Далее товарищ Сталин вскрывает основные разногласия, коренящиеся, по его мнению, в различных методах подхода к рабочим массам. В то время как партия, не отказываясь от метода принуждения, считает главным, основным методом метод убеждения, Троцкий и его группа считают главным и единственным методом метод принуждения.

«Ясно, что только «нормальными методами пролетарской демократии внутри союзов», только методами убеждения можно будет осуществить задачу сплочения рабочего класса, поднятия его самостоятельности и упрочения его доверия к Советской власти, доверия, столь необходимого теперь для того, чтобы поднять страну на борьбу с хозяйственной разрухой»⁴.

Через два дня, 21 января, в «Правде» была опубликована статья Ленина «Кризис партии», в которой Ленин писал:

«Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет шихорадка»⁵. Подчеркнув фракционный характер выступления Троцкого на всех этапах борьбы, Ленин показал всю беспринципность Троцкого, выду-

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 119.

³ Ленин и Сталин. Т. II, стр. 360.

⁴ Там же, стр. 365.

⁵ Ленин. Т. XXVI, стр. 87.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 63.

мавшего разногласия, сделавшего грубые ошибки и развязавшего «пустопорожнюю дискуссию», которую Ленин считал в тот момент недопустимой роскошью.

Ленин в этой статье, разоблачив Троцкого, показывает разброд и распад других оппозиционных групп, а «верхом распада идейного» он считает тезисы Бухарина, который договорился до того, что не партия, а профсоюзы назначают руководителей хозяйственных центров. Подчеркнув, что «это полный разрыв с коммунизмом и переход на позиции синдикализма», Ленин видит в этом требовании Бухарина повторение лозунга Шляпникова (руководителя «рабочей оппозиции») о том, что надо «осоюзить» государство.

Разоблачив апархо-синдикалистскую сущность группы «рабочей оппозиции» и метко высмеяв шумливую группу «децистов», Ленин заканчивает статью словами: «Болезнью нашей партии, несомненно, постарались воспользоваться и капиталисты Антанты для нового нашествия, и эс-эры для устройства заговоров и восстаний»¹.

Эти предвидения Ленина очень скоро целиком и полностью оправдались.

Как внутри страны, так и за рубежом все антисоветские силы расценили дискуссию как признак близкого раскола РКП(б), как признак ослабления партии и советской власти и широко использовали дискуссию в буржуазной и социал-соглашательской печати, черпая для клеветы на Советскую Россию и на РКП(б) аргументы из выступлений троцкистов и других оппозиционных групп.

«Про внутренние разногласия в Ц. К. говорили, по слухам, чудовищные вещи. Около оппозиции ютились (и ютятся, несомненно) меньшевики и эс-эры, которые раздувают слухи, придают неслыханно злобные формулировки, сочиняют небылицы с целью всячески опорочить, придать грязное истолкование, обострить конфликт, испортить работу партии»², — говорил Ленин на X съезде.

С начала марта миллионные тиражи всей западноевропейской печати ежедневно разносили клевету на советскую власть и фантастические измышления о падении советской власти, о белом флаге на Кремле, о баррикадах в столице и т. д. Ленин об этом на X съезде говорил: «Универсальность и планомерность этой кампании показывает, что в этом проявляется какой-то широко задуманный план всех руководящих правительств»³.

В конце января Ленин в брошюре «Еще раз о профсоюзах» широко осветил теку-

щий момент и антипартийное поведение Троцкого и Бухарина, заострил вопрос на опасности для партии фракционных выступлений и заклеймил фракционность поведения Троцкого (подбор за спиной ЦК и вне ЦК группы, выработка с ней фракционной платформы, заявление, что «партийному съезду придется «выбирать между двумя тенденциями»). Роль буферной группы Бухарина Ленин расценил как роль «пособника худшей и вреднейшей фракционности»⁴.

Ленин особо остановился на политической опасности расколов в профдвижении, угрозу которых заключала в себе троцкистская политика «перетряхивания», как наглядно показал раскол Цектрана (Центрального комитета транспортников). Раскол профсоюзов не может не означать раскола рабочего класса.

Борьба партии во главе с Лениным и Сталиным против дезорганизаторов единства увенчалась успехом еще до X съезда партии. Уже на собрании фракции РКП(б) II всероссийского съезда железнодорожников за ленинскую резолюцию было подано 137 голосов, за Троцкого — 8. К концу первого месяца дискуссии партийные организации Москвы и Петрограда, а также других крупнейших центров страны отвергли антипартийную платформу Троцкого, а также платформы других оппозиционных групп и сплотились вокруг Ленина и Сталина.

Партия сосредоточила внимание на главнейших задачах момента, от которых Троцкий пытался ее провокационно отвлечь. Вопросы о едином хозяйственном плане и о коренном повороте в экономической политике — о замене продразверстки продналогом — заняли главное место в подготовке Лениным и Сталиным X съезда. Решение X съезда о замене продразверстки продналогом, как известно, положило начало новой экономической политике.

X съезд не только решительно осудил все оппозиционные и фракционные группы, но подчеркнул также, что они «на деле помогают классовым врагам пролетарской революции», и распустил эти группы.

Съезд принял специальную резолюцию «О единстве партии», автором которой является Ленин и которая сыграла громадную роль в дальнейшей борьбе партии за единство. Эта историческая резолюция подчеркнула исключительную ответственность момента, опасность использования контрреволюцией ослабления единства партии, вред и опасность «фракционности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 94.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 144.

³ Ленин. Т. XXVI, стр. 280.

⁴ Ленин. Т. XXVI, стр. 114.

диктатуры пролетариата». В пункте 6-м эта резолюция говорит:

«С'езд предписывает немедленно распустить все без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе, группы и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления с'езда должно вестись за собой безусловное и немедленное исключение из партии»¹.

Кроме того в особом (7-м) пункте, тогда не подлежащем опубликованию и опубликованном позже, эта резолюция говорит:

«7. Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, с'езд дает Центральному Комитету полномочие применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам Ц. К. перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии...»².

Направив огонь против троцкистов как зачинщиков дискуссии и застрельщиков фракционности, с'езд также уделил серьезное внимание «рабочей оппозиции», чья демагогия представляла в условиях этого трудного для партии момента немаловажную опасность. В специальной резолюции «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» (автор проекта — Ленин) с'езд вскрыл несостоятельность идей этой оппозиции. Резолюция квалифицирует главный тезис этой оппозиции — о переходе управления всем народным хозяйством в руки «Всероссийского с'езда производителей» — как полный разрыв с марксизмом и коммунизмом, как отказ от основного марксистского требования — точно различать классы, как объединение пролетариев, полупролетариев и мелких товаропроизводителей в общем понятии «производитель».

Указав на родственность уклона «рабочей оппозиции» с полуанархистскими течениями и группами на международной арене, идейно разбитыми на II конгрессе Коминтерна, эта резолюция в заключении говорит, что «...взгляды «Рабочей оппозиции» и подобных ей элементов не только теоретически неверны, но и практически служат выражением мелкобуржуазных и анархических шатаний, практически ослабляют выдержанную руководящую линию коммунистической партии и на деле помогают классовым врагам пролетарской революции».

...На основании всего этого с'езд Р.К.П., решительно отвергая указанные идеи, выражающие синдикалистский и анархистский уклон, постановляет:

- 1) признать необходимой неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями;
- 2) признать пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к Р.К.П.»³.

4

Резолюция X с'езда «О единстве партии» имела громадное значение для дальнейшего укрепления партии и Коминтерна, для усиления в их рядах большевистского единства.

Распущенные X с'ездом антипартийные группы формально прекратили свое существование. Но, отражая борьбу классовых врагов пролетариата против партии и советской власти, лидеры этих групп борьбу против партии продолжали.

Ленин, уже будучи тяжело болен, до последнего дня своей жизни уделял громадное внимание заботе о единстве партии. Не будучи уже в состоянии присутствовать на XII с'езде партии (апрель 1923 года), Ленин внес на с'езд предложение организовать объединенный орган ЦКК—РКП, на который с'езд, выполняя указания Ленина, возложил как важнейшую задачу охрану единства партии. Обосновывая свое предложение в одной из своих последних работ — «Как нам реорганизовать Рабкрин», — Ленин предупреждал партию, что если возникнут серьезные классовые разногласия между рабочими и крестьянами, тогда раскол будет неизбежен. Но одновременно Ленин указывал, что «...в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола...»⁴.

Вооруженная решениями X с'езда партии и указаниями Ленина, партия под руководством товарища Сталина разоблачила и разгромила троцкистов, когда эти исконные враги большевизма в 1923 году, а затем в 1925 году совместно с зиновьевцами повели открытую атаку на партию, когда, используя болезнь и смерть Ленина, а также каждое затруднение на фронте социалистического строительства они пытались нанести удары единству партии.

Отвечив на смерть Ленина «ленинским призывом», сплотившись вокруг великого продолжателя дела Ленина товарища Сталина, широчайшие массы не только партийных, но и беспартийных рабочих и передовых крестьян выполняли историческую клятву товарища Сталина «хранить как зеницу ока единство нашей партии».

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 588.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 261.

³ Ленин. Т. XXVI, стр. 590.

⁴ Ленин. Т. XXVII, стр. 405.

Позже ряд судебных процессов сделал совершенно очевидным, что всякого рода «теории», «платформы» и «тезисы» троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других вражеских групп должны были служить определенным целям их прямых хозяев — империалистов: разрушению партии и советского государства, подрыву обороны страны, облегчению иностранной интервенции, подготовке поражения Красной Армии, расчленению СССР, превращению его в колонию империализма, восстановлению в нем капиталистического рабства.

Сплочение партии, сплочение широких масс вокруг партии и товарища Сталина все больше росло по мере успехов социалистического строительства.

Всемирноисторическая победа социализма СССР навсегда связана с именем товарища Сталина. С его именем связана та титанская теоретическая работа по обобщению нового исторического опыта и новых задач, без чего не мыслимо было единство партии, без чего партия и все трудящиеся СССР были бы лишены перспективы и безоружны в борьбе против классового врага и его агентуры, в борьбе за коммунизм. Творческая разработка товарищем Сталиным ленинской теории социалистической революции, его защита и дальнейшее развитие учения о победе социализма в одной стране сыграли решающую роль в деле идеологического и политического разгрома агентуры врага в партии и в стране, в деле укрепления единства партии, в деле победы социализма.

Товарищ Сталин теоретически и политически вооружил партию для борьбы с троцкистами, правыми и другими врагами партии, научил партию срывать с врагов маски, какими бы они ни прикрывались, и обеспечил невиданное единство партии, которое является решающей предпосылкой морально-политического единства всего советского народа.

Громадные классовые сдвиги, происшедшие в нашей стране в итоге победы социализма, отсутствие антагонистических классов коренным образом изменили обстановку классовой борьбы, вырвали почву для возникновения раскола партии и раскола рабочего класса.

Не случайно XVIII съезд партии — съезд построения бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от

социализма к коммунизму — стал мощной демонстрацией несокрушимого единства партии. «Разгромив врагов народа и очистив от перерожденцев партийные и советские организации, партия стала еще более единой в своей политической и организационной работе, она стала еще более сплоченной вокруг своего Центрального Комитета»¹.

Основной урок, который партия вынесла из судебных процессов по делу о злодейском убийстве С. М. Кирова, состоял в недопустимости забвения или недооценки капиталистического окружения, в необходимости ликвидировать политическую беспечность и повысить политическую бдительность всей партии в целом, каждого из ее членов в отдельности. Судебные процессы показали, что бухаринцы и троцкисты давно уже составляли единый «право-троцкистский блок», что бухаринцы «вместе с врагами народа — Троцким, Зиновьевым и Каменевым — состояли в заговоре против Ленина, против партии, против Советского государства уже с первых дней Октябрьской социалистической революции»².

В письме, которое Центральный Комитет партии разослал организациям в связи с злодейским убийством С. М. Кирова, наряду с призывом к бдительности как важнейшая задача подчеркнута необходимость изучения «всех и всяких антипартийных группировок в истории нашей партии, их приемов борьбы с линией партии, их тактики, и — тем более — изучение тактики и приемов борьбы нашей партии с антипартийными группировками, тактики и приемов, давших нашей партии возможность преодолеть и разбить наголову эти группировки».

Это письмо ленинско-сталинского Центрального Комитета говорит: «Нужно, чтобы члены партии были знакомы не только с тем, как партия боролась и преодолевала кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов, но и с тем, как партия боролась и преодолевала троцкистов, «демократических централистов», «рабочую оппозицию», зиновьевцев, правых уклонистов, право-левацких уродов и т. п.»³.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 592.

² «История ВКП(б)», стр. 331.

³ Там же, стр. 313.

Фридрих Энгельс и группа «Освобождение труда»

После смерти Маркса Фридрих Энгельс еще 12 лет руководил международным рабочим движением. Энгельс знал о первых шагах социал-демократического движения в России и состоял в переписке с Плехановым и Верой Засулич. Отношение Энгельса к плехановской группе «Освобождение труда» представляет большой интерес для изучения истории партии, особенно первого этапа социал-демократического движения в России.

Карл Маркс—основоположник научного социализма—умер в 1883 году, когда еще не была оформлена заграницей первая русская марксистская организация—группа «Освобождение труда». В начале 80-х годов Маркс был знаком с литературной деятельностью группы «Черный передел». Это была бакунистская, анархистская группа, к которой Маркс относился отрицательно.

Маркс и Энгельс знали о расколе «Земли и воли» от П. Лаврова и Г. Лопатина, являвшихся сторонниками «Народной воли». Естественно, что информация была односторонняя. Маркс и Энгельс приветствовали народолюбцев, которые вели активную борьбу с царизмом. В письме к Зорге от 5 ноября 1880 года Маркс писал, что «чернопередельцы»—это русские анархисты. «Эти господа высказываются против всякой революционной политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай. Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина»¹.

Но уже в 1881—1882 годах Маркс стал замечать, что «чернопередельцы» пытливно ищут ответов на большие вопросы русского революционного движения. Марксу это стало известно по письму В. И. Засулич от 16 февраля 1881 года, в котором она просила его ответить на «вопросы жизни и смерти» для социалистов России: может ли Россия ввиду особенностей ее

развития—ввиду сохранения русской общины—миновать капиталистическую стадию развития по пути к социализму? «В последнее время,—писала В. Засулич Марксу,—мы часто слышим мнения, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм, словом—все, что есть наиболее бесспорного, обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими учениками par excellence²: «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс».

— Но каким путем выводите вы это из его «Капитала»? Он в нем не разбирает аграрного вопроса и не говорит о России,—возражают им.

— Он бы сказал это, если бы говорил в нем о нашей стране,—отвечают Ваши ученики,—быть может, несколько слишком смело»³.

Маркс 8 марта 1881 года ответил В. Засулич: «Анализ, представленный в «Капитале», не дает доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины... Но для того, чтобы она (община.— М. М.) могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить гнетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»⁴.

Маркс и Энгельс уважали В. Засулич, как героическую революционерку, но они совершенно правильно считали ее тогда еще представительницей народнического движения. В это время в группе «чернопередельцев» начинался пересмотр народнического мировоззрения и переход на иные теоретические позиции, наметилась эволюция к марксизму. К сожалению, ни Засулич, ни Плеханов, имея возможность более подробно информировать Маркса и Энгельса о новых вопросах, которые вставали перед «чернопередельцами», этой возможностью не воспользовались. А такой деятель старого народничества, свя-

² «По преимуществу» (фр.).—М. М.

³ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Книга первая, стр. 269. Госиздат. М. 1930.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 118.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 100.

занный с исполнительным комитетом «Народной воли», как Петр Лавров, был постоянным корреспондентом Маркса и Энгельса и по-своему информировал их о деятельности революционеров в России. Лавров, конечно, не говорил Марксу и Энгельсу, что Плеханов в это время уже пересматривает свои бакунистские взгляды и становится на позиции научного социализма. И Маркс, будучи знаком по изданиям «Черного переделя» с явно бакунистскими высказываниями его деятелей, продолжал рассматривать Плеханова и всю группу «чернопередельцев» как бакунистов.

Письма Плеханова к Лаврову периода 1881—1882 годов наглядно показывают эволюцию Плеханова от чернопередельчества к марксизму.

Так, в 1882 году в письме к Лаврову Плеханов писал, что Степняк-Кравчинский—прудонист и поэтому терпит великие отщепки социалистической мысли, он же, Плеханов, готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной воли». Плеханов прямо заявлял, что он решил покончить с «Черным переделом» и отказывается от его программы. «Я очень жалею теперь,— писал Плеханов,— что я согласился участвовать в «Черном переделе», как «органе социалистов-федералистов»¹.

Маркс и Энгельс не могли знать о письмах Плеханова к Лаврову, а Плеханов тогда еще ничего не предпринимал для того, чтобы непосредственно связаться с Марксом и Энгельсом.

Плеханов занимался переводом на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, который он закончил в 1882 году. Значительно позже, в 1909 году, Плеханов писал: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни.

Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык»².

Выпущен был «Манифест» в народно-вольетском издательстве «Русская социально-революционная библиотека» с предисловием Плеханова. По просьбе В. Засулич Маркс и Энгельс написали предисловие к плехановскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Но у них не было оснований считать автора перевода марксистом, так как марксистской организации в России еще не существовало.

Марксу и Энгельсу было известно, что еще в 1870 году в типографии «Колокола» был напечатан «Коммунистический манифест» в переводе М. Бакунина (перевод был плохой, с рядом искажений). Маркс и Энгельс считали плехановский перевод «Манифеста» более удачным чем перевод Бакунина (хотя и в нем были ошибки); они по предисловию Плеханова к русскому изданию «Манифеста» не могли не заметить, что автор формулирует правильно, с позиций научного социализма, задачи рабочего движения. Несколько позднее, 28 января 1884 года, Энгельс писал Лаврову: «Женевские русские издания «Манифеста» и т. д. меня очень порадовали»³. Но тогда, в 1882 году, у Маркса и Энгельса не было еще данных о появлении в России нового, марксистского течения, отличного от народнического.

Марксу могло стать известно, в частности от П. Лаврова, что переводчик «Манифеста» Плеханов ведет переговоры с народно-вольетцами о создании вместе с «чернопередельцами» объединенной организации. Но Маркс не знал о том, что Плеханов стремился в объединенной организации повернуть народно-вольетцев на путь марксизма. Плеханов и Засулич в свою очередь не поставили об этом в известность Маркса и Энгельса.

Маркс умер 14 марта 1883 года, а через несколько месяцев, 25 сентября, после безуспешной попытки объединения с народно-вольетцами, группа Плеханова в Женеве опубликовала объявление об издании «Библиотеки современного социализма» и образовании марксистской организации в России—группы «Освобождение труда». В объявлении было сказано: «Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного Передела» образуют ныне новую группу «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями»⁴.

2

После смерти Маркса русские революционеры обращались за советами к Энгельсу. К нему обращались и политявители в это время народники, а особенно молодые русские марксисты.

У Энгельса сохранились связи с народниками, которые продолжали информировать его о русских делах. Когда образовалась группа «Освобождение труда», информация все больше стала поступать из

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXVII, стр. 349.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 22.

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VIII, стр. 213. Соцэкгиз. М. 1940.

² Г. В. Плеханов, Соч. Т. XXIV, стр. 178—179.

марксистского лагеря. В. Засулич сообщила об образовании группы «Освобождение труда» Энгельсу, но он еще некоторое время с недоверием относился к этой группе, зная, что ее деятели — бывшие «чернопередельцы»-бакунисты. Но после нескольких писем, когда В. Засулич сообщила Энгельсу, что марксисты в России переводят работы Маркса и Энгельса на русский язык, он начал внимательно присматриваться к деятельности группы «Освобождение труда».

13 ноября 1883 года Энгельс писал В. Засулич: «Мне доставило большое удовольствие Ваше сообщение, что Вы взяли на себя перевод моего «Развития [социализма] и т. д.»¹. Жду с нетерпением появления Вашего произведения и вполне охотно обещаю честь, которую Вы мне оказываете»².

Получив перевод своей брошюры, сделанный В. Засулич, Энгельс писал ей в марте 1884 года: «Ваш перевод моей брошюры я нахожу превосходным. Какой красивый русский язык: все преимущества немецкого без его «ужасной грубости»³.

Энгельс радовался переводу В. Засулич под редакцией Г. В. Плеханова работы Маркса «Нищета философии».

«То, что Вы мне сообщаете, — писал Энгельс Засулич в том же письме, — о росте в России интереса к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по видимому, нашла себе убежище в России»⁴.

Прочитав «Наши разногласия» Плеханова, Энгельс приветствовал группу «Освобождение труда» и теоретический труд Плеханова. Он писал В. Засулич 23 апреля 1885 года: «Вы спрашивали мое мнение о книге Плеханова «Наши разногласия», — для этого мне нужно было ее прочесть, и я читаю по-русски довольно свободно, когда позаимуюсь им в течение недели...

Но и того немногого, что я прочел из этой книги, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славя-

нофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие выдержанной и последовательной революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны»⁵.

Этот подлинно марксистский подход Энгельса к вопросу исключает какое бы то ни было упрощенное решение вопросов революционной тактики и механического перенесения на все страны одних и тех же методов борьбы. Сознание необходимости глубокого изучения прошлого и настоящего каждой страны, а также каждой данной ситуации заставляет Энгельса тут же сделать оговорку, имеющую немаловажное значение для изучения его позиции в ряде вопросов, касающихся России:

«Но для этого необходимо знать эти условия; что же касается меня, то я слишком мало знаком с современным положением в России, чтобы брать на себя смелость быть компетентным судьей в частных вопросах тактики, которой следует придерживаться там в тот или иной момент. Кроме того, внутренняя, сокрошенная история русской революционной партии, в особенности за последние годы, мне почти совершенно неизвестна. Мои друзья из народо-вольцев мне о ней никогда не говорили. А это — необходимое условие, чтобы составить себе определенное мнение»⁶.

Народовольцы (Г. Лопатин, П. Лавров, С. Степняк-Кравчинский) не давали и не могли дать Энгельсу об'ективную, правильную информацию о состоянии революционного движения в России и в первую очередь о развале в среде народо-вольцев. Об'ективная информация с правильным освещением всех вопросов революционного движения России могла исходить только от марксистской организации в России.

В том же письме Энгельс писал, что образование марксистской группы для него — новое в революционном движении России.

Энгельс всегда критиковал ненаучные взгляды народников.

Народники-бланкисты (как и народо-вольцы) были заражены иллюзиями, что можно сразу свалить царизм, что он не имеет никаких корней в экономике страны, что он не опирается ни на один

¹ Речь идет о работе Энгельса «Развитие научного социализма» (три главы из «Анти-Дюринга», вышедшие отдельным изданием в 1883 году).

² «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VIII, стр. 218.

³ Там же, стр. 228.

⁴ Там же, стр. 227.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 461—462.

⁶ Там же, стр. 462.

класс. Энгельс высмеял эти фантазии в том же письме к Засулич:

«...Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям...»¹.

Энгельс еще в 1885 году считал народолюбцев и группу «Освобождение труда» двумя фракциями в революционном движении, которые применяли разные методы в борьбе против самодержавия.

Наиболее близкое знакомство Энгельса с Плехановым и Засулич, а через них и знакомство с марксистской организацией в России привело к тому, что Энгельс начал все более сближаться с деятелями группы «Освобождение труда».

К концу 80-х и началу 90-х годов установилась особенно тесная связь членов этой группы с «Фридрихом Карловичем», как любовно называли Энгельса в переписке между собой деятели группы «Освобождение труда».

Еще в 1885 году Плеханов, собираясь к Энгельсу в Лондон, писал Аксельроду: «...не поддавайтесь унынию, право же мы еще расцветем и поедем с Вами в Лондон, чтобы явиться по начальству (т. е. к Энгельсу. — М. М.). Само собою разумеется, что предварительно расплатимся с долгами, а то Фридрих Карлович может поставить нам на вид, что если собственность не есть кража, то тем более кража не дает права собственности на похищенные (или взятые в долг) продукты»². Поездка Плеханова в Лондон для встречи с Энгельсом в 1885 году не состоялась: у Плеханова не оказалось денег на эту поездку.

Личная связь Плеханова с Энгельсом установилась только в период первого конгресса II интернационала, в 1889 году, когда Плеханов и Аксельрод поехали в Лондон и встретились с Энгельсом.

21 июля 1889 года Плеханов писал С. М. Кравчинскому: «Несколько дней я хочу остаться в Париже для осмотра выставки. Вас хотелось бы мне видеть всем сердцем, а Энгельса всей головой...»³.

Эта встреча состоялась через несколько дней. Позже Плеханов писал о первом свидании с Энгельсом: «Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 462.

² «Переписка Г. В. Плеханова и П. В. Аксельрода». Т. I, стр. 21, 1925.

³ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Об. VIII, стр. 250.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XI, стр. 21—22.

В этих беседах с Энгельсом Плеханов и Аксельрод пытались разбить предубежденность, какая была у западноевропейских социал-демократов по отношению к марксистской организации в России. У европейцев социалистов было совершенно неправильное мнение (это высказывал при личных встречах Плеханову П. Лафарг, а Аксельроду — В. Либкнехт), что еще рано в России создавать социал-демократическую организацию. Плеханов позже писал, что он ознакомил Энгельса с ходом рабочего движения России, с программой социал-демократической группы. Энгельс согласился, что имеются все условия для роста социал-демократической организации в России. Плеханов подробно информировал Энгельса о морозовской стачке 1885 года, а до того Энгельс читал о ней статью Плеханова «Забастовки в России», помещенную в органе французских марксистов «Социалист» 26 июля 1886 года.

Теперь Энгельс знал более близко группу «Освобождение труда» и ее деятелей.

После 1889 года он активно поддерживал социал-демократов России, особенно их борьбу с народничеством.

Энгельс писал В. Засулич 3 апреля 1890 года, после получения первой книги журнала «Социал-демократ» — органа группы «Освобождение труда»: «...я предвкушаю большое удовольствие от чтения вашей статьи и статей Плеханова»⁵.

Плеханов перепечатал из «Neue Zeit» в русском «Социал-демократе» (кн. 1-я и 2-я за 1890 год) статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма»⁶. В этой статье Энгельс писал, что падение русского царизма — оплот мировой реакции — откроет дорогу мировой революции и поэтому все революционные силы должны быть направлены на свержение царизма. Наряду с этим совершенно правильным положением Энгельс ошибочно считал Россию последней твердыней европейской реакции, глумясь из виду, что в начавшийся период империализма ряд других европейских стран стали очагами будущей мировой войны и оплотом мировой реакции, между тем как центр мирового революционного движения уже стал перемещаться в Россию.

Считая русский царизм последним и единственным резервом мировой реакции, Энгельс высказал также ошибочное положение, будто будущая война Германии с Россией должна быть для Германии национально-освободительной войной. Опи-

⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Об. VIII, стр. 251.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 5—40.

раясь на эти указания Энгельса, А. Бебель на митинге в Берлине осенью 1891 года заявил, что в случае войны Германии с Россией немецкие социал-демократы должны будут содействовать победе Германии. Эту оценку характера будущей войны между Германией и Россией использовали для оправдания своего предательства немецкие социал-шовинисты во время первой мировой империалистической войны.

Некоторые положения, которые имелись в статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», неправильно использовал Плеханов на цюрихском конгрессе II интернационала в 1893 году, где он выступал докладчиком по вопросу о милитаризме. Правильно критикуя голландского оппортуниста Ньевенгауса, который предложил ответить на войну стачкой, Плеханов вместе с тем защищал ошибочную резолюцию германской делегации и, солидаризируясь с Бебелем, заявил, что если немецкая армия перейдет русскую границу, она придет как армия-освободительница.

3

Энгельс в начале 90-х годов был согласен с Плехановым и Засулич, что в интересах рабочего движения и марксистской организации в России надо вести борьбу с мелкобуржуазным народничеством.

Энгельс писал В. Засулич в цитированном выше письме: «Я вполне согласен с вами относительно необходимости бороться повсюду с народничеством — немецким, французским, английским или русским. Тем не менее, по моему мнению, было бы более подходяще, чтобы то, что мне пришлось сказать, было сказано русским»¹.

Теперь уже Энгельс не ограничился указанием, что революционный толчок из России послужит началом революции в Европе, он делал упор на промадное самостоятельное значение революционного движения для самой России. В письме к Бебелю от 29 сентября 1891 года Энгельс упоминал уже о российском пролетариате, который в будущем вместе с крестьянством свалит царизм.

Энгельс писал, что в России наряду с дворянами-землевладельцами есть крестьянство и возникающий пролетариат: «Последний еще слишком слаб для революции, а дворянство уже бессильно для нее; крестьяне же не пойдут дальше бесплодных местных восстаний, пока победоносное восстание городских центров не даст им недостающей спайки и опоры»².

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VIII, стр. 251.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 344.

Энгельс с начала 90-х годов неоднократно ссылался на работы Плеханова, давая им высокие оценки. В письме к Лафаргу от 2 сентября 1891 года «О брюссельском конгрессе и о положении в Европе» Энгельс ссылался на статью Плеханова в «Neue Zeit», в которой имелись интересные данные о росте промышленности и пролетариата в России.

В статье «Социализм в Германии» Энгельс отмечал, что неурожай и голод 1891 года в России приводят к полному разрушению общины: «Старая коммунистическая община распалась или во всяком случае распадается, но в тот самый момент, когда отдельный крестьянин становится на собственные ноги, у него из-под ног вырывают почву»³. Голод ускоряет разложение общины, ускоряет «обогащение деревенских ростовщиков (кулаков), их превращение в крупных земельных собственников и вообще переход земельной собственности из рук дворянства и крестьян в руки новой буржуазии»⁴.

В декабре 1893 года Плеханов написал для «Форвертса» статью «Хороший урожай в России». В этой статье Плеханов ссылался на статью Энгельса «Социализм в Германии»: «Фридрих Энгельс очень метко указал причины этих неурожаев, сказав, что они являются следствием той социальной революции, которую переживает Россия со времени отмены крепостного права, т. е. с 1861 года»⁵.

Энгельс писал в редакцию болгарского сборника «Социал-демократ» в 1893 году, ссылаясь на работы Плеханова, переведенные на болгарский язык: «...мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей поднятое Марксом знамя современного пролетариата — о, если бы Маркс сам дождал до этого! — и которые на приманки и угрозы русского царизма отвечают тем, что царским прокламациям противопоставляют социалистические труды передовых борцов русского пролетариата. Я очень рад был видеть перевод работ Плеханова на болгарский язык»⁶.

В связи с предисловием Плеханова к брошюре «Речь Петра Алексея» выступил некто Бек с народнической критикой Плеханова. В № 17 немецкого «Социал-демократа» появилась статья Осиповича «О пропаганде среди русских рабочих». В этой статье Осипович, возражая Беку, пи-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 253.

⁴ Там же, стр. 254.

⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VIII, стр. 141.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 367.

сал, что русские рабочие совершенно незрелы и вообще не в состоянии понимать научную литературу. Плеханов в № 19 немецкого «Социал-демократа» за 1890 год, критикуя противников русских марксистов, выступил со статьей «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов»¹.

Будучи знаком с полемикой русских социалистов на страницах немецкого «Социал-демократа», Энгельс писал по поводу этого письма Плеханову: «Вас здесь, без сомнения, считают союзниками и особенно друзьями германских рабочих». Энгельс сообщал Плеханову, что он будет настаивать на полном переводе его работы и помещении ее и что предисловие Плеханова к брошюре «Речь Петра Алексеева» будет опубликовано в теоретическом органе германской социал-демократии. Энгельс был удивлен, почему статьи Плеханова о Чернышевском помещены только в «Нейе цейт»: их следовало также напечатать в других органах германской партии, в частности в «Социал-демократе».

Энгельс читал статьи Плеханова и по ним ознакомился с тактикой русских социал-демократов.

К этому времени для Энгельса стало совершенно ясно, что подлинная революция в России только зреет и не по народническому плану, что для созревания революции потребуются длительный период классовой борьбы, в первую очередь борьбы рабочего класса России.

Укрепилась связь деятелей группы «Освобождение труда» с Энгельсом.

Плеханов писал Энгельсу из Женевы 25 марта 1893 года: «Дорогой и глубокоуважаемый учитель... Не писал я вам первый только потому, что не хотел вас беспокоить и отнимать у вас время. Моя мечта в настоящую минуту — поездка в Лондон, где я смогу с вами увидеться и поговорить о положении в России и о моих теоретических работах... Мне передавали, что вы написали несколько благожелательных слов обо мне по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы,

¹ Надо отметить, что эта статья Плеханова наряду с правильными положениями содержала и ошибочное утверждение, в котором была заложена основа будущего меньшевистского тезиса, согласно которому в борьбе с царизмом крестьянство будет на стороне реакции. Плеханов писал: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации» (Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 119).

это быть учеником, достойным таких учителей, как Маркс и вы»².

Энгельс в ответе просил Плеханова не называть его «моим дорогим учителем»: «я назывался просто Энгельс»³.

Плеханов поддерживал тесную связь с теми деятелями рабочего международного движения, с которыми был связан Энгельс, — в первую очередь с Полем Лафаргом, Жюлем Гедом, Элеонорой Маркс-Эвелинг.

Плеханов послал Элеоноре Маркс-Эвелинг свою работу «Анархизм и социализм» для перевода ее с французского на английский язык. Элеонора Маркс писала Плеханову 8 августа 1894 года: «Тысячу раз благодарю вас за то, что доверили мне перевод своей брошюры. Я получила рукопись вчера утром и немедленно приступила к работе...»⁴.

Установив более тесные связи с Энгельсом, Плеханов обращался к нему с личными вопросами. Так, Плеханов жаловался Энгельсу, что Вера Засулич болеет и не хочет лечиться. Он просил Энгельса на нее воздействовать. Энгельс послал к Засулич своего врача и желал помочь ей деньгами. Он писал 26 февраля 1895 года:

«Мой дорогой Плеханов!

Уже восемь дней, как все устроено, Вера мне написала, что будет очень охотно пользоваться лечением Фрей[бергера]... Я вам пошлю, скажем, сначала пять фунтов, которые вы ей перешлете от себя так, чтобы я тут совершенно не фигурировал. Вы ей скажете, что посылаете эти деньги, чтобы она не имела никакого предлога отказаться от перемены режима, и что Фр[ейбергер] считает такую перемену ее режима необходимой, или что-нибудь другое»⁵.

Энгельс часто заходил к членам группы «Освобождение труда», жившим в Лондоне. Об этом писала Засулич Дейтцу: «Он был у нас, т. е. у Павла (Аксельрода. — М. М.) раза три. Совсем простой, ласковый такой старик»⁶.

В каждом письме к Энгельсу Плеханов обстоятельно знакомил его с эволюцией народничества, со взглядами либеральных народников. В апреле 1894 года Плеханов писал Энгельсу: «Вы видите, что, если во времена Маркса были русские революционеры могли черпать известную энергию в той мысли, что Россия не пройдет капиталистического периода, то в наше время

² «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VIII, стр. 256, 257.

³ Там же, стр. 261.

⁴ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. IV, стр. 282.

⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VIII, стр. 270, 271.

⁶ Там же, стр. 259.

та же мысль становится очень опасной утопией. Теперь крайне необходимо с ней бороться»¹.

Плеханов в этом же письме к Энгельсу дал характеристику Михайловского, который выступил против Маркса и Энгельса: «И этот господин — самый интеллигентный из всех господ, искателей верного экономического пути для святой Руси! Это тот самый Михайловский, против которого было направлено письмо Маркса. Мне кажется, что Маркс предполагал направить его издателю «Вестника Европы», а не Михайловскому? Этот господин до смешного гордится этим письмом»².

Энгельс писал Плеханову 21 мая 1894 года, что он предоставляет перевод работ его и Маркса на русский язык Вере Засулич. Он благодарил Плеханова за присылку последней его книги о Чернышевском. Энгельс сообщал Плеханову о политической отсталости английских рабочих: «Вот публика, которая поистине может привести в отчаяние, — это английские рабочие с их чувством воображаемого национального превосходства, с их по существу буржуазными идеями и точками зрения, с узостью их «практических» взглядов, с их вояжами, зараженными в сильной степени парламентской испорченностью»³.

Плеханов в каждом письме давал Энгельсу сведения об эволюции народников, о превращении их в либеральное течение.

В следующем письме к Энгельсу, от 10 июля 1894 года, Плеханов обратил его внимание на книгу Н.-она (Даниельсона) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Плеханов писал:

«Н.-он так ставит вопрос о капитализме, как будто он еще не существует в России. В действительности мы уже страдаем от капитализма и еще страдаем от того, что капитализм не достаточно развит...

Но предположим, что община — наш якорь спасения. Кто произведет реформы, предполагаемые Н.-оном? Царское правительство? Лучше чума, чем реформы, исходящие от подобных реформаторов. Можно ли себе представить что-либо более химерическое, чем социализм, насажденный и с правыми руками?»⁴.

Плеханов приехал из Женевы в Лондон 30 октября 1894 года. В письме к Энгельсу он просил разрешения почитать у него на квартире несколько редких экземпляров книг Маркса. «Вот я и приходил к

Вам, — писал Плеханов Энгельсу, — чтобы попросить разрешения просмотреть их у вас. Но у меня каждый раз нехватало мужества, потому что я думал, что это вам помешает...

Я считало задачей всей моей жизни пропаганду ваших и Маркса идей. Мне нужно, значит, хорошо их знать. Вот смягчающее обстоятельство, которое вы, надеюсь, примете во внимание»⁵.

Энгельс ответил Плеханову, что наднях приведут в порядок его библиотеку и что Плеханов сможет заходить в нее и работать. «Но будьте уверены, что вы получите все книги, журналы и т. д., которые я смогу найти по интересующей вас специальной литературе»⁶.

Получив от В. Засулич книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Энгельс писал 8 февраля 1895 года Плеханову:

«Вера мне дала Вашу книгу, за которую я вас благодарю; я начал ее читать, но это потребует много времени. Во всяком случае большой успех уже то, что удалось издать ее на родине... Это одним этапом больше; и, если даже мы не сможем удержать новой позиции, которую мы выиграли, это все же прецедент, — лед разбит»⁷. В этом письме, которое Энгельс писал за полгода до смерти, он пророчески предсказал: «И если уж кого дьявол революции держит за шиворот, так это — Николая II»⁸.

В письме Энгельсу от 20 февраля 1895 года Плеханов снова указал на реакционные взгляды Н.-она, который «говорит о правительстве Николая II, как о правительстве, которое может взять на себя заботу об «организации производства» в нашей стране. Уже по одному этому он является реакционером и утопистом в одно и то же время...

Даниельсон нанесет большой вред нашему революционному движению. Не могли ли бы вы высказаться по этому вопросу, например, в «Neue Zeit»? Он так важен, что, конечно, заслуживает нескольких страниц. А ваш голос живо положит конец всем «превратным толкованиям» этого господина»⁹.

Письма Плеханова к Энгельсу возымели свое действие. В переписке с Даниельсоном, переводчиком «Капитала» Маркса, Энгельс прямо указывал, что капитализм

⁵ Там же, стр. 265, 266.

⁶ Там же, стр. 267.

⁷ Там же, стр. 268.

⁸ Там же. Все письмо было написано Энгельсом по-французски, а последняя фраза — по-немецки.

⁹ Там же, стр. 269—270.

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Об. VIII, стр. 259—260.

² Там же, стр. 260.

³ Там же, стр. 262.

⁴ Там же, стр. 264.

в России победил, что Россия уже не может миновать капиталистического пути.

Энгельс был вполне согласен с Плехановым, что народнические взгляды Николая-она, пытавшегося подкрепить их ссылками на Маркса, могли принести большой вред молодому марксистскому движению в России.

Отношения Энгельса к Даниельсону были официальные, как к переводчику «Капитала» на русский язык. Энгельс сам проверял все корректуры перевода, чтобы не допустить искажений. Революционерами же Энгельс считал не Даниельсона и других народников, а только марксистскую группу «Освобождение труда».

Энгельс прямо указывал на перерождение народников. Он писал, что «народник, экс-террорист, мог бы, в сущности говоря, кончить царистом»¹.

В письме к Энгельсу от 3 марта 1895 года Плеханов привел новые данные о реакционности либеральных народников: «А в данный момент, когда так называемое общество становится на дыбы против Николая II, — Даниельсон, «друг Маркса», переводчик «Капитала» (мимоходом замечу — переводчик, принадлежащий к категории *traditori*², «истинный марксист» и т. д., и т. д., и т. д., снова начинает, поразительно кстати, нести тот же вздор. Если бы я был на месте Николая, я бы наградил Даниельсона орденом»³.

Плеханов просил Энгельса выступить против Даниельсона и поддержать тем самым позицию русских марксистов:

«Несколько неодобрительных слов с вашей стороны сделали бы много, и именно о таком подкреплении русской революции я говорил в предыдущем письме»⁴.

Последнее письмо Плеханова из Женевы летом 1895 года было получено Энгельсом за несколько дней до его смерти. В этом письме Плеханов сообщил Энгельсу о том, что в Москве состоялась маевка 126 делегатов от рабочих кружков, о ярославской стачке на Корзинкинской мануфактуре и расстреле этой стачки войсками, о стачках в Петербурге. «...революционное движение, — писал Плеханов, —

становится сильнее, чем оно было за последние десять лет, но правительство принимает оборонительное положение. В России становится жарко»⁵.

Энгельс прочитал это письмо Плеханова, но ответить на него уже не смог.

* * *

Ленин приехал за границу летом 1895 года, когда Энгельс был уже тяжело болен. Ленин в Париже познакомился с П. Лафаргом, в Берлине — с В. Либкнехтом, работал в библиотеках, изучал заграничную марксистскую литературу и жадно ловил каждое слово об Энгельсе.

Энгельс умер 5 августа 1895 года. Тотчас же после смерти Энгельса Ленин опубликовал в плехановском сборнике «Работник» статью-некролог «Фридрих Энгельс».

В сентябре 1895 года Ленин возвратился из-за границы в Петербург и возглавил центральную организацию социал-демократов. Для № 1 «Рабочего дела» — органа петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — Ленин написал еще одну статью, посвященную памяти Энгельса.

Созданный Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», пропагандировавший идеи Маркса и Энгельса и осуществлявший соединение научного социализма с массовым рабочим движением, был первым зачатком революционной партии, опирающейся на массовое рабочее движение.

Знамя, выпавшее из рук Энгельса, высоко поднял и понес дальше великий корифей научного социализма, творческий гений марксизма — В. И. Ленин. «Можно сказать без преувеличения, что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина — Сталин и другие ученики Ленина — были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата»⁶.

Великие идеи Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина стали могучей материальной силой: они двигают вперед народные массы многонационального Советского Союза и трудящихся всего мира к победе коммунизма, к полному и окончательному осуществлению великих заветов основоположников научного социализма.

¹ Там же, стр. 274.

² «История ВКП(б)», стр. 342.

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VIII, стр. 271. Энгельс имел здесь в виду ренегата Льва Тихомирова.

² Плеханов имеет в виду итальянскую игру слов: «traduttore» («переводчик»), «traditore» («предатель»).

³ Там же, стр. 273.

⁴ Там же.

Я. Линков

Крепостное крестьянство в России накануне реформы 1861 года

В то время как промышленный капитализм совершал свое победоносное шествие и утверждался в передовых странах Западной Европы, царская Россия в середине XIX века была крепостнической страной, только еще вступающей на путь капиталистического развития. Ее экономика определялась прежде всего сельским хозяйством, основанным на крепостном труде крестьянских масс.

Все формы крепостнического гнета сохранились в России до 1861 года. Крепостнический строй охватывал все стороны жизни крестьянства: его экономику, его быт. Он вторгался в крестьянскую семью, зачастую ломая ее и попирая все элементарные права крестьянина как человеческой личности. Над крестьянином господствовал не только помещик: крестьянина давил весь гигантский полицейско-административный, бюрократический аппарат Российской империи.

Сперанский в записке «О крепостных людях» так формулировал сущность крепостного права: «Существо нового или настоящего крепостного права состоит кратко в следующем: I. Крестьяне, равно как и земля, на коей они живут, принадлежат помещику. Земля составляет недвижимое его имущество, а крестьяне суть имущество его движимое. (Во многих указах крестьяне именно признаны движимым имуществом.) И хотя сие движимое имущество по ревизии приписывается к недвижимому, к деревне и к земле, но как земля без крестьян, так и крестьяне без земли могут быть проданы, заложены, переселены, во двор взяты и даже в ссылку, по воле помещика, за проступки их, без суда, могут быть сосланы.

II. Дворяне люди, из какого бы состояния первоначально они ни происходили, суть точно такое же движимое имущество помещика, как и крестьяне; никакого существенного различия закон между ними не полагает. Владелец, не имеющий земли, может приписать их в ревизии к своему дому; но как дом без них, так и они без дома проданы быть могут»¹.

С точки зрения формально-юридической, права помещика на крестьян подвергались некоторым, хотя и весьма скромным, ограничениям, но фактически эти ограничения почти не применялись. В частности Свод законов ограничивал право помещика на труд крестьянина и устанавливал количество дней, которое должно было оставаться у крестьянина для работы в своем хозяйстве. Запрещалось также принуждать крестьян к работе в воскресные дни и в некоторые праздники и т. д. Но все эти ограничения, носившие к тому же весьма неопределенный характер, оставались всего лишь платоническим пожеланием и не могли изменить системы безудержного произвола и насилия. «На практике, как вы все знаете, — говорил Ленин в своей лекции в Свердловском университете 11 июля 1919 года, — крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства»².

Характерной особенностью крепостниче-

¹ «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского», стр. 305—306. М. 1905.

² Ленин. Т. XXIV, стр. 367.

своей эпохи являлось раздробление крестьянства на огромное количество различных по своему юридическому положению групп. Даже в пределах одного селения можно было встретить крестьян, принадлежавших к разным разрядам. Сословная раздробленность крестьянства сохранилась и после отмены крепостного права. На это указывал В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России»: «Будучи объединены общиной в прохотные административно-фискальные и земельно-владельческие союзы, крестьяне раздроблены массой разнообразных делений их на разряды, на категории по величине надела, по размерам платежей и пр. Берем хоть земско-статистический сборник по Саратовской губернии; крестьянство делится здесь на следующие разряды: дарственники, собственники, полные собственники, государственные, государственные с общинным владением, государственные с четвертным владением, государственные из помещичьих, удельные, арендаторы казенных участков, безземельные, собственники б. помещичьи, на выкупной гусадьбе, собственники б. удельные, поселяне-собственники, переселенцы, дарственные б. помещичьи, собственники б. государственные, вольно-опущенники, безбродные, свободные хлебопашцы, временно-обязанные, б. фабричные и т. д., а затем еще крестьяне пришисные, пришлые и пр. Все эти разряды отличаются историей аграрных отношений, величиной наделов и платежей и пр., и пр. И внутри разрядов подобных же различий масса: иногда даже крестьяне одной и той же деревни разделены на две совершенно отличные категории: «бывших г-на NN» и «бывших г-жи MM». Вся эта пестрота была естественна и необходима в средние века, во времена далекого прошлого; в настоящее же время сохранение сословной замкнутости крестьянских обществ является вопиющим анахронизмом и чрезвычайно ухудшает положение трудящихся масс, несколько не гарантируя их в то же время от тяжести условий новой, капиталистической эпохи»¹.

По 10-й ревизии, проведенной в 1857 году, во всей России насчитывалось 21 625 609 крепостных крестьян обоого пола, из них 1½ миллиона дворовых. На барщине мужских душ было 6 795 274, на оброке — 3 002 923.

Вся эта, свыше чем 20-миллионная масса крепостных рабов принадлежала (по 10-й ревизии) 104 тысячам помещиков. Распределение крепостных между помещиками было крайне неравномерно: на одного помещика приходилось от 2 до

80 000 душ. Основная масса крепостных принадлежала средним и главным образом крупным помещикам, владельцам больших феодальных латифундий. Неравномерно было размещение крепостного населения и по территории страны. В центральных черноземных губерниях плотность крепостного населения была наиболее значительной. На юге, юго-востоке, по Волге и Каме, по мере удаления от центра число крепостных значительно понижалось. Так, по данным 10-й ревизии, крепостных крестьян в Смоленской губернии было 69%, в Курской — 40%, в Екатеринославской — 31,5%, а в Бессарабской — только 1%.

Растущий с каждым десятилетием первой половины XIX века спрос на хлеб на внутреннем и внешнем рынках, естественно, побуждал помещиков, особенно в условиях кризиса крепостного хозяйства, изыскивать способы повышения доходности своих имений. Экономическая литература и дворянская публицистика того времени были заполнены различными проектами и рецептами, направленными к одной цели: получить как можно больше товарного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов из помещичьих имений. Наиболее передовые и состоятельные помещики начали равняться по западноевропейским образцам ведения сельского хозяйства, пробовали перенять методы передовой английской агрокультуры и т. д. Начиная с 1832 года стали возникать заводы сельскохозяйственного машиностроения. Машины и сельскохозяйственное оборудование более совершенного типа постепенно проникали в помещичьи хозяйства, главным образом в районы Новороссии и Нижнего Поволжья, в малообжитые и малонаселенные черноземные пространства, где помещики стремились применением передовой техники смягчить нужду в рабочей силе. Но все эти попытки сочетать крепостной труд с требованиями растущего внутреннего рынка были заранее обречены на неудачу и лишь еще более усиливали противоречия крепостного хозяйства.

Ни сельскохозяйственные машины, ни культурные методы ведения хозяйства не могли вывести сельское хозяйство страны из тупика. Крепостной, подневольный труд крестьянина никак не подходил для машинной техники и не мог удовлетворить требованиям передовой агротехники. К тому же в подавляющем большинстве случаев у помещика не было свободных денег для приобретения сельскохозяйственных машин и для внедрения более совершенных методов хозяйствования. Это объяснялось прежде всего тем, что большинство помещиков паразитически, хищ-

¹ Ленин. Т. III, стр. 295—296.

нически использовало имевшиеся в их распоряжении материальные ценности и средства. Как собственные капиталы помещиков, так и получаемые ими под разными предлогами от дворянского государства ссуды транжировались и пускались на ветер. Получив ссуду и не заботясь о ее возврате, «иные приступали немедленно к постройке в деревнях своих великоленных домов, к разведению роскошных садов, выписывали бронзу, хрусталь, мрамор, мебель, экипажи, одевали людей в богатые либреи и лошадей в серебряную сбрую, нанимали французско-поваров, ездили в столицы, прокатились по краям, дали несколько пиров и издержали все»¹.

К моменту падения крепостного права задолженность дворянских имений государству достигла весьма внушительной цифры — 425 миллионов рублей серебром; до 65% всего крепостного населения России было заложено, причем в отдельных губерниях процент заложённых душ был еще более высоким: в Пензенской и Саратовской он доходил до 80, а в Казанской — даже до 84. Это являлось одним из весьма ярких признаков кризиса феодально-крепостнического строя.

Как правило, помещики в поисках выхода из создавшегося положения обращались к испытанному средству: выжать максимум возможного из крестьянского крепостного труда. Начальник III отделения высочайшей канцелярии и шеф корпуса жандармов генерал-лейтенант Л. В. Дубельт писал: «Итак, я уверен, что наша Россия велика, сильна и богата от того: 1-е) что в ней государь самодержавный, 2-е) что в ней есть помещик, с властью над крестьянами, и 3-е) от того, что в ней есть крестьянин, который кормит и себя, и помещика, и горожанина, и купца, и солдата, и вельможу, и самого государя»².

Усиление крепостнической эксплуатации в середине XIX столетия в отличие от предшествующего периода развития крепостничества в XVII и XVIII веках явилось безнадежной попыткой господствующего класса помещиков удержаться на старых позициях в новых условиях развивавшегося в стране капитализма.

К 1850 году стало расти количество барщинных крестьян и начала увеличиваться барская запашка в черноземных губерниях. В Воронежской губернии процент барщинных крестьян увеличился с 36 до 55, в Орловской — с 60 до 72, в Пензенской — с 48 до 75. Особенно силь-

но выросла барщина в поволжских и украинских губерниях. В Полтавской губернии барщинных крестьян было 98,86%, в Екатеринославской — 99,8%, в Казанской — 86%, в Самарской — 79%. С другой стороны, в губерниях центрального района росло количество оброчных крестьян (в Московской губернии — с 36 до 68%, во Владимирской — с 50 до 70%, в Ярославской — с 78 до 89,44% и т. д.).

К 1850 году также значительно увеличилось число дворовых: между 9-й и 10-й ревизиями оно выросло больше чем на 200 тысяч душ, главным образом за счет черноземных губерний: Херсонской, Екатеринославской, Черниговской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Пензенской, Орловской. Рост числа дворовых, являвшийся одной из форм усиления крепостнической эксплуатации, в середине XIX века означал обезземеление крестьян. В тех губерниях, где преобладала барщина, у крестьян осталось менее половины земельной площади, в то время как в XVIII веке они пользовались двумя третями.

Усиление феодальной эксплуатации особенно тяжело сказалось на крестьянах черноземного юга. Барская запашка в этих районах расширялась за счет крестьянских наделов. К 50-м годам размеры барской запашки значительно превысили размеры земли, возделываемой крестьянами. Во многих районах помещики переходили на месячину — самую тяжелую форму крепостнического гнета. Месячина заключалась в том, что крестьян переводили исключительно на барщинную работу, земельный надел у них отбирался и заменялся выдачей продуктов для пропитания. Месячина, как писал Самарин, стояла на самом рубеже между крепостным состоянием и рабством. Месячнику не было исхода из его положения, и, кроме скудно обеспеченного содержания и вечного труда на другого до истощения сил, «будущность ему ничего не представляла».

Иной раз помещики прибегали к прямой экспроприации — обезземеливанию своих крестьян — в иных формах, переводя их в так называемые затыглые, т. е. лишая их земельного надела и принуждая их тем самым искать иных средств к пропитанию: заняться ремеслом, уйти на отхожие промысла или переходить в барскую дворню.

Рост барской запашки не мог не повлечь за собой увеличения количества дней, отрабатываемых крестьянами на барщине. Закон о трехдневной барщине никогда не соблюдался: барщина доходила во многих случаях до 4 и 5 дней, а иногда и до 6 дней в неделю; на барщину обычно уходили самые драгоценные для сельского хозяйства ясные, погожие дни страд-

¹ Н. Огановский «Закономерность аграрной эволюции». Т. II, стр. 284—285.

² «Заметки г.-л. Л. В. Дубельта». «Голос минувшего» № 3 за 1913 год, стр. 159.

ной поры. Как вспоминали крестьяне Саратовской губернии: «Маяла эта барщина не только души тяглые (тягло составлялось из мужа и жены. — Я. Л.), но и подростков и даже ребятишек 6—7 лет; все работали, да еще каждодневно; для своей работы оставалась только ночка темная, да праздничек воскресенья христово»¹.

Частые неурожайные годы с их неизбежным спутником — голодом — еще усугубляли тяжесть барщины. В той же Саратовской губернии крестьяне вспоминали о 1848—1850 годах: «Голодная година пережита была с большим трудом... На пахоте лошади от бескормицы едва держались на ногах, а все-таки, в три сохи, вспаши барскую десятину, не вспашешь — побьют и заставят работать в свои дни. Все в спеху было: проглотят люди по куску хлеба и жнут не разгибая спины; обедать станут, когда уже солнце готово закатиться... Прожнешь 3 дня, свою долю надо бы жать, а тут говорят: еще приказано день жать, а там «долговая», казенная!.. Приедешь свой хлеб жать, а он уж пустой, все ветром вытрясло... Начнется споловая вязка: наклацывай на воз побольше, а то розгами накажут»².

Наряду с работой на барской пашне крестьяне обязаны были нести крайне тягостную подводную повинность, занимавшую не меньше времени у крестьянина, чем летняя работа на барщине. Подводная повинность занимала до 800 тысяч человек летом и до 3 миллионов зимой.

Чтобы увеличить интенсивность крестьянского труда, в помещичьих имениях практиковали урочную систему, при которой каждое тягло или отдельный крестьянин получали ошределенное задание, с обязательством его выполнить за день. Не выполнивший урока, назначаемого обычно в очень больших размерах, обязывался отработать дополнительные дни на барщине.

В Подольской губернии «самое тяжелое для крепостных время, это были уроки. Наступала косовица и на одного действительного косаря отмеривались полосы и на его жену и на детей, если они уже ходили на пашину. Во время жнив было то же, и не раз случалось видеть, что на двух—трех десятишках, отмеренных, как уроки для всех лиц земли, жнет одна душа, муж или жена; с понедельника до субботы они не кончали работы, а с понедельника назначались уже новые уроки. На себя работали люди только по шочам, и бог ведает, как выдерживала их патура этот сверхчеловеческий труд. Но особенно

трудна была молотба. У крестьянина жена и двое детей, отбывающих барщину, положенную на четыре души, — экономия (т. е. помещичье хозяйство. — Я. Л.) выбрасывает по 3 копы, так как всякая душа должна была отбывать в неделю три урока, и бедный мужик целый день первый только носит из скирды 12 коп в свой стожок и затем молотит, а если до субботы не кончит урока, то его молотят...»³.

Подневольный, крепостной труд на барщине был малопродуктивным. Работа из-под палки помещичьего надсмотрщика не давала нужных помещику результатов. Дореформенная литература и публицистика были полны примеров преимущества труда вольнонаемного перед крепостным. «Крепостной труд менее производителен, нежели вольнонаемный, — писал Заблочкин-Десятовский. — В этом убеждены и крестьяне, создавшие пословицу о ленивом работнике: «Ты работаешь словно на барщине», и самые помещики. «Нет сомнения, — говорил зарайский предводитель дворянства Титов, — что вольный труд лучше. Напрасно думаем, что крестьянин пап, однажды освобожденный, сделается еще ленивее. Неправда! Вольный человек знает, что без работы даром его кормить не станут, а потому трудится прилежно. Вот вам собственный опыт: в 20 верстах от моих Зименок (имение, которое мы посетили) имею я не заселенную землю, которая обрабатывается у меня моими же крестьянами, но не барщиной, а по найму, по вольному соглашению. Те же крестьяне, которые ленятся на барщине, там необыкновенно прилежны, готовы работать в праздник, лишь бы их не согнать, и так дорожат местом, что боятся даже рассердить старосту...

Отчего тот же мужик сделался вдруг таким заботливым? — оттого, что не хочет лишиться места и работы, для него выгодных!»⁴.

«Журнал сельского хозяйства» отмечал в 1851 году, что некоторые помещики Тверской губернии «убедились на опыте, что два наемных работника на хороших помещичьих лошадях вспахивают в день казенную десятину в меньшее время, нежели три сохи издельных крестьян».

Характер крепостнической эксплуатации можно рассмотреть на конкретном примере Киевской губернии. Это была крупнейшая, густо населенная губерния юга России, губерния огромных латифундий и задав-

¹ «Помещики и крестьяне Саратовской губ. (Выдержки из труда Н. Ф. Хованского)», стр. 59. Саратов. 1911.

² Там же, стр. 71.

³ «Воспоминания подольского старостина о временах крепостного права». «Киевская старина» за февраль 1898 г. Т. IХ, отд. II, стр. 49.

⁴ Заблочкин-Десятовский «Граф П. Д. Киселев и его время». Т. IV, стр. 333. СПб. 1881.

ленных панским гнетом крестьян. На Киевщине и Подольщине сосредоточивалось до 10% крепостного населения страны.

Большинство крестьянских семейств с'едало свой запас хлеба задолго до наступления весны и с трудом перебивалось остальное время до нового урожая. Таким образом, нищенский надел не давал необходимого для пропитания хлеба.

Экономическое положение помещичьих крестьян было крайне неравномерно; крестьяне подразделялись по своему имущественному положению и по роду возложенных на них крепостнических повинностей на ряд категорий. Основных было пять: тяглые, полутяглые, пешие, огородники и бобыли, называемые еще халупниками и кутниками. Тяглыми считались крестьяне, имевшие рабочий скот (на менее одной пары волов). Полутяглыми считались имевшие не более одного вола или одной лошади. Пешие были те, у которых вовсе не было рабочего скота. Огородниками назывались крестьяне, в силу необходимости не занимавшиеся хлебопашеством и не имевшие рабочего скота, но имевшие избу и державшие небольшой участок земли под огородом. Бобылями были крестьяне, не имевшие ни кола, ни двора и жившие у других крестьян в качестве работников. Особенно много огородников и бобылей было в Таращанском уезде: половина всех козьев. По всей губернии непосредственно земледелием, точнее, хлебопашеством, на своем участке занималось меньше половины крепостного крестьянства.

В Киевской губернии в 1845 году 3500 помещиков непосредственно использовали 810 тысяч десятин пахотной земли, в то время как свыше миллиона крепостных крестьян обрабатывало для себя 899 тысяч десятин. Вопиющее, чудовищное экономическое неравенство двух классов — помещиков и крестьян — иллюстрируется этими цифрами. Киевские помещики владели более чем $3\frac{1}{2}$ миллионами десятин земли и леса, что составляло $\frac{3}{4}$ всей территории губернии, и распоряжались судьбами более 1 миллиона крепостных. Львиная доля всего этого принадлежала земельным магнатам, владельцам крупных латифундий, иные из которых раскинулись по нескольким уездам губернии. 136 помещикам принадлежало от 500 до 1000 душ; всего этой группе принадлежало 96 450 душ. 75 помещикам принадлежало более 1000 душ каждому, а всего 253 540 душ. Следовательно, 211 помещикам принадлежало 349 990 ревизских душ (т. е. крепостных мужского пола), а, считая и женщин — до 70% всех крепостных губернии.

В среднем земельный надел крепостного

крестьянина в Киевской губернии составлял от 3 до 9 десятин; такой надел был явно недостаточен для обеспечения самых насущных потребностей крестьянской семьи. С полей помещиков, обрабатываемых барщиной, на каждую душу приходилось 617 четвертей хлеба, а с полей помещичьих крестьян — $2\frac{1}{2}$.

В 50-х годах на Украине, как и в других местностях России, росло количество дворовых: в Херсонской губернии помещичья дворня увеличилась на 328%, в Черниговской — на 309%, в Киевской — на 250%. Дальнейший рост числа дворовых прекратился лишь после издания в 1858 году специального указа, запрещающего переводить крестьян в дворовые. Быстрое увеличение числа дворовых перед реформой было не случайно: помещики стремились закрепить за собой как можно больше земли перед готовившимся освобождением крестьян от крепостной зависимости.

Во многих имениях дворовых было до 100 и более человек; в имении Шипова, в Ярославской губернии, из 164 душ крестьян дворовых было 101 человек, большая часть из них — 60 человек — работала на помещичьей фабрике. Дворовых, которых нельзя было использовать в своем имении, помещики отдавали внаймы на фабрику, продавали в рекруты. Как свидетельствует Гакстгаузен, дворовых крестьянок помещики принуждали заниматься проституцией, чтобы получать с них оброчные деньги.

С конца XVIII века вплоть до реформы непрерывно росли размеры оброков. В конце XVIII столетия средний оброк в денежном выражении (по ценам XIX века) составлял 7 рублей 50 копеек серебром с души, в то время как в XIX веке он составлял минимум 12 рублей 50 копеек. В иных губерниях, как например в Ярославской, он поднимался до 20 рублей с тягла. В Петербургской губернии во многих случаях оброк доходил до 60 рублей серебром с тягла. Помимо денег оброчные крестьяне обязаны были во многих имениях поставлять барину различное продовольствие: кур, масло, рыбу и т. д., — а также холст или пряжу.

Наряду с преимущественно барщинными или же оброчными хозяйствами были имения, где применялась система смешанных повинностей: оброк соединялся с барщиной; в большей части оброчных имений крестьяне отработывали на барской пашне от 4 до 16 дней в году. Эта форма эксплуатации была особенно тягостной для крестьянства. В одном из поместий Тарусского уезда, Калужской губернии, в середине XIX столетия 209 тягол платили по 100 рублей ассигнациями и летом работали на барщине от 20 до 24 дней, а остальные

73 тягла платили 50 рублей оброка, отбывая барщину круглый год. В другом имении, того же уезда, крестьяне уплачивали оброк по 20 рублей серебром с тягла и одновременно отбывали барщину почти в полном объеме. По подсчету И. Игнатович, до одной трети оброчных имений применяло систему смешанных повинностей.

В Радомысльском уезде, Киевской губернии, были распространены следующие повинности: барщинная неделя продолжительностью от 3 до 5 дней, денежные оброки до 2 рублей 40 копеек серебром; сверх того крестьянская семья была обязана поставлять помещику «вещественную дань», включавшую в себя 1½ гарнца орехов, 1 гарнец клюквы, 1—2 кварты черники, 1 гарнец брусники, 2 рюмки червца, 40 фунтов хмеля, 1½ пуда меду, 1 сотню прибов, 1 пучок калины, 1 воз лучины, 2 каллуша, 2 курицы, 24 штуки яиц, до 6 штук мотков. Примерно такого же рода барщинные и оброчные повинности существовали в остальных уездах Киевской губернии.

Изыскивая разнообразные формы и методы эксплуатации, помещики проявляли немалую изобретательность. В качестве примера можно привести имение помещиков Калантаровых, владевших селом Маслово-Жутом, в Пятигорском уезде, Ставропольской губернии.

Село Маслово-Жут насчитывало несколько тысяч жителей, в нем имелось свыше пятисот домов. Масловожутские крестьяне наряду с хлебопашеством занимались виноделием и имели большие фруктовые сады. Все отрасли хозяйства масловожутцев хищнически использовал помещик для своего обогащения.

Наряду с барщиной в имении крупную роль играл денежный оброк, собираемый Калантаровыми в рабительских размерах. Со многих семейств приходилось в год так называемого большого оброка до 300 рублей ассигнациями, и сверх того они обязаны были выполнять ряд барщинных повинностей: распахать одну десятину с последующей уборкой урожая и со свозом его на своих лошадях в господские житницы и кроме того со своих полей сдать помещику 450 мер пшеницы. Земля в калмыцкой степи, используемая крестьянами для расширения своей запашки, облагалась помещиком по 2 рубля за десятину, в то время как по закону этой землей крестьяне могли пользоваться бесплатно. Если учесть, что Калантаровы уплачивали в казну всего лишь по 8 копеек за десятину, то ясно, какой огромный барыш они противозаконно извлекали из этого источника. Занимать же землю в других местах, на стороне, помещик крестьянам запрещал.

Так называемый малооброчный крестьянин вместо условленных 4 дней работал на помещика до 6 дней и в страдную пору, в самое дорогое для крестьянина время, ездил на поля за 70 верст, отрываясь от своего хозяйства. Назначенные на барщине уроки были, даже по мнению правительственной следственной комиссии, «свыше сил человеческих».

Нарушая закон, помещики отдавали масловожутских крестьян в услужение их же односельчанам. Этот факт доказывает, что в селе Маслово-Жуте существовала значительная дифференциация среди крестьянства. Была группа богатых и зажиточных домохозяев, ведущих, по существу, торговое земледелие; в частности они сбывали на местный рынок вино и пшеницу в немалых размерах.

Помещичий гнет особенно усилился в Маслово-Жуте в начале 50-х годов. В этот период были введены многочисленные штрафы. Крестьяне были обязаны распахать не в очередь и сверх условий господскую землю, перевозить хлеб, вино, солому, сено, дерн и землю на плотину.

Характерно, что, по заверению приказчика Калантаровых, главного их доверенного лица и атамана (старосты) села Лемешко, — Степана Банкирова — штрафы натурой и отработками были введены лишь в последние годы, когда помещик начал покупать и продавать хлеб. На этом конкретном примере можно проследить, как развитие внутреннего рынка в стране заставляло помещика приспособляться к нему и усиливало крепостническую эксплуатацию. Увеличивая сбыт своего хлеба и вина, Калантаровы вместе с тем запрещали своим крестьянам сбывать хлеб на сторону и таким образом тормозили развитие товарности крестьянского хозяйства.

Перемол хлеба на посторонних, негосподских мельницах был запрещен. Крестьяне вынуждены были молоть на кабальных условиях на барской мельнице. Виноградники облагались особым налогом в пользу помещика (до 25 рублей ассигнациями). Вино запрещалось продавать в пределах своего села; крестьяне были обязаны покупать вино худшего качества по повышенной цене из помещичьих подвалов. В доходнейшую статью была превращена в Маслово-Жуте рекрутская повинность: за освобождение от нее помещик взыскивал от 300 рублей ассигнациями до 600 рублей серебром¹ с каждого семейства. За 10 лет (1842—1852) эта статья дохода дала Калантаровым свыше 7 тысяч рублей серебром. Во многих случаях крестьяне, откупившиеся

¹ Один рубль серебром равнялся 3 руб. 70 коп. ассигнациями.

от рекрутской повинности, были все же вынуждены по воле помещика ее отбывать.

Крестьянские хозяйственные принадлежности: повозки, паруса, бочки, кадки, пологи, войлоки, колеса, хомуты и тому подобные вещи—забирались на барский двор якобы для временной надобности и крестьянам уже не возвращались. Даже канцелярские расходы и жалованье служащим барской, так называемой экономической конторы ушачивались за счет крестьян. На крестьянский же счет содержались почта и сельская стража. Все это не истощивает многообразия крепостнических повинностей и поборов, изобретенных Калаштаровыми.

Имевшийся у крестьянина земельный надел не обеспечивал прожиточного минимума. По вычислениям экономиста и статистика Янсона¹, в черноземной полосе при почве, требовавшей сильного удобрения, для которого нужны были луга и выгоны, обеспечить крестьянскую семью мог надел (включая усадьбу) размером не менее 8 десятины на ревизскую душу. Фактически же в черноземных губерниях наделы были следующие: на ревизскую душу в Московской губернии приходилось пахотной земли 1,63 десятины, в Нижегородской—2,83, в Тверской—2,27, в Ярославской—2,31 и т. п.

В черноземной полосе, по Янсону, минимальный надел должен был составлять 5 десятин², фактически же в черноземных губерниях земельный надел на ревизскую душу составлял в Самарской губернии 3,68 десятины, в Саратовской—3,32, в Симбирской—2,28, в Тульской—2,33, в Курской—2 десятины. Естественно, что такие наделы не могли обеспечить крестьянину даже скудного пропитания.

Бывший крепостной крестьянин из села Великого, Ярославской губернии, вспоминает: «Простонародье северных губерний кормилось почти одним черным ржаным хлебом и серыми щами, калач почитался редким лакомством, пряник—богатым подарком. В крестьянском быту от своего скотоводства все молочные скопы, лишняя скотинка, барашки, ягнята, яйца, все продавалось по необходимости, а питались горохом, толокном да репой пареной»³.

Особенно бедственным положение крестьянства было в неурожайные годы. В первой половине XIX века—с 1802 по 1852 год—урожайных годов было 10, не-

урожайных—22 и голодных—12. В некоторых губерниях, как например в Витебской, неурожай следовал подряд 3, 4 и даже 12 лет.

«Сами помещики,—отмечал Заблоцкий-Десятовский,—сознаются, что положение крестьян бывает «чудовищно». Помещики Тульской губернии указывали, что «в голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно. Он ест всякую гадость. Жолуди, древесная кора, болотная трава, солома—все идет в пищу. Притом ему не на что купить соли. Он почти отравляется: являются страшные болезни... У женщин, пропадает молоко в груди, и грудные младенцы мрут, как мухи»⁴.

«Хищническое хозяйство самодержавия,—писал Ленин,—покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца, им же обобранного народа...» Далее, Ленин замечал: «Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирает на кормить то растение, соками которого он питается»⁵.

Попытки правительства оказать помощь крестьянству, пострадавшему от неурожая, давали ничтожные результаты. Создаваемые для помощи голодающим запасы, как правило, расхищались помещиками и к крестьянам не попадали. «Действительная борьба с голодовками,—писал Ленин,—невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без ослабления податной задушенности крестьян, без под'ема их культурного уровня, без решительного изменения их правового положения, без конфискации помещичьих земель—без революции»⁶.

Тяжесть положения крестьян усугублялась их полным бесправием перед лицом помещика. Крестьянство находилось под вечным страхом физических наказаний, систематических издевательств, отдачи в рекруты, ссылки в Сибирь, засечения до смерти. Помещик был полным властелином личности и имущества своего крестьянина.

Не было предела бессмысленной жестокости и издевательствам, творившимся помещиками над своими крепостными. Так например помещик Тамбовской губернии князь Ю. Н. Г. «приказывал иногда давать своим провинившимся крестьянам до 1 000 ударов и потом к избитым местам прикла-

⁴ Заблоцкий-Десятовский. Цит. соч., стр. 301.

⁵ Ленин. Т. V, стр. 55—56.

⁶ Ленин. Т. XV, стр. 369.

¹ Ю. Э. Янсон «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», стр. 28. СПб. 1881. Янсон исследовал крестьянское хозяйство пореформенного периода, но приводимые им данные можно применить и к крестьянским хозяйствам дореформенного периода.

² Там же, стр. 70.

³ «Русский вестник» за 1877 год. Кн. 7-я, стр. 342.

дывать шпанские мушки. А когда не хотелось ему развлекаться сечением своих крестьян, он ставил некоторых из них в маленькую башню на крыше барского дома и держал там, несмотря ни на какую погоду, по несколько суток без пищи. Желая иногда поглумиться над дворовыми, он собственными руками мазал их дегтем или смолою, мазал стариков, не щадил женщин и детей. Нередко приходила ему фантазия наказывать крестьян при более или менее торжественной обстановке. Так, однажды он созвал к себе своих крепостных девушек и в их присутствии приказал сечь одну из них, а сам в это время играл на бильярде. Сечение продолжалось целый час, и результатом его было то, что девушку немедленно после экзекуции приобщили»¹.

В имении Калантаровых наказывали розгами, кнутом или плетью. Иной раз крестьян зверски избивали кулаками и погами. В ряде случаев наказания кончались смертью избиваемых (от наказания умерли крестьяне Копуба, Бабченко, Невветаилов, крестьянка Радченко). Многим были нанесены тяжелые увечья: переломы ноги, руки и т. п. Наказания превращались иногда в массовые экзекуции. «В декабре 1850 г. в течение трех дней производилось наказание до 76 человек, кои были разделены на три части. При наказании находились: земский исправник, участковый надзиратель и помещик Герасим Калантаров»². В имениях применялись самые изощренные методы и орудия истязаний.

Одним из самых распространенных видов издевательства над личностью крепостных крестьянок была «постельная барщина», т. е. принуждение к сожителству или прямое насилие над крестьянками, в том числе и малолетними девочками. Жалобы крестьян на изнасилование женщин и растление малолетних не приводили ни к чему. В статье о положении крестьян Югозападного края во второй четверти XIX столетия³ приводится типичное заключение суда по такому делу: «Поелику помещик Н. до изнасилования и растления означенных девок не провинился и при том в поведении одобрен, то на основании 1169 ст. XV тома свода законов оставить это дело свободным; а понеже означенные девки, по удостоверению свидетельствовавшего их лекаря и собственному сознанию, лишены дев-

ства и подверглись противозаконному сожитию, то представить духовной консистории подвергнуть их духовной эпитимии».

Вплоть до отмены крепостного права сохранялась торговля крепостными крестьянами. Цена одного крепостного колебалась между 20 и 30 рублями серебром, женщины стоили и того дешевле: 15—20 рублей. Людей продавали вместе с собаками и недвижимым имуществом, оптом и в розницу. В воспоминаниях крестьянина Петровского уезда, Саратовской губернии, рассказывается: «Бывало наша барыня отберет парней да девок человек 30, мы посажаем их на тройку, да повезем на Урюпинскую ярмарку продавать. Я был в кучерах, сделаем там на ярмарке палатку, да и продаем их. Больше всего покупали армяне. Коль подойдет кто из начальства, то барыня говорила, что она отдает их в наймы. Каждый год мы возили. Уж сколько вою бывало на селе, как начнет барыня собираться в Урюпину»⁴.

Отдельные помещики превращали работорговлю в профессию. Как сообщает В. А. Шомпулев, один помещик купил близ Саратова земельный участок и «занялся тем, что завязал сношения с управляющими имениями крупных помещиков, которые в них никогда не заглядывали, и скушал крепостянский детей-сирот, выращивал их у себя и по достижении известного возраста продавал девок в замужество для крестьян, а мужчин ставил вне очереди в рекруты или представлял для заселения Сибири, за что тогда казна выдавала по 300 рублей за человека»⁵.

Нередко помещики при продаже крепостных разлучали детей с родителями, братьев с сестрами. Недаром в народной песне пелось:

«Батюшку с матушкой за Волгу везуть,
Большого-то брата в солдаты кують,
А среднего-то брата в лакеи стригуть,
А меньшого брата — в прикащики».

Ярчайшая характеристика крепостнической России была дана знаменитым русским критиком Белинским в письме к Гоголю. Россия, писал он, представляет собой «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Паланиками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского поряд-

¹ И. Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», стр. 262—263. 3-е изд. Л. 1925.

² Государственный архив внутренней политики культуры и быта. Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительной. Дело № 820, лист 14-й. 1853.

³ «Киевская старина» за 1906 год, стр. 264—265.

⁴ «Русская старина» за 1896 год. Т. XXVII, стр. 492.

⁵ «Русская старина» за август 1898 года, стр. 335.

ка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей!»¹.

Положение крестьянских масс еще более ухудшилось в результате Крымской войны, которая оказала опустошительное воздействие на всю экономику России. Ее отрицательные последствия для народного хозяйства усугублялись общим ходом социального развития России в 1850-х годах, т. е. острым кризисом крепостнической системы.

В конце войны крестьянское хозяйство, примитивное по технике и методам ведения, обрабатываемое помещиком, терпело опустошительный урон. Налоговый пресс был завышен до предела, что привело к быстрому росту недоимок: если в 1851 году числилось недоимок 110 496 тысяч рублей, то в 1854 году их сумма выросла до 135 433 тысяч, а в 1855 году—до 140 046 073 рублей.

Война вызвала мобилизацию нескольких сот тысяч новых рекрутов. Ранеными и убитыми на театре военных действий было потеряно не менее 150 тысяч человек. Если к этому добавить призыв 364 тысяч человек в морское и государственное ополчение, то получится, что в общем итоге более чем три четверти миллиона самых работоспособных членов крестьянских семей было оторвано от производительной деятельности, изъято из сельского хозяйства.

Ополченно содержалось за счет так называемых земских сборов с населения. За вычетом добровольных пожертвований это составило свыше 5 миллионов рублей. Для нужд войны из сельского хозяйства были изъяты 150 тысяч лошадей. Это не могло не отозваться на сельском хозяйстве самым отрицательным образом.

Тяжелой для крестьянства повинностью, вызванной войной, являлась «поставка обывательских подвод для войск в виде натуральной земской повинности». Повинность эта была возложена на губернии: Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Московскую, Рязанскую, Калужскую, Владимирскую, Тульскую и другие—всего на 18 губерний. Сверх того подводная повинность в особо тяжелой форме налагалась в районах, близких к театру военных действий или находившихся на пути к нему, т. е. на Украине,* в частности в Киевской и Екатеринославской губерниях.

Снабжение южной армии дровами, свечами и соломой было также отнесено на счет земских сборов, т. е. на счет крестьянского населения.

Губернаторские дописания конца 1855—начала 1856 года свидетельствуют о том, как война отозвалась на крестьянском хо-

зяйстве². По Петербургской губернии «рекрутские наборы и призыв государственного ополчения, падавшие исключительно на взрослых рабочих, уменьшили рабочие силы в сельских местностях казенных и помещичьих». Убыль эта составляла 11%. Особенно она сказалась в имениях, где крестьяне состояли на оброке. Уход работников в армию сильно уменьшил доходы крестьянской семьи, так как некому было идти на распространенные здесь отхожие промыслы. Из Псковской губернии сообщалось, что «убыль 10 926 работников в армию несомненно ощутительна в хозяйстве». В Самарской губернии «вследствие военных обстоятельств хозяйство и вообще быт крестьян последние два года пострадали». То же самое в той или иной мере отмечалось в дописаниях по Лифляндской, Эстляндской, Московской, Тверской, Ярославской, Орловской, Воронежской, Курской, Симбирской, Виленской и другим губерниям. Отрицательные последствия войны были усугублены неурожаем последних перед войной и военных лет в большинстве губерний, в частности в Орловской, Самарской, Полтавской и др., и эпидемией холеры, свирепствовавшей 2 года и унесшей многие тысячи жертв во всей России, в особенности в губерниях Петербургской, Ярославской, Орловской, Киевской и др.

Таким образом, война, оторвавшая от сельского хозяйства около миллиона самых работоспособных членов крестьянских семей, вызвавшая введение специальных военных крестьянских повинностей, чувствительно отразилась на крестьянском хозяйстве, ухудшила положение широких крестьянских масс (особенно на юге страны), довела до нищенства одних и понизила жизненный уровень других.

Первая половина XIX столетия была периодом непрерывного нарастания протеста крестьянских масс против усиления крепостнической эксплуатации. Николаевская империя выработала палаческий способ управления народом и прежде всего крестьянами. «Николай Романов I,—Николай Палкин, и Николай II—Кровавый показали русскому народу максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа»³. Но никакие экзекуции, никакие массовые порки и расстрелы не могли остановить борьбы крестьянства против крепостнического гнета. К середине XIX столетия год от году росло крестьянское движение в самых различных формах. Но далеко не полным данным ми-

² Приводим их по архивным данным, опубликованным в журнале «Архив историч. труда в России» за 1923 год. Кн. 10-я. «Сведения о положении крестьян к концу крымской войны», стр. 12—138.

³ Ленин. Т. XX, стр. 116.

¹ В. Г. Белинский «Письмо к Гоголю», стр. 11—12. Гослитиздат. 1936.

ЛЮБАРЬ ДНЯ, 1797 ГОДА, ВЪ СУББОТУ.

за Въ о части на Самопекѣ, церкви Николая Чудотворца, въ домѣ Священника у Офицера, продается горничная дѣвка, знающая черную работу. Тутъ же продаются Холмогорскія коровы степельныя и новопельныя. — 1.

17) Продается человекъ, знающій грамотѣ и чесать волосы, годной въ рекруты, съ женою, искусною прачкою, и съ сыномъ; да женщина, знающая готовить кушанье, съ дочерью видчато лица и росту, знающею шить въ тамбурѣ и ходить за Госпожею. Желающіе купить вмѣстѣ и порознь, могутъ найти у Пятницкой церкви въ домѣ Маіора Сергѣева у нанимающаго Коллежскаго Секретаря Бороздина. — 1.

Страница из газеты «Московские ведомости». 1797 год.

истерства внутренних дел, в 1826—1834 годах насчитывалось 148 случаев крестьянских волнений, в 1835—1844 годах — 216, в 1845—1854 годах — 348, в 1855—1861 годах — 474. Особенно сильно поднялось крестьянское движение в годы Крымской войны и в самом конце 50-х годов.

В 1854 году возникло массовое крестьянское движение в связи с призывом в морское ополчение.

Как только до крестьян донеслась весть об ополчении, почти во всех центральных и центрально-черноземных губерниях и частично в приволжских многотысячные крестьянские массы сотен сел и деревень пришли в движение. Крестьяне Московской, Рязанской, Тамбовской и других губерний целыми селениями бросали сельскохозяйственные работы на своих и на барских полях и большими группами шли в Москву записываться в морское ополчение. В середине июня в Москву стали прибывать сотни и даже тысячи крестьян разных губер-

ний с требованием записать их в ополчение. В донесении от 19 июня московский генерал-губернатор граф Закревский сообщил шефу жандармов А. П. Орлову о группах крестьян, прибывших из разных губерний, в том числе из Тамбовской—159, из Рязанской—10, из Пензенской—10 и т. д. С 24 июня крестьяне стали прибывать в Москву непрерывным потоком: «В Москву приходят ежедневно по Рязанскому, Владимирскому трактам для определения в морское ополчение большие партии самовольно отлучившихся из имений помещиков крестьян и дворовых людей губерний Тамбовской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской и Пензенской. 10 июня в Москве и губернии более тысячи человек лучших рабочих людей от 20 до 40 лет и по сведениям ожидается еще до 2 тысяч и более»¹.

¹ Центральный архив революции, фонд 3-го отд., 4-я эксп. 1854 г., д. 137, л. 133.

Это было движение за волю, за освобождение от крепостнического насилия. Среди крестьян в связи с царским указом от 2 апреля 1854 года распространились слухи о том, что «государь император призывает всех охотников в военную службу на время и что за это семейства их освободятся навсегда не только от крепостного состояния, но и от рекрутства и платежа казенных повинностей»¹.

Это укоренившееся в крестьянской массе толкование указа было как бы своеобразной «программой» массового, стихийного движения. Крестьянство стремилось освободиться не только от работы на помещиков, но и от ненавистной рекрутчины, от государственных податей, т. е. от всех наиболее тяжелых проявлений феодального гнета.

Движение к концу июня — началу июля приняло такой размах, что репрессии не останавливали жаждущих свободы крестьян. При попытках местной администрации (становых приставов или исправников) при помощи полицейских и военных частей останавливать вооруженные штыками, ножами и топорами крестьянские группы крестьяне во многих случаях оказывали решительное сопротивление, пуская при этом в ход оружие. В Коломенском уезде отряд тамбовских крестьян избил палками казаков и понятых. В Зарайском уезде, близ села Шурова, около переезда через Оку, палками были избиты исправник и становой пристав. В Скопинском уезде нанесены побои чиновнику, прибывшему в селение для экзекуции над крестьянами, самовольно отлучившимися для поступления в ополчение.

В 1855 году поднялась новая волна крестьянского движения в связи с формированием государственного подвижного ополчения. Особенно широкие масштабы это движение приняло в Киевской губернии, где в нем участвовало почти все крестьянство. Широкий размах движение приняло и в Воронежской губернии, где внешним поводом для него послужило прочитанное во всех церквях воззвание Синода, истолкованное крестьянами как призыв в ряды войск, за которым должно было последовать дарование царем свободы. Большими партиями двинулись крестьяне разных уездов в губернский центр для записи в ополчение. Первыми пришли 70 крестьян Бобровского уезда из имения графини Левашовой. 10 мая они были приняты губернатором, который сделал им «отеческое внушение», а пятерых «зачинщиков» приказал наказывать розгами. 11 мая в Воронеж из того же уезда, из разных поместий, пришла еще боль-

шая партия крестьян. 12 и 13 мая крестьяне продолжали прибывать из многих уездов, из имений помещиков Гулинова, Кулебакина, Ромогудского и др. Хотя все приходившие в Воронеж крестьяне после разъяснения начальства возвращались обратно, в середине мая движение охватило многие районы губернии; с особой силой оно проявилось в Бобровском, Павловском и Острогском уездах. Крестьяне прекращали барские работы, забрасывали собственную пашню и направлялись в Воронеж или же в ближайший уездный город, другие же, не покидая селений, посылали от мира ходяков с прошениями о зачислении их в ополчение. В Павловском уезде, в имениях помещиков Боровкова, Бена, Горяинова и княгини Гагариной, «крестьяне объявили себя вольными и предъявили свои права на владение всей землей, которая некогда принадлежала предкам их»².

Движение в Воронежской губернии продолжалось все лето, почти до августа, и было подавлено с помощью войск, причем в ряде мест дело дошло до вооруженного столкновения (в слободе Петровке, Павловского уезда, и др.).

После окончания Крымской войны развернулось движение за переселение в Таврию и Бессарабию. По свидетельству очевидца, «крестьяне Екатеринославского и Верхнеднепровского уездов Екатеринославской губернии и Херсонского, Бобринского, Александровского и части Елисаветградского уездов Херсонской губернии почти поголовно, со всем своим имуществом и хозяйством поднялись с насиженных своих мест и пошли за волей в Крым»³. На этот раз движение было вызвано слухами о том, что «в Перекопе в золотой палатке всем пришедшим раздадут волю, а не явившиеся или опоздавшие остаются попрежнему в панской неволе»⁴. Численность отдельных групп направлявшихся в Крым крестьян доходила до 3 тысяч человек. В районы, прилегающие к Крыму, были направлены крупные воинские части, причем во многих случаях дело доходило до вооруженного столкновения. «Вблизи имения помещика Рагули собрались сотни крестьян из Екатеринославской и Херсонской губерний, оказавших сильное сопротивление стоявшей там для запряжения роты пехоты. Зачинщики этой толпы, вооружившись дубинами, бросились было к солдатам, а некоторые схватились за штыки с намерением вырвать у солдат ружья. Видя это, командир роты приказал трубить сигналы и

² Центральный архив революции, фонд 2-го отд., 4-я эксп. 1855 г., дело 145, л. 19.

³ «Исторический вестник» за 1901 год. № 4, стр. 265.

⁴ Там же.

¹ Центральный архив революции, фонд 3-го отд., 4-я эксп. 1854 г., д. 137, л. 27.

Продажа крепостных на Нижегородской ярмарке.

© картины худ. Лебедева.

стрелять. Заспом из 8 ружей убит один из зачинщиков и трое ранено»¹.

1850-е годы были в известном смысле завершающим этапом «революции крепостных крестьян». «Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации»².

Крестьянское движение этого периода являлось антифеодальным, буржуазно-демократическим по своему объективному социальному значению. Но крестьянство не имело ясного политического сознания и по-прежнему находилось во власти «царистской» идеологии. Его борьба с помещиками принимала форму стихийных бунтов. Крестьянское движение, не имевшее руководящей центральной организации, не выработавшее четких политических требований, было обречено на неудачу. «Крестьянские восстания, — писал товарищ Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбини-

рованное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»³.

Крестьянское движение того времени и борьба Герцена, Добролюбова, Чернышевского и их сторонников были грозным для царского самодержавия предзнаменованием, признаком складывающейся в стране революционной ситуации. Господствующий дворянский класс был уже не в состоянии удержаться на прежних позициях и управлять по-старому. В России стремительно надвигался взрыв социальной борьбы. Этот взрыв был предотвращен буржуазными реформами 1860-х годов.

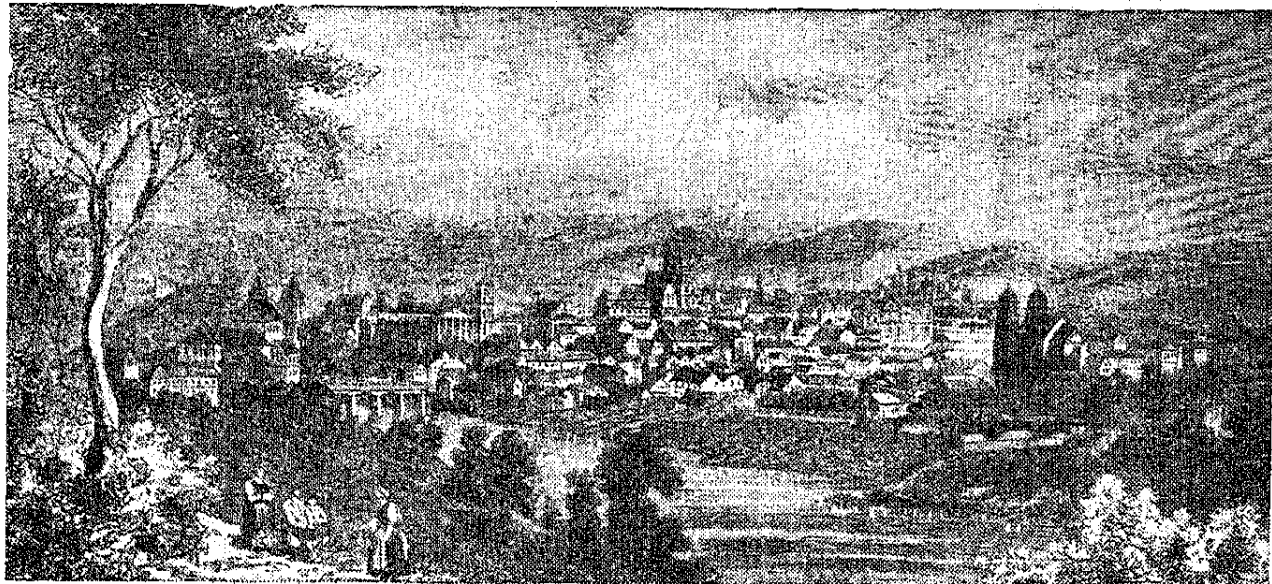
Наиболее дальновидные представители господствующего класса, да и само самодержавие ясно ощущали в 50-х годах реальную опасность крестьянского восстания.

Нараставшая борьба крестьян против помещиков и острый кризис крепостнического хозяйства заставили самодержавие отменить крепостное право. «Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право»⁴.

¹ И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 24. Партиздат. 1937.

² «История ВКП(б)», стр. 5.

ЛИТЕРАТУРА: Ленин. Т. III, стр. 139—141. «Развитие капитализма в России»; В. И. Семевский «Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века», СПб. 1888; И. И. Игнатович «Помещичья крестьяне накануне освобождения», изд. 3-е. Л. 1925; А. Д. Повалякин «Рязанские помещики и их крепостные», Рязань. 1903; В. И. Пичета «Помещичье хозяйство накануне реформы», сб. «Великая реформа», т. III, стр. 105—138. М. 1911; Д. И. Мордовцев «Накануне воли. Архивные силуэты», СПб. 1889; Е. А. Морозов «Крестьянская реформа в 1861 г.», гл. 1-я. М. 1937; М. В. Нечкина «Как жили и боролись крестьяне в крепостное время», изд. 3-е. М. 1937.

Н. Дайри

Вильнюс

(Историческая справка)

Город Вильнюс, столица Литовской Советской Социалистической Республики, — один из красивейших и интереснейших городов нашей родины. В Вильнюсе происходили многие события, сыгравшие выдающуюся роль в жизни литовского, белорусского, украинского и русского народов и очень важные для понимания истории СССР. История Вильнюса дает нам яркие доказательства тесной связи культуры и жизненных интересов литовского народа с культурой и жизнью белорусского, украинского и русского народов. Исторически сложившиеся симпатия и дружба между литовским, русским, белорусским и украинским народами с необычайной и волнующей силой проявились теперь, когда Советский Союз помог литовскому народу совершить бескровную социалистическую революцию и принял в свой состав Литву как союзную советскую республику.

1

О времени основания и основателях Вильнюса точных данных нет. Существует предание, что город возник после того, как великий князь литовский Гедимин в 1323 году основал замок при впадении реки Вилейки в реку Вилию и перенес сюда столицу из Троки. В действительности город Вильнюс существовал задолго до 1323

¹ Когда речь идет о времени до 1939 года, город называется Вильно. В тех местах, где излагаются события 1939 года и позднейшие, город называется Вильнюс.

года. Это неоспоримо доказывается рядом источников.

Так, знаменитый исландский писатель Снорре-Стурлусон (1179—1241), посетивший Литву, упоминает о Вильно. Русская летопись указывает, что во время похода киевского князя Мстислава Владимировича на Полоцкое княжество в 1128 году «Вильняне взяли себе из Царяграда князя Полотцкого Ростислава Рогволодовича детей, Давида князя да брата его...». Таким образом основание Вильно можно отнести к X—XI векам. Гедимин в уже существующем городе построил два замка, развалины которых сохранились доныне, и перенес сюда столицу. Неприступные Троки (они состояли из великолепного замка на острове среди озера Гальва и из замка и города на узком полуострове, вдававшемся в озеро) не годились больше для великокняжеской столицы расширившегося и укрепившегося Литовского государства. В то же время Вильно был удобен для обороны и расположен на важных торговых дорогах и судоходной реке, соединенной через Неман с морем. Город уже был религиозным центром страны: здесь было построено большое капище с идолом главного бога Перкуна и находилась резиденция главного жреца — криве-кривейте. О значительной роли Вильно в торговле говорит тот факт, что в 1306 году русские купцы имели в нем гостинный двор, а через десять лет — уже второй.

Древний Вильно населяли литовцы и русские, причем по численности русские

Древний герб города Вильно.

не уступали литовцам. Такой смешанный состав населения объясняется особым положением города между литовскими и восточнославянскими племенами. Среднее течение Вилии, где расположен Вильно, было как раз границей между Литвой, дреговичами и полочанами. Раскопки Виленского городища показали, что основателями города нужно признать славян. Это был, вероятно, крайний пункт славянской колонизации на Вилии.

Причиной смешанного состава населения в Вильно были также давние торговые связи между литовцами и полочанами и частое передвижение населения в этой пограничной полосе. Дальнейший рост Литовского княжества не только не ослабил, но еще более усилил русский характер Вильно, так как этот рост происходил за счет земель распавшейся империи Рюриковичей. Уже основатель Литовского государства Миндовг (умер в 1263 году) подчинил Полоцкое княжество, Гедимин (1316—1341), Ольгерд (1345—1377) и Витовт (умер в 1430 году) присоединили княжества Волыньское, Пинско-Туровское, Черниговское, Киевское, Смоленское — границы Литвы продвинулись до реки Угры. Присоединить такие обширные земли литовским великим князьям удалось потому, что в Литве уже к началу XIV века сложилась довольно сильная центральная власть, в то время как для русских земель в этот период были характерны феодальная раздробленность и междоусобицы, мешавшие русским успешно обороняться от татар. Кровавое монгольское иго было тогда для русского народа главной опасностью.

Русская народность стала преобладающей в Литовском государстве, а русская культура, как более высокая, оказала ог-

ромное влияние на литовцев и Литовское государство. Русский язык стал государственным языком Литвы еще в XIII веке. На нем писались великокняжеские грамоты, издавались судебники и записывались судебные решения. Сами литовские судебники сложились на основе «Русской Правды». Русские обучали литовцев строительному и военному делу.

В середине XIV века Вильно выглядел следующим образом: «На одной из высоких гор, окружающих р. Вилейку при впадении ее в Вилию, стоял величественный каменный замок, сильно укрепленный, с тремя башнями и высоким валом... У подошвы горы тянулся нижний замок, называемый Кривым градом. Вблизи, между Вилиею и Вилейкою, долина Свиного рога, покрытая величественным дубовым лесом; на ней стоял деревянный языческий храм... Великокняжеский дворец состоял из нескольких зданий. Весь же Кривой град окружен был высоким частоколом, и кроме того его обмывали воды с одной стороны р. Вильно, а с другой — канала, устроенного еще Гедимином»¹.

При великом князе Ягайло начались rokovые для литовской столицы события. Многие причины: стремление Ягайло укрепить свою власть в Литве, стремление поляков овладеть Волынью, а главное, необходимость обороняться против наступления Тевтонского ордена — привели к унии 1385 года, которая положила начало объединению Польши и Литвы. Ягайло принял польскую корону, перешел в католичество, обязался крестить литовцев и присоединить подвластные ему земли к Польше.

В 1387 году Ягайло явился в Вильно с большой свитой поляков и католических попов. Были уничтожены языческие священные рощи, капища, идолы; литовцев стогнали в толпы и крестили.

С этого момента Вильно стал опорным центром ополячивания Литвы, причем самым сильным орудием ополячивания была католическая церковь. В Вильно обосновался польский гарнизон; появились первые княжеские грамоты на латинском языке. На месте главного капища был заложен католический собор (отметим, что в это время в городе уже существовали две православные церкви: Николая Чудотворца и Пятницкая).

По мере роста и укрепления Литвы рос и Вильно, но рост этот был довольно медленным до разгрома Тевтонского ордена при Грюнвальде в 1410 году. До своего поражения немецкие рыцари несколько раз осаждали Вильно (в 1390, 1394 и 1402 годах). В 1390 году они даже взя-

¹ Киркор «Историко-статистические очерки г. Вильно», стр. 22—23. Вильно. 1858.

ли Кривой Город. Господство ордена на устьях Немана и Западной Двины чрезвычайно тяжело отражалось на торговле виленских купцов: в лучшем случае они платили ордену непомерные пошлины, а в худшем — их просто грабили. Торговля сильно оживилась после договоров 1415 и 1424 годов, когда литовские купцы получили право свободного провоза товаров в порты Балтийского моря через земли Ордена.

В XV—XVI веках Вильно быстро рос и богател, приобретая облик столичного города. В нем появились многочисленные богатые дворцы: Радзивиллов, Острожских, Сапег, Ходкевичей, Слуцких, Пацев, Тышкевичей и других магнатов. Виленское купечество, обслуживавшее потребности великокняжеского двора и магнатов, было многочисленно и богато. Еще в 1387 году Ягайло дал городу самоуправление по так называемому Мардебургскому праву. В 1432 году виленские купцы были освобождены от налогов на территории Литовского княжества, а в 1502 году они получили право беспошлинной торговли и в Польше.

Эти и другие великокняжеские и королевские грамоты поставили виленских купцов в привилегированное положение по сравнению с купцами других городов. Наиболее оживленную торговлю Вильно вел с Московским государством, Пруссией и Польшей. Кроме того он имел довольно постоянные торговые связи и с более отдаленными странами: Крымом, Венгрией, Силезией, Англией и Голландией.

Богатство города характеризуется следующими данными: в 1529 году Вильно платил 1500 коп грошей¹ серебрины (налога), в то время как Ковно платил 300 коп, а Гродно — 180 коп.

Постоянные войны Литвы с Московским государством заставили виленцев обнести город стеной. Она была окончена в самом начале XVI века и имела пять ворот: Вилейские, Трокские, Рудницкие, Медницкие, или Остробрамские, и Спасские.

Существуют чрезвычайно любопытные описания Вильно, а также и план города, составленные путешественником Брауном, посетившим литовскую столицу в начале XVI века:

«Вильна... город... очень многолюдный и обширный. Дома в Вильне вообще деревянные, тесные, отдельных комнат, кухни, двора для скота при них нет. Дома разбросаны и построены без порядка, исключая некоторых известных в городе улиц... В Вильне много храмов каменных, а некоторые деревянные... Весьма хорош

¹ Копя литовских грошей оценивалась в России в разное время от 50 копеек до 1 рубля 70 копеек.

Бернардинский монастырь из тесаного камня, отличающийся изящною архитектурю. Также весьма хорош двор русских, на котором они складывают свои товары, привезенные из Москвы, именно: меха волчьи, лисьи, по преимуществу белых лисиц, куниц, соболей, горностаев...»². Браун отмечал чрезвычайную грязь в домах и наличие курных изб.

Неблагоустроенность города и преобладание деревянных построек вызывали частые пожары и эпидемии. Так, в 1530 году две трети города было уничтожено пожаром, а через три года значительная часть его населения вымерла от холеры.

2

XVI и XVII века ознаменовались для Вильно особенно жестокой классовой борьбой.

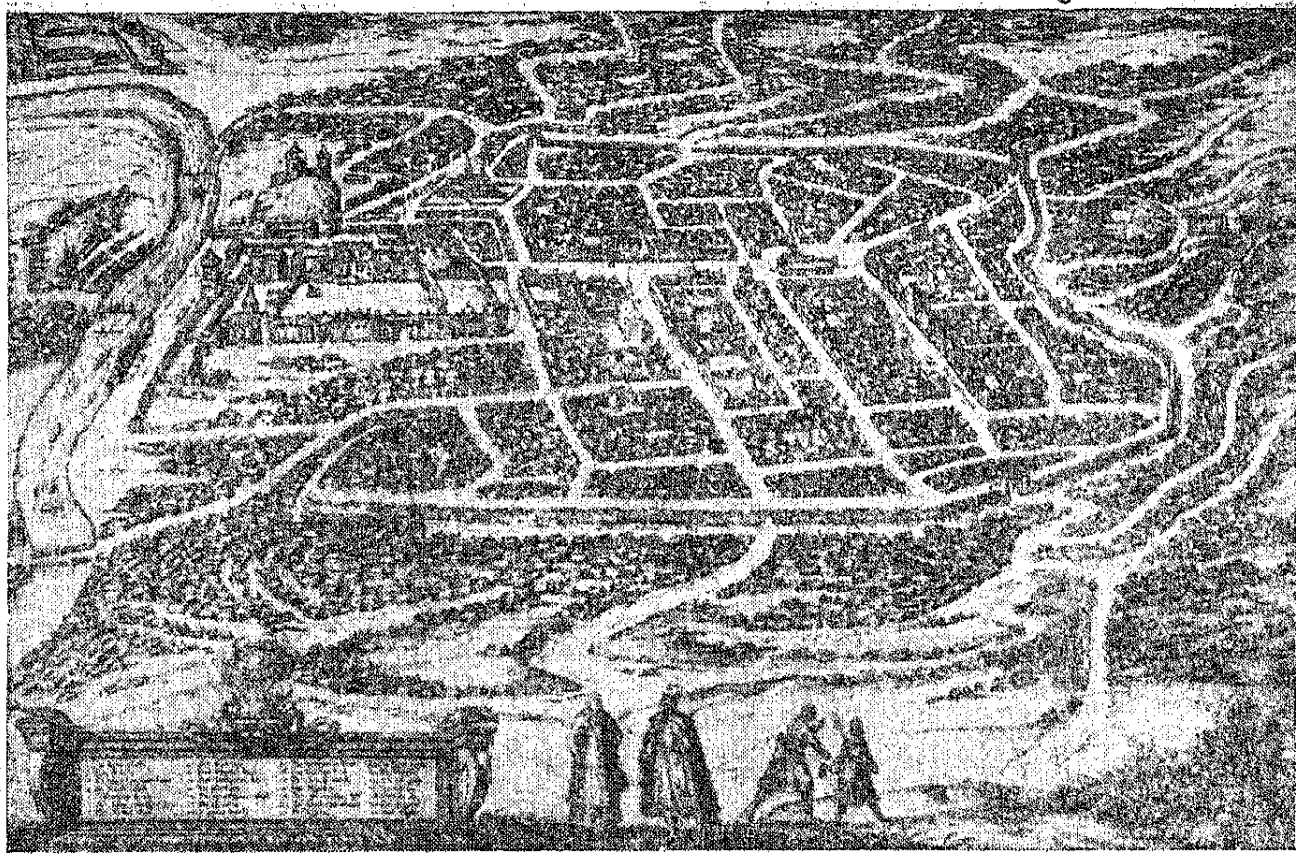
Польские магнаты и шляхта, стремившиеся укрепить свое влияние в Литве и овладеть украинскими землями, добились в 1569 году так называемой Люблинской унии, по которой Литва и Польша объединялись в одно государство — Речь Посполитую. Уния увеличивала права литовской шляхты и облегчала ей борьбу против Ивана IV Грозного в Ливонской войне. При этом Литва заняла в новом государстве подчиненное положение, а украинские земли (Волинь, Киевщина, Подолье, Подлясье), принадлежавшие ранее Литве, перешли теперь к Польше. Последовавшая вскоре Брестская религиозная уния (1596), т. е. объединение православной церкви с католической, должна была, по мысли польских панов, довершить колонизацию и окончательно уничтожить литовскую, белорусскую и украинскую культуры³. Начинается и постепенно усиливается преследование белорусской и украинской культуры и православия.

Классовая борьба в Литве и Белоруссии тесно переплеталась с борьбой национальной и религиозной. Это объясняется тем, что белорусскому и литовскому православному, особенно эксплуатируемому населению противостояло польское или ополячившееся католическое панство.

В середине XVI века в Вильно большинство населения составляли белоруссы.

² «Памятники русской старины в Западных губерниях империи, издаваемые П. Н. Батюшковым». Вып. 6-й, стр. 115—116, СПб. 1872.

³ XV—XVI века являются периодом формирования белорусского и украинского народов, — следовательно, для XIII—XIV веков следует говорить о русском языке и культуре в Литве, а после XIV века — о белорусском и украинском языках, о белорусском и украинском народах.

Общий вид города Вильно.

С гравюры XVI века.

Это подтверждается следующим интересным документом. В 1536 году Сигизмунд I, утверждая специальной грамотой покупку земли городом у епископа, писал: «На штож (т. е. на покупку.— Н. Д.) княз бискуп и лист свои записаныи полатине писаныи под печатью своею и сподписю руки своео дал... Мы же для певности по руски выложивши слово от слова всео наш лист казали вписати»¹.

Таким образом, латинскую грамоту для «певности» (точности, верности) перевели на язык, понятный городскому населению, то есть белорусский. Характерно и то, что Сигизмунд вынужден был предоставить православному, то есть в основном белорусскому, населению право занять половину мест в городской раде.

Для борьбы против наступления католицизма и польского панства белорусское православное население Вильно создало братства². В XVI веке их уже было четыре. Наибольшее значение имело братство Троицкое, которое после захвата Троиц-

кой церкви униатами перешло в Святодуховский монастырь и называлось его именем.

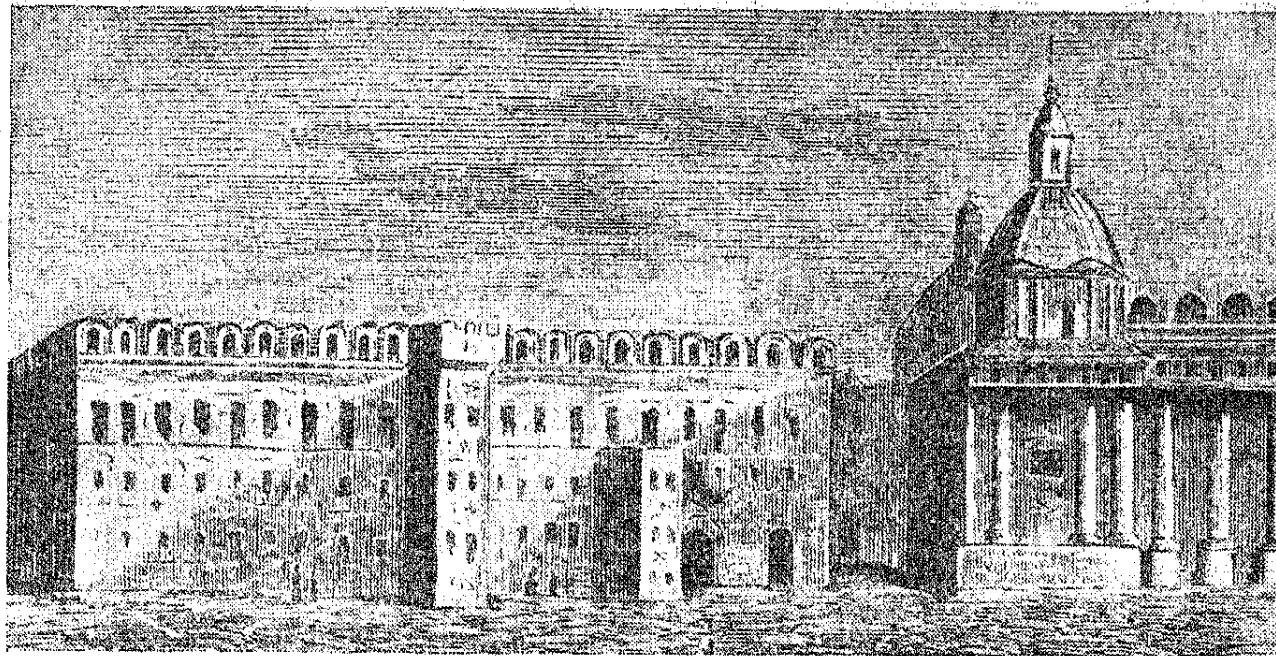
В середине XVI века в Вильно распространились реформатские учения. Образовались общины лютеран и кальвинистов. Лютеранство было особенно популярно среди городской плебейской массы. В кальвинистскую же общину входили крупные феодалы, в том числе и из рода Радзивиллов. Кальвинизм был для литовских магнатов орудием борьбы с политическим влиянием католической церкви и средством захвата церковных земель.

В борьбе против католицизма и польского панства крепло национальное единство белорусского народа. Большую роль в развитии белорусской культуры сыграла издательская деятельность братств, в результате которой Вильно стал одним из крупнейших в Европе центров книгопечатания. Здесь в 1525 году Франциск Скорина, белорусский ученый, напечатал одну из первых белорусских книг — «Апостол».

Здесь русский первопечатник Мстиславец, ближайший сотрудник Ивана Федорова, вынужденный бежать из Москвы, в 1575 году напечатал евангелие, а в 1576 году — псалтырь. В Вильно с 1525 по 1632 год было издано свыше 60 книг, а по всей Литве — около 150 белорусских книг.

¹ «Собрание древних грамот и актов г. Вильны и других», стр. 48. Вильно. 1843.

² Братства на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII века — объединения прихожан, заботившиеся о содержании городских церквей. Братства сыграли известную роль в борьбе украинского и белорусского народов против польского владычества.

Замок литовских князей.

С гравюры XIX века.

Для укрепления своего влияния католическая церковь послала в Вильню иезуитов. Они появились там в 1569 году. Через некоторое время в Вильню прибыл лучший проповедник ордена — знаменитый Петр Скарга. Он был назначен ректором иезуитской академии, в которую при Стефане Батории была преобразована виленская иезуитская коллегия.

Результаты деятельности иезуитов быстро оказались: академия заполнилась шляхетской молодежью, в католичество перешли все дети протестантского вельды Николая Черного, Радзивилл, Ходкевич, Сапега и другие магнаты, в чьих руках находилась власть в Литве. В иезуитской академии обучался Ян-Карл Ходкевич, разгромленный Пожарским под Москвой в 1612 году.

В конце XVI и начале XVII века преследования православного белорусского населения в Вильню чрезвычайно усилились. Белоруссов стали вытеснять из магистрата. Учащиеся иезуитской академии громили православные церкви и типографии, избивали и убивали деятелей братств и православных духовных лиц. Православные святые подвергались надругательствам. Тела умерших православных вывозились «в те ворота, в которые вывозят одну нечистоту городскую». В 1609 году униатский епископ Потей отобрал в Вильню у православных 17 церквей и передал их униатам. Литовский магнат Сапега в 1622 году вынужден был указать в письме полоцкому униатскому епископу Кунцевичу на недопустимость многих мер насилия над православными, на опасность грядущего «всеистребительного пожара»,

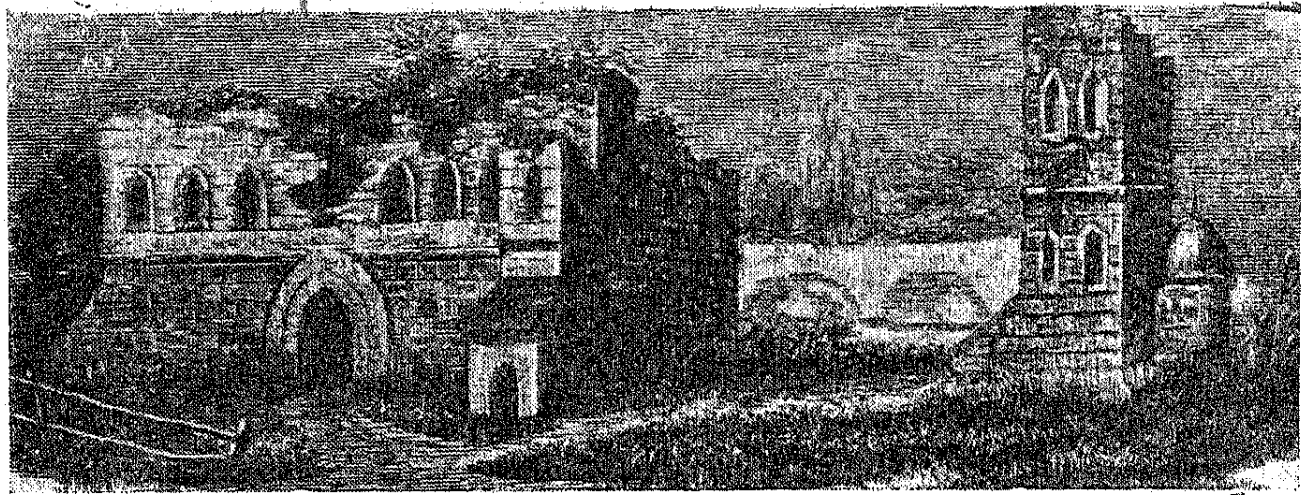
на связь виленского братства с запорожским казачеством¹.

Действительно, «всеистребительный пожар» был не за горами. Резко усилившаяся эксплуатация крестьян в XVI—XVII веках, их закрепощение, порабощение Украины, перешедшей под власть Польши, — все это вызвало национально-освободительную борьбу украинского и белорусского народов в 1648—1654 годах и присоединение Украины к Московскому государству (1654 г.). В событиях 1648—1654 годов город Вильню не играл активной роли. Зато он был одним из главных центров борьбы между Польшей и Московским государством из-за Украины. 29 июля 1654 года войска князя Черкасского и казацкого полковника Золотаренко взяли город. 31 июля сюда прибыл царь Алексей Михайлович. Сами иезуиты писали впоследствии: «Виленьские схизматики (православные. — Н. Д.) вместе со своим духовенством встретили тогда вступающего в город врата Московского духовными песнями, крестами и хлебом, как защитника православной веры»².

Русские войска обороняли Вильню 7 лет, сначала под командованием князя Шаховского, потом — Долгорукого и наконец, — Мышецкого. Отрезанный от России, Мышецкий 17 месяцев выдерживал осаду. Его гарнизон таял, но не сдавался. Измучивших о сдаче, расстреливали из пушек. В ноябре 1661 года у Мышецкого осталось от полтораты-

¹ Казаки действительно вступились за преследуемое виленское братство и его талантливого деятеля — Смотрицкого.

² «Памятники русской старины...» Вып. 6-й, стр. 80.

Развалины каплица в предместье Вильно — Антоколе.

С гравюры XIX века.

сячного гарнизона 78 человек. Узнав о готовящемся приступе, воевода приказал заложить под замок 10 бочек с порохом. Но взрыва не произошло: группа изменников схватила Мышецкого и выдала его полякам. Гордый воевода не только не пожелал просить милости у Сигизмунда, но даже не поклонился ему, за что поплатился головой.

Город через некоторое время отстроился, но уже не достиг прежнего благосостояния. Вильно в это время фактически уже не являлся столицей Литвы, так как литовские воеводства были почти самостоятельны и сносились только с Варшавой.

После польско-московской войны на белорусское население обрушились новые преследования: православных изгоняли из магистрата, их не допускали в ремесленные цехи. Видных деятелей виленских братств арестовывали и судили. Деятельность братств замирала.

Общий упадок ремесла и сельского хозяйства в Речи Посполитой в XVII веке, вызванный чрезмерной эксплуатацией крестьян, гибельно отразился на ремесле и торговле Вильно. Северная война нанесла городу новый удар.

Несколько раз с 1702 по 1708 год занимали Вильно шведы, получали огромные контрибуции, грабили и разоряли жителей. Три раза занимали Вильно русские войска, причем два раза здесь был Петр I.

Разорение города было довершено междоусобной борьбой шляхты, голодом 1709—1710 года и ужасными пожарами 1706, 1715, 1737, 1741, 1748 и 1749 годов, во время которых каждый раз выгорала значительная часть города.

Глубокий внутренний кризис Речи Посполитой, вызванный острейшими классовыми и национальными противоречиями, привел к ее крушению. По третьему разделу Польши (1795 г.) Вильно вошел в со-

став Российской империи. Он стал центром Виленской губернии, которой управлял генерал Торماسов. В 1800—1810 годах виленским генерал-губернатором был Кутузов — герой Отечественной войны.

3

В событиях 1812 года ни один из городов французского тыла не играл столь важной роли и не был свидетелем таких трагических событий, как Вильно. Виленцы первые увидели торжествующего Наполеона, находившегося на вершине славы и могущества, и они же первые узнали о его бегстве из армии. На их глазах, в их городе и вокруг него, были добиты последние, жалкие остатки великой армии.

Накануне вторжения Наполеона близ Вильно, по реке Неману, расположилась армия Барклая де Толли. В апреле 1812 года в Вильно прибыл Александр I. Он осматривал войска и, желая привлечь на свою сторону польское и литовское дворянство, расточал ласки, устраивал балы и празднества.

Здесь во время блестящего бала стало известно о вторжении французов в ночь на 24 июня. Отсюда, из дома графа Паца, Александр отправил Балашова для переговоров с Наполеоном.

С утра 27 июня через город от Погулянок на Антоколь потянулись войска 3-го и 4-го русских корпусов. Сначала шли обозы, за ними артиллерия и потом пехота. К вечеру войска проходили ускоренным шагом: на холмах за городом показались разезды неприятеля. Настала ночь, но никто не дожидаясь спать. 28 июня после нескольких незначительных кавалерийских схваток французы заняли город. По приказанию Наполеона первым вступил в город 8-й уланский полк, сформирован-

Отступление французских войск через Вильно в 1812 году.

О рисунка Даниэля. Государственный Исторический музей.

ный из поляков, во главе с Доминишом Радзивиллом, потомком знаменитейших литовских магнатов. Часть жителей, надеявшаяся на создание самостоятельного Литовского княжества, восторженно приветствовала Наполеона. Он расположился в доме Паца и здесь принял Балашова в том же самом кабинете, откуда его отправлял Александр.

В Вильно Наполеон прожил до 16 июля, энергично превращая город в опорный пункт великой армии как в политическом, так и в военно-хозяйственном отношении.

Наполеон, желая вовлечь Литву в войну против России, объявил о создании великого княжества Литовского. В Вильно, столице княжества, было создано временное правительство. Председателем комиссии временного правительства был назначен граф Гогендорф, он же был генерал-губернатором Литвы; заместителем председателя комиссии был барон Биньон, он же правительственный комиссар; членами комиссии — крупнейшие магнаты, руководившие отдельными ведомствами: граф Шрозоровский, граф Потоцкий, князь Сапега и др. Высшая власть принадлежала министру иностранных дел Наполеона герцогу Бассамо. Вскоре в Вильно появились дипломатические представители европейских держав при Наполеоне.

Город был превращен в важнейшую военную базу великой армии: через Вильно

осуществлялась связь с тылом, шли подкрепления и обозы со снарядами; через порты и реки балтийского бассейна направлялись в Вильно продовольствие и обмундирование; здесь были устроены огромные госпитали, склады обмундирования и продовольствия, по крайней мере на 100 тысяч человек; здесь начала формироваться литовская армия: гвардейский полк, 5 полков пехотных и 4 кавалерийских.

Но Наполеон не получил в Литве сколько-нибудь широкой поддержки. Напрасно редактор «Литовского курьера» Данилович призывал народ «встать под испытанные знамена, которые несут потомки Ходкевичей, Сапег и Радзивиллов». Литовский народ не пошел за союзниками Наполеона, проклятой памяти Ходкевичами и Радзивиллами. К сентябрю в гвардейский дворянский полк записалось только 30 дворян (набор в этот полк был добровольный). Остальные 9 полков комплектовались путем насильственного набора крепостных крестьян, но они так и не успели превратиться в боевую силу. Гогендорф в воспоминаниях жаловался, что в эти полки «помещики, естественно, сдавали худших из своих людей», «отбросы»¹.

¹ Военский «Вильна в 1812 году. Из воспоминаний Гогендорна», стр. 18. СПб. 1912.

Литовские и белорусские крестьяне активно выступали против завоевателей, которые поддерживали помещиков и несли народу новое порабощение, новый гнет. Народная война, на которую вместе с русским крестьянством поднялись белорусские и литовские крестьяне, явилась одной из главных причин поражения Наполеона.

В октябре—ноябре стали приходить в Вильно вести, одна тревожнее другой: о том, что великая армия отступает и окружена Чичаговым и Витгенштейном, о приближении казаков к городу. Никто в городе, однако, не знал истинного положения дел. Наконец, Гогендорп получил приказ выехать навстречу Наполеону в местечко Сморгонь, в 70 километрах от Вильно.

«По мере приближения к Сморгоням, — писал Гогендорп, — мне стали попадаться вереницы людей, шедших в Вильно. Это была беспорядочная смесь всех родов оружия, всех чинов, шедших без всякого строя, толпа людей мрачных, молчаливых... Многие из них внезапно падали навзничь... большая часть оставалась лежать и умирала в конвульсивных движениях. Почти все побросали свое оружие и были в самых разнообразных костюмах: женских кофтах, шубах, пелеринах, большинство в рваных лохмотьях...»¹.

Наполеон выслушал рапорт Гогендорпа о больших запасах продовольствия и одежды в Вильно и, к изумлению генерал-губернатора, сообщил ему о своем намерении оставить армию.

5 декабря Наполеон тайком в'ехал в Вильно, переменял лошадей в трактире на Ковенском тракте и помчался дальше. В городе началась паника. Герцог Бассано со своей канцелярией, иностранные представители при Наполеоне, все члены временного литовского правительства, все местные власти, мэр города, большинство членов виленского муниципалитета, — все это исчезло во мгноление ока, как по волшебству.

Через некоторое время в город ворвались остатки армии, до 60 тысяч человек. По городу были развешаны огромные объявления о месте расположения каждой части, но на них не обращали никакого внимания. Генералы, офицеры и солдаты силой врываются в первые попавшиеся дома, отыскивали наиболее теплые комнаты, в которых ложились, и требовали пищи. На совещание, созванное Мюратом, из 100 генералов явилось только 10, остальные отказались подчиниться приказу. Армии больше не было: она превратилась в беспорядочную толпу.

Напрасно маршал Ней пытался организовать оборону города: передовые части русских войск легко сломали сопротивление горстки французов, и остатки великой армии побежали на Ковно. При под'еме на обледеневшие Понарские холмы, в семи километрах за Вильно, их шастит Платов и отнял всю артиллерию и обоз.

Десятки тысяч трупов лежали в городе, его предместьях, на дорогах. От Сморгони до Вильно погибло 20 тысяч человек, у Понарских высот—10 тысяч. В самом городе около 10 тысяч человек умерло и свыше 15 тысяч было взято в плен, в том числе 7 генералов и 242 офицера. В городе были найдены 40 орудий и около 20 тысяч четвертей зерна и муки.

В середине декабря в Вильно прибыл Кутузов. Город торжественно встречал великого народного героя.

4

Литовский народ, жестоко угнетавшийся царским самодержавием, на протяжении XIX века совместно с польским и белорусским народами вел национально-освободительную борьбу против царизма. Два раза (в 1830 и 1863 годах) эта борьба приводила к вооруженному восстанию, и Вильно играл в этих восстаниях значительную роль.

В Виленском университете образовались кружки польской и литовской патристической и демократической молодежи, стремившейся к созданию независимых Польши и Литвы.

Вильно и его университет были центром культурной и общественной жизни Литвы. Здесь в течение многих лет читал лекции знаменитый польский историк Иоахим Лелевель (1786—1861), революционер-демократ, который был одним из руководителей восстания 1830—1832 годов в Польше и требовал освобождения крестьян и наделения их землей. В университете учился и руководил революционными кружками Адам Мицкевич (1798—1855), великий польский поэт, автор «Конрада Валленрода» и «Пана Тадеуша». В Вильно проходила деятельность известного польского писателя Крашевского (1812—1887), который издал здесь около половины своих произведений. В частности ему принадлежит четырехтомная «История г. Вильно». В Вильно же было сосредоточено издание документальных материалов по истории города и Литвы.

Восстание 1830 года в Литве против царизма подготовлял Виленский центральный революционный комитет. Восстание это было подавлено, и город остался в руках царских властей. Борьба на селе не приняла массового, народного характера.

¹ Военский «Вильна в 1812 году...», стр. 24.

После жестокого подавления восстания в Литве царизм поспешил расправиться с Виленским университетом: указом Николая I он был закрыт 1 мая 1832 года.

Восстание 1863 года в отличие от восстания 1830 года было широким народным движением. Это объясняется тем, что национально-освободительное движение в Литве и Белоруссии совпало по времени с реформой 1861 года в России, обрабывшей крестьян, и переплеталось с аграрным крестьянским движением. «Литовское движение,—писал Энгельс Марксу о восстании 1863 года,—сейчас самое важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессовой Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер»¹.

Восстание подготовлял так называемый Литовский комитет, находившийся в Вильно. В 1862 году в состав этого комитета вошел Константин (Кастусь) Калиновский, посланный в Вильно польско-литовской революционной организацией из Петербурга. Калиновский был сыном мелкопоместного дворянина, жившего близ Свислочи, в Гродненской губернии. В годы учения на юридическом факультете Петербургского университета Калиновский был тесно связан с русским революционно-демократическим движением. Воспитанный на идеях герценовского «Колокола», он принадлежал к партии «красных», то есть к левому революционно-демократическому крылу польско-литовских революционеров, которое борьбу за независимость Польши, Литвы и Белоруссии связывало с борьбой крестьянства за землю.

Движение за независимость Польши в январе 1863 года выросло в восстание. К весне 1863 года восстанием были охвачены вся Литва и часть Белоруссии. Вильно, как и в 1830 году, остался в руках царских войск, но в нем активно работал «Жонд» — так называлось литовское повстанческое правительство, — и каждую минуту можно было ожидать вооруженного восстания, а в окрестностях города действовало множество мелких и крупных повстанческих отрядов. Сигизмунд Сераковский собрал крестьянский отряд в несколько тысяч человек.

Для подавления восстания в Вильно был назначен на правах генерал-губернатора шести губерний с неограниченными полномочиями один из кровавых сатрапов царя — М. Н. Муравьев. Он был братом декабриста Муравьева и цинично заявил о себе: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают». Он вошел в историю как Муравьев-Вешатель.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 142.

13 мая 1863 года в Динабурге, по дороге в Вильно, Муравьев утвердил смертный приговор над повстанцем Плятером. В Вильно Муравьев прибыл 14 мая, а 20 мая состоялась публичная казнь ксендза Ишоры, виновного в распространении революционного воззвания. Очевидец так описывает казнь: «Впереди ехал жандарм и казаки; далее, окруженный солдатами, бодро шел высокий, молодой ксендз, приятной наружности; рожки уныло играли; рядом с осужденным шел духовник, а за процессиею и вокруг нее кипела необозримая толпа народа. Женщины все еще были в черном и громко рыдали. Поляки не хотели верить, что правительство намерено казнить и даже самого Ишору уверяли, говорят, в том, что казнь будет лишь примерная. Но когда раздался залп, ужас был общий»².

Через два дня были расстреляны ксендз Земацкий и шляхтич Ляскович. Затем были публично казнены взятые в плен руководители крупного повстанческого отряда — Сераковский и Колышко.

Муравьев-Вешатель обрушил на подчиненные ему город и шесть губерний ужасающий террор. Муравьев приказал: 1) членов повстанческих отрядов расстреливать на месте без суда; 2) уничтожать помещичьи имения, служившие базами для повстанцев; 3) штрафовать села, если близ них (10—15 километров) находились повстанческие отряды, но об этом не доносилось властям; 4) выслать в Сибирь всех уличенных в связях с повстанцами.

Напуганная террором дворянская партия «белых», противница передачи земли крестьянам, заколебалась. Шляхта стала «padac' do nog» («падать к ногам») царя. Предводитель виленского дворянства Домейко собрал многочисленные подписи предателей-шляхтичей под адресом царю с просьбой о прощении.

В эту трудную минуту во главе виленского «Жонда» стал Калиновский, объявивший себя диктатором Литвы и Белоруссии. Революционное правительство было реорганизовано и стало деятельно укреплять подпольные революционные организации. «Этот замечательный человек несмотря на свою типичную физиономию, известную всем, даже сыскной полиции, жил в Вильно совершенно открыто; он постоянно гулял в саду, обедал в ресторанах, и никто из административных лиц не замечал его. Если бы он хотел бежать из Вильно и скрыться, то мог бы сделать это по крайней мере раз двадцать»³.

² А. Н. Мосолов «Виленские очерки», стр. 28. СПб. 1893.

³ П. Ф. Брянцев «Польский мятеж 1863 г.», стр. 222. Вильно. 1892.

Но Калиновский и не думал бежать. Он организовал издание воззваний, выпускал газету «Мужицкая правда» на белорусском языке, где призывал крестьян бороться за землю. Вышло не менее семи номеров «Мужицкой правды», подписанной «Ясько, господарь с под Вильни».

Калиновский был неуловим для полиции, хотя присутствие его всюду ощущалось. Лишь через полгода он был арестован в результате предательства одного шляхтича, члена повстанческой организации Минской губернии. Предатель указал адрес Калиновского и его псевдоним — «Витольд Витоженц».

После ареста Калиновского (ночью 7 января 1864 года) революционная организация была окончательно разгромлена. Террор и демагогическая аграрная политика царизма в Литве (некоторое «исправление» реформы в пользу крестьян) привели к упадку крестьянского движения. Восстание было подавлено.

Калиновский отказался от показаний. Больше месяца царские палачи напрасно пытались получить от него какие-либо сведения. Он был приговорен к повешению.

Казнь совершилась 10 марта 1864 года. «Было ясное холодное утро; Калиновский шел на казнь смело; придя на площадь, он встал прямо лицом к виселице и лишь по временам кидал взоры в далекую толпу. Когда ему читали конфирмацию, он стал было делать замечания; когда назвали его имя: дворянин Викентий Калиновский, он воскликнул: «У нас нет дворян, все равны!»¹

Перед смертью Калиновский написал два письма, причем одно из них — белорусскому народу. Несокрушимой верой в победу народного дела веет от этих писем, написанных под виселицей. «Воюй, народ, за свое человеческое и народное право, за свою веру, за землю свою родную!»² — писал Калиновский.

5

Большие изменения в жизни Вильно внесло развитие капитализма в России. В 1858 году начала строиться прошедшая через Вильно железная дорога из Петербурга в Варшаву. Вильно стал важнейшим транзитным пунктом товарооборота между Россией и Польшей. По Вилии и Неману отправлялись за границу большие партии хлеба и леса. В городе развилась кожевенная, деревообделочная, швейная промышленность; преобладали мелкие предприятия и

кустари. Население, по переписи 1875 года, составляло 82 тысячи человек. Национальный состав населения к тому времени существенно изменился: около 50% составляли евреи, за ними следовали поляки и белоруссы, затем — русские и литовцы. Царская статистика не позволяла точно установить национальный состав населения города³.

Рабочие Вильно одними из первых в России начали революционную борьбу против царизма. Уже в 80-х годах в Вильно существовала социал-демократическая группа, которая в дальнейшем установила связь с рабочими организациями Петербурга, Москвы и Киева. В 90-х годах при посредстве Виленской социал-демократической организации переправлялась в Россию нелегальная литература из-за границы. В 1 мая 1894 года виленские социал-демократы выпустили листовки. В 1895 году в Вильно состоялся съезд, на котором образовалась Литовская социал-демократическая партия. В Вильно работали некоторое время выдающийся деятель большевистской партии Ф. Э. Дзержинский и видный германский социал-демократ Лео Йогихес (Тышко).

Среди виленского населения было много мелкобуржуазных, националистически настроенных элементов. Это привело к раздроблению рабочего движения и образованию ряда национальных организаций. В 1896 году образовалась Литовская социал-демократическая партия, в 1897 году — Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России»). Имелась также и организация ППС (польская социалистическая партия). Во всех этих организациях левые, революционные элементы составляли меньшинство. В Вильно подвизался некоторое время Ю. Пилсудский — один из организаторов социал-патриотической ППС, в дальнейшем заклятый враг рабочего класса и советских республик.

В том же, 1896 году от РСДП откололась левая ее часть. Она образовала Литовский рабочий союз, который позднее вступил в СДЛ и П — Социал-демократию Литвы и Польши, марксистскую партию, возглавляемую Р. Люксембург, Мархлевским и позднее Ф. Э. Дзержинским.

В конце 90-х годов в Вильно происходили многочисленные забастовки. 6 июля 1900 года произошло первое открытое столкновение рабочих с полицией: рабочий-сапожник Гириш Леккерт организовал напад-

³ По польским данным за 1926 год, в городе было 180 тысяч жителей, из них 57% поляков и 36% евреев. В действительности поляков было гораздо меньше, так как польские «статистики» включили в их число всех литовцев и многих белоруссов.

¹ А. Н. Мосолов «Виленские очерки», стр. 126—127. СПб. 1898.

² І в. Цъ в і к е в і ч «Кастусь Каліноўскі». «Полымя» № 2 за 1924 г., стр. 18.

ление на полицейский участок, и ему удалось отбить арестованных. Тогда царское правительство назначило губернатором Вильно гнусного палача фон Валя.

В 1902 году фон Валь приказал разогнать первомайскую демонстрацию, а 30 арестованных демонстрантов выпороть. Гирш Леккерт 5 мая пытался убить фон Валя, но лишь слегка ранил его. Леккерт был схвачен и повешен.

В 1903 году в Вильно образовался Западный комитет РСДРП, который работал в контакте с организацией СДЛ и П. После того как в 1906 году СДЛ и П вступила в РСДРП, виленские организации РСДРП и СДЛ и П объединились. В этот период быстро падало влияние Бунда, ПНС, ЛСДП.

Рабочее движение в Вильно в 1905 году носило массовый и бурный характер. В городе произошло больше 10 крупных забастовок, несколько демонстраций, на которые собиралось до 30 тысяч рабочих, несколько столкновений с полицией. Особенно мощными были всеобщая забастовка протеста против январской бойни в Петербурге, всеобщая октябрьская забастовка (начало октября) и всеобщая декабрьская забастовка. В декабре же началось выступление крестьян в Виленском уезде.

Все же в Вильно, несмотря на активность рабочих, не возник совет рабочих депутатов и борьба против царизма не приняла характера вооруженного восстания.

Причину этого надо искать в расколе рабочих организаций по национальному признаку, в преобладании националистических и вообще оппортунистических элементов в местном социал-демократическом движении и в слабости левого крыла. Однако революционные события 1905 года усилили влияние большевизма в Литовской социал-демократической организации и среди рабочих, укрепили связи литовского пролетариата с русским.

После 1905 года Вильно стал центром белорусского и литовского литературного движения. Революция смела царский закон 1866 года, полностью запрещавший польские, белорусские и литовские издания. В сентябре 1906 года в Вильно начал издаваться журнал «Наша доля», а потом — «Наша нива». Это был главный орган белорусской литературы. В Вильно в «Нашей ниве» начали свою деятельность крупнейшие поэты Белоруссии Янка Купала и Якуб Колас.

6

В империалистической войне 1914—1918 годов Литва оказалась театром боев между вооруженными силами Германии и России. На границе Литвы были разгромлены осенью 1914 года армии русских ге-

нералов Самсонова и Ренненкампа. Летом и осенью 1915 года, когда германское командование перенесло центр своих операций на восточный фронт, вся Польша и Литва, в том числе и Вильно, были заняты немецкими войсками.

Пытаясь впрячь литовский народ в колесницу германского империализма, Вильгельм II обещал Литве «независимость». Но лишь в сентябре 1917 года, вынужденные к этому февральской революцией в России и назревавшей Октябрьской революцией, германские власти разрешили созвать в Вильно так называемую Литовскую конференцию, которая создала Тариба (Государственный совет) из 30 человек. Представители помещиков, буржуазии и кулаков, попавшие в Тариба, пресмыкались перед оккупантами и всячески их поддерживали.

16 февраля 1918 года, в день прекращения перемирия между Германией и Советской Россией, Тариба провозгласила «независимость» Литвы, а 23 марта «независимая» Литва была признана Германией. Осенью 1918 года, когда крах германской оккупации стал очевидным, в Вильно было создано литовское буржуазное правительство Вольдемараса.

Октябрьская революция в России оказала могучее влияние на революционное движение в Литве. Одним из его главных центров был Вильно. Левые социал-демократы, из которых многие находились в Петрограде и Москве в момент Октябрьской революции, основали в Вильно коммунистическую партию. Здесь состоялся осенью 1918 года первый съезд партии, принявшей название Коммунистической партии Литвы и Белоруссии¹. На съезде присутствовало 34 делегата, представлявших более 800 членов партии и 60 организаций.

Литовская буржуазия, меньшевики, эсеры и бундовцы, поддерживавшие германских оккупантов, быстро теряли влияние среди рабочих. Трудящиеся становились под знамена молодой коммунистической партии. Осенью 1918 года партия возглавила борьбу литовского народа за советскую власть и изгнание ненавистных завоевателей.

ЦК КПЛ и Б вскоре после ноябрьской революции в Германии выдвинул лозунг советской власти и призвал рабочих к избранию советов. Одним из первых был избран совет рабочих депутатов в Вильно (в ноябре — декабре 1918 года).

15 декабря 1918 года со всех концов Вильно шли в городской зал рабочие и служащие на открытие совета. Зал не мог вместить всех желающих, и несколько тысяч их стояло вокруг здания. Коммунисты

¹ Имелась в виду Западная Белоруссия.

сумели занять в совете руководящее положение. Несмотря на бешеное сопротивление меньшевиков и эсеров, совет по предложению коммунистической фракции объявил о переходе всей власти в городе в руки советов.

16 декабря по призыву ЦК КПЛ и Б в Вильно состоялась всеобщая политическая забастовка и демонстрация под лозунгом «Вся власть советам!» Все предприятия, в том числе и железная дорога, остановились. 20 тысяч рабочих, кустарей и служащих демонстрировали под лозунгами коммунистической партии. Немецкие оккупанты приготовили для расправы с демонстрантами пулеметы, но не посмели пустить их в ход.

Образовавшееся в это время в Вильно временное рабоче-крестьянское правительство, во главе которого стоял коммунист Винцас Мицкевич-Кашсукас, 16 декабря провозгласило Литву Советской Социалистической Республикой.

Положение молодой советской власти в Вильно было чрезвычайно трудным. С одной стороны, Тариба и литовское буржуазное правительство, с другой стороны, так называемый Польский комитет, за которым стояла польская буржуазия, и, наконец, немецкие оккупанты — все они развернули бешеную шовинистическую агитацию и начали создавать вооруженные контрреволюционные силы. Внутри совета подрывную, предательскую работу вели меньшевики и эсеры. Виленский совет, предвидя неизбежность вооруженной борьбы, создал рабочую милицию, однако не успел как следует организовать оборону города.

1 января 1919 года, когда начали эвакуироваться последние германские войска и вместе с ними бежало в Каунас литовское буржуазное правительство и Тариба, в городе начался белогвардейский польский мятеж. Польский генерал Вейтко осадил совет, находившийся в рабочем клубе на Вроньей улице. Два дня члены совета с отрядом красноармейцев в 50 человек отбивали многочисленные атаки. Но патроны все вышли, а помощь не приходила. Осажденные вынуждены были сдаться, при этом пятеро ответственных советских работников покончили самоубийством.

Белополяки торжествовали недолго: 5 января, вечером, в Вильно вступила Красная Армия, с энтузиазмом встреченная населением.

Чтобы укрепить советскую власть в Белоруссии и Литве, правительство Советской России предложило объединить обе республики в одну Советскую Социалистическую Республику Литвы и Белоруссии со столицей Вильно. Это объединение было проведено в жизнь. Оно укрепило дружбу литовского и белорусского народов.

3 — 8 марта в Вильно состоялся объединенный съезд Коммунистической партии (большевиков) Литвы и Белоруссии.

Весной 1919 года на Вильно начали наступать войска буржуазного литовского правительства и белополяки. Польские паны выступили как участники первого похода Антанты, в котором главную роль играл Колчак.

Малочисленные части Красной Армии героически сражались против более сильного врага, но вынуждены были отступить. В марте 1919 года фронт начал приближаться к Вильно. Советское правительство переехало в Минск.

17 апреля польские войска внезапно налетом взяли станцию Лида. А 19 апреля в результате предательства польские легионеры рано утром появились на станции Вильно: ночью они были привезены в запечатанных вагонах из Лиды. Одновременно подняли восстание белополяки в городе.

Несколько небольших красноармейских отрядов, коммунисты и рабочие три дня упорно защищали улицу за улицей, дом за домом, но в конце концов им пришлось отступить. 21 апреля легионеры заняли город и начался погром.

«Людей забивали на смерть прикладами, привязывали к хвосту лошади и тащали по улицам, зарывали живьем в мосту. Толпы... ходили с мешками по квартирам «большевиков», забрали все, что попадется им под руку. Так были разграблены тысячи квартир. На улицах достаточно было какому-либо мальчишке указать на проходящего: «вот большевик», чтобы того немедленно прикончили». «Вилькомир кишел беженцами из... Вильны. Каждый бежал, точно из пекла вырвался, потеряв кто отца, кто брата, кто невесту, кто сестру, а кто и всю родню»¹.

Весной 1920 года Антанта организовала третий поход против Советской России, главную роль в котором играла панская Польша. Паны мечтали о разгроме Советской России, уничтожении советской власти и восстановлении Польши в границах 1772 года, то есть о захвате Литвы, Белоруссии и Украины. Красная Армия скоро остановила наступление польских легионов, а затем погнала их к Варшаве.

В это время Советская Россия дала убедительнейшее доказательство своей дружбы с литовским народом. 12 июля 1920 года советское правительство первым из всех европейских правительств признало независимую Литву и заключило с литовским правительством мир. Вильно, захва-

¹ «Пролетарская революция» № 8 за 1922 год, стр. 90.

ченый поляками, советское правительство признало литовским городом.

14 июля 1920 года Красная Армия очистила Вильню от белополяков. В августе 1920 года советское правительство, выполняя договор от 12 июля, передало город Литве. Польские папы не роптали тогда на прямой и открытый захват Вильню. Они вынуждены были пачать в Сувалках в присутствии представителей Антанты переговоры с Литвой. 7 октября был подписан договор, по которому Виленщина оставалась за Литвой. А 9 октября того же, 1920 года польский генерал Желиговский с двумя регулярными дивизиями и несколькими отрядами всякого сброда двинулся на Вильню. Желиговский называл себя повстанцем, польское правительство объявило его «мятежником», но посылало ему подкрепления, оружие и деньги. В Варшаве «патриоты» при содействии полиции прогнали евреев и демонстрировали с лозунгами «На Вильню», «Вильню — Польше» и т. п.

Литовское правительство обратилось в Лигу наций, которая, по существу, поддерживала польских захватчиков. Тем временем польские папы создали из Виленщины бутафорское государство — «Среднюю Литву», — а в 1922 году инсценировали в нем плебисцит и присоединили Вильню к Польше.

Виленское воеводство, как и Западная Белоруссия и Западная Украина, было внутренней колонией Польши. Промышленность и торговля Вильню, лишённого хозяйственных связей с Литвой и РСФСР, значительно сократились. Литовские и белорусские культурные учреждения были беспощадно разгромлены.

Литва никогда не признавала захвата Вильню Польшей. Город продолжал числиться столицей Литвы, а Каунас считался временным местопребыванием правительства. Советский Союз был единственной страной, которая в виленском вопросе стояла на стороне Литвы. В 1926 году при заключении договора о ненападении и мирном разрешении конфликтов между Литвой и СССР советское правительство еще раз осудило действия Желиговского и признало виленский вопрос неразрешенным.

Вопрос этот, не раз прозывший вызвать войну в Восточной Европе, был разрешен в 1939 году Красной Армией.

За два дня по плохим, грязным дорогам

дошли красные части до города. Значительные польские силы, в том числе отряды офицеров, пытались задержать наступление Красной Армии. Но стремительный удар советских бойцов и братская помощь трудящихся Вильню быстро обеспечили победу Красной Армии.

По договору от 10 октября 1939 года, СССР передал Вильню и Виленскую область Литве и заключил с ней договор о взаимопомощи.

Действия советского правительства еще раз продемонстрировали всему миру ленинско-сталинскую национальную политику укрепления дружбы между народами.

Реакционное правительство Сметоны, вступившее на путь антисоветского заговора, не спешило с переездом в Вильню. Лишь при советской власти Вильнюс, «...с которым связано, с одной стороны, историческое прошлое Литовского государства, а, с другой — национальные чаяния литовского народа»¹, стал столицей Советской Литвы.

Сейчас Вильнюс переживает социалистическую революцию. Под руководством коммунистической партии национализированы крупные предприятия, банки, земля; народы Литвы осуществляют великие права, предоставленные Сталинской Конституцией всем гражданам СССР: политические права, право на труд, право на отдых, право на образование. Трудящиеся Вильнюса, ставшие полноправными гражданами величайшей в мире страны и хозяевами своего города, с энтузиазмом приступили к его социалистической перестройке. На предприятиях уже много сталаловцев, преобразились вузы и школы. Рабочие из подвалов переселяются в хорошие квартиры.

История Вильнюса была полна жесточайшего классового, национального, религиозного гнета и вражды, кровавых войн и разрушений. Ныне красавец Вильнюс стал одной из 16 столиц союзных советских республик. Высоко на холме Гедимина реет над ним красное знамя коммунизма. Теперь его история будет историей счастья, историей культурного и хозяйственного расцвета, историей славных социалистических побед литовского народа, историей его дружбы с другими народами СССР.

¹ В. М. Молотов «О внешней политике Советского Союза», стр. 12. Госполитиздат. 1939.

ЛИТЕРАТУРА: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, ч. I «Польский вопрос в немецкой революции», стр. 361—416; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. I «Какое дело рабочему классу до Польши?», стр. 149—161. «Речь о Польше», стр. 190—194; «Чатырохсотлетье беларускаго друку». Мелк 1926. Статьи: У. Пчата «Друк на Беларусі у XVI і XVII стагоддзях», В. Дружыць «Места Вільні у першай палавене XVI стагоддзя», «Плян Вільні у палавене XVI стагоддзя»; Военский «Вильня в 1812 г.»; Из воспоминаний Готендорпа. СПб. 1912; «Памятники русской старины в Западных губерниях империи, издаваемые П. Н. Батюшковым». СПб. 1872. Выпуски 5, 6-й и два альбома; «Из записок Николая». СПб. 1905 (о восстании 1863 г.).

Война Афганистана за независимость в 1878—1880 годы

1

До середины XIX века Афганистан не был единым государством. Его территория была населена множеством племен, которыми управляли предводители — ханы. Собственно афганские племена: дуррани, гильзаи, шинвари, патаны и другие — населяли главным образом области Кабула, Баялагара и Герата. В северной и западной частях Афганистана, т. е. в так называемом Афганском Туркестане, жили узбекские и туркменские племена, а в высокогорных районах Памира — таджики. Афганские племена не представляли собой единого политического целого: они жили обособленно друг от друга, и нередко между ними происходили кровопролитные войны. Так например два наиболее сильных и многочисленных афганских племена: дуррани и гильзаи — особенно длительно и упорно враждовали между собой. Даже само племя не было монолитным и дробилось на множество кланов, возглавляемых родовыми вождями — сердарами, — которые держали в своих руках политическую власть и распоряжались также экономическими ресурсами племени: скотом и пастбищами у кочевников, землей и водой у оседлых.

Вожди кланов подчинялись крупным ханам, возглавлявшим все племя или большую часть его кланов. Хань племен обычно являлись полными хозяевами и правителями на территориях, где жили их племена. Как и в других странах Востока, где существовал феодально-племенной строй (окраины Ирана, Средняя Азия, Монголия, Аравия и другие), между ханами шла борьба за политическое господство, за лучшие земли, пастбища, источники орошения. Энгельс в статье «Афганистан», написанной в 1858 году для «Новой Американской энциклопедии», указывал на особенности политического строя Афганистана: «Афганцы разделяются на кланы, над которыми различные вожди имеют нечто вроде феодальной власти. Их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к индивидуальной независимости являются единственными «препятствиями мешающими им сделаться могущественной

нацией; однако именно эта беспорядочность и непостоянство их поведения превращают их в опасных соседей, подверженных прихотям каприза или поддающихся агитации политических интриганов, которые искусно возбуждают их страсти»¹.

В 1747 году Ахмед-хан Дуррани предпринял попытку политически объединить афганские племена и территории и создать афганское государство. Но междоусобная вражда, экономическая обособленность афганских областей, слабое развитие товарного хозяйства препятствовали государственному объединению. Империя Ахмед-хана Дуррани быстро распалась. Афганистан снова превратился в конгломерат разрозненных ханств и племенных территорий.

Дост-Мохаммед-хан, вождь баракзасов (одного из сильнейших кланов племени дуррани), захвативший в 1823 году престол Кабула и принявший титул эмира, пытался возродить распавшееся афганское государство. Но ему пришлось столкнуться с новым политическим фактором, который с этих пор стал играть огромную роль в исторической судьбе Афганистана. Этим новым фактором было соперничество России и Англии на Востоке.

В 30-х годах XIX века Россия уже была хозяйном Каспийского моря, господствовала в Северном Иране и вела активную завоевательную политику в Средней Азии. Интенсивность русской экспансии на Востоке создавала явную угрозу британскому господству в Индии. Руководящие военные и политические круги Великобритании приходили к убеждению, что только прочное подчинение Афганистана английскому влиянию способно создать надежный барьер для обороны Индии от русского наступления.

Объединительная политика Дост-Мохаммед-хана противоречила английским интересам тем более, что эмир, видя главную опасность для независимости Афганистана в английской агрессии, пытался заключить соглашение с Россией. Британская агентура стремилась устранить кабульского

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 532—533.

эмира, используя в борьбе против него соперников Дост-Мохаммеда — ханов Кандагара и Герата. В 1839—1840 году английские войска вторглись в Афганистан. Дост-Мохаммед был свергнут и стал английским пленником. Кабульский престол был отдан английскому ставленнику Шах-Шудже. Однако в конце 1841 года в Афганистане вспыхнуло народное восстание против английских поработителей. Главный отряд английских оккупационных войск был уничтожен. Два других отряда в Кандагаре и Джелалабаде были осаждены восставшими афганцами. Шах-Шуджа был убит.

Английское командование поспешило принять экстренные меры. Летом 1842 года английские войска, преодолев сопротивление разрозненных афганских отрядов, снова вторглись в Афганистан и в сентябре заняли Кабул, где учинили кровавую расправу над местным населением.

Однако английское правительство учло уроки событий 1840—1841 годов и, опасаясь, что афганское движение может быть использовано русской дипломатией, решило перейти к обходным, дипломатическим маневрам. В октябре 1842 года вице-король Индии лорд Эллиенборо официально заявил, что Англия не собирается насильственно навязывать афганскому народу чуждую ему власть, и отдал приказ о выводе английских войск с территории Афганистана.

Через некоторое время Дост-Мохаммед-хан был освобожден из английского плена и вернулся в Кабул. Англичане попытались превратить недавнего врага в союзника, и, действительно, им это удалось. После завоевания англичанами Пенджаба (1849 год) Дост-Мохаммед окончательно изменил курс и пошел на стовор с Англией. Вскоре англичане признали его эмиром и на время отказались от открытой агрессии в Афганистане.

В 1855 году был подписан англо-афганский договор, по которому Дост-Мохаммед, именовавшийся «государем Кабула и прочих областей Афганистана, ныне находящихся в его власти», обязывался соблюдать неприкосновенность английских владений в Индии и быть «другом друзей и врагом врагов почтенной Ост-Индской компании».

Таким образом в середине 50-х годов британское влияние одержало верх. Афганистан, по сути дела, попал в вассальную зависимость от Англии.

В 1856—1857 годах под давлением России, стремившейся нанести удар английскому влиянию в Средней Азии и взять реванш за крымское поражение, иранский шах попытался овладеть Гера-

Вожди клана.

Афганистан. XIX век.

том, центром северозападной области Афганистана. Стратегическое значение этого «ключа к Индии» в русско-английском соперничестве в Средней Азии было огромным.

«Нынешнее политическое значение Герата, — писал Ф. Энгельс в 1857 году, — обусловлено тем, что он является стратегическим центром всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем, р. Сыр-Дарьей на западе и севере и р. Индом на востоке вследствие чего, в случае великого столкновения Англии с Россией за преобладание в Азии, — столкновения, которое может ускорить английское вторжение в Персию, — Герат окажется главным предметом спора и вероятным театром первых крупных военных действий»¹.

Гератская война окончилась неудачей для Ирана. Английское влияние в Афганистане становилось все более прочным.

Однако в области внутренней политики Дост-Мохаммед, находившийся, по существу, в печальном положении вассала англо-индийского правительства, добился значительных успехов. В течение 50-х—начала 60-х годов ему удалось разбить нескольких афганских феодальных властителей и присоединить их владения. Так, в 1850 году он покорил Балх с его плодородным районом, в 1854 году — Кандагар, в 1859 году он захватил Кундуз, на границе с Бухарой, и подчинил своей власти эмира Бадахшана. Наконец, в 1862 году Дост-Мохаммед добился покорения Герата, который в течение 30 лет был яблоком раздора между кабульским государством и Ираном и служил базой для противников Дост-Мохаммеда.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 133.

Эмир Шир-Али-хан.

Афганистан. XIX век.

Покоренные области были превращены в провинции афганского государства, правителями их были назначены сыновья и ближайшие помощники Дост-Мохаммеда.

Но покорение этих областей далеко еще не означало их органического об'единения и прочного подчинения центральному правительству. Превратившись из самостоятельных ханств в провинции кабульского эмира, Кандагар, Герат, Балх и прочие не утеряти своего замкнутого характера. Экономические связи между ними были очень слабы. Подчинение их правителей эмиру Кабула было чисто формальным. Предводители племен и крупных кланов сохраняли всю полную власть над своими соплеменниками и сплошь и рядом очень мало считались с центральной властью.

После смерти Дост-Мохаммеда, в 1863 году, непрочность созданной им монархии не замедлила обнаружиться. Между сыновьями эмира Шир-Али-ханом и Афзал-ханом началась междоусобная борьба за кабульский престол. Афганистан распался на два государства: Кабульское ханство во главе с Афзал-ханом и Кандагарско-Гератское под управлением Шир-Али. После

смерти Афзал-хана междоусобная война возобновилась. Войска Шир-Али под командой его сына Якуб-хана двинулись на Кабул. Сын умершего Афзал-хана, впоследствии знаменитый Абдуррахман, защищая кабульские владения. Борьба закончилась победой армии Шир-Али-хана, занявшей в сентябре 1868 года Кабул. Абдуррахман должен был спасаться бегством и нашел приют в Русском Туркестане. Шир-Али был объявлен эмиром всего Афганистана.

В продолжение всей этой борьбы Англия занимала выжидательную позицию. Тогдашний вице-король Индии сэр Джон Лоуренс, помня уроки неудачной авантюры 1841 года, предпочитал воздерживаться от прямой интервенции.

Когда Шир-Али окончательно победил и с триумфом вступил в Кабул, англо-индийское правительство попыталось договориться с новым эмиром. Лоуренс адресовал Шир-Али-хану поздравительное письмо, предложив ему заем в 50 тысяч фунтов стерлингов и несколько тысяч ружей.

Но точка зрения Лоуренса разделялась далеко не всеми деятелями английской колониальной политики. Известный английский военный и дипломатический теоретик сэр Гепри Роулинсон подал правительству докладную записку, содержащую проект «противодействия продвижению России в Средней Азии и усилению влияния и могущества Англии в Персии и Афганистане». Проект Роулинсона предусматривал новую вооруженную английскую экспедицию в Афганистан, ввиду того что «вмешательство в дела Афганистана сделалось в настоящее время долгом и что умеренные жертвы, которые мы возьмем на себя, восстанавливая порядок в Кабуле, будут признаны в будущем за настоящую экономию»¹.

Впротивовес Роулинсону Лоуренс не верил в серьезность непосредственного наступления России на Британскую Индию и предлагал устранить посягательства России на Афганистан дипломатическим путем, адресовав российскому правительству «твердое, но учтливое заявление о том, что Россия должна воздержаться от вмешательства в дела Афганистана или любого иного государства, граничащего с Индией»². Он категорически возражал против мысли об английском походе на Афганистан, считая, что такая экспедиция лишь способна подорвать английское влияние на Среднем Востоке и вовлечь англо-индийское правительство в рискованную и разорительную авантюру.

¹ См. Л. Соболев «Англо-афганская распря». Т. I—IV, стр. 1359. СПб. 1882.

² History of India under Queen Victoria by L. J. Trotter, p. 250. London. 1886.

Сменивший Лоуренса на посту вице-короля Индии лорд Мэйо (осень 1868 года) продолжал политику сближения с новым афганским властителем, намеченную его предшественником. В конце марта 1869 года Шир-Али-хан был приглашен посетить Индию. Свидание афганского эмира с лордом Мэйо состоялось в небольшом североиндийском городе Амбале. Прием эмира был намеренно обставлен с особенной пышностью и торжественностью. Почести, оказанные Шир-Али-хану, должны были подчеркнуть, что английское правительство рассматривает его как полноправного и независимого государя.

Шир-Али-хан приехал в Индию в надежде на то, что ему удастся заручиться гарантированной поддержкой англичан против враждебных ему афганских феодальных группировок. Он рассчитывал на заключение формального союзного договора с Англией, на предоставление ему фиксированной английской субсидии и помощи оружием и войсками в случае какого-либо внешнего или внутреннего покушения на его престол. Наконец, он стремился получить от Англии официальное признание прав его наследников на афганский трон; в частности речь шла о признании законным наследником младшего сына эмира — Абдулла-Джана.

Однако надежды афганского эмира быстро рухнули: по своей старинной традиции, британская дипломатия стремилась использовать с максимальной выгодой своего партнера, не связывая себя никакими конкретными обязательствами.

Лорд Мэйо ограничился лишь расплывчатыми обещаниями оказывать «моральную поддержку эмиру и снабжать его деньгами, оружием и снаряжением», но категорически уклонился от подписания формального договора. Одновременно лорд Мэйо сделал попытку «дружественным путем» договориться с Россией по афганскому вопросу. В октябре 1869 года в Петербург приехал для переговоров видный деятель англо-индийской администрации Дуглас Форсайт.

Шир-Али-хан был явно разочарован. Хотя на торжественном «дурбаре» (приеме) вице-короля эмир, принимая подаренную роскошную саблю, поклялся действовать ею только для защиты британского правительства, хотя он дал заверения поддерживать мир на границах Британской Индии и содействовать английской торговле, однако охлаждение его к англичанам стало явным. Шир-Али-хан начал замысливать поворот внешнеполитического курса в сторону сближения с Россией.

В области внутренней политики Шир-Али-хан продолжал осуществлять государственное объединение, начатое его предшественником. Он пытался осуществлять военные и административные реформы в значительно более широком масштабе чем Дост-Мохаммед.

В жизни Афганистана к этому времени произошли заметные изменения. Страна постепенно втягивалась в торговые сношения со своими соседями. Из Индии ввозился сахар, индиго, английские и индийские бумажные ткани, чай. Через Бухару ввозились русские промышленные товары. В свою очередь Афганистан экспортировал в Индию и в среднеазиатские ханства фрукты, табак, верблюдов, лошадей, шерсть. Товарно-денежные отношения стали проникать и в афганскую деревню. Если раньше торговля была главным образом в руках индийских и иранских купцов, то теперь торговыми делами стали заниматься и некоторые слои афганского населения. Так например целый клан племени гильзаев, так называемые повиндхи, превратился в профессиональную торговую организацию. Соединяясь в большие караваны, повиндхи отправлялись из западного Афганистана через горные хребты и знойные пустыни в Индию с афганскими товарами и возвращались отсюда с большими грузами индийских товаров.

Естественно, что в торговле главным образом участвовала сердарская верхушка афганских кланов. Сердары были главными продавцами сельскохозяйственных продуктов, они же покупали ввозимые в Афганистан иностранные товары. Крепли связи между городским купечеством и феодальной верхушкой племен.

Однако политическая раздробленность, постоянные междоусобные столкновения между ханствами и племенами, таможенные барьеры затрудняли развитие внутренней и внешней торговли. Отсутствие армии или полиции подвергало купеческие караваны многим опасностям. Экспедиции повиндхов обычно шускались в путь хорошо вооруженными, но и это далеко не всегда могло спасти их от нападений разбойничьих шаек. Чиновники различных ханов грабили купцов, взимая с них произвольно огромные подати и пошлины. Кроме того судьба народов Индии и Туркестана, покоренных иноземцами, служила грозным предостережением для афганцев. Среди купчества и известной части сердаров возникло стремление к государственному объединению, к созданию крепкого центрального правительства и сильной армии, спо-

собных покончить с междоусобиями и обеспечить безопасность мирной торговли.

Одной из первых реформ, задуманных Шир-Али-ханом, была реформа армии.

В афганской армии были введены англо-индийский воинский устав и обмундирование для командного состава по образцу обмундирования англо-индийских войск. Эмир пригласил к себе на службу в качестве инструкторов офицеров англо-индийской армии. Кроме того он сам проявлял интерес к военной английской литературе и приказал ряд произведений перевести на персидский язык, являвшийся литературным языком Афганистана. Шир-Али-хан попытался даже ввести всеобщую воинскую повинность, но эта мера вызвала сильнейшее противодействие феодальных вождей племен и кланов.

К концу 70-х годов афганская армия уже представляла собой известную силу. В армии появилось новое вооружение, так например часть пехотинцев имела скорострельные английские ружья. Появилась и артиллерия, в частности горная, особенно необходимая в условиях Афганистана. Л. Н. Соболев, компетентный русский военный историк, определяет численность регулярной армии в царствование Шир-Али-хана в 50 тысяч человек и указывает, что в случае войны могло бы быть созвано дополнительное ополчение, примерно в 140 тысяч¹.

При помощи этой армии Шир-Али-хану удалось подчинить ряд непокорных вассалов и подавить восстания племен.

Однако внешнеполитическое положение Шир-Али-хана становилось все более затруднительным. Захват Россией Хивы в 1873 году был непосредственной угрозой Афганистану.

Шир-Али-хан снова сделал попытку прийти к соглашению с Англией, но находившийся тогда у власти в Англии либеральный кабинет Гладстона категорически уклонился от каких бы то ни было гарантий и от официального признания младшего сына эмира законным наследником престола.

Поняв, что рассчитывать на помощь Англии в случае русского нападения на Афганистан не приходится, эмир решил устранить опасность иным путем и пойти на сближение с Россией. Попытка эта была встречена царским правительством чрезвычайно радушно. Генерал-губернатор Туркестана фон Кауфман, руководивший тогда среднеазиатской политикой России, еще в 1870 году написал в дружеском тоне письмо афганскому эмиру, заверяя его в том, что Россия не имеет никаких

намерений оказывать поддержку его сопернику Абдуррахман-хану, нашедшему в Русском Туркестане приют после его поражения войсками Шир-Али.

С 1875 года между Шир-Али-ханом и Кауфманом завязывается оживленная переписка, что вызвало серьезную тревогу в английских правительственных кругах. Между тем курс английской восточной политики резко изменился в связи с падением либерального министерства Гладстона и приходом к власти консервативного кабинета Дизраэли. И сам Дизраэли, и его министр по делам Индии лорд Солсбери, и их ближайший сотрудник лорд Литтон, назначенный на пост вице-короля Индии, являлись сторонниками агрессивной политики на Востоке и решительной борьбы с Россией.

Уже в первых инструкциях, которые давались лордом Солсбери лорду Литтону, было задание — добиться согласия эмира на приезд английской миссии в Кабул и отправку английских военных агентов в Афганистан. За это английское правительство соглашалось, наконец, признать младшего сына эмира законным наследником престола и увеличить денежные субсидии Афганистану. Однако предложения эти запоздали. «То, что Шир-Али согласился бы дать в 1873 году, он уже не стал бы давать в 1876 году, когда его отношения с Кауфманом стали более тесными и близкими»², — отмечает один английский историк.

К тому же англичане попрежнему уклонялись от официальных гарантий Афганистану, и Шир-Али окончательно решил искать сближения с Россией.

Предложение лорда Литтона о посылке в Кабул официального представителя англо-индийского правительства сэра Льюиса Полли было эмиром категорически отклонено. Свой отказ Шир-Али-хан мотивировал, во-первых, опасениями эксцессов, могущих угрожать безопасности английских представителей в Афганистане, а во-вторых, тем, что приезд английского посла может дать основания России также настаивать на допущении русского посольства в Кабул. Эмир заявил, что если вице-король Индии считает нужным вступить в переговоры с ним, то он готов послать афганского уполномоченного в Индию для этой цели. Точно так же категорически было отклонено требование лорда Литтона о допущении в Герат и в прочие пункты английских военных агентов.

Англо-индийское правительство было до крайности раздражено упорством Шир-Али-хана. От учтивых дипломатических увеща-

¹ См. Л. Н. Соболев «Англо-афганская распря». Тт. I—IV. СПб. 1882.

² The Cambridge History of India, edited by H. H. Doodwell, p. 809. Cambridge, 1934.

Хан Келатский со своими придворными. XIX век.

ний Литтон перешел к недвусмысленным угрозам. Он заявил эмиру, что не только лишит его прежней поддержки деньгами и оружием, но будет оказывать помощь его соперникам в борьбе за власть, намекая на старшего сына эмира — Якуб-хана, — которого Шир-Али лишил наследства и который возглавлял группу недовольных канонов и сердаров. Литтон даже намекнул эмиру на возможность сговора с Россией, с тем чтобы «совершенно смести Афганистан с географической карты». Он еще раз потребовал, чтобы английские агенты были допущены в различные важнейшие города Афганистана, указав, что если эмир будет продолжать упорствовать, то «британское правительство сломит его как тростинку»¹.

В то же время англичане предприняли решительные действия в отношении Белуджистана. Англо-индийские войска в ноябре 1876 года оккупировали важнейший стратегический пункт Афганистана — Кветту, — и правитель Белуджистана хан Келатский подписал договор, по которому Белуджистан, в сущности, был обращен в вассальное княжество, подчиненное англо-индийскому правительству.

Английский нажим в Средней Азии был тем более интенсивным, что в этот период перед Англией возникли серьезные осложнения на Ближнем Востоке. В 1877 году Россия вступила в войну с Турцией; в начале 1878 года русские войска, захватив Адрианополь, форсированным маршем двинулись к Константинополю.

Англия реагировала на это экстренными военными приготовлениями. В парламент был внесен законопроект об ассигновании чрезвычайных военных кредитов. Английский флот вошел в Дарданеллы. Эти английские мероприятия оказали воздействие на ход мирных переговоров, открывшихся между Россией и Турцией в Сан-Стефано. В Сан-Стефанском мирном договоре, подписанном в начале марта 1878 года, Россия была вынуждена отказаться от претензий на Константинополь и даже на захваченный ею Адрианополь. Однако правительство Дизраэли не удовлетворилось достигнутым. Преимущества и выгоды, полученные Россией по Сан-Стефанскому договору, особенно на Балканах, казались англичанам слишком опасными для британских интересов. Английская дипломатия потребовала обсуждения и пересмотра Сан-Стефанского договора на специальном Международном конгрессе. Это требование, встретившее возражение русского правительства, было подкреплено новыми военными приготовлениями Англии и отправкой англо-индийских войск на Мальту.

Хотя угроза войны была предотвращена и царское правительство согласилось на созыв Берлинского конгресса, однако, чтобы оказать давление на Англию и сломить упорство английской дипломатии на самом Конгрессе, Россия пустила в ход свои афганские козыри.

В начале июня 1878 года, когда только собирался Берлинский конгресс, Россия отправила в Афганистан свою официальную миссию, пославшую открыто военный характер и возглавленную генералом Сто-

¹ L. J. Trotter, op. cit., p. 356.

лётовым. Этот демарш являлся явной угрозой англичанам, особенно в сопоставлении с решительным отказом афганского эмира принять английского посла. Несомненно, это должно было оказать некоторое воздействие на позицию английской дипломатии на Берлинском конгрессе.

Совершенно очевидно, что афганские дела в этот период отнюдь не являлись проблемой чисто местного значения и оказывали значительное влияние на международно-политическую конъюнктуру в Европе и в свою очередь сами находились в зависимости от хода европейских событий. Недаром Маркс и Энгельс в своей переписке в этот период уделяли серьезное внимание среднеазиатскому вопросу, обмениваясь впечатлениями по поводу того, что Маркс назвал: «шахматный ход русских в Афганистане»¹.

Этот «шахматный ход» оказал свое действие и сделал Дизраэли более уступчивым на Берлинском конгрессе. Но, с другой стороны, Россия отнюдь не желала рисковать войной с англичанами из-за Афганистана.

Генерал Столетов прибыл в Кабул тогда, когда Берлинский трактат уже был подписан, и поэтому характер его переговоров с афганским правительством значительно изменился по сравнению с ранее намеченным планом. Россия не отказалась от борьбы с Англией в Средней Азии, тем более что Берлинский трактат был дипломатическим поражением России и лишил ее тех преимуществ на Ближнем Востоке, на которые она могла бы претендовать на основании своих военных побед. Однако, после того как трактат был подписан, необходимость обострения конфликта в Афганистане отпала. Отсюда резкое изменение в позиции России по отношению к Афганистану. Если прежде фон Кауфман всячески подстрекал эмира к резким антибританским действиям, обещая ему военную помощь в случае английского вторжения в Афганистан, то теперь и Кауфман и Столетов изменили тон и стали увещивать от выполнения своих обязательств. В конце концов Столетов уехал обратно в Россию, сославшись на необходимость получить более детальные инструкции у Кауфмана и у самого царя. Начальником русской миссии в Афганистане был оставлен генерал Разгонов.

3

Английское правительство, ждущая на проезд русского посольства в Кабул, категорически потребовало от эмира согласия

на въезд в Афганистан английской миссии, возглавляемой видным англо-индийским чиновником сэром Невиллем Чемберленом. Но Шир-Али, полагаясь на щедрые обещания Столетова, который, уезжая из Афганистана, заверил эмира в том, что скоро вернется обратно с 30-тысячным русским войском, снова отклонил английское требование. Английская миссия, пытавшаяся пройти через Хайберский перевал, соединяющий англо-индийские владения с Афганистаном, не была пропущена афганским пограничным постом. Хотя поведение афганцев при этом инциденте было совершенно корректным и образцово вежливым, что вынуждено было впоследствии признать даже официальное издание английского министерства иностранных дел («Afghan Blue Book 1878»), однако лорд Литтон, который во что бы то ни стало хотел спровоцировать войну, сообщил в Англию о насилиях афганских властей над английскими представителями. Консервативному правительству удалось добиться своего: в конце ноября 1878 года английские войска вторглись в пределы Афганистана.

Шир-Али продолжал надеяться на обещанную Россией помощь. Однако русская миссия, которая получала от Кауфмана инструкции крайне скудные, неясные и противоречивые, уклонялась от определенного ответа и успокаивала эмира расплывчатыми посулами, в реальность которых сама плохо верила.

Между тем английские войска в декабре добились значительных успехов. Хотя афганская армия не была еще разбита, первые неудачи деморализовали афганское командование. Созданное в течение 10 лет правления Шир-Али-хана единство командования было еще весьма непрочным. Среди феодальных группировок снова вспыхнули обычные распри. Сам эмир решил покинуть свою столицу, поручив управление ею своему старшему сыну, Якуб-хану, которого он еще так недавно лишил наследства и даже держал в заточении. Поступая таким образом, эмир рассчитывал предупредить возможный мятеж, знаменем которого мог стать Якуб-хан, весьма популярный в оппозиционных кругах.

Сопровождаемый русской миссией, Шир-Али-хан направился в Афганский Туркестан, с тем чтобы оттуда проехать в Ташкент, а возможно, и в Петербург для переговоров с царским правительством. Однако царское правительство окончательно покинуло своего союзника на произвол судьбы. На настойчивые просьбы эмира Столетов ответил посланием, написанным в выспреннем псевдовосточном стиле, советуя эмиру: «Вы должны быть подобны змее: на-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIV, стр. 502.

ружно показывайте мир, а тайно приготовляйтесь к войне...»¹.

Брошенный своими союзниками, на которых он возлагал такие надежды, Шир-Али-хан оказался в катастрофическом положении: англичане продвигались к Кабулу; недовольные феодальные группировки внутри страны зашевелились; узбеки и таджики, составляющие основное население Северного Афганистана, угнетаемые и притесняемые афганскими чиновниками и феодальными вождами, могли в любую минуту восстать.

Вскоре русская миссия, по распоряжению Кауфмана, покинула Афганистан.

В это время в феврале 1879 года, Шир-Али-хан умер от внезапной гангрены ноги. Эмиром стал Якуб-хан, которому принадлежал Кабул и который опирался на поддержку довольно сильной военно-сержантской партии. Однако положение Якуб-хана было очень сложным: военная обстановка и наступление англичан создавали немалую угрозу его далеко еще не упроченному престолу. Перед новым эмиром стояла альтернатива, — либо возглавить национальную войну за независимость либо попытаться достигнуть компромисса с англичанами. Якуб-хан предпочел последнее, втайне рассчитывая, что, упрочив свое положение и добившись отвода английских войск из оккупированных территорий Афганистана, он впоследствии сможет вернуть себе свободу действий.

Якуб-хан согласился на мирные переговоры с англичанами. Переговоры происходили в Гандамаке, небольшом местечке не вдалеке от границы, и закончились подписанием 26 мая 1879 года гандамакского мирного трактата. Первая статья трактата провозглашала «вечный мир и дружбу» между английским правительством и эмиром Афганистана. Статья третья, наиболее важная, обязывала эмира Афганистана «вести свои сношения с иностранными государствами, соображаясь с мнениями и желаниями английского правительства. При таком условии правительство Великобритании будет поддерживать эмира против всякого иностранного нападения, оказывая ему помощь деньгами, оружием и войсками для употребления их таким способом, какой английское правительство признает наиболее полезным для того».

В следующих статьях обуславливалось водворение официального английского представителя в Кабуле с соответствующим конвоем и право «мирной торговли английских подданных во владениях эмира», а

также целый ряд связанных с этим мероприятий.

Специальная статья предусматривала возвращение Афганистану оккупированных англичанами городов Кандагара и Желалабада «со всей территорией, занятой в настоящее время английскими войсками, за исключением округов в Курама, Пинши и Сиби». Последние округа переходили «под защиту и управление английского правительства», хотя доходы с них продолжали поступать правительству Афганистана (впрочем, за вычетом «расходов на гражданское управление»). Кроме того английское правительство сохраняло за собой «наблюдение» над Хайборским и Мичпийским перевалами, этими важнейшими стратегическими пунктами индо-афганской границы, а также контроль над сношениями всех независимых племен пограничной полосы.

Последняя статья трактата фиксировала обязательство английского правительства — платить эмиру Афганистана и его наследникам ежегодную субсидию.

Договор был подписан со стороны Афганистана самим Якуб-ханом, а со стороны англо-индийского правительства — вице-королем Индии лордом Литтоном и майором Каваньяри, «политическим чиновником по особым поручениям».

Гандамакский трактат был ярко выраженным неравноправным договором, фиксировавшим подчиненное, зависимое положение Афганистана в значительно более открытой форме чем неравноправные договоры Англии и царской России с Китаем или Ираном. За ежегодную субсидию, за помощь деньгами и оружием Афганистан терял свою независимость, отказываясь от права самостоятельных сношений с другими государствами, признавал факт английской оккупации важных пограничных территорий, соглашался на водворение в Кабуле английского агента да еще в сопровождении английского вооруженного отряда, наконец, предоставлял Англии ряд существенных экономических привилегий.

Английское консервативное правительство праздновало полную победу. В июле 1879 года во исполнение гандамакского трактата посол сэр Луи Каваньяри торжественно въехал в Кабул в сопровождении английской миссии и вооруженного конвоя.

Однако торжество англичан оказалось преждевременным: Афганистан не был еще поставлен на колени и не собирался покорно примириться со своим подчиненным, зависимым положением; народные массы открыто выражали свое недовольство капитуляцией эмира и заключением гандамакского договора. Прибытие ан-

¹ И. Яворский «Путешествие русское посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—79 г.г.». Т. II, стр. 86. СПб. 1883.

Глииской миссии, сопровождаемой вооруженным конвоем, еще больше усилило народное недовольство. Значительная часть сардарства и духовенства также высказывалась против гандамакского трактата и осуждала проанглийскую политику эмира. Муллы агитировали среди войск и населения Кабула против англичан и против эмира. Враждебные Якуб-хану придворные круги использовали это недовольство в своих целях, стремясь скомпрометировать эмира и поднять против него народное недовольство.

С каждым днем атмосфера накалялась все больше. К середине сентября на кабульских улицах произошло кровавое столкновение между афганскими солдатами и солдатами конвоя английской миссии. Народ, собравшийся на место стычки, оказал помощь афганским солдатам.

Якуб-хан несколько раз предупреждал Каваньяри об опасных настроениях среди населения, однако английский представитель не придавал значения этим предупреждениям. Он даже не считал нужным последовать советам эмира и перевести миссию в более надежное, каменное здание. Повидимому, Каваньяри не верил в серьезность разраставшегося народного движения и принимал предупреждения Якуб-хана за уловку, рассчитанную на то, чтобы поколебать уверенность англичан и показать, насколько они зависят от защиты и покровительства эмира.

4

3 сентября 1879 года в Кабуле вспыхнуло настоящее восстание против англичан. Афганские солдаты окружили помещение миссии и атаковали английский конвой. Солдаты конвоя открыли огонь по нападающим. Городское население присоединилось к афганским войскам. Началась осада английской миссии. Англичане отравили нескольких гонцов к эмиру, требуя охраны. Но положение эмира было чрезвычайно опасным. Народная ярость могла в любую минуту обратиться против него самого, особенно если бы он решил выступить на защиту англичан. До вечера миссия оборонялась от осаждавшей ее толпы. Вечером здания миссии были подожжены. Англичане решили пробиться через осаду, но в ожесточенном бою были поголовно перебиты.

Наиболее агрессивные британские круги, представителями которых являлись Дизраэли, Литтон, Раулинсон, Робертс, были горячими сторонниками немедленного продолжения решительной войны. Они полагали, что вспыхнувшее в Афганистане народное движение ослабит и без того непрочное афганское государство и обеспечит Англии легкую победу. К тому же

условия гандамакского договора далеко не удовлетворили британских агрессоров. Раулинсон атаковал правительство своими докладными записками, доказывая, что необходимым условием безопасности границ Британской Индии и сохранения британского престижа на Среднем Востоке является обладание Кандагаром и Гератом. Он указывал на развитие русского наступления в Туркмении, на опасность приближения России к Мерву и Серахсу и настаивал на необходимости продвижения английских войск к Герату.

Консервативная английская пресса всячески возбуждала общественное мнение Англии, призывая к жестокой расправе с «вероломными афганцами». Газета «Стандарт» требовала разрушения Кабула; «Дейли телеграф» настаивала на том, чтобы самое имя Кабула было уничтожено.

Так была спровоцирована новая захватническая война против афганского народа. На Кабул был двинут семитысячный отряд под командой маститого индийского служаки, генерала Робертса, известного своими погромами и зверскими избиениями мирного афганского населения во время военных операций 1878—1879 годов.

Между тем в Афганистане усиливался патриотический подъем. Антибританское восстание, вспыхнувшее в Кабуле, переросло во всенародное движение против ненавистных чужеземных насильников. В Кабуле все городское население присоединилось к восставшим солдатам. Часть повстанцев вышла из Кабула, чтобы организовать сопротивление афганских племен. Кабульские эмиссары раз'езжали по городам и селениям, призывая к «джихаду» — священной войне — с англичанами. Повсюду формировались партизанские отряды.

Народное движение было направлено уже не только против англичан, но и против эмира, который подписанием гандамакского договора и всей последующей политикой скомпрометировал себя в глазах народа и рассматривался как союзник врагов родины.

В первую очередь поднялись угнетенные народы северного Афганистана: узбеки и таджики, которые всегда подвергались насилиям и грабежу афганских властей и афганских феодалов. В Герате вспыхнул бунт среди местных войск и населения.

Положение эмира и его приближенных оказалось чрезвычайно затруднительным. В создавшихся условиях Якуб-хан видел единственное свое спасение в помощи англичан.

Английский историк Троттер не без сарказма замечает, что «...Якуб-хан боялся

англичан меньше чем своих собственных подданных».

21 сентября в английский лагерь прибыло посольство от Якуб-хана. Послы передали генералу Робертсу личное письмо эмира, в котором тот еще раз заверял английское командование в своей верности Англии.

Вскоре вслед за этим Якуб-хан, опасаясь мести восставшего народа, тайком выбрался из Кабула и 27 сентября прибыл со своим сыном и приближенными в лагерь английского генерала Бекера, в селение Куши. Англичане, которые все время сомневались в лояльности Якуб-хана и хотели получить более веские гарантии его верности, были весьма обрадованы таким оборотом дела. В их руках теперь был ценный заложник, которого можно было использовать для того, чтобы оказать давление на колеблющуюся часть афганской феодальной аристократии. Вслед за эмиром в английский лагерь явилось несколько крупных и влиятельных афганских ханов. Многие из них рассчитывали использовать смуту в своих личных интересах и заручиться расположением и поддержкой англичан.

Якуб-хан всячески старался отговорить генерала Робертса от оккупации Кабула. Он понимал, что в случае оккупации народное движение еще больше усилится и что его, эмира, репутация будет окончательно скомпрометирована. Кроме того Якуб-хан боялся, что при приближении англичан к Кабулу местное население и солдаты разграбят цитадель Бала-Гиссар, где он оставил свою семью и свои, довольно значительные сокровища.

Но Робертс отнюдь не собирался считаться с желаниями эмира. Английский отряд двигался вперед, к Кабулу. Эмиру ничего не оставалось делать, как сопроводить неприятельские войска, наступавшие на его собственную столицу.

6 октября произошло решительное сражение между англичанами и афганцами на высотах Чар-Азиаб, в 12 километрах от Кабула. Афганское войско насчитывало около 7 тысяч человек. Здесь были и регулярные полки кабульского гарнизона, и часть вооруженного населения Кабула, и партизанские отряды тильзаев. Английских войск было меньше, около 5 тысяч, но качественное превосходство англичан было слишком явным: на их стороне были все преимущества военной техники, отличного вооружения, опытного командного состава и крепкой дисциплины.

Афганские войска, хотя и были воодушевлены патриотическим порывом, однако были лишены и опытного командования и усовершенствованного вооружения. Отдельные их части дрались с огромным

мужеством, но разрозненно, несогласованно, без единого тактического плана.

Чар-Азиабское сражение продолжалось около 7 часов и окончилось полной победой англичан. 12 октября английские войска торжественно вступили в цитадель Кабула — Бала-Гиссар. В свите генерала Робертса ехали высшие представители афганской феодальной знати. Сам эмир Якуб-хан не участвовал в процессии, сославшись на нездоровье.

Овладев афганской столицей, генерал Робертс приступил к расправе с населением. Жажда мести, так усиленно пропагандированная английской печатью, была полностью удовлетворена. В своей речи к населению, произнесенной из занятого англичанами эмирского дворца, Робертс открыто заявил, что Кабул будет обложен тяжелой контрибуцией, ряд зданий будет разрушен в военных целях, в городе вводится военное положение, всякий житель, у которого будет обнаружено оружие, будет предан смертной казни и пр.

Дальше последовали практические мероприятия. Были сформированы военно-следственная и военно-судебная комиссии для разбора дел лиц, виновных в убийстве миссии Кавальери. За несколько дней в Кабуле были арестованы при облавах 89 афганцев и 49 из них повешены. Не ограничиваясь пределами столицы, английское командование посылало одну за другой карательные экспедиции в соседние районы, где они сносили целые селения, сжигая и разрушая жилища крестьян. Даже англо-индийские газеты рассказывали о том, что пленных афганцев подвергали ужаснейшим пыткам и зверским казням.

Гневная фраза Энгельса о том, что ни в Европе, ни в Америке нет более вероподобной армии чем британская, сказанная еще во время восстания сипаев, сохраняла всю свою справедливость и для афганской войны.

Даже часть английской либеральной печати, возмущаясь поведением Робертса, сравнивала его с кровавым Тамерланом.

Печальная участь ждала и Якуб-хана. Скомпрометированный в глазах народа, он перестал представлять какую бы то ни было ценность для англичан. Было наскоро состряпано дело по обвинению Якуб-хана в «измене». В числе доказательств его виновности фигурировал и его отказ присоединиться к свите Робертса во время вступления англичан в Кабул. Эмир был взят под стражу, следственная комиссия подтвердила его виновность. Было официально сообщено о низложении эмира. Некоторое время спустя Якуб-хан под конвоем был выслан из Кабула в Индию (в Пешавер).

Однако несмотря на захват Кабула англичане далеко еще не являлись действи-

тельными победителями. Свирепые английские расправы еще больше усилили ненависть к врагам среди народных масс. Партизанское движение распространялось. В самом Кабуле готовилось новое восстание; в районы, соседние с Кабулом, стали стягиваться из других провинций полки афганской армии и партизанские отряды племен. Партизаны и гражданское население беспощадно истребляли ханов и сердаров, которые присоединились к англичанам.

Попытка англичан рассеять собиравшееся недалеко от Кабула народное ополчение окончилась крахом. В первой половине декабря 1879 года английский отряд был разбит партизанами, которые овладели рядом высот, господствовавших над Кабульским районом. В корреспонденции английской газеты «Дэйли ньюс» от 13 декабря 1879 года сообщалось: «Неприятель драгся отчаянно, к нему присоединились многие городские жители; крестьяне убивали наших солдат, отбившихся от главной массы войск, почти под самыми окнами нашего лагеря».

Английским генералам пришлось испытать мощь патриотической, справедливой войны народа, боровшегося за независимость своей родины. Во главе афганского ополчения встали два храбрых и самоотверженных вождя. Один из них был Мохамед-Джан, старый офицер времен Шир-Али-хана. Это был истинный патриот, непримиримый враг англичан, пользовавшийся огромной популярностью среди солдат и народа. Другим вождем афганского ополчения был Мушк-и-Алим, ученый мулла из Газны, представитель той части мусульманского духовенства, которая, не будучи связана с церковными имениями и казенными должностями, разделяла патриотические чувства народа.

14 декабря афганцы нанесли англичанам сокрушительный удар у высот Кух-и-Асмай, под самым Кабулом. Англичане понесли значительные потери и были вынуждены оставить кабульскую цитадель Бала-Гиссар, отступив, или, вернее, бежав, в Шир-Пурский лагерь, к северу от Кабула.

Однако афганцы не смогли упрочить и закрепить достигнутый успех. Часть ополчения стала расходиться по домам. На выручку англичанам, осажденным в Шир-Пурском лагере, шли из Пешавера английские войска. 23 декабря Робертс произвел успешную вылазку из лагеря. Афганцы, опасаясь попасть в мешок, отступили из Кабула, уступив столицу неприятелю. При этом отступление афганцев произошло в полном порядке, их армия отнюдь не была разбита.

Англо-индийское командование отдало приказ войскам генерала Стюарта, зани-

мавшим еще с первых дней войны Кандагар, отправиться на Кабул для соединения с отрядом Робертса. Стюарт колонной в 6 тысяч человек выступил в марте 1880 года и, преодолев в сражении у Ахмет-Хейля, в 15 километрах к югу от Газны, сопротивление афганских войск, 20 апреля подошел к Кабулу, соединившись с войсками Робертса.

Все же положение англичан было еще далеко не удовлетворительным. Партизанские отряды продолжали действовать и пагубно падали на английские коммуникации. По существу, в руках англичан находилась лишь узкая полоса вдоль дороги Кабул—Пешавер. В самой Индии ширилось и росло антибританское движение.

Все эти неудачи сыграли немалую роль в падении правительства Дизраэли. В начале 1880 года выборы в английский парламент принесли победу либералам. К власти снова пришло правительство Гладстона. Лорд Литтон в апреле 1880 года подал в отставку и был заменен на посту вика-короля Индии либералом лордом Рипоном. Новое правительство стремилось поскорее окончить непопулярную англо-афганскую войну.

Абдуррахман-хан, который с 1868 года находился в эмиграции и жил в Русском Туркестане, считал момент весьма благоприятным для осуществления своих давних замыслов. Он тайно покинул пределы Туркестана, перешел русско-афганскую границу и очутился в Афганском Туркестане.

Абдуррахман имел много шансов на то, чтобы добиться успеха и привлечь на свою сторону местное население. Он был известен как старинный противник Шир-Али-хана и Якуб-хана, которых в Афганистане считали виновниками английского вторжения. Абдуррахман объявил, что он вернулся на родину, чтобы поднять «джихад» и освободить страну из рук англичан. В этом духе были написаны его письма к местным сердарам и духовенству, его манифесты к народу. Народ охотно шел под знамена Абдуррахмана. Скоро у него образовалось сильное войско, и в марте 1880 года он объявил себя эмиром Афганского Туркестана.

В британских политических кругах возникла сильнейшая тревога. Абдуррахмана считали русским ставленником.

В России не скрывали радости, рассчитывая на то, что Абдуррахман будет проводить руссофильскую политику. Газета «Новое время» писала в одной из своих передовых статей: «Таким образом мы можем не без удовольствия встретить возникновение нового государства в Средней Азии, которое по своему положению образует раздельную зону между театром военных действий англичан и зависимыми от нас хан-

ствами. Можно надеяться, что образование независимого Афганского Туркестана будет залогом долгих мирных отношений между нами и Англией в этом отдаленном крае»¹.

В действительности, однако, царское правительство заботилось отнюдь не о мире на Среднем Востоке. В этот же период русский генеральный штаб усиленно вел подготовку новой ахал-текинской экспедиции и разрабатывал проект строительства Закашгийской военной железной дороги.

Однако надежды России на Абдурахмана были преждевременны. Новый претендент вел очень осторожную политику и не собирался как будто выполнять волю Петербурга.

Английская дипломатия попыталась войти в переговоры с Абдурахманом. Английские агенты предлагали Абдурахману признать его эмиром Афганистана и крупную сумму денег, если он решительно откажется от ориентации на Россию, признает гандамакский договор и прекратит афганскую войну против англичан. Абдурахман некоторое время колебался или, вернее, торговался. Он категорически возражал против отделения Кандагара от афганского государства, чего добивались англичане.

Задача английской дипломатии в этих переговорах была весьма трудной. Общественное мнение в Англии требовало окончания афганской войны. Военная конъюнктура в Афганистане оставалась неблагоприятной. Партизанское движение продолжалось с еще большей силой. Северный Афганистан был в руках Абдурахмана, который угрожал походом на Кабул. В самом Кабуле положение было тревожным: вблизи города снова стали собираться партизанские отряды, нападавшие на английские лагеря и коммуникации; в городе было произведено покушение на генерала Робертса.

Опасность угрожала и Кандагару. Брат бывшего эмира Якуб-хана, Эюб-хан, управлявший Гератской провинцией, стремясь восстановить на престоле Якуб-хана, двинул в июне 1880 года 5-тысячное войско на Кандагар. Высланные ему навстречу английские войска потерпели полное поражение под Мейвандом. Остатки английских войск, запертые в Кандагаре, были осаждены отрядом Эюб-хана.

Такое неблагоприятное положение вещей заставляло англичан быть уступчивыми. Английский дипломатический агент в Кабуле Лешпель Гриффин собрал 22 июля дурбар племенных вождей и сановников и официально заявил, что правительство Великобритании признает Абдурахман-хана

эмиром кабульским. 30 июля Лешпель Гриффин выехал навстречу Абдурахман-хану для окончательных переговоров. В результате переговоров Абдурахман-хан добился согласия англичан на эвакуацию Кабула, а также обязательства «не вмешиваться во внутренние дела Афганистана и не иметь своего резидента в Афганистане, кроме дипломатического агента из мусульман». За это Абдурахман подтвердил прежнее обязательство гандамакского договора — «не вести сношений ни с одной страной, помимо Англии и без ее посредничества». Англия обещала оказывать Афганистану военную помощь против нападения со стороны любой державы, если эмир будет «всецело следовать советам британского правительства во внешних сношениях».

Абдурахман купил престол Кабула ценой существенных уступок. Он не добился эвакуации англичанами Кандагара и подтвердил английский протекторат, предусмотренный гандамакским договором.

Подобно своему деду Дост-Мохаммеду Абдурахман-хан рассчитывал на то, что, обеспечив мир с Англией и добившись ухода английских войск, он сможет организовать политическое объединение Афганистана путем присоединения отпавших областей и проведения реформ.

В последних числах июля 1880 года английские войска под командой Робертса выступили из Кабула на выручку осажденному Кандагару. Абдурахман-хан оказывал этой английской экспедиции активное содействие. 20 августа поход Робертса закончился решительным сражением с войсками Эюб-хана под Кандагаром. На стороне англичан, соединивших здесь несколько своих отрядов, было огромное численное превосходство. Афганцы упорно сопротивлялись, но в конце концов были разбиты. Эюб-хан с остатком своего отряда бежал в Герат. Кандагар был отбит англичанами, а год спустя они его «добровольно» уступили Абдурахман-хану.

Англо-афганская война, продолжавшаяся почти два года, закончилась. Афганистан превратился в зависимую от Великобритании страну. Однако эта война, в которой англичане потерпели ряд серьезных поражений и понесли огромные материальные и людские потери, в которой они «прославили» себя варварскими, кровавыми расправами, грабежом и мародерством, была одним из самых бесславных предприятий британского империализма и немало способствовала падению престижа Великобритании на Востоке.

¹ «Новое время» от 11 марта 1880 года.

Иконоборческое движение в Византии

1

Иконоборчество и развернувшаяся в связи с ним острая классовая борьба, более столетия (726—843) бушевавшая в Восточно-Римской империи, принадлежат к крупнейшим социальным движениям всего средневековья. Деятели иконоборческого движения, поставившие перед собой широкие задачи перестройки социальных, политических и культурных отношений в Византии, выполнили огромную реформаторскую работу. Хотя многое из достигнутого в эпоху иконоборчества было сметено в последующие периоды истории Византии победившим феодализмом, однако иконоборческое движение оставило глубокие следы в истории Византии, и торжествующей реакции никогда больше не удалось полностью вернуться к прежнему положению в расстановке классовых сил внутри империи.

Несмотря на то, что фактическая история иконоборческого движения довольно полно освещена в мировой историографии, его социальная сущность еще не достаточно изучена, и в оценке иконоборчества господствует необычайная пестрота. Трудность изучения социально-экономической подоплеку иконоборчества состоит прежде всего в том, что в распоряжении исследователей почти не имеется источников, относящихся ко времени иконоборчества, так как деятели иконопочитания (иконодулы) после своей победы уничтожили все следы деятельности императоров-иконоборцев. Поэтому, естественно, имеющиеся об этой эпохе материалы явно тенденциозны и не только затемняют, но и прямо искажают истинный смысл событий.

Из источников для изучения иконоборчества нужно в первую очередь указать на хронографию Феофана Исповедника, относящуюся к 810—815 годам. Будучи убежденным иконодулом, Феофан не мог, конечно, дать беспристрастное освещение деятельности иконоборцев. Почти в одно время с Феофаном написал свой Бrevиарий, или краткую историю, константинопольский патриарх Никифор, доведший изложение до 769 года. Несмотря на более терпимый, чем у Феофана, тон по отношению к иконоборцам, Никифор держится общепринятых в иконодульской партии взглядов на иконоборчество.

Работу Феофана продолжали Георгий Монах (вторая половина IX века), Лев Грамматик (X век) и ряд других хронистов, которые, по существу, занимались пересказами произведений Феофана и Никифора, разбавляя свои хроники отрывками из широкой агнографической литературы, т. е. так называемых «житий святых» и «мучеников».

Более ценные сведения об иконоборчестве можно почерпнуть из произведений активных участников борьбы. В первую очередь сюда относятся три речи Иоанна Дамаскина об иконах и произведение константинопольского патриарха Германа, а также труды Феодора Студита. Самое законодательство об иконах, как мы уже указывали, не сохранилось. Лишь в протоколах заседаний собора 787 года, где впервые было осуждено иконоборческое движение, можно найти включенные туда постановления иконоборческого собора 753 года. Однако «отцы» собора 787 года выбрали из постановлений 753 года только то, что им было удобно, не вписав ничего, что говорило в пользу иконоборчества.

Отсюда становится понятным, почему в исторической науке существует такой разрыв в освещении иконоборческого движения. Большинство произведений буржуазной историографии самоограничивает свои исследования, замыкаясь в рамки изучения борьбы религиозных течений и христологических споров. Прежде всего иконоборчеству уделяли большое место писатели, занимавшиеся специально церковной историей. Такие писатели, как И. Маркс¹, долгое время бывший преподавателем церковной истории и церковного права в епископской духовной семинарии в Трире, горячо отстаивают партию иконодулов и объясняют все движение исключительно теологическими спорами в византийской церкви.

Название произведения Шварцлозе² показывает, что он освещает борьбу против иконоборчества как борьбу византийской православной церкви за ее «самобытность и свободу». Такая же трактовка встречается

¹ J. Marx «Der Bilderstreit der byzantinischen Kaiser». Trier. 1839.

² K. Schwarzlose «Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und ihre Freiheit». Gotta. 1890.

и в работе Шлоссера¹, а также работах русских историков церкви Лебедева², Терновского³, французских историков Паргуара⁴, Брейе⁵ и многих других. Собрав и объединив большой фактический материал, буржуазные историки XIX и начала XX века не могли дать, конечно, удовлетворяющей нас оценки иконоборческого движения.

Однако уже в работах Захария фон Лингентала над источниками законодательства интересующей нас эпохи наметился некоторый перелом в освещении иконоборческого движения. В своей истории византийского права Захария фон Лингенталь⁶ подверг тщательному анализу законодательный сборник Эклогу, изданный первыми иконоборческими императорами: Львом III (717—741) и Константином V (741—775), — а также Земледельческий закон (помос георгикос), составляющий органическую часть Эклоги. На основе этого анализа Захария пришел к выводу, что за борьбой вокруг икон кроется глубокая борьба империи против феодалов, особенно церковных и монастырских. Такого же взгляда придерживался и знаменитый русский византист В. Г. Васильевский⁷, который близко подошел к правильному освещению сущности иконоборческого движения. В буржуазной исторической науке появились течения, которые склонны были даже несколько переоценивать иконоборчество, рассматривая его как прямого предшественника классовой борьбы эпохи реформации. Наиболее видным представителем этого течения является Шапарригопуло⁸.

К научно правильному анализу иконоборческого движения в буржуазной историографии близко подошел К. Н. Успенский⁹, объяснивший его как борьбу центральной власти империи с монастырским феодализмом. Однако и в работах К. Н. Успенского

имеется ряд недомолвок и неточностей. Подлинно научное исследование иконоборчества могут дать лишь историки-марксисты, развивая гениальные указания основоположников марксизма. Энгельс в «Крестынской войне в Германии» четко показал, что все религиозные споры в истории средних веков являлись лишь внешним отражением глубоких социально-экономических процессов внутри феодального общества: «...церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя. Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси»¹⁰. Это указание Ф. Энгельса и должно лечь в основу при изучении причин иконоборческого движения в Византии.

2

VIII век в истории Византии является периодом глубокого внешнего и внутреннего кризиса. Попытка Юстиниана I (527—565) восстановить Римскую империю в прежнем ее объеме, от Двуречья до Геркулесовых столбов, не имела успеха. Напряжение, которое империя пережила при Юстиниане, подорвало ее силы. На востоке появился новый опасный враг — арабы, — грозивший самому существованию империи. На севере Балканского полуострова в результате вторжения славян и других варваров стали формироваться новые государства, из которых наиболее сильным противником Византии была Болгария. Вторжение лангобардов повлекло за собой постепенное отделение Италии от Византии. На востоке Византия потеряла ряд провинций в борьбе с иранцами, а затем с арабами. Империи оставалось только заботиться об укреплении власти в новых, ограниченных пределах. Ближайшими задачами византийских императоров, преемников Юстиниана, становилась защита Малой Азии и Сирии против арабов, Балканского полуострова против славян, которые позднее других варваров продолжали свои вторжения в пределы империи. Говоря о движении народов, Энгельс отмечал, что если в 568 году эти движения прекратились, то «...речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении»¹¹.

Преемники Юстиниана I продолжали опираться в своей внутренней политике на крупное сенаторское землевладение. В этот

¹ Schlosser «Geschichte der Bildersturmenden Kaiser». Frankfurt. 1872.

² А. П. Лебедев «Вселенские соборы VI, VII и VIII веков». Москва. 1897.

³ Ф. А. Терновский «Грековосточная церковь в период вселенских соборов». Киев. 1883.

⁴ J. Pargoire «L'église byzantine de 527 à 847». Paris. 1905.

⁵ L. Bréhier «La querelle des images». Paris. 1904.

⁶ Zachariä von Lingenthal «Geschichte des griechischrömischen Rechts». Berlin. 1892.

⁷ В. Васильевский «Законодательство иконоборцев». Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 199, 200—201. 1878.

⁸ M. C. Pararrigopulo «Histoire de la civilisation hellénique», pp. 182—240. Paris. 1878.

⁹ К. Н. Успенский «Очерки по истории Византии». Ч. 1-я, стр. 209—229 и 237—265. Москва. 1917.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 128.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 344.

период борьба низших классов против феодализации византийского общества, против прогрессировавшего закрепощения класса мелких землевладельцев. приняла наиболее острый характер.

Закрепощению сильно противодействовало влияние общинного быта славянских поселений. Под влиянием общин славян-земледельцев в Византии сохранился значительный слой незакрепощенного крестьянства. Славяно, как и германцы, по словам Энгельса, «...сумели сберечь в феодальном государстве осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство к сопротивлению...»¹. Поэтому усиливавшаяся власть крупных землевладельцев вызывала непрерывающийся ряд восстаний низших классов: рабов, колонов и городского плебса. В этих восстаниях во многих случаях принимала участие и армия, которая в то время в значительной степени пополнялась за счет крестьянского населения. Восстания принимали особенно острый характер в районах сплошных славянских поселений.

Исследования Цахариэ фон Лингентала² и В. Г. Васильевского³ показали влияние славянских поселений на византийское законодательство. Они ярко выявили, что правительство Византии не могло не считаться со строем этих поселений и отражало это влияние в своем законодательстве.

При преемниках Юстиниана армия подверглась коренному переустройству. Войска все больше и больше рекрутировались из местного населения, приобретая характер ополчения. Воины получали земельную собственность и по распоряжению правительства обязаны были собираться в определенном месте с собственными лошадьми и оружием. Это сближало армию с земледельческим населением, создавая военно-земледельческий слой так называемых стратиотов. Поселенцы обязаны были нести военную службу, получая за это ряд значительных льгот.

На базе военно-земледельческих поселений византийское правительство постепенно произвело коренную реформу областного административного управления. Уже с VI века в некоторых областях об'единились гражданская и военная власти. Усилившаяся в VII веке внешняя опасность вынужда-

ла поставить по-военному управление всех провинций. Значительную роль в этой перестройке играла задача укрепления органов управления для борьбы с непрерывавшимися народными движениями. Так возникло новое, военно-административное деление империи, создавался так называемый фемный строй. Завершение этой реформы происходило уже при первом иконоборческом императоре—Льве III. Строй Византии в этот период напоминал военно-административную организацию каролингской монархии, что еще раз позволяет отклонить теории о «национальном», «самобытном» характере византийской государственности и поставить Византию в общие рамки развития европейского феодализма.

На протяжении VI и особенно VII веков в Византийской империи сильно развивается церковно-монастырское землевладение. К VIII веку по размерам своих земельных владений византийская церковь стояла паритетом с западной церковью, т. е. церквям и монастырям принадлежало не меньше одной трети всего земельного фонда империи. Писания церковных историков и летописцев перестраиваются сообщениями о бурном монастырском строительстве в то время. Чтобы дать наглядное представление об удельном весе монастырей, укажем, что в VII веке в значительно уменьшившейся Византии было до 100 тысяч монахов, в то время как даже в царской России при 160 миллионах населения было 40 тысяч монахов.

Юстиниан I и его преемники всячески поощряли строительство монастырей, давали им всевозможные льготы. Монастыри широко пользовались иммунитетом, носившим в Византии название экскуссии. Как и на Западе, эти экскуссии состояли в воспрещении органам правительства вторгаться в пределы иммунитетного округа, в освобождении его от податей и повинностей и выделении его из общей административной системы. Все эти льготы подробно перечисляются в хрисовуллах (грамотах), которые императоры выдавали монастырям. Возьмем для примера один из хрисовуллов, которым монастырь освобождался от «постоя чиповников, служащих фем... поставки продовольствия в крепости, подушной подати (аэрикоп), подворного налога, торговых пошлин, постройки укреплений, починки дорог, мостов, доставки железа и гвоздей дляковки лошадей, выдачи сена, предоставления обычного продовольствия судьям, сборщикам... снаряжения матросов, стрельцов, всадников и других воинов, рубки и доставки всякого леса или перевозки иного рода... и от всякого иного отягощения и ущерба».

Этот список льгот, который мы сократили, ярко показывает, от какого большого количества повинностей государству при-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 132—133.

² Zachariä von Lingenthal. Op. cit., S. 61, 89.

³ В. Г. Васильевский «Материалы для внутренней истории византийского государства». Журнал Министерства народного просвещения. 1880 и след.

ходилось отказываться в пользу монастырей, каким тяжелым бременем лежали монастыри на народное хозяйство Византии.

Под монастырскую экускусию попадали не только монахи, но и жившие на церковных и монастырских владениях крестьяне, что часто особо указывается в императорских хрисовуллах.

В феодализирующемся византийском обществе монастыри являлись наиболее мощными хозяйственными организациями. Они вытягивали в свою орбиту огромные богатства, отнимали у государства большое количество людей, способных к ношению оружия, и становились грозной силой, против которой еще больше, чем против светского крупного землевладения, должна была направить свои усилия центральная власть империи.

Борьба императоров против децентрализаторских тенденций светского и церковно-монастырского феодализма и составляет тот основной фон, на котором разворачивается иконоборческое движение VIII—IX веков.

3

Эти века были для Византии периодом непрекращающихся внутренних неурядиц. От Константина IV Погоната (668—685) до начала Исаврийской династии (717), т. е. за 32 года, на престоле сменилось семь императоров. Эти дворцовые перевороты еще более ослабляли империю.

В марте 717 года на престол Византийской империи вступил Лев III. Положение империи было очень тяжелым. Арабы далеко продвинулись в Малой Азии. В 716 году они взяли Аморий, в 717 году — Пергам. Перезимовав в Пергаме, халиф Маслама весной 717 года перешел Геллеспонт. На помощь ему из Египта и Сирии явился большой флот, и осенью 717 года началась осада Константинополя, которая продолжалась целый год. Но под руководством талантливой полководца Льва III византийская армия разбила арабов. Поражение арабов было неслыханным. По дошедшим до нас сведениям, из 180-тысячной арабской армии спаслось лишь 40 тысяч человек. Весь арабский флот в составе свыше 2500 судов был уничтожен «греческим огнем». Этот отпор, данный Львом III арабам, историки сравнивают с победой Карла Мартелла над арабами при Пуатье в 732 году.

Борьба с арабами продолжалась в течение всего правления Льва III. Победа Льва III при Акроингоге в 739 году положила конец завоеваниям арабов в Византии.

Лев III завершил феодное устройство империи. Понимая, как опасно оставлять крупные военные деления во главе с всемогущими стратегами, он разбил крупные

феоды на более мелкие, ослабив этим роль стратегов. При Льве III широко распространена была система поселений стратиотов.

Лев III поставил перед собой задачу реорганизации всего управления империи, в первую очередь военного устройства. Новая династия, начало которой положил Лев III, пыталась усилить централизацию власти, опираясь на формировавшийся военно-служильный слой и на часть светских феодалов. На этом пути с первых шагов Лев III столкнулся с сильным сопротивлением крупных феодалов, духовной аристократии и особенно крупного монастырского землевладения, которые пытались свергнуть Льва III. Еще во время осады столицы стратег Сицилии Сергей провозгласил нового императора. В 719 году бывший император Анастасий (царствовавший с 713 до 716 года) с помощью болгар пытался вернуться на трон. Оба эти восстания были энергично подавлены Львом III, после чего ему был расчищен путь для задуманной им широкой реформаторской деятельности.

Огромные земельные фонды монастырского землевладения тормозили расширение системы военных наделов и лишали государство денежных сумм. Влияние церковного и монастырского землевладения было сильно связано с почитанием икон. Обладание особо знаменитой, прославленной «чудесами» иконой становилось одним из важнейших источников экономического и политического могущества монастыря или церкви, увеличивало их авторитет, отодвигая на второй план авторитет государства и его чиновников. Не случайно поэтому движение, направленное против монастырского землевладения, проходило под видом борьбы против икон. Императорская власть стремилась секуляризовать огромные монастырские владения, выдвигая против церкви обвинение в «ереси» иконопочитания.

Зачатки борьбы против иконопочитания наблюдаются в Византии задолго до начала собственно иконоборческого движения. Первые противники икон появляются еще в IV веке, например кесарийский епископ Евсевий, считавший, что изображать Христа нельзя, так как он неопишуем. Носителями иконоборческих стремлений являются, далее, несториане и монофизиты¹.

Монофизиты проповедывали, что Христос — не человек, и так как человеческое естество подавляется божеским и пребывает вне времени и пространства, то оно неопишуемо. Характерно, что этот тезис монофизитов использовали Константин V и собор 754 г., основывая на нем главные аргументы против иконопочитания.

¹ Слово «монофизит» происходит от греческих слов «монос» («один») и «фисис» («природа»).

В VII веке широко распространилось учение павликиан, выражавшее недовольство сельской и городской бедноты церковью, как опорой господствующих классов. Павликиане отрицали церковную иерархию и иконы. Они требовали восстановления равенства раннехристианских общин, перенося эти требования также и в гражданские отношения.

Между тем усилившаяся с V века тенденция «материализации» верований, коренившаяся в еще не изжитых языческих преданиях, использовалась церковью в своих целях. Церковь выдвигала иконы как наиболее мощное выражение единения святого и материального. Иконы становились знаменем борьбы, по существу носившей чисто экономический характер.

На стороне иконоборцев была военная и придворная знать, а также все военное сословие, заинтересованное в захвате земель и богатств монастырей. Борьбу иконоборцев поддерживали также ремесленники, для которых мастерские при монастырях были серьезными конкурентами.

Появление Эклоги совпадает по времени с началом борьбы против икон. Свою реформаторскую деятельность Лев III начал с издания новых законодательных сборников, в первую очередь Эклоги. Эклога представляет собой сборник тех изменений в законодательстве, которые появились со времени издания кодекса Юстиниана. Среди введенных Эклогой изменений следует отметить установление жалованья для судебных чиновников и установление общности имущества супругов, ликвидировавшее единоличное владение мужа. Эклога вводила также бесплатность судопроизводства и уравнивала права знати и плебса перед судом. При Льве III были изданы также военные и морские законы. Первый из них регулировал организацию армии, а второй — морскую торговлю, имевшую большое значение в хозяйственной жизни империи.

Однако первостепенное значение для нас имеет Земледельческий закон, который в большинстве дошедших до нас источников является составной, органической частью Эклоги.

Закон этот говорит о двух типах крестьян: крестьянах — мелких собственниках, организованных на основе общинного землевладения, — и крестьянах-арендаторах. При общинном владении земель члены общины могли свободно распоряжаться своим наделом, сдавать его в аренду, обменивать, но только в рамках одной общины. Это объясняется тем, что правительство было заинтересовано в общине, которая несла коллективную ответственность за выполнение повинностей и уплату налогов.

Крестьяне-арендаторы делились также на две группы. Первую составляли мортиты, которые обрабатывали чужое поле своими орудиями и платили владельцу десятую часть урожая. В законе говорится: «Часть мортита — девять снопов, часть владельца — сноп. Кто будет делить иначе, да будет проклят богом». Вторая — это темениасты (половиники) — крестьяне, которые обрабатывали чужой участок орудиями владельца, отдавая ему половину урожая. В Земледельческом законе не упоминается ни о колонате, ни о барщинной повинности. Конечно, это не значит, что совершенно исчезло зависимое крестьянство, но указывает на то, что широко развились свободные земельные отношения среди крестьянства.

Новое законодательство, регулировавшее положение крестьянства империи, было рассчитано на то, чтобы привлечь крестьянство на сторону императора в его борьбе против крупного, особенно церковно-монастырского землевладения.

Главной силой, на которую опирались иконоборческие императоры, была армия. Это и понятно, если учесть, что значительная часть армии пополнялась за счет крестьянства, положение которого упрочилось с изданием Земледельческого закона.

В 726 году Лев III представил сенату эдикт, по которому поклонение иконам запрещалось как идолопоклонство. Этот эдикт под давлением императора был санкционирован сенатом.

В 728 году Лев III издал новый эдикт, по которому предписывалось снять все иконы и изображения святых. Патриарх Герман отказался признать этот эдикт. Он был смещен, и на его место был назначен Анастасий. Папский престол в Риме поддерживал движение против Льва III. Папа Григорий II оказывал помощь восстаниям в Элладе и Южной Италии, которые, как и Крит, Македония и Иллирия, подчинялись еще церковной юрисдикции папы. Папа созвал местный собор, осудивший Льва III как еретика. Лев III велел конфисковать все имущество римской церкви в Южной Италии и Сицилии. Когда в 732 году папа Григорий III созвал собор, осудивший иконоборчество, Лев III изгнал Крит, Элладу, Македонию и Эпир из-под церковной юрисдикции папского престола. Таким образом наметился оформившийся позднее разрыв между восточной и западной церковью.

Церковь и монастыри оказали иконоборческим декретам ожесточенное сопротивление. Лев III, стремясь уничтожить гнезда пропаганды против реформ, закрывал церковные и монастырские школы. При этом, как показывают источники, Лев III широко заботился о школьном образовании и рас-

Иконоборческий церковный собор уничтожает иконы.

Карикатура того времени.

пространении грамотности, желая придать просвещению и культуре светский характер. Таким образом, Лев III боролся не против образования, а против направления, которое ему давали церковники. В правление Льва III выдвигались широкие задачи выработки новых форм гражданственности, новой культуры, делались попытки освобождения культуры от затхлой атмосферы церковно-монастырского засилья. Эта работа нашла своего энергичного продолжателя в лице сына Льва III — Константина, который еще при жизни Льва III был назначен императором-соправителем для укрепления новой, Исаврийской династии.

4

Константин V (741—775) был неутомимым последователем дела своего отца. При нем борьба против иконопочитателей еще более усилилась, причем она была теперь направлена не только на ограничение монастырского землевладения, но и на полную ликвидацию монастырей.

Со своей стороны, иконодотцы оказывали ему жестокое сопротивление.

После смерти Льва III стратег фемы Армениак¹ Артавазд пытался захватить византийский престол. 27 июня 741 года

Константин покинул столицу и направился в Малую Азию для борьбы с арабами. Артавазд, находившийся в Дорелее, считал момент удобным для своего выступления. Он повел свои войска против Константина, разбил его армию и провозгласил себя императором. Константин скрылся в Амории, в феме Анатолик, стратегом которой был преданный ему Лонгин. К войскам Лонгина присоединились войска стратега Фракисийской фемы Сисиния. Во главе этих войск Константин V повел наступление против Артавазда. Церковники в столице воспользовались восстанием Артавазда и провозгласили его императором как «защитника божественных установлений». Артавазд вступил в Константинополь и правил целый год. В мае 742 года Артавазд переправился через Босфор, с тем чтобы захватить Константина с тыла, но план этот не удался. Артавазд был разбит армией Константина и отступил в Константинополь. В сентябре Константин овладел всей Малой Азией, прибыл в Халкедону, перешел во Фракию и оттуда начал осаду столицы.

Ввиду начавшегося голода Артавазд вынужден был разрешить невоенному населению выйти из столицы. Это было сигналом ко всеобщему бегству в армию Константина. 2 ноября войска Константина пугурмом взяли столицу. Артавазд и его сыновья Никифор и Никита были схвачены и ослеплены. Большое количество мятежников было выслано.

¹ Фема Армениак занимала западную часть древних областей Понта и Каппадокии и восточную часть Галатии.

Покончив с Артавасдом, Константин приступил к укреплению границ империи и продолжению борьбы со сторонниками иконопочитания.

Константин V достиг больших успехов в борьбе с внешними врагами империи. При нем арабы были вытеснены из Малой Азии и с островов Эгейского моря. Константин совершил удачный поход в Сирию (745 год), завоевал Кипр (746 год), завладел Феоносиополем и Мелитеной (751 год). В борьбе с болгарами он одержал решительные победы при Марцеллах (759 год) и при Анхале (762 год).

В отношении внутренних врагов Константин был не менее решителен. Широко практиковались конфискации монастырского имущества, монастыри закрывались, здания их обращались в казармы и общественные учреждения. Изъятые у монастырей земли раздавались за военную службу в качестве стратиготских участков. Лишение своих богатейших привилегий, огромное количество византийских монахов выселялось из Византии. В. Г. Васильевский считает, что это выселение содействовало сохранению греческого языка и культуры в Южной Италии до утверждения здесь норманнов. Археологи насчитывают около 200 греческих монастырей, основанных лишь в одной Калабрии от начала иконоборчества до X века¹.

В борьбе с феодализацией империи Константин V проводил дальнейшую централизацию государственного аппарата.

В 754 году Константин созвал «вселенский» собор. Этот собор долго и тщательно подготовлялся. Константин был хорошим знатоком теологических споров. Его современник Феохтерист сообщает, что он сам читал 13 речей Константина V, посвященных обоснованию доктрины иконоборцев. Феохтерист называет Константина «худшим отпрыском плохого семени, драконом, происшедшим от ядовитой змеи, который намного превзошел злодейство отца».

Главными деятелями созванного Константином V собора были эфесский архиепископ Феодосий, сийский епископ Константин и епископ Памладий. На соборе не было представителей ни папы, ни патриархов Александрии, Антиохии и Иерусалима. Всего на соборе присутствовало 338 епископов. Летопись дает такую запись об этом соборе: «...нечестивый Константин собрал бесконечное сходбище из 338 епископов во дворце Иерии против святых и досточтимых икон...» О деятельности этого собора мы знаем только по решениям собора 787 года. Несомненно, круг вопросов был широкий, так как собор заседал полгода, но акты собора были

уничтожены после поражения иконоборчества. К. Н. Успенский считал, что в основе работы собора лежала разработка мер борьбы против монастырей². С этим утверждением можно согласиться, если принять во внимание, что борьба с монастырями начинается в следующем же году после этого собора.

Константин широко практиковал способ передачи монастырских владений в виде пожалований (харитивний), что соответствовало западному бенефицию. У монастырского феодализма не было никаких средств сопротивления этому натиску государства. Поэтому борьба и переносилась на религиозную почву. Церковникам и монахам ничего не оставалось, кроме того чтобы выставить на первое место вопрос о поклонении иконам, который на самом деле имел лишь внешнее, второстепенное значение.

Подводя итоги правлению Константина, мы можем отметить, что его время является кульминационной точкой в развитии иконоборческого движения. Его трои окружали лица, подобранные им самим и полностью разделявшие его взгляды; управление областями поручалось лицам, верность которых иконоборчеству была известной. Патриархи Анастасий, Константин, Инкита были людьми, послушными воле императора. В этот период, как несколько преувеличенно отмечает Гфререр, выросло поколение, которое знало о монахах только по правилу: император и его армия — все, монахи и церковь — ничто³.

Лев III и Константин V были талантливыми организаторами, выдающимися полководцами, которые задумали широкие реформы и добились больших результатов в их проведении. Они подняли Византию из состояния глубокого упадка на такую высоту, на которой она давно не стояла до них. Но феодализация империи зашла уже далеко. Постепенно крупные феодальные владения, особенно монастырские, сумели оправиться от первого удара. После смерти Константина V движение распадается, мельчает. Клерикальная партия иконодулов ренессансе перейти в наступление. Борьба начинается с новой силой, когда на византийском престоле не оказывается таких сильных личностей, какими были Лев III и Константин V.

5

После смерти Константина V (775 год) престол перешел к безвольному, слабому Льву IV (775—780), жена которого

² См. К. Н. Успенский «Очерки по истории Византии», стр. 256.

³ Gfrörer «Byzantinische Geschichte» T. II, S. 465. Graz. 1874.

¹ См. В. Васильевский «Русско-византийские отрывки». Т. VI, стр. 308.

Ирина, была одной из руководительниц иконодулов.

Вокруг Ирины объединились все силы реакции. Они сделали Ирину своим знаменем и рассчитывали возвести ее на престол после Льва IV. Лев IV не мог противостоять силам реакции, и за пять лет его правления реакция шагнула далеко вперед.

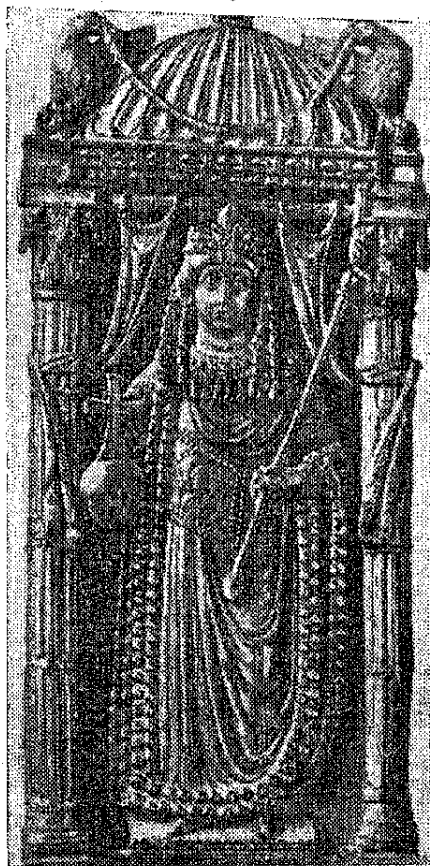
В основе успехов реакции лежали изменения в расстановке классовых сил. Подъем VIII века обуславливал рост торговли и промышленности. Борьба иконоборцев не могла приостановить усиления крупного землевладения. Купцы и знать все больше вкладывали свои средства в земельную собственность. Возобновляется рост крупного землевладения за счет мелких землевладельцев. Нужно учесть, что и силы монастырского монашества еще не были окончательно подорваны. При Льве III монашество в значительной степени оправляется от первых, хотя и сильных, ударов.

После смерти Льва IV иконоборческая партия устроила заговор в пользу сына Константина V от третьего брака, Никифора. Однако силы реакции настолько окрепли, что заговор был легко подавлен, и у власти оказалась Ирина с 11-летним сыном Константином. Теперь реакция подняла голову. Из ссылки были возвращены сосланные при Константине V иконопочитатели. Началась усиленная кампания, имевшая целью внушить населению, что собор 754 года не был правомочным. Ставленник иконоборцев патриарх Павел был удален и на его место назначен видный деятель иконодулов Тарасий (784 год).

В августе 786 года были открыты заседания нового собора. Однако Ирина не учла настроений широких масс населения и особенно армии. Солдаты твардии разогнали первое заседание собора. Пришлось вывести войска из столицы в Малую Азию под предлогом экспедиции против арабов и там распустить их. Собор открылся снова в Никее в сентябре 787 года. Состав собора был тщательно подобран правительством. На соборе была восстановлена доктрина иконопочитания, и Ирина сама подписала принятые каноны.

В 797 году Ирина, опасаясь того, что подрастающий Константин VI пред'явит права на власть, ослепила сына и стала править одна. Единовластие Ирины было золотым веком для монахов. Ирина пыталась опереться на низшие классы, вводя ряд налоговых льгот, уменьшая таможенные пошлины. Это вызывало резкое недовольство на другом полюсе, особенно среди военных верхов. В конце концов военачальничья группировка свергла Ирину с престола. С Ириной прекратила свое существование Исаврийская династия.

После нее на престоле оказался великий

Императрица Ирина.
Шластинка слоновой кости.
Национальный музей во Флоренции.

логофет (министр финансов) Никифор I (802—811).

Никифор I отказался от насильственного курса первых иконоборческих императоров, но продолжал начатую ими реформаторскую работу. В 810 году он отменил налоговые льготы церквей. Монастыри снова лишились экссуссий и других привилегий, их владения отбирались в доход государства, отдавались для военных и государственных нужд.

Резко изменилось положение, когда на престол вступил Михаил I Рангаб (811—813). Как пишет Феофан, это был «басилевс (император), угодный церкви». Под влиянием церковников и монахов Михаил предпринял поход против болгар, окончившийся неудачно. Это вызвало резкое недовольство у населения столицы, которое еще помнило крупные военные успехи иконоборцев. У гробницы Константина V состоялась шумная демонстрация. Когда Михаил I в июне 813 года потерпел поражение от болгар при Версиникии, возле Адрианополя, иконоборческая партия сочла момент удобным для выступления и провозгласила императором Льва Армянина, стратега фемы Анатолик.

Новый император, Лев V (813—820), выдвинутый иконоборцами и войском, продолжал политику Льва III и Константина V. Он добился значительных военных успехов, нанеся поражение болгарам при Ме-

Пастухий бог Пан.

Византийское воспроизведение античного изображения. Мрамор. Музей Фридриха. Берлин.

семврии (813 год). Смерть болгарского хана Крума (814 год) и заключение 30-летнего мира с его преемником позволили Льву V заняться внутренней политикой. Под руководством Иоанна Хилла, прозванного Грамматиком, был создан кружок ученых, которому было поручено собрать авторитетные показания из писаний «отцов церкви» против иконопочитания. На совещании во дворце совещания император встретил оппозицию против вмешательства в церковные дела. Тогда Лев V закрыл совещание и издал эдикт, которым запрещалась дискуссия по религиозным вопросам.

В марте 815 года патриарх Никифор был сослан и на его место был назначен Феодот, сторонник иконоборцев. В этом же году Феодот созвал собор, который подтвердил решения иконоборческого собора 754 года.

Однако иконоборческое движение явно клонилось к упадку. Феодальные владельцы, монастыри, несмотря на обрушившиеся на них удары не были разгромлены.

В декабре 820 года заговорщики убили Льва V и провозгласили императором Михаила II (820—829), с которого началась новая, Фригийская династия. Михаил II безразлично относился к религиозным вопросам. Идеальный руководитель иконодолов Феодор Студит использовал слабость центральной власти для усиления агитации против иконоборческой политики. «Зима прошла, — говорил Феодор, — хотя желанная

весна еще не наступила; огонь погас, хотя дым еще остается».

Как отзвук иконоборческого движения, при Михаиле II вспыхнуло восстание народных масс, известное в истории под названием восстания Фомы Славянина. Это движение заслуживает того, чтобы быть освещенным особо. Интересно здесь отметить только, что партия иконопочитателей выразила удовлетворение кровавой расправой правительства с повстанцами. Восстание Фомы Славянина потерпело поражение, так как в городах у крестьян не было прочного союзника, а против него объединились силы и иконоборцев и иконопочитателей. Феодор Студит заявил, что «убийцы понесли справедливое наказание».

В 829 году императором сделался Феофил (829—842). Он был воспитанником Иоанна Грамматика, и при нем иконоборческое движение сделало последнюю попытку оказать сопротивление наступающей феодально-монастырской реакции.

В 833 году во Влахернской церкви был созван собор, осудивший иконопочитание. Монастырскому землевладению снова нанесли сильные удары. При Феофиле усиленно стали заменять церковную живопись светской. Запрещена была работа монахов-живописцев. Но все сильнее чувствовался упадок движения, которое уже могло подогреваться только военными успехами. Внешними успехами правление Феофила не отличалось. Походы на арабов окончились неудачей. В 838 году византийцы потерпели поражение при Дазимоне, Аморий был взят арабами. Иконодульская партия вела сильную агитацию, объясняя военные неудачи «гневом божьим» за иконоборческую политику императора, и призывала сплотиться вокруг иконодолога — стратега Михаила.

Смерть Феофила была сигналом для иконодолов. Против централизирующих тенденций иконоборчества выступили объединенные силы крупных владельцев земли, церкви и монастырей. Эти силы стремились сбросить введенные иконоборцами ограничения, сдерживавшие их экономические завоевания.

В 842 году на престол взошла вдова Феофила Феодора с малолетним сыном Михаилом. В рядах советников Феодоры оказались видные иконодоловы: магистр Манцил и логофет Феостит. Они торопили Феодору с восстановлением иконопочитания. На место патриарха Иоанна, оказывавшего сопротивление иконопочитанию, был поставлен монах Мефодий. Восстановление иконопочитания пошло при нем быстрыми темпами. В 842 году был собран собор. Хронисты-икондоловы сообщают, что восстановление иконопочитания произошло якобы

без сопротивления. Это, конечно, — преувеличение. Верно то, что силы феодализма оказались сильнее централизующих и реформатских стремлений партии иконоборцев.

Победа реакции сопровождалась разгромом павликиан, выражавших революционные стремления сельской и городской бедноты. Летописи сообщают, что жертвами этой расправы пало 100 тысяч человек. Павликиане оказали энергичное вооруженное сопротивление, благодаря которому часть их прорвалась на территорию эмира Мелитенского. Оставшиеся в империи павликиане потерпели крупное поражение в 872 году, когда силы реакции разрушили их центр — Тефрику.

Центробежные силы феодализма оказались сильнее реформатских попыток иконоборцев. IX век — время бурного роста феодализма. В X веке феодализм в Византии, как и во всей Европе, победил окончательно.

6

Мощный под'ем, который переживала Византия в эпоху иконоборчества в народнохозяйственной и политической жизни, сказался и на развитии культуры и оказал глубокое влияние на развитие византийского искусства. Известный византинолог и крупный знаток византийского искусства Ш. Диль считает, что перед началом иконоборчества искусство Византии клонилось к упадку¹. Иконоборческое движение внесло в искусство Византии свежую струю. И второй «золотой век» византийского искусства, при Македонской династии, многим обязан именно влиянию иконоборческой эпохи. Религиозное искусство при иконоборцах сильно пострадало. Но иконоборческие императоры не были врагами искусства и, уничтожая религиозную живопись, стремились создать новое искусство.

Положительное влияние иконоборчества на искусство проявлялось в том, что оно побудило художественную мысль вернуться к эллинистическим, особенно александрийским, образцам. Оно способствовало широкому распространению восточных орнаментов и украшений. Эллинистическое возрождение в искусстве выразилось главным образом в том, что художники вернулись к изображениям человеческого тела и к жанровым мотивам.

Сильно изменяется и украшение рукописей. К этому времени относится появление прекрасной расписки рукописей по эллинистическим образцам, появление зоологического цветного орнамента в византийских рукописях.

¹ Ch. Diehl «Manuel d'art byzantin», pp. 334—363. Paris. 1940.

Новые мотивы появились и на изделиях из слоновой кости. Особенно распространены были восточные мотивы — львы и гриффы, которые встречаются на многих шкатулках из слоновой кости.

От иконоборческой эпохи сохранилось много изделий из слоновой кости. В большинстве случаев это сундучки, украшенные сценами охоты и войны или сценами пастушеской жизни, мифологическими сюжетами. Так, на сундучке Вероли, хранящемся в музее Южного Кесингтона, изображены жертвоприношение Ифигении, похищение Европы, вакхические сцены.

На искусстве иконоборческой эпохи можно проследить также возрождение античного натурализма. Иконоборческие императоры, желая парализовать идеологическое влияние религиозной живописи, стремились противопоставить ей в искусстве идею усиления центральной императорской власти. Константин V восстановил обычай монументальных исторических изображений. При нем на стенах общественных зданий в Константинополе воспроизводились сцены его кампаний против арабов, сцены императорской охоты. Эти сцены попадаются не только в монументальной живописи, но и на сундучках и даже на тканях, о чем свидетельствуют образцы, хранящиеся в Лионском музее истории ткани. Здесь чувствуется сильное влияние арабского и персидского искусства, что вообще свойственно иконоборческой эпохе.

На византийских монетах этого времени исчезают изображения Христа и главное место занимают портреты императоров. На некоторых монетах иконоборческих императоров снова появляется давно исчезнувший лабарум² в руках императора.

В иконоборческом искусстве появляются признаки возвращения к примитивным украшениям первых христианских церквей, возвращение к подражанию античным образцам. В портретной живописи и в изображениях природы также возрождались античные традиции.

Собор 787 года осудил новые течения в искусстве, запретив изображения светских мотивов, военных сцен и т. д. Однако иконоборческие императоры не обращали внимания на это запрещение.

Большой любитель строительства, император Феофил воздвиг ряд зданий, среди которых был новый дворец с роскошным тронным залом под позолоченным сводом. Стены его были украшены разноцветным мрамором. Потолок поддерживали 15 ко-

² Знамя, которое, по преданию, было видением римского императора Константина (306—337) в ночь перед битвой с Максенцием (312). На знамени были якобы начертаны слова: «Этим знаменем победишь!»

лонн из фригийского мрамора. Во дворце имелся великолепный перистиль, посередине которого возвышался бронзовый фонтан. Во дворе были портики из мрамора, украшенные бронзовыми львами, из пасти которых лилась вода.

Вокруг этой части дворца были построены изумительной красоты залы и павильоны с мозаичными украшениями, в которых излюбленными мотивами были деревья и животные, изображенные на золотом фоне. Здесь были роскошные фрески, красивые выкладки из цветного мрамора.

В Магнаврском дворце Феофил велел расставить большое количество золотых и серебряных изделий тонкой работы. Над треном простирался платан из золота, на его ветвях сидели золотые птицы. У ног трона сидели золотые львы; по бокам трона — золотые грифоны. При входе послов птицы двигались и пели, грифоны подымались на своих подставках, львы били хвостами и рычали.

Наиболее древний памятник византийской эмали относится к иконоборческой эпохе. Это производство получило затем большое распространение в византийском искусстве.

Не исчезло целиком и религиозное искусство. В бывшем собрании Хлудова имеется псалмовник, украшенный рядом религиозных мотивов в виде виньеток на полях. Но эти виньетки пронизаны новым духом, чуждым застойной церковной тор-

жественности византийского искусства до иконоборческого периода.

Таким образом, иконоборческая эпоха подготовила пробуждение эстетических чувств византийцев, развила художественный вкус у народных масс, освободив византийское искусство от застойного церковно-монастырского формализма, и привела к «золотому веку» искусства в IX—XI веках.

* * *

Иконоборческая эпоха оставила глубокие следы во всех областях народнохозяйственной, политической и культурной жизни Византии. Период владычества новой, Македонской, династии, начало которой положил Василий I, пришедший к власти в 867 году, был периодом широкого торжества реакции. Но движение иконоборцев не прошло бесследно. Достаточно указать, например, что захваченные монастырские земли не были возвращены монастырям. Иконоборческое движение вызвало к жизни новые силы, задержать развитие которых уже не мог победивший феодализм. И потому и в области земельных отношений и в остальных отраслях народнохозяйственной жизни последующие императоры не раз черпали из законодательного наследия иконоборцев. Возрождение культуры, расширение светского образования, новый расцвет искусства — все это базировалось на сдвигах, вызванных иконоборческим движением.

Археологические открытия в Индии

1

Последние раскопки в долине Инда не только открыли древнейшую цивилизацию Индии, но и дали исключительно ценный материал для изучения истории классического Востока, особенно Месопотамии, с которой обитатели долины Инда поддерживали оживленные связи.

Следы древнейшей индской цивилизации сохранились в виде целого ряда погребенных в земле поселений. В настоящее время раскопаны города в Мохенджо Даро и в Харалппе¹, относящиеся к металлической эпохе IV—III тысячелетий до нашей эры. Из наземных памятников Индии того же периода известны лишь менхирры и дольмены² в Пенджабе и других районах.

Вообще же следы человеческой культуры в Индии сохранились от времен палеолита в виде, например, пещерных стенописей красной охрой, изображающих охотничьи сцены.

Город в Харалппе, к раскопкам которого приступил в 1921 году индусский ученый Сахни, по видимому, несколько древнее и обширнее, чем поселение в Мохенджо Даро, но сохранился хуже. Культуры Харалппы и Мохенджо Даро почти тождественны, находок же в последнем сделано больше, и цивилизация долины Инда характеризуется преимущественно раскопками в Мохенджо Даро.

В 1921—1922 годах индусский археолог Банерджи, исследовавший в Мохенджо Даро буддийский надгробный памятник, так называемый ступа, и монастырь (вихара) периода 150—300 годов нашей эры, установил, что обширный холм под ними состоит из материалов доисторического посе-

¹ «Мохенджо Даро» на языке Синди означает «Место мертвых»; город этот расположен в Среднем Синде, в 5,6 километра от правого берега Инда и в 40 километрах на юг от Ларкана.

Харалппа находится в Пенджабском округе Монтгомери, близ старого русла Рави, притока Инда.

² Мегалитические памятники — доисторические сооружения неизвестного назначения из больших каменных глыб.

Менхирры стоят вертикально, дольмены имеют горизонтальное покрытие и иногда служат погребальными памятниками.

ления. Из его обожженного кирпича буддийские монахи соорудили упомянутые постройки.

В последующие годы в Мохенджо Даро вели раскопки индийские и английские ученые: Джон Маршалл, Ватс, Дикшит, Харгрэйвс и Сапа Улла. Руководил работами директор Археологического надзора Индии Дж. Маршалл, опубликовавший трехтомный труд по раскопкам в Мохенджо Даро³. В сезон 1926—1927 годов работу продолжали Сахни и Эрнест Мэккей, выпустивший в 1935 году описание Мохенджо Даро⁴, в котором он подробно освещает находки в Мохенджо Даро и делает некоторые выводы об особенностях цивилизации долины Инда, без попыток анализа социальной стадии развития общества.

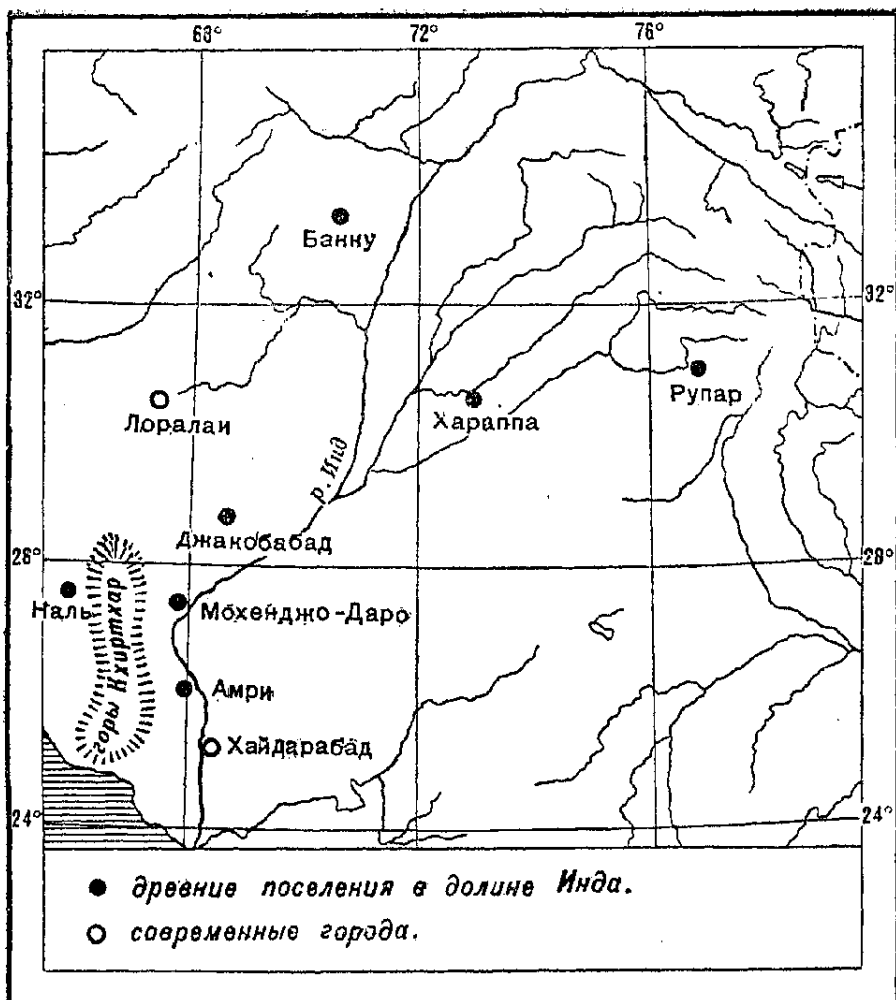
В Синде индусский ученый Мажумдар открыл новые следы индской культуры — от Хайдарабада на юге почти до Джакобабада на севере. Культурные наслоения образуют длинную цепь холмов между современным руслом Инда и горами Кхиргхар в Белуджистане. У левого берега Инда расположены руины одного очень обширного города из необожженного кирпича. Некоторые из этих поселений еще древнее Мохенджо Даро, особенно в Амри в Синде. Цивилизация Амри пока почти не исследована, но ее керамика с двухцветным геометрическим орнаментом по форме и росписи сильно отличается от изделий Мохенджо Даро и, по мнению Мэккея, создана другим народом.

Остатки неизвестной культуры найдены также Харгрэйвсом в 1925 году в Северном Белуджистане, в местечке Наль княжества Калат, причем установлено, что она относится к периоду, чуть ли не еще более древнему, чем индская.

На севере долины Инда следы поселений открыты не только в Харалппе, но и в Рупаре, на Сетледже, недалеко от холмов Симлы. Есть все основания предполагать, что признаки городищ встретятся еще дальше на восток и юг от Харалппы. Маршалл считает, что индская культура была распространена также в долине Ганга, хотя там еще не обнаружены ее сле-

³ John Marshall «Mohenjo Daro and the Indus civilisation». 3 Vol. London. 1931.

⁴ Ernest Mackay «The Indus civilisation». London. 1935.

Карта древних поселений в долине Инда с указанием современных городов.

ды. Харappa расположена более чем на 613 километров северовосточнее Мохенджо Даро, а некоторые пункты в Южном Белуджистане, где найдена керамика явно производства долины Инда, находятся на 230 километров западнее. Ясно, что «цивилизация долины Инда» распространялась на несравненно большую территорию чем, например, Египет или Шумер.

Значение открытия культуры долины Инда в том, что оно доказало существование в Индии IV—III тысячелетия до нашей эры развитой городской цивилизации, оригинальной системы письменности, искусной обработки металла, хлопчаткацкого производства, высокого качества строительства и интенсивных торговых связей с отдаленными странами. Степень развития индской культуры свидетельствует о том, что общество эпохи Мохенджо Даро находилось на раннеклассовой стадии развития, вступив в рабовладельческий период, с сохранением пережитков первобытной общины. Таким образом, древнее население долины Инда достигло весьма значительной высоты культурного развития до прихода туда тех варварских племен, которые находились на доклассовой стадии родо-патриархального строя.

Этнический состав населения долины Инда очень сложен и до сих пор точно не-

известен. В ту эпоху большая часть Индии была населена народами дравидской группы туранского происхождения, пришедшими в древние времена из Средней Азии. Дравиды не представляли собой антропологического целого и, столкнувшись в Индии с другими пришельцами — коларами, — оттеснили их и рассеяли по стране. Потомками дравидов, повидимому, являются брагуи Белуджистана и гонды Декхана, а коларов — санталы. До дравидов Индию населяли другие племена. Истинными аборигенами Индии были люди палеолита.

Как показывают раскопки в Мохенджо Даро, население долины Инда пришло туда незадолго до III тысячелетия до нашей эры с северозапада, будучи при этом уже на более высоком уровне развития чем, например, жители Элама и Шумера.

В долине Инда они смешались, вероятно, с племенами дравидов, создав этнические типы обитателей Мохенджо Даро и других городов индской долины. Исследованные скелеты из Мохенджо Даро отнесены местными учеными к четырем типам: протоавстралоидному, средиземноморскому, монгольскому и альпийскому, — причем последние два представлены только одной находкой, а первые два близки по типу к длинноголовым черепам, открытым в Аль-Убейде, Уре и Бише в Месопотамии, а

также к типу веддов, доныне обитающих на Цейлоне. Средиземноморский тип подобен образцам, найденным в Кише и Анау¹. Изображения людей на предметах явно напоминают монгольский тип. Интересно, что очень древние монголоидные черепа найдены также на Иранском плоскогорье, в Тепе-Хиссаре и Дамгане². Однако скудость антропологического материала не позволяет полностью уяснить этнический состав населения, создавшего цивилизацию долины Инда.

2

Из всех доныне открытых древнейших городов Востока правильная планировка встречается, кроме Мохенджо Даро, только в Вавилоне, почти того же периода, и в Кахуне³. Улицы в Мохенджо Даро направлены по странам света и пересекаются под прямым углом. Одна большая улица, шириной в 10 метров, тянется по северо-южной оси не менее чем на 800 метров. Такое расположение улиц диктуется направлением господствующих в Индии ветров и положением солнца и неуклонно соблюдалось также в более позднее время⁴. Здания образуют прямоугольные кварталы, что имеет и защитное назначение. Повидимому, городу угрожали нападения со стороны диких племен Белуджистана. Встречаются двойные городские стены, построенные из кирпича и из каменных блоков размером $0,6 \times 0,3 \times 0,3$ метра.

Из семи культурных слоев, открытых в Мохенджо Даро, седьмой, самый древний, сильно затянута илом реки Инда и занимает площадь, повидимому, больше 2,6 квадратных километра. Размеры же холма на этом месте, наверху которого находятся буддийские постройки, исследованные Банерджи, равны 1188 метрам с севера на юг и 612 метрам с востока на запад. В 183 метрах западнее находится второй холм, выше первого, но меньшей площади.

Город был заселен в верхних слоях очень тесно, и промежутки между домами иногда не превышают 0,3 метра. Для защиты от наводнений дома стояли на кирпичных платформах. Они имели от 1 до 3 этажей и плоские крыши, обнесенные

парапетом, как на современном Востоке. Перекрытия делались из деревянных балок и покрывались утрамбованной глиной. Высота стен иногда превышала 8 метров, а площадь жилищ в плане колебалась между 75 и 300 квадратными метрами. Освещалось помещение через двери, выходившие в переулки.

Различное устройство домов ясно указывает на большое имущественное неравенство жителей. Типичный богатый дом имеет несколько комнат, занимающих 2 этажа, отдельный колодец, благоустроенную систему водостоков и купальню. Жилища бедных жителей значительно меньше и скромнее, но самые бедные хижины, строившиеся, повидимому, из дерева или тростника за городской чертой, не сохранились. Почти каждый дом имел купальню и замечательно тщательно построенные водостоки, ведущие в общегородскую уличную систему, причем такое устройство имелось не только на нижних этажах.

Однако способы мощения купален и дренаж в богатых домах были совершеннее чем в бедных. Колодцы были круглой или овальной формы в 0,6—2,1 метра диаметром и обносились барьером из клинообразного кирпича. На каждый этаж, обычно занимаемый отдельной семьей, из внутреннего двора вела изолированная узкая кирпичная лестница. Доступ к большим домам открывался через двор с навесом в одном углу, где производилась стирка. Имелись и комнаты-кухни со специальным дренажем в полу.

В нижних слоях Мохенджо Даро город построен из хорошо обожженного кирпича, превосходно уложенного на известковом растворе или на извести и гипсе, смешанными вместе или порознь с глиной. Стены штукатурились глиной или гипсом. В позднейших наслоениях города качество строительства ниже. Обычный размер жилищного кирпича $26 \times 12,5 \times 5,6$ сантиметра; по форме он очень близок к современному английскому. Красные кирпичные стены домов в Мохенджо Даро лишены украшений, и, по впечатлению Дж. Маршалла, раскопанные улицы города очень напоминают фабричные районы Ланкашира с голыми кирпичными постройками. В покрытиях различных каналов употреблялся более крупный кирпич. Еще крупнее был сырец, ряды которого чередовались с обожженным кирпичом в платформах домов.

Строгая планировка и наиболее высокое качество строительной техники наблюдаются в седьмом, самом древнем слое, датированном примерно 3250—3050 годами до нашей эры, когда, по всем признакам, город переживал расцвет. Последующие верхние слои, начиная с четвертого, указывают на обеднение города.

¹ Средняя Азия.

² Северовосточный Иран.

³ Египет времени 12-й династии (2000—1788 годы до нашей эры).

⁴ См., например, санскритский трактат по строительству и планировке городов «Манасара Шильпа-шастра», составленный в письменной форме около IV—VI веков нашей эры на основе древней устной традиции. Планировка улиц по странам света соблюдалась вплоть до XVIII века, когда по правилам Манасары был построен город Джайпур.

Общий вид раскопок Мохенджо Даро. Видны остатки построек, сильно затопленные илом реки Инда.

Наиболее показательна для высокого уровня цивилизации в Мохенджо Даро городская система водостоков, самая совершенная во всем древнем мире. Почти по каждой улице и переулку проходят вдоль подземные кирпичные каналы со свободно лежащим ступенчатым покрытием из крупного кирпича или больших известняковых плит. Очистка каналов производилась путем с'емки наложенного покрытия и через специальные вместительные водоотливные колодцы, устроенные через определенные промежутки. Главные каналы имеют от 30 до 60 сантиметров глубины и от 23 до 46 сантиметров ширины. В городских предместьях для отвода сильных дождевых вод проложены подземные кирпичные стоки в 1,2—1,5 метра глубиной и около метра шириной со ступенчатыми покрытиями. Каналы разных уровней умело соединены через колодцы, предохраняющие от утечки воды в землю. Повороты каналов построены из клиновидного кирпича, который применялся также в обрамлении колодцев, но нигде не использовался для сооружения свода. Сточная вода из домов, прежде чем попасть в общегородскую уличную систему, проходила через отстойные ямы.

Водонепроницаемость обеспечивалась высоким качеством обжига кирпича и тщательной кладкой, особенно в домовых стоках, проложенных через толщу стен по способу современных городов Сина. Благодаря искусной шлифовке и притонке стыки кирпичей до сих пор почти невидимы. Иногда для домашнего дренажа применялись гончарные трубы.

В Мохенджо Даро открыт ряд интереснейших крупных зданий общественного и официального назначения. Так, в сезон 1925—1926 годов Маршаллом был отко-

пан в западной части города общественный бассейн для религиозных омовений. В основе плана этого здания лежит квадрат без покрытия, окруженный с четырех сторон верандами с примыкающими к ним с трех сторон галереями и жилыми помещениями, вероятно, для жрецов, с отдельными для них купальнями.

С южной стороны шла длинная галерея с небольшими помещениями по углам; с восточной — расположен ряд небольших комнат с колодцем в одной из них, на севере тоже был ряд комнат и зала. В центре открытого квадратного пространства находился бассейн для омовений в 11,9 метра длины, 7 метров ширины и 2,4 метра глубины. С узких концов бассейна спускались кирпичные лестницы, оканчивавшиеся подводной площадкой, за которой начиналась глубокая часть бассейна для плавания. Конструкция сооружения весьма основательна и тщательна. Стенки бассейна у основания имеют поперечник в 2—2,5 метра. Водонепроницаемость дна обеспечивается кирпичной кладкой на гипсовом скреплении, под ним идет прослойка горной смолы, лежащей на тонком слое обожженного кирпича. Последний слой из сырца был обрамлен квадратом из обожженного кирпича. Короткие стенки шли под прямым углом от этого квадрата и упирались другим концом в фундамент веранд для укрепления стенок водоема.

Другое интересное здание в западной части города — культового назначения, по мнению Маршалла, или торгового, как думает Мэккей. Оно имеет квадратный зал со стороной около 27 метров; 20 столбов поддерживают крышу. Эти столбы построены из кирпича, прямоугольны и стоят четырьмя рядами по 5 столбов в ряд. Один

жилой дом отличается большими размерами: 27 × 30 метров — и имеет внешние стены в 1,2—1,5 метра толщины. Другое крупное здание, особенно великолепной кирпичной кладки, очевидно, было дворцом наместника, управлявшего городом, поскольку сам правитель страны жил, вероятно, в Харашпе. Здание имеет 2 внутренних двора и многочисленные постройки для слуг, склады и помещения для обработки металла и 3 колодца. Стены здания, прослужившего от 3 до 5 веков, очень массивны.

В Харашпе Сахни и Ватс открыли здание еще больших размеров, причем его еще не раскопанное основание, вероятно, обширнее верхней части. Стены в 2,8 метра толщины у основания внутри заполнены глиной, а снаружи обложены обожженным кирпичом. Внутри здание было перегорожено рядом параллельных стен. План постройки, служившей, быть может, огромным складом товаров, подобен одному пиктографу¹, часто встречающемуся на найденных в долине Инда печатях.

Городище в Мохенджо Даро в настоящее время сильно разрушено действием климатических условий и особенно почвенных солей. Благодаря этим изменениям огромный холм культурных наслоений, с первого взгляда, распадается на ряд отдельных поселений, образующих самостоятельные холмики. Главные улицы сильно размыты дождевыми потоками. Нижний, седьмой слой, более четко обнаруживающий правильную планировку города, сильно затянута илом; далее, в глубину, раскопкам препятствуют почвенные воды.

Самое деление на 7 слоев выявляется далеко не везде четко. Когда подлинно древнейший слой будет достаточно раскопан, датировка основания города, вероятно, отодвинется назад.

3

Основным занятием населения индской долины было земледелие, едва ли обходившееся без искусственного орошения, хотя следов каналов в районе Мохенджо Даро не найдено и климат здесь в те времена был гораздо более влажный.

Каналы могли быть, в частности, на малых реках, ныне исчезнувших. Так, из литературы известно, что когда арабы вторглись в Синд в 712 году, там протекала река Вахинда. В южном Белуджистане сохранились многочисленные заброшенные плотины, защищавшие поля и селения от речных разливов.

Обработка почвы в долине Инда произ-

водилась мотыгой и плугом. Найденное орудие из кремнистого сланца размерами 27,5 × 11,3 × 7,5 сантиметра Меккей считает лемехом, действительно пригодным для вспашки аллювиальной² почвы долины. Тягловым животным, вероятно, служил одногорбый бык — зебу, как и в современной Индии. Жатва производилась серпами, что подтверждается находкой двух орудий с медными изогнутыми лезвиями. Деревянные части сельскохозяйственных орудий и ремесленных инструментов, разумеется, не сохранились.

В долине Инда сеялись пшеница и ячмень, в огородах разводились дыни, культивировалась финиковая пальма и хлопок. Сельскохозяйственные продукты поставлялись в город из окрестных селений. В сельском хозяйстве большую роль играло скотоводство.

Следы хлопковых волокон обнаружены на серебряном кувшине, служившем для хранения ювелирных изделий и некогда обернутом в хлопчатобумажную ткань. Более древний хлопок пока не обнаружен во всем древнем Востоке.

Ремесло в долине Инда достигло значительного уровня развития. Прядение и ткачество из хлопка были широко распространены, так как в городе найдено много глиняных ступочек, служивших для облегчения вращения веретена. Глиняная посуда формовалась на гончарном круге и отличалась большим разнообразием форм. Прочность обжига и умелое применение росписей по глазури свидетельствуют о давно установившейся и развитой традиции гончарного искусства. Глина, добывавшаяся на Инде, смешивалась с песком, слюдой или с известью, и после формовки изделие покрывалось густым слоем красной охры, подвергавшейся затем сушке и полировке. При высоком обжиге получалась блестящая глазурь, похожая цветом на красный китайский лак. Охра для глазури добывалась в долине Инда или в Ормузе в Персидском заливе, откуда ее и теперь привозят в Индию. Орнамент наносился по глазури толстым слоем черной или пурпурно-черной краски. Обжигательные печи были круглые, диаметром около 2 метров. Посуда устанавливалась на ажурном полу печи, а под него через наружную топку подкладывались дрова. Дым выходил через отверстие в куполообразной крыше.

Из глины выделялась не только посуда, но и многие другие бытовые предметы: подсвечники, статуэтки, ступочки веретен и т. д.

Помимо 3 металлов, известных в глубокой древности на Востоке: меди, серебра и золота, — в Мохенджо Даро встречаются

¹ Письменный знак, имеющий изобразительный характер.

² Наносная почва, очень пригодная для вспашки.

также свинец, олово и бронза, т. е. сплав меди с оловом. Из металла выделывались оружие, орудия труда, различные хозяйственные предметы и ювелирные украшения. Бронза раскопана и в самых нижних слоях города. Процентное содержание олова в ней обычно колеблется от 6 до 13, а иногда доходит до 26. Медь, имеющая примесь свинца, очевидно, привозилась с территории современной Раджпутаны или Белуджистана. Индская медь и бронза содержат много никеля, как и в Шумере. В Мохенджо Даро найдены и плавильные печи в виде ям, выложенных кирпичом, с заложеной в них медной рудой.

Такие орудия из бронзы и меди, как лезвие топоров, тесло-топор и т. п., отливались в литейных формах и отделывались молотом и шлифовкой. Бронза с небольшим количеством олова давала режущие орудия, равные по твердости мягким сортам стали. Сплав меди с мышьяком¹ не уступал по твердости бронзе. Найдено было одно бронзовое тесло-топор превосходной работы, длиной в 25 сантиметров, напоминающее формой подобные орудия из бассейна кавказской реки Кубани, а деталями — находки в Тепе-Хиссаре (северовосточный Иран). Другое лезвие топора имеет 27,5 сантиметра длины и весит 1,9 килограмма. Интересной находкой является бронзовая пила, имевшая одну широкую деревянную ручку; уклон зубцов этой пилы сделан в сторону, противоположную обычной, т. е. назад, к ручке.

Техника бронзового литья достигала высокого мастерства и производилась по обычному на древнем Востоке способу *à cire perdue*, т. е. при помощи восковой модели, погибавшей при литье². Эта техника давала, как и в Египте, Шумере и Китае, высоко-художественное качество исполнения, но, конечно, не являлась массовой именно в силу утраты модели. Примером технически трудной отливки, тем не менее хорошо выполненной, служит маленькая бронзовая статуэтка девушки-танцовщицы, а высокой художественности изображения — фигурка буйвола.

Особой тонкости отделки достигали ювелирные украшения: пояса, ожерелья, браслеты и т. п. Разнообразие их материалов указывает на большой опыт обработки и торговые связи с отдаленными странами. Для украшений широко применялись камни и драгоценные металлы. Серебро добывалось из свинца и привозилось из Аджмера

или из Ирана и Афганистана. Золото Мохенджо Даро, очевидно, происходит из Хайдарабада, Майсора и Мадраса (все в Южной Индии), потому что в тамошнем золоте содержится такая же примесь серебра, как и в найденном в Мохенджо Даро. Серебро встречается в Мохенджо Даро реже чем золото и медь. Из металлов были известны также бронза и электрон — смесь золота с серебром из рудников Южной Индии.

Многие полудрагоценные камни доставлялись из отдаленных стран: ляпис-лазурь — из Афганистана, бирюза — из Восточного Ирана, жадеит (гагат) — из Тибета, Синциана или с Памира, драгоценный аметист — из Декхана. Кроме того для бусинок и других предметов применялись сердолик, яшма, агат, оникс, горный хрусталь, халцедон и его разновидности — плазма — и многие другие камни, нередко привозившиеся издалека.

Большого искусства достигала техника просверливания бусинок, которое производилось, по видимому, медным сверлом, и еще более поразительна внутренняя полировка бусинок. Таков, например, один пояс превосходной работы из сердоликовых бусинок и позолоченной бронзы. Найдены также украшения из цветной стекловидной массы и эмали, сочетавшейся иногда с золотом, — таковы исключительно тонкие изделия из Харашпы.

О широко развитом ткачестве свидетельствуют многочисленные пряслицы из глины и раковин, сохранившиеся в домах. Применение хлопка доказывается не только наличием остатков волокон хлопчатобумажной ткани, но и техническими особенностями текстильных принадлежностей. Следует также предположить изготовление тканей из шерсти и льна. Судя по статуям людей, платья украшались вышивками. Открытые в раскопках медные, бронзовые и золотые иглы имеют ушко или особой формы задний кончик для прикрепления нитки. Шила были из меди, слоновой и простой кости. Среди инструментов встречаются также ручные мельничные жернова, сита и ступки с пестиками, долота и бритвы четырех типов. Многие орудия, хозяйственные предметы и украшения выделывались из раковин, привозимых с побережий Аравийского моря, Персидского залива или, быть может, даже с Красного моря.

Рыболовство играло у прибрежных жителей долины Инда большую роль; в Мохенджо Даро раскопано множество бронзовых рыболовных крючков.

С рыболовством и торговлей было связано судоходство. Жители строили деревянные суда разных типов. Одно из них изображено на печати: это — небольшое безмачтовое речное судно с острокопечной

¹ Один из металлов.

² Сперва делалась восковая модель, потом она окружалась слоем глины, образующим форму, в которую через отверстие впускался расплавленный металл. Воск предварительно растапливался и вытекал через другое отверстие.

кормой и носом, загнутым назад. В середине изображена каюта и на корме — рулевой. У другого судна, очевидно, пригодного для морского плавания, вместо центральной каюты имеется мачта. Иных непосредственных доказательств мореходства пока не имеется.

Сухопутные перевозочные средства, будучи деревянными, не сохранились. О них можно судить по глиняным игрушечным моделям, например арбы и повозки, запряженных быками.

Оружие в Мохенджо Даро и в Харалппе найдено главным образом охотничье. Стрелы представлены многочисленными медными наконечниками, луки изображены в пиктографических письменах на печатях-амулетах. Копья имели своеобразной формы бронзовый наконечник длиной в 37,5 сантиметра и шириной в 12,5 сантиметра. Палицы, ножи, кинжалы и метательные шары, очевидно, служили не военным целям. Шары металась пращей и специальным луком, применяемым и ныне в Синде для стрельбы птиц. Важной находкой являются два медных меча, или кортика, длиной до 46 сантиметров с утолщением в середине клинка.

До сих пор во всем мире был открыт только один меч приблизительно такой же древности в Тель-эль-Айюле (Палестина), отнесенный к Древнему царству Египта (3200—2250 годы до нашей эры). Боевыми секирами в Мохенджо Даро, быть может, служили некоторые из медных топоров.

Очень интересна письменность индской культуры, представленная знаками на печатях-амулетах и изредка на оружии и других предметах из Мохенджо Даро и Харалппы.

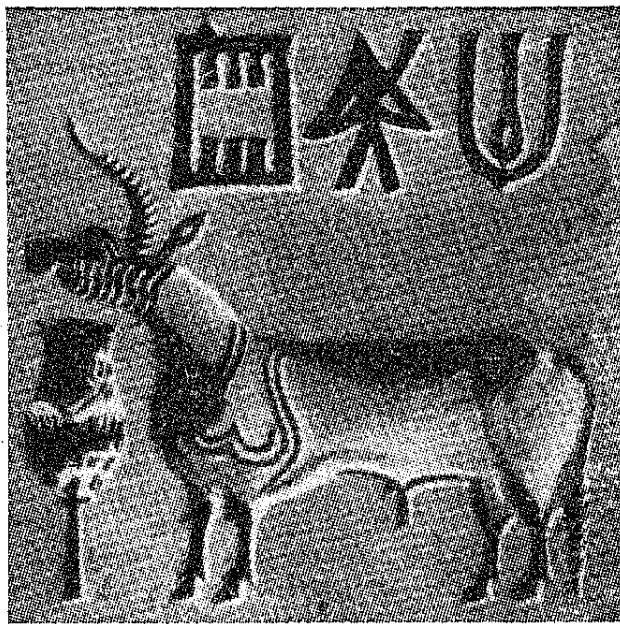
Эти печати, являющиеся наиболее важной находкой археологов, пролили свет на характер культуры, религии и искусства жителей долины Инда и, в частности, доказали их тесные сношения с Месопотамией. Раскопки в последней в период 1920—1935 годов дали ключ к датировке индской культуры. Пять подобных печатей, открытых в Эламе и Месопотамии, считались загадочными, и только раскопки в Мохенджо Даро и Харалппе установили их истинное происхождение. В Тель-Асмаре была найдена цилиндрическая печать индийской работы, находившаяся в слое периода около 2500 года до нашей эры. На ней изображены слон, носорог и рыбацкая крокодил гхариял. Поскольку форма печати цилиндрическая, а не индийская — квадратная, — ее мог сделать и местный мастер, но по индийским изображениям. В том же слое открыты фрагменты сосуда с характерным шишковидным орнаментом типа Мохенджо Даро. Другие две печати из

долины Инда, раскопанные в шумерийском Уре и Кише, находились в культурных слоях досаргонского времени, т. е. не позднее 2750 лет до нашей эры. На одной печати из Ура к индийским пиктографическим знакам добавлена клинопись, датированная примерно 3000 годом до нашей эры.

Большинство печатей квадратной формы; на них имеются изображения животных, людей или чудовищ, а наверху письменные знаки. Протоиндийская письменность из Мохенджо Даро и Харалппы состояла из отдельных знаков и находилась в переходной стадии развития. Часть из них является пиктографами, т. е. имеет образный характер подобно иероглифам древнего Египта. Они изображают отдельные предметы и живые существа: животных, людей, птиц, рыб, растения; различные орудия и инструменты: лук, арфу и т. п. Пиктографы, изображающие горы и воду — последнюю волнообразными линиями, — подобны древнекитайским идеограммам и египетским письменам. Но большинство знаков уже далеко ушло от стадии картинной идеограммы и приняло условный линейный характер, утратив непосредственную связь с изобразительным началом, как в современных китайских иероглифах, с той разницей, что протоиндийские знаки обозначают не целые слова или понятия, как в китайской письменности, а отдельные слоги. Однако эти новые линейные знаки в период Мохенджо Даро еще не вполне установились и не приняли окончательной формы.

В письменности Мохенджо Даро применяются детерминативы, т. е. добавление изобразительных частиц к линейному слоговому иероглифу и слияние нескольких знаков в один (лигатуры). До сих пор открыто всего около 400 знаков, в большинстве являющихся слоговыми. Письмо читалось, как правило, справа налево, хотя иногда вторая строка шла в обратном направлении. Письменность Мохенджо Даро осталась без изменений во всех семи слоях города.

В 1939 году пражский профессор Б. Грозный сделал попытку прочитать протоиндийские знаки на печатях из раскопок в долине Инда. Установив, что часть их до некоторой степени похожа на хеттско-иероглифическое письмо, т. е. на письмо хеттов, писавших не клинописью, а иероглифами, Грозный доказывает, что в общем протоиндийская письменность отчасти происходит от хеттско-иероглифического письма. При этом Грозный отмечает сильное изменение отдельных знаков последнего и наличие ряда совершенно оригинальных знаков, особенно идеограмм, не встречающихся в хеттско-иероглифическом письме. И, наоборот, многие знаки по-

Печать-амулет из стеатита.

Раскопки в Мохенджо Даро.

следней отсутствуют в протоиндийском письме. В обеих системах встречается иногда несколько знаков, которые читаются одинаково. Грозный считает, что открытые протоиндийские надписи содержат главным образом собственные имена, несколько нарицательных и, повидимому, указательные местоимения. Им составлена таблица главных фонетических знаков протоиндийского письма, обозначающих в большинстве случаев отдельные слоги, а также гласные звуки. По мнению Грозного, некоторые знаки являются собственными именами, известными в древнем Востоке, в частности в вавилонских надписях из Нузу или из других мест. Например A-ku-e¹, Та-ку-ја идентичны с именами, имеющимися в надписях из Нузу; Ку-ја встречается в вавилонских надписях из Суз; Sa-ku-n-ta-si-ja-e (родительный падеж), очевидно, послужило для образования позднейшего слова «sakūnta» — «друг большой птицы», — известно нам в санскритском языке.

Надписи на некоторых печатях Грозный переводит, например, так: «Это есть печать Ие-а, сына (?) Тажае». Другая надпись: «Печать города Ја-ѳ-і» (Si-ja-e-i, где si означает «печать»).

Существует мнение, что индийский шрифт Брахми произошел от протоиндийского письма.

Развитая письменность, интенсивный торговый обмен как в долине Инда, так и с другими странами и общий высокий уровень культуры предполагают и довольно высокое развитие науки о числах. Однако судить о ней можно лишь по косвенным

данным, так как сохранились только меры исчисления веса и длины.

Каменные гири, открытые в Мохенджо Даро, имеют соотношение 1:10. Весовая единица равнялась 0,85 грамма, а самый распространенный вес гири — шестнадцатиричной — соответственно равнялся 13,71 грамма. Эта система весов отлична от вавилонской и эламской и более последовательна чем последние. Гири обычно имеют кубическую форму и вес до 275 граммов; реже встречаются гири сферической и бочкообразной форм, подобно египетским, шумерийским и эламским. Одна гиря в 11,35 килограмма была конической. Весы имели бронзовые коромысла и медные чаши.

Самым обычным материалом гирь служил полированный роговой камень, применялся также алебастр, известняк, кварцит, сланец, яшма и изредка кремень.

Единственная найденная мера длины в виде узкой полоски из раковины имеет деление в 0,264 дюйма и отличается точностью до 0,003 дюйма. Ее система делений десятичная, как и на протоэламских таблицах.

Город в Мохенджо Даро был тесно застроен, обширен и густо заселен. Жители его вели широкую торговлю и пользовались мирной жизнью долгий период до гибели города. Постоянной опасностью угрожали лишь наводнения. Хараппа была покинута из-за перемены русла Рави, затопившей город. По улицам проходили караваны ослов и быков с товарами; на углах домов, задеваемых выюками, сохранились следы повреждений. Улицы имели типичный вид восточного города с глухими голыми стенами, дверями, выходящими в переулки, и с внутренними дворами.

Так как наряду с основным занятием жителей — земледелием — большую роль играло скотоводство, то в городе встречались многочисленные породы домашних животных. Остатки костей говорят, что жители употребляли в пищу мясо буйволов, свиней, коз, быков, а также оленей, черепаш, рыб и птиц, домашних и диких, например голубей. Из домашних животных разводили овец, одногорбых быков — зебу, ослов. Следов верблюда во всей индской долине не найдено. Главную роль в скотоводстве играли быки, на которых пахали и перевозили тяжести, затем бараны, свиньи и буйволы. На зебу и до сих пор пахут не только в Синде, но и во всей Индии. В верхних слоях Мохенджо Даро найдены кости собаки и лошади. Это самые древние следы из известных на Востоке, показывающие на приручение лошади. Охота на индийского бизона, носорога, медведя и зайца, помимо других диких животных, давала дополнительную пищу. Кроме

¹ Читается A-ку-е в русской транскрипции.

того употребляли большое количество фруктов и кушанье вроде сои с пряностями. Из лекарств знали silajit от желудочных заболеваний, измельченные в порошок рога оленя Самбура и кости каракатицы.

Жители готовили пищу в домашних кухнях или в крытых углах двора. В одном дворе сохранилась круглая хлебная печь с маленьким отверстием у основания. Печь нагревалась древесным топливом, затем выгребалась зола и на горячую внутреннюю сторону накладывали лепешки из теста. Очень похожие печи были в ходу в Месопотамии в ту же эпоху.

Во дворах держали домашних животных, что доказывают найденные там кормушки, но размеры дворов не позволяли помещать крупных животных.

Судя по изображениям на печатях и других предметах, одежды жителей были несложными: женщины носили узкую повязку вокруг бедер, поддерживаемую поясом, а иногда нечто вроде плаща; девушки-танцовщицы изображены совсем обнаженными. Волосы ниспадали на спину или собирались в сложные прически. Мужская одежда тоже была очень легкая и состояла из ткани, перекинутой через левое плечо и пропущенной под правой рукой; вероятно, добавлялся и набедренник. Борода была большей частью короткая. Волосы на голове стриглись, зачесывались назад и перехватывались головной повязкой; у богатых и жрецов — золотой лентой или же завязывались пучком. И мужчины и женщины носили многочисленные украшения: ожерелья, перстни, браслеты и др. Женщины к тому же надевали серьги и носовые кольца. В длинные волосы вставляли гребенки, например из слоновой кости, как и в современной Индии. У женщин на макушке иногда встречается небольшой металлический или фаянсовый конус, как у современных женщин Пенджаба.

В Мохенджо Даро обнаружено также множество игрушек для детей из глины, раковин, слоновой кости и, вероятно, из дерева. Наиболее распространенной игрушкой была глиняная повозка (похожая на те, которые делают и сейчас в деревнях в районе городища). Некоторые примитивные игрушки делали явно сами дети.

Как видно из конструкции домов, каждая семья занимала отдельный этаж. При женитьбе сын, повидимому, приводил жену в дом родителей. Следов отдельных помещений для женщин, вроде современной запретной женской половины или гарема, не обнаружено. Комнаты богатых жителей меблировались столами, скамьями и табуретами, ножки которых иногда вырезывались в форме бычьей ноги, как в Египте. Бедные не имели мебели и пользовались, очевидно, циновками. Зерно, одежда и

утварь хранились в больших глиняных кувшинах, ювелирные изделия и вообще драгоценности — в небольших сосудах.

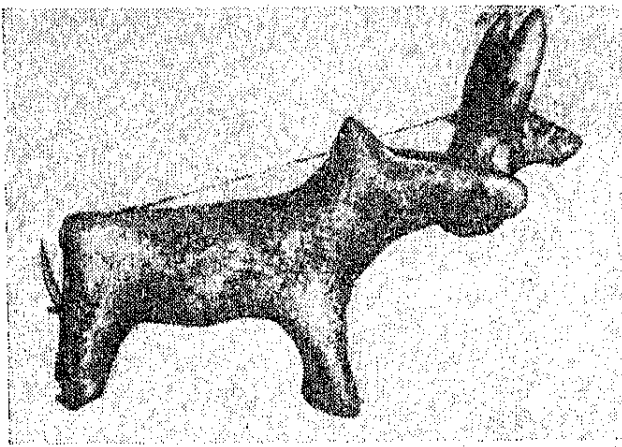
Омовение играло исключительную роль в повседневном быту горожан и широко практиковалось в частной жизни и в общественном религиозном ритуале. Домовые колодцы, открытые для всех, служили местом сборищ, и вокруг них сидели на камонных скамейках.

Из развлечений были распространены азартные игры. Найдены гладкие доски для игры в кости и игральные кубики чрезвычайно тщательной работы из слоновой кости, число очков, от 1 до 6, обозначалось углублениями. Изображения на печатях указывают, что были распространены танцы под музыку барабанов, тамбуринов и касташет, причем пляска, вероятно, носила и светский и религиозный характер. Из других музыкальных инструментов, по видимому, были известны арфы и лиры. Жители держали в клетках певчих птиц, устраивали петушиные бои и за городом — охоты с собаками на кабанов и других зверей.

Религиозный ритуал дома и на улицах, а также в культовых учреждениях играл большую роль. Однако ни одного здания, о котором можно было бы с уверенностью сказать, что это храм, ни в Мохенджо Даро, ни в Хараппе пока не обнаружено.

Некоторое представление о религии можно составить главным образом по изображениям божеств на печатях-амулетах. Большую роль играл культ поклонения великой богине-матери, символизирующей плодородие. Она изображается в виде почти обнаженной женщины с узким набедренником, подчеркнутыми признаками пола и с богатыми ожерельями, ниспадающими на грудь. Оригинальный большой головной убор в виде опахала имеет по бокам две чашечки для возжигания масла. Статуэтка богини-матери, вероятно, стояла в каждом доме на степном выступе. Лицо ее делалось довольно примитивно, а обратная сторона не отделывалась, так как ее, очевидно, ставили спиной к стене. Культ подобного женского божества был широко распространен в древности на Переднем и Среднем Востоке и существует доныне среди низших классов Индии.

На печатях встречаются также изображения богини с козлиными рогами, свинным хвостом и туловищем тигра. Эта богиня-тигр, очевидно, считалась супругой мужского божества, изображаемого иногда с туловищем человека с тремя лицами и с рогами. На одной печати его окружают священные животные: носорог, слон, тигр и буйвол, — а под треном стоят два оленя. Подобно богиням он имеет на руках запястья и головной убор в форме опахала. Харак-

Детская глиняная игрушка.
Животное с качающейся головой.

Раскопки в Мохенджо Даро.

тер изображения этого божества заставляет думать, что оно является прототипом позднеиндусского божества брахманской религии — Шивы. Культ Шивы, как известно, перешел в религию индусов от местного населения. Его трехликие изображения доныне сохранились в Индии, например знаменитый бюст в пещерном храме на острове Элефанты (VIII век нашей эры). Самая поза созерцания с поджатыми под себя ногами, прижатыми пятками, раздвинутыми коленями и касающимися их вытянутыми руками, разительно напоминает позы индусских аскетов-мистиков.

Иногда между рогами у божества произрастают побеги или листья, тогда это — божество плодородия и растительности; оно также подобно позднему Шиве индусов.

Из мужских статуй найдена только одна, могущая считаться священной. Это интересный в художественном отношении бюст из белого стеатита, около 18 сантиметров высоты (нижняя половина туловища не сохранилась). Он изображает божество или, возможно, жреца с короткой бородой и бакенбардами, бритой верхней губой и широкими полузакрытыми в созерцании глазами, инкрустированными раковиной. Волосы поддерживает золотая лента. Ткань одеяния, перекинута через одно левое плечо, украшена трехлепестковыми розетками, возможно, символизирующими звезды.

Поклонение животным было широко распространено в долине Инда. На печатях и в мелкой пластике встречаются многочисленные священные животные: индийский бизон, различные породы быков, буйвол, слон, носорог, крокодил гхаринал, черепаха, обезьяна и др. Из птиц поклонялись голубю, из пресмыкающихся — змее кобре, но ее изображения очень редки. Священные животные на печатях обычно стоят перед каким-то предметом, напоминающим формушку или, быть может, алтарь. Антропоморфизация животных привела к созданию фантастических образов полузверей-полу-

людей и выразилась также в том, что животные, например козы, наделялись человеческими лицами. Встречается соединение вместе голов трех священных животных, например быка, индийского бизона и антилопы.

Широко было развито и почитание растений, отразившееся в сюжетах изображений на печатях. Иногда это — священное дерево, охраняемое буйволом, или это побеги, произрастающие из головы божеств и фантастических существ; встречается изображение дерева вместе с покровительствующим ему божеством в образе человека. Иногда на дереве изображены головы животных; некоторые сюжеты находят аналогии в мифах других стран, например рождение растения женским божеством, и др. Из трех до сих пор встретившихся священных деревьев можно отождествить акацию и пипал, перед которыми рогатое божество преклоняет колени. Известно, какую большую роль играл пипал в культе почитания растений в позднейшей Индии, вплоть до настоящего времени.

Особое место занимают фантастической формы божества в виде полулюдей-полузверей. В рогатой человеческой фигуре с бычьими ногами и хвостом, борющейся с рогатым тигром, заметно большое сходство с шумерийским полубожеством. Возможно, что такая близость мифологических образов объясняется не прямым заимствованием, а общим источником в какой-нибудь третьей стране. На печатях Мохенджо Даро встречается также изображение героя или полубога, который борется с двумя тиграми. Это изображение чрезвычайно напоминает шумерийского Гильгамеша, которому его друг Энкиду помогал в борьбе со зверями. Величайшим божеством в долине Инда считалось также солнце.

Жители города приносили в жертву богам животных; чаще всего встречается изображение привязанного для заклания козла. Храмам приносили в дар статуэтки. Амулеты были в широком употреблении и часто имели вид печатей.

Ввиду того что ни одного цельного погребения тела в Мохенджо Даро не открыто, надо предполагать, что здесь, как правило, применялось сожжение — обычай, без сомнения, заимствованный индусами у туземцев Индии, но вообще в долине Инда практиковалось и погребение. В могилах обнаружены принесенные покойнику в дар украшения и различные хозяйственные предметы и орудия труда.

Некоторые особенности местных верований занесены сюда населением долины Инда и встречаются, как указано, в шумерийских мифах — это поклонение божеству в виде рогатого человека и человека-быка.

Конечно, не во всех случаях общность верований объясняется простым заимствованием: чаще она объясняется общностью культуры и одинаковой социальной стадией развития данных обществ. Другие культы Мохенджо Даро, как почитание божественной матери, дерева и животных, вероятнее всего, существовали здесь задолго до прихода племен, создавших культуру Мохенджо Даро и других мест индской долины.

Памятников искусства и художественного ремесла в Мохенджо Даро и в Харалле сохранилось относительно немного, и о них труднее составить ясное представление чем, например, об архитектуре. Все изделия в Мохенджо Даро имеют чисто практическое назначение, но нередко открыты художественным орнаментом.

Наиболее интересно искусство керамических росписей, металлического литья и резьбы на печатях.

Керамика Мохенджо Даро очень своеобразна, хотя орнамент ее прост. Как было указано, она расписана по красной блестящей глазури чисто черной или пурпурово-черной красками. Изредка в керамике применена зеленая и желтая роспись по белой глазури. Интересно, что и теперь в окрестных деревнях выделывается посуда хотя и иной формы, но с той же глазурью и расцветкой. Расписной посуды в нижних слоях Мохенджо Даро найдено больше чем в верхних, так как искусство падало с обеднением города. Одноцветная керамика чаще бывает кремовой и розовой глазури, иногда черной. Распространенный орнаментальный рисунок состоит из пересекающихся кругов, образующих своеобразный узор в виде четырехшестиугольных форм. Другой любимый мотив — растительный, чередующийся с различными иными узорами. Встречаются изображение гребня с эмблемами солнца, шахматный узор из чередующихся черных и красных квадратиков, соединенные треугольники тех же цветов, расположенные рядами и дающие простой, но эффектный рисунок; применяются овалы с сеткой внутри. Гораздо реже стилизованного растительного и геометрического орнамента изображались фигуры живых существ. Среди них встречаются животные, птицы и очень редко рыбы и змеи. Животные обычно изображаются в сочетании с растительными мотивами, птицы рисовались иногда сидящими на ветвях. Среди птиц встречаются превосходно исполненные дикие журы.

Весь декоративный эффект и исключительное своеобразие керамики из Мохенджо Даро заключаются главным образом в его расцветке, декоративные особенности которой хорошо учитываются в характере рисунка.

В Амри, расположенном на 128 километров южнее, керамика имеет тоже черно-красную роспись, но по розовому или кремовому фону глазури. Ее тип в общем иной, и она создана более древней культурой.

В керамике без росписи встречается рельефный орнамент, например в виде круговых рядов шишек, — тип, открытый также в Тель-Асмаре (в Вавилонии) той же эпохи. Изредка применялись резные узоры. Иногда в светлой глазури рисунок получается путем соскабливания, обнажающего темную глину.

Литая из металла скульптура создавалась описанным выше способом лепки и отделки резцом восковой модели, по которой делалась форма и производилась отливка. Эта техника давала возможность создавать каждый раз индивидуальные художественные произведения. Конечно, не все отливки интересны в художественном отношении, но в отдельных случаях они достигали высокого художественного уровня.

Исключительный интерес представляют изображения животных на печатях из стеатита размерами от 1,3 до 6,5 сантиметра по стороне квадрата. Их выпиливали пилочкой и отделяли ножом или резцом, а затем шлифовали. Фигуры зверей и надписи вырезывались мелкими резцами. В готовом виде печати имели белый цвет и легкий блеск. Позы всех фигур очень тщательно продуманы и свидетельствуют о прекрасном умении наблюдать природу. Вместе с тем формы животных трактованы несколько условно, с подчеркиванием характерных признаков. Здесь, как и в позднейшей Индии, мастер-художник давал подлинные образцы искусства, представляющего собой художественное воплощение окружающей действительности, а не ее копию.

В мелких изделиях ювелирного характера мастера долины Инда проявляли очень большое изящество и тщательность работы.

Древняя культура долины Инда, впервые представшая перед нами благодаря раскопкам в двух ее крупных центрах IV—III тысячелетий до нашей эры — Мохенджо Даро и Харалле, — имела и многие другие центры. Дальнейшие раскопки в долине Инда дадут, без сомнения, много нового материала и большей древности чем Мохенджо Даро и Харалла.

Однако и сейчас открытие культуры этих двух центров исключительно важно: оно заполняет огромный пробел, существовавший в истории индийской цивилизации в период между эпохой неолита и приходом в Индию новых племен. Культура Мохенджо Даро впервые показывает тесные связи, существовавшие между Индией и странами Передней Азии в период расцвета цивилизации долины Инда.

Н. Казьмин

Период второй передышки*

(IX съезд большевистской партии)

В конце 1919 — начале 1920 года Красная Армия окончательно разгромила белогвардейские армии Колчака и Деникина. Урал, Украина и Северный Кавказ были освобождены от белых.

Правительства империалистических государств убедились, что разгромить советскую власть им не удастся. К тому же в самой Западной Европе в это время нарастало недовольство трудящихся масс интервенционистской войной против Советской республики.

В январе 1920 года Англия, Франция и Италия решили прекратить блокаду Советской России и начали с ней торговые переговоры. Был заключен мирный договор с Эстонией. Велись мирные переговоры с Финляндией и Польшей. Правда, последняя военных действий против Страны советов не прекращала. Опасность нападения со стороны империалистических государств все еще оставалась. Не были окончательно изгнаны интервенты на Дальнем Востоке, в Закавказье и Крыму. Но все же Советская страна получила временную передышку. Это была вторая передышка (первая была весной 1918 года, после Брестского мира). Партия могла приступить к более трудной и сложной задаче, задаче восстановления народного хозяйства и укрепления обороноспособности советского государства.

В. И. Ленин на III Всероссийском съезде советов народного хозяйства в январе 1920 года дал следующую характеристику внутреннего положения Страны советов:

«...мы переходим к мирным задачам.

Надо понять оригинальность этого периода. Страна, до последней степени разоренная, страна голодная и холодная, где лихорадка достигла самой отчаянной степени, и в ней — народ, поднявшийся в своей силе и получивший уверенность в себе, когда он

убедился в том, что способен справиться со всем миром...»¹.

В продолжение 2 лет гражданской войны Советская Россия была отрезана от хлеба, хлопка, угля и железа. Недостаток хлеба и основного сырья окончательно доконал нашу промышленность.

Зима 1919—1920 года была исключительно трудной для советской власти. Это была зима хлебного голода, холода, сыпняка и железнодорожной разрухи, которые поставили страну под угрозу гибели. Продукция крупной промышленности снизилась в 1920 году до 15% по сравнению с 1913 годом. Почти все заводы Юга прекратили выплавку чугуна. В 1920 году из 215 хлопчатобумажных фабрик работало лишь 97, или 45,1% от довоенного времени.

На первый план выдвигался вопрос о транспорте, так как от работы транспорта зависело создание продовольственного и производственного фондов республики. Партия отлично понимала, что, не восстановив транспорта, который находился в состоянии полной разрушенности, нельзя было всерьез взяться за восстановление основных отраслей промышленности.

Производство паровозов в годы гражданской войны сократилось до 14,8% по сравнению с довоенным временем, вагонов — до 4,2%. Процент больших паровозов равнялся в 1920—1921 году 58,3, а вагонов: 24,2 — товарных и 40,4 — пассажирских.

В обращении, принятом Центральным Комитетом партии 2 марта 1920 года, писалось: «С каждым днем все больше и больше растут кладбища больших вагонов и паровозов. В местностях, где побывали банды Деникина и Колчака, взорваны почти все железнодорожные мосты, уничтожена масса железнодорожных сооружений, испорчены рельсовые пути, срезаны железнодорожные столбы и т. д. Все это вместе взятое делает положение на железных дорогах чрезвычайно опасным. Нам угрожает ката-

* Сокращенная стенограмма лекции, прочитанной 30 ноября 1940 года в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б).

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 19.

строфа полной приостановки железнодорожного движения, если мы не сумеем в ближайшее время героическими усилиями добиться перелома»¹.

Насколько тяжелым было положение с транспортом в феврале 1920 года, свидетельствует письмо Ленина, предназначенное членам Совета обороны:

«1 февраля [1920 г. Москва.]

Положение с железнодорожным транспортом совсем катастрофично. Хлеб перестал подвозиться. Чтобы спастись, нужны меры действительно экстренные. На два месяца (февраль—март) такого рода меры надо провести (и соответственно еще другие меры подобного рода изыскать):

I. Наличный хлебный паек уменьшить для неработающих по транспорту; увеличить для работающих. Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена.

II. Три четверти ответственных работников из всех ведомств, кроме Наркомпрода и Военного взять на два эти месяца на железнодорожный транспорт и ремонт. Соответственно закрыть (или в 10 раз уменьшить) на два месяца работу других комиссариатов;

III. В 30—50 верстной полосе по обе стороны железнодорожных линий ввести военное положение для трудовой мобилизации на чистку путей и в волости этого района перевести три четверти ответственных работников из вол- и уисполкомов всей соответствующей губернии»².

В целях восстановления транспорта ЦК партии принял решение об изменении управления на железной дороге с тем, чтобы сделать работу аппарата более гибкой и четкой. Усилилась власть комиссаров, был создан временный политический распорядительный орган, так называемый Главполитпуть, и была объявлена мобилизация 5 тысяч рабочих-коммунистов на транспорт.

Особенно плохо было с топливом. Топливный кризис грозил разрушить всю советскую работу, остановить промышленность. В 1920 году добыча угля равнялась 15,6%, а нефти — 38,83% по сравнению с 1916 годом. Донецкий уголь, бакинская нефть были отрезаны от Москвы. Поэтому стоял вопрос о замене донецкого угля другим топливом и в первую очередь торфом, сланцем, а главное — дровами.

О том, насколько остро стояла проблема топлива в стране, говорит одно из решений Центрального Комитета партии, которое прямо указывало, что все партийные организации должны отныне постоянным пунктом порядка дня партийных собраний и осе-

бенно заседаний партийных комитетов ставить вопрос о борьбе с топливным кризисом. ЦК партии предлагал вести широкую агитацию в деревне по выяснению значения топливного вопроса для советской власти, а также проверять выполнение заданий партии и советской власти. Мобилизовывались известные возрасты населения для работы по добыче и подвозу угля, сланцев, для рубки и перевозки дров к станциям железной дороги. Устанавливались трудовые нормы. Партия предлагала чаще организовывать субботники по заготовке топлива, освещать в местной и центральной печати вопросы добычи и заготовки топлива. Вся топливная работа должна была быть поставлена «по-военному», с такой же точностью, быстротой и строжайшей дисциплиной, какие требуются на войне. Без этого топливный голод победить нельзя было, без этого выйти из кризиса было невозможно.

В тяжелом положении находилось и сельское хозяйство. К 1920 году значительно уменьшилась посевная площадь, сильно сократилось поголовье скота, упала урожайность полей. По сравнению с 1913 годом валовая продукция сельского хозяйства в 1920 году составила 65,3%, посевная площадь — 85,3%, валовой сбор зерновых — 47,3%.

Неурожай, поразивший большую часть районов Советской страны в 1920 году, транспортная разруха, сопротивление кулачества не давали возможности улучшить продовольственное положение страны.

Продовольственный вопрос стоял необычайно остро.

«Нам надо сосредоточиться на главном — собрать хлеб и подвезти его к центру, — говорил Ленин в январе 1920 года. — Всякое уклонение от этого, малейшее разбрасывание будут величайшей опасностью, гибелью для нашего дела... Нам удастся собрать сотни миллионов пудов хлеба. Они у нас есть. Но нужны невероятно дьявольские усилия, напряжение всех сил страны, военная решимость и энергия, чтобы собрать эти сотни миллионов пудов хлеба и подвезти их к центру»³.

Огромное значение приобрела в этот период борьба с эпидемиями. Около 70% населения болело сыпняком. Вот почему Ленин в декабре 1919 года указывал как на одну из очередных и насущнейших задач советской власти на борьбу со вшами, этим источником и носителем сыпного тифа. Весной 1920 года советская власть приняла самые решительные меры по борьбе с грязью и нечистотами.

В газете «Правда» от 27 марта 1920 года, на первой странице, жирным шрифтом печаталось следующее объявление:

¹ «Известия ЦК РКП(б)» № 13 от 2 марта 1920 года.

² Ленин. Т. XXIX, стр. 390.

³ Ленин. Т. XXV, стр. 19—20.

«Московская Чрезвычайная Санитарная Комиссия (М. Ч. С. К.) предлагает всему населению Москвы бесплатно пользоваться баней. Каждый получит кусок мыла. Приняты предупредительные меры против занесения заразных болезней и насекомых».

Передовые статьи в центральных органах печатались под такими заголовками: «Социализм на борьбу с грязью», «К неделе санитарной очистки», «Неделя чистоты». Была выпущена специальная санитарная газета «Столичная чистота».

Такое было положение Советской страны в начале 1920 года.

Все это свидетельствует о том, что партия должна была сделать крутой перелом, проявить героические усилия и мобилизовать весь рабочий класс, чтобы вывести страну из этого катастрофического положения.

* * *

Статьи и речи Ленина и Сталина с исключительной яркостью показывают героическую борьбу партии за восстановление народного хозяйства, проводимую в этот период.

Выступая на III Всероссийском съезде советов народного хозяйства, на конференции железнодорожников Московского узла, на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда, на I Всероссийском съезде трудовых казаков, на заседаниях коммунистической фракции ВЦСПС, Ленин всюду разъяснял, что теперь, когда основные трудности военного характера остались позади, пролетариат должен осуществить труднейший переход от военных задач к задачам мирного хозяйственного строительства, что эти задачи все больше выдвигаются на передний план.

Эти же мысли высказывал и товарищ Сталин.

В марте 1920 года в своей речи при открытии IV всеукраинской конференции коммунистической партии (большевиков) Украины товарищ Сталин говорил:

«До сих пор перед вами, коммунистами тыла и фронта Украины, стояла одна основная задача — сдерживать наступающих поляков, разгромить Петлюру и прогнать Деникина. Эта задача, как констатируют и враги наши и друзья, выполняется с успехом. Теперь, когда Украина освобождена от самого лютого врага революции — от армии Деникина, перед вами стоит другая не менее важная и сложная задача — задача организации разрушенного хозяйства Украины. Нет никаких сомнений в том, что вы, справившиеся с Деникиным, справитесь и с разрухой, вы сумеете приложить все силы, всю ту колоссальную энергию, которой отличаются коммунисты от других партий,

чтобы ослабить разруху и помочь товарищам на севере»¹.

Молодая Советская страна находилась в окружении врагов, которые не переставали бороться с Советским Союзом.

Товарищ Сталин на торжественном заседании Бакинского совета исключительно образно охарактеризовал условия хозяйственного строительства в этот период: «...нам приходилось строить под огнем. Представьте себе каменщика, который, строя одной рукой, другой рукой загибает тот дом, который он строит»². Необходимо было держать армию наготове и в то же время восстанавливать разрушенное народное хозяйство.

В целях победы над хозяйственной разрухой ЦК партии и советское правительство приняли ряд решений о трудовых армиях и трудовой повинности, ибо «продолжать работу прежними методами это значит не учитывать всей серьезности положения», — писалось в отчете ЦК РКП(б).

Еще в кодексе законов о труде, принятом в декабре 1918 года, была установлена всеобщая трудовая повинность. Принцип «нетрудящийся да не ест» широко осуществлялся и в последующие годы.

29 января 1920 года Ленин подписал специальный декрет о введении всеобщей трудовой повинности. По этому декрету, трудящееся население независимо от постоянной работы привлекалось к единовременному или периодическому выполнению различных видов трудовой повинности. Декрет особо предусматривал использование для хозяйственных нужд рабочей силы Красной Армии и Флота, отозвание из армии необходимых квалифицированных рабочих. Уклоняющиеся от выполнения трудовой повинности должны были предаваться суду.

В это время под ружьем находилось до 5 миллионов красноармейцев, которых нельзя было распустить из-за военной опасности. Поэтому был организован ряд военно-трудовых армий, на которых была возложена, не требующая квалифицированных рабочих рук работа, главным образом по восстановлению транспорта и в первую очередь по заготовке и подвозу дров к железной дороге.

Так например 7 февраля 1920 года постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны все силы и средства 2-й армии республики было предложено использовать для улучшения работы транспорта в районе Юго-Восточной железной дороги, а так-

¹ И. Сталин «Статьи и речи об Украине», стр. 89. Партиздат ЦК РКП(б)У. 1936.

² «Ленин и Сталин». Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 330. Партиздат. 1937.

же для помощи в работе по ремонту паровозов и вагонов.

10 февраля Совет обороны постановил 7-ю армию, защищавшую Петроград, перевести на положение трудовой армии, выделив достаточно сильные части для военной службы на границах Финляндии и Эстонии, с переименованием 7-й армии в Петроградскую революционную армию труда.

В задачу Петроградской трудармии входили разработка торфа и сланцев, заготовка дров, погрузка, подвоз и выгрузка топлива на питерские заводы, станции и дороги, организация гужового транспорта, обработка под огороды всей свободной земельной площади района, усиление ремонта подвижного состава, ремонт сельскохозяйственных орудий, помощь при запашках, уборке урожая и пр.

В декрете Совета обороны указывалось:

«Обе армии, как и другие трудовые армии, сохраняют всю свою боевую организацию и при первой надобности могут взяться снова за оружие».

Великий русский ученый-коммунист К. А. Тимирязев писал в 1920 году в своем письме Московскому совету рабочих и крестьянских депутатов: «После изумительных, самоотверженных успехов наших товарищей в рядах Красной армии, спасших стоявшую на краю гибели нашу Советскую республику и вынудивших тем удивление и уважение наших врагов,—очередь за Красной армией труда. Все мы—стар и млад, труженики мышц и труженики мысли—должны сомкнуться в этой армии труда, чтобы добиться дальнейших плодов этих побед. Война с внешним врагом, борьба с саботажем внутренним, самая свобода—все это только средства; цель—процветание и счастье народа, а они создаются только производительным трудом. Работать, работать, работать! Вот призывный клич, который должен раздаваться с утра и до вечера и с края и до края многострадальной страны, имеющей законное право гордиться тем, что она уже совершила, но еще не получившей заслуженной награды за свои жертвы, за все свои подвиги. Нет в эту минуту труда мелкого, неважного, а и подавно нет труда постыдного. Есть один труд необходимый и осмысленный»¹.

Конечно, все мероприятия, проводимые партией и советским правительством: милитаризация труда, всеобщая трудовая повинность,—носили временный характер. Они были вызваны разрухой и обстановкой гражданской войны, периодом военного коммунизма. Вот почему, когда Троцкий и троцкисты доказывали, что нужно сохранить постоянные трудовые армии, партия

решительно выступила против этих предложений.

Так, по-ленински, партия боролась с разрухой народного хозяйства.

При этом очень важно отметить, что военные методы переносились на хозяйственную жизнь отнюдь не механически: они сочетались с целым рядом других приемов и опирались на революционную инициативу и самодеятельность масс.

В этот период рабочие шли на добровольное увеличение рабочего дня. Так например в ряде городов рабочие удлиннили свой рабочий день до 10 часов. В Тамбове рабочими и служащими всего железнодорожного узла, депо, конторы, вагонных мастерских и остальных служб был введен 11-часовой рабочий день. При этом рабочие максимально повышали производительность своего труда.

Уже к открытию IX съезда партии в области труда были достигнуты следующие результаты: в текстильной промышленности, например, производительность труда повысилась на 17%, в швейной—на 107%. В ежегодных сводках, помещаемых в «Правде», мы находим интересные цифры, говорящие о достижениях на трудовом фронте. Эти сводки писались под заголовком «На бескровном фронте». Вот одна из них:

«Всего за отчетные сутки работало 5,996 чел., из них армейцев 2,725 и гражданских рабочих 3,271.

По ремонту подвижного состава на 7 станциях работало 213 армейцев и 942 железнодорожника. Выпущено из текущего ремонта 43 паровоза и 45 вагонов, из среднего 24 паровоза и 8 вагонов, из специального 5 паровозов, отремонтировано без отцепки 140 вагонов и оборудовано 2. По расчистке путей работало 400 армейцев и 2,059 гражданских рабочих и советских служащих. За сутки очищено и частью окирковано около 3 с половиной верст пути.

По заготовке топлива работало 598 армейцев и 18 гражданских рабочих»².

В результате предпринятых партией и правительством мер, в результате трудового подвига, который охватил страну, уже весной 1920 года были восстановлены мосты через Каму, через Волгу, через Иртыш и т. д. Угля в 1920 году в Подмосковном бассейне было добыто 40 миллионов пудов против 23,4 миллиона пудов в 1919 году.

Рабочие проявляли настоящий героизм на трудовом фронте. Коммунистические субботники, проведенные по инициативе передовых рабочих, получили самое широкое распространение во всех отраслях промышленности.

В день 1 Мая 1920 года только в одной Москве на субботнике участвовало 450 ты-

¹ К. А. Тимирязев. Соч. Т. IX, стр. 432.

² «Правда» от 18 марта 1920 года.

сяч трудящихся. В. И. Ленин и другие руководители партии и правительства вместе со всеми трудящимися лично сами участвовали в этой общей работе на субботниках.

Субботники проводились не только в городе, но и в деревне. Так например крестьяне работали на мельницах для внеочередного помола зерна семьям красноармейцев и безлошадных бедняков, ремонтировали общественные мельницы, заготавливали дрова для семей красноармейцев, обмолачивали для бедноты брошенный кулаками хлеб, женщины шили белье для красноармейцев, заготавливали дрова для школ, очищали от снега железнодорожные линии, грузили в вагоны рельсы и другие материалы.

Ленин рассматривал коммунистические субботники как основу воспитания нового, коммунистического отношения к труду, как основу воспитания новой, социалистической дисциплины.

2

Такова была обстановка, в которой работал IX съезд РКП(б). В этой обстановке основная задача съезда заключалась в том, чтобы определить тактику, найти формы организации работы в новых условиях и дать лозунги, которые объединили бы всех трудящихся—рабочих и крестьян—в их борьбе с хозяйственной разрухой. Выступления Ленина и решения съезда по вопросам хозяйственного строительства дают яркое представление о том, какое большое значение партия придавала задачам хозяйственного строительства в период военного коммунизма.

Съезд продолжался с 23 марта по 5 апреля включительно.

На съезде присутствовали 554 делегата с решающим голосом и 162 делегата с совещательным голосом, представлявших 611 978 членов партии. На съезде были представлены все парторганизации страны, чего не было на VIII съезде, когда значительная часть страны была еще в руках интервентов.

Съезд открыл Ленин, выступивший с политическим отчетом Центрального Комитета партии. Кроме того Ленин на съезде выступил с речами о хозяйственном строительстве, о кооперации и произнес речь при закрытии съезда.

Красной нитью через доклад и выступления Ленина на съезде проходит мысль о необходимости организованности и железной дисциплины, так как только это может обеспечить победу пролетариата как на военном фронте, так и на фронте хозяйственном. Подводя итог пройденному этапу борьбы и строительства, Ленин указал прежде всего на те обстоятельства, которые обусловили победу Советской республики в

войне с Антантой. Он говорил, что «...благодаря тому, что партия была на-страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения», только благодаря этому могла осуществиться победа: «...без дисциплины и без централизации мы никогда не осуществили бы этой задачи»¹. Для того чтобы победить такие армии, как армии Юденича, Колчака, Деникина, «надо было, чтобы была дисциплина партии, строжайшая централизация, абсолютная уверенность в том, что неслыханно тяжелые жертвы десятков и сотен тысяч людей помогут проведению в жизнь всех этих задач...»².

Эта же мысль высказывалась и подчеркивалась товарищем Сталиным на IV всеукраинской партийной конференции. Товарищ Сталин, указывая на необходимость решения задач борьбы с разрухой, говорил:

«Коммунисты при разрешении этой задачи одержат победу потому, что в нашей партии есть спаянность, единство, преданность делу и над всем этим наш девиз— «умереть, но довести до конца начатое». И только благодаря дисциплине и спаянности партия перебрасывает тысячи работников во все углы, во все области. Эта дисциплина и спаянность дали возможность одержать победу над мировым империализмом и дают надежду, что мы одержим победу и над вторым врагом—разрухой»³.

Ленин в своем докладе на IX съезде РКП(б) особо остановился на вопросе милитаризации труда, вызванной обстановкой того времени, на вопросе необходимости применения железной дисциплины в области труда.

При введении всеобщей трудовой повинности в Советской России заграничная буржуазная и социал-демократическая печать подняла шум и вопли, обвиняя большевиков в том, что они отрицают «свободу труда», «равенство» и т. д.

В ответ на этот шум Ленин на съезде говорил: «То, что является принуждением, вызывает возмущение и крики, и шум, и вопли буржуазной демократии, которая носится со словами «свобода» и «равенство», не понимая, что свобода для капитала есть преступление против трудящихся. Мы, во имя борьбы против лжи, стали на том, что мы трудовую повинность и объединение трудящихся осуществляем, несколько не боясь принуждения, ибо нигде революция не производилась без принуждения, и пролетариат имеет право осуществлять при-

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 96.

² Там же.

³ И. Сталин «Статьи и речи об Украине», стр. 89.

нуждение, чтобы во что бы то ни стало удержаться свое»¹.

В Стране советов строжайшая организация труда пролетариата проводится не в целях, враждебных рабочему классу, а самим рабочим классом в его собственных интересах. Железная дисциплина осуществляется не государством капитала, а своим собственным пролетарским государством, не для наживы капиталистов, а для повышения благосостояния самих трудящихся.

* * *

Особое внимание съезд уделит вопросу о научной разработке единого хозяйственного плана.

IX съезд партии указал, что основным условием хозяйственного возрождения страны является неуклонное проведение единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую историческую эпоху. План этот выдвинул ряд последовательных, друг друга обуславливающих коренных задач: в первую очередь, улучшение состояния транспорта, затем, развитие машиностроения на транспорт и на добычу топлива, сырья и хлеба, далее, развитие машиностроения на производство продуктов массового потребления и, наконец, усиление производства этих продуктов.

Главное место в плане занимали вопросы электрификации, которым Ленин уделял исключительное внимание. На этой основе был разработан известный план ГОЭЛРО, вдохновителем которого был Ленин, говоривший, что «коммунизм—это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». В проведении плана электрификации Ленин видел залог быстрого восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического хозяйства СССР.

Уже в 1918 году Ленин предложил Академии наук составить ряд комиссий из специалистов для разработки плана возможно более быстрого экономического подъема страны. В письме в Академию наук Ленин пишет, что в этот план должно входить: «Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию»².

Ленин считал, что электрификация всей страны явится могучим рычагом коренной технической реконструкции материально-технической основы социалистического об-

щества. Поэтому первый народнохозяйственный план Советской России как раз представлял развернутую программу работ по электрификации страны.

«Мы должны,—писал Ленин,—придать промышленности более современные формы, а именно—перейти к электрификации»³.

23 января 1920 года Ленин писал:

«Примерно: в 10 (5?) лет построим 20—30 (30—50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (примерно перебрать Россию всю, с грубым приближением). Начнем же сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию «электрической»⁴. Ленин считал исключительно важной задачей популяризовать этот план среди широких масс трудящихся:

«Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных крестьян в великой программой на 10—20 лет»⁵.

Ленин предложил создать государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО), которая и была образована СНК 21 февраля 1920 года. К участию в работах комиссии было привлечено около 100 ученых, инженеров и техников.

Мощность электрических станций дореволюционной России была очень незначительна. Так например в 1913 году мощность станций общего пользования достигала 260 тыс. киловатт, а выработка электроэнергии—690 миллионов киловатт-часов. Электрохозяйство дореволюционной России было ничтожно по сравнению с другими капиталистическими странами. Мощность станций общего пользования в России была в 1912 году в 20 раз меньше чем мощность тех же станций в США и в 3½ раза меньше чем в Германии. Наиболее крупные станции России—в Петербурге и Москве—принадлежали иностранцам (германскому, французскому и итальянскому капиталу); свое оборудование для электрификации промышленности России почти не производила—все импортировалось из-за границы.

По плану ГОЭЛРО, электрические станции предполагалось сосредоточить в Петроградском, Московском, Донецко-Днепровском, Волжском и Уральском районах.

План этот, ныне уже перевыполненный, был программой социалистической индустриализации страны, которая должна была стать, по мысли Ленина, второй программой партии.

Товарищ Сталин вместе с Лениным боролся за составление и осуществление это-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 462.

² Ленин. Т. XXIX, стр. 432.

³ Там же.

⁴ Ленин. Т. XXV, стр. 102.

⁵ Ленин. Т. XXII, стр. 434.

го плана. В одном из писем к Ленину Сталин писал: «Последние три дня я имел возможность прочесть сборник «П л а н э л е к т р и ф и к а ц и и Р о с с и и». Болезнь помогла (нет худа без добра!). Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически производственной базы»¹.

И, далее, товарищ Сталин предлагает начать немедленно практический приступ к делу, подчинив интересам этого приступа одну треть всей хозяйственной работы страны (2/3 уйдет на «текущие» нужды).

Товарищ Сталин предлагал обязательно влить в плановую комиссию людей живой практики, действующих по принципу «исполнение довести», «выполнить к сроку» и пр. Он настаивал на широкой популяризации плана электрификации.

Великие идеи Ленина, идеи реконструкции всего народного хозяйства Советского Союза нашли свое гениальное осуществление в сталинских пятилетках.

Разрешение очередных задач по восстановлению народного хозяйства IX съезд партии мыслил через организацию трудового подъема рабочего класса и всех трудящихся, развертывание трудового соревнования, проведение субботников, мобилизацию квалифицированных рабочих на производство, массовые мобилизации по трудовой повинности, укрепление социалистического централизма и проведение безусловного единоначалия в управлении промышленностью, использование старых специалистов в промышленности, временное использование воинских частей для трудовых задач, привлечение трудящихся масс через профсоюзы к управлению промышленностью.

В этих решениях наряду с методами хозяйственного строительства, свойственными советской власти на всех этапах, нашли отражение и методы, вызванные специфической обстановкой—временной передышкой, в условиях, когда в любую минуту можно было ждать новых попыток военного нападения, когда на всем еще сказывалась обстановка гражданской войны.

Еще перед IX съездом против партии, против политики военного коммунизма выступили антипартийные группы, поддерживаемые эсерами и меньшевиками. Предатель рабочего класса Троцкий предлагал отказаться от продразверстки, что пошло бы на пользу в то время прежде всего кулацким группам и привело бы в конечном счете к ослаблению обороноспособности Советского Союза. Партия решительно выступила против этих капитулянтских предложений.

На IX съезде партия дала отпор антипартийной группе «децистов» («децисты»), возглавляемой Сапроновым, Осинским и Смирновым В., впоследствии оказавшимися врагами народа. Фракция «демократического централизма» выступила со своими тезисами по хозяйственному и организационному вопросам; тезисы эти, как указал Ленин, изобиловали чудовищными принципиальными ошибками. Под флагом защиты внутрипартийной демократии эта антипартийная группа вела борьбу с централизмом в советском аппарате, борьбу против единоначалия, ударности и милитаризации труда, против политики военного коммунизма в целом. «Децисты» отрицали руководящую роль партии по отношению к профсоюзным, хозяйственным и советским организациям.

Эта группа, которую Ленин назвал «фракцией громче всех крикунов», подрывала единство партии и своим выступлением против партии оказывала прямую помощь врагам советской власти. Коммунисты и беспартийные рабочие не поддерживали «децистов».

Эта фракционная антиленинская группка отражала сопротивление мелкобуржуазных слоев диктатуре пролетариата. Она выступала с «левыми» фразами против единоначалия, против личной ответственности директоров в промышленности, отстаивала безбрежную «коллегияльность», высказывалась против использования старых специалистов, предлагала не принимать их в профсоюзы, стояла за допущение фракций и группировок в партии.

Ленин решительно выступил против «децистов», которых поддерживали оказавшиеся впоследствии врагами народа Рыков и Томский.

Отстаивая необходимость перехода от коллегияльности к единоначалию, Ленин говорил, что единоначалие «...больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную, а не словесную проверку работы»². Коллегияльность в лучшем случае даст громадную растрату сил и не удовлетворит требованиям

¹ «Ленин и Сталин». Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 365.

² Ленин. Т. XXV, стр. 17.

быстроты и отчетливости работы, необходимых в централизованной, крупной промышленности.

Группа «демократического централизма» смешивала господство класса с вопросом о демократическом централизме. Ленин говорил: «Господство пролетариата выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность»¹.

Беспощадно критикуя и разоблачая взгляды антипартийной группы «децистов», Ленин указывал: «...умение управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и от того, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению. Мы видим на примере: пока буржуазия побеждала, она для управления брала выходцев из другого, феодального класса»².

Для управления необходимо иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт, а такие люди тогда имелись только в среде ранее господствовавшего класса. «Мы должны управлять с помощью выходцев из того класса, который мы свергли,—выходцев, которые пропитаны предрассудками своего класса и которых мы должны переучить. Вместе с этим мы должны вербовать своих управителей из рядов своего класса»³.

Ленин дал большевистское определение демократического централизма и разоблачил мелкобуржуазную природу антипартийной группы «децистов».

Ленин говорил: «Демократический централизм значит только то, что представители с мест собираются и выбирают ответственный орган, который и должен управлять. Но как? Это зависит от того, сколько есть годных людей, от того, сколько там есть хороших администраторов. Демократический централизм заключается в том, что съезд проверяет Ц. К., смещает его и назначает новый»⁴.

Товарищ Сталин полностью поддерживал точку зрения Ленина и в докладе на Всеукраинской партконференции об очередных задачах хозяйственного строительства четко разъяснил ленинские положения об единоначалии и военизации промышленности.

IX съезд партии дал решительный отпор антипартийной группе «демократического централизма» и единодушно высказался за проведение в жизнь социалистического централизма, то есть за единый план народного хозяйства, а также за переход к полному единоначалию, так как необходимым

условием улучшения хозяйственных организаций и роста производства является проведение в жизнь принципа полной ответственности определенного лица за определенную работу. «Ю о л л е г и а л ь ш о с т ь, поскольку она имеет место в процессе обсуждения или решения, должна безусловно уступать свое место е д и н о л и ч и ю в процессе исполнения»⁵.

Съезд подчеркнул, что единоличное управление «ни в коей мере не нарушает и не ограничивает «ни прав класса, ни прав профсоюзов», ибо класс может править в какой угодно форме, а форма эта зависит от технических производственных особенностей».

Единоличное управление отнюдь не означает отстранения масс от управления промышленностью. Привлекать рабочих к управлению промышленностью необходимо путем выдвижения на организаторскую работу в производстве способных элементов из среды рабочего класса. Привлечение трудящихся мыслилось путем пропаганды через профсоюзы, через производственные совещания и общие собрания рабочих, которые ежемесячно должны были заслушивать доклады директоров предприятий о состоянии производства и производственном плане на новый месяц.

Кроме этого предполагалось на особых курсах готовить рабочих к тому, чтобы они могли стать хорошими администраторами и организаторами производства. Партия отлично понимала, что без научной организации труда, при самом широком применении трудовой повинности, трудового героизма рабочий класс не сможет обеспечить построение социалистического хозяйства. Поэтому ставилась задача привлечения специалистов и всемерного использования их в деле организации производства.

Исходя из этого, съезд предлагал всем членам партии вести решительную борьбу с так называемым спецееством, с голословными утверждениями, будто рабочий класс может решить свои хозяйственные задачи без использования старых специалистов.

Съезд разоблачал также предательские выступления Троцкого, отрицавшего роль крестьянства как союзника пролетариата в деле социалистического строительства и заявлявшего, что трудовые армии—основное средство социалистического строительства. Троцкий выступал и против ленинского плана электрификации и против перестройки всего народного хозяйства на более высоком техническом уровне.

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 104.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Там же, стр. 111.

⁵ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 333. Госполитиздат. 1940.

План ГОЭЛРО саботировал также Рыков. Товарищ Сталин в уже цитированном нами письме на имя В. И. Ленина писал по поводу Троцкого и Рыкова: «Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (труд армии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! Средневековый кустарь, возмнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... Или еще: обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» ГОЭЛРО и по уши погруженного в рутину...»¹.

На IX съезде партии также попыталась выступить другая группировка, отражавшая синдикалистские настроения среди отдельных групп профессиональных работников (Шляпников, Лутовинов), которые противопоставили профсоюзы советской власти. Съезд подверг резкой критике эти антипартийные взгляды.

Съезд особо указал на необходимость участия профессиональных союзов в хозяйственном строительстве. В решении съезда указывалось о формах участия профсоюзов в хозяйственном аппарате пролетарского государства.

Профсоюзы должны самым решительным образом бороться за воспитание старых специалистов, помогать им войти в активную работу советского правительства.

Вместе с тем съезд указал на необходимость разъяснения широким рабочим массам всей значительности технического образования.

* * *

IX съезд партии принял очень важное решение и по организационному вопросу. Указав, что очередные организационные задачи нашей партии всегда теснейшим образом связаны с очередными общеполитическими и социально-экономическими задачами, съезд подчеркнул, что главная органи-

¹ «Ленин и Сталин». Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 365.

зационная задача в период передышки заключалась в том, чтобы правильно распределить и поставить на партийную работу все 600 тысяч членов партии. Нужно направить каждого члена партии на партийную работу по его специальности или профессии, причем сделать это так, чтобы обеспечить коммунистами важнейшие предприятия.

Ленин говорил: «Нам приходится постоянно иметь в виду, что эта армия в 600 тысяч человек должна быть авангардом рабочего класса, что иначе, как без железной дисциплины, осуществить свои задачи в течение двух лет едва ли было возможно»².

Основным условием сохранения строжайшей дисциплины Ленин считал преданность делу рабочего класса и социалистического строительства.

Съезд избрал Центральный Комитет в составе товарищей Ленина, Сталина, Андреева, Калинина, Артема, Дзержинского и др. Кандидатами в ЦК были избраны гг. Молотов и Ярославский.

* * *

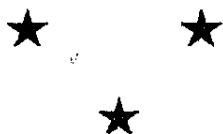
В заключительном слове на IX съезде В. И. Ленин призвал всю партию к единственности.

«Надо помнить, — говорил Ленин, — что весь капиталистический мир вооружен с головы до головы и выжидает момента, выбирая лучшие стратегические условия, облекаясь способами нападения... Нельзя ни в коем случае забывать, что сейчас вся экономическая сила и вся военная сила еще на его стороне! В мировом масштабе еще слабые, мы быстро растем, усиливаемся, вырываем из рук неприятеля одно оружие за другим, но неприятель подкарауливает Советскую республику на каждом шагу!»³.

Это предвидение Ленина оказалось правильным, и через несколько дней после съезда Антанты, преследуя цель — помешать Советской России хозяйственно окрепнуть, — направила Шольгу на Россию. Начался 3-й поход Антанты.

² Ленин. Т. XXV, стр. 126.

³ Там же, стр. 128.

Фабрично-заводские и ремесленные ученики в царской России

При капитализме подготовка и распределение квалифицированной рабочей силы происходят стихийно. Капитализм в своем развитии разоряет трудящихся крестьян и городскую мелкую буржуазию и превращает их в нищих, бездомных людей. При капиталистическом строе создается огромная армия безработных, стремящихся получить работу хотя бы за самую мизерную плату.

Совершенно иначе обстоит дело с подготовкой и распределением промышленных кадров в социалистическом обществе. В СССР навсегда уничтожена безработица и нищета, и поэтому в нашей стране не могут стихийно создаваться резервы рабочей силы. А между тем растущие социалистическая промышленность и железнодорожный транспорт требуют непрерывного, равномерного, планового притока новых квалифицированных рабочих. Для того чтобы решить эту задачу огромной государственной важности, Президиум Верховного Совета СССР в Указе от 2 октября 1940 года постановил:

«Признать необходимым ежегодно подготавливать для передачи в промышленность государственные трудовые резервы в количестве от 800 тысяч до 1 миллиона человек, путем обучения городской и колхозной молодежи определенным производственным профессиям в Ремесленных Училищах, Железнодорожных Училищах и в школах Фабрично-Заводского Обучения».

На содержание этих училищ и школ в 1940 году ассигнован 1 миллиард рублей.

Партия и правительство заботятся не только о количественном пополнении рядов рабочего класса, но и о качестве этого пополнения, ибо нельзя допустить, чтобы рабочий класс засорялся случайными элементами.

Созданное по решению правительства Главное управление трудовых резервов руководит подготовкой в ремесленных и железнодорожных училищах и школах ФЗО квалифицированных, любящих свое дело, политически стойких, физически крепких, дисциплинированных рабочих.

Указ советского правительства от 2 октября 1940 года имеет огромное значение для дальнейшего роста социалистической

промышленности, для укрепления индустриальной и оборонной мощи нашей страны, для воспитания колхозной и городской молодежи в духе лучших традиций рабочего класса. Указ о создании государственных трудовых резервов является одним из мероприятий, способствующих продвижению нашей страны от социализма к коммунизму.

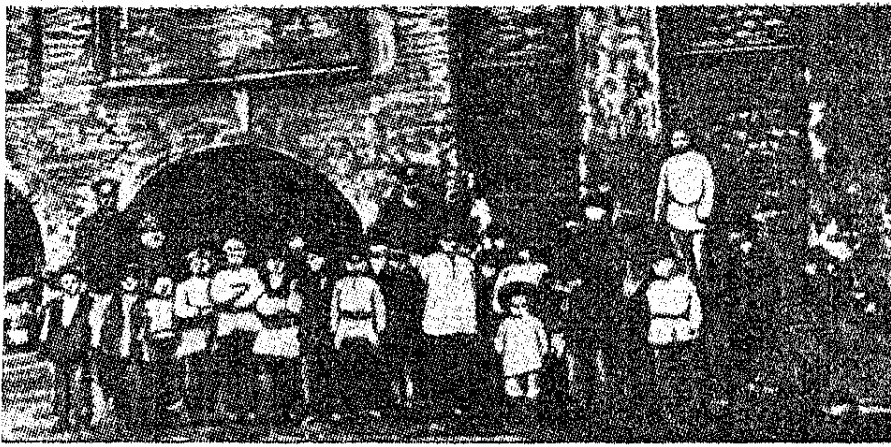
Советская молодежь с энтузиазмом встретила Указ о подготовке трудовых резервов. Количество добровольцев значительно превысило число мест в ремесленных и железнодорожных училищах и в школах фабрично-заводского обучения.

Заботу партии и правительства о будущих квалифицированных рабочих, замечательные условия, созданные для учеников советских ремесленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения чрезвычайно поучительно сравнить с тяжким положением фабрично-заводских и ремесленных учеников в царской России.

1

Карл Маркс, исследуя положение рабочего класса в различных отраслях английской промышленности, показал чрезмерное удлинение рабочего дня, хищническое высасывание рабочей силы, волчью жадность капитала к прибавочному труду. Капиталист, присваивая себе труд рабочего, отбирает у него даже ту часть средств существования, которая необходима для поддержания жизни рабочей семьи, и тем самым принуждает родителей посылать на производство малолетних детей.

Маркс привел в «Капитале» материал, опубликованный в газете «London Daily Telegraph» от 17 января 1860 года, о работе детей в кружевном производстве: «В 2, 3, 4 часа утра 9—10-летних детей отрывают от их грязных постелей и принуждают за одно жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, благодаря чему члены их отказываются служить, тело сохнет, черты лица приобретают тупое выражение, и все существо целенеет в не-

Рабочие-малолетки у фабричного общежития.
Дореволюционная Россия.

мой неподвижности, один вид которой приводит в ужас»¹.

Эти факты были типичными для всех отраслей английской промышленности. Среди многих других примеров Маркс сообщает в «Капитале» рассказ рабочего Дж. Эспдена о работе ребенка на фабрике обоев: «Когда моему мальчугану было 7 лет, я ежедневно носил его туда и обратно на спине по снегу, и он работал обыкновенно по 16 часов!.. Часто я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как ему нельзя было ни уйти от нее, ни остановить ее»².

Маркс писал о том, что всякие пределы продолжительности рабочего дня, установленные правами и природой, возрастом и полом, сменой дня и ночи, разрушены. «Капитал справлял свои оргии»³.

Отношение к малолетним рабам капиталистической промышленности было немногим лучше отношения капиталистов начала XVII века к «ученикам-пауперам», взятым из рабочих домов. В то время нередки были случаи, когда владельцы предприятий убивали учеников, чтобы получить от владельцев рабочих домов премию за прием в ученье новой группы детей⁴. Только угроза физического истребления рабочего класса и могучий рост рабочего движения в XIX веке вынудили буржуазное правительство издать законы, несколько ограничившие пределы зверской эксплуатации.

Но еще в 1907 году «Особый комитет» в Англии установил, что сотни тысяч детей в возрасте от 4 до 12 лет трудятся в промышленных предприятиях⁵.

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 231. Партиздат. 1937.

² Там же, стр. 234.

³ Там же, стр. 264.

⁴ См. Джон Голлан «Молодежь в английской промышленности», стр. 19. Изд-во «Молодая гвардия». 1938.

⁵ Там же, стр. 23.

Шогуля за детскими руками как за дешевой рабочей силой, безудержная эксплуатация малолетних и подростков является и сейчас типичным явлением для рационализированной капиталистической промышленности. В исследовании Аллен Хатт «Положение рабочего класса в Англии» указывается, что за период между 1923—1924 и 1930—1931 годами процентное отношение числа взрослых мужчин к числу мальчиков, заново принятых в промышленность Лондона, упало со 120 до 24, а число взрослых женщин к числу девочек упало с 89 до 45⁶.

В промышленности и в сельском хозяйстве США, по данным переписи 1930 года, работало больше 2 миллионов детей и подростков в возрасте от 10 до 17 лет; 700 тысяч из них моложе 15 лет. Несмотря на то что в США существует закон, формально запрещающий детям до 14 лет поступать на производство, фактически дети начинают работать с 10—12 лет, а во множестве случаев и раньше. Так например в 1937 году законодательное собрание штата Миссури постановило разрешить без всяких ограничений труд детей, работающих вместе со своими родителями.

Дети, начиная с 6—7-летнего возраста, работают в этом штате в коях по добыче барита, подвергаясь жестокой эксплуатации.

В американских штатах Миссисипи, Техас и Луизиана на креветочных промыслах работают дети с 4 лет⁷.

Капиталистическая система ученичества позволяет владельцам предприятий особенно жестоко эксплуатировать детей под видом их обучения. Подростки, числящиеся рабочими, получают небольшую заработную

⁶ См. Аллен Хатт «Положение рабочего класса в Англии», стр. 121. Партиздат. 1934.

⁷ См. М. Розман «Капиталистическая рационализация и рабочий класс», стр. 136. Госполитиздат. 1940.

плату, ученики же в большинстве случаев, работая наравне со взрослыми, ничего за свой труд не получают или получают гроши. По приукрашенным сведениям Венгерского королевского статистического бюро, подросток зарабатывает 5,76 пенге в неделю. На самом деле подросток получает 2—3 пенге, на которые он может приобрести всего несколько кило хлеба.

На прославленных заводах Форда в США имеется фабрично-заводская школа. Окончив школу, ученики ее работают у конвейера такими же темпами, как и взрослые рабочие, получая за свой труд $\frac{1}{3}$ заработка взрослых. В журнале американского комсомола «Ревю» помещено письмо молодого рабочего, в котором он пишет о своем ученичестве: «Мы ничему не научились. 85% юношей, окончивающих нашу школу, не приобретают никакой квалификации. Большинство не получает ни работы. Форд использует подростков для легкой наживы».

Сроки «ученичества» всячески затягиваются владельцами фабрик и заводов и достигают часто 6—7 лет.

Условия существования русских рабочих до Великой Октябрьской социалистической революции имели много общего с тем, что описал Маркс в своих бессмертных произведениях.

После отмены крепостного права промышленный капитализм в России стал довольно быстро развиваться. Количество рабочих на фабриках, заводах, железных дорогах интенсивно росло за счет притока рабочей силы из разорившихся, обнищавших деревень. Фабриканты и заводчики имели возможность набирать на свои предприятия дешевую рабочую силу.

«Положение рабочих в царской России было необычайно тяжелое. В 80-х годах рабочий день на фабриках и заводах был не менее 12 $\frac{1}{2}$ часов, а в текстильной промышленности доходил до 14—15 часов. Широко применялась эксплуатация женского и детского труда. Дети работали столько же часов, сколько и взрослые, но получали, так же как и женщины, значительно меньшую заработную плату. Заработная плата была непомерно низка. Большая часть рабочих получала 7—8 рублей в месяц... Не было никакой охраны труда, что приводило к массовым увечьям и смерти рабочих. Не было страхования рабочих, медицинская помощь оказывалась только за плату... В маленьких «каморках», в рабочих казармах жили по 10—12 человек рабочих. Фабриканты часто обсыхивали рабочих, заставляли покупать в хозяйских лавках продукты втридорога, грабили рабочих при помощи штрафов»¹.

¹ «История ВКП(б)», стр. 8.

В результате разорения народных масс города и деревни России наполнились массами безработных. Фабриканты накапливали огромные богатства, мелкие хозяйчики вытеснялись миллионерами. Капиталист получил возможность загнать рабочего вместе с его женой и детьми каторжной работой до смерти. «И в самом деле,—указывает Ленин,—взгляните на те промыслы, в которых рабочие еще не добились себе защиты закона и в которых рабочие не могут оказывать сопротивления капиталистам,—и вы увидите безмерно длинный рабочий день, доходящий до 17—19 час., вы увидите надрывающихся за работой детей с 5—6-летнего возраста, вы увидите поколение постоянно голодающих и вымирающих мало-помалу с голоду рабочих»².

При массовом применении женского и детского труда вся семья рабочего доставляла капиталу большую массу прибавочного труда чем прежде, когда в семье работал один человек, даже если возрастала общая сумма заработной платы, получаемая этой семьей.

Огромное количество малолетних, начиная с 5-летнего возраста, работало на бумаготкацкой и прядильной фабрике Нечаева-Мальцева в Гусь-Хрустальном. Предприниматели принуждали рабочих отдавать детей на фабрику, угрожая в противном случае увольнением с предприятия. Иногда отец или мать приносили на работу спящих детей, тут же будили их и ставили к станку. Если истомленные непосильной работой дети вновь засыпали, надсмотрщики будили их ударами кнута.

Ивановский бытописатель Ф. Д. Нефедов, сотрудник некрасовского «Современника» и «Отечественных записок», описал в очерке «Наши фабрики и заводы»³ трагедию короткой жизни детей, работавших в ивановских красильнях. Увидев мальчиков и девочек, которые, ползая по полу, вытирали грязь с шестерен среди оглушительного стука, жары и зловония, он спросил у фабриканта, что за люди выходят впоследствии из всех этих детей.

— Бог знает, куда они у нас деваются,— ответил фабрикант.— Мы уж их не видим после.

— Как не видите?!

— Да так, высыхают они.

— Вы хотите сказать, что впоследствии они переменят род занятий и перейдут на другую фабрику?— спросил Нефедов.

— Нет, просто высыхают, совсем высыхают!— ответил фабрикант.

² Ленин. Т. II, стр. 572—573.

³ Ф. Д. Нефедов. Очерки и рассказы. Издосиздат. 1937.

Ученик-мальчик в кустарной мастерской.

Дореволюционная Россия.

Особенно был распространен труд детей самого раннего возраста в системе домашней промышленности. Так например на женских промыслах в Московской губернии на размотке бумаги дети, как правило, начинали работать с 5—6 лет при дневном заработке в 10 копеек и годовом — в 17 рублей. Рабочий день здесь доходил до 18 часов.

Налуганное стачками и волнениями рабочих, царское правительство утвердило 1 июня 1882 года «Правила о работе малолетних на заводах, фабриках и мануфактуре». Согласно этим правилам, детям до 12 лет вообще запрещалось работать на производстве. Дети от 12 до 15 лет могли работать не больше 8 часов; им запрещалось работать по ночам и в праздники. (Ночная работа все же допускалась этим законом в первые два года его действия.) Вступление этих правил в силу было отсрочено под воздействием фабрикантов на 6 лет. Помимо этого текст правил был столь туманным, а контроль за их исполнением столь ничтожным, что обойти их было очень легко. Детей продолжали эксплуатировать попрежнему, хотя количество малолетних на фабриках и заводах уменьшилось¹.

¹ См. К. А. Пажитнов «Положение рабочего класса в России». Т. III, стр. 31. Изд-во «Путь к знанию». 1924 г., а также С. Гвоздев «Записки фабричного инспектора», стр. 50. Госиздат. М. и Л. 1925.

Под нажимом капиталистов 6 мая 1890 года правительство опубликовало новый закон о работе женщин, малолетних и подростков, значительно ухудшивший условия их работы. По новому закону, допускалась, между прочим, работа подростков в праздничные дни с разрешения фабричной инспекции и ночная работа женщин и подростков в «особо уважительных случаях», по разрешению присутствий по фабричным делам или губернаторов.

В циркуляре министерства финансов от 21 июля 1891 года говорилось о том, на каких условиях жены и дети рабочих могут быть привлечены (по существу, в принудительном порядке) к ночным работам. Под этот преступный циркуляр была подведена «моральная база».

«В видах ограждения добрых нравственных основ семейной жизни,—значилось в циркуляре,—которые могут быть поколеблены при разобщении на почное время родителей с детьми, а жен с мужьями, разрешать почные работы подросткам и женщинам, когда эти работы исполняются ими одновременно с главами их семейств. Только при совместности почных работ подростков с их отцами, а жен с их мужьями может осуществиться действительный контроль глав семейства над поведением остальных его членов»².

Даже по преуменьшенным данным пере-

² М. Ильин «Сегодня и вчера», стр. 106. Детиздат. 1937.

писи 1897 года, в которой истинное положение вещей всячески скрывалось, в промышленности работали 238 тысяч детей моложе 12 лет. Рабочий день подростков 12—15 лет ограничивался, по закону, 8 часами, однако в 1913 году из 252 тысяч рабочих-подростков 144 тысячи работали 10 и больше часов в сутки.

Особенно жестокой эксплуатации подвергались малолетние рабочие и работницы Ярославской большой мануфактуры (ныне «Красный Перекон»). Пользуясь тем, что работа на многих машинах не требовала большой мускульной силы, хозяева наводнили цеха малолетними, которые работали до полного изнеможения.

Малолетних заставляли лезть в узкие щели между частями машин, и там, скорчившись, задыхаясь в пыли и копоти, они часами сгребали пыль и очищали механизмы от застрявших в них волокон хлопка. Часто детей заставляли чистить мюль-машину на полном ходу, хотя эта работа была смертельно опасной.

И за этот адский труд мальчикам и девочкам платили 3—5 рублей в месяц.

Однако и на эту работу попасть было чрезвычайно трудно. Долго надо было родителям унижаться перед мастером, отдавать последние деньги и продукты, чтобы приняли ребенка на производство.

А через 2—3 месяца ребят нельзя было узнать: дети 10—12 лет превращались в маленьких стариков, желтолицых, с свалившимися глазами, гулко кашляющих и угрюмых.

Даже по официальным данным, из 100 малолетних рабочих на Ярославской мануфактуре умирало 65.

Дети активно участвовали в большой забастовке рабочих Ярославской мануфактуры в 1890 году: «работавшие на фабрике мальчишки и девочки, на которых главным образом и налагались штрафы, по словам унтер-офицера Кудрявцева, «особенно сильно кричали, что в городе войск нет, а полицию надо уничтожить»¹.

2

Особенно распространенным и чрезвычайно тяжким видом эксплуатации детей являлось так называемое ученичество у кустарей, ремесленников, на фабриках, заводах, в различных частных торгово-промышленных заведениях и т. п.

Многие писатели нашей страны: Л. Толстой, Успенский, Короленко, Чехов, Горький, Шолом-Алейхем, Вольфов, Се-
рафимович, Шришвин, Н. Островский,

¹ Н. П. Паялин «Волжские ткачи», стр. 127. Изд. «История заводов». М. 1936.

Ванда Василевская и другие — показали в своих произведениях горестную судьбу детей и подростков, находившихся под гнетом помещичье-капиталистической эксплуатации.

Алеппа Пешков, ставший впоследствии прославленным русским писателем Максимом Горьким, сам испытал на себе прелесть «ученичества», которые описал в «Детстве» и «В людях».

Однажды он сказал своему хозяину-чертежнику:

«Тряпичником-то лучше жить, чем у вас! Приняли в ученики, а чему учите? Помои выносить...»

Он думал, что его прогонят после таких слов, но на второй день хозяин пришел на кухню, где находился Алеппа, и показал ему, как надо делать чертежи...

Алеппа задумался, с чего начать. В это время к нему подошла хозяйка.

— Чертить хочешь? — спросила она злоево.

«Схватив за волосы, — рассказывает писатель, — она тынула меня лицом в стол так, что я разбил себе нос и губы, а она, подпрыгивая, изорвала чертеж, сошвырнула со стола инструменты и, уперев руки в бока, победоносно закричала:

— На, черти!»².

Испытал муки работы «мальчиком» и писатель Николай Островский. Он рассказал о них в романе «Как закалялась сталь». Герой романа Павлик Корчагин работал в привокзальном буфете, мечтая о поступлении учеником в депо. Отработал он однажды свою смену, хотел идти домой, но сменщик его не явился, и хозяйка приказала Павлику дежурить вторые сутки. К ночи он совсем выбился из сил, стал плохо соображать и позабыл закрыть кран в кипятельном баке.

Павлик задремал на дровах, а в это время вода полилась из куба...

«Удары один за другим сыпались на голову совершенно одуревшего от боли мальчика.

Он со сна ничего не понимал. В глазах вспыхивали яркие молнии, и жгучая боль пронизывала все тело.

Избитый, едва доплелся домой»³.

В литературе были только обобщены явления, типичные для жизни того времени.

Надо было пройти через каторгу ученичества у кустаря, ремесленника или

² М. Горький. Собрание сочинений. Т. XVII, стр. 52—54. ГИХЛ. 1933.

³ Николай Островский «Как закалялась сталь», стр. 23. Изд. «Молодая гвардия». 1936.

на капиталистическом предприятии, чтобы стать квалифицированным рабочим. Ремесленное ученичество и фабрично-заводское индивидуальное ученичество были основными методами «подготовки» рабочих кадров в царской России. Ученичество ничего не стоило хозяевам предприятий. Наоборот, оно являлось источником крупных доходов, так как учеников нещадно эксплуатировали, почти не оплачивая их труд.

Ленин указывал, что ученичество является естественным спутником мануфактуры, так как процесс производства распадается здесь на детальные операции, исполняемые различными специалистами-мастерами; подготовка таких мастеров требует длительного обучения.

При товарном хозяйстве и капитализме ученичество ведет к худшим видам личной зависимости и эксплуатации. Так например в слободе Борисовке, Грайворонского уезда, Курской губернии, в иконописном промысле обходились большей частью без наемных рабочих, но нещадно эксплуатировали учеников, которых заставляли работать по 14—15 часов в сутки. Мастера очень встревожились, когда возникло предположение о создании рисовальной школы, так как опасались потерять даровую рабочую силу.

Только развитие машинной техники приводило к сокращению и исчезновению ученичества, так как машины резко уменьшали период обучения, выделяв чрезвычайно простые операции, доступные даже детям.

Писатель М. Пришвин описал в своем исследовании «Башмаки»¹ дореволюционные кустарные промыслы в Кимрах и торговлю живым товаром — продажу «учеников» в кустарные мастерские Петербурга. Ярославские и олонекские шестерочники, то есть люди, получавшие за службу в трактирах, кабаках, публичных домах по 6 рублей в месяц, решили заняться более прибыльным делом. Они обращались к деревенским беднякам, которые рады были хоть куда-нибудь пристроить своих 9—10-летних дочерей и сыновей, и обещали им выгнать детей любому ремеслу. Подобрал с десятка мальчиков и девочек, шестерочник привозил их в Петербург, в Аптраксиин переулок, и сбывал по десятке с головы сапожникам, башмачникам, слесарям, фуражечникам, иногда по десять сразу в одну квартиру. Тут же, получив новый заказ, он отправлялся в другие деревни за «товаром».

Иногда покупатель тревожился:

— Ты мне его ставишь, а у него, может, тут родные есть?

— Не беспокойтесь, — отвечал шестерочник. — Родные его далеко. Не потревожат.

Рабочий день мальчика, проданного кустарям, начинался в 5 часов утра и заканчивался в 12 ночи. Если не выдерживал ребенок напряжения и засыпал, тут же устраивалось ему «хвоценье», т. е. его избивали. В среднем каждый «ученик» подвергался «хвоценью» раза 3 за день. В ночь с субботы на воскресенье дети работали на час дольше, а утром мальчик нес на базар готовую продукцию. Праздник отличался от будней тем, что «ученик» ложился спать не в час ночи, а в 10 часов вечера.

Иногда кто-нибудь из детей запевал во время работы песню:

«Не по морюшку лебедушка плывет,
Выше берега головушку несет.
Не ко мне ль то родна матушка идет?
Ты поди, поди, государыня моя,
Навести при большом горе меня,
Как я малюсь, во чужих людях живу,
Я чужому отцу-матери служу.
Не по пиису, не по бархату хожу,
А хожу, хожу по лютому пожу»².

И по всем углам мастерской начинался плач мальчиков и девочек.

Многие из учеников кончали жизнь самоубийством: вешались, выбрасывались из окон верхних этажей.

А между тем в это время считался действующим указ Александра II от 21 октября 1861 года, в котором говорилось:

«Впредь до лучшего устройства существующих ремесленных установлений возложить надзор за положением ремесленных учеников С.-Петербурга на Попечителей о бедных ведомства Императорского Человеколюбивого Общества с тем, чтобы лица сия, о всяком обнаруженном ими случае нарушения мастерами установленных законом в отношении содержания учеников правил, доводили до сведения Главного Начальника столицы, для принятия мер к возысканию с виновных»³.

² Там же, стр. 53.

³ Цитируется по книге «Об улучшении положения ремесленных учеников. Доклад первому съезду русских деятелей по техническому образованию Г. Ф. Ракеева, уполномоченного от попечительства Императорского человеколюбивого общества для сбора пожертвований на воспитание и устройство бедных детей в мастерство, действительного его члена», стр. 15—16. С.-Петербург. Типография С. Добродеева. 1890.

¹ М. Пришвин. «Башмаки». М. Гиз. 1925.

Мальчики-стеклодувы на ночной работе.

Дореволюционная Россия.

Этот указ существовал только на бумаге; средств на организацию проверки его выполнения не было ассигновано: члены «Человеколюбивого общества» на деле не пользовались никакими специальными правами, да и «правил», о которых упоминалось в указе, по существу, не было.

Широко было распространено неоплачиваемое «ученичество» на фабриках и заводах. Детей ничему не учили, а использовали для самой тяжелой и грязной работы, не платя за это ни копейки. Капиталисты заменяли дешовыми мускулами детей дорогие машины.

А. М. Горький с глубоким возмущением и скорбью писал в «Самарской газете» (№ 208 от 29 сентября 1895 года) о тяжелой судьбе «бесплатных мальчиков» на чугунолитейном заводе Лебедева в Самаре.

Когда на этот завод привезли новый токарный станок, Лебедев заставил вертеть станок мальчика, хотя на предприятии был паровой двигатель. Истощенный этой каторжной работой, мальчик пошатнулся, рука его соскользнула с ручки колеса и попала в шестерню...

Невыносимой была жизнь заводских учеников на Урале. «Когда мне было одиннадцать лет, — рассказывает мастер Уралмашзавода тов. Антопов, — поклонами да подарками устроила меня мать в доменный цех учеником. Первое, что потребовали там, было: водку покупать да рыбу мастеру на завтрак ловить...

Пятак в день — мое жалованье. Пройдет месяц, зови мастера домой, угощение ставь — четверть ведра водки, пельмени, кренделя да сушки к чаю. Пять рублей угощение стоит, а в кармане рубль двадцать. Мать спиркой подрабатывала...

Служил я на Купавинском заводе. Чугун из домен выпускали в песчаные борозды. Перемочить песок — кипелка выходит, чугун сольется в общую массу. Тогда виновному устраивали «зеленую улицу» — два приказчика брали под руки, вели по улице и попеременно драли по спине ремнем. А если девушка провинится, так ее, беднягу, привязывали к столбу и избивали»¹.

Даже на такую «учебу» очень трудно было попасть детям рабочих, а поступив на предприятие, трудно было получить хоть какую-нибудь квалификацию. Рабочий Московского автозавода имени Сталина тов. Некрасов так говорит об этом:

«С 10 лет у меня было страстное желание сделаться токарем, а добился я этого примерно в 17 лет. До этого прошел тяжелую школу, работая за бесенок у кустарей разных профессий. Старался чему-нибудь научиться. А как раньше учили? Подмастерье берет к себе ученика и говорит: «Принеси мне полбутычки и закуски». Пойдешь к отцу, поплачешь, он тебе даст денег и выкрутит. Чуть в чем-нибудь ошибся — колотушка.

¹ «Правда» от 11 сентября 1937 года.

...Как мы учились? Когда я поступил работать на завод... у нас работал один немец токарем. Пойдешь посмотреть, как он затачивает резец... а он остановит станок... или прикроет работу тряпочкой, а потом скажет: «Ну, иди, мне работать нужно». Он скрывал свои знания»¹.

О том, как обращались с учениками на предприятиях, можно себе представить по следующему примеру.

На заводе «Новый Леснер» в Петербурге (ныне завод имени Карла Маркса) мастеру Хельферсу понадобилось что-то достать из-за ящика со стружками от бронзового литья. Он приказал ученику передвинуть ящик. Мальчик попытался, но у него не хватило сил.

— Тяжело? — спросил мастер. — Рассчитаю — станет легче!

Мальчик напряг все силы и передвинул ящик. Он надорвался и вскоре умер.

Как жили фабрично-заводские ученики в крупнейших городах России?

«Жили мы в подвале, — вспоминает старый рабочий завода «Красный пролетарий» (б. Бромлей) в Москве И. Р. Тимошин, — комната небольшая, а в ней 15 человек. Здесь и слесаря, и кузнецы, и я, мальчик. Жалованье мне платили 75 копеек в месяц. Сколько мне тогда перепало в день щелчков и оплеух! Хозяин бил, сыновья его били, кухарка била. Бывало, вечерами собьемся, мальчики, в кучу, как котята, и хвастаем друг перед дружкой, кому меньше сегодня досталось...»².

Многие тысячи обездоленных трудящихся стремились отдать своих детей в учение к частным мастерам. По этому же пути шли и различные благотворительные учреждения, пристраивавшие питомцев своих в ремесленные мастерские. На этом поприще подвизалось и вышеупомянутое «Императорское человеколюбивое общество в С.-Петербурге». С 10 мая 1883 года по 1 января 1890 года это общество отдало в обучение ремесленникам 670 детей. Среди обязанностей этого общества значилось: «...ближайшее наблюдение за состоянием здоровья, успехами, образом жизни и поведением этих детей, а равно и за точным исполнением контрактных условий со стороны их хозяев, с принятием в потребных случаях соответствующих законных мер»³. Эта обязанность, как свидетельствуют последующие стро-

ки, оказалась невыполнимой для членов «Человеколюбивого общества».

Частные мастера брали учеников, надеясь без каких бы то ни было затрат извлечь из них наибольшую прибыль. В особенно невыносимое положение попадали сироты и дети деревенской бедноты, отданные в кабалу мастерам и покинутые родственниками. Несчастные дети, которым некуда было уйти от побоев, голода и непосильного труда, неоднократно покушались на самоубийство, бросались в Фонтанку и т. п.

Ракеев с гордостью заявляет, что дети, призваемые его Обществом, от такого исхода гарантированы. Однако он тут же добавляет, что воскресные собрания, организуемые попечительством, редко посещаются детьми, так как хозяева отказываются отпускать их с работы даже в праздничные дни, а что касается «надзора» и принятия мер, то Общество в этой области никакими правами не пользуется. Когда представители попечительства обращались к хозяевам мастерских с просьбой о смягчении участи учеников, им приходилось «соблюдать крайнюю осторожность и умеренность... просьба отвести место для установки отдельной кровати, которую попечительство дает от себя, или приглашение выпускать ребенка на воскресные собрания, все это одинаково вызывает несочувственное отношение хозяев»⁴. Как указывает Ракеев, пормой для мастеров являлись порядки, «укоренившиеся временем, и обычаи ремесленного сословия». Попытки Общества улучшить положение детей часто приводили к отказу хозяев держать у себя учеников, а потому Обществу приходилось отказываться от всех своих требований. Представители благотворительных учреждений могли только просить, но не могли требовать, так как закон не устанавливал пределов эксплуатации детского труда у ремесленников.

В «Уставе о промышленности» определялось отношение хозяев к ученикам: мастер обязан учеников своих учить усердно, обходиться с ними человеколюбивым и кротким образом, без вины их не наказывать и занимать должное время наукою, не принуждая детей к домашнему служению.

В одной из статей устава говорится, что мастера, нарушающие правила обращения с учениками, подлежат наказанию по приговору общих судебных учреждений. Речь идет здесь о том, что в случае нанесенных ученику увечий, подтвержденных свидетельскими показаниями и медицинским осмотром, мастер привлекается к ответственности.

¹ А. Кронов «Комсомольская работа на автозаводе имени Сталина», стр. 7. Изд. «Московский рабочий». 1938.

² З. Островский «От Бромлея к Красному пролетарию», стр. 34. Изд. «Московский рабочий». 1937.

³ Г. Ф. Ракеев. Цит. соч., стр. 4.

⁴ Там же, стр. 9.

На деле же детей можно было истязать и увечить безнаказанно, так как никто не хотел принять на себя инициативу судебного преследования и редко кто соглашался свидетельствовать против хозяина. Помимо этого даже в случае благоприятного для ученика исхода судебного разбирательства участь его стала бы еще более печальной: оставаться у того же хозяина он не мог, а перейти к другому было очень трудно, почти невозможно, да и «стаж» пропал, и приходилось все «ученье» начинать сначала.

Ремесленный устав не делал различия между взрослыми и детьми в отношении продолжительности рабочего дня. Рабочий день, по уставу, должен был продолжаться с 6 часов утра до 6 часов вечера с перерывами на обед и на завтрак. «В случае необходимости» устав допускал работу в воскресные дни и в церковные праздники. На деле же работа продолжалась не до 6 часов, но до 10 и позже, а также во все праздничные дни. Хозяева мастерских, получив детей в бесконтрольное свое распоряжение, использовали их на работах, смертельно опасных для их здоровья, и на ночных работах.

Надо сказать, что сами ремесленники, безудержно эксплуатировавшие детей, подвергались эксплуатации со стороны скупщиков и работодателей.

Ученики, испытавшие еще у родителей голод и нужду, попадали на производство истощенными, малокровными, со слабым сердцем, больными туберкулезом, золотухой, рахитом. Работая с утра до поздней ночи в затхлых и темных помещениях, они были обречены на умирание.

Капитализм душил каторжным трудом, физически уничтожал тысячи талантливых детей.

А. М. Горький описал страшную судьбу талантливейшего мальчика Бориса Зубова, сына прачки. Семи лет Борис выучился у гимназиста грамоте, за что платил своему учителю яблоками и голубями, которые принужден был воровать. Его жестоко избивали за воровство. К тринадцати годам он стал сочинять песни, но его забрали в это время в колонию для малолетних преступников, где его убил ударом кулака сапожный мастер, обучавший мальчиков ремеслу.

Но не только в колониях для малолетних преступников обучали ремеслу по способу сапожного мастера — убийцы Бориса Зубова. Для нас дошел ярчайший документ о школе фабричных учеников на крупном капиталистическом предприятии — Крепгольмской мануфактуре в Нарве. Эта школа существовала задолго до утверждения «Основных положений о промышленных училищах».

Один из первых рабочих-социалистов в России, Василий Герасимов, написал в 1887 году по пути на каторгу очерк своей жизни под названием «Питомец воспитательного дома»¹. В этом произведении запечатлена трагическая судьба фабричных учеников России в 60—70-х годах прошлого столетия. По контракту с воспитательным домом, заключенному на 10 лет, 9—10-летних детей бедняков отсылали на фабрику в «ученье».

На работу их поднимали в 4 часа утра. Василий Герасимов работал на ватерных машинах, и ему приходилось стоять все время на одной ноге. Этот адский труд продолжался до 8 часов вечера.

Вконец измученные дети должны были в 9 часов вечера идти в школу, где их обучали «закоу божью» и другим предметам до 11 часов. Но детям было не до ученья, тем более что учителя в фабричной школе признавали кулак и розгу лучшими средствами воспитания. Бывали случаи, когда ученики падали от страха в обморок в тот момент, когда учитель набрасывался на них с кулаками. Усталые, загнанные, с трепетом ожидавшие побоев дети ровно ничего не могли усвоить. Один ученик, например, проучившись 8 лет, делал вычитание так: два минус два равняется двум.

За малейшую провинность, а то и без всякой вины детей сажали в карцер на хлеб и на воду, а розог давали от 25 до 100. Василий Герасимов рассказывает: «Розгами били в казарме, и при этой операции находились учитель, управляющий Александр Егорович Фрей и десятник, а наказывали сторожа. На фабрике же наказывали директор и его помощник Василий Васильевич Тринкин. Эти лица были настоящие тираны; особенно отличались Тринкин и учитель. На фабрике наказывали плетью. В конторе постоянно у дверей стоял палач Голянищев, который бил по приказанию начальников. Я привожу несколько фактов, как били меня самого. Один раз я печально сломал щетку, за что получил 25 ударов плетью, другой раз — 50 ударов за то, что приехал на подъемной машине с 4-го этажа в третий; меня били так сильно, что на моей спине не осталось белого места, — вся была черная как сапог. В карцере я сидел несколько раз...»².

Мастера и подмастерья избивали детей до смерти. Василий Герасимов видел однажды, как подмастерье бил одну девушку, которая на другой же день слегла в больницу и там умерла. Учеников ставили на колени на осколки жирничей и за-

¹ «Былое» № 6 за 1906 год, стр. 81—101.

² Там же, стр. 84—85.

ставляли часами находиться в этом положении.

В первые 4 года обучения ученикам причиталось в месяц по 4 рубля. Но хозяин считал, что ему причитается за содержание ученика получать 6 рублей 50 копеек в месяц. Поэтому каждый ученик оставался должен ему по 2 рубля 50 копеек ежемесячно. К этой сумме причисывались штрафы за разные провинности. Таким образом, ученик оказывался в неоплатном долгу у хозяина и расплачивался за свое ученичество много лет подряд, уже будучи взрослым рабочим.

«Из тех детей, которые приехали со мною в Нарву, в живых уже нет и половины,— рассказывает Василий Герасимов.— Холод и голод свели их в преждевременную могилу. Были у нас протесты и бунты, но они не улучшали нашего положения и обыкновенно кончались поркой»¹.

3

Наряду с индивидуальным ученичеством некоторое развитие получило ремесленное обучение в специальных ремесленных училищах, школах, классах. Эти учебные заведения возникали как по государственной, так и по частной инициативе, в связи с тем, что растущие промышленность и железнодорожный транспорт требовали все больше и больше квалифицированных рабочих кадров. К 1888 году в России насчитывалось 88 ремесленных училищ, в которых обучалось 5036 человек. Поступить в ремесленное училище мог далеко не всякий. Эти училища были недоступны для беднейшего населения, так как плата за содержание и обучение одного ученика достигала 250 рублей в год. Кроме того при поступлении в училище требовались грамотность и некоторая подготовка, недоступные бедняку.

Согласно «Основным положениям о промышленных училищах», «высочайше утвержденным» 7 марта 1888 года, промышленные училища делились на 3 категории: средние технические училища, готовившие техников, низшие,— готовившие мастеров, и ремесленные, в которых обучались будущие рабочие «для фабрик и заводов по обработке металлов и дерева». Закон от 20 декабря 1893 года установил также особый тип училища, так называемые школы ремесленных учеников, с трехлетним курсом.

Школы ремесленных учеников учреждались «с целью сообщать учащимся в них знания и умения, необходимые для успеш-

ного, по выходе из школы, изучения какого-либо ремесла у частного мастера»².

Принимались в эти школы мальчики 11—14 лет, окончившие курс начальной школы.

Как видим, даже по официальной программе школ ремесленных учеников, их задачи были чрезвычайно ограниченными. После трех лет обучения подростки должны были начинать все мытарства индивидуального ученичества у частного мастера или на каком-либо заводе.

На хозяйственные расходы по нижней ремесленной школе полагалось около 300 рублей в год. О материальной обеспеченности этих школ можно судить по следующему факту. В Екатеринодарской школе пришлось сократить практические занятия с 37,5 часа в неделю до 20 часов, урезав послеобеденный час из-за отсутствия денег на лампы.

Кроме ремесленных училищ, организованных согласно «Положению» 1888 года, в ведении министерства народного просвещения находились десятки технических и ремесленных училищ и ремесленных классов, существовавших по особым уставам или без всяких уставов. Они располагали ничтожными средствами и, действуя без систематического плана, под руководством безграмотных мастеров, за редкими исключениями, не достигали своей цели.

В Рыбинском архиве сохранились материалы «низшего механико-технического училища и ремесленной при нем школы имени действительного статского советника Комарова», которое открылось в 1897 году. Это училище было не из худших хотя бы потому, что за ученье и содержание каждого ученика родители должны были платить 176 рублей в год. Об условиях жизни учащихся можно судить по сохранившейся жалобе их родителей, направленной директору ремесленной школы. «Добровольский,— писали они,— весьма плохо обращается со всеми учениками и, кроме всяческой ругани, бьет их. Литвиненко так побил, что у него до сих пор болит бок. Охлобыстина ударил по лицу в присутствии учеников, Красильникова тоже»³.

Учеников штрафовали, сажали на хлеб и воду в карцер «заслушание», «за бездельное хождение по мастерской» и т. п.

Большинство учеников находилось в бедственном положении. Не от хорошей

² «О школах ремесленных учеников». Приложение к № 1 «Циркуляр по Казанскому учебному округу». 1894.

³ А. Соколовский «Тяжелое положение учащихся при царизме». «Северный рабочий» от 21 ноября 1940 года.

¹ «Былое» № 6 за 1906 год, стр. 88.

жизни посылали родители своих детей в эти училища. Одна из матерей писала директору:

«Оставшись после смерти мужа без всяких средств к жизни, добывая только своим личным трудом все необходимое для семьи, состоящей из сына Александра 16 лет—ученика вверенного вам технического училища — и двух малолетних дочерей, и не имея средств к дальнейшему продолжению образования своего сына, я имею честь покорнейше просить ваше высокородие об освобождении меня от внесения платы за право учения моего сына и, если возможно, о выдаче пособия на покупку учебных книг»¹.

По свидетельству директора этого училища, писавшего в 1910 году докладную записку попечителю Московского учебного округа, «при самых благоприятных условиях, окончивший курс технического училища поступает простым слесарем на фабрику, завод или железнодорожные мастерские, может получить, самое большее, от 60 до 70 копеек в день»².

Издательский, иезуитский режим в училищах вселял во многих из их воспитанников глубокую ненависть к царскому самодержавию. Революционная пропаганда среди учеников находила подготовленную почву. Во время революции 1905—1907 годов учащиеся Рыбинского ремесленного училища распространяли революционные воззвания, добывали для дружинников оружие, участвовали вместе с рабочими в забастовке.

4

Только борьба рабочего класса против капиталистическо-помещичьего гнета могла улучшить положение пролетарских детей.

Заводские мальчишки активно участвовали в знаменитой стачке на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве в 1885 году, имевшей особенно большое значение в истории революционного движения. Руководитель стачки П. А. Моисеенко с любовью и благодарностью вспоминает о подвигах мальчигов-рабочих в дни революционных боев:

«Подходят ко мне несколько молодых мальчуганов и поворот: «мы завернем коренной газ». Я говорю им: «как же вы завернете, детки, ведь для этого нужна лестница, а будете брать лестницу, подмастерье вас заметит, а раз заметит, то придется отвечать, а я этого не хочу.— Нет, говорят, мы лестницу брать не бу-

дем, мы так — один на другого, сделаем живую лестницу и завернем газ.— Хорошо,— говорю. Попросили женщин выйти и завернуть рожки передних станков, чтобы было темно. Это было сделано: женщины вышли и завернули рожки, а мои ребята — один на другого и завернули газ. Поэтому удалось моментально создать то, что никогда не пришлось бы сделать без помощи молодежи»³.

Рабочие-подростки оказали Моисеенко и другим руководителям исторической стачки много неоценимых услуг: они помогли освободить арестованных рабочих, показывали дорогу по неизвестным цехам.

Бесстрашно вели себя заводские и фабричные мальчишки во время Обуховской забастовки в мае 1901 года в Петербурге. Царское правительство беспощадно расправлялось с детьми-рабочими. Среди арестованных и отправленных в пересыльную тюрьму 122 рабочих были дети 12—15 лет.

В первом томе «Истории Ижорского завода» при описании событий, связанных с 9 января 1905 года, сообщается об аресте юного рабочего, в кармане которого нашли 2 железных болта и революционное стихотворение. При допросе выяснилось, что он ученик слесарной мастерской. О болтах сказал, что взял их по ошибке, а о стихах, — что получил их от товарища, фамилии которого не назовет⁴.

Жандармы, полицейские и черносотенцы расправлялись с рабочими-мальчишками не менее свирепо чем со взрослыми. Так, в 1906 году банда черносотенцев напала на Павла Чижина, шестнадцатилетнего ученика болторезной мастерской завода Семьянникова в Петербурге (ныне Невский машиностроительный завод имени Ленина). Один из бандитов дважды выстрелил в мальчика, который побежал, обливаясь кровью, споткнулся и упал. Его отвезли в больницу⁵.

Особенно усилились преследования учеников в годы реакции, когда царские жандармы, провокаторы и погомицы усилили свои разбойничьи набеги на рабочий класс. Фабриканты и заводчики в это время также усилили наступление на рабочих, снижая расценки, удлиняя рабочий день, увольняя и занося в черные списки активных участников забастовок.

На заводе Семьянникова, например, учеников заставляли выполнять непосильную

³ «Морозовская стачка», стр. 66. Изд. «Московский рабочий». 1935.

⁴ «История Ижорского завода». Т. I, стр. 267—268. Изд. «История заводов». 1934.

⁵ См. Н. П. Паялин «Завод имени Ленина», стр. 205. Соцэкгиз. 1933.

¹ А. Соколовский «Тяжелое положение учащихся при царизме». «Северный рабочий» от 21 ноября 1940 года.

² Там же.

работу, на которой они окончательно над-
рывали свое здоровье. В медницкой ма-
стерской судостроительного отдела они
таскали на строившиеся суда трубы весом
в 3—5 пудов и опускали их в машинное
отделение по приставной лестнице, рис-
куя сорваться и разбиться насмерть.

Однако торжество столыпинской реак-
ции окончилось. Ленинско-сталинское
предвидение близости нового революцион-
ного подъема оправдалось: рабочий класс
вновь поднимался на борьбу, и вместе со
взрослыми рабочими участвовали в клас-
совых боях рабочие-подростки.

21 мая 1913 года 400 учеников завода
Семяникова объявили забастовку, выста-
вив требования: повысить заработок с 8
до 10 рублей в месяц; дневным повысить
плату с 44 копеек до 60; уплачивать за
сверхурочные работы 5 копеек в час (до
этого за сверхурочные не платили); бес-
платно выдавать одежду для работы, веж-
ливо обращаться с учениками; заплатить
ученикам за дни забастовки; принять всех
бастовавших на работу без медицинского
осмотра.

После того как директор обязался в са-
мый кратчайший срок пересмотреть поло-
жение об учениках, мальчишки приступили
к работе, предупредив, что снова забасту-
ют, если их требования не будут удо-
влетворены. Им до пересмотра прибавили
по копейке в час, а затем сделали новую
надбавку. В приказе директора говорилось,
что ученики могут переводиться в рабочие
после соответствующего экзамена. Таким
образом, забастовка учеников дала неко-
торые результаты, хотя и после нее по-
ложение заводских мальчишек продолжало
оставаться крайне тяжелым¹.

Чем сильнее развивалась капиталисти-
ческая промышленность в царской России,
тем больше мужской труд заменялся тру-
дом женщин и детей. Если принять за
100 данные о количестве рабочих обоих
полов и всех возрастов в 1903 году, то
к 1912 году число мужчин возросло до
118,1, женщин — до 149,3, детей и под-
ростков — до 123,6. Если к 1 января
1914 года процент малолетних и подрост-
ков на фабриках и заводах России дости-
гал 10,7, то к 1 января 1916 года он
поднялся до 12,6².

Особенно заметным стало вытеснение
труда взрослых мужчин трудом женщин и
детей в годы первой империалистической
войны. Капиталисты платили детям до 1/3
заработка взрослого рабочего, а женщи-
нам — не больше 3/5 мужского заработка
и таким образом увеличивали свою при-

быль, сокращая общую сумму выплачивае-
мой рабочим заработной платы.

В этому времени относится усиление
большевистского влияния на рабочих, в
частности на рабочих-подростков, которые
все активнее участвовали в политических
забастовках и протестах рабочего класса.

В записке за № 25776 Петроградского
охранного отделения в департамент поли-
ции от 12 ноября 1914 года сообщалось о
забастовках и протестах на петроградских
заводах в связи с арестом думской больше-
вистской фракции. В частности в записке
указывалось, что на заводе «Новый Лес-
сер» «с целью учинения забастовки не-
сколько служащих на этом заводе подрост-
ков стали бегать по мастерским и тушить
электрические лампочки, почему на заво-
де было введено несколько городских, ко-
торые задержали двух подростков...»³.

Царский министр торговли и промыш-
ленности, готовя в 1915 году законопроект
об отмене каких бы то ни было ограни-
чений в эксплуатации рабочих, их жен
и детей, писал: «При нынешних исклю-
чительных обстоятельствах... уместно до-
пустить и несколько менее бережное отно-
шение к участвующим во всемирном
труде женщинам, подросткам и малолет-
ним, если это нужно для обеспечения воз-
можности изготовления в достаточном ко-
личестве предметов боевого снаряжения
для наших армий и флота»⁴.

В 1915 году по требованию горнопро-
мышленников был отменен закон, запре-
щавший ночной труд детям до 15 лет.
Малолетние стали «по закону» работать
по ночам в шахтах Донецкого бассейна.
15 октября 1915 года царь отменил все
ограничительные законы в отношении ра-
боты детей в фабрично-заводской промыш-
ленности. Дети работали теперь на капи-
талистических предприятиях по 16 ча-
сов в сутки «на законном основании». В
то же время усилилось их участие в борь-
бе взрослых рабочих за экономические и
политические права пролетариата.

Среди материалов по истории Надеж-
динского металлургического завода, отно-
сящихся к периоду первой империалисти-
ческой войны, имеются интересные дан-
ные о работе мальчишек 14—16 лет, ко-
торых нагнали в это время особенно мно-
го во все цеха.

Их постоянно штрафовали, особенно по
ночам, когда утомленных детей kloчили ко

³ «Петроградский пролетариат и боль-
шевистская организация в годы импе-
риалистической войны 1914—1917», стр. 41.
Ленинград. 1939.

⁴ М. Мительман, Б. Глебов,
А. Ульяновский «История Путилов-
ского завода», стр. 532. Соцэкиз. 1939.

¹ См. Н. П. Паялин «Завод имени
Ленина», стр. 277. Соцэкиз. 1933.

² См. «Развитие советской экономики»,
стр. 22 и 43. Соцэкиз. 1940.

сну. Дежурный инженер то и дело будил ребят сильным ударом сапога. Чтобы проучить этого инженера, мальчики завернули в ветошь стальную болванку и положили на виду. Инженер, решив, что кто-то из ребят заснул, ударил болванку ногой и сильно ушибся. В другой раз ребята дождались минуты, когда свет в цехе погас, и отколотили независимого инженера. После этого он стал делать вид, будто не замечает спящих мальчиков.

Однажды ребятам сообщили, что нормы выработки увеличиваются без повышения расценок. Пятнадцать мальчиков из спарядной мастерской направились в контору к начальнику цеха Романову. Он набросился на детей с кулаками, а одного так ударил, что тот слетел с высокой лестницы.

Лучшие организаторы — большевики — были в это время арестованы, и некому было направить борьбу рабочих Надеждинского завода по правильному пути. Оттого удавалось его владельцам при помощи полиции быстро подавлять отдельные вспышки.

8 июля 1915 года вслед за взрослыми рабочими забастовали ученики-клепальщики судостроительной мастерской Путиловского завода в Петербурге. Условия работы были здесь особенно тяжелыми и опасными: на каждую тысячу рабочих 443 становились жертвами несчастных случаев. Чтобы добыть денег на самое скудное пропитание, ученики были вынуждены работать по 2—3 смены подряд.

Ученики потребовали от администрации увеличить их заработную плату, упразднить сверхурочные работы для малолетних, лучше обращаться с малолетними и т. п.

Десять ребят, избранных для переговоров с директором, были арестованы в его кабинете. В охранном отделении их держали три недели. Между тем забастовавшие ребята, не дождавшись возвращения своих представителей, бросили работу. Вынуждены были приостановить ра-

боту подручные и клепальщики, зависевшие от учеников.

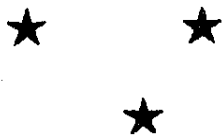
Учеников принудили приступить к работе, но забастовка подбодрила детей и подростков, работавших на Путиловском и на других заводах, показала им силу объединенных действий, возбудила толки о том, что можно повторить забастовку заводских мальчиков в более широких размерах.

Большевистские газеты неизменно освещали на своих страницах бедственное положение рабочих-детей, разоблачали и клеймили угнетателей рабочей молодежи, ободряли юных тружеников, вселяли в них веру в лучшее будущее, учили их бороться, используя опыт старшего поколения рабочего класса.

Ленинско-сталинская партия воспитывала молодежь нашей страны в духе бесстрашия и непреклонности в борьбе за дело рабочего класса, против врагов трудового народа.

Октябрьская социалистическая революция избавила молодежь одной шестой части мира от помещичье-капиталистического гнета, обеспечила ей возможность учиться, получать квалификацию, открыла перед подрастающим поколением советского народа широкие перспективы творческого труда на благо социализма. Указ о создании государственных трудовых резервов является одним из исторических мероприятий партии и правительства, направленных на усиление индустриальной и оборонной мощи СССР, одним из проявлений сталинской заботы о детях, о молодежи.

«Честной, самоотверженной работой мы оправдаем заботу, которую проявляют о нас правительство, наш дорогой, любимый товарищ Сталин», — пишет в своем письме о социалистическом соревновании коллектив Московского ремесленного училища № 14. И сотни тысяч будущих советских рабочих, включаясь в соревнования, горячо поддерживают эти патристические слова.

А. Фохт

О работе с учебником по истории СССР в IX классе

1

Выход в свет учебников по истории СССР является событием в жизни школы, в преподавании гражданской истории. Отсутствие учебника вынуждало учащихся вести записи, которые, конечно, не могли охватить всего курса и содержали к тому же множество ошибок, и смысловых и орфографических (записи, как правило, не проверялись). Отсутствие учебника вызывало также разноречивость в определении обязательного для учеников объема исторических знаний. Издание учебников кладет конец этому, так как учебник точно определяет обязательный для всех учащихся объем исторических знаний, находящийся в полном соответствии с программой.

Основная методическая задача, стоящая теперь перед преподавателем истории, — найти наиболее действенные методы работы учащихся с учебником как в классе, так и дома.

Как уже неоднократно отмечалось, залогом успешной работы преподавателя является углубленное изучение им самим материала учебника, а также произведений классиков марксизма-ленинизма и литературы по истории СССР (учебника по истории СССР для вузов, монографий по отдельным вопросам истории СССР, а также текущей исторической литературы).

Что касается работы преподавателя непосредственно над учебником, то нам кажется наиболее целесообразной следующая система. Сначала прочитать подряд весь учебник полностью, чтобы получить ясное представление об особенностях построения и изложения всего учебника. Затем, во время вторичного, углубленного чтения составить конспект, а также подробный план содержания учебника. Это понадобится при составлении рассказа для класса. Конспект выписывается на левой половине страницы, с тем чтобы правую использовать для добавлений, выписок из документов и т. п. При таком способе записей чрезвычайно удобно готовиться к уроку, так как ясно видно, что дано в учебнике и что нужно добавить, чтобы

сделать более ясным и конкретным материал учебника.

Составив конспект, можно приступить к изучению соответствующих произведений классиков марксизма-ленинизма. Так, для того чтобы понять процесс разложения крестьянства еще во времена крепостного права и выделения из его среды классов буржуазного общества, необходимо изучить ряд работ Ленина. В своей самой ранней работе (1893 год) — «По поводу так называемого вопроса о рынках» (Партиздат. 1938. В Сочинениях Ленина работа эта не вошла, так как она найдена только в 1937 году) — Ленин ярко и наглядно показал процесс расслоения крестьянства. Эта работа является введением к изучению истории расслоения русской деревни, изложенной в развернутом виде в классической книге Ленина «Развитие капитализма в России». Изучив соответствующие разделы книги Ленина, преподаватель гораздо более четко представит себе тот процесс, который кратко изложен в главах VI и VIII учебника.

Очень интересно, например, рассказывая о возникновении капиталистических фабрик, познакомить учащихся на основании материалов книги Ленина (т. III, стр. 424) с историей богатства Саввы Морозова, родоначальника владельцев крупнейших до революции текстильных предприятий.

Конкретный материал по истории отдельных предприятий можно найти в специальных монографиях. При этом надо стремиться к тому, чтобы подобрать материал по истории той фабрики, которая находится поблизости от школы. В деревенской школе можно подобрать интересный материал по истории ближайшего крупного помещичьего имения и на его примере показать кризис крепостнического хозяйства во второй четверти XIX века. Полезно также собрать сведения о представителях буржуазии, вышедших из крестьян данной деревни или села. Такой местный материал, увязанный с общим изложением исторического процесса раз-

ложения крепостнического хозяйства и зарождения капитализма, чрезвычайно поможет ученикам конкретизировать весь ход истории нашей страны.

Так, излагая те исторические события, которые освещены в учебнике, преподаватель привлекает дополнительный материал, чтобы сделать основные положения учебника еще более конкретными и ясными для учащихся. Рассказ учителя и материал учебника, таким образом, составляют единое целое.

2

Переходим к методике работы учеников над учебником. При конкретном решении этого вопроса в текущем учебном году следует помнить, что ученики нынешнего IX класса всего только один раз работали с учебником по истории, три года тому назад, когда они в VI классе изучали элементарный курс истории СССР по учебнику под редакцией проф. А. В. Шестакова. Поэтому преподавателю IX класса в этом году нужно научить учащихся работать над учебником истории.

На первых уроках по истории СССР в IX классе учитель знакомит учащихся с построением и содержанием учебника, а также с методикой работы над ним. Преподаватель указывает, что содержание учебника делится на периоды, причем в основу этого деления положена смена определенных общественных укладов. Первая часть — «Российская дворянская империя XVIII века» — охватывает время наивысшего расцвета крепостнического хозяйства. Вторая часть — «Разложение крепостничества и зарождение капитализма» (первая половина XIX века) — освещает период, когда крепостное, подневольное хозяйство оказалось несостоятельным и экономически и политически (разгром паризма в Крымской войне) и когда в недрах старого хозяйства развивалось новое, капиталистическое. Третья часть — «Развитие капитализма в царской России» — описывает утверждение в России нового общественного строя, капиталистического, и начало борьбы российского пролетариата против паризма и капитализма.

Материал каждого параграфа охватывает примерно содержание одного урока. Учитель указывает на строгую историко-хронологическую последовательность изложения, отмечает обилие исторических карт в учебнике, иллюстраций и диаграмм, которые органически слиты с текстом и составляют с ним единое целое. Нужно разъяснить также, что мелким шрифтом в учебнике напечатан необязательный материал, с которым однако полезно ознакомиться.

Ознакомив учащихся с учебником, преподаватель переходит к изложению первой темы — «Русское государство в конце XVII века», — указав, что рассказ его делится на разделы соответственно названиям «бокочушек» данного параграфа.

Закончив свой рассказ, который займет примерно 12—15 минут, учитель объясняет учащимся, как нужно работать с учебником.

Целью считать урок выученным, прочитав один раз соответствующие страницы учебника. Читать заданный текст нужно не меньше 3—4 раз, причем первый раз прочитать учебник следует в тот день, когда был прослушан рассказ учителя. Тогда, по свежей памяти, усвоение будет происходить гораздо лучше; вспоминая те пункты, которые преподаватель выделял в своем рассказе, учащийся уже во время первого чтения может сделать предварительную наметку плана заданного урока.

При наличии учебника ученики старших классов уже сами под руководством учителя могут составлять план рассказа по пройденному материалу. Поэтому на первых уроках необходимо ознакомить учеников с методикой составления плана. Сделать это можно таким образом. После рассказа на тему «Русское государство в конце XVII века» учитель предлагает ученикам вписать в специальную тетрадь заглавие всего курса: «История СССР (XVIII—XIX века)»; на следующей строке пишется заглавие раздела: «Российская дворянская империя XVIII века»; еще ниже, с новой строки, — заглавие главы: «Образование Российской империи». И, наконец, также с новой строки — тема урока: «Русское государство в конце XVII века». Затем пишется первый пункт плана, которым служит заглавие «бокочушки»: 1. «Отсталость русского государства». После этого преподаватель вызывает кого-нибудь из учеников и предлагает ему прочесть первый абзац и постараться затем выразить мысль этого абзаца в одной небольшой фразе. Если допущена неправильная формулировка, то преподаватель ее выправляет, предварительно предложив это сделать самим учащимся. Таким образом сами ученики составляют подробный план. В результате работы в классе план получит такой примерно вид:

1. Отсталость русского государства: экономическая, военная, политическая, культурная. Отсталость — угроза независимому существованию русского народа.

2. Царь Федор Алексеевич (1676 — 1682 годы). Попытки реформ. Уничтожение местничества (1682 год). Основание Славяно-греко-латинской академии.

В дальнейшем ученик составляет такой план дома, самостоятельно, прочитав 2—3 раза заданный материал учебника. Так как после составления плана одного урока не все ученики усвоят методику этой работы, то рекомендуется на следующем уроке составить вместе с учениками план второго урока, на тему «Правление Софьи»:

1. Восстание в Москве в 1682 году. Борьба за престол после смерти Федора Алексеевича. Недовольство стрельцов. Восстание 1682 года. Свержение Нарышкиных. Разгром Холопьего приказа.

2. Царевна Софья. Планы реформ. Уступка Польшей Киева (1686 год). Участие России в коалиции против Турции. Два крымских похода и их неудача.

3. Юность Петра. Потешные. Борьба Софьи против Петра и ее поражение.

Во время рассказа об этих событиях учитель предлагает ученикам раскрыть на стр. 270 родословную таблицу дома Романовых, по которой видны родственные отношения между детьми Алексея Михайловича: Софья, Федор и Иван были детьми от первого брака, а Петр был младшим сыном от второго брака. При рассказе о крымских походах предлагается следить по карте в учебнике (стр. 16, вклейка) за теми пунктами, которые преподаватель указывает на настенной карте, в частности следует запомнить Перекоп.

После составления двух таких планов в классе эта работа становится обязательной домашней работой учащихся. От учителя требуется систематическая проверка планов, составленных учениками. В течение первого месяца необходимо проводить проверку планов у всех учеников еженедельно, а затем не реже одного—двух раз в месяц. Вызывая ученика для ответа, учитель одновременно бегло проверяет тетрадь с планами.

Можно привести пример еще одного плана, по более сложной теме — «Социально-экономическое положение России и экономическая политика Петра I» (§ 7):

1. Развитие мануфактурного производства. Экономическая политика Петра I — «попытка выскочить из рамок отсталости» (Сталин). Рост мануфактуры. Посессионные крестьяне. Положение рабочих. Успехи промышленности.

2. Меркантилизм. Поощрение вывоза сырья за границу. Ввоз готовых продуктов. Накопление средств путем превышения вывоза над ввозом.

3. Подушная подать. Введение подушной подати и ее размеры. Перепись крепостного населения («ревизии»).

4. Крестьяне. Превращение холопов и вольных людей в крепостных. Государственные крестьяне.

5. Положение городов, купечество. Городская реформа. Два разряда горожан: «регулярные» (две гильдии) и «подлые». Органы городского управления. Покровительство Петра I купечеству.

6. Дворяне. Превращение вотчин и поместий в имения. Указ об единопоселении. Пожизненная государственная служба дворянства.

3

При работе над учебником следует обращать особое внимание на разбор исторических явлений и их обобщение, а также на выводы в конце главы. Эти обобщения и выводы в учебнике во многих местах даны подлинными словами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Зачитывая их в классе, учитель подчеркивает, что эти высказывания являются замечательным образцом разбора и обобщения исторических явлений. Так, слова Маркса (стр. 21—23) об «абсолютной необходимости» для нормального развития русского народа добиться выхода к морю дают возможность ученикам понять правильное направление всей внешней политики Петра I и ее прогрессивность. Приведенные на стр. 36 высказывания Ленина и Сталина об исторически прогрессивном значении деятельности Петра I освещают всю петровскую эпоху и показывают ее ярко выраженный классовый характер. Эти руководящие высказывания классиков марксизма-ленинизма обязательно зачитываются преподавателем во время рассказа в классе, так как они дают учащимся верное руководство для марксистского понимания истории СССР.

Начиная с 3-й части курса можно давать ученикам отдельные небольшие произведения Ленина и Сталина. Так, при изучении отмены крепостного права можно прочитать в классе работу Ленина «Пятидесятилетие падения крепостного права» (т. XV, стр. 108—110) и показать, как надо конспектировать произведения классиков марксизма-ленинизма. При изучении положения крестьян в конце XIX века (стр. 250 учебника, § 57—«Подъем промышленного капитализма») можно дать ученикам для самостоятельного домашнего изучения статью Ленина «Крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение в России» (т. XXX, стр. 203—204).

Очень важно также научить учащихся использовать при работе над учебником не только текст, но и карты и иллюстрации.

Нужно приучить учащихся всегда обращаться к карте во время рассказа и быстро и точно ориентироваться по ней. Внимательное ознакомление с иллюстрациями очень обогащает учащихся, так как создает образное, запоминающееся представление об эпохе. Так, иллюстрации, показывающие муштру в николаевской армии (стр. 131) и наказание шпицрутенами (стр. 133 и 181), ярко вскрывают особенности организации армии Николая Палкина, с которой ученики уже знакомы по рассказу Льва Толстого «После бала». Два рисунка: «Будочник» (стр. 132) и «Чиновники» (стр. 137) — показывают тех, кто господствовал в то время в управлении государством. Рассматривая эти рисунки, ученики наглядно представляют себе значение следующих слов учебника: «Чрезвычайно возросла при Николае I роль чиновников во всем управлении государством... Взятничество, подкупы, лихоимство, волокита, бюрократизм судей и чиновников николаевской эпохи вошли в пословицу» (стр. 132). Образ будочника вырастает в сознании учащихся в символ царского управления, а фигуры чиновников на рисунке Паули напоминают ожившие персонажи сатиры Гоголя и Щедрина.

На рисунке Трутовского (стр. 196) показано, как земские гласные-крестьяне робко жмутся к стене, в то время как дворяне властно заняли первые места и руководят делами, а на картине Мясоедова «Земство обедает» (стр. 197) гласные-дворяне готовятся к роскошному обеду, тогда как крестьяне вынуждены питаться принесенной с собой скудной пищей у под'езда земского собрания, куда их выгнали на время обеда. Благодаря этим иллюстрациям оживают слова: «Земством руководили дворяне-помещики в своих классовых интересах» (стр. 197). Необыкновенно выразительно выглядит жалкая, ничтожная фигурка последнего царя в гениальной карикатуре на Николая II работы художника В. А. Серова (стр. 252). Органически влетая раз'яснение иллюстраций в свой рассказ, преподаватель приучает учащихся использовать художественные образы в своих ответах, что делает их более живыми и яркими.

Само собой разумеется, что в курсе истории СССР нужно обращать особое внимание на диаграммы и экономические карты.

В отличие от учебника VIII класса, где материал по экономической истории дан только в описательной форме, в учебнике IX класса он дается в виде точных статистических данных и в большем объеме. В соответствии с этим в учебник IX клас-

са введен ряд диаграмм по экономическому развитию нашей страны, которые дают очень ценный материал при условии тщательного разбора их преподавателем. Диаграмма на стр. 122 дает наглядное представление об изменении числа и состава рабочих в обрабатывающей промышленности в течение первой половины XIX века. Диаграмма эта показывает, во-первых, непрерывный рост числа рабочих в обрабатывающей промышленности (здесь надо отметить, что горнозаводская промышленность развивалась крайне медленно и притом главным образом на подневольном труде) и, во-вторых, вытеснение вольнонаемным трудом труда принудительного (крепостного). При этом обязательно отмечается, что вольнонаемные рабочие были преимущественно из крепостных крестьян, отпущенных помещиком в город на заработки с обязательством выплачивать помещику определенный оброк. И, в-третьих, диаграмма показывает непрерывный рост капиталистической промышленности вопреки существованию крепостного труда.

Следующая диаграмма, на 123 странице, отражает развитие хлопчатобумажной промышленности. Здесь нужно остановиться особо на 40-х годах, отмеченных резким скачком вверх кривой ввоза хлопка и одновременным падением ввоза готовой пряжи. Необходимо объяснить, что это было вызвано отменой запрета вывоза пряжеальных машин из Англии, благодаря чему в России начали развиваться пряжеальные фабрики, оборудованные ввезенными из Англии машинами.

Наличие диаграмм в учебнике дает учителю возможность показать самый процесс развития промышленности. Еще более ярко этот процесс можно показать на диаграммах, рисующих экономическое развитие во второй половине XIX века. Вот почему учителю следует уделять большое внимание работе над диаграммами и требовать от учеников умения читать диаграммы и составлять их.

При выписывании в хронологическую таблицу основных дат, указанных преподавателем, очень полезно вспомнить, какие события одновременно происходили в Западной Европе, Америке и Азии, сравнить положение России с положением других стран в это время и выяснить, в каких отношениях находилась в этот период Россия с иностранными государствами. Например неудачу первого великого посольства Петра I в Европу (когда не удалось создать коалицию против Турции) нельзя понять, если не вспомнить, что тогда началась война за испанское наследство и все главнейшие европейские государства были заняты ею.

После тщательного разбора материала учебника в классе, составления самостоятельного плана и трех-четырёхкратного чтения заданного текста учащиеся будут твердо и прочно знать изучаемый ими материал. При этом нужно отметить, что такая работа с учебником отнимет у них гораздо меньше времени чем обычная, несистематическая подготовка к уроку, которая дает отрывочные, очень быстро забывающиеся знания. При регулярной же, серьезной работе с учебником повторение потребует очень немного времени.

Весьма полезно в беседе с учениками о методике подготовки уроков привести им примеры работы Маркса, Энгельса и Ленина, тщательно описанные в книге М. И. Гляссер «О методах работы классиков марксизма-ленинизма над книгой», а также воспоминания М. И. Ульяновой и Д. И. Ульянова о том, как готовил уроки Ленин, будучи учеником гимназии.

4

Много места в учебнике отведено русскому военному искусству, изучение которого способствует развитию глубоко патриотического чувства у учащихся. При этом изучении надо выделить Полтавскую битву 1709 года, отечественную войну 1812 года и подвиги великого полководца А. В. Суворова.

Развитию советского патриотизма очень способствует также изучение революционных подвигов предшествующих поколений революционеров. Надо всегда при этом напоминать слова товарища Сталина: «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты» («Вопросы ленинизма», стр. 534. 11-е изд.). Ведь как раз в курсе истории СССР в IX классе изучается революционная борьба Радищева, декабристов и революционеров-

разночинцев во главе с великим Чернышевским. «Мы гордимся, — писал Ленин, — тем, что эти насилия (царских палачей.— А. Ф.) вызвали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...» (т. XVIII, стр. 81). Далее идет поколение пролетарских революционеров, из среды которых вышли величайшие вожди мирового пролетариата В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Изучение в курсе истории СССР культурных и научных завоеваний, сделанных народами СССР в XVIII и XIX веках, также содействует развитию чувства любви к своей родине и гордости за нее. Великим творцам культуры и науки, прославившим нашу страну и оказывающим влияние на культуру всего передового человечества (М. В. Ломоносов, И. Ползунов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко, Л. Н. Толстой, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Менделеев, А. М. Горький, А. П. Чехов, И. П. Павлов, Илья Чавчавадзе), в учебнике отводится много места. Поэтому вполне мотивированы всем предшествующим слова А. М. Горького о том, что «все это грандиозное создано Русью менее чем в сотню лет. Радостно, до безумной гордости волнуется не только изобилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их, разнообразие, которому историки нашего искусства не отдают должного внимания».

Этими проникновенными словами великого советского писателя и заканчивается изложение учебника IX класса по истории СССР.

Использование богатейших возможностей, которые предоставляет учебник для глубокого изучения истории нашей страны, обеспечивает высокий уровень знаний учащихся и правильный исторический подход к событиям.

Первые итоги работы с учебником по истории древнего мира

1

После выхода в свет учебника древней истории под редакцией проф. Мишулина прошло уже некоторое время. Многие учителя успели серьезно и внимательно ознакомиться с содержанием учебника и на основе проделанной в этом направлении работы предъявить учебнику ряд дополнительных требований. Отмечая некоторые неточности выражений, слишком большую сжатость отдельных положений, преподаватели одновременно указывают, как следует, по их мнению, это исправить при дальнейшем переиздании учебника. Замечания учителей дадут авторам ценный материал для еще более тщательной отделки текста учебника.

Так например учитель мелитопольской школы пишет:

«На стр. 41—42 сказано: «Захватив на юге области урартов, Ассирия увеличила свои владения и в других местах». Получается, что Урарту находится на юге Ассирии. Мне кажется, лучше было бы написать: «Захватив южные области урартов...» и т. д.»

Преподаватели отмечают некоторую перегруженность отдельных параграфов учебника именами и фактами. Безусловно перегружен урок о древнекитайских династиях. О Ханьской династии можно было на этом уроке совсем не говорить, а перенести этот вопрос на следующий урок, на котором рассказывается о восстаниях в ханьский период.

Перегрузка чувствуется в таких уроках, как «Персия», «Буддизм», «Древнейшая история Китая», «Диоклетиан», «Христианство». Не удивительно поэтому, что учителя на практике часто разбивают их на два урока, хотя время на прохождение курса не позволяет делать этого.

Для проверки того, как учащиеся справляются с учебником, как они усваивают его материал в своей домашней работе, было организовано наблюдение над подготовкой урока по истории учащимися 5-го класса 32-й школы ФОНУ. Пятеро учащихся с различной успеваемостью были оставлены после уроков с тем, чтобы они тут же, в школе, готовили заданный к следующему дню урок. Работа эта проводилась под на-

блюдением обследователя. Учащиеся получили по этому уроку следующее задание:

Прочсть по учебнику § 25—«Древнейшая история Китая. Периоды Чжоу, Цинь и Хань».

Подготовить устный рассказ.

Записать в хронологическую таблицу дату правления Цинь-ши-хуанди.

Записать в словарь и объяснить слова «династия» и «реформа».

Результаты этого обследования показаны в таблице (см. таблицу на стр. 152).

Кроме того для выявления того, как проходит самостоятельная работа учащихся по учебнику, было организовано наблюдение за этой работой со стороны родителей по определенному, разработанному для них плану.

Мать одной ученицы 5-го класса, которая учится на «посредственно» и «хорошо», пишет свои впечатления по отдельным урокам:

«Тема урока — «Персия». Урок готовился последним, в течение часа. По учебнику был прочитан два раза... Вторая часть урока — «Дарий и его реформы» — оказалась труднее обычного. Материал учебника изложен понятно, но слишком богат по своему содержанию и давался не так легко, как обычно».

«Тема урока — «Буддизм и завоевание Индии». На то, что учебник скучен, дочь не жалуется, только иногда сразу приходится запоминать много имен и названий, что довольно трудно».

В результате этих данных: непосредственного наблюдения за приготовлением учащимися уроков и наблюдений родителей—установлено, что подготовка урока по истории древнего мира отнимает у учащихся от 15 минут до одного часа, в зависимости от сложности содержания и способностей учащихся. При этом учащиеся, которые учатся на «посредственно» и на «плохо», уделяя на подготовку урока истории около часа, усваивают не все: не запоминают некоторых имен, могут отвечать только на вопросы.

Преподаватели указывают на некоторый разрыв между учебником и картами. Иногда города, которые в учебнике упоминаются, на карте не отмечены, например Урук, Лаврион, Декелея. При этих условиях

	Характеристика успеваемости	Сколько раз читал	Сколько минут готовил урок	Знание материала	Какие сделал ошибки
1. Ученик	Учится хорошо	2	20	Рассказал в хронологической последовательности материал учебника, а также изложенный учителем дополнительный к учебнику материал. Ответил на заданный исследователем вопрос: „Почему войны китайских царей разоряли крестьян?“ Умеет объяснить иллюстрации учебника, анализ которых был дан на уроке учителем.	Вместо „Срединного царства“ назвал Китай средним царством. Столицу Китая „Лоян“ назвал „Ливан“.
2. Ученица	Учится отлично	1	12	Примерно те же знания, что у первого ученика.	Не запомнила имени китайского императора Ли Вана.
3. Ученица	Учится посредственно	3	25	Рассказывает медленно, все время напоминает прочитанное. Не привела дополнительный к учебнику материал, изложенный учителем.	Не знает, что значит „династия“, хотя значение этого слова было объяснено учителем на уроке.
4. Ученица	Учится слабовато	3	30	Не могла связно изложить материал учебника. Отвечала только на вопросы. Дополнительный материал не запомнила.	Не могла назвать правившие в Китае династии. Не запомнила имени китайского императора Цинь-ши-хуанди.
5. Ученица	Учится слабовато	4	40	Не могла связно изложить материал учебника. Отвечала только на вопросы. Не запомнила имен. О китайской стене вспомнила только по иллюстрации.	Не знает, кто был Цинь-ши-хуанди, какие он провел реформы. Не смогла объяснить причин смены династий в древнем Китае.

каждый преподаватель будет их «помещать» по-своему, а ученикам и вовсе трудно будет ориентироваться. Между тем уже не раз отмечалось, как велика роль карты в закреплении знаний учащихся.

2

Выход учебников изменил коренным образом не только преподавание истории, то есть непосредственную работу учителей в классе, но и самый процесс подготовки их к уроку. Пользуясь учебниками как основным материалом, преподаватели получили возможность более углубленно изучать вспомогательный материал.

Об этом повороте в сторону более углуб-

ленной подготовки к урокам ряда учителей убедительно говорят данные о работе читальни Наркомпроса: увеличился спрос на первоисточники, на исторические учебники для вузов, на исторические журналы, хрестоматии, монографии.

Вот какие пособия в дополнение к учебнику были использованы одной учительницей в Москве для подготовки к урокам по теме «Египет»: Маркс «Британское владычество в Индии»; Струве «Древний Восток»; Струве «Хрестоматия по древней истории»; Снегирев «Египет»; Флитнер «В стране пирамид».

Учитель мелитопольской школы № 6, кроме учебника, использовал для подготов-

ки к уроку на тему «Первый триумвират. Диктатура Цезаря» следующие пособия: журнал «История в средней школе» № 5 за 1935 год; В. Сергеев «Второй триумвират и падение Римской республики» («Исторический журнал» № 9 за 1937 год).

В результате привлечения дополнительной литературы преподаватели оживляют и углубляют содержание урока.

Одна учительница Москвы в добавление к учебнику рассказала не только, как писали вавилоняне, но и как была разгадана клинопись. Это имеет большое воспитательное значение, так как вводит учащихся в лабораторию исторической науки и показывает им, как знания, упорство и настойчивость позволяют ученым разрешить на первый взгляд неразрешимые проблемы.

Изучая в процессе подготовки к уроку художественную литературу, учителя дополняют на уроке содержание учебника яркими характеристиками исторических деятелей.

Так, учитель одной школы Москвы, используя «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, дает учащимся в дополнение к учебнику красочную характеристику Гая Гракха, выявляя черты, отличающие его от Тиберия.

Учитель кунцевской 320-й школы В. Вербицкий, рассказывая о римском водопроводе, показывает, что это древнеримское сооружение вошло в поэзию Маяковского как образ силы и мощи:

«Мой стих
трудо
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима».

Кроме разнообразного текстового материала из учебника и из дополнительных источников преподаватели также максимально используют иллюстративный материал. О методах его использования уже неоднократно говорилось на страницах «Исторического журнала».

Учителя, тщательно готовящиеся к своим урокам, показывают нам примеры творческой работы с учебником.

3

Строя свой рассказ на основе учебника, учитель проводит с учащимися работу на уроке и непосредственно по тексту учебника. Это необходимо прежде всего для закрепления изложенного на уроке материала.

Приемы при этом применяются разнообразными.

Один преподаватель на уроке по теме «Тиберий Гракх» уделил на закрепление рассказа по учебнику минут 12. Два ученика поочередно читали учебник, после чего учащимся задавались вопросы по содержанию прочитанного материала. На другом уроке, по теме «Гай Гракх», учитель повторил с учащимися по учебнику только вопрос о законах Гая Гракха, то есть то место, которое, по его мнению, могло затруднить учащихся в процессе выполнения домашних заданий.

Некоторые учителя ограничиваются тем, что зачитывают и разбирают на уроке с учащимися лишь имеющиеся в учебнике выводы, учитывая, что это наиболее сложная часть урока.

Однако большинство учителей совсем не работает еще с учебником на уроке. Не показав учащимся на уроках, как закрепить по учебнику изложенный материал, они ограничиваются тем, что в конце урока задают по учебнику «от сих пор и до сих пор».

Некоторые учителя, ликвидировав не только записи конспектов, что совершенно правильно, но и вообще всякие записи по истории, лишают учащихся возможности зафиксировать дополнительный материал, очень помогающий при выполнении домашних заданий.

Таким образом, кратковременный пока еще опыт работы с учебником истории древнего мира показывает, что учителя только начинают осваивать методику этой работы, что они еще не используют все те богатейшие возможности для повышения качества знаний учащихся, которые в учебнике заложены. Но у целого ряда учителей уже имеются несомненные достижения в преподавании истории древнего мира по новому учебнику.

Для закрепления этих достижений и устранения недостатков в работе с новыми учебниками необходимо:

а) обеспечить школы учебниками (на первое время хотя бы по одному на каждую парту);

б) помочь учителям приобрести необходимую для подготовки к урокам литературу (исторические журналы, учебник для вузов и др.);

в) ускорить выпуск методического пособия по истории древнего мира применительно к новому учебнику;

г) помещать в периодической прессе побольше конкретных статей об отдельных проблемах работы с учебником истории;

д) собрать и опубликовать лучший опыт работы учителей с учебником истории древнего мира.

О самостоятельной работе учащихся VIII класса над учебником новой истории

С появлением учебников по истории можно, наконец, осуществлять правило «ни одного урока без самостоятельной работы ученика». А самостоятельная работа учащихся, как известно, является важнейшим условием глубокого и прочного изучения предмета.

Учебник первого периода новой истории дает очень богатый материал для самостоятельной работы учащегося. Виды домашних заданий по учебнику могут быть очень разнообразны. Укажем на некоторые из них.

Устные домашние задания. Простейшая форма — приготовить устный рассказ по данной теме. При этом отнюдь нельзя ограничиться только заданием «прочитать» или «выучить» данную часть курса. Нужно с самого начала занятий выделить время для того, чтобы показать ученикам, как им надо работать дома с учебником.

Можно предложить следующую методику работы с учебником: а) прочесть весь заданный материал; б) закрыв книгу, попытаться перечислить главные вопросы, о которых идет речь (построить план прочитанного); в) перечитать текст по одному вопросу; г) вспомнить добавления, данные учителем на уроке, и пересказать весь абзац с добавлениями; д) далее, поступать так же с другими частями текста и, наконец, попытаться пересказать все: первый раз, — прибегая в затруднительных случаях к учебнику, и второй раз — «лачисто», не открывая книги.

Более сложной формой является домашнее задание с привлечением добавочной литературы сверх учебника: научной и художественной. Например к материалу главы XII необходимо привлечь текст «Манифеста коммунистической партии» для расширения и углубления анализа движущих сил истории и характеристики капиталистического общества (к гл. XVI — роман Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» — отдельные отрывки; к гл. XV — биографию Гарибальди; к гл. XVIII — «Восстание Джона Брауна» и т. д.).

При этом необходимо строго соблюдать следующее правило: отбирать всегда минимум добавочного текста (особенно, если речь идет об источниках) и указывать уча-

никам совершенно точно, вплоть до количества строк, весь объем дополнительного материала, а также разъяснять, как им пользоваться и как связывать его с материалом учебника.

При устных заданиях по повторению следует указывать ученикам те места учебника, где изложен ранее изученный материал по данному вопросу, для того, чтобы связать его с новым материалом.

Например при работе над главой XI — по вопросу о развитии капитализма в сельском хозяйстве Германского союза в 1815—1848 годах (стр. 113) — следует дать ученикам задание — прочесть на стр. 85 учебника следующие абзацы: 4-й сверху, начинающийся словами «В 1807 г. министром Штейном...», 4-й снизу — «В 1811 г. в Пруссии...», 1-й снизу — «Но прусские помещики...»

Таким образом, новые сведения связываются с ранее пройденным материалом. К этому же материалу (стр. 85 и 113) придется обратиться снова при рассмотрении крестьянской реформы 1850 года в Пруссии (гл. XXI, стр. 199).

В более широком виде такое задание можно давать для того, чтобы ученики проследили по учебнику развитие какого-либо события или учреждения. Так например можно выбрать по отдельным страницам учебника материал на тему «Изменения государственного строя и конституции Франции с 1789 г. до установления II империи включительно».

Письменные домашние задания. В связи с выходом учебника ученическая тетрадь, бывшая до сих пор в большинстве случаев единственным пособием в домашней работе учеников, меняет свое содержание. Теперь нет нужды производить записи рассказа учителя. Теперь тетради должны служить для работы и на уроке и дома. Целесообразно иметь две тетради: одну для работы в классе, другую для работы дома. В классной тетради отмечается тема урока и записывается содержание дополнительного материала по уроку; сюда также вносится подробная запись данного учителем задания. Классная тетрадь является дополнением к учебнику при самостоятельной домашней работе ученика.

Простейший вид письменного домашнего задания — ответы на вопросы, предложенные учителем.

Например по главе XV «Революция в Италии» ученик записывает в классную тетрадь такие вопросы:

1. Что являлось основным содержанием революции в Италии?
2. Охарактеризуйте политические режимы государств в Италии.
3. Составьте календарь революционных событий в Италии 1848 года.
4. В чем были причины поражения революции 1848 года в Италии?

Выполняя эти задания, ученик пользуется учебником и классной тетрадью.

Далее, нужно рекомендовать самостоятельное конспектирование учебника. Эту работу следует вести неуклонно. Нужно приучать учеников всегда при чтении научной книги вести одновременно ее конспектирование. Полезно этот вид домашнего задания сделать постоянным. Разумеется, нужно на уроке несколько раз практически показать ученикам, как конспектировать, как записывать главное. Очень полезно познакомить учащихся с образцами того, как работал над книгой В. И. Ленин.

Цитирование дополнительной литературы. Для дополнения текста учебника полезно привлекать первоисточники, если они могут оказаться в распоряжении учащегося. Давая такое задание, нужно указать, какое издание книги, какие страницы и строчки имеются в виду. Надо приучать учеников при выписке цитаты всегда точно записывать все эти данные.

Поэтому задание этого рода должно выглядеть примерно так: «Продолжить цитату учебника на стр. 125, строки 2—7, о классовой борьбе, по двухтомнику избранных сочинений, изд. 1941 г., т. I, стр. 139, строки 7—22, кончая словом «...пролетариат».

Разнообразить такое задание можно сле-

дующим образом: предложить учащимся отыскать цитату, отвечающую на заданный вопрос. Например найти в том же двухтомнике Маркса (1940 г., т. I, стр. 143) цитату, характеризующую роль буржуазии в развитии производительных сил.

Еще прием: дана цитата — учащимся предлагается вспомнить из ранее пройденного материала примеры, иллюстрирующие высказанную автором мысль. Например в связи с цитатой из «Манифеста коммунистической партии» (Карл Маркс — «Избранные произведения в двух томах». 1937. Т. I, стр. 153, с последней строки до строки 9-й, на стр. 154) вспомнить примеры из пройденного курса этого и прошлого годов, иллюстрирующие разрушения имущественных отношений, уже не соответствующих развившимся производительным силам.

Разумеется, такие задания можно давать лишь после тщательно продуманной, подробной разъяснительной работы в классе.

Составление хронологических таблиц. Составленная дома хронологическая таблица, то есть выписанные отдельно хронологические даты, помогает запоминанию и служит для повторения хронологии.

Однако большую ценность представляет такая работа, при которой учащиеся приучатся систематизировать хронологический материал.

Простейший вид работы этого рода представляется нам в следующем виде: составляя хронологическую таблицу по главе XII — «К. Маркс и Фр. Энгельс», — можно дать ученикам задание разнести даты отдельно по биографии Маркса и отдельно по биографии Энгельса, а их совместную работу тоже выделить.

Справляясь со списком в конце книги, учащийся должен подчеркнуть или выделить каким-нибудь иным способом обязательные даты.

Более сложным и еще более полезным

1848 - 1849 гг. (начало таблицы)

		1848 - 1849 гг. (начало таблицы)					
страны	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	
ФРАНЦИЯ		25 Объявление Франции республикой 24 Всенародное собрание в Париже 22 Начало революционной демократии			4 Открытие Учредительного Собрания 15 Попытка разогнать Учредит. Собрание	22-26 Июньские дни в Париже	
ПРУССИЯ			18 Революция в Веймаре		27 Открытие ландтэгов ландтагов Собрания	4 Захват рабочими арсенала	и т. д.
АВСТРИЯ			13 Революция в Вене				
Маркс и Энгельс в Германии							
					1877 работа Фракции парламента		и т. д.
месяцы	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	

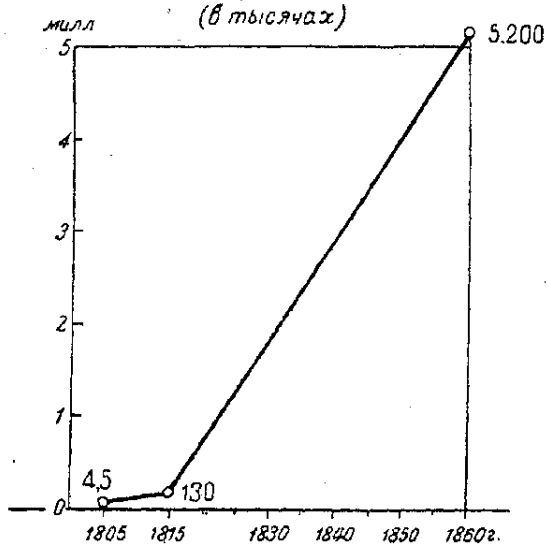
способом систематизации является составление синхронистических таблиц, которые объединяют события, одновременно развивавшиеся, но пройденные в курсе отдельно.

Располагать материал в таких таблицах можно различно. Легче так называемый «вертикальный метод», рекомендованный «Методическим пособием по новой истории» (Вып. 1-й, стр. 184. Учпедгиз. 1939). Труднее, но гораздо нагляднее синхронистическая таблица, составленная по «горизонтальному» способу. (Пример такой работы показан в таблице на предыдущей странице.)

Графическое оформление материала. Простейшим способом графического оформления является изготовление диаграмм различного вида.

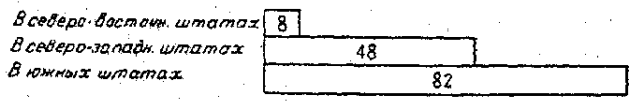
Так например линейной диаграммой можно воспользоваться при работе над темой главы XVIII — «Гражданская война в Северной Америке». Цифры роста хлопчатобумажной промышленности (стр. 173 учебника) примут следующий вид:

Рост хлопчатобумажн. промышленности в Сев. Америке с 1805 по 1860г. (в тысячах)

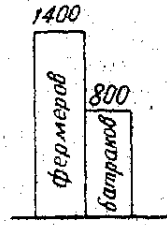
Диаграммами-столбиками можно воспользоваться на этом же уроке, чтобы показать соотношение между рабочими в сельском хозяйстве и в промышленности.

На одного работника, занятого в промышленности, приходилось работников, занятых в сельск. хозяйстве:

Или:

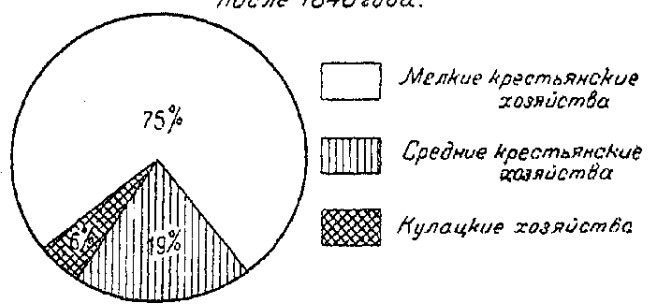
Применение наемного труда в Соединенных Штатах в 1860г. (в тысячах)

Для показа процентных отношений можно рекомендовать круговые диаграммы.

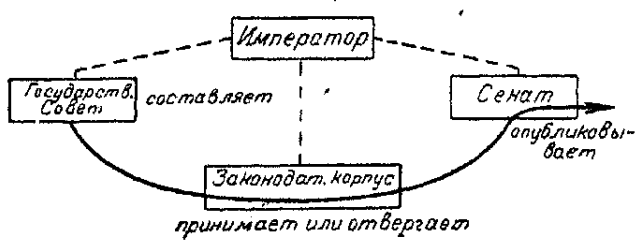
Примером такой диаграммы может служить следующая, составленная по цифрам главы XXII (стр. 208 учебника) — «Вторая империя во Франции»:

Крестьянское хозяйство Франции после 1848года.

Для иллюстрации взаимоотношений между отдельными органами государственного аппарата полезно пользоваться, например, такими простейшими схемами (стр. 209 по учебнику):

Законодательство при Наполеоне III

Работа с картографическим материалом учебника. Простейшая форма работы — перерисовка и раскраска карты или схемы из учебника. Эта работа чрезвычайно полезна, так как она надежно закрепляет пространственные представления в сознании учащихся. Однако в этой работе следует предостеречь от некоторых, к сожалению, часто встречающихся ошибок.

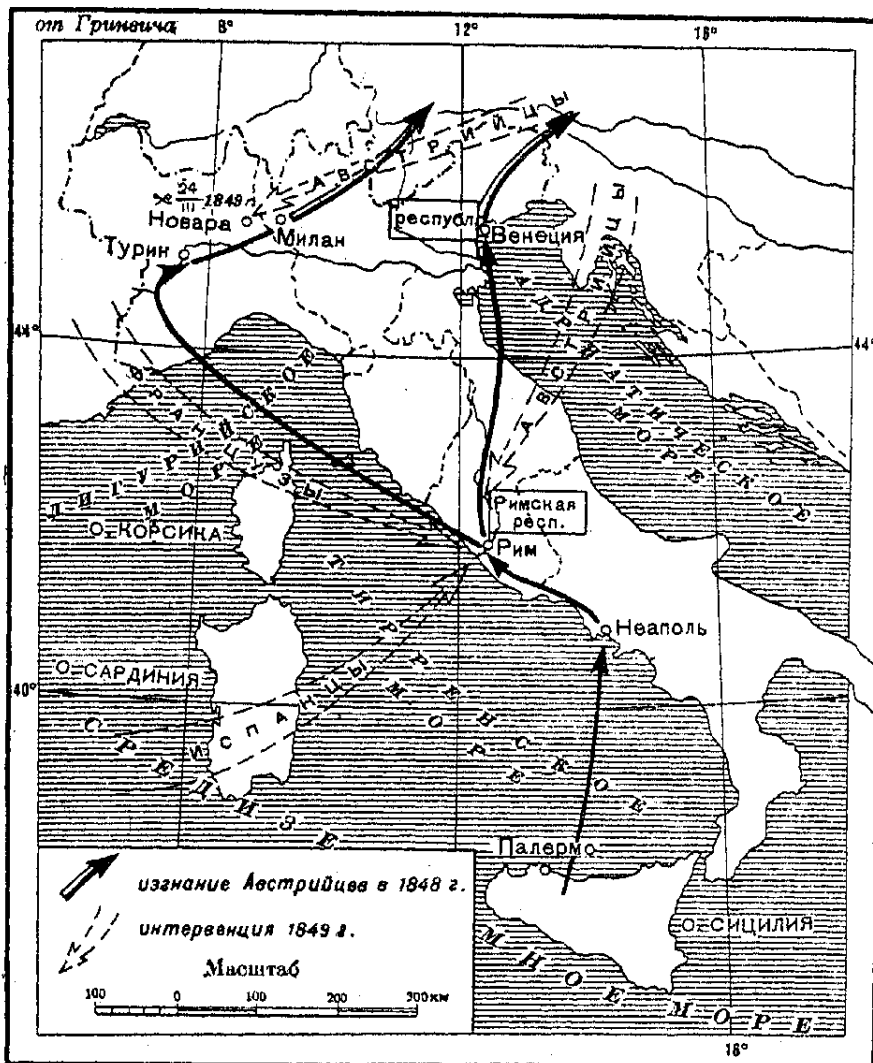
Прежде всего следует категорически воспретить перерисовку карт «от руки», «наглаз». Нужно требовать точности в копировке карт. Поэтому, как правило, нужно ввести следующую последовательность в работе: сначала карта копируется тонко очиненным карандашом на прозрачную бумагу (кальку или промасленную бумагу) и лишь затем с полученной «матрицы» через копировальную бумагу переносится в тетрадь. Затем контуры обводятся тушью, карта раскрашивается, и, наконец, тщательно шпательуются необходимые названия.

Следующая ступень — работа с картами различных масштабов. При задании перекопировать по указанному выше способу карту США до гражданской войны (стр. 177 учебника) следует предложить учени-

там сохранить «матрицу». Затем, на следующем уроке, разобрав во время рассказа о гражданской войне в США три схемы, изображенные на стр. 180—181, учащиеся, воспользовавшись сохранившейся «матрицей» и скопировав по ней увеличенные по сравнению со схемами контуры США, сделают все три схемы гражданской войны.

На таких перерисованных картах можно отмечать очередность событий. Так например, дав задание скопировать карту Италии до революции 1848—1849 годов, можно предложить учащимся показать цветной линией очередность революционных движений на территории полуострова.

Подавление революции в 1849 году можно изобразить на карте стрелками.

Разумеется, в краткой статье можно рассказать только о некоторых видах домашних заданий, чрезвычайно многообразных. Каждому учителю нужно упорно и тщательно работать над вопросом использования учебника в практике самостоятельной работы учащихся, проявляя при этом максимум инициативы и изобретательности.

Однако в этой работе следует остерегаться целого ряда ошибок, для предотвращения которых мы позволяем себе дать несколько советов:

1. Прежде чем давать домашнее задание, следует сделать его предварительно самому. Это даст возможность учесть все трудности, которые могут возникнуть при

выполнении этого задания, и своевременно устранить их.

2. Нужно объяснять возможно подробнее домашние задания, не забывая о самых мелких практических указаниях.

3. Нельзя оставлять ни одного, даже самого незначительного, задания без проверки, иначе вся работа будет безрезультатна.

4. При проверке нужно обязательно оценивать произведенную учеником работу, так как поощрения и взыскания укрепляют сознательное и серьезное отношение к выполняемой работе.

5. Подготовка каждого урока должна сопровождаться самостоятельной работой учащихся.

В. С. СЕРГЕЕВ (1883—1941 гг.).

Памяти выдающегося историка

8 января 1941 года в возрасте 57 лет скоропостижно скончался доктор исторических наук, профессор Владимир Сергеевич Сергеев, в лице которого советская историческая наука потеряла одного из своих наиболее выдающихся представителей.

Перу В. С. Сергеева принадлежит ряд ценных научно-исследовательских статей и общих курсов по истории древнего мира. Его курсы истории древней Греции и два тома «Очерков по истории древнего Рима» справедливо считаются лучшими советскими курсами по этим разделам истории. II том «Очерков» представляет собой одну из наиболее выдающихся работ в мировой историографии по истории Римской империи.

Последней литературной работой В. С. Сергеева были главы по истории дипломатии в древности, написанные им для большого коллективного труда — «Истории дипломатии».

Выдающийся ученый и исследователь В. С. Сергеев был настоящим ученым-общественником, энтузиастом учебно-лекционной и популяризаторской работы.

Начав свою общественную жизнь с активного участия в революционном движении — он дрался на московских баррикадах в 1905 году и работал в студенческих революционных кружках, — В. С. Сергеев тотчас же после Октябрьской революции стал одним из активнейших лекторов-пропагандистов. Помогая массам овладеть научными знаниями, В. С. Сергеев читал лекции в ряде московских вузов: в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, Институте красной профессуры, в военных школах и ряде других учреждений. В последние годы своей жизни он руководил кафедрами древней истории МГУ имени Ломоносова и МИФЛИ имени Н. Г. Чернышевского и уделял много сил и внимания научно-популяризаторской работе в публичном лектории МГУ и в других организациях.

«Исторический журнал» потерял в лице В. С. Сергеева многолетнего сотрудника, неоднократно обогащавшего страницы журнала увлекательными и глубоко научными статьями и очерками.

Отличаясь блестящей художественной формой и глубиной содержания, лекции и статьи В. С. Сергеева пробуждали в слушателях и читателях интерес к знаниям и стремление к научной творческой работе.

Проф. В. С. Сергеев

История античного мира в средней школе

У людей, окончивших старую, дореволюционную школу, при слове «античность» почти всегда возникают неприятные воспоминания о классической гимназии и классицизме. Преподавание античности в дореволюционной гимназии главным образом сводилось к изучению древних языков: греческого и латинского. При этом самое преподавание языков ве-

лось чисто формалистическим методом. В течение 7—8 лет зубрили греческую и латинскую грамматику, а в качестве грамматических иллюстраций читали несколько страниц произведений античных писателей, прозаиков и поэтов. Правила морфологии и синтаксиса не выводились из явлений языка; наоборот, языковые явления приводились в качестве примеров к грамматическим правилам.

Не лучше дело обстояло и с изучением так называемых реалий, или греко-римских древностей. Сами по себе реалии — изучение строя и быта античных народов — вещь необходимая, но в условиях школьной схоластики дореволюционной России изучение реалий превращалось в зазубривание сухих фактов, имен и дат, не связанных никаким смыслом и не согретых никаким чувством. Классическая гимназия на русской почве внедряла в души своих питомцев глубочайшее отвращение к древним языкам, и это отвращение частично переносилось и на античную историю и культуру. Причина этого, конечно, заключалась не только в плохих учебниках и школьной рутине, но главным образом в самом общественном строе. Классическое образование не вытекало из потребностей народной жизни, было от нее полностью оторвано. Отсюда его бездельность, омертвление, буквоедство и пустота.

Совершенно иное отношение к античности и античной культуре наблюдается в условиях советского строя. Великая социалистическая революция очистила античную

историю от того шлака, которым она была засорена во времена министров Шварца, Кассо и подобных им «ревнителей» отечественного просвещения. Интерес к античной истории с каждым днем продолжает возрастать. И это совершенно понятно. Знание античной истории необходимо для усвоения марксистского мировоззрения. Все науки, поворот Маркс, в конечном итоге суть история, поскольку они прослеживают изменение различных общественных форм, развитие жизни и мысли.

Если вообще все научные дисциплины должны быть изучаемы в историческом аспекте, то это тем более относится к самой истории. Историю средних веков или нового времени нельзя изучать в отрыве от всего огромного культурного наследия предшествующих эпох. Значительная часть унаследованной нами мировой культуры создана народами древнего мира — Дальнего и Ближнего Востока, Индии, Греции и Рима. Без знания истории этих народов невозможно понять с достаточной глубиной ни современную историю, ни современную культуру.

С культурным наследием классических народов мы встречаемся буквально на каждом шагу. Политический строй, право, наука, философия, все виды искусства, быт в самом широком смысле слова — вся жизнь современного человека своими корнями восходит к античному миру. Античность и современность связаны друг с другом крепкими узами, разорвать которые невозможно. Культурный человек есть прежде всего исторически мыслящий человек. Каждый факт, каждый момент общественной жизни он рассматривает под историческим углом зрения, в условиях его зарождения и развития. Поэтому совсем не случайны частые ссылки классиков марксизма-ленинизма на античность.

Значительная роль античности в марксистском мировоззрении ставит вопрос о методах и средствах передачи знаний по истории древних веков широкому кругу читателей, в особенности подрастающему поколению. При современном уровне науки этот вопрос приобре-

тает особо важное значение. За последние десятилетия объем и содержание античной истории значительно расширились как в отношении фактов, так и в отношении глубины их понимания. Сведение огромного накопленного материала в единое стройное целое представляется делом в высшей степени трудным.

В этом и состоит главная задача автора учебного пособия, рассчитанного на широкий круг читателей. Такого рода книга ни в каком случае не может быть простым конспектом университетского курса. Она должна иметь собственный стержень, собственный отбор материала, свой стиль, свою внутреннюю логику и язык. От составителя учебника требуется высокая общая культура, знание общей и специальной литературы, способность излагать исторические события в простой, живой и увлекательной форме. В противном случае это будут те же «треко-римские древности», только в другой оправе.

По своей сущности учебник истории является синтезом всех сторон социальной жизни. Но этот синтез не должен быть отвлеченным и схематичным. Он должен вытекать из изучения конкретного развития исторических событий, столкновения социальных сил. Все элементы показа исторического процесса должны стоять на своем месте и в совокупности воссоздавать цельную картину развития прошлой жизни.

Такие высокие требования советское общество и школа предъявляют к учебной книге по истории. Оказанным объясняются большой интерес и внимание, которые советская общественность проявляет к учебникам истории для средней школы.

В серии учебников, изданных в этом году Наркомпросом, истории античных народов посвящена книга проф. А. В. Мишулина¹.

В развитии исторического образования Советского Союза книга знаменует важный этап. Это первый учебник по истории античности, дающий целостную картину жизни античных народов, построенную на марксистской основе, с учетом современного состояния науки. Школа ожидала выхода этого учебника несколько лет.

Факты и события древней истории в высшей степени сложны, отрывочны и противоречивы, и для приведения их в стройную систему потребовалась большая редакторская работа.

¹ «История древнего мира». Учебник для 5—6-х классов средней школы. Под редакцией проф. А. В. Мишулина. Утверждено Наркомпросом РСФСР (Институт истории Академии наук СССР). Учпедгиз. М. 1940. 239 стр. 2 000 000 экз. 3 р. 90 к.

Изложение начинается с древнейших времен, с первобытной орды, и доводится до конца античного мира, до падения Римской империи.

Наряду с историей Переднего Востока, Греции и Рима в новом учебнике излагается история Индии и Китая, что является совершенно новым для учебников древней истории и придает книге большую полноту и стройность.

История человечества показана в книге как история прогресса, роста опыта и знаний людей. В отдаленные времена, когда люди были еще близки к животным, они жили небольшими группами — ордами или стадами — и лишь постепенно, в процессе труда и борьбы, достигли относительно высокого общественного строя и культуры — рабовладельческого государства.

Высшей стадией рабовладельческого государства была Римская империя. Она является связующим звеном между двумя крупными этапами в истории развития общества: античностью и средневековьем.

Одним из больших достоинств книги является ее научность, сжатость и вместе с тем простота. Учебник не только сообщает некоторую сумму фактов, но марксистски их объясняет, воспитывая у читателя вкус к подлинной исторической науке. В «Истории древнего мира» отчетливо выделены главные стадии, через которые проходило человеческое общество в своем развитии. Один период логически вытекает из другого. «История древнего мира» читается с интересом от первой страницы до последней. После ее прочтения уже не может возникнуть вопроса: а для чего нам изучать давно прошедшие века? Ответ на этот вопрос дает как вся книга, так и каждая отдельная ее страница. В учебнике дается правильная оценка взаимоотношений объективных и субъективных факторов — исторической среды и исторических личностей. Отводя центральное место факторам объективного порядка, автор в то же время не преуменьшает роли личности в исторических событиях.

Героический элемент прекрасно показан в рецензируемой книге. Авторы ее сумели немногими штрихами нарисовать законченные образы Геракла, Антея, Тесея, Эдипа и других героев античной мифологии. Столь же отчетливо выступают и образы исторических деятелей: Перикла, Алкивиада, Александра Македонского, Ганнибала, Спартака, Юлия Цезаря, Цицерона. Хорошо рассказано о событиях, в которых участвуют массы, как например о Пелопоннесской войне, Пунических войнах, восстаниях рабов в Сицилии, восстаниях Спартака и Сертория.

Особенно увлекательно изложены походы Александра Македонского. Из массы фактов отобраны самые важные. События и люди расставлены по своим местам и не сливаются в одну серую массу.

С интересом читаются и легко усваиваются страницы, посвященные истории культуры. В большинстве старых учебников вопросы культуры или совсем отсутствовали или же часто механически вставлялись в изложение, вне какой-либо связи с общим ходом исторического повествования. В советском учебнике культура вводится в изложение как органическое целое, как неотъемлемая часть социального процесса. В простой и отчетливой форме изложены учения Будды, Конфуция и Ману. Труднее и отвлеченнее изложены системы греческих философов — Демокрита, Платона и Аристотеля. Объясняется это сложностью самих философских систем. Дать детям элементарное представление о сложнейших философских вопросах — чрезвычайно трудная задача, которую еще нельзя считать разрешенной.

Очерк греческой и римской науки и искусства изложен с достаточной полнотой, но без излишней детализации и перегрузки. К лучшим страницам учебника надо отнести главы, посвященные культуре эллинистического периода и Крита. Это тем более следует отметить, что названные отделы античной истории считаются чрезвычайно трудными для популярного изложения. Социально-политический строй Крита трактуется как строй, родственный восточным деспотиям. Соответственно этому отрицается взгляд на историю Греции как на прямое продолжение истории Крита.

Собственно греческая история начинается с мифологии. Мифические предания о «темном веке», периоде между Троянской войной и собственно греческой историей (XII—VIII века), переданы систематично, просто и образно. За мифологией следуют

греческая колонизация и торговля, тирания, греко-персидские войны, характеристика античного города-государства (полиса) и т. д.

Много внимания уделено вопросам внешней политики. На примере крупнейших войн античного мира — Пелопоннесской войны в Греции и Пунических войн в Риме — показаны тесная связь и взаимодействие внутренней и внешней истории. Эллинистические царства и Римская империя рассматриваются как результат взаимодействия внешних и внутренних сил.

При всей тщательности редактирования проф. Мишулину все же не удалось в полной мере устранить неравномерность распределения материала и достичь литературно-методического единства. Главы о Греции литературно и методически разработаны лучше чем главы о Риме.

Язык учебника в общем хороший. Редактору удалось найти соответствующий учебной книге стиль речи, далекий от сухого языка, каким излагались в классической гимназии «греко-римские древности», и совершенно чуждый другой крайности — сентиментально-плаксивому лиризму.

Книга предназначена для средней школы, но она с успехом может быть использована для самообразования и как конспект при чтении курсов и ведении практических занятий в вузах.

«История древнего мира» избавит учителя от скучной и малопроизводительной диктовки конспектов, а ученику и широкому кругу читателей даст запас сведений по всемирной истории, необходимых для всякого образованного советского гражданина. Педагогическая практика ближайшего года покажет, какие изменения, сокращения, дополнения и поправки придется внести в эту полезную работу при переиздании.

Об «Истории средних веков»*

Учебник истории средних веков для средней школы является результатом работы многих авторов. В составлении его принимали участие профессора Сказкин,

Грацианский, Андреевская, Гукровский, Трахтенберг, Заходер, Жара-Мурза, Рейснер, Беляев. Значительная часть написана проф. Косминским, которому принадлежит и общая редакция всей книги. Шесть лет продолжалась работа над учебником. Пять раз он был издан в виде макета, много раз обсуждался в Институте школ Наркомпроса РСФСР, в Академии наук СССР, на собраниях педагогов. Десятки рецензий пришлось просмотреть ре-

* «История средних веков. Учебник для 6—7-х классов средней школы». Под редакцией проф. Е. А. Косминского. Утверждено Наркомпросом РСФСР. Госуд. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР. Москва. 1940. 288 стр. 1 600 000 экз. 5 р. 50 к.

дактору и сотни, если не тысячи, переделок внести в текст учебника раньше, чем он принял теперешний свой вид. Окончательный редакторский

просмотр был сделан народным комиссаром просвещения РСФСР В. П. Потемкиным, который внес ряд ценных поправок.

Учебник охватывает период между V и серединой XVIII века. Он несколько шире своего заглавия. Уже в самое последнее время, накануне его выпуска в свет, стали меняться

установки относительно периодизации всемирной истории. Грань между средневековой и новой историей была несколько передвинута назад — от французской революции к английской. Но учебник сохранил свой прежний объем. Изложение доведено до кануна промышленного переворота в Англии и французской буржуазной революции и охватывает курс 6-го и 7-го классов средней школы. Последний раздел учебника выделен, однако, как «Начало нового времени».

Надо отметить, что по тому же принципу периодизации перестраивается учебник истории средних веков для вузов, выходящий в ближайшее время вторым изданием. Раздел «Начало нового времени» будет выделен из II тома учебника и включен в I том учебника истории нового времени. Для средней школы такое распределение материала между учебниками истории средних веков и новой истории было из чисто практических соображений признано нецелесообразным.

Учебник предназначен для учащихся и потому содержит только самый необходимый минимум знаний. Конечно, учителю придется много дополнять и раз'яснять, и необходимым добавлением к учебнику явится подготовляемое к печати методическое пособие для преподавателя.

История средних веков не без основания имеет репутацию самого трудного отдела всемирной истории. В древней истории преобладают древний Восток, Греция, Рим. Новая история охватывает каких-нибудь полтора-два столетия. История СССР — это история одной страны. В средние же века история, бывшая до этого историей одной мировой державы — Римской империи, — разбивается на множество ручейков. Вся историческая жизнь дробится и распыляется. И когда из феодального хаоса начинают возникать очертания национальных государств, история каждого из них идет своим, своеобразным путем. Внимание рассеивается между множеством

предметов. Большие события международного значения, как борьба императоров и пап, крестовые походы, Столетняя война, не облегчают, а осложняют рассказ о судьбах средневековой Европы. Приходится вести одну нить через ряд веков, но этим нарушается хронологическая последовательность, и историку приходится постоянно возвращаться обратно.

При этом нельзя ограничиться только европейской историей, которая достаточно сложна сама по себе. Необходимо включить в историю средних веков народы Востока. Ряд глав учебника посвящен истории средневекового Ирана, Индии, арабов, монголов, Китая, отчасти Японии. Это еще более осложняет изложение. При этом некоторые разделы истории Востока примыкают к истории Запада и легко вводятся в общий ход изложения. Но некоторые страны, как Индия и особенно Китай до проникновения туда европейцев, жили своей жизнью, ничем почти не связанные с Западом. Развитие их шло своим путем, периоды их истории не имели ничего общего с этапами исторического развития народов Западной Европы и Передней Азии.

Как объединить все это пестрое разнообразие фактов в одну картину, как дать почувствовать связь всех этих отдельных линий развития с общей историей человечества? В этом главная трудность изложения истории средних веков, трудность, которую до сих пор еще никому не удавалось вполне преодолеть. Редактор учебника не думает, чтобы ему удалось вполне с ней справиться. Несомненно, например, что главы о Китае (очень удачно составленные проф. Кара-Мурзой) все же не сливаются в одно целое с остальным содержанием учебника. Но авторы и редактор все же стремились пронизать свое изложение одной общей руководящей мыслью: средние века, время господства феодальных производственных отношений, являются одной из последовательных ступеней в долгом поступательном развитии человечества от первобытно-общинного строя к социалистическому; феодальное средневековье являлось шагом вперед по сравнению с рабовладельческой древностью, оно вело европейское, а за ним и вне-европейское человечество к капиталистическому строю, которому в свою очередь суждено уступить место социализму. Таким образом, и сам феодальный строй не является неподвижным. В недрах его постепенно зреют — в силу роста производительных сил, общественного разделения труда, отделения города от деревни, развития новых форм эксплуатации — новые производственные отношения, новые

классы — буржуазия и пролетариат, — идет ожесточенная классовая борьба, завершающаяся эрой буржуазных революций, которая кладет копец господству феодального строя и вместе с тем копец средним векам.

Конечно, эта мысль не дается в учебнике в голом, схематическом виде: она должна вытекать из самого расположения фактов и из их научного подбора, и ознакомление с конкретной исторической действительностью должно подводить к такому пониманию истории средних веков. Эта основная мысль должна сообщить цельность сложному переплетению фактов средневековой истории.

Учебник открывается очерком общественного строя варварских племен по данным Цезаря и Тацита. Кратко повторяется известный уже из курса древней истории факт распада Западной Римской империи на ряд варварских королевств в результате революции рабов и варварского нашествия. Особое внимание обращено на те перемены в общественном строе, которые произошли в это время в бывших областях Римской империи. Эта глава показывает предпосылки, из которых развивался в дальнейшем феодальный строй. Развитие феодального строя показано на примере Франкского государства Меровингов и Каролингов. Рассказ о создании империи Карла Великого, о феодальной экономике на примере каролингского поместья, об элементах политического распада империи и о культуре этого периода заключает эту главу.

В следующих главах рисуется Европа в пору полного установления феодализма и феодального раздробления (IX—XI вв.). Не ограничиваясь очерком истории Франции, Англии, Германии и Италии этого периода, учебник особо останавливается на истории западных славян. Затем учебник обращается к судьбам Восточной Римской империи — Византии — и выясняет причины ее живучести в то время, когда Западная рушилась под ударами варваров и революции рабов. В изложении истории Византии особое внимание уделено времени Юстиниана и попытке реставрации Римской империи, а также роли славян в изменении общественного строя Византии. История Сасанидского Ирана излагается попутно с историей Византии. Иконоборческое движение, малодоступное пониманию детей, дано мелким шрифтом и очень кратко. Особое внимание обращено на связи Византии с Русью и на культурное влияние Византии на Русь.

Далее дана история Арабского халифата, заканчивающаяся историей Кордовского халифата, очерком его культуры и влия-

ния этой культуры на Запад. Этим, в сущности, завершается история раннего средневековья. Но нельзя было оставить в стороне великие культуры Индии и Китая. Поэтому вслед за главой о халифате помещены главы об Индии в раннее средневековье (преимущественно во время династии Гупта). Чтобы не осложнять изложения, история Индии дана мелким шрифтом, как необязательная для прохождения. Более подробно дана история Китая при Танской и Сунской династиях.

Следующий большой отдел посвящен истории Европы и Азии в XI—XV вв. — в период полного торжества феодализма, когда уже развиваются элементы его разложения. Растут города, торговля, зарождаются буржуазия и предпролетариат, и начинают складываться национальные государства.

Этот отдел открывается историей крестьянских походов, дает очерк развития городов, останавливается на характеристике культуры Западной Европы в XII—XIII вв. — в период «классического» средневековья. Очерком борьбы империи и папства и монгольских нашествий заканчивается в этом отделе общая характеристика исторического развития Европы, затем начинается изложение истории Европы по странам. Создание национальных государств из разрозненных феодальных единиц — вот основная тема этих глав. Классическим примером является здесь Франция, поставленная поэтому на первое место. Рост королевской власти и объединение Франции показаны на фоне классовой борьбы и образования новых общественных классов и прежде всего буржуазии. Надлежащее место нашли в учебнике Столетняя война и выступление героической крестьянской девушки Жанны д'Арк. Объединением Франции при Людовике XI заканчивается эта глава.

Далее даны главы, посвященные государствам, где к концу XV в. также складывались сильные национальные монархии, — Англии и Испании. После этого рассмотрена история тех государств, где сохранилась политическая раздробленность, — Германии и Италии. Особая глава посвящена истории Чехии; центральное место в этой главе занимают, естественно, гуситские войны. Характеристикой раннего Возрождения и взятием Константинополя турками заканчивается этот отдел. К нему присоединен очерк истории Китая и Японии в XIII—XVI вв., причем особое внимание уделено японско-китайской войне 1592—1607 гг., окончившейся полной неудачей попытки Японии овладеть Китаем.

Отдел позднего средневековья лачинает-

ся историей великих географических открытий и первых колониальных захватов. После краткого очерка истории Италии в XVI в. дается история реформации и крестьянской войны в Германии, этой первой, по выражению Энгельса, буржуазной революции в Европе. Дан краткий обзор истории реформации в других странах Европы и католической реакции.

Более подробно учебник останавливается на событиях Нидерландской революции. История Англии XVI в. знакомит учащихся с новыми формами промышленности, с началом развития мануфактуры. Далее дается история Франции в XVI и начале XVII в.; история Тридцатилетней войны заканчивает этот раздел. Ввиду того, что по принятой в учебнике периодизации истории на этом заканчиваются средние века, здесь помещена заключительная глава, посвященная развитию европейской науки и техники в XVI—XVII веках.

Четвертый отдел учебника носит общее название «Начало нового времени». Его открывает довольно подробное изложение истории английской буржуазной революции, доведенное до реставрации 1660 года. В этот отдел вошли также главы: «Абсолютная монархия во Франции» (до середины XVIII в.), «История Пруссии и Австрии от Вестфальского мира 1648 г. до последних десятилетий XVIII века». Заканчивает этот отдел глава «Буржуазный строй в Англии», где главными темами являются установление господства парламента и характеристика первоначального накопления. История Англии доводится до промышленного переворота. Глава «Индия и Китай в XVI—XVIII вв.» (дана петитом) заканчивает учебник. В ней характеризуется колониальная политика европейцев на азиатском Востоке.

В учебнике трудно было останавливаться на вопросах церковной истории, мало-понятной для учащихся. Все же в нем содержится обильный материал для антирелигиозной пропаганды. Алчность папства, его стремление к всемирному господству, богатство церкви и распущенность церковников, их лицемерие и политика обмана масс, роль церкви как главной опоры феодальной эксплуатации, жестокость инквизиции, узкий фанатизм реформации, борьба религии с научной мыслью — все это авторы учебника старались изобразить как можно наглядней.

Борьба угнетенных масс против угнетателей нашла достаточно полное отражение в разделах, посвященных крестьянским восстаниям (жакерия, восстание Уота Тайлера, гуситские войны, крестьянская вой-

на в Германии), восстаниям угнетенного городского плебса (флорентийские чомпы в 1378 году). Подчеркнуто, что народные массы вынесли на своих плечах буржуазные революции, но что плодами революций воспользовалась буржуазия.

Создавая учебник, мы стремились избежать общих схем и социологизирования, стремились давать такие обобщения, которые подводили бы учащихся к марксистскому пониманию истории. Таковы общие определения феодального способа производства, перечисление причин неизменных неудач крестьянских восстаний в средние века и выяснение их все же прогрессивной роли, выяснение причин складывания национальных государств, характеристика буржуазных революций, первоначального накопления и т. д.

Как обобщения, так и подводные к ним частные факты обычно выделялись разрядкой, чтобы обратить на них особое внимание учащихся. В учебнике использован петит для разделов, которые более подробно проходятся по другим учебникам (истории СССР, истории литературы) или могут быть пропущены при прохождении курса. От учителя зависит вводить или не вводить их в число разрабатываемых в классе тем.

В учебнике сообщается довольно большое число хронологических дат, необходимых для того, чтобы учащиеся могли ориентироваться в событиях. Нет необходимости все их запоминать. В конце учебника приложена хронологическая таблица, содержащая обязательный минимум дат. Она может в то же время до известной степени заменить синхронистическую таблицу и показать учащимся, какие события происходили одновременно в разных странах, так как даты в ней расположены в общей хронологической последовательности.

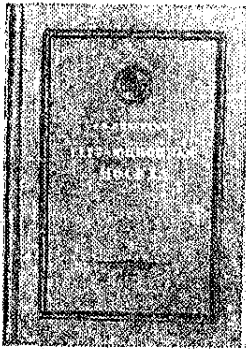
Особое внимание было обращено составителями на иллюстрации и карты (карты составлены А. Л. Нарочницким). Помимо семи цветных карт имеется двадцать семь карт в тексте, вполне отвечающих на все вопросы историко-географического характера, какие могут возникнуть у учащегося. Учебник содержит около 140 иллюстраций, являющихся почти без исключений воспроизведением подлинных средневековых картин, мозаик, гравюр, скульптур, зданий и т. д. Каждая из этих иллюстраций может дать учителю материал для дополнения и оживления урока.

С внешней стороны Учпедгиз издал учебник очень удачно: изящный рисунок переплета, обилие иллюстраций, цветные карты, заставки и концовки придают книге нарядный вид.

Проф. Е. КОСМИНСКИЙ

Революционная Москва*

За последнее время появился ряд очень ценных работ о раннем периоде революционного движения в России. Ленинградский институт истории ВКП(б) опубликовал первый том работы «Хроника революционного рабочего движения в Петербурге» (1870—1904 годы) под общей редакцией недавно скончавшегося тов. В. А. Быстринского. Значительное место в революционной борьбе пролетариата в период с 80-х годов XIX века до первой русской революции отведено в книжках С. И. Аристова «Серпуховские текстильницы» (Гизлегпром. 1940) и А. Н. Смирнова «Прошлое и настоящее Истомкинской фабрики в городе Ногинске» (Гизлегпром. 1939). Особенно ценный материал о рабочем движении в Иваново-Вознесенске в начале XX века дан в книге Ф. Н. Самойлова «Воспоминания о былом». Вышедшая в конце 1940 года книга С. И. Мицкевича «Революционная Москва» ос-

вещает главным образом деятельность московской революционной социал-демократии с конца 80-х годов до революции 1905 года включительно. Книга представляет собой мемуары автора.

С. И. Мицкевич начинает свои воспоминания с середины 80-х годов, с того времени, когда началась его сознательная жизнь. Это был период разложения народничества и появления в России первых марксистских кружков и групп, которые связывались с рабочим движением и вносили в него социалистическое сознание. Из этих групп выростала наша славная коммунистическая партия. С. И. Мицкевич описывает работу первых марксистов в Нижнем Новгороде (ныне город Горький) и в Москве. Автор шаг за шагом проследживает, как первые отряды ленинско-сталинской партии вступали в героическую борьбу с царизмом и буржуазией, подготавливая первую буржуазно-демократическую революцию в России, как они развернули эту борьбу во время революции.

В своих мемуарах С. И. Мицкевич по-

казал, как в России с конца 80-х — начала 90-х годов XIX столетия неудержимо распространялось среди революционной интеллигенции гениальное учение Маркса и Энгельса, разрушая научно несостоятельные, одряхлевшие теории народников. Строго последовательно автор рассказывает в своей книге, как рос и организовывался пролетариат центральных областей России и в первую очередь Москвы.

Ознакомившись с книгой С. И. Мицкевича, каждый поймет, почему именно московский пролетариат, руководимый большевиками, оказался в первых рядах во время всеобщей политической стачки 1905 года и вооруженного восстания в этом же году.

Проследить рост сознания и организovanности пролетариата в одном из важнейших очагов революционной борьбы, каким была Московская губерния, а также в Нижнем Новгороде, Рязани, Твери и других, близких к Москве районах было большой и трудной задачей, тем более что мемуарная форма в какой-то мере ограничивала автора и порой мешала ему вернуть свой труд в историческое исследование. Однако следует отметить, что мемуары С. И. Мицкевича очень приближаются к такого рода исследованию. Конечно, пропуски и неточности у автора встречаются, но их очень немного.

Автор «Революционной Москвы» встретился с целым рядом «последних могикан» революционного народничества: с якобинцем П. Г. Заячневским, каракозовцем П. Ф. Николаевым, народником-романтиком Н. Н. Златовратским, с либеральным народником Н. Ф. Анненским, известным писателем-народником В. Г. Короленко. Как живые проходят перед нами и первые марксисты в России, биографии которых до сих пор были слабо освещены в нашей исторической литературе, — П. Н. Скворцов и Н. Е. Федосеев. Затем автор знакомит нас со многими людьми, которые прошли вместе с ним путь революционной борьбы в Нижнем Новгороде, Твери, Вильно, Москве и ряде других городов. Это марксисты — организаторы первых революционных групп и кружков в разных городах Московской области, это деятели революционного подполья Москвы накануне первой революции, это, наконец, участники революционного движения в Москве в 1905 году.

С этой стороны мемуары С. И. Мицкевича можно рассматривать как книгу, которая может дать справку о большом чи-

* С. И. Мицкевич «Революционная Москва. 1888—1905». Книга первая. «На грани двух эпох. От народничества к марксизму». Книга вторая. «Революция 1905». Государственное издательство «Художественная литература». М. 1940. 494 стр. 10 000 экз. 15 руб.

сле революционных деятелей — современников автора. Приходится пожалеть о том, что в конце книги не дан указатель имен, который значительно облегчил бы пользование ею как своеобразным справочником.

Исключительный интерес в работе С. И. Мицкевича представляют главы и разделы, посвященные описанию встреч автора с Владимиром Ильичем Лениным¹.

Ряд страниц книги посвящен описанию первого периода жизни Мицкевича в Нижнем Новгороде, встречаю автора с великим русским писателем А. М. Горьким.

С. И. Мицкевич впервые встретил Горького на квартире у нижегородского народника Чекина. Горький только что приехал из Казани и поселился у Чекина, у которого он занимался в кружке. «Чекин сказал: «Вот познакомьтесь — это интересный человек — выходец из народа, Пешков» (стр. 71). Перед автором мемуаров был «высокий молодой человек, в синих очках, с длинными волосами, в черной рубашке и поддевке, в высоких сапогах» (там же). Речь зашла о настроениях в кружках революционного студенчества, о работе так называемых культуртрегеров. Реплики М. Горького «были резки и характерны: они выражали пренебрежение к неустойчивости интеллигенции», уходящей от революционной деятельности. В это время С. И. Мицкевич часто виделся с Чекиным и Горьким. Они гуляли вместе по верхней набережной Волги — по Откосу, откуда открывался красивый вид на Заволжье. Это был период, когда и автор мемуаров, и Чекин, и Горький были народниками, хотя, как указывает автор, и у него и у Горького уже нарождалось сомнение в правильности положений народников, критическое отношение к народничеству.

В очерке о Короленко А. М. Горький писал: «Порою и все чаще молодежь грубовато высмеивала «хранителей заветов героической эпохи», людей чудаковатых, но удивительно чистых. Они казались мне почти святыми в увлечении «народом» — объектом их любви, забот и подвигов... Я видел, что они раскрашивают «народ» слишком нежными красками, я знал, что «народа», о котором они говорят, нет на земле...» (стр. 72).

В этом же очерке о Короленко Горький так отзывался о запятиях в кружках того времени: «Солидные люди, которых я искренно уважал, дважды в неделю беседовали со мной о значении кустарных промыслов, о «запросах народа и обязанностях интеллигенции», о гнилой заразе

капитализма, который никогда—никогда! — не проникнет в мужицкую, социалистическую Русь» (там же).

М. Горький служил в то время писмоводителем у присяжного поверенного Ланина за 15—20 рублей в месяц. С. И. Мицкевич вспоминает любопытный разговор с Горьким в то время.

«Мы встретились на улице. Я был одет в обычный штатский костюм. А. М., встретив меня, сказал: «Вот какой фронт! Где и за сколько вы купили такой костюм?» Я ответил, что купил его несколько лет назад в Блиновском пассаже за пятнадцать рублей. А. М. сказал: «вот какая дороговизна! А я мечтаю все купить себе пиджак, так как мой патрон говорит, что мне надо придется. Вот собираюсь пойти на Балчуг и поискать там пиджак рубля за три» (стр. 73).

Воспоминания С. И. Мицкевича состоят из трех больших разделов. Наиболее богата по содержанию и объему (250 стр.) первая книга — «На грани двух эпох. От народничества к марксизму». Рассказывая в ней о периоде своей жизни, относящемся к 80-м и 90-м годам, автор сообщает интересный материал, характеризующий явления общественной жизни того времени. Бывший воспитанник кадетского корпуса, он дает характеристику закрытых военных учебных заведений конца XIX века. Автор подробно рассказывает о том, как молодежь порывала с царской военщиной и добивалась поступления в университеты. Сам С. И. Мицкевич учился в Московском университете, на медицинском факультете, и сообщает немало интересных фактов из жизни Московского университета и его профессоров с конца 80-х — начала 90-х годов.

Очень ценен материал, который автор дает о борьбе с голодом в России в 1891—1892 годах, о работе на эпидемиях, о службе в качестве врача в земстве, о постановке земской медицины и т. д.

Особенно обстоятельно и с полным знанием дела С. И. Мицкевич осветил историю первой московской марксистской группы, ее пропагандистскую и агитационную деятельность среди рабочих. В эту группу входили Е. И. Спонтни, Випокуровы, М. Н. Лядов и др. О том, как эта группа расширяла свои связи с рабочими, как привозилась литература из Вильно, как росли марксистские кружки среди рабочих и студенчества, рассказано в рецензируемой книге очень ярко и увлекательно. Получно автор дает краткие характеристики рабочих-революционеров. К сожалению, о ряде передовых рабочих автор ничего не сообщает, кроме их фамилий, или дает совершенно недостаточные справки. В последних встречах встречаются мелкие неточности.

¹ Этот материал в виде отдельной статьи напечатан в № 1 «Исторического журнала» за 1941 год.

«Центральный рабочий кружок», явившийся первой социал-демократической организацией в Москве, возник в апреле 1894 года. Он охватывал заводы Вейхельдта, Гужона, Листа, Бромлея, Доброва и Набоглыц, Грачева, ряд железнодорожных мастерских, предприятия Михайлова, Баулина, Гоппера, Лыжина и др. В кружок входили также рабочие из нескольких типографий. Рабочие, имевшие уже достаточный революционный опыт, переходили с одного предприятия на другое, чтобы завязывать новые связи среди рабочих и организовывать новые кружки. Центральный кружок начал выпускать листовки, под которыми с 1895 года стояла подпись «Рабочий союз». Это название официально было принято на первом собрании в 1895 году.

Брошюра «Об агитации», написанная в Вильно «Александром» (Кремером — одним из лидеров Бунда) и привезенная в Москву, сыграла известную роль в деле расширения политического влияния социал-демократии на рабочее движение. Идея брошюры о переходе к массовой политической агитации, исходящей из непосредственных нужд рабочих, помогала марксистам перейти от кружковой работы к массовой, вовлечь в движение широкие круги пролетариата.

Во время напряженной революционной работы в Москве автор мемуаров был арестован и затем 2 года и 3 месяца пробыл в Таганской, Калужской и Бутырской тюрьмах. Несмотря на это С. И. Мицкевич следил за ростом рабочего движения, за событиями партийной жизни. В тюрьму самыми различными путями доходили вести с воли, особенно через «новичков», только что оторванных от революционной работы.

3 июня 1896 года автор был отправлен из Москвы в Якутскую область, где и пробыл в ссылке 6 лет. Он вернулся в Москву лишь в конце 1903 года. Свою жизнь в ссылке, на крайнем северо-востоке Якутской области, в Колымском округе, С. И. Мицкевич описывает в отдельной работе, которая скоро будет выпущена в свет.

Вторая книга воспоминаний С. И. Мицкевича озаглавлена «Революция 1905» и состоит из двух частей: «Канун революции» и «В огне революции. 1905 год». Она заканчивается описанием декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве.

В книге перед читателем проходит целая галерея революционеров-профессионалов: И. И. Скворцов-Степанов, Р. С. Землячка, М. И. Васильев-Южин, Н. Э. Бауманн, М. Ф. Владимирский, Л. Н. Сталь, С. И. Черномордик, В. А. Десницкий, И. А. Саммер, Е. П. Первухин, В. А. Обух и другие. Особенно подробно автор останавливается на деятелях Московского комитета партии в 1905 году. Он дает также подробную

характеристику работы лекторской группы при Московском комитете партии.

С. И. Мицкевич отмечает ошибочность философских установок известного махиста А. А. Богданова — автора «Краткого курса экономической науки» и ряда философских работ, беспощадно раскритикованных Лениным в его знаменитой работе «Материализм и эмпириокритицизм».

Автор приводит интересный документ, свидетельствующий о том, что даже не искушенные в философии люди могли заметить, что богдановщина и марксизм — совершенно различные вещи. Цензор Никольский дал следующий отзыв о московском журнале «Правда», в редакции которого руководящую роль играли Богданов, Луначарский, Рожков и др.: «Прямо бросается в глаза, что большое и, пожалуй, центральное место в книге предоставлено статьям философского характера, принадлежащим авторам определенного философского направления, каковы А. В. Луначарский, В. Ивановский, Н. Рожков и А. Богданов, мне неизвестный. Все это так называемые «позитивисты» на философской и исторической почве, противники метафизического направления, представляемого школой Грота и Лопатина и выразившегося в известном сборнике «Проблемы идеализма». Из всего можно вывести заключение, что направление журнала полагается «реалистическое» или «позитивное». Такое направление далеко не тождественно с историческим материализмом и марксизмом» (подчеркнуто С. И. Мицкевичем). К этому С. И. Мицкевич добавляет от себя: «А ведь недурно разбирался цензор Никольский в марксизме, признавая тогдашнее направление Луначарского, Рожкова и Богданова далеко не тождественным с марксизмом» (стр. 306).

Несмотря на то что ряд сотрудников журнала «Правда» в 1904—1905 году работал также и в лекторской группе при Московском комитете партии большевиков, ни в какой степени нельзя связывать направление этого журнала с направлением Московского комитета, который никогда не считал себя в какой-либо степени связанным с редакцией журнала «Правда». На это, к сожалению, автор не указал. Совершенно ясно, что в факте участия ряда членов лекторской группы МК в журнале «Правда» сказались порочность их теоретических позиций.

С. И. Мицкевич делает ряд очень ценных замечаний об отдельных работниках этой группы. Так например он рассказывает о М. Н. Покровском, поместившем в журнале «Правда» в феврале—марте 1904 года статью «Идеализм» и «законы истории». Эта насквозь махистско-богдановская

статья была перепечатана без изменений во втором томе сборника работ М. Н. Покровского «Историческая наука и борьба классов», вышедшем уже в 1938 году, после его смерти. С. И. Мицкевич справедливо отмечает, что эти свои махистско-богдановские взгляды М. Н. Покровский сохранил в известной мере до конца своей жизни. Автор книги кроме того указывает, что в 1902—1903 годах М. Н. Покровский входил в либеральный «Союз освобождения», в 1904 году порвал с ним, а весной 1905 года вступил в партию большевиков. С. И. Мицкевич отмечает особо, что Покровский в качестве лектора по истории революционного движения выступал с остроумной и язвительной критикой кадетов, которых он знал вдоль и поперек по своему пребыванию в «Союзе освобождения».

Автор мемуаров дает также характеристику историку Н. А. Рожкову, который в начале революции был председателем Педагогического общества в Москве, члену лекторской группы народному учителю К. Н. Левину, литературному критику В. М. Фриче, литераторам С. Я. Цейтлину, М. Г. Лунцу, юристу И. Г. Наумову и др.

О деятельности лекторской группы С. И. Мицкевич рассказывает значительно больше чем о какой-либо другой организации Московского комитета партии и, пожалуй, даже несколько больше чем о самом комитете партии. Это объясняется тем, что сам автор воспоминаний больше всего был связан именно с лекторской группой.

С. И. Мицкевич освещает политическую деятельность писателя Гарина-Михайловского, квартира которого часто служила местом заседаний лекторской группы. На заседаниях, устраивавшихся под видом товарищеских ужинов, решались вопросы об издании тех или иных листовок, брошюр, книг, сборников, устанавливались темы докладов, лекций, намечались выступления членов группы в разных районах Москвы и вне Москвы и т. д. Автор приводит рассказ М. Н. Покровского о том, как однажды к Миусскому училищу, где должна была состояться лекция, под'ехал Гарин-Михайловский, носивший «генеральскую» форму инженера путей сообщения. Училище было занято полицией, разгонявшей всех, кто подходил к под'езду. Стоявший у дверей околоточный надзиратель вытянулся в струнку перед Гариным и, почтительно взяв под козырек, доложил «его превосходительству», что лекция сегодня не состоится.

В 1906 году Гарин-Михайловский внезапно скончался от паралича сердца на редакционном совещании большевистского журнала «Вестник жизни».

Существенное значение имеет рассказ С. И. Мицкевича о писательнице Верби-

кой, которая в своем романе «Дух времени» одна из первых в литературе весьма сочувственно изобразила Московское вооруженное восстание. На ее квартире собирался большевистский центр, руководивший восстанием. В период реакции ренегатская печать травила эту писательницу и объявила ее «вне литературы».

М. С. Ольминский выступил в большевистской газете «Звезда» в ее защиту.

Наиболее ценными во второй книге являются главы, описывающие революционную борьбу пролетариата осенью и зимой 1905 года.

Автор подробно знакомит читателя с работой партии большевиков в Москве, дает яркую характеристику деятельности Московского комитета как руководителя стачечной борьбы рабочего класса в октябре 1905 года и описывает подготовку партией вооруженного восстания. Попутно он освещает также работу Московской окружной организации большевиков, которая охватывала не только Московскую губернию, но и ряд соседних территорий и вела работу в деревне среди крестьян.

Выступление представителей окружной организации на с'езде Крестьянского союза летом 1905 года, к сожалению, освещено слишком бегло. Между тем следовало бы указать, что как на этом с'езде, так и особенно на ноябрьском с'езде Крестьянского союза представители Московского комитета партии большевиков не сумели добиться влияния на крестьянских делегатов. Тактика московских большевиков на этих с'ездах критически не освещена. Между тем по ряду вопросов, и в том числе по аграрному вопросу, отдельные члены Московской организации большевиков стояли далеко не на ленинских позициях. Представители лекторской группы МК и в их числе ярый «разделист» Рожков, а также член Московского комитета С. И. Черномордик и член Московского окружного комитета партии А. Шестаков («Никодим») высказывали неправильные, неленинские взгляды по этому вопросу. Эти товарищи являлись представителями «беспрограммников», т. е. людей, которые считали нецелесообразным включать в программу РСДРП аграрную программу, предлагая ограничиться только тактической резолюцией по аграрному вопросу. Эта ошибочная точка зрения была в свое время раскритикована в нашей исторической литературе.

Недостаточно критически осветил автор отношение Московского комитета партии большевиков к политическим организациям разного рода интеллигентских групп. Очень слабо показана борьба большевиков за влияние на колеблющиеся, промежуточные группы трудовой интеллигенции, как например железнодорожные служащие, работники

связи и др. В воспоминаниях не дана также критическая оценка позиции московских большевиков по вопросу об организации профессиональных союзов. Но совсем правильно указано (на стр. 416), что московские большевики отстаивали боевой политический характер профсоюзов. Московские большевики в этом вопросе, как и в вопросе о советах, допускали сектантские ошибки, добиваясь такого положения, чтобы профсоюзы и советы были чисто большевистскими партийными организациями. Эта точка зрения, в свое время осужденная Лениным, не подвергнута критическому разбору в книге Мицкевича.

Е недостаткам книги вообще относится то, что автор почему-то не поставил ни одного вопроса, который бы помог объяснить колебания Московского комитета партии большевиков в период всеобщей политической стачки в октябре 1905 года, не дал достаточной критики ошибок Московского комитета партии в деле руководства декабрьским вооруженным восстанием и т. п. Эти ошибки были блестяще разобраны Лениным в его статье «Уроки Московского восстания».

Образы рабочих-революционеров, принимавших участие в революции 1905 года, в книге С. И. Мицкевича, за небольшими исключениями, обрисованы недостаточно. Действия рабочих масс также показаны недостаточно живо и несколько отрывочно, причем не по личным впечатлениям, а больше всего по документам того времени, главным образом по «Известиям Совета рабочих депутатов».

О декабрьском вооруженном восстании в Москве, о баррикадах, о борьбе московских дружинников со значительно превосходившими их по численности и по вооружению силами регулярных войск, полиции и жандармерии С. И. Мицкевич также рассказывает главным образом по уже опубликованным статьям и материалам. О своем участии в событиях он сообщает очень скупо. Автор даже не рассказывает о том, что делалось в его квартире, где сейчас же после восстания большевики устроили подпольное паспортное бюро. Это бюро снабдило многих дружинников фальшивыми паспортами, спасшими многим из них жизнь (за участие в восстании в первое время приговаривали к расстрелу, а затем, по столыпинским законам, вешали).

В ряде случаев автор слишком бегло отметил важнейшие моменты из истории хотя бы того же вооруженного восстания в Москве. Так например он совершенно недостаточно осветил участие дружин железнодорожников в восстании, события в Рогожском и Замоскворецком районах и т. д.

Книга С. И. Мицкевича, являясь ценной

в литературном и историческом отношении, кроме отмеченных выше, имеет и другие недостатки. Так, в ряде разделов книги чувствуется недостаточность обобщений и выводов по вопросам, затронутым автором.

Особое внимание автору следовало бы обратить на критику взглядов меньшевиков и в их числе Троцкого на вооруженное восстание и его подготовку. С. И. Мицкевич пишет, что меньшевики и Троцкий лишь болтали о вооруженном восстании и не принимали для его подготовки действительных мер. Такого рода оценка деятельности меньшевиков и Троцкого явно неправильна. Меньшевики и Троцкий не только не принимали мер для подготовки восстания: они были против подготовки восстания. Иуда-Троцкий выдвинул лозунг «стачечного восстания» вместо вооруженного восстания, тем самым отрицая необходимость готовиться к вооруженной борьбе с самодержавием. Он, как и все меньшевики, не шел дальше тактики всеобщей стачки, с которой соглашались и кадеты.

«Идеи» Троцкого оказывали влияние и на меньшевиков в Москве, которые в момент предварительного обсуждения в Московском совете рабочих депутатов вопроса о вооруженном восстании выступили против объявления всеобщей политической стачки и перевода ее в вооруженное восстание. Меньшевики предлагали ограничиться призывом к стачке, утверждая, что самодержавие можно свергнуть и путем «стачечного восстания», как сформулировал эту тактику тот же Троцкий. История жестоко посмеялась над меньшевиками и над их единомышленником Троцким, сыгравшим преступную роль в провале вооруженного восстания в декабре 1905 года в Петербурге. Обо всем этом С. И. Мицкевич не сказал в своих мемуарах ни слова.

Неполно охарактеризована С. И. Мицкевичем деятельность Тверского комитета большевиков, который сумел уже в 1904 году создать нелегальную типографию, развернуть большую работу в кружках на фабриках и заводах города, наладить пропаганду и агитацию в ближайших селах и деревнях Твери. Автор несколько преувеличил роль зубатовщины в Одессе, не совсем отчетливо объяснил тактику царской власти при подавлении вооруженного восстания в Москве и т. д.

Однако все эти недочеты мемуаров одного из старейших членов большевистской партии не снижают их научной ценности.

Несомненно, выход этой книги ставит вопрос о выпуске такого же рода работ и о других революционных центрах нашей страны. Вместе с тем следует выразить пожелание, чтобы С. И. Мицкевич продолжил

свою работу по истории революционной Москвы.

Попутно следовало бы порекомендовать Союзу советских писателей и историкам партии помочь старой гвардии большеви-

ков не только Москвы, но и других городов оформить воспоминания наших ветеранов революции.

Член-корреспондент Академии наук СССР
А. ШЕСТАКОВ

Драгоценный вклад в марксистско-ленинскую науку*

1

В вышедшем в свет Ленинском сборнике XXXIII опубликованы подготовительные материалы Ленина к его книге «Развитие капитализма в России». В этой книге Ленин исследовал общественно-экономические отношения в пореформенной России и дал классический, марксистский анализ русской действительности. Этой книгой была завершена целая полоса острейшей борьбы между русскими марксистами и либеральными народниками 90-х годов по вопросу о путях развития российской экономики, о судьбах капитализма и так называемого «народного строя» в России, по существу, о путях и движущих силах назревавшей в стране революции. Борьба эта, как известно, началась вскоре после выхода бессмертного труда Маркса «Капитал». Ленин по этому поводу писал:

«... для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые живучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»¹.

Ленин, едва вступив на арену политической борьбы, сразу понял классовые корни и глубокое историческое значение разгоревшегося спора и уже в 1894 году указал русским марксистам путь к правильному теоретическому решению спорного вопроса, верный путь борьбы с реакционными взглядами народников на ход экономического и политического развития России. Ленин писал:

«Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. Теорети-

ческая работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие»². И Ленин показал несравненный образец именно такого конкретного и глубокого научного подхода к изучению русской действительности, показал в своей книге «Развитие капитализма в России» — гениальном произведении, которым Ленин обогатил марксизм, развил его дальше, применительно к конкретной исторической действительности России. Владея в совершенстве марксистским диалектическим методом, блестяще применив его к анализу российской действительности, Ленин показал, что вся история пореформенной России представляет собой безостановочное и все ускоряющееся развитие капиталистических производственных отношений в городе и деревне при наличии присущих капиталистическому строю классов со все возрастающими классовыми противоречиями между ними.

«Развитием капитализма в России» Ленин разрушил миф о «народном строе», о том, что Россия может «миновать» фазу капитализма. Этой книгой Ленин завершил идейный разгром народничества и «легального марксизма» и создал гранитную на-

* Ленинский сборник XXXIII. Политиздат при ЦК ВКП(б). 1940. 548 стр.

¹ Ленин. Т. I, стр. 167.

² Ленин. Т. I, стр. 191.

учную базу для создания революционной пролетарской партии в России.

Ленин писал свою книгу более 3 лет (в 1896—1899 годах) в тюрьме и в ссылке. Создавая свой труд, Ленин изучил и критически переработал всю имевшуюся литературу по экономике России, тщательно проштудировал сотни земских статистических сборников, различных исследований, монографий, громадное количество трудов (сборники, книги, статьи) буржуазных экономистов, материалы министерств (ежегодники Министерства финансов, справочники Горного ведомства и т. д.), обширные материалы и труды всевозможных правительственных комиссий по изучению различных отраслей народного хозяйства и районов страны, материалы санитарных обследований фабрик, заводов, промыслов и т. д. В библиографическом указателе к «Развитию капитализма в России» (III том Сочинений В. И. Ленина) перечислено свыше 400 различных книг, сборников, обзоров, исследований, статей, упоминаемых и цитируемых Лениным в его труде. Но этим указателем далеко не исчерпывается вся литература, использованная Лениным для работы над своей книгой.

В результате этой, поистине гигантской исследовательской работы Ленин получил вполне проверенный и достоверный материал для своих неопровержимых научных выводов и обобщений, для подлинно научного объяснения хода общественно-экономического развития в пореформенной России, для определения задач и перспектив революционной борьбы рабочего класса.

Напечатанные в XXXIII Ленинском сборнике пометки Ленина на книгах (таких книг собрано в ИМЭЛ свыше 100) раскрывают перед нами процесс ленинского научного творчества, метод его работы, дают полную картину — неисчерпаемо богатую и поучительную — того, как Ленин создавал свой бессмертный труд. Эти материалы показывают Ленина как великого ученого и революционера, который упорным, настойчивым трудом решил важнейшую научно-теоретическую и в то же время революционно-практическую проблему, решил ее путем самого тщательного и самого детального анализа всех многообразнейших процессов общественно-экономического развития, на основе овладения всем накопленным к этому времени культурным наследством и его критической переработки.

2

Первый раздел Сборника содержит подготовительные материалы к главам II—IV «Развития капитализма в России». В этих главах Ленин рассматривает общественно-экономические отношения в русской деревне и дает классический анализ процесса раз-

ложения крестьянства и роста товарного и капиталистического хозяйства в деревне. В первый раздел Сборника входят два письма Ленина (1893 и 1894 годы), в которых он излагает свои взгляды на экономическое развитие русской деревни; пометки Ленина на полях книг, статистических сборников и различных исследований по вопросам экономики пореформенной деревни; три ленинские тетрадки, содержащие разбор ряда статистических исследований по крестьянскому хозяйству.

В главах II—IV «Развития капитализма в России» Ленин разрушил реакционную, эклектическую теорию народников об особом укладе крестьянского хозяйства, их нелепую теорию о «народном производстве», о «самобытных» путях экономического развития России. С изумительной ясностью и полнотой Ленин показал картину растущих капиталистических противоречий внутри крестьянской общины, картину неудержимого и непредотвратимого процесса расщепления крестьянства и капиталистической эволюции деревни.

Ленин научно доказал, что «строй экономических отношений в «общинной» деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада («народного производства» и т. п.), а обыкновенный мелко-буржуазный уклад»¹, что «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а напротив, самая глубокая и самая прочная основа его»². На огромном фактическом, научно обработанном материале Ленин доказал, что расщепление крестьянства стало фактом, что «крестьянство совершенно раскололось на противоположные группы»³, то есть на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, на «класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельско-хозяйственных наемных рабочих»⁴.

В одном из опубликованных в Сборнике писем, в декабре 1893 года, Ленин писал: «Разложение наших мелких производителей (крестьян и кустарей) представляется мне основным и главным фактом, разъясняющим наш городской и крупный капитализм, разрушающим миф об особом укладе крестьянского хозяйства (это — такой же буржуазный уклад с тем лишь отличием, что он гораздо больше еще опутан феодальными путями) и заставляющим видеть в так называемых «рабочих» не небольшую кучку особо поставленных лиц, а только верхние слои той громадной массы крестьянства, которая сейчас уже живет более продажей своей рабочей силы, чем собственным хозяйством» (стр. 15—16).

¹ Ленин. Т. III, стр. 125.

² Там же.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Там же, стр. 126.

В другом письме (май 1894 года) Ленин снова подчеркивает «буржуазность экономических отношений в крестьянстве», указывает на то, что факты «вскрывают наглядно антагонистические классы в среде этого «общинного» крестьянства и притом такие классы, которые только и свойственны капиталистической организации общественного хозяйства» (стр. 17). Таким образом, уже в этих письмах Ленин отстаивает тот взгляд на экономическое развитие пореформенной России, который получил позже, в его книге «Развитие капитализма в России», всестороннее научное обоснование.

Данный Лениным гениальный анализ экономических отношений в русской деревне явился плодом огромной исследовательской работы. В этой работе Ленину пришлось преодолеть большие трудности. В России в то время не производилось сельскохозяйственных переписей. Единственным почти материалом, которым Ленин мог пользоваться для своих исследований, являлись сводные данные земской статистики и военно-конских переписей. Из земских статистических сборников и черпал в основном Ленин фактический материал для своих выводов, не оставляя, разумеется, без внимания и самого тщательного изучения всей прочей литературы о сельской общине и крестьянском хозяйстве, которая имелась в то время.

Но материалы земской статистики страдали крупными недостатками. Земские статистики, среди которых было много народников, сплошь и рядом искажали данные подворных переписей, обрабатывали их под влиянием народнических взглядов и предубеждений, в результате чего получались материалы, совершенно извращавшие действительное положение деревни. Излюбленным методом земских статистиков в обработке данных подворных переписей был метод группировки крестьян по наделу. Таким путем выводились «средние» данные о состоятельности крестьянских дворов. Это был порочный, антинаучный метод. Таким путем затушевывался, смазывался процесс расслоения крестьянства. Ленин следующим образом характеризует этот прием:

«Пользуясь группировкой по наделу, мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю; — бедняка, который забрасывает землю, и богача, который «собирает» землю; — бедняка, который ведет самое плохое хозяйство с ничтожным количеством скота, и богача, который имеет много скота, удобряет землю, вводит улучшения и пр. и пр. Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии. Получаемые от такого сложения «средние» затуше-

вают разложение и являются потому чисто фиктивными»¹.

Чтобы получить подлинно научный, достоверный материал, характеризующий состояние сельской общины и ход экономического развития деревни, Ленин отбрасывает прочь лженаучный, фальшивый метод земских статистиков и применяет для этой цели единственно научный, марксистский метод.

Ленин считает невозможным ограничиваться группировкой только по наделу при обработке подворных переписей. В основу исследования состояния крестьянских хозяйств Ленин кладет группировку их по размерам и типам, причем подчеркивает, что «признаки для различения этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия»².

Тщательно изучив земские статистические сборники разных районов страны (Самарская, Таврическая, Саратовская, Пермская, Нижегородская, Воронежская, Орловская и другие губернии), Ленин, пользуясь принятым им методом, доказывает, что во всех этих районах происходит один и тот же процесс разложения общины и роста капитализма в деревне, лишь проявляющийся в отдельных районах в разных формах.

Опубликованные в Сборнике пометки Ленина на полях различных исследований и особенно земских статистических сборников дают яркое представление об объеме проделанной Лениным работы. В статистических сборниках подворных переписей по различным уездам и губерниям мы встречаем огромное количество ленинских подсчетов, сводок и даже составленных им по своему методу целых таблиц, положенных затем Лениным в основу своих неопровержимых научных выводов о путях развития сельского хозяйства России.

Прочитанные Лениным книги различных «исследователей» из народнического лагеря и статистические сборники испещрены огромным количеством чрезвычайно метких, политически острых и содержательных замечаний, характеристик, выводов и т. д., беспощадно разоблачающих идейное убожество народников и их фальсификаторские приемы исследования экономики деревни.

Возьмем пометки Ленина на полях книги одного из столпов либерального народничества, В. В. (Воронцов), «Судьбы капитализма в России». В одном месте своей книги В. В. пишет, что капитализм означает «грабеж земли и человека, грабеж настоящих и будущих поколений!» Но автор не

¹ Ленин. Т. III, стр. 68.

² Там же, стр. 69.

в состоянии подняться до революционных выводов, его реакционная, народническая идеология и теоретическая беспомощность приводят его к нелепому выводу о том, что надо бы «задержать», предотвратить развитие капитализма, сохранить мелкое крестьянское и кустарное производство. В. В. призывает «обратить внимание на организацию производителей», он предлагает «похлопотать об отстранении от земли кулака-проходимца».

По поводу «грабежа земли и человека» Ленин замечает:

«Верно! Это-то и знаменует несомненно начало капитализма. Капитализм грядет — вот вывод из этого, а не тот, который делает г. В. В.» (стр. 26).

В другом месте своей книги В. В., констатируя рост противоречий между мелким и крупнокапиталистическим производством в сельском хозяйстве, высказывает мысль, что перед фактом роста этих противоречий царское правительство «принуждено колебаться в своей экономической политике...»

Ленин коротко, но выразительно отвечает на это: «? оно не колеблется» (там же).

В. В. распространяется о возможности для «русского общества» «свободно избрать путь своего экономического развития. В. В. требует, чтобы все тяготы «по преобразованию» общества легли на «избранное детище», если даже это будет капитализм. «Этого требует не только справедливость, но и простой расчет...» — восклицает В. В.

«а также непонимание г-ом В. В. того, что такое «капиталистическое производство», — добавляет Ленин на полях (стр. 27).

Далее идут замечания Ленина на брошюре народника С. Капустина «Что такое поземельная община». «...община — это все, что есть в мыслях и действиях сельского люда», — изрекает Капустин.

«прелестное определение!» — иронически замечает Ленин об этой болтовне Капустина (стр. 28).

Капустин не хочет и не может признать факта капиталистического разложения общины. Он идеализирует общинные порядки, пытается доказать, что система земельных переделов в общине есть справедливый «способ распределения земли для ее возделывания», что «это распределение имеет главным образом одну цель: дать каждому столько имению земли, сколько он может возделывать согласно его личным качествам, имущественной силе...»

Ленин беспощадно разоблачает безмерную фальшь Капустина:

«Вот они — «выводы»: «передел есть распределение земли для ее возделывания»! Да неужели это не пустейшая тавтология? Неужели кому-нибудь еще, кроме г. Капу-

стина, было неизвестно, что перед ел есть распределение и что земля слугит для возделывания?» (стр. 29).

И Ленин дает марксистское, классовое объяснение сущности земельных переделов. Он пишет:

«...главная цель» распределения земли — это уплата податей. Доказательства: земля отбирается за недоимки (большой частью); размер податей всех вместе пропорционален земельной доле; в случае неспасения, упадка хозяйства и т. п. подати большей частью не слагаются (только в 2 общинах — отсрочка на 1 год, и в 1 — освобождение на время) — по правилу «кто землю берет, тот подать несет» (стр. 30).

Превознося общинные порядки, Капустин старается доказать, что община представляет собой идеальный трудовой коллектив и что начало личного труда является якобы руководящим принципом в общине. В подтверждение этого он приводит правило, согласно которому все ушедшие на заработки крестьяне платят общине ежегодно определенную сумму. «так это не начало личного труда, а начало крепостного труда», — замечает по этому поводу Ленин (там же).

Чрезвычайно большой интерес представляют пометки Ленина на двухтомном сборнике «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» (стр. 32—88). Этот сборник, составленный народниками и буржуазными экономистами, был исключительно ярким образцом народнических извращений русской действительности. Многочисленные пометки на сборнике показывают, как тщательно проштудировал его Ленин в процессе работы над «Развитием капитализма в России». Шаг за шагом разоблачает Ленин народников, пытающихся путем тенденциозного подбора материалов доказать правильность своих реакционных взглядов на сельскую общину и крестьянство. Ленин, изобличая народников и буржуазных экономистов в подтасовках и прямой лжи, делает на полях негодующие пометки: «Дикое сравнение», «сантиментальная фальшь», «экие пошлости!» и т. п., — а потуги авторов «научно» доказать свои выводы он характеризует словами: «надутое пустозвонство», «очень недокзательное», «произвольно» и т. п.

Стремясь изобразить положение крестьянства в царской России в самых розовых красках, авторы сборника не останавливались перед вопиющим извращением действительности. Они, например, пытались смазать кабальный характер аренды земли, доказывая, что в годы низких хлебных цен крестьянин «склонен будет уделить за нанимаемую землю большую про-

тив обычной доли урожая при истопной аренде» или идти на большие отработки. Ленин разоблачает эту брехню. Он пишет: «!! но ведь известно, что и «обычные» доли разоряют крестьян, убыточны для них».

«Отработочное хозяйство, — пишет далее Ленин, — отличается > (более.—Л. Л.) низкой производительностью труда, чем капиталистическое; издержки производства (труда) в нем выше. Низкие цены заставляют понизить издержки производства и стоимость продукта, respective (соответственно.—Л. Л.) повысить технику. Это в отработочных хозяйствах невозможно» (стр. 44).

Сплошь и рядом народники строили свои «теории» только на основе произвольных предположений. В одном месте, например, они пытались доказать, что обусловленное повышением хлебных цен повышение арендной платы влечет за собой при низком урожае сокращение аренды. Ленин замечает:

«И это фальшь. Разве нужда не заставляет бедноту платить за землю втридорога, несмотря ни на какие условия?» (стр. 60).

Ленин разоблачает статистические упражнения народников с их «средними» показателями. «...крестьянские бюджеты, — вещает народник Ф. Щербина, — отличаются... однообразием, или, во всяком случае, близким сходством средних потребностей семьи...» — «да, при статистических «средних!» — отвечает ему Ленин (стр. 72).

Особенное рвение в деле затушевывания факта расслоения крестьянства «средними» показателями проявлял ярый враг марксизма народник Н. Вихляев, которого Ленин подвергает жесточайшей критике.

В «Сборнике статистических сведений по Тверской губернии» (т. XIII, вып. 2-й) Вихляев утверждает, что пользование купленной землей распределено в этой губернии «равномернее, чем в других губерниях». Ленин по этому поводу замечает: «маловато для вывода!» (стр. 105). А когда Вихляев выдвигает лживый и антинаучный тезис о том, что равномерность землепользования якобы ведет к равномерности в распределении рабочего скота, Ленин, негодуя, отмечает: «какая ахинея!» (стр. 109).

«похоже на то!» — замечает Ленин, когда Вихляев хвалится, что его выводы построены на основе «голых фактов и голых действительности, из наблюдения чисел, бесстрастных выразителей общественно-хозяйственных явлений» (стр. 115).

«ведь бывает же такая народническая тарабарщина!» — замечает Ленин по поводу следующего «научного» вывода Вихляева: «...эволюция экономических явле-

ний не вносит с собою элементов капитализации, а развивается на базе материальных основ народного хозяйства, заложенных в него основным мотивом земледельческого труда» (стр. 114).

«избави господи от таких «помощников»! — пишет Ленин, когда народник призывает царское правительство прекратить преследования «мирных прогрессистов» из крестьян и оказать помощь населению.

Реакционными взглядам народников на общину, на ход экономического развития деревни, Ленин противопоставил единственно правильное, марксистское понимание российской действительности. Показанный Лениным процесс «раскрестьянивания» деревни означал «коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание новых типов сельского населения»¹, означал капиталистическую эволюцию деревни. Ленин доказал, что «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»². Ленин доказал, что «развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в помещичьем хозяйстве, и в крестьянском, и вне, и внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже бесповоротно определило и иной путь развития, как капиталистический, и иную группировку классов, как капиталистическую. Это два.

Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным»³. Ленин вскрыл классовую природу крестьянства, его двойственную, обусловленную его экономическим положением роль в борьбе с остатками крепостничества, помещичьим землевладением и царизмом. Ленинский анализ классовой природы крестьянства послужил фундаментом для обоснования идеи гегемонии пролетариата как единственного класса, способного возглавить и довести до конца борьбу трудящихся с царизмом и капитализмом.

3

Во втором разделе Сборника опубликованы подготовительные материалы ко второй части «Развития капитализма в России» (главы V—VII), где Ленин дает анализ развития капитализма в русской промышленности после 1861 года. В этом разделе собраны пометки Ленина на нескольких десятках книг, две ленинских тетрадки и другие материалы.

¹ Ленин. Т. III, стр. 125.

² Там же, стр. 466.

³ Ленин. Т. XIV, стр. 213.

Свой марксистский анализ развития капитализма в русской промышленности Ленин построил на тщательнейшем изучении тех форм и стадий, которые прошла в своем развитии промышленность пореформенной России. «Для разбора основных теоретических положений о внутреннем рынке,—писал Ленин в теоретическом введении к своей книге,—мы должны исходить из простого товарного хозяйства и следить за постепенным превращением его в капиталистическое»¹. Глава V «Развития капитализма в России» посвящена рассмотрению мелкого товарного производства, самой примитивной формы промышленности — домашней промышленности — первой стадии капитализма в промышленности; в главе VI рассматривается капиталистическая мануфактура, и, наконец, в главе VII — развитие крупной машинной индустрии (фабрики). «Лишь после того, как выяснена сущность этих форм и их отличительные особенности, — указывает Ленин, — имеет смысл иллюстрировать развитие той или другой формы посредством обработанных надлежащим образом статистических данных»².

Именно такой подход к анализу капиталистического развития русской промышленности, основанный на рассмотрении форм и стадий этого развития в их неразрывной связи, в их возникновении и развитии, дал ясную и непреложно точную картину экономического развития России, показал превращение мелкого товарного производства в капиталистическое, в мануфактурную промышленность и перерастание последней в крупную машинную индустрию.

Как при анализе общественно-экономических отношений в деревне, так и при исследовании развития капитализма в промышленности Ленин изучил громадное количество различных источников (земско-статистические сборники, составленные на основе подворных или выборочных переписей промысловых хозяйств по различным губерниям и уездам, специальные исследования кустарных промыслов, материалы фабрично-заводской статистики, сборники, исследования, справочники и т. д.).

Огромный интерес представляют замечания Ленина на полях «Обзора Пермского края». В этой книге народники пытались изобразить кустарные промыслы как некое «народное производство», существующее и развивающееся якобы без всяких экономических, классовых противоречий. Ленин подверг уничтожающей критике народническую идеализацию мелкого товарного производства, умышленное игнорирование народниками разложения кустарных про-

мыслов, которое привело к развитию и все большему упрочению капиталистических отношений.

Народники, пытаясь заглушить разложение среди кустарей, утверждали в «Обзоре Пермского края», что различия в мощности кустарных предприятий зависят от числа членов семьи «кустара», принимающих личное участие в производстве. Ленин следующим образом разоблачил эту насквозь лживую «теорию»:

«Прямая фальшь. Именно в 1-ой подгруппе (эта подгруппа состоит из более крупных кустарных предприятий.— Л. Л.) обеих групп:

- 1) н а и б о л ь ш и й процент заведений с наемными рабочими,
- 2) н а и б о л ь ш и й процент заведений только с наемными рабочими,
- 3) наибольшее число наемных рабочих на 1 заведение (с. 51),
- 4) наибольший % наемных рабочих,
- 5) наибольшее число семейных рабочих на 1 заведение» (стр. 229).

Но вынужденный иногда под давлением фактов признать разложение среди кустарей, разделение их на предпринимателей и наемных рабочих, народник заявляет: «это может быть временным явлением», пройдут два, пять, десять лет и, может быть, рабочий состав данных семейств (рабочих семейств.— Л. Л.) так изменится, что слатчик и арендатор поменяются ролями». «!! блажен, кто верует...» — иронически замечает в этом месте Ленин (стр. 256).

«о, идиллия!» — высмеивает Ленин народника, когда тот старательно разрисовывает картину «товарищества» наемных рабочих с крупными предпринимателями и пророчествует насчет возможности для рабочего быть «участником» крупного (в данном случае д о м е н н о г о) производства (стр. 270).

Против реакционно-невежественного рассуждения народника о том, что новый устав Государственного банка является «зарю освобождения деревни от безденежья...» Ленин делает ироническое замечание: «о господа!» Чтобы кредитная помощь была оказана именно участникам «народного производства», остается только правильно поставить дело и «учредить попечительство о народном труде», — пишет народник. «о да, «только!» — замечает по этому поводу Ленин (стр. 285).

Ленин и здесь отвергает «средние» показатели, противоречащие подлинно научному исследованию конкретных данных. Ленин не оставляет без внимания ни одного случая, когда народники оперируют подобными «средними» данными. Так, в одном месте народник анализирует итоги подворной переписи кустарей и, установив, что

¹ Ленин. Т. III. стр. 15.

² Там же, стр. 354.

наемных рабочих на фабриках и заводах 19 тысяч, а кустарей 26 тысяч, торжествует по этому поводу, видя в этом залог процветания «народной» кустарной промышленности. Ленин отмечает это место: «sic! (так!!—Л. Л.) ай да сравнение»,—и далее рядом справок вдребезги разбивает статистические построения народника. Ленин показывает, что из 26 тысяч кустарей почти тридцать процентов являются пролетариями, продающими свой труд капиталистам, именуя их «кустарями» (стр. 285).

Интересны пометки Ленина на книге «Кустарная промышленность Пермской губернии», подготовленной земским статистиком Е. Красноперовым. Ленин беспощадно разоблачает этого народника, доходящего в своем преклонении перед «народным производством» до прямого восхваления «кустарей»-предпринимателей, то бишь капиталистов. В одном месте Красноперов превозносит до небес некоего Пузыну, основавшего гончарный завод с «целью распространить в местном населении, среди гончаров-кустарей, знания высших степеней гончарного производства». По свидетельству самого же Красноперова, этот «просветитель» заставлял крестьян работать «по уменьшенной плате с тем, что, в свою очередь, завод научит их гончарному производству». «!!! вот сволочь!» — отмечает Ленин с негодованием. Далее оказывается, что заводчик (как, умиляясь, повествует народник) согласился брать на завод учеников, но «лишь бы то были люди молодые... с хорошою нравственною подкладкою...», «чтобы не эксплуатировали» хозяина!» — замечает Ленин (стр. 307—308).

Короткой, но чрезвычайно выразительной фразой Ленин разоблачает научное и идейное убожество автора-народника. В одном месте Красноперов пишет: «Экономический центр (кустарного предприятия. — Л. Л.) зиждется на оборотных средствах...» Ленин, подчеркнув эти слова, пишет на полях: «центр г-на Красноперова зиждется на фразерстве» (стр. 311).

В поисках фактического материала для своего исследования Ленин тщательно изучает «Военно-статистический сборник», составленный военным ведомством в 1871 году, — об'емистую книгу в 1000 страниц (см. стр. 390—425). Пометки Ленина на полях этой книги представляют громадный интерес. Они показывают, с каким упорством и с какой научной добросовестностью Ленин решал стоявшую перед ним задачу. Ленин, судя по многочисленным пометкам чернилами и разными карандашами на страницах этого сборника, неоднократно просматривал его. Он тщательно проверял приведенные в сборнике данные, сопоставлял сведения сборника с соответствующими данными других источников, исправлял ошиб-

ки. Он сделал на полях книги массу подсчетов, сводок по различнейшим вопросам экономики страны, состава ее населения и т. д.

Огромный интерес представляют также заметки Ленина на книге «Указатель фабрик и заводов Европейской России на 1879 год», составленный П. Орловым (см. стр. 447—463). Ленин писал, что это «Самый ценный источник за 1870-ые годы»¹. И здесь мы видим образец глубокого, конкретного и всестороннего анализа материалов, проверки и критической переработки их. Ленин не удовлетворяется «общими» данными. Он тщательно изучает каждый завод и фабрику, прослеживает историю каждого предприятия. Для изучения динамики развития промышленности Ленин приводит на полях Сборника сведения за 1890 год. Ленин вносит в Сборник значительное количество дополнений, исправляет многочисленные опечатки, устраняет ошибки, указывая при этом основания для поправок.

В этом и в ряде других источников Ленин подчеркивает факты зверской эксплуатации и бесправия рабочих, отмечает неслыханно тяжелые материальные условия жизни рабочих, работающих за нищенскую плату и ютящихся в фабричных казармах (см. стр. 360, 364, 366, 470, 477 и др.).

В одном месте Ленин подсчитывает, что рабочий день ткачей на ручных бумаготкацких фабриках Покровского уезда, Владимирской губернии, составляет «14—15 часов» (стр. 366), причем ткачи работают в ужасающих антисанитарных условиях и за нищенскую заработную плату.

В другом месте Ленин устанавливает, что средний заработок ткача в кустарной мастерской «вдвое меньше» заработка ткача на фабрике (стр. 379).

Ленинский анализ показал невиданно быстрые темпы развития капитализма в русской промышленности. За сравнительно короткий срок капитализм довел русскую промышленность до стадии крупной машинной индустрии. Обобществляя труд, централизуя средства производства, капитализм создал новую социальную силу: класс фабрично-заводских рабочих, пролетариат. За 25 лет (с 1865 по 1890 год) численность рабочего класса возросла более чем в два раза: с 706 тысяч до 1433 тысяч человек, причем Ленин подчеркивает, что число рабочих «возрастало не только гораздо быстрее, чем население вообще, но даже быстрее городского населения»². Сосредоточение рабочих на крупных предприятиях, в крупных городах и промышленных центрах способствовало их организации и сплочению, прояснению их классового со-

¹ Ленин. Т. III, стр. 359.

² Там же, стр. 388.

знания, толкало их на организованную борьбу против старых порядков, делало из них силу, начинавшую играть все большую роль в политической жизни страны.

* * *

В книге «Развитие капитализма в России» Ленин дал цельную, непреложно верную картину капиталистического развития России и тем самым классового строения русского общества. Вместе с тем Ленин дал исчерпывающую характеристику «неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически-преходящий характер этого экономического режима»¹. Классовые противоречия капитализма являлись основным и определяющим содержанием общественно-экономической действительности России конца XIX столетия, той России, которая уже стояла у порога первой революции.

Ленин показал, что единственным классом, способным последовательно и до конца бороться за победу назревающей народной революции, способным возглавить эту борьбу и повести за собой многомиллионное крестьянство, является рабочий класс. Пролетариат, учил Ленин, не ограничится свержением царизма, он будет бороться дальше, за свержение капитализма, за пролетарскую революцию, за утверждение нового общественного строя — социалистического, коммунистического строя.

Гениальный ленинский анализ российской действительности, данный Лениным прогноз дальнейших путей развития России полностью подтвердились «открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции», как писал Ленин в 1907 году в предисловии ко 2-му изданию «Развития

¹ Ленин. Т. III, стр. 466.

капитализма в России»². «Вполне обнаружилась, — писал далее Ленин, — руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения»³.

«Развитие капитализма в России» — выдающееся произведение творческого марксизма, прямое продолжение великого труда Маркса — «Капитала». Оно обладает великой, неисчерпаемой революционной силой. Оно, как не раз подчеркивал товарищ Сталин, является могучим оружием партии в борьбе с врагами марксизма, с врагами революции. Этим отточенным оружием товарищ Сталин громил правых реставраторов капитализма на Пленуме ЦК партии в апреле 1929 года, когда они, оперируя средними числами о посевной площади в СССР, так же, как в свое время народники, пытались извратить действительность с помощью фиктивных «средних» показателей. Товарищ Сталин тогда говорил: «Но метод средних чисел, не скорректированный данными по районам, не есть научный метод». Ссылаясь на «Развитие капитализма в России», товарищ Сталин напомнил о том, «как Ленин ругает там буржуазных экономистов, пользующихся методом средних чисел о росте посевных площадей и игнорирующих данные по районам»⁴.

XXXIII Ленинский сборник — новый драгоценный вклад в марксистско-ленинскую науку. Опубликованные в нем материалы служат ярким примером упорного творческого труда и научного дерзания, непревзойденные образцы которого дал Ленин и дает его великий друг и сподвижник товарищ Сталин.

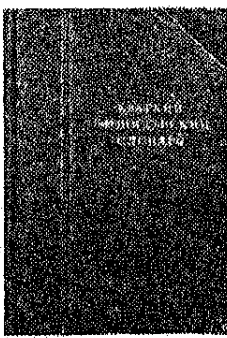
Л. ЛИФШИЦ

² Там же, стр. 11.

³ Там же.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 256. 11-е изд.

«КРАТКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ»,
под редакцией М. Розенталя и П. Юдина.
Издание второе, дополненное. Политиздат
при ЦК ВКП(б). 1940. 326 стр. 150 000
экз. 8 руб.

Второе издание «Краткого философского словаря» столь существенно отличается от первого, что его, пожалуй, можно рассматривать как новое, самостоятельное издание. Прежде всего огромная разница в размерах: второе издание в три с лишним раза больше первого. В словарь включено боль-

шое количество новых слов. Некоторые статьи, имевшиеся в первом издании, расширены.

Подвергся изменению и самый характер словаря. Первое издание, повидимому, было рассчитано в первую очередь на теоретически слабо подготовленных читателей. Это видно из того, что его словник был относительно беден, а изложение большинства статей довольно элементарно. Второе же издание, судя по его словнику и содержанию, должно удовлетворять более высоким запросам.

Новое издание словаря содержит: а) основные философские понятия и термины, без знания которых невозможно овладение основами марксизма-ленинизма; б) харак-

теристика учений классиков философии; в) краткое изложение важнейших сочинений классиков марксизма-ленинизма; г) критическое изложение важнейших работ отдельных классиков философии; характеристики учений выдающихся русских мыслителей (Белинского, Герцена, Чернышевского, Чаадаева и др.); е) критические справки об отдельных виднейших теоретических противниках марксизма-ленинизма (Михайловском, Лаврове, Бернштейне и др.).

В словаре уделено значительное место проблемам исторического материализма. К последним относятся следующие статьи: «Общественное бытие и общественное сознание», «Общественно-экономическая формация», «Исторический материализм», «Историзм», «Классы», «Классовая борьба», «Идеалистическое понимание истории», «Государство», «Право», «Мораль», «Нравственность», «Социология», «Равенство», «Личность в истории», «Французские историки эпохи реставрации», «Демократия» и др. Не забыты также имена таких выдающихся политических мыслителей, как Вико, Монтескье, Руссо, Томас Мор, Мабли, Морелли, Сен-Симон, Фурье.

Составители словаря стремились дать популярное и вместе с тем свободное от упрощений раз'яснение философских терминов и вопросов. В большинстве статей они успешно справились с этой трудной задачей. Несмотря на краткость статей, большинство из них дает ясное представление о трактуемом вопросе. Ценно в этом словаре также и то, что авторы, как правило, не ограничиваются одним лишь объяснением терминов или изложением проблем, а показывают их значение и важность с точки зрения диалектического материализма. При изложении учений отдельных философов дается во многих случаях критическая оценка, определяется их историческое место и прослеживаются их социальные корни.

Если принять во внимание трудность составления словарей подобного типа, то нельзя не признать, что в целом он составлен удачно. Но все же словарь несвободен от ряда недостатков, на которых мы считаем нужным остановиться подробнее, чтобы можно было избежать их повторения в последующих изданиях.

Прежде всего—о словнике. Словарь, как это совершенно очевидно, не ставил себе задачей дать энциклопедию марксистской философии. По своему типу и характеру он ориентируется не на узкий круг специалистов-философов, а на широкого читателя. И поэтому, естественно, словарь не должен содержать узкоспециальных философских терминов. С другой стороны, краткий словарь не может включать в себя слова, имеющие лишь косвенное отношение к фи-

лософии. Эти принципы не выдержаны в словаре со всей последовательностью. Здесь даны, например, некоторые узкофилософские термины, которые можно было с успехом заменить более важными и нужными словами. Не было, например, необходимости давать в словаре такие термины, как «интеллигибельный», «модус» (о них было бы можно упомянуть при изложении философии Канта и Спинозы). Ведь если статья на ту точку зрения, что в словаре должны быть такие термины, то тогда не было бы основания опускать многие другие термины философии Канта и Спинозы.

Наряду с узкофилософскими терминами словарь содержит и отдельные нефилософские термины, которые также могли бы быть исключены, например термин «радиоактивность». Правда, вопросы строения материи (и не только эти вопросы) имеют большое значение для философии. Однако из этого вовсе не следует, что краткий философский словарь должен охватить все естественно-научные термины. Иначе словарь нужно было бы во много раз увеличить за счет понятий физики, химии, биологии и других наук. Выхватывать же из громадного комплекса естественно-научных проблем отдельные вопросы явно нецелесообразно.

Можно было бы опустить в словаре и некоторые слова, не требующие специального раз'яснения. Излишен, например, термин «внешний мир», ибо все то, что говорится о нем, повторяется в статьях «Материализм», «Идеализм» и др.

В словаре имеется, таким образом, некоторое количество терминов, без которых можно было бы обойтись. В то же время в нем отсутствует ряд слов, имеющих важное значение для лучшего понимания философии марксизма-ленинизма. В первую очередь, на наш взгляд, нужно было увеличить число слов, относящихся к вопросам исторического материализма.

Так например следовало бы дать столь важные термины, как «народ», «язык», «анархизм», «истинный социализм» и др.

Следовало бы также пополнить словарь именами выдающихся буржуазных идеологов, в борьбе с которыми Маркс и Энгельс выковали свое диалектико-материалистическое мировоззрение: Прудона, Бруно Бауэра, Штирнера. Целесообразно было бы также увеличить количество слов, связанных с историей религии и атеизма. В частности нужно было бы дать термины, имеющие отношение к истории и учению христианства (например «миф о Христе», «евангелие» и др.). Кроме статьи «Протестантизм» следовало бы дать статьи о других разновидностях христианства— католицизме и православии. Не лишне было бы дать социально-историческую характеристику важ-

нейших нехристианских религий: буддизма, ислама, иудаизма.

В словаре не всегда выдержан принцип соразмерности величины статей с важностью и трудностью вопроса. Так например мало места отведено статьям о материалистах Спинозе, Гольбахе и Гельвеции. Недостаточный размер этих статей, надо полагать, явился одной из причин того, что ряд важных особенностей учений этих крупных мыслителей остался невыявленным.

Размеры статей о Канте, Фихте, Шеллинге, Гегеле также явно не соответствуют важности философских систем этих великих представителей немецкой классической философии.

С другой стороны, в словаре имеются относительно большие по размеру статьи. Например статья о Томасе Море более чем в 2 раза превышает статью о Монтескье. В статье «Мировоззрение» вся ее вторая половина могла бы быть без всякого ущерба опущена, ибо она, в сущности, повторяет содержание статьи «Диалектический материализм».

В словаре имеются и некоторые неудачные или не вполне удачные статьи. Кроме того в отдельных, неплохих статьях иногда встречаются довольно существенные ошибки.

Не вполне удовлетворительна статья «Прогресс». Она начинается с утверждения, что идея прогресса «имела огромное значение для развития науки и техники». Это — явно неудачное вступление. Автору следовало бы начать с другого конца, именно с того марксистского положения, что идея прогресса появилась лишь во второй половине XVIII века и могла возникнуть лишь в результате развития науки и техники, обусловленного в свою очередь прогрессирующим развитием социально-экономических отношений. Из статьи же создается впечатление, что идея прогресса всегда существовала и что только идеологи буржуазии догадались использовать ее в своих классовых интересах.

Далее, в статье говорится, что с победой и утверждением капиталистических порядков «буржуазная идея прогресса заменяется плоской идеей, согласно которой в обществе должны существовать «порядок и гармония» (О. Конт), а позже — и пошлой теорией эволюции, совершающейся без скачков (Г. Спенсер)».

Автор статьи не разъясняет, какой смысл вкладывает в понятия порядка и гармонии Конт, а в понятие эволюции — Спенсер. В связи с этим у читателя может создаться ошибочное представление, что сама по себе идея порядка и гармонии или идея эволюции ложна.

Далее, автору следовало бы еще указать на то, что современная буржуазная философия и социология даже не считают нужным прикрываться идеей эволюции, а со всей откровенностью выступают против идеи прогресса (например Шпенглер, Бергсон и др.).

Заключительная часть статьи вполне правильна. Но после нее следовало, хотя бы вкратце, сформулировать марксистскую теорию прогресса. Читателю так и не удастся узнать, чем отличается диалектико-материалистическое понимание прогресса от идеалистического. А между тем в марксистском словаре именно это и должно было составлять «ядро» статьи.

В статье «Протестантизм» не конкретизировано указание Энгельса, что учение Кальвина «отвечало требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии».

Автору статьи следовало бы более глубоко раскрыть буржуазное содержание религиозной идеологии Кальвина. В частности нужно было бы указать, что Кальвин был первым богословом, выступившим против утверждения католической церкви, что взимание процента за пользование ссудой является грехом; кроме того Кальвин в противовес католической церкви, которая идеализировала нищенство, учил, что желать быть бедным — столь же греховно, как и желать быть больным.

Кроме того следовало бы в этой статье отметить демократические и республиканские тенденции учения Кальвина. Эти тенденции особо подчеркивает Энгельс во «Введении к английскому изданию» «Анти-Дюринга», автор же статьи их обошел.

Не вполне удовлетворительна статья о Монтескье. В этой статье Монтескье характеризуется как «идеолог умеренно-буржуазных верхов». Это недостаточно определенная и ясная характеристика: о Монтескье следовало бы со всей четкостью сказать, что он являлся выразителем политических настроений французской буржуазии сороковых и пятидесятых годов XVIII века, причем для его политической концепции чрезвычайно характерна тенденция к компромиссу с существующими феодальными учреждениями.

В статье утверждается, что «Монтескье защищал правильную мысль о закономерном развитии всех явлений». Мысль эта, конечно, правильна, но Монтескье ее не защищал. Он защищал другую мысль, а именно ту, что законы суть «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы» (эта цитата приводится в статье). Громадная заслуга Монтескье (и в этом его преимущество даже перед французскими материалистами XVIII века) в том, что он признавал закономер-

ность существования различных государственных форм и понимал их зависимость от различных объективных факторов (климата, почвы, размера территории и пр.). Как ни несовершенна эта теория, но она для своей эпохи являлась прогрессивной.

Однако Монтескье—вопреки утверждению автора статьи—была чужда идея закономерности развития общественных явлений. Он не понимал того, что различные политические формы соответствуют различным стадиям общественного развития.

В статье о Монтескье нельзя не отметить еще и следующей неудачной формулировки: по Монтескье, все зависит «от материальных условий жизни народа». Эта формулировка может внушить читателю неправильную мысль, что Монтескье в объяснении общественных явлений стоял не на идеалистических, а на материалистических позициях. Неудачно также выражение, что Монтескье «чуждо рассмотрение государства в историческом разрезе» (следовало бы сказать, что ему чуждо понятие исторического развития, что, конечно, не то же самое). Наконец, неточно, что Монтескье создал теорию о разделении властей на исполнительную и законодательную (забыта третья власть—судебная).

В статье «Вольтер» не отмечается новаторская роль Вольтера как историка. А между тем ему принадлежит та заслуга, что в отличие от других историков его времени и предшествующих эпох он не смотрел на историю как на повествование лишь о деяниях и интригах королей и о придворных скандалах, а пытался найти в исторических событиях более глубокий смысл, интересовался в первую очередь идеями, нравами и обычаями эпохи. Самый термин «философия истории» впервые введен Вольтером.

Статья «Кант» написана крайне неясно, местами она совершенно непонятна и необоснованна. Определение познавательной роли чувственности, рассудка и разума в гносеологии Канта дается нечетко и сбивчиво. Об этическом учении Канта, сыгравшем огромную историческую роль, сказано лишь несколько слов, причем о ядре кантовской этики—«категорическом императиве»—здесь вовсе и не упоминается. Нельзя не признать крайне странным объяснение причин возрождения кантианства в конце прошлого века. «Либеральный характер учения Канта,—говорится в статье,—обусловил его успех в конце XIX в. у так называемых неокантианцев».

Для наиболее видных неокантианцев характерно как раз то, что они стояли не на либеральных, а на реакционных позициях и вели активнейшую борьбу с философией марксизма (что не помешало, однако, некоторым «теоретикам» из II интернационала

эклектически сочетать «марксизм» с неокантианством). Неокантианцы стремились выбросить из учения Канта всякие элементы материализма, отказываясь в первую очередь от тезиса об объективном, независимом от человеческого познания существовании «вещи в себе». Из всего этого ясно, что причину возрождения кантианства идеологами буржуазной реакции падо искать отнюдь не в «либерализме» Канта, а, наоборот, в наиболее реакционных моментах его философии.

Кстати отметим, что утверждение о либерализме неокантианства содержится только в статье «Кант». А в статье «Неокантианство», наоборот, правильно подчеркивается, что неокантианцы восприняли «все худшее, реакционное, мертвое, субъективно-идеалистическое, что содержалось в философии Канта».

Такое разноречие в оценке одного и того же философского направления следует признать существенным упущением редакции словаря.

Крайне непонятно написана статья «Трансцендентальный и трансцендентный». Трансцендентальному здесь дано следующее определение (по Канту): «То, что относится к познанию, но не к объекту, не к содержанию, не к материалу познания, а к априорному, т. е. допытному, как полагал Кант, формам познания». В этом определении очень плохо и непонятно истолкована мысль Канта. Дальнейшее пояснение не только не облегчает, а, наоборот, затрудняет понимание термина «трансцендентальный». Автор пишет: «Допытными формами познания Кант называл время, пространство, категории и основоположения логики, при помощи которых, согласно Канту, только и делается возможным опыт, познание». Читатель, не знающий Канта (а ведь именно на такого читателя ориентируется словарь), из этого разъяснения решительно ничего не поймет (и статья «Кант» ему в этом отношении не поможет). Автору статьи прежде всего следовало бы дать в статье толковое объяснение учения Канта о возможности синтетических понятий априори, без чего нельзя дать ясное представление о кантовском термине «трансцендентальный». Вообще можно было бы отдельной статьей об этом термине не давать, но в статье «Кант» следовало обязательно остановиться на учении этого философа об априорном знании.

В статье «Гольбах» не показан метафизический, механистический характер материалистического мировоззрения этого философа; не дана оценка исторической роли его философии, недостаточно разъяснены особенности его атеистического учения.

В статье «Тезис, антитезис, синтезис» неправильно утверждается, что у Гегеля

«под триады подгоняется все на свете...» В этом обвиняли Гегеля его противники — метафизики, — не хотевшие или оказавшиеся неспособными понять глубину его диалектики. Но марксисты никогда не разделяли этого мнения. Правда, Гегель иногда искусственно подгоняет трактуемые явления под триаду, но эта «искусственность», вообще говоря, нехарактерна для его диалектического метода.

В статье «Ньютон» следовало бы также указать, что деизм и идеализм Ньютона встретили серьезную критику еще со стороны французских материалистов (например в «Системе природы» Гольбаха).

В статье «Система природы» неправильно утверждается, что Гольбах противопоставлял необходимость свободе.

Для Гольбаха характерно как раз то, что он метафизически отрицал свободу, не понимая, что свобода — это познанная необходимость. Гольбах отстаивал (как правильно указывается в статье) теорию фатализма, исключая для человека свободу выбора и возможность предвидения хода исторических событий.

Большинство статей написано сжатым, «энциклопедическим» языком. И это вполне правильно, ибо основной задачей словаря является вложить максимум содержания в минимальные по размеру статьи. Однако некоторые статьи нарушают этот принцип и отличаются излишним многословием, не компенсируемым богатством содержания. Таковы, например, статьи «Капитал», «Речиция», «Спиритуализм», «Мировоззрение».

Имеется в словаре и ряд стилистически неудачных оборотов. Приведем несколько примеров (разрядка везде наша. — Л. Л.).

«Неслыханное удлинение рабочего дня, варварская экономия на условиях безопасности труда, порождающая многочисленные человеческие жертвы...» (стр. 101). «Католическая церковь и орден иезуитов отвечали на распространение протестантизма реакцией, в результате чего на юге Германии был восстановлен католицизм...» (стр. 225). «Теизм весьма близок к обычному богословию, но отличается от него отказом от явных нелепостей...» (стр. 274).

В общем, количество неудачных или не вполне удачных статей в словаре крайне незначительно (принимая во внимание относительно большой размер и трудность этого издания).

В целом словарь является весьма ценным пособием для всех тех, кто серьезно работает над изучением трудов классиков марксизма-ленинизма, не имея специальной философской подготовки.

В заключение пожелаем, чтобы в последующих изданиях словаря к важнейшим статьям была указана литература вопроса. Необходимо также указывать, какие из сочинений, упоминаемых в словаре иностранных философов, переведены на русский язык. В рецензируемом издании такие указания даны лишь в немногих статьях.

Л. ЛЕОНАРДОВ.

К истории революции 1820—1823 гг. в Испании

Советская литература по истории Испании еще, к сожалению, очень небогата. Поэтому читатель с особым интересом ожидает выхода каждой новой книги по этому вопросу.

Недавно в серии «Жизнь замечательных людей» вышла биография

Рафаэль дель Риэго — один из лучших сынов испанского народа, которым его

родина, как и все передовое человечество, всегда будет гордиться. Однако в самой Испании до победы народного фронта в 1936 году Риэго не только не был оценен по достоинству исторической и художественной литературой, а, наоборот, был оклеветан. Относясь некритически к мемуарам, составленным как врагами, так и некоторыми деятелями революции 1820—1823 годов, испанские историки изображали Риэго человеком невежественным, тщеславным, недалеким — игрушкой в чужих руках.

Большая заслуга принадлежит писательнице Кармен де Бургос, которая в 1931 году, когда «либеральные» историки буржуазной республики все еще продолжали клеветать на Риэго, предприняла за-

¹ Г. Ревзин «Риэго». «Жизнь замечательных людей». Вып. 10—11-й. (154—155). Изд. «Молодая гвардия». 454 стр. 60 000 экз. 6 руб.

дачу его реабилитации. Она написала интересную биографию Риго¹. Кармен де Бургос с большой любовью подошла к своей работе и собрала ряд очень интересных документов, в том числе и из архива семьи Риго. Ее книга написана серьезно, богато документирована и рисует очень привлекательный и убедительный портрет «героя из Лас Кавесас». Но буржуазная идеалистка, конечно, не могла дать настоящую, научную биографию деятеля революции.

Таким образом, задача создания подлинно научной, исторически правдивой биографии героя испанского народа остается делом советских историков.

Книга Г. Ревзина открывается географическим описанием Испании. Затем автор кратко знакомит читателя с историей Испании до XVIII века, начиная с эпохей Сагунта и Нумансии. Автор останавливается подробнее на конце XVIII и начале XIX века, когда создавались предпосылки испанской революции. Читатель обстоятельно знакомится с главными действующими лицами этого периода: Карлом IV, Марией-Луизой, Годоем, инфантом — будущим королем Фердинандом VII. Во время революции 1808—1814 годов выступает на сцену герой книги. Рассказав о революции 1808—1814 годов, о реакции 1814—1819 годов, автор затем описывает ход революции 1820—1823 годов, и с этой главы мы уже не расстаемся с героем до его трагической смерти.

Книга Г. Ревзина знакомит читателя с фактической стороной двух славных эпизодов испанской истории: великой национально-освободительной войны против Наполеона — революции 1808—1814 годов — и революции 1820—1823 годов.

Автор в основном правильно характеризует революцию 1820—1823 годов: «Лучше всего о слабости испанского движения можно судить, сопоставляя его с Великой буржуазной революцией во Франции. Якобинцы убрали с исторического пути Франции выродившуюся династию, испанские же либералы робко останавливались у ступеней трона. Французская революция... совершила величайший переворот в сознании народа, сумев показать ему подлинное лицо церкви. Кастильская же конституция в одном из первых своих пунктов отвесила низкий поклон величайшему национальному злу, раковой опухоли, источавшей все материальные и духовные силы страны, — «единой истинной религии, католической, апостолической, римской». Наконец, революция французоз

дала крестьянам землю и, таким образом, связала их неразрывно со своею судьбою. Движение же испанских либералов не пошло в этом жизненном деле дальше отмены феодальных привилегий и прав сеньоров². «Нейтрализованное» таким образом крестьянство стало впоследствии легкой добычей контрреволюции» (стр. 390 — 391).

Автор, по существу, правильно, но не совсем удачно с точки зрения терминологии подчеркивает основную проблему буржуазной революции в Испании. «Защищая право на землю «святого подвижника — испанского мужика» (как пошло в Испанию такое сугубо русское, народническое выражение? — Н. К.), либералы едва ли постигали, что судьба их партии, подготавливаемой ими конституции, что участь всей революции зависит от того, добьются ли они земельного передела. Новая Испания стояла или рушилась вместе с тем или иным решением этой великой задачи» (стр. 168).

Совершенно неправильно характеристику дает тов. Ревзин испанскому крестьянству. Здесь сказалось влияние на автора буржуазных историков и мемуаристов, которые все писали о враждебном отношении крестьянства к конституции 1812 года и революции 1820 года. Роялисты вообще любят писать о монархической природе крестьянства, а буржуазные авторы пытаются свалить на «реакционное мужичье» вину за поражение революции. Г. Ревзин не проявил в трактовке этого вопроса необходимого для советского писателя политического и исторического чутья. Он отнесся неκριптически к рассказам реакционных и буржуазно-либеральных авторов и повторил миф о реакционности испанского крестьянства. Правда, автор на стр. 422 правильно объясняет равнодушие крестьян к судьбе конституционного режима в 1823 году тем, что конституционное правительство им ничего не дало, но все изложение внушает читателю мысль, что испанское крестьянство в целом было реакционно и что революция потерпела поражение именно из-за реакционности крестьянства. Чтобы лучше убедить читателя в справедливости взглядов Мартиньяков и Миньяко, Г. Ревзин не постеснялся изобразить следующим образом прием, который провозглашение конституции якобы встретило у крестьян:

² До мая 1823 года были отменены только некоторые несущественные привилегии и права сеньоров, но не их феодальные земельные права, которые были более всего обременительны для крестьянства.— Н. К.

¹ Carmen de Burgos «Riego». Un-crímen de los Borbones. Madrid. 1931.

«Глухой бас скрипел раздраженно:

— Покою нет от них, столичных нехристей. Опять старое затеяли. Помнишь, когда дрались с французами...

— Отец Сальвадор говорит, что это все только для видимости, чтобы королю легче было переловить всю свору. Из Мадрида велено пока что присягать этой самой... Тьфу, нечистая сила, и не выговоришь — конститусии (! — Н. К.) Ох, что это, Иисусе сладчайший, мать божия!..

Из придорожных кустов выскочило двое взлохмаченных, оборванных бродяг. Издавая печлепозаздельные вопли, они со всех ног бросились в сторону деревни. Крестьяне долго молча глядели им вслед, затем злобно выругались и поплыли дальше» (стр. 357). Читатель, не думайте, что это разбойники возмутили крестьян: то были Рафаэль дель Риэго и будущий министр иностранных дел конституционного правительства Эваристо Сан Мигель!

Здесь комментарии, кажется, излишни...

В разных местах автор пытается показать, что страх перед реакционным крестьянством сковывал руки либералам и удерживал их от более революционных мер (см., например, на стр. 390: «Либералы понимали, что королевская власть гибельна для страны, но они боялись вооруженной Европы и не решались восстать против народного предрассудка»).

Неправда! Если бы испанские крестьяне получили землю от республиканского правительства, они бы расстались с монархией с таким же удовольствием, как и французские крестьяне в 1792 году.

А о том, как крестьяне приняли конституцию, свидетельствует человек, столь далекий от революционных симпатий, как русский консул в Аликанте: описав провозглашение конституции крестьянами в местечке Алхесарес (около Мурсии), консул делает вывод: «Общественное мнение высказывается все более открыто за конституцию, которая распространяется даже в наименее цивилизованных коммунах и деревнях, что указывает на то, что нация вообще расположена в пользу восставших»¹. Донесение написано в конце февраля 1820 года, когда король еще не присягнул конституции и когда еще продолжался героический поход Риэго по Андалусии.

Как только открылась сессия кортесов в июле 1820 года, она стала получать жалобы сеньоров на отказы крестьян платить феодальные повинности. Из одной такой жалобы мы узнаем, что уже весной 1820 года «некоторые коммуны присвоили себе доход с лесов и земель,

принадлежащих поместьям инфантов, под предлогом, что эти поместья больше не существуют (как феодальные владения. — Н. К.), согласно новых законов»². 25 августа герцогиня Бенавенте жаловалась, что в различных принадлежащих ей деревнях крестьяне отказываются платить земельные повинности. 28 августа сразу пять титулованных землевладельцев жаловались на отказ крестьян вносить повинности. 1 сентября маркиз Альбудейте, 3 сентября граф Мората, 7 сентября дон Лукас де Сафра и граф Мирафлорес выступили с такими же заявлениями³. В Авиле крестьяне разделили между собой все земли герцога Мединасели⁴. Перелистывая протоколы заседаний кортесов за 1820—1821 годы, можно найти много таких случаев.

Еще большую активность крестьянство стало проявлять в 1821 году в связи с обсуждением в кортесах закона об отмене сеньориальных прав. 25 марта депутат Лопес заявил в кортесах: «Бесчисленное количество деревень... не только отказалось платить повинности бывшим сеньорам, но и завладело их землями, пастбищами, лесами и, под тем предлогом что они в силу ст. 5 закона 6 августа 1811 г. перестают принадлежать старым владельцам, отказываются платить арендную плату, обращая землю в свою собственность и в некоторых местах даже продавая ее с аукциона». Увеличилось количество крестьянских петиций об отмене феодальных повинностей. Принятие кортесами закона от 8 июня 1821 года вызвало волну приветствий от крестьян. В одном из этих приветствий крестьяне подтверждали свои «торжественные обещания быть верными конституции и конституционному королю и скорее умереть, чем допустить малейшее нарушение священного пакта, который объединяет и идентифицирует интересы монарха и народа»⁵.

Можно ли после всего этого заявлять: «В эту весну революции только одна часть испанцев оставалась в прежнем состоянии неподвижности и политической спячки — испанское крестьянство, три четверти всего народа» (стр. 364)? В первые годы революции испанское крестьянство проявляло большую активность, огромный интерес к конституции и к деятельности кортесов. Оно не относилось и

² МИД, канц. 1820 г., д. 7567, л. 377.

³ «Diario de las cortes. Sesiones ordinarias del año 1820». Т. I, pp. 648, 688, 751, 780, 853.

⁴ МИД, канц. 1820 г., д. 7565, л. 210.

⁵ «Diario... 1821». Т. I, pp. 678, 1564, 1598, 1616, 1654, 1690.

¹ Архив министерства иностранных дел. Канцелярия 1820 г., д. 6, л. 45—46.

не могло относиться пассивно и равнодушно к революции, потому что оно ожидало от революции, от кортесов землю. Но в течение двух с половиной лет у власти находились «модератос» — представители либерального дворянства, которые никак не хотели расстаться со своими вековыми привилегиями, со своей монополией на землю. Буржуазия, которая добивалась отмены феодального землевладения, не проявила в этом деле достаточной решительности и настойчивости. Она не только не показала крестьянству примера революционной расправы с феодализмом, а, наоборот, громко осуждала случаи самовольного захвата крестьянами сеньориальных земель. Когда в мае 1823 года закон об отмене сеньориальных прав после двух королевских вето (в 1821 и 1822 годах), наконец, вступил в силу, его уже нигде было применять, да и некому. В провинциях, еще не занятых интервентами и роялистами, управляли «конституционные» генералы — дворяне, которые вовсе не были заинтересованы в проведении закона в жизнь. К этому времени крестьянство уже было разочаровано напрасным ожиданием земли в течение трех лет и устало от гражданской войны. И все же в 1823 году многие крестьяне защищали конституцию с оружием в руках в отрядах герриллеров¹.

Следовательно, причины поражения революции 1820—1823 годов надо искать не в крестьянстве, которое в истории никогда самостоятельной роли в революции не играло и всегда нуждалось в руководстве со стороны другого революционного класса, а в слабости испанской буржуазии, которая оказалась неспособной решительно разделаться с феодализмом и не хотела или не сумела превратить крестьянство в активную революционную силу.

Взгляд тов. Ревзина на роль испанского крестьянства (т. е., по существу, испанского народа) привел к тому, что книга о славном революционере оказалась пессимистичной. Она не внушает веры в революционные силы героического испанского народа. Где славные традиции борцов 1820—1823 годов? Где связь между 1820 и 1936 годами? Тов. Ревзин ее не показал. А ведь испанский народ сложил романсеро о Риэго! Гимн Риэго — национальный гимн республики 1936—1939 годов — раздавался всегда, когда на улицах Испании лилась кровь революционеров (по выражению одного испанского историка). А тов. Ревзин, изображая гибель Риэго, увидел только глумившихся над ним попов и монахов. Автор не заметил тех, кто явился продолжателем де-

ла Риэго. Реакционная чернь заслонила от тов. Ревзина и подменила собой весь испанский народ.

Нельзя так писать историю!

Некритическое использование педоброкачественной литературы сказалось и на характеристике самого героя книги и привело автора к созданию исторически ложного образа.

Штатал ли Риэго в глубине души симпатии к республике, мы не можем сказать, но публично в 1820—1823 годах он никогда не выступал как республиканец. Так называемый «республиканский заговор» в августе 1821 года в Сарагосе был провокацией. Его руководитель Монтарло через год был арестован как французский шпион². Даже интервенционист Мартиньяк признает, что правительство никогда не представило серьезных доказательств причастности Риэго к «заговору». Реакционное правительство Фелиу пыталось связать имя Риэго с «республиканским заговором» для того, чтобы скомпрометировать его и его политических друзей, «эксальтадос», в глазах народа. Республика тогда еще являлась пугалом для большинства народа, и реакция старалась изобразить революционеров — эксальтадос республиканцами, чтобы оттолкнуть от них массы (еще раз подчеркиваем, что приверженность к монархической форме правления отнюдь не означает привязанности испанского народа к феодально-абсолютистскому строю, как утверждают буржуазные и реакционные писатели и вслед за ними тов. Ревзин). Как раз в связи с сарагосским «заговором» Риэго публично отвергал приписываемые ему республиканские взгляды³.

Из всего этого следует, что попытка тов. Ревзина изобразить Риэго участником «республиканского заговора» в Сарагосе (см. стр. 396—397) явно несостоятельна.

Демократизм Риэго проявлялся в его отношении к солдатам, в организации и поддержке патриотических клубов, в разрешении споров крестьян с помещиками в пользу первых, а вовсе не в развязном поведении в театре «Пюписипе». Неверно изображать Риэго плебейским вожаком. Он им не был. Он был дворянин-офицер, а в политике — представитель революционной буржуазии, один из лучших, наиболее революционных ее представителей, но все же не представитель городского плебса, хотя и являлся его кумиром. Риэго никогда не говорил непримиримым паролным языком французской якобинской газеты «Отец Дюшен». Несмотря на свою рево-

¹ См. «Таймс» за август — сентябрь 1823 года.

² См. «Таймс» от 16 ноября 1822 года.

³ «Таймс» от 25 января 1822 года.

люционную страстность Риэго в публичных выступлениях и политических спорах всегда были чрезвычайно сдержаны и не позволял себе никаких резкостей, которые ему приписывает автор.

Преследуемый врагами, Риэго обратился к своим друзьям — и это было его ошибкой — с призывом не обострять борьбу с «модератос», а объединиться со всеми сторонниками конституции, в том числе умеренными (к которым он как раз относил министров 1820 года: Аргуэльеса, Кангу и других), для борьбы против врагов революции¹. Риэго не понимал, что люди, называвшие себя «умеренными» конституционалистами, по существу являлись врагами революции и что с ними нужно было бороться так же, как и с открытыми врагами. Риэго не собирался поднимать народ на борьбу против министерства Аргуэльеса. Поэтому ему незачем было устраивать и он не устраивал вызывающей демонстрации в театре 1 сентября, о которой сообщает тов. Ревзин (см. стр. 382—383)², доверившийся недобросовестным авторам и дающий фальшивое изображение героя испанской революции.

Кем же был Риэго? Он был не политический вождь революции, а, скорее, ее рыцарь — «рыцарь без страха и упрека». Риэго первым поднял знамя конституции 1812 года в январе 1820 года. Он больше чем кто-либо сделал для победы революции в январе—марте 1820 года, поддерживая вспыхнувшее в Кадиксе восстание до тех пор, пока оно не охватило Галисию, Арагон, Каталонию и, наконец, Мадрид. После победы революции (присяга короля конституции 8 марта 1820 года) Риэго остался во главе андалусской национальной армии — восстановительницы и первой хранительницы конституционного строя, и летом 1820 года он боролся всеми доступными для него легальными путями против ее роспуска, но безуспешно. Риэго упорно отказывался от всех почестей и наград, которыми его осыпали правительство и кортесы. Будучи любимцем народа, он оставался исключительно скромным. Он выступал на первый план только тогда, когда революция оказывалась в опасности. Так, в июле 1822 года он организовал подавление роялистского мятежа в Мадриде. В августе 1823 года, когда почти во всей Испании уже свирепствовал белый

террор роялистов, которым вернули власть французские интервенты, когда гибель революции была так же очевидна, как несомненна была и гибель Риэго, если он попадет в руки абсолютистов, когда, кроме доблестного Мины, уже предали революцию все виднейшие генералы, — Риэго покинул заседания кортесов и ушел в армию, пытаясь сплотить, воодушевить и повести на врага последние вооруженные силы конституционного правительства. Но армия уже была дезорганизована повсеместной офицерской изменой, и Риэго погиб вместе с революцией. Это был человек кристальной моральной чистоты, скромный, храбрый, бескорыстный, беззаветно преданный делу освобождения своей родины от деспотизма.

Надо отметить также ряд фактических ошибок в книге.

Неправильна характеристика положения в стране осенью 1821 года. Контрреволюционные действия правительства Фелику (которое нельзя противопоставлять реакции, как это делает автор на стр. 399, ибо оно являлось скрытым авангардом реакции и делало то же дело, что и роялистские банды Мосен Антона и Трапшиста) вызвали повсеместное движение народа за смену министров. Победа досталась народу (а не реакции, как говорит автор), ибо королю пришлось несмотря на все свое нежелание уступить и уволить ненавистных министров в январе 1822 года. Как раз в результате этого массового революционного под'ема и вопреки всем проискам реакции в кортесы 2-го созыва были выбраны левые депутаты. Но движение в целом не приобрело противонархического характера, как утверждает автор на стр. 398. Лишь очень редко в представлениях к королю встречались угрозы расправы с ним, если он не уступит желаниям народа.

Исторически невозможно сочиненное автором на стр. 407 обращение Фердинанда к мятежным гвардейцам. Испанский король Фердинанд VII не мог давать такие директивы восставшим, какие дает Фердинанд Ревзина. Не Фердинанд выработал план мятежа, не он руководил его исполнением; и уж, конечно, он не мог сказать, что «если бы даже и произошло что-либо непредвиденное, наше дело послужит прекрасным поводом для вступления в Испанию французских войск» (стр. 407). Фердинанду было важно не только восстановить абсолютизм, а прежде всего восстановить свою собственную абсолютную власть. Собственная гибель никак не входила в его расчеты, и он никогда не мог бы так хладнокровно рассуждать о подобной «неожиданности». Незачем было

¹ См. МИД, канц. 1820 г., д. 9108, л. 259.

² В лондонской газете «Таймс» от 11 января 1821 года помещены отрывки из заявления Риэго, в котором он отвечает на обвинения, брошенные ему министром внутренних дел 7 сентября 1820 года. Рассаясь эпизода в театре, Риэго называет «Трагала» «мерзкой песней» и говорит, что ушел из театра, как только стали петь ее.

заговорщикам арестовывать Морильо и Сан-Мартина, ибо они сами участвовали в заговоре¹.

Слишком много дифирамбов расточает автор по адресу Карла III. Не он был столь просвещен, прогрессивен и антиклерикален, как сказано у автора, а его министры и его время. Он был достаточно умен, чтобы не идти против течения.

Из многочисленных мелких неточностей отметим несколько. Фамилия героя книги — не Риэго-и-Нуньес (см. стр. 81), а Риэго-и-Флорес. Испанская двойная фамилия составляется из фамилии отца и матери. Поэтому сын не носит ту же двойную фамилию, что и отец, как думает тов. Ревзин.

Риэго не был председателем кортесов летом 1823 года, как, по прихоти автора, заявляет Кирога (стр. 426). Председатели кортесов выбирались только на один месяц. Риэго председательствовал в марте 1822 года, но не в августе 1823 года.

Граф Торено, которого на стр. 452 автор объявляет «офранцузенным»², был одним из виднейших деятелей кортесов 1810—1813 годов, руководивших борьбой испанского народа против Наполеона. Вряд ли он мог быть «офранцузенным»!

Стиль книги неоднороден. Историческое повествование перемежается, а в конце книги совсем уступает место беллетризованной биографии героя. Нам кажется, что от этой беллетризации, при которой автор представил нам своего героя через

¹ См. брошюру «Bosquejo del plan de la conspiración del 7 de Julio» в архиве МИД, канц. 1822 г., д. 7573, л. 199.

² «Офранцузенными» («afrancesados») назывались испанцы, которые поддерживали короля Жозефа Бонапарта, посаженного Наполеоном на испанский престол в 1808 году. Испанский народ презирал и ненавидел их.

посредство сочиненных диалогов и спен, книга не выиграла. Например выступление барселонского кушца на заседании масонской ложи (стр. 255—256) похоже на главу из учебника, рассказывающую о положении купечества перед буржуазной революцией, и в то же время речь эта перемежается такими отнюдь не испанскими выражениями, как: «говорить красно», «пляшет под дудку», «к примеру», «отсюда и пошла такая песуразица» и т. д.

Распределение материала в книге нам кажется не совсем удачным. Исторические предпосылки революции 1820 года, конечно, надо было показать. Но они не должны были занимать $\frac{2}{3}$ книги. Если о самом Риэго нечего было сказать больше, чем сказано автором, то книга только выиграла бы, если бы она была сокращена вдвое.

Очень досадно, что в тексте нигде нет ссылок на источники. Ведь читатель не обязан верить историку на слово.

Книга неплохо оформлена портретами и рисунками. Непонятно только, зачем понадобился чрезвычайно неудачный портрет, помещенный в начале книги. Известно, что реакционные авторы и издатели, пытавшиеся изуродовать моральный облик Риэго, стремились соответствующим образом изобразить и его физический облик. Но зачем нашим издателям понадобилась эта мазня, когда они имеют в своем распоряжении прекрасные портреты Риэго?!

Жизнь Рафаэля дель Риэго, его достоинства, его ошибки чрезвычайно поучительны и для нас — строителей нового человеческого общества, уничтожившего всякое классовое угнетение. Настоящая, научная биография этого замечательного революционера может и должна быть создана.

Н. КОСРЕЗ

Новинки исторической литературы

ЛЕНИН В. И. О Коммунистическом Интернационале. Сборник. М. Политиздат. 1940. 208 стр. и 4 вкл. л. портр. 25 000 экз. 3 руб.

В настоящий сборник вошли тезисы, доклады и речи В. И. Ленина на I, II, III и IV конгрессах Коммунистического Интернационала за 1919—1922 годы. В сборник включен также ряд речей, статей и писем Ленина, характеризующих обстановку, в которой создавался III Интернационал, и его всемирноисторическое значение для развития международного революционного рабочего движения. Весь материал сборника (34 произведения) расположен в хронологическом порядке. В конце книги даны примечания и указатель имен.

СТАЛИН И. В. О диалектическом и историческом материализме (сентябрь 1938 года). М. Политиздат. 1940. 36 стр. 450 000 экз. 20 коп.

Отдельное издание классической работы об основах диалектического и исторического материализма, работы, написанной товарищем Сталиным специально для 2-го раздела IV главы «Краткого курса истории ВКП(б)».

СТАЛИН И. В. Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии (Записки делегата). М. Госполитиздат. 1940. 68 стр. и III вкл. л. 10 000 экз. 6 руб.

Статья товарища Сталина о V съезде РСДРП, состоявшемся 13 мая—1 июня 1907 года в Лондоне, помещенная на страницах газеты «Бакинский пролетарий» в 1907 году. От предыдущих изданий этого исторического документа книга отличается художественным оформлением и наличием 11 иллюстраций, факсимиле, диаграмм и карт на отдельных листах, в том числе: факсимиле заявления, написанного товарищем Сталиным от имени закавказской делегации большевиков в президиум съезда, фотокопия газеты «Бакинский пролетарий», карта-схема организаций, представленных на съезде, репродукция с картины художника Ю. Казмичева «Ленин, Сталин и Горький среди делегатов V съезда» и др.

СМИРНОВСКИЙ В. Борьба Ленина и Сталина за создание Третьего, Коммунистического Интернационала. Л. Лениздат. 1940. 72 стр. 12 000 экз. 2 руб.

Книга освещает три основных момента борьбы Ленина и Сталина за создание Коммунистического Интернационала: 1) идейную подготовку Коммунистического Интернационала (разоблачение оппортунизма партий II Интернационала), 2) организационное сплочивание революционных интернационалистов (Циммервальд и циммервальдская левая) и 3) борьбу за созыв I конгресса Коминтерна.

ЧАГИН Б. Борьба Ленина за марксистский материализм в девяностых годах. М. и Л. Соцэкгиз. 1940. 240 стр. 10 000 экз. 6 руб.

Книга освещает один из важнейших периодов истории большевистской партии—борьбу Ленина за марксистский материализм, против народников (глава I), против «легальных марксистов» (глава II) и против бершштейнства и его русской разновидности—«экономизма» (глава III).

РИШАР Г. Депутаты—коммунисты Франции—перед судом виновников ее разгрома (Процесс депутатов—коммунистов Франции—20 марта—3 апреля 1940 г.). М. Госполитиздат. 1940. 48 стр. 25 000 экз. 75 коп.

Содержание книги шире ее заглавия. В ней мы находим не только рассказ о процессе 44 коммунистических депутатов французского парламента, но и освещение всей внутренней политической обстановки во Франции за последние 3—4 года: политика правительства империалистической буржуазии, направленная к разложению народного фронта и взрыву его изнутри, беззаботное отношение правящих групп к укреплению обороноспособности страны и подозрительные «интернациональные» связи отдельных представителей финансового капитала, предвоенное наступление правительства Даладье на рабочий класс, разгул политических репрессий с началом войны и пр.

История СССР. Альбом наглядных пособий (подготовлен к печати научными сотрудниками историко-партийного кабинета Высшей школы парторганизаторов при ЦК ВКП(б). Под ред. проф. В. И. Лебедева. М. Госполитиздат. 1939—1940.

До января 1941 года вышли в свет пять первых выпусков этого альбома: Вып. I. Наша родина в далеком прошлом и Киевское государство (26 листов размером 56 × 72 см). Вып. II. Феодалные княжества XI—XV веков и борьба за создание Русского государства (29 листов). Вып. III. Создание Русского национального государства и превращение его в многонациональное (25 листов). Вып. IV. Русское государство в XVII веке (33 листа). Вып. V. Образование Российской империи помещиков и кушцов (30 листов).

К каждому выпуску альбома приложена брошюра с пояснительным текстом и указанием литературы к каждому листу альбома.

Альбом издается тиражом в 13 000 экз., цена—100 рублей за выпуск.

Проблемы источниковедения (Труды Института истории Академии наук СССР. Сборник третий. Ответ. ред.—акад. Б. Д. Греков). М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 422 стр. 2000 экз. 17 руб.

Сборник содержит 11 статей и 5 кратких сообщений: Персидские официальные документы XVI—начала XIX века как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении (И. П. Петрушевский). «Сказки» XVIII века как источник для истории Казахстана

(М. М. Вяткин). Уйгурские юридические документы (А. Н. Бернштам). Труды Семена Ремезова [родился около 1663 года, умер в 1715 году] по географии и этнографии Сибири (А. И. Андреев). Московская редакция Русской Правды (И. А. Максимейко). Татищевские списки Русской Правды (Г. Л. Гейерманс). Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в Северозападной Руси в XIII веке (Н. Л. Бауэр). Элементы легенды в жалованной грамоте великого князя Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю (Б. А. Романов). О Вологодско-Пермской летописи (М. Н. Тихомиров) и др.

БЕЛАВЕНЕЦ П. И. Материалы по истории русского флота. М. и Л. Военмориздат. 1940. 152 стр. с илл., черт. и карт. 11 р. 20 к.

Переиздание (с некоторыми сокращениями) книги «Значение флота в истории России», вышедшей в свет в 1914 году. Автор дает довольно полный обзор плаваний и боевой деятельности древних русских мореходов (киевских славян и новгородцев), более коротко излагает морские походы русских в XIV—XVIII веках и, наконец, очень кратко освещает военноморскую историю России в XIX—XX веках (кончая русско-японской войной 1904—1905 годов).

СОБОЛЕВ Л. С. Краснознаменная Балтика (очерк). М. и Л. Военмориздат. 1940. 120 стр. 90 коп.

Очерки боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота в гражданской войне 1918—1920 годов и в советско-финляндской войне 1939—1940 годов, написанные в полубеллетристической форме.

20 лет под игом польских панов (Львовский областной исторический архив). Киев. Госполитиздат УССР. 1940. 64 стр. 15 000 экз. 1 р. 20 к. На украинском языке.

Сборник, составленный сотрудниками Львовского исторического архива (под ред. С. Фурмана) по материалам Львовского и других архивов Западной Украины о 20-летнем господстве польских панов над народами Западной Украины (1919—1939 годы). Документы свидетельствуют о колониальной политике польских панов на Западной Украине, о национальном и политическом гнете в панской Польше, о социальной и национально-освободительной борьбе трудящихся Западной Украины, о контрреволюционной деятельности буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и групп, об освобождении Западной Украины доблестной Красной Армией и, наконец, о только что минувшем первом годе бурного социалистического строительства в западных областях Украины.

КУЛИК И. Провал польского плана в 1920 году (Украинский филиал ИМЭЛ при ЦК КП(б)У). Киев. Госполитиздат УССР. 1940. 44 стр. 10 000 экз. 60 коп. На украинском языке.

В восьми главах книги дается исторический очерк советско-польской войны

1920 года. В приложениях помещены шесть исторических документов и хроника важнейших событий с 9 января по 21 августа 1920 года.

ЧЕБОТАРЕВ Е. Крестьянское движение на Украине в 1917 году (Украинский филиал ИМЭЛ при ЦК КП(б)У). Киев. Госполитиздат УССР. 1940. 52 стр. 10 000 экз. 70 коп. На украинском языке.

В книге последовательно освещены положение крестьянства на Украине перед 1917 годом, крестьянское движение в первые месяцы после февральской буржуазно-демократической революции, борьба Временного правительства с крестьянским движением, руководство крестьянским движением со стороны большевистской партии, рост национально-освободительного движения на Украине, нарастающие революционный кризис в июле—сентябре 1917 года, победа Великой Октябрьской социалистической революции, контрреволюция на Украине (Центральная Рада), разгром Рады и восстановление на Украине советской власти.

ПРЕМЫСЛЕР И. Украинская Советская Социалистическая Республика. Краткий исторический очерк. Киев. Госполитиздат УССР. 1940. 72 стр. с илл. 10 000 экз. 1 р. 40 к. На украинском языке.

Книжка состоит из трех частей. В первой части дан беглый очерк истории украинского народа от X века до Октябрьской революции. Затем излагается ход Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Украине. Последняя треть книги посвящена обзору социалистического строительства в УССР за минувшие 23 года.

ЛОЧМЕЛЬ И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М. Воениздат. 1940. 164 стр. 2 р. 50 к.

В восьми главах книги дан беглый очерк истории Белоруссии со 2-й половины XIII века до наших дней. Особое внимание уделено борьбе белорусского народа против вековых притязаний польских панов на белорусские земли. Отдельные главы книги посвящены борьбе белорусского народа против польских панов в конце XVI века (восстание Наливайко в 1595—1596 годах), в период освободительной войны украинского народа против польского владычества (1648—1654), в XVIII и XIX веках (в частности восстание 1863 года под руководством Кастюся Калиновского), в период польской оккупации в 1919—1920 и в 1921—1939 годах. Последняя глава книги описывает освобождение Западной Белоруссии войсками Красной Армии и воссоединение белорусского народа.

Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 годах. Сборник воспоминаний и документов. Подготовили к печати О. Шекун, Р. Кроль и Н. Трусова. В подготовке сборника и в литературной обработке участвовали белорусские писатели З. Бядуля, М. Лыньков, М. Понсекович, К. Черный, А. Шарашов, Ф. Шинклер (Секретариат Главной редакции

«История гражданской войны». Гражданская война в СССР в очерках и воспоминаниях участников). М. Госполитиздат. 1940. 192 стр. с илл. 25 000 экз. 8 руб.

Сборник составлен из воспоминаний рабочих, колхозников, красных партизан и работников большевистского подполья. Всего в сборнике помещено 20 воспоминаний и очерков, рисующих насилия польских оккупантов, и 13 воспоминаний и очерков о народной войне против захватчиков. В начале книги дан краткий очерк событий на территории Белоруссии со 2 февраля 1919 года (открытие I белорусского съезда советов) по 11 июля 1920 года (освобождение Минска от белополяков). В конце книги приложено 7 архивных документов.

Значительное место отведено в книге пребыванию (в июле—сентябре 1919 года) на территории Советской Белоруссии товарища Сталина, организовавшего отпор польским захватчикам.

ГЕНКИНА Э. Борьба за Царицын в 1918 году (Секретариат Главной редакции «Истории гражданской войны»). М. Политиздат. 1940. 220 стр. с илл. и факсим. и 7 вкл. л. портр. и карт. 50 000 экз. 7 р. 50 к.

Книга посвящена героической обороне Царицына от красновских банд. Автор рассказывает, как части Красной Армии и царицынский пролетариат под руководством товарищей Сталина и Ворошилова и их ближайших помощников Буденного, Пархоменко, Кулика, Щаденко и Руднева отразили наступление белых и отстояли красный Царицын.

ВОЛЬФСОН Б. Конец авантюры барона Врангеля. Симферополь. Госиздат Крымской АССР. 1940. 120 стр. 7000 экз. 4 руб.

В книге описано врангелевское «царствование» в Крыму—от начала апреля 1920 года, когда командование английскими оккупационными войсками заменило Деникина Врангелем, и до начала ноября того же года, когда Красная Армия под руководством М. В. Фрунзе взяла штурмом Перекоп. Отдельные главы книги описывают приход Врангеля к власти, внутреннюю и внешнюю политику барона, подпольную борьбу большевистской партии, выступления красных партизан, освобождение Крыма от врангелевцев и, наконец, первые месяцы советского строительства в Крыму.

МИТЕЛЬМАН М. Борьба партии большевиков за упрочение советской власти (1917—1918 годы). М. Политиздат. 1940. 120 стр. с факсим. и портр. 50 000 экз. 2 руб.

В книге описывается первый период советской власти—до начала интервенции и гражданской войны: создание нового государственного аппарата, строительство Красной Армии, подавление контрреволюционных выступлений, разгон Учредительного собрания, организация управления народным хозяйством, ликвидация пережитков крепостничества (отмена сословий, уничтожение корней крепостничества в деревне, уничтожение неравноправия женщин, от-

деление церкви от государства, разрушение режима национального гнета).

СИМОНОВ Н. Ф. Большевистская печать в Туркестане (1902—1907 годы) (Институт литературы, языка и истории Узбекского филиала Академии наук СССР). Ташкент. Изд. АзФАН. 1940. 48 стр. с илл. 1800 экз. 1 р. 50 к.

В книге дается обзор социал-демократических изданий в Туркестане за время первой русской революции. Вместе с тем освещается вопрос о связях социал-демократических организаций Туркестана с организациями Петербурга, Москвы, Баку и других городов, а также о распространении в Туркестане заграничной и центральной большевистской печати и отдельных работ классиков марксизма-ленинизма. Последние главы книги рассказывают об использовании большевиками Туркестана легальной печати и о преследовании газет «Русский Туркестан» и «Самарканд» царской администрацией.

Литературное наследие Г. В. Плеханова. Под ред. П. Ф. Юдина, Р. М. Плехановой и М. Т. Иовчука. Сборник VIII. Группа «Освобождение труда». Со вступительной статьей акад. Ем. Ярославского. Часть 1-я. 1883—1894. Под ред. П. Ф. Юдина и М. Т. Иовчука (Государственная ордена Трудового красного знамени Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Дом Плеханова). М. Соцэкгиз. 1940. XLIII + 308 стр. с илл. и факсим. 10 000 экз. 9 р. 75 к.

В настоящий сборник включены работы Плеханова, характеризующие подготовку и деятельность группы «Освобождение труда» за 1883—1894 годы: статьи, обращения к международным революционным организациям, речи на международных социалистических конгрессах (Париж—1889 год, Цюрих—1893 год), переписка Плеханова и других членов группы с Марксом, Энгельсом, а также с Лавровым и другими лицами. Материалы эти частично были уже опубликованы в разных изданиях, частично печатаются по рукописям, хранящимся в Доме Плеханова в Ленинграде. Все материалы даны в строго хронологическом порядке, за исключением двух первых статей («Предисловие к первому тому Женевского издания сочинений Плеханова». 1905, «Первые шаги социал-демократического движения в России». 1909), которые хронологически выходят за рамки сборника и являются как бы введением к нему. Всего сборник содержит 26 статей и речей и 52 письма.

В начале сборника дана вступительная статья тов. Ем. Ярославского «Группа «Освобождение труда» и ее историческое значение», а в конце его помещены предметный, библиографический и именной указатели.

НЕРСИСЯН М. Народнические организации в Закавказье (Институт истории и археологии Армянского филиала Академии наук СССР). Ереван. Изд-во Арм.ФАН. 1940. 120 стр. 1500 экз. 6 руб.

Первая научная работа на эту тему написана в значительной части на основе

неопубликованных материалов. В книге прослежена судьба шести народнических организаций, работавших в Закавказье (главным образом в Тифлисе) в разное время в период 1875—1885 годов.

Основной текст работы дан на армянском языке; на русском языке напечатаны предисловие Института истории и археологии Арм. ФАН, резюме работы и три документальных приложения.

Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. V. Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин. Редактор Н. Л. Менцераков. М. 1940. 100 стр. 3000 экз. 5 руб.

В настоящем сборнике опубликованы (большой частью впервые) неизданные отрывки из некоторых прозаических произведений Н. А. Некрасова, несколько его писем и ряд документов из истории борьбы Некрасова с цензурой, переписка Н. Г. Чернышевского с Д. А. Милютиным и В. А. Гольцевым, письмо о Чернышевском К. Д. Кавелина к М. Н. Каткову и ряд отзывов о М. Е. Салтыкове-Щедрине из писем и воспоминаний его современников.

АРИСТОВ С. И. Серпуховские текстильщики. М. и Л. Гизлетпром. 1940. 76 стр. с илл. 4000 экз. 1 р. 95 к.

Книга дает прежде всего богатый исторический очерк Серпухова (с первого упоминания о нем в исторических документах в 1328 году). Затем даются очерк дореволюционного быта и революционной борьбы серпуховских текстильщиков и сведения об участии серпуховских рабочих в гражданской войне. Последняя, пятая глава книги рисует лицо современно Серпухова — одного из крупнейших советских центров текстильной промышленности. Книга написана на основании печатных и архивных источников, а также личных воспоминаний автора.

ИВАНОВ К. И. Переяславль-Залесский в прошлом и настоящем. Ярославль. Обл. изд-во. 1940. 168 стр. с илл. 10 000 экз. 3 р. 30 к.

В 12 главах книги последовательно описываются: доисторическое прошлое территории Переяславль-Залесского и ее обитателей (по археологическим данным); судьбы города в составе Ростово-Суздальского княжества (основан в 1152 году князем Юрием Владимировичем Долгоруким) и под властью великого князя московского; участие Переяславля в борьбе с польской интервенцией в начале XVIII века; Переяславльская флотилия Петра I на озере Плещееве в 1688—1693 годах; Переяславль в XVIII и первой половине XIX века и после падения крепостного права; первая рабочая стачка (декабрь 1894 года); как печаталась вблизи Переяславля работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»; Переяславль-Залесский в период революции 1905 года; стачка переяславльских текстильщиков в феврале—марте 1914 года; Переяславль в период Великой Октябрьской социалистической революции

и гражданской войны и, наконец, лицо Переяславля в годы сталинских пятилеток.

РЕПИН М. Е. Касли. Исторический очерк. Челябинск. Обл. гос. изд-во. 1940. 200 стр. 8000 экз. 4 руб.

Популярный очерк истории Каслинского чугунолитейного завода, построенного в 1747—1748 годах тульским купцом Яковом Коробковым. В первой главе книги даны общие сведения из истории Урала, начиная с XII века.

Книга содержит материал о быте уральских рабочих в XVIII—XIX веках, о волнениях приписанных к заводам крепостных крестьян, об участии уральских крестьян и рабочих в пугачевском восстании и о рабочем движении на Касли и в его округе. Уделено внимание развитию техники и экономики Каслинского завода. Последние страницы книги рисуют Касли наших дней.

На стр. 196—200 указан использованный автором книги материал (литература, документы, рукописи и устные воспоминания).

Гигант индустрии социализма. 75-летие комбината «Красный Профинтерн». Составлено бригадой авторов: О. Александровой, С. Беляковым, О. Мордвилко и др. Орел. Изд. Орловского обл. совета депутатов трудящихся. 1940. 152 стр. с илл. 10 000 экз. 5 руб.

Первый раздел книги посвящен дореволюционному прошлому завода «Красный Профинтерн» (в Бежице, нынешнем Орджоникидзеграде, Орловской области): лесораспилочному шпальному заводу Губонина (1865—1873 годы) и выросшему из него Брянскому рельсопрокатному, железоделательному и механическому заводу акционерного общества (основан в 1874 году). Описываются быт рабочих и революционное движение на заводе (в частности августовская стачка 1898 года, мартовская забастовка 1905 года).

Во втором разделе рассказывается об участии завода в Великой Октябрьской социалистической революции и в гражданской войне.

Остальные 10 глав книги посвящены жизни «Красного Профинтерна» в наши дни — стахановскому движению, лучшим людям завода, культурной жизни завода и др.

Методическое пособие по истории. Вып. IV. Новая история. Часть 2-я (1871—1918 годы). Для 9-го класса средней школы. Состав. А. В. Ефимов, А. П. Аверьянов, В. А. Орлов и др. Под ред. проф. А. В. Ефимова и доц. А. В. Фохт. Утверждено Наркомпросом РСФСР. Изд. 2-е, исправл. и дополн. (Гос. научно-исследов. институт школ НКП РСФСР). М. Учпедгиз. 1940. 312 стр. с карт. и 2 вкл. л. карт. 50 000 экз. 4 р. 70 к.

Книга охватывает «период начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения

капитализма в СССР силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества»¹.

Книга разделена на 68 уроков, к каждому из которых даны методические указания для преподавателя, план и содержание урока, литература и хронология. Содержание урока представляет собой изложение хода исторических событий с их оценкой и анализом.

К 150-летию французской революции 1789—1794 годов. Сборник статей («Труды Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского». Т. VI). М. Изд. МИФЛИ. 1940. 290 стр. 300 экз. 7 руб.

Сборник содержит 9 статей: «Различие между революцией пролетарской и революцией буржуазной» (И. Галкин), «Французский материализм XVIII века и его влияние на развитие социалистических и революционно-демократических взглядов эпохи буржуазных революций» (А. Галарин), «Цели и требования крестьян в Бретонском восстании 1675 года» (Б. Поршнев), «Экономический кризис 1787—1789 годов» (Ф. Потемкин), «Политика европейских держав накануне и в первые годы французской революции» (Р. Авербух), «Вопросы истории Турции и колониальной политики Франции конца XVIII века в трудах Вольнея» (Н. Смирнов), «Взгляды Сен-Жюста в их связи с философией XVIII века» (К. Серебрянская), «Немецкие литературные современники французской революции» (Л. Копелев), «К. Ф. Д. Шубарт (1739—1791)» (статья Л. Копелева об одном из забытых немецких поэтов—современников французской революции 1789—1794 годов).

КОРОБКОВ Н. проф. Семилетняя война (действия России в 1756—1762 годах). М. Воениздат. 1940. 348 стр. с илл. и карт. и 3 вкл. л. карт. 9 руб.

В русской военной истории Семилетняя война занимает видное место. Русская армия решительно вмешалась тогда в вооруженную борьбу европейских государств и, действуя против могущественнейшей из армий того времени, руководимой королем прусским Фридрихом II, достигла крупных военных успехов.

Исследование проф. Н. Коробкова основано на изучении обширных литературных и архивных материалов (см. источники на стр. 338—347) и дает последовательное освещение причин, обусловивших войну и участие в ней России, состояния русской армии и армий ее противников,

¹ И. Сталин, С. Киров, А. Жданов «Замечания о конспекте учебника новой истории». «К изучению истории», стр. 26. Госполитиздат. 1938.

военных кампаний и их наиболее значительных эпизодов и условий заключения мира.

Книга рассчитана на военных историков и начальствующий состав Красной Армии, но ее охотно прочтет и подготовленный гражданский читатель, интересующийся военной историей СССР.

КАРА-МУРЗА Г. С. Лекции по истории Китая в средние века (Цикл лекций по курсу истории восточного средневековья, прочитанный на II курсе исторического факультета Московского государственного университета в 1939—1940 учебном году). М. Изд. МГУ. 1940. 112 стр. 105 экз.

В восьми лекциях книга дает основные сведения о внешних и внутренних событиях истории Китая и о развитии культуры китайского народа в III—XV веках.

Курс всеобщей истории. Древняя история (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б)). М. 1940. 7000 экз. На правах рукописи.

Стенограммы лекций в Высшей партийной школе. После выхода в свет 7 первых лекций (в одной книге) проф. В. И. Авдиева, посвященных истории древнего Востока, вышли из печати лекции 8—23 курса древней истории, прочитанные проф. А. В. Мишулиным (в 13 брошюрах). Лекции 8—14 посвящены истории древней Греции, лекции 15—23—древнему Риму, в частности лекции 17—19 излагают историю восстаний рабов в древнем Риме и аграрного движения Гракхов.

ИГНАТОВИЧ Г. Гай Юлий Цезарь. М. Воениздат. 1940. 88 стр. с илл., черт. и карт. 1 р. 25 к.

Краткий популярный очерк жизни и деятельности великого полководца древнего Рима (100—44 до н. э.). Главное внимание автор уделяет военной деятельности Цезаря.

КАПАНЦЯН Г. проф. Хеттские боги у армян в связи с хеттским влиянием на армян и генезисом армянского пантеона вообще. Ереван. Изд. Ереванского государственного университета. 1940. 78 стр. 500 экз. 5 руб.

Тема, освещенная в книге, неразрывно связана, как указывает автор, с историей формирования армянского народа, начиная с древнейших моментов его исторического становления (примерно за 2 тысячи лет до нашей эры). Помимо вопроса о формировании армянской мифологии под влиянием хеттской в книге рассмотрены хеттизмы древнеармянского языка и проблема иранских влияний на армянский пантеон.

Первоначально работа была опубликована в XIV томе «Трудов» Ереванского государственного университета.

ВЫХОД В СВЕТ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА (февраль 1816 года)

В 1816 году вышли из печати первые 8 томов «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Над ними историк работал с 1804 года. В 1818 и в 1819 годах вышло второе издание этих томов. 9-й том вышел в 1821 году, 10-й и 11-й томы — в 1826 году. Последний, 12-й том был издан после смерти автора по оставленным им рукописям. К составлению «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзин подошел как к важнейшему делу своей жизни, оставив во имя этого все свои другие дела, в том числе литературно-художественную деятельность, создавшую ему широкую известность в России. О значении, которое придавал Карамзин занятиям историей, можно судить по словам, предпосланным им своему труду:

«История в некотором смысле есть священная книга народов, главное, необходимая; зеркало их бытия и действительности; скрижалю откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей».

«История Государства Российского» является крупным памятником дворянско-помещичьей историографии. Опираясь на исторический материал, Карамзин стремился доказать в своем труде целесообразность самодержавия, крепостничества и угнетения нерусских национальностей.

Исторические работы Карамзина подверглись в связи с их политической направленностью резкой критике со стороны декабристов и Пушкина.

Исторический труд Карамзина несмотря на его реакционное направление сыграл большую роль в развитии исторической науки.

Работая над «Историей», Карамзин отыскал неизвестные летописные своды, множество новых документов и никак не изученных материалов; он систематизировал их и поместил в примечаниях к основному тексту «Истории».

Много томный труд Карамзина является литературно-художественной переработкой недоступного до этого широкому читателю сложного исторического материала.

«Примечания» его, насыщенные богатейшим документальным материалом, долго заменяли для изучавших историю недостающие первоисточники и до сих пор сохранили свое значение.

СТАЧКИ НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ (февраль 1916 года)

Две стачки на Путиловском заводе в феврале 1916 года сыграли крупную роль в

борьбе российского пролетариата за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Обе они были направлены против попыток милитаризации промышленности, предпринимаемых царским правительством и означавших для рабочего класса лишение его всех и без того незначительных прав, разоружение его перед лицом безудержно возрастающей эксплуатации капитала.

В октябре 1915 года главный начальник Петроградского военного округа генерал Туманов издал приказ, согласно которому рабочие-военнообязанные в наказание за участие в стачках подлежали отправке в действующую армию. Когда рабочие электрического цеха Путиловского завода, особенно нещадно эксплуатировавшиеся, предъявили 4 февраля 1916 года ряд экономических требований, администрация ответила отказом и угрозой применения приказа Туманова. В ответ на это забастовали все цеха завода. Администрация объявила локдаун, рабочие были уволены, сотни из них были направлены на призывные пункты. Но ни угроза отправки на фронт, ни последовавшие аресты не сломили боевого духа рабочих: движение распространилось на другие заводы Петрограда. По призыву Петроградского и Нарвского районного комитетов большевиков в Петрограде началась стачка протеста с требованием отмены приказа Туманова. На митингах на крупнейших заводах Петрограда («Новый Айваз», старый и новый «Леснер», «Парвайнен», металлический и др.) выносились резолюции протеста против милитаризации.

Весь февраль на Путиловском заводе рабочие волновались: предъявляли требования, устраивали «итальянские забастовки». Не получая от администрации ответа на свои требования, они 22 февраля вновь начали стачку. Администрация вновь объявила локдаун, в солдаты было отдано до 2 тысяч человек. На стачку солидарности поднялось около 150 тысяч рабочих Петрограда: впервые за все время войны стачка приняла такой размах. Бастовали рабочие почти всех крупных заводов Петрограда. Руководство находилось в руках Петербургского комитета большевиков. Стачка на Путиловском заводе закончилась лишь в начале марта.

После февральских стачек правительство, напуганное борьбой рабочих, секвестрировало завод. Февральские стачки, в которых с большой силой проявилась революционная солидарность петроградских рабочих, были для них серьезной подготовкой к решающим битвам против самодержавия и против капитала.

ЛИТЕРАТУРА: «История Путиловского завода», стр. 555—564. Соцэклиз. 1939; «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны»;

стр. 143—155. Лениздат. 1939; «Листовки петербургских большевиков 1902—1917», стр. 194—203. Огиз. 1939; «Большевики в годы империалистической войны», стр. 101—103. Огиз. 1939.

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГРУЗИИ

(Февраль 1921 года)

25 февраля 1921 года власть грузинских меньшевиков была свергнута и в Грузии была провозглашена Советская социалистическая республика.

После февральской буржуазно-демократической революции 1917 года власть в Грузии захватила национальная буржуазия в лице грузинских меньшевиков. «Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать февральскую революцию для образования «своего» национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов» (И. Сталин). Господство меньшевиков в Грузии затянулось на три года. За это время они не осуществили даже задач буржуазно-демократической революции.

Крестьяне попрежнему были лишены земли, а помещики остались на своих местах. Рабочие подвергались жестокой капиталистической эксплуатации и кровавым репрессиям. Народное хозяйство находилось в катастрофическом состоянии. Страна переживала культурный упадок. Меншевицкое правительство, будучи полностью оторвано от народных масс, оказалось неспособным решить серьезные политические задачи и вынуждено было обратиться за помощью против «своих» рабочих и крестьян к западным империали-

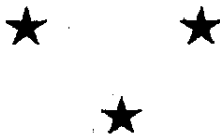
стам. Грузинские меньшевики явились агентурой иностранных империалистов (первое время германских, а затем английских и их союзников), которые распоряжались в Грузии как в собственной колонии. Из страны выкачивалось и вывозилось за границу в огромных размерах ценнейшее сырье.

Полное политическое падение грузинских меньшевиков дошло до того, что они заключили союз с белогвардейским генералом Деникиным.

Вся политика меньшевиков была направлена против рабочего класса и трудящегося крестьянства, против национальных меньшинств. Эта политика ускорила процесс большевизации широких народных масс Грузии. Влияние коммунистической партии непрерывно росло. В начале 1921 года грузинские большевики начали готовиться к вооруженному восстанию.

12 февраля 1921 года началось крестьянское восстание в Борчалинском уезде. 16 февраля в г. Шулаверах был создан Революционный комитет Грузии, который, выполняя волю трудового народа, обратился за помощью к командованию Рабоче-Крестьянской Красной Армии Советской России. При всемерном содействии Ленина и Сталина Советская Россия оказала грузинскому народу необходимую помощь. Красная Армия под руководством Серго Орджоникидзе навсегда изгнала из Грузии меньшевицких предателей. Советская власть в Грузии восторжествовала.

ЛИТЕРАТУРА: И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 69—77. «Октябрьский переворот и национальный вопрос». Госполитиздат. 1939. В. М. Молотов «Статьи и речи (1935—1936)», стр. 225—228. Речь на приеме делегации Советской Грузии руководителями партии и правительства 27 января 1936 г. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

Содержание

Приветствие ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР товарищу Клименту Ефремовичу Ворошилову	3
И. БЕРХИН — Юношеские годы К. Е. Ворошилова	4
С. ГОПНЕР — Борьба Ленина и Сталина за единство партии в период X съезда РКП(б)	14
М. МОСКАЛЕВ — Фридрих Энгельс и группа «Освобождение труда»	23
Я. ЛИНКОВ — Крепостное крестьянство в России накануне реформы 1861 года	31
Н. ДАЙРИ — Вильнюс (историческая справка)	43
Е. ШТЕЙНБЕРГ — Война Афганистана за независимость в 1878—1880 годы	56
Б. ГОРЯНОВ — Иконоборческое движение в Византии	68
С. ТЮЛЯЕВ — Археологические открытия в Индии	79

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Н. КАЗЬМИН — Период второй передышки (IX съезд большевистской партии)	90
А. КРОНГАУЗ — Фабрично-заводские и ремесленные ученики в царской России	99

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

А. ФОХТ — О работе с учебником по истории СССР в IX классе	112
И. МЕРЗОН — Первые итоги работы с учебником по истории древнего мира	117
А. СТРОГАНОВ — О самостоятельной работе учащихся VIII класса над учебником новой истории	120
Памяти выдающегося историка	124

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

проф. В. СЕРГЕЕВ — История античного мира в средней школе	125
Е. КОСМИНСКИЙ — Об «Истории средних веков»	127
А. ШЕСТАКОВ — Революционная Москва	131
Л. ЛИФШИЦ — Драгоценный вклад в марксистско-ленинскую науку	136
Л. ЛЕОНАРДОВ — Краткий философский словарь	143
Н. КОСОРЕЗ — К истории революции 1820—1823 годов в Испании	147
Новинки исторической литературы	153

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

Адрес редакции: ул. «Правды», 24, комната 809, тел. Д 3-30-48,
Д 3-36-50.

Ответственный редактор — Б. М. ВОЛИН

Зам. редактора — С. И. Гопнер

Отв. секретарь — О. С. Вейланд

А 35991. Изд. № 183. Зак. 4523. Тираж 50 000
Подписано к печ. 24/II—1941 г. 10 печ. л. 70 800 зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24

20

*Ежемесячный научно-популярный
иллюстрированный*

Исторический ЖУРНАЛ

Исторический ЖУРНАЛ

ведет пропаганду исторических знаний: освещает вопросы истории СССР, всемирной истории (древней, средней, новой и новейшей), уделяет особое внимание истории ВКП(б), освещает историю международного революционного движения, вопросы истории мировой культуры и исторической науки, отводит видное место вопросам критики и библиографии исторической литературы, ведет работу по обобщению опыта преподавания истории в школе, информирует о работе исторических учреждений и дает на страницах журнала консультацию по вопросам, поставленным читателями.

Исторический ЖУРНАЛ

освещает все эти вопросы на основе учения марксизма-ленинизма—диалектического и исторического материализма, на основе положений «Краткого курса истории ВКП(б)», директив товарища Сталина, ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам изучения и преподавания истории.

Исторический ЖУРНАЛ

рассчитан на советскую интеллигенцию, особенно на преподавателей истории, пропагандистов, партактив и советское студенчество.

